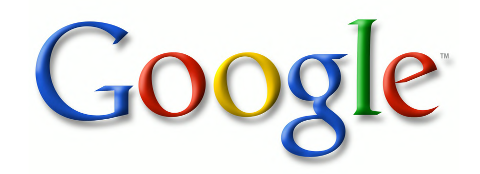
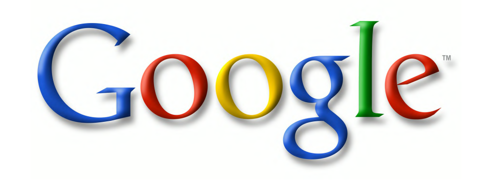
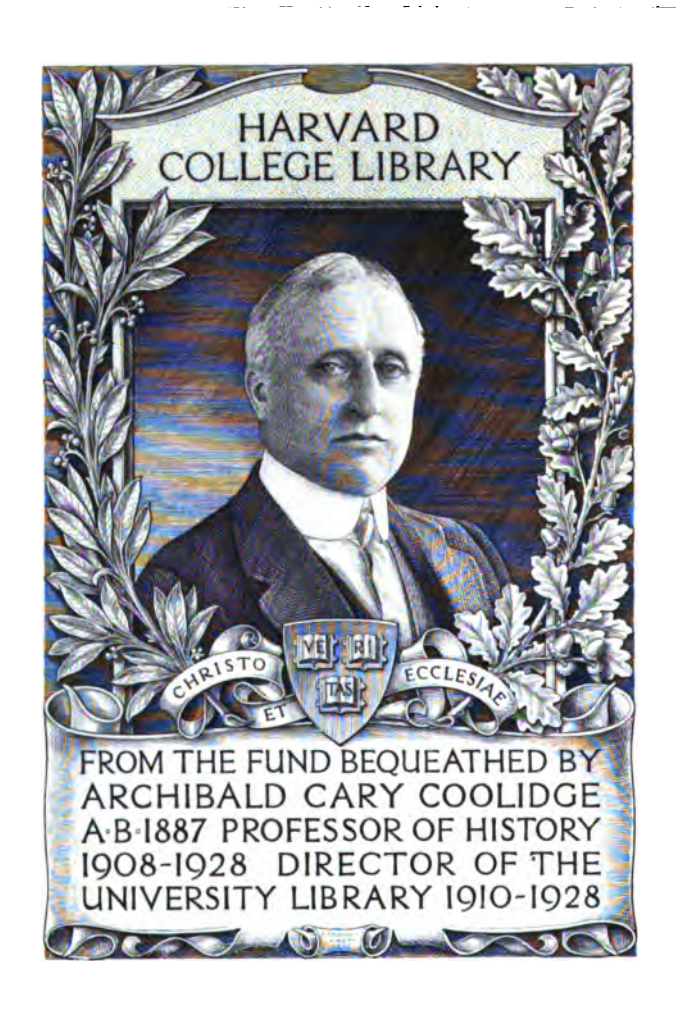





HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская ул., собств. домъ.
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1893.

Москва. Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НАШИ ЛЮДИ *).

(Повѣсть).

XIX.

Сѣни идутъ, широкіе и парадные, далеко въ глубь. Тамъ возвышается на пьедесталѣ мраморная ваза, у лѣстницы, ведущей въ бельэтажъ, покрытой ковромъ съ темными разводами.

Слѣва, у входнаго барабана, узкое старинное зеркало съ подзеркальникомъ, на которомъ лежатъ афиши. Направо — большая вѣшалка съ перилами изъ ясеневаго дерева. За ними стоятъ два помощника швейцара въ длинныхъ темно-зеленыхъ ливреяхъ, безъ всякихъ украшеній, вродѣ пальто, и въ такихъ же темно-зеленыхъ высокихъ фуражкахъ со значками. Они похожи другъ на друга: оба черноватые, въ усахъ, безъ бакенбардъ, одного роста, еще молодые.

Главный швейцаръ, въ цвѣтной ливреѣ, сѣденькій и пожилой, изъ заслуженныхъ унтеровъ, съ золотою медалью на шеѣ и множествомъ солдатскихъ медалей на груди, также въ форменномъ картузѣ, прохаживается мелкими шажками. Лицо у него еще бодрое, но худое, взглядъ степенный и ласковый. Во всей его посадкѣ чувствуется служивый, уже долго занимающій почетный «постъ» въ зданіи, гдѣ живетъ высшее лицо управленія.

На дворѣ морозъ градусовъ въ двадцать. Стекла оконъ и дверей заиндевѣли. Было часовъ около двѣнадцати утра.

На диванѣ, у зеркала, ближе къ углу, откуда заворотъ въ нижнее помѣщеніе, гдѣ канцелярія, дожидался Викторъ въ свѣтлосиней ливреѣ съ мѣховою пелеринкой и держалъ шубу барыни. Она что-то засидѣлась.

---

*) *Русская Мысль*, кн. I.

«Управляющій»,—такъ называетъ сановника швейцаръ и вся прислуга,—принимаетъ съ десяти. Просителей было не очень много... Должно быть, Аделаида Николаевна разливается тамъ, «болты болтаетъ»,—подумалъ непочтительно Викторъ.

Она пріѣхала за кого-то просить. Разумѣется, отъ нечего дѣлать. Своего-то коренного дѣла никакого нѣтъ, скука ей «смердящая», молодые мужчины на нее смотрятъ уже какъ на *маманъ*,—въ умѣ выговорилъ онъ,—вотъ она теперь и ударилась въ хлопоты, покровительство оказываетъ, ѣздитъ въ пріюты и на засѣданія «по базарной части»,—такъ Викторъ называетъ, про себя, хлопоты по устройству благотворительныхъ базаровъ.

Выѣздовъ стало гораздо больше къ святкамъ, и онъ безпрестанно торчитъ на козлахъ. На свою голову настаивалъ онъ на томъ, чтобы господа взяли мальчика. Теперь онъ—гораздо больше «выѣздной», чѣмъ оффиціантъ. Мальчишка Алешка—выдался шустрый, но плутяга, сейчасъ раскусилъ, что его бѣлокурая розовая мордочка понравилась барынѣ. Она его кличетъ, въ шутку, «Алексисъ», приказала нашить ему манишекъ съ воротниками и манжетами, одѣваетъ, какъ куколку, на побѣгушкахъ онъ тоже не состоитъ,—барыня жалѣетъ посылать его въ «такіе морозы», а небось его, Виктора, не жалѣетъ и каждый день рыщетъ по городу. Вотъ сейчасъ они сдѣлали конецъ «здоровенный»,—были у Таврическаго сада. Ливрея на ватѣ, а не на мѣху. Правда, воротникъ грѣетъ достаточно лицо, но въ спину забирается морозъ; ноги тоже холодѣютъ, даромъ что на немъ шерстяные носки и калоши.

Онъ всегда былъ зябкій. Согрѣваться водкой не желаетъ, да еслибъ и хотѣлъ, такъ гдѣ же тутъ согрѣться,—отъ кареты не убѣжишь!

Въ теплыхъ сѣняхъ казеннаго дома Викторъ согрѣлся и даже ноги перестали зудѣть. Онъ сидѣлъ, въ шляпѣ съ галуномъ, опершись о спинку дивана, и оглядывалъ то, что передъ нимъ происходитъ.

Эта «арава» швейцаровъ показалась ему непростительнымъ баловствомъ. И одному-то нечего дѣлать. Навѣрное, есть полотеры и дневальные—мести полъ, выбивать половики и ковры. Эти только отворяютъ и затворяютъ дверь, да снимаютъ верхнее платье.

Внизу, положимъ, канцелярія, но народу тамъ не можетъ быть много: это сейчасъ видно по вѣшалкѣ. Ну, просители... Опять же, въ извѣстные дни, разъ, много два раза въ недѣлю. Съ обѣда и до поздней ночи—какая же служба, кромѣ дней, когда есть большіе пріемы?... Самая пустая.

А ихъ трое. И они себя считаютъ на казенной службѣ, смотрятъ на себя какъ на чиновниковъ, нужды нѣтъ, что съ каждаго посторонняго норовятъ получить на чай. Рѣдкій кто не дастъ.

Всякое положеніе казалось Виктору лучше его собственнаго, и ни за какимъ служителемъ, будь онъ хоть съ головы до пояса увѣшанъ знаками отличія, онъ не признавалъ своихъ достоинствъ: ума, сноровки, тонкаго обращенія и знанія всего того, что̀ составляетъ высшій порядокъ въ хорошемъ господскомъ домѣ.

Давно и ему надо бы занять довѣренное мѣсто вотъ въ такомъ казенномъ домѣ, при особѣ высшаго сановника.

Ну, кто эти швейцары? Старшій—какъ есть, «унтеръ». Такіе берутъ только своею солдатскою муштрой передъ всякимъ начальствомъ. Но въ такихъ военныхъ старичкахъ,—все равно, что въ бывшихъ крѣпостныхъ, вродѣ ихъ повара Порфирьича,—Викторъ презиралъ «подхалимство». Они родились въ «рабскомъ званіи» и собственнаго гонора нѣтъ въ нихъ ни на полушку. Только и разговору, что про господъ своихъ, да про командировъ, въ приторномъ или хвастливомъ тонѣ. И гордость-то вся, кто у кого въ дворнѣ родился. Преданность собачья, дурацкая. Баринъ весь вѣкъ его въ усъ да въ рыло тыкалъ или на конюшнѣ дралъ, а онъ о немъ со слезами поминаетъ и въ поминальную книжку записываетъ. Также точно и такіе вотъ старые хрычи, изъ унтеровъ, какъ этотъ главный швейцаръ. Разговорись съ нимъ и сейчасъ начнетъ хвастать, какіе у него командиры были. А командиры съ него нѣсколько шкуръ содрали, когда онъ молодымъ солдатомъ былъ, въ «николаевское время»,—это выраженіе было прекрасно извѣстно Виктору и онъ самъ его часто употреблялъ.

Другое дѣло—поставить на видъ, какъ онъ, Викторъ, дѣлаетъ: въ какихъ онъ домахъ служилъ и сколько жалованья получалъ. Это значитъ цѣну себѣ знать и давать чувствовать, каковъ онъ есть человѣкъ. Чѣмъ домъ богаче, знатнѣе, тѣмъ и порядокъ въ немъ моднѣе и тоньше. Это все равно, что побывать у француза парикмахера или повара въ обученіи. За это и цѣна тебѣ другая. Но никакого «слюняйства» онъ не имѣетъ и не желаетъ имѣть. Онъ, слава Богу, въ крѣпостномъ званіи не родился, отъ военной службы тоже ушелъ и происходитъ изъ мѣщанскаго званія. Выиграй онъ на билетъ,—у него есть билетъ второго займа,—хоть десять тысячъ, сейчасъ же взялъ, да и вписался въ купеческую гильдію. И пріѣхалъ, вотъ, по дѣлу, въ этотъ же казенный домъ и бросилъ на водку этому самому старшему швейцару цѣлыхъ два двугривенныхъ.

Виктору хотѣлось курить, но онъ не будетъ выходить на морозъ. Если онъ замѣтитъ, что кто-нибудь изъ этихъ служителей закуритъ, хотя бы и въ углу, онъ и безъ позволенія сдѣлаетъ то же.

Конечно, при вѣдомствѣ состоять куда пріятнѣе, чѣмъ носить господскую ливрею и дрогнуть на козлахъ... Безъ протекціи—не попадешь... Эти двое молодыхъ помощниковъ швейцара, навѣрное, изъ дѣтей служительской команды того же вѣдомства. Отъ отца къ сыну и переходитъ служба. Съ воли попасть дьявольски трудно, положимъ, хоть въ капельдинеры... Тоже дармоѣды порядочные: не знаютъ ни ѣзды, ни поздняго жданья въ переднихъ и сѣняхъ. Только по вечерамъ стой у входа или у вѣшалки и клади въ карманъ двугривенные. Днемъ легкое дежурство у начальства—вотъ и все. И пенсія, и награды, и медаль тебѣ повѣсятъ такую же, какъ у этого стараго унтера.

Викторъ все раздражался и въ его красивыхъ и дерзкихъ глазахъ мелькала ядовитая усмѣшка. Будь это простая прислуга, ему уже давно бы предложили выкурить папироску.

«И чего важничаете?—далъ онъ на нихъ окрикъ, про себя.—Такіе же *лакуціи*, какъ и другіе прочіе, да и лакуціи-то не перваго сорта!»

XX.

Съ лѣстницы сбѣжалъ высокаго роста и худой лакей, въ ливрейномъ фракѣ, обшитомъ галуномъ, въ короткихъ бархатныхъ штанахъ и высокихъ шеколадныхъ штиблетахъ.

Викторъ взглянулъ на него быстро и вбокъ, и внутри у него защемило еще сильнѣе.

Лакей былъ пожилой, съ полусѣдыми, зачесанными впередъ висками и длинными «баками». Морщинистое лицо застыло въ особую мину брезгливой чванности. Этотъ еще сильнѣе сознаетъ то, что онъ на службѣ.

«Красное-то брюхо вздѣлъ на себя и радъ!» — злобно выговорилъ, про себя, Викторъ.

Красный жилетъ съ позументомъ выставлялся изъ-подъ бортовъ ливрейнаго фрака, при бѣломъ галстукѣ и высокихъ воротничкахъ.

— Карета подана?—кинулъ лакей съ послѣдней ступеньки лѣстницы.

— Еще не видать,—откликнулся одинъ изъ «шинельныхъ».

— Сбѣгай, голубчикъ. Скажи, что графъ сегодня раньше выѣдетъ, чтобы ровно въ двѣнадцать была подана.

Одинъ изъ помощниковъ швейцара лѣниво пошелъ ко входной двери.

Лакей совсѣмъ спустился съ лѣстницы и, зайдя немного за мраморную вазу, въ углубленіи, вынулъ папиросу и сталъ закуривать.

— Продышаться желаете, Иванъ Денисовичъ?—спросилъ его старикъ швейцаръ.—Тамъ-то несподручно... У насъ воздуху—сколько!

И онъ указалъ вверхъ рукой.

«Почему же и мнѣ не закурить?» — подумалъ Викторъ и, обратившись къ старшему швейцару, небрежно выговорилъ:

— Одолжите и мнѣ огоньку... Спичекъ я не захватилъ.

Старичокъ поглядѣлъ на него прищурившись и двойственно усмѣхнулся.

— Туда бы отойти... Неравно кто сойдетъ сверху.

Викторъ хотѣлъ сказать: «экая важность», но воздержался, положилъ шубу барыни на ясеневый диванъ и самъ отошелъ къ вазѣ и сталъ по другую ея сторону.

Ливрейный лакей поглядѣлъ на него вбокъ и скосилъ свой сухой ротъ, торопливо затягиваясь дымомъ папиросы.

«Экъ кобенится... форменнымъ чиновникомъ себя считаетъ!»—подумалъ Викторъ и готовъ былъ обругать его.

Тотъ отвернулъ отъ него лицо и спросилъ обоихъ швейцаровъ вполголоса:

— Слышали, небось, исторію-то?

Старичокъ и его помощникъ пододвинулись къ нему. Въ ихъ однообразной жизни всякій слухъ былъ вкуснымъ гостинцемъ.

— А что?—спросилъ старичокъ.

— У князя-то Кузембекова на охотѣ?

— Нѣтъ, ничего что-то...

За старичка отвѣтилъ помощникъ.

— Ловчаго, говорятъ, до полусмерти застрѣлилъ... невзначай,—выговорилъ лакей и подмигнулъ,—а въ городѣ разсказываютъ, съ намѣреніемъ... Вотъ сейчасъ въ пріемной двое господъ объ этомъ шептались.

— Изъ-за чего же?

Старикъ вскинулъ на лакея своими слезливыми глазами и натрилъ и безъ того морщинистый лобъ.

— Такой баринъ... Пойдетъ ли на душегубство?... Это, вѣдь, прежнія времена... Да и тогда... Развѣ сгоряча...

— Сгоряча ли, нѣтъ ли, — продолжалъ лакей, бросая окурокъ папиросы въ уголъ, но еще не собрался уходить.

Онъ вышелъ изъ-за вазы и разсѣлся на томъ мѣстѣ, гдѣ только что сидѣлъ Викторъ, продолжавшій курить и жадно прислушиваться.

И онъ смертельный былъ охотникъ до исторій, гдѣ господа и «люди» замѣшаны одинаково, не для того, чтобы, какъ вотъ этотъ безмозглый унтеръ, защищать господъ или разводить руками и отдѣлываться всякими бабьими прибаутками,—нѣтъ, онъ не признаетъ никакой разницы между собою и какимъ угодно бариномъ или барыней. Отчего же и служительской братіи не тягаться съ господами? Онъ уже слыхалъ что-то про эту исторію на охотѣ. Тутъ дѣло идетъ, пожалуй, не о томъ только, что князь вспылилъ и на грубый отвѣтъ своего ловчаго выпалилъ въ него. А, можетъ быть, ловчій-то у него отнялъ любовницу или вродѣ того?

— Что же господа-то говорили? — стремительно спросилъ помощникъ швейцара, выставляясь всѣмъ туловищемъ изъ-за ширмъ вѣшалки.

— А то, что князь-то сумнѣніе возъимѣлъ насчетъ княгини.

— И-и...—протянулъ въ недоумѣніи швейцаръ.

— Очень просто!—выговорилъ значительно Викторъ съ своего мѣста и засмѣялся.

— А вы знаете, въ чемъ тутъ дѣло?—простовато освѣдомился у него швейцаръ.

Лакей опять поглядѣлъ на него вбокъ: «что, молъ, ты вмѣшиваешься, коли съ тобой не разговариваютъ?»

— Не знаю доподлинно, но только кое-что слыхалъ... Ловчій-то, должно быть, къ ней въ любовники попалъ.

— Ну, ужь и въ любовники,— медленно выговорилъ, поеживщись, старшій швейцаръ.—Не нашла она лучше.

— Это на охотника-съ,— отвѣтилъ также увѣренно Викторъ, и въ груди у него точно зажгло. Онъ всѣмъ своимъ существомъ сознавалъ возможность и самому очутиться такимъ ловчимъ, котораго отличила княгиня.

— Извѣстно, — подтвердилъ помощникъ швейцара и сдѣлалъ жестъ правою рукой.—Вы, небось, помните, Лукьянъ Петровичъ,— обратился онъ подчиненнымъ тономъ къ старику, — года никакъ три, а то и побольше... тоже исторія-то была... На весь городъ прогремѣла...

— Какая? — строго остановилъ его лакей, все еще сидѣвшій на диванѣ.

— А насчетъ барыни... вотъ фамилію я забылъ... тоже ни-какъ княгиня... и выѣздного. Какъ онъ скоропостижно умеръ... и въ какомъ мѣстѣ?

— Въ какомъ?—спросилъ старшій швейцаръ.

Въ эту минуту изъ входной двери вошелъ второй помощникъ швейцара, а сверху послышались шаги.

— Сейчасъ подаютъ,—сказалъ шинельный лакею.

Тотъ лѣниво поднялся.

— Ваша барыня,—окликнулъ старичокъ Виктора.

Когда Аделаида Николаевна, разодѣтая и съ лицомъ, пошедшимъ пятнами отъ разговора изъ-подъ слоя пудры, сошла въ сѣни, ея человѣкъ уже стоялъ съ ротондой на бѣломъ баранѣ.

— Куда прикажете?—спросилъ онъ ее въ полголоса, накидывая на нее ротонду.—Домой?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я еще въ двухъ мѣстахъ должна быть: сначала заѣхать къ Аничкову мосту, а оттуда на Англійскій проспектъ.

«Ближнее мѣсто!»—оборвалъ ее мысленно Викторъ и побѣжалъ къ подъѣзду, куда одинъ изъ шинельныхъ уже выбѣжалъ и крикнулъ:

— Подавай! Карета!

Опять на козлахъ Викторъ, уходя бритыми щеками въ скунсовую пелеринку, не могъ отдѣлаться отъ мыслей, вызванныхъ въ немъ разговоромъ въ сѣняхъ, исторіей про ловчаго и напоминаніемъ о томъ, какъ и гдѣ нашли ту, другую барыню съ своимъ выѣзднымъ.

Онъ отлично все это припомнилъ и могъ бы разсказать во всѣхъ подробностяхъ. И фамилія той барыни ему извѣстна.

А чѣмъ же такой выѣздной могъ быть лучше его? Поди, былъ и старше, и собою менѣе красивъ, и не такъ ловокъ и воспитанъ, какъ онъ.

Для него всѣ такія исторіи — только доказательства вѣрности его глубокаго убѣжденія въ томъ, что пришла пора считаться съ ...сподами, посягать, бросить прежнія рабскія чувства и брать все, ...о только можно достать руками или умомъ, дерзать и «ловить ...ментъ!»—воскликнулъ онъ, вспомнивъ выраженіе, вычитанное ... какомъ-то фельетонѣ его *Газетки*.

Неужели считать вотъ такую вздорную и отцвѣтшую, ничего не ...ющую барыню, какъ та, что сидитъ въ каретѣ, за существо ...бой породы?

«Какъ бы не такъ!» — пробормоталъ онъ и съежился отъ морознаго вѣтра, хлеставшаго ему въ глаза.

А ты торчи въ лакейской сбруѣ на козлахъ и мерзни, будь «лакуціемъ» за какихъ-нибудь двѣ красненькихъ въ мѣсяцъ.

XXI.

И вечеромъ того же дня Викторъ опять, съ шубами барыни и барышни, стоялъ на площадкѣ большой лѣстницы, гдѣ ливрейная прислуга обсѣла всѣ ступеньки и обширныя сѣни.

Около него на окнѣ помѣстились еще два выѣздныхъ. Съ однимъ онъ уже и прежде водилъ знакомство. Его звали Никаноръ; служилъ онъ у старой барыни-вдовы, богатой франтихи, рыскающей по всѣмъ театрамъ, концертамъ, базарамъ, вечерамъ. Она притирается и на видъ ей, при вечернемъ освѣщеніи, не больше лѣтъ сорока, тянется въ рюмочку.

Викторъ догадывался, что этотъ выѣздной «на особомъ положеніи» у барыни. Ужь очень она ласково съ нимъ обходится и беретъ его всегда съ собою, а дома у нея никакъ еще двое людей. Изъ себя онъ видный, но лицо красное, грубоватое, толстыя губы и настоящія лакейскія баки. Мало ли что! Полюбится сатана...

Зналъ онъ про Никанора, что тотъ большой картежникъ; лѣтомъ и въ тотализаторъ играетъ. Вотъ и сейчасъ онъ ужь подбивалъ его и другого лакея спуститься внизъ и перекинуться въ три листа или въ «макао» — барская клубная игра, уже перешедшая въ лакейскія. Съ нимъ всегда и колода картъ.

Разговоръ шелъ весело. «Каторжные» морозы ругали, посудачили насчетъ жалованья и службы, про пожаръ говорили и про то, кому выпалъ выигрышный номеръ въ двѣсти тысячъ... Какому-то мѣнялѣ.

— Вотъ бы такого сократить! — вырвалось у Виктора. — Мѣняло, поди, изъ бѣлыхъ голубей, съ большою печатью. И безъ того деньжищъ—куры не клюютъ, а тутъ двѣсти тысячъ.

Билетъ второго займа онъ сколотилъ себѣ въ прошломъ году. Съ тѣхъ поръ было два розыгрыша—перваго марта и перваго сентября, и ему хоть бы пятьсотъ рублей досталось.

— Ваша барыня ничего не выиграла?—спросилъ Викторъ Никанора.

— Должны быть и у ней, — отвѣтилъ Никаноръ и пренебрежительно повелъ своими толстыми губами. — Только она шалая.. ничего не запишетъ, не справится вò-время... Въ прошломъ году

кто-то ей говоритъ, — какой-то писарекъ, что ли, въ банкирской конторѣ,—у васъ, молъ, сударыня, есть одинъ выигрышъ.

— Во сколько?—жадно перебилъ Викторъ.

— Да никакъ въ тысячу... А она и знать не знала.

Всѣ трое разсмѣялись, какъ смѣются взрослые и въ своемъ разумѣ люди надъ неразумными дѣтьми или полоумными.

«Шельма этотъ Никаноръ, — подумалъ сквозь смѣхъ Викторъ.—Держитъ себя такъ, что пилочкой не подточишь, подсмѣивается надъ барыней передъ нами, а мѣсто свое знаетъ, даромъ что она его при себѣ не въ однихъ выѣздныхъ держитъ. А, можетъ, и то, что ума у него не хватаетъ въ люди выйти, или она, хоть и шалая, держитъ его, все-таки, на лакейскомъ положеніи».

— Да еще что,—продолжалъ Никаноръ,—всего полгода осталось до десятилѣтнаго срока. И право-то бы потеряла на свой выигрышъ.

Опять они засмѣялись.

Ихъ всѣхъ разбирала—сверху до низу лѣстницы и вплоть до входныхъ дверей въ сѣняхъ — скука жданья и глухое раздраженіе противъ господъ. Каждый день тѣ «шляются» по вечерамъ да по театрамъ. Имъ тамъ весело, развалятся въ креслахъ, глазѣютъ на представленіе или по-французски между собою болтаютъ да «аршады-лимонады» пьютъ. Отъ нечего дѣлать да съ хорошихъ харчей мало того, что безъ театровъ жить не могутъ, да еще сами представляютъ комедію.

Многіе бывшіе тутъ лакеи знали, что и это—барскій спектакль съ благотворительною цѣлью; но одинъ на десятерыхъ слышалъ, какая пьеса и почему ее разыгрываютъ господа, а на казенный театръ она еще не попала.

Викторъ зналъ и то, и другое. Онъ сегодня еще въ своей *Газеткѣ* прочелъ про этотъ спектакль. И раньше читалъ толки о томъ, что пьесу не пропускаютъ на «Александринку». И заглавіе ея ему было извѣстно, отчасти и содержаніе.

— Долго они комедь будутъ ломать? — спросилъ Никаноръ и продолжительно зѣвнулъ.

— Цѣлыхъ четыре дѣйствія,— сообщилъ Викторъ.— Раньше ᵛваго часа не кончится.

— Да еще танцовать, небось, начнутъ.

— Нѣтъ, танцевъ на такихъ спектакляхъ не бываетъ. Это, дь, не въ благородкѣ или въ прикащичьемъ,— пояснилъ Вик- ᵛъ.

Играли господа все изъ самаго лучшаго общества. Сколько од-

нѣхъ репетицій было! И какая публика! По десяти рублей кресло. А, между тѣмъ, Викторъ соображалъ, что въ этой комедіи господа выставлены въ потѣшномъ видѣ. Ему бы хотѣлось проникнуть въ залу. Онъ любилъ театръ, но попадалъ въ него, какъ настоящій зритель, разъ въ полгода. Да и какъ попадешь? Сиди съ шубами въ корридорѣ, «дрыхни» или слушай, какъ господа горло дерутъ, вызывая пѣвцовъ и актеровъ или ладони себѣ отбиваютъ.

Вдругъ наверху раздался взрывъ смѣха пополамъ съ рукоплесканіями.

— Прорвало!—замѣтилъ Никаноръ.

Къ нимъ подсѣло еще двое лакеевъ, изнывавшихъ отъ скуки.

— Надъ собой хохочутъ,—тонко усмѣхнувшись, выговорилъ Викторъ.

— Какъ надъ собой?—спросилъ кто-то въ кучкѣ.

— Да, вѣдь, эту пьесу потому и не пускаютъ на настоящій театръ... Господа въ ней въ паскудномъ видѣ. И помѣшались на спиритизмѣ.

— Это насчетъ верченья?

— Ну, да... И разныя другія штуки выкидываютъ.

— Да вы нешто читали?

Вопросъ задалъ Виктору одинъ изъ подошедшихъ лакеевъ въ траурной ливреѣ съ бобромъ, безъ шляпы, молодой малый съ жиденькимъ голоскомъ.

— Читать не читалъ, а въ газетахъ разсказывали.

Опять глухой взрывъ донесся сверху.

— Любо имъ!

Никаноръ осклабилъ свой жирный ротъ.

— Что-жь? Пущай, ежели они надъ самими собою пріятно потѣшаются,—сказалъ унылымъ голосомъ лакей, сидѣвшій съ начала разговора на окнѣ, свѣсивъ ноги.

— Это они, господа,—пояснилъ опять Викторъ,—съ хитростью... Отводъ дѣлаютъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что дѣйствіе-то происходитъ въ Москвѣ. Вотъ они и хохочутъ. Это, молъ, не мы, не петербургскіе господа, а московскіе. Пускай блажатъ, мы не такіе.

Всѣ пятеро фыркнули.

— Да зачѣмъ же,—освѣдомился туповатый Никаноръ,—имъ самимъ трудиться, коли не позволяютъ представлять пьесу на казенныхъ театрахъ?

— Зачѣмъ?—Викторъ повелъ плечами.—Изъ моды... Мода

одолѣваетъ. Сочинитель прогремѣлъ. Только о немъ и разговоровъ. Такъ какъ же такую оказію пропустить? Всѣ кинутся... Содрать много можно. А такъ-то не очень нынче раскошеливаются на добрыя дѣла. Да и дѣла-то эти отъ блажи!

— Извѣстно!—подтвердилъ хмурый лакей, до тѣхъ поръ молчавшій.

Первое дѣйствіе кончилось. Наверху, на площадку, отворили съ обѣихъ сторонъ двери и много мужчинъ вышло курить. Показались и дамы. Тамъ стояло также нѣсколько ливрейныхъ лакеевъ.

Виктору надоѣло сидѣть. Онъ сложилъ шубы на окно и сказалъ Никанору:

— Вы здѣсь посидите?

— Куда же идти?... Въ картишки не желаете позабавиться...

— Я наверхъ... Тамъ промяться немножко.

— Идите... Я останусь. Все будетъ въ сохранности.

Викторъ расправилъ члены и весь потянулся. Отъ сидѣнья у него даже въ правой икрѣ пошли мурашки и нога какъ будто отнялась. Онъ нетвердою поступью сталъ поднимается наверхъ. И душно ему было въ ливреѣ съ этимъ «дурацкимъ» мѣховымъ воротникомъ.

На жаръ онъ былъ такъ же очень чувствителенъ, какъ и на холодъ. А какъ тутъ освободиться отъ этой сбруи? Разстегнуться—и того не полагается выѣздному лакею изъ хорошаго дома.

XXII.

У лѣвыхъ дверей, теперь настежь открытыхъ, стоялъ служитель въ черномъ фракѣ, для отбиранія билетовъ.

Викторъ тотчасъ же узналъ его.

Не такъ давно онъ попалъ въ маскарадъ въ Нѣмецкій клубъ, не съ господами, а самъ. Онъ тогда оставался одинъ. Господа—не Прунины, а другіе—рано уѣхали за границу на шесть недѣль и оставили его при квартирѣ.

Этотъ самый оффиціантъ служилъ тамъ при буфетѣ, и Викторъ съ нимъ разговорился. Послѣ того они еще встрѣчались.

Когда Викторъ, передъ началомъ спектакля, раздѣвалъ барыню и барышню на верхней площадкѣ, онъ не видалъ оффиціанта.

— Какъ живете-можете?—спросилъ онъ его, подавая ему руку.

Тотъ обрадовался.

— А!... И вы здѣсь съ господами...

— Да, вотъ въ мѣховой полости этой прѣю... И скука же смертная—ждать.

Мимо проходило много господъ, но оффиціантъ стоялъ безъ дѣла, контръ-марокъ не было, билетовъ онъ уже не спрашивалъ.

— Покурить не желательно?

— Курилъ,—съ какою-то недовольною миной отвѣтилъ Викторъ.

Онъ уже вошелъ въ первую проходную комнату, откуда черезъ двѣ арки видна была нижняя половина залы, гдѣ прохаживалась публика. Въ глубинѣ — прилавокъ съ фруктами и питьемъ и двѣ двери, ведущія въ буфетъ.

— Веселая комедь?—спросилъ онъ оффиціанта.

— Публика одобряетъ.

— Надъ кѣмъ же смѣются-то? Надъ самими собою?

Оффиціантъ простовато поглядѣлъ на него и не сразу понялъ его замѣчаніе.

— Я отсюда плохо вижу... а отлучиться нельзя... Вамъ хотѣлось бы поглядѣть?

— А развѣ можно?

«Людей» не видно было ни въ этой передней, ни въ корридорчикѣ, куда выходилъ рядъ ложъ нижняго яруса.

— Можно!

Оффиціантъ по-пріятельски кивнулъ ему.

— Вотъ погодите. Когда начнется дѣйствіе, я васъ проведу корридоромъ. Тамъ есть закоулокъ, около музыкантовъ. Оттуда изъ дверки все видно.

— А сбрую-то я эту куда дѣну? Вѣдь, въ ней совсѣмъ упрѣешь.

— Тамъ и сложите.

— Спасибо.

Виктору польстила такая любезность. Онъ, впрочемъ, не удивился ей: на свою братію производитъ онъ особое дѣйствіе всею своею особой—и на мужской, и на женскій полъ.

Антрактъ подошелъ къ концу. Когда всѣ уже прошли мимо— въ зрительное отдѣленіе залы и двери въ сѣни были опять затворены, оффиціантъ провелъ Виктора черезъ узенькій корридорчикъ позади ложъ бенуара. Въ концѣ они спустились нѣсколько ступенекъ. Тамъ, дѣйствительно, была маленькая каморка передъ входомъ въ оркестръ... Какіе-то двое мальчишекъ въ засаленныхъ блузахъ уже занимали ее. Это были, кажется, ученики газовщика.

Можно было пріютиться въ углу, а ливрею положить на широкій выступъ косяка. Мальчишкамъ, когда оффиціантъ ушелъ, Викторъ позволилъ прижаться къ стѣнкѣ, а самъ, пріотворивъ дверь, приставилъ къ ней единственный стулъ и собрался смотрѣть сидя.

Подняли занавѣсъ. Декорація представляла людскую съ русскою печкой. Слѣва сидятъ трое мужиковъ и прохлаждаются чаемъ. Кухарка ихъ угощаетъ.

Викторъ сейчасъ же сообразилъ, что̀ это такое, и все, читанное имъ въ *Газеткѣ* про комедію, вспомнилось ему еще отчетливѣе.

Это «мужичье»,—онъ такъ назвалъ его про себя,—сидитъ безъ полушубковъ, потѣетъ и про себя держитъ одно: какъ бы имъ покончить дѣло съ бариномъ насчетъ земли.

Ихъ говоръ,—господа играли хорошо, и это онъ сейчасъ же оцѣнилъ,—рожи, лапти и пестрядинныя рубахи кажутся и ему забавными. Онъ сталъ улыбаться, и когда раздался первый тихій взрывъ смѣха, онъ самъ захохоталъ.

Но ему ни капли не жаль этого мужичья. Къ нему онъ всегда относился свысока и безъ всякихъ «сантиментовъ». Ему и безъ того казалось «чуднымъ» и даже «идіотскимъ», что образованные люди, сочинители, господа съ титуломъ и въ чинахъ, такъ убиваются надъ мужиками. Только и свѣту, что «народъ». А чѣмъ же «люди», служительская братія, хуже вонъ этихъ трехъ уродовъ?... Чѣмъ?... Лакеи, горничныя, дворники, водовозы, кучера, полотеры—тотъ же «народъ», а о нихъ не сокрушаются. У мужика—земля; онъ—если онъ не пропойца—съ голоду не умретъ; а лакей—какъ только отнялись ноги—и по міру-то не пойдетъ.

Однако, игра и то, что̀ происходило на сценѣ, забирали его. Приходъ буфетчика оживилъ разговоръ. Этотъ буфетчикъ—простофиля,—думалъ Викторъ,—онъ слишкомъ усердствуетъ. И обидно ему было, что господа играютъ лакеевъ не такъ, какъ мужиковъ: тѣхъ норовятъ выставить какъ можно потѣшнѣе, а мужичье выходитъ у нихъ «симпатично»,—Викторъ любилъ это выраженіе.

Слово «макроба», вызвавшее громкій смѣхъ въ креслахъ, нашелъ Викторъ «каррикатурнымъ». Но онъ не могъ воздержаться отъ веселаго фырканья, когда въ людской начали отдѣлывать господъ и кухарка стала разсказывать, какъ господа одѣваются, какъ барышни проводятъ время, какъ онѣ тянутся и какъ играютъ въ ...тыре руки.

Сквозь невольный смѣхъ Виктора сначала коробило. Онъ нахо...ъ, что это со стороны господъ—«совершеннѣйшая глупость» ...зыгрывать самимъ такія комедіи. Послѣ того, какого же они ...чтенія хотятъ отъ прислуги? Вѣдь, не могутъ же они не догады...ться о томъ, что люди ихъ превосходно понимаютъ. Прежде они ...ъ амбицію свою соблюдали, а теперь сами дѣлаютъ потѣху ... того, какъ разная прислуга вмѣстѣ съ деревенскимъ мужичь-

емъ пробираетъ ихъ... Такъ бы, небось, не позволили издѣваться надъ господскимъ житьемъ и на Царицыномъ лугу, въ балаганахъ!

Что-жь, тѣмъ лучше. Вѣдь, онъ первый всегда думаетъ и говоритъ, что между «людьми», такими, по крайности, какъ онъ, и господами нѣтъ никакой разницы, кромѣ достатка, возможности нанимать прислугу. Ныньче и всякій разночинецъ кобенится и важничаетъ не меньше столбовыхъ дворянъ. Въ сущности, ему этотъ спектакль былъ пріятенъ. Только сочини онъ самъ такую комедію, онъ бы по-другому все это выставилъ.

Въ тайную мысль сочинителя Викторъ прекрасно проникалъ. Тому хочется не однихъ сытыхъ баръ осрамить, а возвеличить мужичье и такихъ, какъ онъ, показать «лодырями». У него въ пьесѣ такого именно сорта выѣздной. Викторъ даже покраснѣлъ, когда тотъ вошелъ въ людскую, за капустой для барышни: дѣлать тюрю. Ему показалось, что молодой баринъ, игравшій эту роль, похожъ на него и волосами, и ростомъ, и движеніями; даже фракъ на немъ такъ же сидитъ.

Ловко, спору нѣтъ, что пьянчуга-поваръ шипитъ на господъ и клянетъ ихъ за бездушіе. Гноили его тридцать лѣтъ около плиты, а теперь онъ нищій и пропойца съ Хитрова рынка. Но и этого повара Викторъ не можетъ жалѣть «какъ слѣдуетъ». На что̀ онъ жалуется? Что пенсіи ему нѣтъ? А дали бы ее, онъ, во-первыхъ, былъ бы такой же пьяница; во-вторыхъ, прославлялъ бы своихъ господъ. Всѣ бывшіе «дворовые» таковы. Душонка у нихъ рабская. Хвалятся только тѣмъ, у кого служили да кто отъ ихъ стряпни кушалъ.

И сцена, когда господа врываются въ людскую, распотѣшила его и онъ злобно вторилъ безпрестаннымъ взрывамъ смѣха и въ креслахъ, и въ ложахъ. «Гогочутъ» не одни мужчины: и барыни по ложамъ, въ брилліантахъ и декольте. Господская компанія, спустившаяся въ людскую, какъ есть шуты гороховые. Точно въ циркѣ, когда клоуны ворвутся въ кругъ и начнутъ кувыркаться. Только тѣ балаганятъ, а у этихъ баръ «полный сурьезъ».

И тутъ Викторъ проникъ въ «подвохъ сочинителя». Это ужь не надъ одними господами онъ издѣвается, а надъ ученостью. Ему бы только мужичье обсахарить и поставить выше всѣхъ—и господъ, и городской, нанятой прислуги. Такую «блажь» онъ отвергъ и счелъ ни съ чѣмъ не сообразнымъ «озорствомъ». Совсѣмъ не смѣшно то, что господа читаютъ книжки и боятся «микробовъ», а подло то, что такіе «люди», какъ онъ, должны пресмыкаться въ ничтожествѣ. До него этимъ тремъ мужикамъ далеко, какъ до звѣзды, и

будь онъ на мѣстѣ той барыни, онъ бы ихъ протурилъ сейчасъ изъ людской. Коли они изъ зараженной мѣстности, то и заразу съ собой принесутъ, а ужь блохъ сколько хочешь.

Послѣдній взрывъ хохота смѣшался съ апплодисментами и занавѣсъ упалъ среди ихъ треска.

XXIII.

Въ антрактѣ его могли хватиться за чѣмъ-нибудь. Надо отправляться на лѣстницу въ лакейской сбруѣ. Но онъ желаетъ всегда быть исправнымъ. Если его не найдутъ и барыня попеняетъ ему, это унизитъ его въ собственномъ мнѣніи. Ни въ чемъ онъ провиниться не можетъ и не долженъ.

Его возбудило то, что̀ онъ сейчасъ видѣлъ, и ему хотѣлось подѣлиться съ своею братіей. Только народъ-то все грубоватый, недостаточно грамотный, начиная съ Никанора.

Викторъ нашелъ его на томъ же окнѣ, дремлющимъ около шубъ.

Опять подошли человѣка два - три, а когда узнали, что онъ смотрѣлъ на представленіе, то всѣ осклабились и насторожили уши.

— У васъ, значитъ, протекція нашлась,—замѣтилъ одинъ изъ подошедшихъ лакеевъ.

Онъ былъ въ ударѣ. Господа такъ хорошо играли «людей» и мужиковъ, что отдѣльныя слова, самыя смѣшныя, засѣли у него въ памяти и онъ началъ передавать ходъ дѣйствія и разговоры въ людской.

Кухаркинъ говоръ выходилъ у него удачно и компанія, собравшаяся у окна, сдержанно гоготала. Имъ всѣмъ это было такъ близко и понятно.

Разумѣется, господа, особливо женскій полъ, ничего-то путнаго не дѣлаютъ и ни на какую порядочную работу не годны—не то что мужицкую, а и лакейскую. Всякая замухрышка - горничная, ужь о портнихахъ и говорить нечего, толковѣе и полезнѣе такихъ [illegible]рышень, которыя съ утра до вечера пьютъ кофеи и чаи, да ѣдятъ [illegible]ри, да лакомства, одѣваются и раздѣваются и по фортепьянамъ [illegible]ютятъ въ двѣ и въ четыре руки.

— Какъ, какъ?—спрашивалъ бѣлокурый тщедушный лакей,—[illegible]къ это, повторите, кухарка-то сказала?

— *Запузыриваетъ!*

— Ха, ха, ха! Ловко! Запузыриваетъ!

Имъ всѣмъ сдѣлалось такъ весело, точно они сами сидѣли въ зрительной залѣ и потѣшались надъ тѣмъ, что̀ идетъ на сценѣ.

Еще большій успѣхъ имѣлъ разсказъ о томъ, какъ барышню затягиваютъ въ корсетъ. Викторъ, подмигнувъ по-мужицки, выговорилъ, какъ бы дуя на блюдечко съ чаемъ:

— *Засупониваютъ*, значитъ!

Тутъ смѣхъ овладѣлъ всѣми, неудержимый и такой громкій, что кто-то снизу крикнулъ:

— Экъ ихъ тамъ разбираетъ!

— Засу...по...ниваютъ!...—повторялъ тщедушный блондинъ и качался отъ смѣха.—За...су...

Больше онъ не смогъ ничего выговорить.

Послѣ этого припадка смѣха всѣ невольно переглянулись и смолкли. Почти у всѣхъ было чувство отместки. Небось, теперь не станутъ господа требовать, чтобы прислуга передъ ними пресмыкалась, коли они сами про себя въ такомъ вкусѣ прохаживаются.

У одного только пожилого лакея, въ ливреѣ съ короткимъ капюшономъ, обшитымъ широкою тесьмой съ гербами, явилось на лицѣ выраженіе нѣкоторой не то горечи, не то брезгливости.

— Однако,—крякнулъ онъ,—не очень-то это ладно выходитъ, коли все оно, какъ вы представляете...

— Почему?—задорно спросилъ бѣлокурый лакей.

— И мы всѣ въ подчиненномъ званіи, и то свою амбицію имѣемъ,—продолжалъ пожилой лакей поучительно,—и ежели бы изъ насъ кто такую комедію написалъ на своего же брата, мы смотрѣть на нее, да еще за большія деньги, не пойдемъ. А это съ чѣмъ же сообразно? Послѣ того, коли у меня подъ началомъ есть кто-нибудь изъ прислуги, хотя бы мальчишка, онъ и мнѣ будетъ, походя, грубить: господа, молъ, сами себя срамятъ, а ты требуешь уваженія къ себѣ! Этакъ все по швамъ расползется,—закончилъ онъ ворчливою нотой и развелъ руками.

— Одно слово—баре,—сказалъ Никаноръ и презрительно повелъ толстыми губами.—Для нихъ все потѣха... Отъ скуки и самъ надъ собой потѣшаться будешь.

— Правильно,—подхватилъ бѣлокурый.

— Моду соблюдаютъ,—рѣшилъ опять Викторъ,—только она имъ не по плечу. Которые поумнѣе, тѣ раскусили, въ чемъ дѣло, и про себя злятся навѣрняка. И фортель у нихъ такой: это, молъ, не мы, не петербургскіе... Да хотя бы и мы, такъ оно насъ задѣвать не можетъ... Мы плевать на это хотимъ, и первые хохочемъ и хлопаемъ.

Его слушали внимательно. Никто изъ нихъ не могъ потягаться съ нимъ насчетъ «башки», да и языкъ у него хорошо привѣшанъ во рту; не уступитъ онъ по этой части никакому барину-краснобаю.

Съ верхней площадки свѣсилась голова оффиціанта, его знакомаго.

— Человѣка Пруниныхъ зовутъ,—громкимъ шепотомъ пустилъ онъ.

Викторъ поспѣшно всталъ, оправилъ ливрею, застегнулъ и верхнюю пуговицу и взбѣжалъ наверхъ съ поспѣшностью исправнаго выѣздного.

Вышла барышня, вся раскраснѣлась, руки голыя до локтей, грудь полуобнаженная и такая пышная, что никто бы ее не принялъ за барышню.

— Пріѣхала ли карета? Maman безпокоится.

— Ему приказано къ половинѣ одиннадцатаго, — отвѣтилъ Викторъ въ полголоса.

— Теперь уже есть... Узнайте.

— Слушаю-съ.

— А то Власъ всегда опаздываетъ...

Она не договорила, круто повернулась на очень высокомъ каблукѣ и поспѣшно ушла съ площадки.

«Тоже удовольствіе!—подумалъ Викторъ, нетерпѣливо спускаясь въ сѣни.—Иди, ищи карету, бѣгай по морозу!»

А къ ночи холодъ все крѣпчалъ. Кучеръ Власъ, уже старый и не прочнаго здоровья, отпросился домой: квартира была въ десяти минутахъ хорошей ѣзды. Врядъ ли раньше одиннадцатаго пріѣдетъ онъ. Да что имъ приспичило? Вѣдь, досидятъ, навѣрное, до конца, да еще болты болтать будутъ при разъѣздѣ. Для господъ самая сласть—стоять на лѣстницѣ и въ сѣняхъ и разговаривать, а въ это время карету гонятъ полиція и жандармы и еще разъ надо ей заѣзжать къ подъѣзду.

Власъ долженъ бы, по соображенію Виктора, дожидаться въ переулкѣ, на углу Морской. Но его могли угнать и къ Синему мосту или не допустить до переулка.

Рядъ каретъ тѣснился вдоль небережной. Викторъ сначала пошелъ по тротуару, со стороны Мойки, и кричалъ:

— Карета Пруниныхъ! Власъ, а Власъ!...

Но никто не откликался. Морозъ, навѣрное, градусовъ до двадцати пяти, захватывалъ ему дыханіе. Онъ ускорилъ шагъ. До самой Гороховой дошелъ онъ и вернулся назадъ, со стороны домовъ.

Въ переулкѣ зажгли костеръ. Нѣсколько кучеровъ окружали его. Тутъ же стояли трое дворниковъ, въ тулупахъ, и городовой.

За нѣсколько шаговъ Викторъ узналъ спину Власа, надѣвшаго подъ мѣховой армякъ еще поддевку. И старую шапку нахлобучилъ онъ на уши, чего барыня не любила и не позволяла ему, какъ было онъ вздумалъ надѣвать ночью тулупъ, къ чему онъ привыкъ, живя у купцовъ.

Виктору не особенно понравилось то, что кучеръ сейчасъ же, какъ пріѣхалъ, оставилъ лошадей и подошелъ грѣться. На кучеровъ, дворниковъ, водовозовъ онъ смотритъ какъ на «полумужичье». Они на то и созданы, чтобы выносить всякую погоду, спать на улицѣ, мокнуть и зябнуть.

«Какой же ты кучеръ, коли ты не выносишь холода?» А сидѣть на козлахъ по цѣлымъ часамъ, такъ, вѣдь, онъ въ кучерской «дрыхнулъ бы». Господамъ, разумѣется, ни тепло, ни холодно отъ того, что они прислугу морозятъ или гноятъ подъ дождемъ. Но возмущаться этимъ онъ могъ только за себя самого.

— Власъ!—окликнулъ онъ сзади.

— Подавать, что ли?

— Нѣтъ еще, аттанде... А вотъ бѣгаю, ищу тебя... Барыня безпокоится.

— По какой причинѣ?

Власъ поморщился.

— Пріѣхалъ ли, какъ приказано.

— Есть оказія!

Махнувъ рукой, Власъ опять повернулся къ костру.

Онъ говорилъ выѣздному «ты» и держалъ себя съ нимъ сухо. У него водились деньги; онъ давалъ въ ростъ, былъ непьющій и на овсѣ и сѣнѣ, разумѣется, имѣлъ процентъ.

— Гдѣ же ты станешь-то?—раздраженно спросилъ Викторъ, переходя къ тротуару.—Послѣ бѣгай за вами!...

— На углу, на томъ,—крикнулъ все такимъ же хмурымъ звукомъ Власъ и оттолкнулъ въ костеръ полуобгорѣлое полѣно.

XXIV.

Въ столовой, подъ яркимъ пламенемъ висячей лампы въ нѣсколько рожковъ, собралось все семейство Пруниныхъ послѣ спектакля. И сынъ Никсъ, правовѣдъ, уже довольно возмужалый, но еще съ серебряными петлицами на зеленомъ воротникѣ мундира. Сегодня онъ останется ночевать,—приходилось подъ праздникъ.

Гость былъ всего одинъ, пріятель Петра Александровича, Подрѣзовъ, инженеръ, лѣтъ подъ сорокъ, съ роскошною темнорусою бородой, плечистый, во фракѣ съ шелковыми лацканами и со множествомъ жетоновъ на часовой цѣпочкѣ.

Чай разливала Ольга Ѳедоровна. Ее на спектакль не брали.

Мальчикъ въ коричневой курточкѣ, со множествомъ мелкихъ бронзовыхъ пуговицъ, служилъ около стола; Викторъ больше наблюдалъ и только изрѣдка самъ что-нибудь подавалъ.

Онъ стоялъ у буфета и прислушивался съ интересомъ къ разговору господъ, возбужденныхъ пьесой.

Ему удалось просмотрѣть и два послѣднихъ дѣйствія. Все, что говорилось и дѣлалось въ гостиной до «сеанса» и послѣ него, не показалось ему особенно смѣшнымъ; онъ началъ даже позѣвывать. Только одну барыню-всезнайку, которая безъ толку болтала, нашелъ онъ «уморительной». Такихъ точно онъ знавалъ. Но вообще все это дѣйствіе было для него «балаганомъ».

У той «свѣтлѣйшей», гдѣ онъ начиналъ свою лакейскую выучку, тоже собирались вертѣть столы, и англичанку пріѣзжую приглашали для опытовъ, за большую плату... И все это совсѣмъ не такъ происходило. Онъ тогда помогалъ старшему лакею и мебель разставлять, и лампы гасить. Изъ другой комнаты многое что и видѣлъ.

Никакихъ такихъ «рацей» никто не читалъ, какъ этотъ тошный профессоръ. Все шло гораздо проще и скорѣе, хотя со стороны тоже выходило «чудно», когда всѣ усѣлись молча вокругъ стола и ждали, что вотъ-вотъ застучитъ въ столешницѣ или ножка поднимется.

Нашелъ онъ «ни съ чѣмъ несообразнымъ» и то, какъ молодежь вела себя за особымъ столомъ: хохочутъ, издѣваются, школьничаютъ, пѣтухами поютъ. Барчукъ, хозяйскій сынъ, и пріятель его— точно мастеровщина какая или подгулявшіе полковые писаря. Они вмѣстѣ съ барышнями при родителяхъ своихъ такъ держатъ себя, какъ и въ лакейской нельзя себя держать, если, примѣрно, въ одномъ углу игра идетъ серьезная. Господъ онъ не считаетъ выше се[illegible]я, но, все-таки, «честь честью». Все это «пересолъ» и лучше б[illegible] «господинъ сочинитель» у него разспросилъ, какъ оно на са-м[illegible]ъ дѣлѣ происходитъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи Викторъ въ выѣздномъ, надѣвающемъ бо[illegible]нки на барыню, опять началъ узнавать какъ бы самого себя, н[illegible]гому до него далеко: тотъ нахалъ и бабникъ, да и низшей пробы[illegible] а онъ изъ другого тѣста. И баринъ, который игралъ этого вы

ѣздного, очень ужь усердствовалъ и «подчеркивалъ». Это газетное выраженіе Викторъ давно себѣ усвоилъ, читая постоянно театральные отчеты въ своей *Газеткѣ*.

Судаченья ливрейныхъ «лакуціевъ» про господъ въ послѣднемъ дѣйствіи тоже, по его мнѣнію, хотя бы и могли быть въ такомъ именно родѣ, вставлены опять-таки для «подхода». Какъ будто ни о чемъ другомъ не говорятъ «люди», сидя въ передней или въ сѣняхъ, при шубахъ, какъ о томъ, что господа боятся заразныхъ болѣзней и сейчасъ шарахнутся изъ квартиры, забирая остальныхъ дѣтей, какъ только кто изъ нихъ заболѣваетъ оспой или скарлатиной. Чтобы въ гостиницы переѣзжали, онъ не слыхалъ.

Но ничего смѣшного онъ въ этомъ рѣшительно не находилъ. Всѣмъ хочется быть здоровыми. И если мужичье никакихъ такихъ осторожностей не знаетъ, такъ это потому, что оно свински живетъ, ни о чемъ не хочетъ подумать и дальше своего носа не видитъ... Небось!... Будь это самое мужичье съ достаткомъ, то же бы продѣлывало. А когда на деревнѣ чего-нибудь «испужаются», какихъ безобразій натворятъ. Кого въ колдуны произведутъ или колдуньи, что̀ могутъ напустить болѣзнь, сейчасъ бить ихъ до полусмерти. Чѣмъ же это лучше?

Онъ вспомнилъ, когда служилъ у вдовы, дѣйствительной тайной совѣтницы, сынъ ея заболѣлъ натуральною оспой. Посулила ему барыня прибавку жалованья, и онъ согласился входить къ нему... Но она же требовала, чтобы онъ каждый день обмывался растворомъ сулемы. Молодой барчукъ остался рябой на всю жизнь, а онъ вышелъ живъ и невредимъ только потому, что обмывался. Кромѣ доктора, сидѣлки и его, никто не входилъ къ больному. И мать боялась.

Теперь для него весь разговоръ господъ, за чайнымъ столомъ, такъ же занятенъ, какъ театральное представленіе полчаса назадъ.

Въ зрительной залѣ всѣ они смѣялись и хлопали, а теперь имъ не по себѣ. Барчукъ первый сталъ вспоминать тѣ смѣшныя мужицкія и кухарчьи слова, которыми и онъ самъ производилъ такой эффектъ на лѣстницѣ, особенно послѣ второго дѣйствія.

Барышня остановила его.

— Ну, что-жь тутъ такого смѣшного, Никсъ?

— Какъ madame Пустовлева выговорила это,—Никсъ картавилъ и растягивалъ слова,—восторгъ! «Запузыриваетъ!»

Но никто не засмѣялся. Петръ Александровичъ поднялъ голову надъ своимъ стаканомъ и брезгливо замѣтилъ:

— Мало ли какихъ мужицкихъ словъ можно нанизать! Стоитъ

только заглянуть въ словарь Даля. А еще легче пойти въ любой трактиръ, на Сѣнную, съ записною книжкой.

— И я считаю, — замѣтилъ гость, — такой спектакль просто печальнымъ недоразумѣніемъ.

— Какъ вы сказали?—спросила, разомлѣвъ, Аделаида Николаевна.

— Un malentendu!—перевелъ гость по-французски.—Un fâcheux malentendu!

— C'est ça!—повторила она.

Викторъ понялъ, что она соглашалась съ мнѣніемъ гостя, и подумалъ:

«А ты, матушка, сама-то зачѣмъ же хохотала? Я, небось, видѣлъ, какъ ты потѣшалась въ ложѣ».

— Tout de même c'est tapé!—упорствовалъ Никсъ, уже давно позволявшій себѣ говорить, дома и при гостяхъ, все, что ему нравится.

Въ его коротко остриженной рыжеватой головѣ, полныхъ щекахъ съ веснушками, вздернутомъ носѣ и красныхъ губахъ нѣтъ уже ничего дѣтскаго. Ему около шестнадцати лѣтъ и онъ тайно надѣлалъ до тысячи рублей долгу, о которомъ скажетъ матери, когда перейдетъ въ слѣдующій классъ, если перейдетъ.

Его франтоватую французскую фразу Викторъ понялъ по звуку и про себя усмѣхнулся.

Вотъ этотъ смахиваетъ на господскаго барчука изъ комедіи; только у него пристрастія нѣтъ къ борзымъ собакамъ. Ему бы слѣдовало обидѣться не меньше родителей.

Мода не позволяетъ. И не хватило смѣкалки.

Никсъ что-то шепнулъ компаньонкѣ, и та неопредѣленно улыбнулась. Ея хорошенькая головка вытянулась изъ-за серебрянаго самовара.

Ольга Ѳедоровна не совсѣмъ понимала, что вызывало эти разговоры. Она газетъ почти не читала и не знала, какую они пьесу смотрѣли... Слышала только, что это былъ блестящій любительскій спектакль, а теперь догадывалась, что дамы и мужчины изъ лучшаго общества играли мужиковъ, кухарокъ и лакеевъ.

Взглядъ Виктора упалъ на голову нѣмочки.

«Ты, милая,—злобно выговорилъ онъ, про себя,—ничего-то не понимаешь. Птица, какъ есть... И на видъ не замути воды; однако, мы въ твои шашни проникнемъ».

Онъ перевелъ взглядъ на барышню. Та сидѣла рядомъ съ гос-

темъ, и ея глаза то и дѣло обращались къ нему и что-то такое особенное говорили ему.

Ни мать, посоловѣвшая отъ спектакля и теплоты самовара, ни отецъ не замѣчали ничего.

XXV.

Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ Викторъ замѣчаетъ кое-что.

Вотъ этотъ гость, пріятель Петра Александровича, инженеръ и богатый подрядчикъ, знакомъ съ ними уже нѣсколько лѣтъ, бываетъ часто за-просто, съ бариномъ на «ты». Былъ ли онъ когда-то «дружкомъ» барыни—ему неизвѣстно... Про это, кромѣ старухи Михѣевны и Глафиры, изъ прислуги никто знать не можетъ. Ни та, ни другая ни въ жизнь не проговорятся.

Можетъ, и не былъ. Но у барышни съ нимъ есть, навѣрное, «кое-что».

Этотъ Подрѣзовъ—человѣкъ лѣтъ сорока, коли не больше. Онъ женатъ, и съ женой не живетъ. Почему не разводится—его дѣло. Должно быть, самъ сталъ пошаливать на сторонѣ, и жена уѣхала отъ него. Это всего вѣрнѣе. У нихъ онъ держитъ себя по-пріятельски, но бывалъ прежде не очень часто. Иногда по цѣлымъ недѣлямъ его не было видно. А вотъ съ этой зимы зачастилъ. И барышня, нѣтъ-нѣтъ, да и приметъ его одна, когда барыня у себя въ комнатѣ лежитъ, жалуется на мигрень или со двора выѣдетъ. Стала барышня ходить пѣшкомъ, съ компаньонкой, чуть день посвѣтлѣе и не такъ морозитъ, въ Лѣтній садъ или на катокъ.

Навѣрняка тамъ каждый разъ и этотъ Подрѣзовъ очутится.

Однако, въ женихи онъ себя не прочитъ, да при родителяхъ совсѣмъ не такъ и держитъ себя... Про него Викторъ достаточно наслышанъ. Самый первый «спеціалистъ» по женскому полу. Безъ счету у него перебывало и барынь, и актрисъ, и французскихъ кокотокъ, и «магазюлекъ»... Разсказывали ему, что изъ-за одной дѣвицы хорошей фамиліи чуть до дуэли не доходило. Барышня та оказалась въ «такомъ положеніи»... Скандалище! Должно быть, какъ-нибудь отдѣлался. Ловкачъ.

Уже не въ первый разъ приходится Виктору слышать п[ро] «шахермахерство» женатыхъ съ дѣвицами. Иной разъ такой гус[ь], и не въ разъѣздѣ съ женой, какъ слѣдуетъ женатъ и дѣтей—куча, а подъигрывается къ барышнѣ изъ хорошаго дома, вотъ къ такой, какъ Юлія Петровна, уже на возрастѣ, въ соку, посулитъ ей ра[з]-вестись съ женой, да и добьется чего ему надо. Можетъ, и тутъ, теперь на его глазахъ происходитъ точно такая же исторія.

Его съ каждымъ днемъ все сильнѣе разбираетъ охота «накрыть» ихъ въ гостиной. Если обнимаются, дѣло ясное. Такой спеціалистъ на однѣхъ «безѣшкахъ» не остановится. Или гдѣ-нибудь на свиданіи ихъ поддѣть. Та нѣмочка должна многое знать, или, по крайней мѣрѣ, догадываться. Не даромъ же Юлія Петровна такъ часто съ ней выходитъ на прогулку или въ Гостиный, или на катокъ.

У нѣмочки у самой рыльце въ пуху. Онъ ее на-дняхъ опять видѣлъ у подъѣзда съ тѣмъ же самымъ мужчиной—блондиномъ, вродѣ не то артельщика, не то студента, какіе бывали прежде, когда не носили формы, изъ «нигилья», какъ онъ называетъ ихъ.

Швейцаръ Нефедъ уже проговорился ему, что къ нѣмочкѣ письма носитъ тотъ же блондинъ. Должно быть, онъ даетъ Нефеду на водку, чтобы передавалъ мамзели прямо въ руки. Было не дальше, какъ вчера, и городское письмо на ея имя, толстое, точно пакетъ, съ двумя пятикопѣечными марками. Должно быть, отъ этого же блондина.

И Виктора разбирало досадное чувство на то, что такая «мамзель» обзавелась любовникомъ, а представляется недотрогой. Правда, и любовникъ-то изъ «стрекулистовъ», не лучше любого разсыльнаго. Послѣ того, почему же не показать ей, при случаѣ, что ему вся подноготная извѣстна, и не сбить съ нея фанаберіи?

А господа, напившись чаю, все еще сидѣли въ столовой. Баринъ послалъ мальчика принести сигары; Виктору приказалъ подать заграничный ящикъ съ ликерами, изъ штучнаго дерева. На столѣ стояли, кромѣ того, фрукты и вазочка съ конфектами. И хозяевамъ, и гостю трудно было перевести разговоръ на что-нибудь другое съ представленія, на которомъ они такъ много смѣялись и апплодировали.

«Какъ теперь вы ни ежитесь,—думалъ за нихъ Викторъ, отошедшій опять къ буфету,—а, все-таки, проглотили цѣлую стклянку горькой микстуры. Сначала обожглись по доброй волѣ, а потомъ на блюдечко дуете!»

Баринъ, успокоивая своего пріятеля, говорилъ ему:

— Въ концѣ-концовъ, другъ мой, это мѣстами такъ балаганно и такъ тенденціозно, что серьезно относиться къ такой вещи нельзя, и самое лучшее отнестись къ этому легко. А если можно было воспользоваться увлеченіемъ публики и взять прекрасный сборъ,—чего же лучше?

«Толкуй больной съ подлекаремъ,—оборвалъ его, про себя, Викторъ.—Нечего размазывать... Осрамились вдвойнѣ и чуете, что

вамъ нечего передъ нами важничать, коли свой же братъ-баринъ васъ такъ отдѣлываетъ».

И какъ бы откликаясь на его мысль, барыня протянула томнымъ голосомъ:

— Это слишкомъ неосторожно.

Покосившись немного, она продолжала по-французски.

Этотъ пріемъ господъ всегда смѣшилъ Виктора. Онъ уже давно вычиталъ, что такое значитъ «Филиппъ иси», и зналъ, что это «изъ Щедрина». Аделаида Николаевна, навѣрное, говоритъ теперь, что неосторожно, молъ, такъ выставлять господъ передъ прислугой, съ которой и безъ того нѣтъ справу.

Какъ будто они сами-то въ жизни не выставляютъ себя передъ нею не лучше, чѣмъ у того сочинителя?

И никто изъ господъ, сидѣвшихъ вокругъ стола, не подумалъ о томъ, какія мысли могли въ эту минуту забраться въ мозгъ лакея, слушавшаго ихъ такъ внимательно. Привычка считать прислугу чѣмъ-то вродѣ мебели и вести постоянно при людяхъ разговоры самые щекотливые для господскаго авторитета убаюкивала ихъ.

Поздній часъ дѣлалъ всѣхъ сонными. Баринъ досадовалъ на то, что изъ-за гостя надо было ѣхать прямо домой—дамы предложили пріятелю пить чай, а то бы онъ подъ предлогомъ клуба завернулъ на полчасика въ Поварской переулокъ. Сынъ его, правовѣдикъ, соображалъ, не признаться ли завтра матери, предварительно разжалобивъ ее, а не согласится просить у отца денегъ, попугать тѣмъ, что покончитъ съ собою. Барыня, совсѣмъ уже разомлѣвшая, ни о чемъ опредѣленно не думала. Ее давилъ корсетъ и подъ ложечкой начинало жечь. Она слишкомъ сильно смѣялась въ спектаклѣ, и это ей никогда даромъ не проходитъ, когда затянута. Не хотѣлось ей давать ходъ всплывшему въ ней недовольству на безтактность пьесы и поведенія публики, гдѣ и они всѣ поддались впечатлѣнію «какого-то балагана».

Дочь ихъ чего-то ждала. Ждалъ и гость и не поднимался.

Когда баринъ, сдерживая зѣвоту, спросилъ: «А который, господа, часъ?»—Викторъ, съ своего наблюдательнаго поста, увидѣлъ, какъ нога гостя придавила высокую подъемистую ногу барышни въ лаковой ботинкѣ и подъ столомъ онъ ей передалъ что-то, должно быть, записочку.

«Что и слѣдовало доказать»,—выговорилъ онъ мысленно и пододвинулся къ столу.

Господа поднялись и гость сталъ прощаться.

XXVI.

Столовая опустѣла. Послѣдней ушла компаньонка.

Сейчасъ она улыбалась, разливала чай, внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы во-время принять чашку или спросить, угодно ли еще, а теперь, въ своей крошечной комнатѣ, гдѣ всегда слишкомъ жарко отъ огромной круглой печки, она, не раздѣваясь, сидитъ на краю кровати и думаетъ.

Улыбка сошла съ ея свѣжаго рта, откуда мелкіе и блестящіе зубки выглядывали тонкою полоской. Голову она свѣсила на грудь и сдвинула брови. Только привычка жить на міру и носить мундиръ позволяетъ ей при людяхъ такъ владѣть собою. И плакать она не пріучилась.

Да и чему поможешь слезами?

Какъ ей быть? Вотъ болѣе двухъ мѣсяцевъ она знаетъ, что между Юліей Петровной и Подрѣзовымъ есть... «ein Verhältniss»,— такъ она называетъ по-нѣмецки, не желая употреблять русскаго, болѣе рѣзкаго выраженія.

«Ein Verhältniss».

И все ей подсказываетъ, что это «Verhältniss» зашло далеко.

Она—дѣвушка, не по названію только, а на дѣлѣ. Но она сама любитъ и ей что-то говоритъ, что такая барышня, какъ дочь ея «патроновъ», если она ходитъ на тайныя свиданія съ мужчиной, вродѣ этого Подрѣзова, не ограничится одними поцѣлуями.

Юлія Петровна для нея уже *женщина*. Не желаетъ она ни на кого клеветать или подозрѣвать другихъ, но сколько разъ ей приходила на умъ фраза, и всегда по-нѣмецки: «Sie ist Keine Jungfer!»

Этой барышнѣ сильно за двадцать лѣтъ. Весь ея пышный бюстъ и блескъ глазъ, походка, голосъ, тонъ,—все говоритъ про то, что она... не «Jungfer».

Никогда Ольга Ѳедоровна не позволила бы себѣ вмѣшиваться въ интимныя отношенія кого бы то ни было, и всего менѣе особы того семейства, гдѣ она живетъ, какъ довѣренное лицо.

Да, она обязана смотрѣть на себя, какъ на лицо «довѣренное», какъ ни скромно ея положеніе. Нужды нѣтъ, что компаньонка считается немногимъ выше бонны, а по жалованью она—прислуга. Ей извѣстно, что, напримѣръ, выѣздной получаетъ больше, чѣмъ она: ему платятъ двадцать рублей, а ей всего пятнадцать, и дарятъ ей, какъ горничной, два шерстяныхъ платья въ годъ—къ Рождеству и къ Святой. Нужды нѣтъ! Она не можетъ смотрѣть на себя, какъ на прислугу, не потому только, что мать ея была благороднаго про-

исхожденія. Въ паспортѣ значится, что она—дочь ревельскаго бюргера Фридриха Готлиба Кранихфельда. По-русски это «мѣщанинъ», не больше. Но она не можетъ приравнивать себя къ прислугѣ. Въ ней есть внутреннее благородство. Она этимъ не гордится, но всегда, до самой смерти, желаетъ быть вѣрной взглядамъ и правиламъ, которые считаетъ порядочными.

Прислугѣ никакого нѣтъ дѣла до того, благородно или нѣтъ она себя ведетъ, только бы ей было поменьше работы, да жалованье хорошее. Прежде, ея мать разсказывала ей, бывали слуги и преданные своимъ господамъ, но то были крѣпостные. Вотъ такая, немножко, няня Михѣевна. Теперь, кто помоложе, совсѣмъ другого сорта. Она ничего не замѣчаетъ дурного за Глафирой, но и та, кажется ей, «себѣ на умѣ». И если что прямо до нея не касается, она о томъ не будетъ сокрушаться.

И Ольга Ѳедоровна позавидовала даже Глафирѣ: у той совѣсть чиста, а передъ ней стоитъ тяжелый вопросъ: какъ ей поступить?

Съ Юліей Петровной она ходитъ въ Лѣтній садъ, на набережную, въ Гостиный—всюду.

Не трудно было увидать, что Подрѣзовъ встрѣчается съ ними не спроста. Въ домъ онъ ѣздитъ рѣдко, но когда пріѣзжаетъ, то знаетъ навѣрное, что найдетъ Юлію Петровну. Вначалѣ они держали себя при ней обыкновенно. Также и на прогулкѣ. Потомъ перестали стѣсняться ея присутствіемъ. Раза два въ недѣлю Юлія Петровна оставитъ ее въ Гостиномъ и въ салонѣ Европейской гостиницы, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей нужно зайти къ знакомой подругѣ, въ томъ же отелѣ, или завернуть по близости, въ Перинную линію. Она скоро стала догадываться, что̀ это значитъ, а когда ихъ разъ, на Дворцовой набережной, встрѣтилъ Подрѣзовъ и по-французски сталъ говорить шепотомъ, ей все стало ясно.

Онъ просилъ зайти къ себѣ, и Юлію Петровну удержало только то, что при ней компаньонка, и она не была увѣрена, что Ольга Ѳедоровна ее не выдастъ.

И съ тѣхъ поръ она стала съ ней чрезвычайно ласкова и начала дѣлать ей подарки.

Не принимать ихъ нельзя было, не объяснивъ причины, почему. Въ какихъ же домахъ компаньонка откажется отъ подарковъ, если они дѣлаются съ соблюденіемъ всѣхъ формъ?

Но какъ только она приняла первый подарокъ, Ольга Ѳедоровна почувствовала, что продаетъ себя. Это ее можжитъ уже которую недѣлю. А сейчасъ она слышала, какъ гость что-то шепнулъ Юліи

Петровнѣ и та, прощаясь съ ней, поцѣловала ее порывисто и сказала ей на ухо:

— Душечка, Ольга Ѳедоровна, завтра мы непремѣнно пойдемъ въ три часа!

Какъ ей быть? Сказать матери? Она боится, у ней нѣтъ никакихъ доказательствъ. Выйдетъ только исторія и ее выгонятъ. Уйти самой? Но бросать мѣсто, все-таки, хорошее, слишкомъ рискованно. Попадешь къ грубымъ людямъ, гдѣ тебя на каждомъ шагу будутъ оскорблять и господа, и прислуга. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, она не такъ поставлена. Одинъ только Викторъ посматриваетъ на нее дерзко, когда очутится съ ней съ глазу на глазъ.

И на это есть причина. Онъ видѣлъ ее на улицѣ, у подъѣзда, съ Сережей. И, кажется, еще разъ, на углу Литейной, когда проѣзжалъ мимо въ каретѣ.

Это еще сильнѣе можжитъ ее. Сережа, на взглядъ такого франта лакея, «Богъ знаетъ кто». По одежѣ похожъ на посыльнаго. За него ей обидно, а не за себя. Она знаетъ, что у него прекрасная душа. Еслибъ было иначе, развѣ бы ее такъ тянуло къ нему? Другой бы на его мѣстѣ давно злоупотребилъ ихъ близостью. Живи ея мать, она ужаснулась бы такого увлеченія. Развѣ онъ для ея дочери женихъ? Кто онъ? Солдатскій сынъ, писарь безъ мѣста, сидѣлъ, не такъ давно, въ тюрьмѣ, можетъ быть, до сихъ поръ возится съ нигилистами. И на вино онъ слабъ; она видѣла его навеселѣ. Но его веселье совсѣмъ не радостное. Онъ говоритъ все горкія и страшныя вещи. Другая бы, воспитанная, какъ она, убѣжала отъ такихъ разговоровъ. Но что-то тянетъ ее къ нему, какая-то сладкая и жуткая жалость. И лицо его дѣйствуетъ на нее необыкновенно: блѣдное, съ горячечнымъ взглядомъ умныхъ, часто злобныхъ глазъ, съ кудрявыми бѣлокурыми волосами.

Такой онъ весь—русскій. Ей всегда совѣстно дѣлается, что она нѣмочка, дочь ревельскаго бюргера, а не настоящая русская. И каждый день она ждетъ отъ него письма и сама пишетъ, завела и себѣ книжку, гдѣ записываетъ свои мысли и чувства, какъ дѣлаетъ онъ.

О Юліи Петровнѣ и своей роли въ ея любовной исторіи она еще н признавалась ему. Что онъ скажетъ? Надо уходить? Или, быть м кетъ, найдетъ, что сытые баре не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ в новать себя?

Такъ, вѣдь, она не прислуга. Вотъ она до разсвѣта будетъ муч ься, а «люди» теперь храпятъ себѣ по всей квартирѣ: нахалъ В торъ, мальчишка Алексисъ, уже раскусившій, что барыня его

балуетъ, Глафира, горничная барышни Надя, поваръ Порфирьичъ, судомойка Дарья. И спустись она до изліяній съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, она получила бы въ отвѣтъ:

— Есть оказія! Вамъ-то что? Вы—человѣкъ наемный.

XXVII.

На слѣдующее утро первая, кто ей попалась въ корридорѣ, около кухни, была судомойка Дарья.

Съ ней она врядъ ли говорила хоть разъ.

Дарья—ражая, высокаго роста, еще молодая женщина. Огромная ея грудь постоянно двигалась подъ розовою кофтой. Свѣтлые, совсѣмъ льняные волосы смазаны коровьимъ масломъ. Лицо широкое, глаза влажные, точно масляные, желтоватые. Запахъ кухни она всюду носитъ съ собою. Вотъ почему компаньонка ея, какъ бы инстинктивно, избѣгала.

— Барышня!— остановила ее Дарья съ крестьянскимъ поклономъ.

— Что вамъ? — почти удивленно откликнулась Ольга Ѳедоровна.

— А я въ вашу комнату шла.

— Зачѣмъ?

Какое дѣло могла имѣть до нея судомойка? Попросить что-нибудь? Написать письмо въ деревню? Горничная Юліи Петровны, Надя, каждый мѣсяцъ проситъ ее писать въ деревню: читать она умѣла, но писала очень плохо, а Дарья, вѣроятно, совсѣмъ безграмотна.

Судомойка вся какъ-то жалась и ея глаза, узкіе и блудливые, усмѣхались.

Это покоробило Ольгу Ѳедоровну.

— Что же нужно?—спросила она нервнѣе.

— Вотъ вамъ просили передать-съ,—выговорила Дарья шепотомъ и вынула изъ-подъ своего ситцеваго передника книгу.

— Мнѣ?—съ недовѣріемъ переспросила Ольга Ѳедоровна.

— Вамъ-съ.

Широкій ротъ Дарьи продолжалъ масляную усмѣшку глазъ.

— Отъ кого?

— Елена Григорьевна приказали передать... ваша знакомая... Оттуда, изъ Коломны, изъ номеровъ.

Дарья говорила это естественнымъ тономъ, но глаза ея и ротъ точно добавляли что-то.

Ольга Өедоровна развернула листъ газетной бумаги, въ которой лежала книжка, и начала догадываться о чемъ-то. Щеки ея, послѣ дурной ночи особенно блѣдныя, вдругъ порозовѣли.

Книга была безъ переплета и довольно зачитана. Она прочла на оберткѣ *Униженные и оскорбленные* и тотчасъ сообразила, кто переслалъ ее черезъ Елену Григорьевну.

Поспѣшно выговорила она:

— Хорошо!

Смущеніе свое она съ трудомъ подавила.

— Благодарю васъ,—кинула она, поспѣшно уходя.

— Барышня!—остановила ее Дарья.

— Что еще?

— Оны говорили, ежели отвѣтъ, такъ вы бы мнѣ записочку, что ли... Я туда сбѣгала бы, какъ поваръ за провизіей ходитъ.

— А вы тамъ развѣ бываете?

— Мужъ тамъ въ кухонныхъ мужикахъ... Егоръ...

И опять шепотомъ Дарья прибавила:

— Вы не извольте сумнѣваться. Я все въ исправности сдѣлаю.

Ея глаза какъ будто подмигивали.

Значитъ, ей все извѣстно: отъ кого идетъ эта книжка и что въ ней, должно быть, лежитъ записка, не отъ Елены Григорьевны, а отъ него, отъ Сережи.

— Сейчасъ, сейчасъ,—захваченная смущеніемъ, пробормотала Ольга Өедоровна, затворяя за собою дверь.

Дарья постояла немного въ корридорѣ и развалистою походкой направилась къ кухнѣ.

Она заглянула туда, вышелъ ли поваръ изъ-за перегородки.

Сегодня онъ что-то дольше копается.

«Должно быть, вчера урѣзалъ»,—подумала она.

Къ выпивкѣ и она была чувствительна, больше, впрочемъ, насчетъ «пивка». Но у ней всякій стаканъ сейчасъ же выйдетъ наружу: щеки горятъ, глаза точно масломъ облиты и всю ее подмываетъ. Такъ, когда ничего хмѣльнаго не глотнула, она за себя можетъ отвѣтить, а чуть попало, всякій мужчина для нея опасенъ. Вотъ этотъ лицемѣръ Порфирьичъ держитъ у себя въ шкафчикѣ настойку, и ничего-то у него нельзя примѣтить: къ ночи хлопаетъ, чтобы никто не подмѣтилъ, что онъ выпивши. Изрѣдка идетъ отъ него душокъ и говорить начнетъ больше прибаутками—вотъ и все.

— Алексѣй Порфирьичъ!—окликнула она его отъ двери.

— Чего тебѣ?—отвѣтилъ стариковскій голосъ.

— Сходить мнѣ нужно бы... туда, къ Егору... Я духомъ.

— Муженька любезнаго повидать... Должно быть, давно не училъ... Хе, хе!...

Старикъ закашлялся.

— Ну, ужь вы...

— А какже сказывалъ мнѣ старшій дворникъ... на самой панели экзекуцію произвелъ, а?

Дарья усмѣхнулась.

— Драчунъ онъ безпардонный.

— Такъ неужто ни съ того, ни съ сего?

— Я изъ лавочки выходила. Онъ подошелъ. И по глазамъ ничего я не примѣтила. Подошелъ еще ближе и, не говоря худого слова, какъ свиснетъ меня въ ухо.

— Да, вѣдь, онъ карла ростомъ... тебѣ по плечо не будетъ.

— Мало ли что... Подскочилъ, все равно, какъ собачонка подскочитъ и прямо тебя въ носъ лизнетъ.

— Такъ это онѣ цѣлуются изъ любви, а твой муженекъ или злобенъ ужь очень, или супротивъ него у тебя много винъ накопилось.

— Такъ что же, Алексѣй Порфирьичъ, можно мнѣ отлучиться?

— Какъ же кухню оставить?

— Да вы съ собой ключъ возьмите. Дрова принесены. Или оставьте ключъ въ кучерской, коли думаете, я раньше вашего вернусь.

— И не боишься, сударыня, что онъ тебя опять такимъ же маneромъ разодолжитъ?

— Я не къ нему.

Она было хотѣла разболтать, съ чѣмъ она пойдетъ въ номера, но удержалась. Барышня дѣйствительно отдала ей книгу, но Дарья знала отъ прислуги, что къ Еленѣ Григорьевнѣ ходитъ Андреевъ и у ней познакомился съ «нѣмочкой». Въ книгѣ, навѣрное, записка. А то почему бы поручали ей спросить насчетъ отвѣта? И самъ Андреевъ вчера разговорился съ ней въ сѣняхъ; онъ же и послалъ къ барышнѣ.

Все это она прекрасно сообразила и глаза ея, масляные и плутоватые, выдавали ее, когда она остановила Ольгу Ѳедоровну въ корридорѣ.

Поваръ все еще былъ за перегородкой.

«Богу молится,—подумала Дарья,—а теперь воровать на провизіи пойдетъ, старый чортъ!»

Она тихонько прошмыгнула опять въ корридоръ и постучала въ дверь компаньонки.

— Это вы?

Ольга Өедоровна выглянула изъ полуотворенной половинки дверей.

— Отвѣта, значитъ, не будетъ?—спросила Дарья.

— Скажите Еленѣ Григорьевнѣ, что я сегодня постараюсь быть.

— Въ которомъ часу?

— Передъ обѣдомъ... въ пять часовъ.

— А записочки не дадите?

— Нѣтъ.

Дверь порывисто захлопнулась. Дарья сказала, про себя: «ладно»—и минутъ черезъ пять, еще до ухода повара, накинула на себя платокъ и побѣжала въ «номера».

Пальто ея висѣло въ дворницкой, гдѣ для нея нанимали уголъ, рядомъ съ кучерской. Туда она и въ теченіе дня бѣгала довольно часто, за что Порфирьичъ ворчалъ на нее и называлъ «вавилонскою блудницей».

XXVIII.

Порфирьичъ съ минуту помолился еще у себя за перегородкой и, выйдя оттуда уже совсѣмъ одѣтый, въ тепломъ пальто, перекрестился на образъ въ углу кухни и поправилъ свои сѣдые съ золотистымъ отливомъ волосы передъ зеркальцемъ.

Онъ носилъ бороду, тоже сѣдую, съ такимъ же оттѣнкомъ.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—вполголоса выговорилъ онъ и, точно прикрывая невольную зѣвоту, перекрестилъ ротъ.

Лицо у него еще свѣжее, розовое, съ жилками на крупномъ носу, глаза еще не потухли и часто улыбаются съ хитрецой. Онъ небольшого роста и въ тѣлѣ. Такихъ наружностей очень много въ дворянскомъ быту: его можно принять за отставного военнаго или помѣщика, служившаго по выборамъ. Но онъ не гордится этимъ и считаетъ «господъ» людьми другой породы, а про себя до сихъ поръ не прочь говорить какъ про «раба».

Изъ шкафчика онъ досталъ свой рогожный кулекъ и собрался уже, оглянувшись назадъ, снять съ вѣшалки картузъ на ватѣ, да только что забылъ и вернулся за перегородку.

Тамъ у него, около желѣзной койки, висѣлъ стѣнной календарь, и онъ каждый день отрывалъ листикъ и предварительно читалъ, какихъ угодниковъ и какія событія совершились въ этотъ день. И никто его не могъ превзойти знаніемъ святцевъ.

Спроси его: «Порфирьичъ, когда мученика Мардарія?» — онъ безъ запинки отвѣтитъ: «тринадцатаго декабря», а въ дни больших и среднихъ праздниковъ зналъ, какіе куда крестные ходы и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. И если кто-нибудь, ожидая Ильина дня, замѣтитъ: «будетъ ходъ изъ Казанскаго во Владимірскую», Порфирьичъ какъ бы про себя прибавитъ: «и изъ церкви Бориса и Глѣба на стеклянный заводъ».

И патріотическія событія помнитъ онъ,—не всѣ, но очень многія, больше изъ двѣнадцатаго года и изъ крымской кампаніи. Нѣкоторые дни особенно ему дороги и онъ непремѣнно объ этомъ скажетъ вслухъ. Одинъ изъ такихъ дней—24 августа, и Порфирьичъ, наклонивъ голову, выговоритъ поучительно:

— Начало бородинскаго сраженія; Мининъ и Пожарскій разбили поляковъ подъ Москвой; отбитіе англо-французскаго флота отъ Петропавловской крѣпости... И все въ одинъ день!

Ему непріятно сдѣлалось, что онъ забылъ нынче посмотрѣть, какое число, прочесть напечатанное на листкѣ и оторвать его. Все эта «вавилонская блудница» Дарья. И зачѣмъ только онъ позволилъ ей бѣжать къ мужу?... Не къ мужу, а въ кучерскую! Мало еще ее бьютъ! Не такъ бы надо!

Порфирьичъ вдовъ и былъ всегда чистыхъ нравовъ. На Дарью онъ не очень ворчитъ потому, должно быть, что она не подсматриваетъ за нимъ и, по-бабьи, ехидно не язвитъ, хотя врядъ ли не догадалась, гдѣ у него графинчикъ съ настойкой. Этотъ графинчикъ для него родъ искушенія, «ниспосланнаго свыше». По цѣлымъ недѣлямъ онъ не прикладывается или изрѣдка пропуститъ рюмочку «для варенія пищи»... А то вдругъ и потянетъ въ ночное время, когда онъ лежитъ на спинѣ и ему начнутъ приходить печальныя мысли о старости, концѣ всего, страшномъ судѣ, представляться неувѣренность въ томъ, что̀ тамъ будетъ и можно ли замолить свои грѣхи.

Когда онъ совсѣмъ ничего не пьетъ, то нравомъ дѣлается тяжекъ и злобенъ. Это онъ знаетъ и, по его мнѣнію, ему бы слѣдовало, чтобы быть добрѣе, каждый день пропускать рюмку-другую. Но онъ боится. Одна рюмочка дѣлаетъ его благодушнымъ. Сейчасъ пойдутъ шуточки и изреченія. И такъ онъ умѣетъ отвѣтить, что и господа простятъ, даже послѣ между собою повторяютъ его прибаутки.

Разъ барыня что-то вдругъ «всколыхнулась» насчетъ расхода на провизію и стала кричать, что «такъ воровать нельзя».

Онъ не обидѣлся и грубить не сталъ, а сказалъ кротко и съ улыбочкой:

— Матушка! Какъ же по нынѣшнему времени не слюзить маленькому человѣку, коли нáбольшіе милліоны прикарманиваютъ и дьяволу душу продаютъ?

Онъ намекалъ на разразившееся надъ Петербургомъ самоубійство сановника изъ-за передержки большой суммы казенныхъ денегъ.

Барыня разсмѣялась и долго не приставала.

Только что Порфирьичъ надѣлъ картузъ и, шурша сапогами, направился къ входной двери, его окликнула сзади Глафира:

— Порфирьичъ!

— Что вамъ, сударыня?—шутливо спросилъ онъ, обернувшись къ ней всѣмъ туловищемъ.

— Барыня приказала сказать,—Глафира говорила съ хмурымъ видомъ,—рыба въ послѣдній разъ была не живая, а сонная.

— Такъ и мы съ вами спимъ! Какъ же рыбѣ-то не соснуть, Глафира Прохоровна?

— Онѣ сегодня сами хотятъ на садокъ заѣхать.

— Сами?—переспросилъ Порфирьичъ и глаза его замигали. Онъ снялъ картузъ и поклонился. — И на томъ спасибо!... Кумà пѣша, кýму легче!—выговорилъ онъ нараспѣвъ, потомъ уже надѣлъ картузъ и, не спѣша, повернулъ къ двери.

Это изреченіе: «кумà пѣша, кýму легче» онъ употреблялъ неизмѣнно въ каждомъ новомъ домѣ, куда поступалъ, какъ только барыня заявитъ желаніе сама покупать провизію. Онъ отлично знаетъ, что она не выдержитъ, походитъ недѣльку и ей надоѣстъ. И все время, пока барыня сама покупаетъ, Порфирьичъ, принимая провизію, повторяетъ съ добродушнымъ подмигиваніемъ:

— Кумà пѣша, кýму легче!

Случается и такъ, что Порфирьичъ возьметъ въ руки рябчика, купленнаго барыней, пощиплетъ его и выговоритъ безстрастно:

— Славные рябцы, жаль только, что червивы маленько!

А обыкновенные окрики принимаетъ всегда мнѣніемъ:

— Извѣстное дѣло! Супружескія непріятности—поваръ виноватъ!

Глафира не любитъ его прибаутокъ и считаетъ его, какъ и остальная прислуга, лицемѣромъ, воромъ и тайнымъ пьянчужкой.

Легла между ними и еще одна черта.

Оба богомольны и любятъ божественное. Но Глафира, на взглядъ

Порфирьича, настоящаго благочестія не знаетъ и подвержена «модничанью».

И онъ, и она читаютъ, хоть и рѣдко, душеспасительное. Его любимая книжка, вывезенная еще изъ Приволжскаго края, гдѣ онъ учился крѣпостнымъ поваренкомъ,— *Слова и рѣчи преосвященнаго Іакова, епископа нижегородскаго и арзамасскаго*. Вотъ это—поученіе. И самъ владыка былъ строжайшей жизни старецъ. Порфирьичъ помнитъ, какъ господа въ усадьбѣ готовились къ пріему его. Трое поваровъ пріѣхало отъ сосѣдей. А владыка пробылъ съ часъ времени, отъ обѣда отказался и всего-на-все выпилъ съ медомъ одну чашку настоя сухой малины. Чаю онъ не употреблялъ.

Глафира читаетъ барскія книжки съ какими-то *якобы* душеспасительными сказками. На его оцѣнку, все это—«облыжно» и для стараго человѣка, какъ онъ, «зазорно». И въ «идолопоклонствѣ» онъ ее уличалъ. Почитаетъ «отца Іоанна», «ровно божество какое», и чуть что—сейчасъ на поклоненіе въ Кронштадтъ. А для него нѣтъ такого человѣка, какой бы онъ ни былъ, хоть «съ полочки снятой», который бы при жизни могъ быть заступникомъ и чудотворцемъ. Угодниковъ-то въ ихъ санъ возводили послѣ кончины и «соборне», а не какъ-либо иначе.

Они раза два-три крупно поспорили и Порфирьичъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ Глафирѣ:

— Женскій полъ и всегда былъ склоненъ къ смутѣ. Апостолъ-то Павелъ что писалъ?... Ваша сестра на совѣщаніяхъ только голоситъ по-бабьи.

У двери онъ еще разъ повернулся и лукаво спросилъ:

— Больше никакихъ приказаніевъ не будетъ?

— Нѣтъ!—отрѣзала Глафира и скрылась.

«Посолила себя впрокъ въ дѣвическомъ званіи, вотъ и ерепенится»,—подумалъ Порфирьичъ, запирая кухню снаружи.

Онъ считалъ Глафиру хорошаго поведенія, но въ честность ея насчетъ денегъ не вѣрилъ. На свои доходы онъ смотрѣлъ какъ на нѣчто совершенно естественное. Мясникъ, зеленьщикъ, рыбникъ, коли ему процента не заплатятъ, возьмутъ то же съ господъ. Онъ, кромѣ того, еще малость удержитъ... Такъ, вѣдь, барыня-то сколько проѣздитъ, хотя и на своихъ лошадяхъ, коли она захочетъ каждый разъ покупать провизію сама?

А какое онъ употребленіе сдѣлаетъ изъ своихъ сбереженій — про это знаетъ его совѣсть. Онъ, вѣдь, никогда и не обязывался, поступая на мѣсто, ни единою копѣйкой не пользоваться отъ провизіи.

Душа у него насчетъ провизіи спокойна. И безъ этого много грѣховъ, и ихъ, прежде всего, надо замолить.

XXIX.

Дарья вбѣжала въ дворницкую, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Экій холодище!—весело крикнула она.

Ея уголъ былъ отдѣленъ перегородкой въ подвальномъ помѣщеніи, гдѣ печь занимала цѣлую треть всего пространства.

У печки возилась жена одного изъ младшихъ дворниковъ. Старшій, Веденей, только что присѣлъ къ столу и чайничалъ. На столѣ лежала его домовая книга. Онъ отправлялся съ нею въ участокъ.

Веденей—не старый, франтоватый блондинъ, худой въ лицѣ и станѣ, говоритъ тихо и значительно. Дарья на него всегда «облизывается», но ей до него далеко. У него на сторонѣ есть сударка. Онъ ведетъ себя тонко и по женской части, и во всѣхъ другихъ дѣлахъ. А остальные два дворника — совсѣмъ мужичье, и жена одного изъ нихъ, Лукерья, живетъ съ нею въ ладу. Обѣ онѣ слабы «насчетъ пивка».

— Веденей Кузьмичъ,—окликнула Дарья изъ-за перегородки, гдѣ надѣвала на себя пальто,—чай да сахаръ!

— Благодаримъ, — отвѣтилъ степенно дворникъ и кусочекъ сахару звонко хрустнулъ на его зубахъ.

— Тебѣ, Лукерья, ничего не нужно... въ лавочку?—спросила Дарья, выходя изъ-за перегородки.

— Ты со двора?

— Я туды теперь сбѣгаю... Дѣло есть.

— Нѣтъ, ничего чтой-то не надо,—отвѣтила Лукерья, хмурая и приземистая баба, ходившая по-деревенски.

— Ну, прощайте, господа!

Но Дарья попала не прямо на дворъ, а заглянула въ кучерскую.

Туда ее всегда манило, только она побаивалась кучера Власа, его суроваго и болѣзненнаго лица и строгой рѣчи.

Ей самой до сихъ поръ немного стыдно, что полюбился ей Абр[illegible]ка, конюхъ изъ татаръ.

Дѣло дошло до ея мужа. Кто-нибудь постарался, наябедничалъ. [illegible]дъ ли ея «мухоморъ» самъ подглядѣлъ. Она зоветъ мужа «мухо[illegible]ромъ» изъ-за его малаго роста и большой головы. Настоящій г[illegible]бъ! Разумѣется, она клянется, божится, что ее «оболгали». Но «[illegible]хоморъ» разговаривать не любитъ, молча пододвинется, потомъ [illegible]скочитъ и «свиснетъ въ самое ухо». И какъ она допускаетъ

это? Силы у ней вдвое больше, чѣмъ у него: взяла бы, да и пригнула его къ землѣ.

Такъ нѣтъ. Совѣсть не пускаетъ. Каковъ онъ ни есть, все-таки, мужъ, вѣнчанъ съ нею. Самъ онъ соблюдаетъ себя. И то сказать, кто на него позарится? До сихъ поръ она не можетъ понять, какъ такая ражая баба пошла за этакаго карлу, себѣ на срамъ и на огорченіе?

Мало того, что онъ ревнивъ, какъ чортъ, а еще и скаредъ. Всѣ деньги ему неси.

«Тебѣ, говоритъ, денегъ не надо. Я тебѣ на одежу даю, на баню и на все прочее. А ты съ любовникомъ проживаешь... Вотъ что!»

Пивко она любитъ. Трудненько ей бываетъ устоять и противъ стаканчика водки, когда попотчуютъ. Но много ли она потратитъ? Абрамка самъ не пьетъ водки, и пиво не очень любитъ. Съ нимъ не раскутишься. Онъ—малый аккуратный и скуповатъ; у него ужь и деньжата водятся, нужды нѣтъ, что ему всего девятнадцать лѣтъ отъ роду.

«Младостью» онъ и взялъ. Уши торчатъ у него изъ-подъ шапки, на особый татарскій манеръ. Это ее, прежде всего остального, стало притягивать. И такой весь гладкій, чистый, краснощекій, глазища большіе, зубы бѣлые, дома ходитъ въ безрукавкѣ изъ пестраго ситца. Когда синюю поддевку надѣнетъ и стоитъ у дышла со щеткой, поджидая съ кучеромъ выхода на крыльцо господъ, его не отличишь отъ русскаго. Волосы онъ плотно подстригаетъ, но не брѣетъ.

И—нечего грѣха таить—она сама стала заигрывать съ нимъ и всячески ублажать, даромъ ему бѣлье стирать, чайкомъ поить.

Не мало ее дразнили на дворѣ.

Извѣстно, «свиное ухо», «татарская образина»! Она и сама ругалась бы, будь онъ не такъ милъ ей. А тутъ, точно изъ головы вылетѣло, что онъ—нехристь, поганой вѣры, «маханину» употребляетъ, можетъ, по закону своему, столько женъ завести, сколько пожелаетъ.

Жены у него еще нѣтъ, и когда онъ раскусилъ ея заигрыван[illegible], и на сторонѣ никого не было. Онъ—какъ огурецъ, свѣжій и ядр[illegible]ный. А ужь съ той минуты, какъ онъ ей достался, что онъ н[illegible]христь, что человѣкъ одной вѣры съ нею—все для нея едино... Она даже такъ считаетъ, что Абрамка куда законнѣе ея живет[illegible]. Ему можно и не одну жену имѣть—это первое; а второе—вѣр[illegible] свою блюдетъ куда строже ея. Она и у обѣдни-то рѣдко бываетъ,

о заутренѣ и говорить нечего, а онъ каждую недѣлю ходитъ въ свою молельню. Кусочка ветчины его не заставишь проглотить, хоть съ живого кожу сдери. Придетъ ихъ татарскій постъ—ни единой крошки не проглотитъ до звѣзды—и такъ курьезно скажетъ: «я еще не кушалъ». Она постится плохо, по средамъ и пятницамъ «жретъ мясище». Да и постницы—Михѣевна, Глафира—и тѣ до звѣзды-то не ѣдятъ только одинъ разъ въ годъ, а Абрамка—весь постъ, какъ у нихъ полагается, и ничѣмъ его не соблазнишь.

То же и насчетъ водки. Старше будетъ—разрѣшитъ, быть можетъ, испортится съ русскими, а теперь—шалишь!

Опять же опрятенъ, точно красная дѣвка.

Всѣмъ этимъ онъ притянулъ къ себѣ, и она знаетъ, что привязка у ней съ каждымъ днемъ ростетъ. Ежели противный Егоръ будетъ опять ее къ себѣ тащить въ номера, она не выдержитъ и... что-нибудь съ нимъ недоброе произведетъ.

А пока, «день мой—вѣкъ мой», повторяетъ всякій разъ Дарья, когда перебѣгаетъ черезъ дворъ, въ сторону сараевъ и конюшень.

Она заглянула въ кучерскую, низкую каморку, съ запахомъ махорки и смазныхъ сапогъ. У окна кучеръ Власъ, въ поддевкѣ, чайничалъ.

Быстро оглянулъ онъ Дарью. Власъ смотрѣлъ сердитѣе обыкновеннаго. Его лихорадило послѣ вчерашняго жданья на трескучемъ морозѣ. Онъ сбирался даже пойти къ барину и объявить ему, что онъ не можетъ нести такую тяжкую службу.

Войди Дарья, онъ бы ее оборвалъ. И безъ того изъ-за конюха ей достается отъ этого стараго хрыча. Спросить, гдѣ былъ Абрамка въ ту минуту, она не посмѣла и тотчасъ же захлопнула дверь.

Абрамка долженъ быть при лошадяхъ. Со двора онъ не охотникъ выходить, и Власъ, хоть и ехидствуетъ насчетъ ея «безпутства»,—онъ, поди, и Егору все выложилъ,—но за Абрамку держится, потому что хворъ, лѣнивъ, важнюга, лошадей не любитъ и сильно хапаетъ на овсѣ. Еслибъ не татаринъ, лошади, при такихъ порядкахъ, не были бы настолько въ тѣлѣ, что и баринъ ничего не замѣчаетъ. Абрамка обожаетъ животину. Иной разъ Дарьѣ завидно дѣлается. Она точно ревновать начнетъ своего дружка къ лошадямъ,—такъ онъ ихъ холитъ и по-своему съ ними разговариваетъ. Онъ, пожалуй, и днемъ спалъ бы въ конюшнѣ.

Но эта же черта привлекала ее еще сильнѣе къ Абрамкѣ. Будь онъ православный, такого русскаго парня не найти во всемъ Петербургѣ, да и въ деревняхъ въ диковину.

Сараевъ было на дворѣ три, конюшня—одна, общая, на восемь стойлъ.

Дарья сейчасъ сообразила, что Абрамка въ конюшнѣ. Но онъ былъ тамъ не одинъ. Въ своей ситцевой ваточной безрукавкѣ, съ широкими рукавами на выпускъ и въ «шлычкѣ», онъ чистилъ сѣраго изъ пары, на которой ѣздила больше барыня. Скребница такъ и сверкала въ его рукахъ.

— Абраша!—полушепотомъ окликнула Дарья на порогѣ конюшни.

— Ого!—татаринъ осклабился и весело кивнулъ ей.

— *Саля-малейкомъ,*—выговорила Дарья дурачливо.

Абрамка долго училъ ее этому привѣтствію.

— *Алейкомъ-салямъ!*—вкусно отвѣтилъ онъ.

— Я въ номера. Оттуда въ дворницкую заверну... черезъ часъ времени. Слышишь?

— Чую!

Татарскія согнутыя уши, въ которыя Дарья была такъ влюблена, блеснули въ темнотѣ конюшни.

Дарья облизнулась и пошла скорымъ шагомъ по двору, къ воротамъ.

XXX.

Въ сѣняхъ «меблировки» Дарья не нашла никого. Печь топилась; но ни малаго, приставленнаго къ швейцару, ни самого швейцара не было видно.

У ней непремѣнно сожмется сердце, когда она войдетъ въ эти сѣни. Здѣсь проживаетъ противный ея «карла». Отсюда она насилу выбралась. Съ мужемъ опять придется жить. Да вотъ и теперь ей бы хотѣлось проскользнуть прямо къ Еленѣ Григорьевнѣ и въ кухню не заходить.

Она скорымъ шагомъ поднялась по лѣстницѣ до площадки перваго этажа. Еще бы нѣсколько шаговъ по корридору и дверь въ комнату барышни.

Нижній корридоръ стоялъ также пустой. Вчера она нашла всѣ номера въ волненіи. Елена Григорьевна и всѣ жильцы прививали себѣ оспу. Студентъ-медикъ—изъ жильцовъ же—прививалъ ее даромъ. И прислугу барышня упрашивала. Швейцаръ первый послушался, за нимъ два корридорныхъ, а женщины отказались. Егору хотѣли привить сегодня. Она въ это не вѣритъ и не знаетъ, прививали ей въ дѣтствѣ или нѣтъ.

Вчера же нашла она въ верхнемъ корридорѣ толки о болѣзни Кочегара. Онъ валялся за перегородкой. Барышня боялась, не прилипчивая ли у него болѣзнь открылась. Всѣ жильцы загалдятъ. А Кочегаръ лежитъ себѣ да сопитъ и ничего отъ него нельзя толкомъ добраться, что онъ чувствуетъ. Жена его Анѳиса пріѣхала изъ деревни.

Въ глубинѣ нижняго корридора Дарья издали примѣтила низменную фигуру Егора. Онъ приближался нетвердою походкой своего тщедушнаго тѣла, въ черной блузѣ и сапогахъ. Лицо у него съ комочекъ, блѣдное, волосы торчатъ вихрами и плюгавая бородка.

— Ты зачѣмъ?—громкимъ шепотомъ спросилъ онъ ее.

И отвѣчать ему не въ охоту.

Сказать всю правду, онъ начнетъ допрашивать, придираться. Она не желаетъ говорить ему, съ какимъ именно порученіемъ ушла она вчера къ Ольгѣ Ѳедоровнѣ. Разумѣется, тутъ дѣло по амурной части... Тотъ молодецъ,—она подумала объ Андреевѣ,—написалъ записочку, а не Елена Григорьевна; ему и знать надо было, придетъ ли сегодня нѣмочка. А то развѣ онъ далъ бы ей двугривенный на чай?

Приходилось что-нибудь приврать.

— Наша нѣмка прислала къ барышнѣ.

— По что?

Егоръ пронзительно взглянулъ на нее.

Когда она временно, по его настоянію, жила въ номерахъ безъ дѣла, онъ приревновалъ ее къ Авдѣю, истопнику и ламповщику нижняго корридора.

— Или опять завела и здѣсь кота?

«Котами» онъ называлъ вообще любовниковъ.

Голосъ у него былъ скрипучій и жидкій, точно у пятнадцатилѣтняго парня.

— Завела!—передразнила она.

Глаза его, острые и узкіе, зажглись. Онъ уже подскочилъ къ Дарьѣ.

— Ну тебя!—отвела она его рукой.—Чтой-то, прости Господи! Я вѣдь, и сдачи дамъ!

Егоръ почему-то стихъ: побоялся, должно быть, что барышня услышитъ, а она никакихъ побоищъ не выноситъ и уже не мало его стыдила за то, что съ женой походя воюетъ. Но онъ зналъ, что Елена Григорьевна имъ дорожитъ. Онъ хоть и «карла», однако, имъ на кухнѣ все держится. За поваровъ «изъ клуба» онъ одинъ отдувается. Вотъ и теперь новый поваръ третій день «чертитъ» и се-

годня навѣрняка вернется съ базара пьянѣе вина и завалится опять на лежанку дрыхнуть.

— Ты бы отпросилась у господъ дня хоть на два... По вечерамъ бы сюда приходила.

— Для чего?—спросила задорно Дарья.

— Для чего? А для того, что мнѣ теперь не управиться. Поваръ загулялъ и Кочегаръ свалился. Хотятъ въ больницу свозить. Я же и печи топи, и лампы заправляй наверху, такъ-то!

— Меня ни въ жисть не пустятъ.

— Какъ же ты теперь-то въ самое кухонное время бѣгаешь?

— И то насилу отпросилась, пока поваръ за провизіей пошелъ.

— То-то! Приспичило, значитъ!

Глаза Егора опять блеснули, точно иглы. Голосъ его жены и вся ея повадка вызывали въ немъ приливъ ревнивой злобности и у нихъ дошло бы до чего-нибудь покрупнѣе.

Но изъ своей комнаты показалась Елена Григорьевна, плохо причесанная, съ красными отъ безсонницы глазами, въ фланелевой курточкѣ, совсѣмъ разбитая и тревожная.

Дарья подскочила къ ней и быстро доложила на ухо, что барышня зайдетъ передъ обѣдомъ.

— Какая барышня?—совсѣмъ растерянно спросила та.

Изъ головы ея вылетѣло все вчерашнее, кромѣ двухъ главныхъ ея заботъ: больная жилица, схватившая воспаленіе легкихъ, при смерти, и она провела при ней половину ночи, сжалившись надъ Анисьей, которая совсѣмъ выбилась изъ силъ, и Кочегаръ, свалившійся съ ногъ, внезапно. Студентъ - медикъ, прививавшій вчера оспу жильцамъ и прислугѣ, которая далась, думаетъ, что у Ѳедота начинается оспенный процессъ. Другіе жильцы переполошились и полчаса назадъ, когда она выходила отъ умирающей, старичокъ, живущій противъ лѣстницы, началъ кричать на весь домъ, что онъ сейчасъ же выѣдетъ и заявитъ полиціи, что «чумазаго вахлака Ѳедотку» надо везти «неотлагательно» въ больницу. Она насилу его успокоила.

— Барышня, мамзель наша,—повторила Дарья, опять на ухо Еленѣ Григорьевнѣ.

Это ей напомнило вчерашній приходъ Андреева. Онъ и сегодня явится. Онъ уговорилъ ее вызвать Ольгу Ѳедоровну. Ей стало его жаль и она согласилась. А это—нехорошо. Точно она ихъ сводитъ.

Горечь этихъ упрековъ самой себѣ еще больше ее разстроила.

— Хорошо,—брезгливо сказала она Дарьѣ и сейчасъ же повернулась къ Егору.—Повара все еще нѣтъ?

— Нѣтъ-съ.

— Если онъ придетъ пьяный, чтобъ сейчасъ же убирался!— нервно крикнула она и тотчасъ же застыдилась.

Въ такія минуты должность управительницы дѣлалась для нея противной до гадости.

Надо было отправлять въ больницу Кочегара. Она знала, что это не обойдется безъ исторіи. И вчера, при первыхъ ея словахъ, жена Ѳедота, Анѳиса, начала выть. Отвращеніе къ больницѣ ослабло только въ прислугѣ, родившейся въ городѣ, да и то на десять человѣкъ у одного. Она-то хорошо знаетъ, что Кочегару въ любой больницѣ будетъ лучше лежать, чѣмъ тутъ, въ темномъ углу, въ грязи, копоти и духотѣ. Тамъ его могутъ вылечить, а здѣсь онъ, навѣрное, умретъ, если это тифъ или оспа.

Да и не смѣетъ она держать Ѳедота, если у него заразная болѣзнь.

Въ номерахъ теперь все занято, до пятидесяти человѣкъ живетъ, кромѣ прислуги. Развѣ это мыслимо? Она, готовившая себя въ фельдшерицы, сторонница гигіены, уважающая науку, можетъ ли она становиться на сторону дремучей тьмы народа, его неосмысленныхъ страховъ и закоренѣлаго упорства?

Елена Григорьевна, взобравшись на верхнюю площадку, запыхалась и пошла разбитою походкой по корридору. Передъ дверью въ закуту прислуги она остановилась. Ей стало малодушно жутко отъ того, что сейчасъ произойдетъ.

До слуха ея донесся отрывочный разговоръ Анисьи и мужа ея Игнатія.

— Что ты, мужичка, что ли?—говорилъ Игнатій, прихлебывая чай.—Въ городѣ, небось, родилась, а ровно бурлакъ какой, больницы боишься.

«Вотъ оно!» — подумала Елена Григорьевна и невольно прислушалась.

— Боязно!...—пропѣла на «онъ» Анисья.—Вотъ ты бы такъ вдругъ свалился, какъ Кочегаръ.

— И преспокойно свезли бы тоже. А ежели у него, паче чаянія, оспа, онъ и насъ всѣхъ заразитъ.

— Это — воля Божья. У мамыньки была холера настоящая... Я ей глаза закрыла, а вмѣсто того не заразилась же.

Анисья потянула въ себя воздухъ, спивая съ блюдечка послѣдній глатокъ чая.

И оба они смолкли.

XXXI.

— Что Өедотъ?—спросила Елена Григорьевна, собравшись съ духомъ, у самой двери.

Всѣ трое встали: Анисья, мужъ ея Игнатій и горничная Өеня, широколицая, остроносая дѣвушка, пестро одѣтая. Они пили чай.

— Да бредить началъ. Жаръ сильнѣйшій,—доложилъ Игнатій.

Анисья, все также въ платкѣ, надвинутомъ на лобъ, и въ затрапезномъ капотѣ, громко вздохнула и выговорила, потянувъ воздухъ въ себя:

— Больно мается.

— Анөиса тамъ?

— Въ лавочку пошла,--доложилъ Игнатій.

— Зачѣмъ? Навѣрное, за какой-нибудь гадостью,—брезгливо выговорила Елена Григорьевна.

— Пить все проситъ... Огурчика бы...—протянула Анисья.

— Квасу—ни подъ какимъ видомъ! Ни огурцовъ, ни капусты.

Елена Григорьевна продвинулась къ дверкѣ въ темный чуланчикъ.

Она не могла сразу разглядѣть хорошенько лицо Кочегара, валявшагося на койкѣ, въ одной рубахѣ, среди всякой рухляди. Воздухъ былъ спертый, переполненный прѣлыми испареніями.

— Өедотъ!—окликнула она его.

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Господинъ Кочегаръ! Вы никакъ совсѣмъ расклеились?

— Голова...—пробормоталъ Өедотъ.—Да ничево!...

— Какъ ничего?

На разспросы барышни онъ отвѣчалъ медленно и односложно. Но она почуяла, что тутъ начинается не шуточная болѣзнь: либо оспа, либо пятнистый тифъ. Медлить нельзя. Она не имѣетъ ни малѣйшаго права.

Все-таки, надо было убѣдить его самого.

— Господинъ Кочегаръ!... Вамъ здѣсь валяться нельзя... Лечить васъ надо, какъ слѣдуетъ... Да и жильцы боятся.

— Какъ угодно,—съ трудомъ выговорилъ Өедотъ.

— Голубчикъ,—голосъ Елены Григорьевны дрогнулъ,—ты не бойся больницы. Мы тебя пошлемъ къ знакомому главному доктору. Тамъ тебѣ не плохо будетъ.

Вернулась Анөиса и напустила холоднаго воздуха отъ своего суконнаго кафтана и платка, изъ-подъ котораго выставлялось ея румяное и плутоватое лицо бойкой подгородной бабенки.

Она сейчасъ завыла и упала на колѣни передъ Еленой Григорьевной. Та стала ее поднимать, смущенная и трепетная, хотя впередъ знала, что такая сцена ожидаетъ ее.

— Ты пойми... вѣдь, я здѣсь не сама барыня... Жильцы боятся.

Анѳиса всхлипывала и не вставала съ полу. Игнатій подошелъ и строго выговорилъ:

— Ну, полно, нечего барышню безпокоить. Намъ тоже не заболѣвать отъ твоего Кочегара.

Анисья молчала, но въ ея большихъ выпуклыхъ глазахъ проглядывалъ страхъ за то, что и мужа, и ее самоё точно также могутъ поволочь въ больницу.

— Пожалуйста, Игнатій, я тебѣ это поручаю,—все еще смущенно выговорила Елена Григорьевна. — Позови Авдѣя и снесите его внизъ, а повезетъ Арсеній.

И она почти выбѣжала въ корридоръ.

Дѣло самое обыкновенное: упорство и боязнь простого народа; но на этотъ разъ въ ней живѣе отозвалось сознаніе огромной пропасти между душой всѣхъ этихъ «людей» и ея собственной. Ей Кочегара очень жалко и стыдно за то, что и онъ, и остальная прислуга такъ безобразно тѣсно и грязно помѣщены. Но какъ быть? Ея пріятели, хозяева померовъ, хорошій народъ, но и они привыкли считать прислугу чѣмъ-то обреченнымъ на житье въ грязи и тѣснотѣ. Слѣдовало бы въ каждомъ корридорѣ отдѣлать двѣ большихъ комнаты подъ спальни прислуги и содержать постели въ такомъ же видѣ, какъ и у жильцовъ. Но ни имъ, ни ей это не приходило въ голову, а если и приходило, то такъ, случайно, въ видѣ общихъ гуманныхъ разсужденій, и не могло перейти въ дѣло.

Отправляя Кочегара въ больницу, она, конечно, желаетъ ему добра. Но самъ-то Кочегаръ этому не вѣритъ; не вѣритъ и Анѳиса, и Анисья, и Ѳеня, и Авдѣй, и Егоръ, и Савелій. Только Игнатій, считающій себя грамотѣемъ, и Арсеній, бывалый и разсудительный малый, признаютъ, быть можетъ, что противъ больницы не слѣдуетъ упираться, да и то изъ нежеланія показать себя «мужичьемъ».

Внизъ Елена Григорьевна спускалась медленно. Сегодня у ней будетъ ужасный день. Поваръ запилъ. Жильцы страшно недовольны ѣдой. Отдувается Егоръ—этотъ противный Егоръ, за котораго она должна держаться поневолѣ. Больная плоха и врядъ ли встанетъ на ноги. Покойниковъ всегда боятся. Да и она сама измаялась съ нею.

Тутъ только она вспомнила объ Ольгѣ и Андреевѣ. Ея роль по-

казалась ей просто неопрятной. Андреевъ, навѣрное, придетъ сейчасъ узнать объ отвѣтѣ. Она ему скажетъ, что «такъ нельзя», да и съ Ольгой поговоритъ построже.

На нижней лѣстницѣ ее остановилъ разговоръ въ сѣняхъ. Она узнала голосъ Андреева.

Подслушивать она не желала, но ей захотѣлось понять сразу, о чемъ Андреевъ имъ проповѣдуетъ.

А онъ дѣйствительно держалъ рѣчь швейцару, его «подпаску» Савелію и зашедшему съ улицы посыльному, сидя на диванѣ, около входной двери.

— И теперь,—доносилась до нея рѣчь Андреева,—хозяева въ Парижѣ труса празднуютъ. Рабочіе какъ слѣдуетъ за умъ взялись; у нихъ вездѣ общества и выборные.

— Именно,—подтвердилъ швейцаръ Арсеній, читавшій постоянно въ газетахъ «иностранную политику».

— На три части чтобъ день раздѣлить, плату поднять и ни подъ какимъ видомъ чтобы больше осьми часовъ не работать.

— А восемь-то что дѣлать? — спросилъ наивно Савелій, простоватый и влюбчивый малый, съ нѣкоторыхъ поръ неравнодушный къ горничной Ѳенѣ.

— Что хочешь дѣлай. Отдыхай, книжки читай или съ пріятелями калякай.

— А восемь, значитъ, на сонъ?—спросилъ посыльный.

— На сонъ.

«Зачѣмъ это онъ ихъ смущаетъ?» — подумала Елена Григорьевна, продолжая стоять за поворотомъ лѣстницы и краснѣя отъ сознанія, что она какъ будто подслушиваетъ.

Она сама сочувствуетъ рабочему вопросу, но съ какой же стати Андреевъ проповѣдуетъ все это ея прислугѣ? Только чтобы играть роль? Не нравится ей въ немъ краснобайство, желаніе встать выше своего положенія. За идею онъ, небось, не пойдетъ въ Сибирь, а только рисуется.

— Рабочихъ-то боятся, а прислуги никто нигдѣ не боится. Какъ вы объ этомъ думаете, братцы?—задорно спросилъ Андреевъ.

— Кому насъ бояться?... Нешто мы что можемъ?—откликнулся Савелій.

— Въ томъ-то и дѣло, что вы не понимаете своего интереса. Господа сами станутъ, что ли, сапоги ваксить, лоханки выносить, печи топить, полы натирать?

— Пробуютъ,—полусерьезно, полушутя промолвилъ Арсеній.

— Ха, ха!... Это они спасаются. Полы сами метутъ, воду во-

зять, а въ первомъ классѣ ѣздятъ и за кресло по пяти рублей платятъ. Одна блажь! Безъ прислуги никому не обойтись. И никто-то объ ней не пикнетъ. Околѣвай она на улицѣ, когда придетъ старость. Какъ бывшихъ дворовыхъ по міру пустили безъ земель, такъ и теперь—лакейская братія.

Кто-то громко вздохнулъ.

Щеки Елены Григорьевны разгорѣлись. Она сбѣжала въ сѣни.

XXXII.

— Арсеній!—позвала она сначала швейцара, какъ бы не замѣчая Андреева.

Тотъ всталъ и окликнулъ ее.

— Мое почтеніе, Елена Григорьевна.

— Здравствуйте, Андреевъ,—отвѣтила она торопливо и продолжала въ сторону швейцара:—Пожалуйста, Арсеній. Надо, до обѣда, отправить Өедота въ больницу. Я вчера вамъ говорила, въ какую, Савелій... Ты поможешь свезти его?

— А у васъ тяжелый больной?—спросилъ Андреевъ, подходя къ ней и подавая ей руку пріятельскимъ жестомъ.

Почему-то ей это не понравилось. Она взглянула на него вбокъ и не сразу пожала ему руку.

— Да, должно быть, тифъ начинается.

Она не хотѣла проговориться о томъ, что Кочегаръ заболѣлъ, быть можетъ, оспой.

— Къ вамъ позвольте на минутку,—сказалъ потомъ Андреевъ, наклонившись къ ней.

— Милости просимъ.

Она повернулась на каблукѣ и пошла наверхъ. Андреевъ за нею.

Въ Еленѣ Григорьевнѣ не улеглось недовольство Андреевымъ не за одну Ольгу, но и за то, что онъ сейчасъ «смущалъ» прислугу. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ она способна была бы и сама такъ чувствовать и даже такъ говорить, но теперь она не могла быть заодно съ нимъ.

Ей не хотѣлось, однако, дать понять, что она слышала, какъ онъ говорилъ съ прислугой. Онъ могъ подумать, что она подслушиваетъ, да и не желала она въ эту минуту вступать съ нимъ въ пренія.

До входа въ ея комнату они не разговаривали. Андреевъ видѣлъ, что она разстроена и утомлена сильнѣе обыкновеннаго. Ему

не было ея особенно жаль. У ней такая ужь натура, и онъ хоть и считалъ ее «недурнымъ человѣкомъ», но, все-таки, относился къ ней какъ къ барышнѣ и самую доброту ея склоненъ былъ объяснить нервами и «сантиментами».

Онъ не разъ, думая о ней, разсуждалъ такъ:

«Коли она была бы совсѣмъ *нашъ* человѣкъ, она бы не пошла въ услуженіе къ буржуямъ, не имѣла бы у себя подъ командой цѣлаго штата наемныхъ рабовъ».

— Что прикажете?—спросила Елена Григорьевна своимъ дѣловымъ тономъ, который у нея выходилъ всегда рѣзкимъ звукомъ.

— Что прикажете?—переспросилъ съ усмѣшкой Андреевъ.— Вы точно все запамятовали, Елена Григорьевна... насчетъ вчерашняго посланія... съ Дарьей?

Онъ повелъ выразительно головой.

— А-а...—протянула Елена Григорьевна.—Садитесь, пожалуйста... Я опять ныньче полночи не спала.

Она опустилась на кушетку. Ея тонъ немного смущалъ Андреева.

— Голубушка, Елена Григорьевна,—возбужденно заговорилъ Андреевъ,—какой же отвѣтъ принесла Дарья?

— Ольга никакой записки не прислала.

Съ усиліемъ произнесла она эти слова и потянулась рукой къ столику взять папиросу и закурить. Лгать или утаивать она не любила.

— Желаете?—предложила она и ему.

Онъ всталъ и подошелъ къ кушеткѣ взять спичку.

— Вамъ, быть можетъ, не удобно будетъ,—началъ онъ менѣе увѣренно и губы его повела двойственная усмѣшка.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Со двора надо... или другое что. Я и васъ хотѣлъ просить,—онъ закурилъ и присѣлъ на край кушетки,—не въ службу, а въ дружбу, Елена Григорьевна... Вы такой человѣкъ, что все поймете... Мы любимъ другъ друга... не на вѣтеръ. Конечно, я, по моимъ заработкамъ, не могу обезпечить ее и сейчасъ же назвать ее моею женой. Но она довѣряетъ мнѣ... Намъ тяжко видаться урывками, на улицѣ, въ Гостиномъ... да и она стѣсняется. У себя я не могу ее принять,—щажу ея чувство. Да она и побоится... Вы бы соблаговолили, Елена Григорьевна, благо я знаю, у васъ теперь цѣлыхъ два номера стоятъ пустыми, позволить намъ...

— Видѣться тамъ съ Ольгой?

— А то что же?

— Нѣтъ, этого не будетъ!

Она вскочила съ кушетки и заходила по комнатѣ. Волосы ея еще сильнѣе растрепались и щеки пылали.

— Мы считаемъ себя какъ женихъ и невѣста, — выговорилъ Андреевъ и тоже всталъ.

Въ глазахъ его мелькнулъ гнѣвный огонекъ.

— Этого не будетъ! Я не могу этого сдѣлать, во-первыхъ, какъ довѣренное лицо... У насъ не номера для пріѣзжающихъ.

Андреевъ стоялъ блѣдный и губы его подергивало.

— Этакаго буржуазно-фарисейскаго окрика я отъ васъ, Елена Григорьевна, не ожидалъ...

— Чтобы всѣ жильцы и вся прислуга, — продолжала она еще горячѣе, — считали меня... способной...

Она не нашла сразу болѣе мягкаго и приличнаго выраженія.

— Понимаю-съ, — остановилъ ее Андреевъ. — Выходитъ, вы свою-то собственную совѣсть ставите ниже того, какъ про васъ толковать будутъ? Вы, значитъ, и насъ съ Ольгой считаете порядочною дрянью?

— Вовсе нѣтъ! Но еслибъ я не завѣдывала этимъ гарни, а жила въ своей квартирѣ, гдѣ у меня была бы свободная комната, я и тогда не согласилась бы на то, о чемъ вы меня просите, Андреевъ. Буржуазно это или не буржуазно, я не знаю.

— Барышня въ васъ заговорила, позвольте вамъ доложить. Вы насъ не считаете ровней себѣ: ни меня грѣшнаго, ни Ольги. Будь мы, по вашимъ понятіямъ, совсѣмъ вашего сословія, вы бы иначе посмотрѣли на мою просьбу.

— Нѣтъ!... Тысячу разъ нѣтъ!...

У Елены Григорьевны заныло подъ ложечкой. Она раздражалась противъ этого зазнавшагося разночинца, не замѣчая того. За Ольгу ей стало вдругъ страшно и совѣстно за себя: какъ могла она довести до того, что этотъ «нахалъ» такъ теперь разговариваетъ съ нею?

Его видъ, потертое пальто съ мерлушкой, рубашка съ косымъ воротомъ, большіе сапоги усиливали ея раздраженіе. Это неряшество въ одеждѣ она объясняла теперь несомнѣнною рисовкой, игрой въ «несчастнаго пролетарія».

— Вы не желаете, стало быть? — сдерживая наплывъ злобности, спросилъ Андреевъ. — Какъ вамъ будетъ угодно... Въ другомъ мѣстѣ поищемъ.

Онъ умышленно небрежно повернулся къ дверямъ.

Елена Григорьевна продолжала говорить ему вслѣдъ:

— Ольга должна понять, что такъ нехорошо... И я обязана предостеречь ее.

— Отъ чего?

Андреевъ повернулся и глаза его метнули на нее гнѣвный и вызывающій взглядъ.

— Вы сами знаете, отъ чего, Андреевъ. Я не вправѣ считать васъ нечестнымъ, но съ вашею натурой вы не можете отвѣчать за себя... Она бѣдная дѣвушка и не трудно загубить ее...

— Разумѣется!—перебилъ онъ ее и хрипло засмѣялся.—Вы о ней говорите, точно она горничная, а я корридорный... Эхъ, барышня!

Онъ мотнулъ головой и вышелъ. Елена Григорьевна съ внезапною болью въ вискѣ осталась посреди своей комнаты, готовая заплакать,—до такой степени ей было горько за этотъ разговоръ.

Андреевъ, въ корридорѣ, надѣлъ шапку и повернулъ влѣво, туда, гдѣ былъ одинъ изъ свободныхъ номеровъ. Будь у него три цѣлковыхъ въ карманѣ, онъ бы вернулся къ «управительницѣ», далъ бы задатокъ и сталъ требовать, чтобы номеръ былъ оставленъ за нимъ.

Откуда-то выплыла Дарья.

— Ты здѣсь?—спросилъ онъ нервно.—Ольга Ѳедоровна никакого отвѣта не дала?

— Записочки не было,—шепотомъ заторопилась Дарья,—а на словахъ онѣ отвѣтили, что постараются быть передъ обѣдомъ.

— А-а! Вотъ что!

Андрееву страстно захотѣлось броситься къ «барышнѣ» и уличить ее во лжи, но онъ сдержалъ себя. Все равно, въ пять часовъ онъ опять будетъ здѣсь и захватитъ Ольгу.

— Ладно,—сказалъ онъ Дарьѣ и сунулъ ей въ руку гривенникъ.

«Найдемъ комнату и въ другомъ мѣстѣ», — подумалъ онъ, и зашагалъ по корридору къ выходу.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Д. В. Григоровича *).

XI.

Романъ *Проселочныя дороги.*—Новыя цензурныя затрудненія.—Мои сосѣди по деревнѣ: С. Н. Мосоловъ и семейство графа N. — Романъ *Рыбаки* и дальнѣйшія литературныя работы.

Съ каждымъ годомъ я болѣе и болѣе привязывался къ своему углу въ деревнѣ. Когда работа завлекала и затягивалась, нерѣдко случалось мнѣ проводить въ немъ часть зимы, иногда—цѣлую зиму. Многое поэтому изъ того, что совершалось въ эти періоды времени въ литературныхъ кружкахъ Петербурга, было мнѣ неизвѣстно или доходило до меня частью изъ писемъ, частью по слухамъ; упоминать объ этомъ значило бы повторять то, что̀ было сказано въ воспоминаніяхъ другихъ лицъ, и разсказывать о томъ, чему я лично не былъ свидѣтелемъ.

. . . .

Мнѣ давно хотѣлось попробовать свои силы въ работѣ бо̀льшаго размѣра. Я набросалъ планъ пространнаго романа изъ провинціальнаго быта, сообщилъ объ этомъ письменно Краевскому и вскорѣ получилъ отвѣтъ съ просьбой помѣстить романъ въ *Отечественныхъ Запискахъ,* на что я охотно согласился.

Писать вторую часть романа въ то время, какъ печатается перра[...] часть, было для меня невозможно; одна мысль объ этомъ пара[...]изировала мои способности, лишала меня той энергіи, которая нео[...]ходима, когда дѣло идетъ о большой, продолжительной работѣ. Я [...]ѣшилъ написать весь романъ и печатать его не прежде, какъ око[...]чу послѣднюю главу. Я писалъ его болѣе года, въ теченіе зимы [...] лѣта не выѣзжая изъ деревни.

---

*) [...]*усская Мысль,* кн. I.

Съ печатаніемъ романа *Проселочныя дороги* вышла почти такая же исторія, какъ съ повѣстью *Антонъ Горемыка,*—цензура остановила его послѣ первой части; предлогъ на этотъ разъ былъ тотъ, что дворянство выставлялось здѣсь въ слишкомъ каррикатурномъ видѣ и этого допустить было невозможно. Послѣ долгихъ и неуспѣшныхъ переговоровъ Краевскаго съ цензоромъ, меня надоумили обратиться лично къ Мусину-Пушкину, тогдашнему попечителю и управляющему цензурой. Мусинъ-Пушкинъ, человѣкъ мрачнаго и желчно-раздраженнаго вида, принялъ меня, однакожь, довольно милостиво. Убѣдившись, вѣроятно, изъ моихъ объясненій, насколько я былъ далекъ отъ намѣренія осмѣивать русское дворянство, онъ согласился дозволить печатаніе романа, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы я вставилъ страницу, въ которой было бы сказано, что всѣ лица романа принадлежатъ исключительно къ поэтическому вымыслу, не больше, какъ преувеличенная каррикатура противъ существующей дѣйствительности. Страница была написана, приложена къ тексту и романъ продолжалъ печататься.

Но этимъ еще не кончилось. Съ печатаніемъ почти каждой главы приходилось ѣздить въ Екатерингофъ на дачу къ Фрейгангу, тогдашнему цензору *Отечественныхъ Записокъ.* Его метода состояла въ томъ, чтобы преслѣдовать все, что сколько-нибудь давало жизнь, одушевляло описываемое лицо или даже картину природы. «Солнце, склоняясь къ западу, ярко освѣщало купола церквей». «Гм... ярко... — говорилъ Фрейгангъ, — скажите, пожалуйста, зачѣмъ тутъ: ярко?... Слово это, повѣрьте, ничего не прибавляетъ... У васъ и безъ того такъ прекрасно описано... — подхватывалъ онъ тономъ весельчака,—или еще здѣсь: у него носъ похожъ былъ на перезрѣлую сливу... Фи, перезрѣлая слива! Неужто вамъ самимъ не противно? Фи, фи!... Воля ваша, я не могу этого пропустить. Замѣните это чѣмъ-нибудь другимъ. У васъ, мой любезнѣйшій, одинъ господинъ названъ Солонѣевымъ, — это невозможно; я лично знакомъ съ двумя Солонѣевыми. Они могутъ принять на свой счетъ, могутъ оскорбиться... Придумайте другую фамилію. Чтобы покончить съ этимъ, я зачеркну Солонѣева. Но оставимъ это... Сейчасъ два часа... Смотрите отсюда съ балкона на взморье... Сію минуту г-жа Дюръ выйдетъ на берегъ купаться, какъ нѣкая Фринея... Возьмите со стола бинокль...»

Фрейгангъ, думая умаслить авторовъ своимъ веселымъ видомъ, своими шуточками и паясничествомъ, достигалъ всегда обратнаго результата: его мелочная, безсмысленная и безапелляціонная

придирчивость дѣйствовала на каждаго раздражительнѣе, чѣмъ суровые, молчаливые приговоры другихъ цензоровъ.

Единственнымъ, вполнѣ просвѣщеннымъ и расположеннымъ къ литературѣ былъ цензоръ Бекетовъ (однофамилецъ нашего товарища по инженерному училищу); его посчастливилось достать *Современнику*. Разумное отношеніе къ печати, часто смѣлость Бекетова, объяснялась отчасти также его близкимъ родствомъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ романа *Проселочныя дороги* началъ распространяться слухъ, будто я описалъ въ немъ самымъ безцеремоннымъ образомъ помѣщиковъ своего уѣзда и насмѣшками отплатилъ имъ за ихъ хлѣбъ-соль. Слухъ этотъ вышелъ изъ московскаго литературнаго кружка, куда случайно затесался одинъ изъ жителей уѣзда; онъ думалъ этою сплетней подыграться, угодить своимъ знакомымъ, зная ихъ нерасположеніе къ петербургскимъ литераторамъ.

Не въ оправданіе, но для возстановленія истины долженъ сказать: во всемъ романѣ нѣтъ ни одного лица, *цѣликомъ* списаннаго съ натуры. Я былъ настолько уже опытенъ, чтобы знать, что портреты, взятые прямо съ живыхъ лицъ, никогда не удаются въ литературѣ; существующее лицо можетъ дать намекъ на характеръ, но только намекъ; вполнѣ жизненные типы и характеры получаются отъ слiянія намека съ однородными ему чертами, встрѣченными у разныхъ лицъ. Не могъ я также отплатить насмѣшкой за мнимое хлѣбосольство по другой причинѣ: знакомство мое въ уѣздѣ было самое ограниченное; много если я бывалъ у трехъ сосѣдей, съ которыми видѣлся всего разъ или два въ годъ.

Чаще всего я ѣздилъ въ дальній конецъ уѣзда, къ Мосоловымъ, жившимъ подобно мнѣ своею особою жизнью и также мало съ кѣмъ водившихъ знакомство. Помимо личныхъ симпатій, меня привлекала къ нимъ артистическая атмосфера, страстная любовь къ художеству хозяина дома. С. Н. Мосоловъ владѣлъ знаменитою картинною галлереей въ Москвѣ, на Лубянкѣ; отправляясь въ деревню, онъ бралъ съ собою только собраніе своихъ гравюръ, также весьма цѣнное. Привязанный къ своей коллекціи, какъ къ родному дѣтищу, онъ рѣдко выѣзжалъ изъ дому; но стоило ему получить извѣстіе изъ Лейпцига или Нарижа о продажѣ собранія гравюръ, онъ немедленно укладывался и летѣлъ за границу. Въ жару аукціона, ему ничего не стоило заплатить тысячу таллеровъ за рѣдкій оттискъ гравюры Рембрандта, любимаго его мастера. Въ деревнѣ у него былъ печатный станокъ; видя, какъ онъ и его сынъ гравировали крѣп-

кою водкой и печатали, я невольно соблазнился примѣромъ, началъ у нихъ учиться и награвировалъ нѣсколько копій съ Остада и Бега. Сынъ С. Н. Мосолова сдѣлался потомъ настоящимъ граверомъ; его изданіе съ эрмитажныхъ картинъ Рембрандта знакомо всѣмъ любителямъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Другое семейство, куда я также довольно часто ѣздилъ, было семейство стараго аристократа, графа N. Его имѣніе находилось отъ меня всего въ восьми верстахъ. Я прежде не посѣщалъ его, такъ какъ онъ и его семья рѣдко наѣзжали въ деревню, а когда наѣзжали, то на самый короткій срокъ. Ихъ взглядъ на сельскій бытъ и самый образъ жизни въ деревнѣ отличались большою оригинальностью.

Первая забота послѣ пріѣзда состояла въ томъ, что каждый членъ семейства отгораживалъ въ своей комнатѣ довольно значительное пространство, обтянутое кисеей, чтобы предохранить себя отъ пауковъ, комаровъ, пчелъ, мухъ и другихъ безпокойныхъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ. Успокоивъ себя на этотъ счетъ, всѣ принимались дѣятельно *хозяйничать:* обивать бесѣдки парусиной съ украшеніями, вырѣзанными изъ кумачу, составлять изящные букеты и разставлять ихъ по комнатамъ, составлять изъ плюща и другихъ вьющихся растеній маленькія красивыя арки и т. д.

Старика графа занимали больше серьезныя статьи по хозяйству: хороши ли будутъ въ нынѣшнемъ году дыни? Начинаютъ ли подрумяниваться персики? Много ли нынѣшній годъ родится спаржи?

Когда старый графъ выходилъ изъ своего кисейнаго прикрытія и садился у окна, за спинкой его кресла всегда можно было видѣть его управляющаго, маленькаго, сѣденькаго старичка, носившаго неизмѣнно синій сюртукъ и туго-накрахмаленный бѣлый галстукъ. «Есть ли у насъ достаточно цыплятъ, Иванъ Васильевичъ?»—спрашивалъ графъ.— «Чего у насъ нѣтъ, ваше сіятельство, чего у насъ нѣтъ!»—восхищенно и вздрагивая всѣми членами отвѣчалъ всегда управляющій. «Зачѣмъ, Иванъ Васильевичъ, вы всегда такъ говорите графу?—спрашивалъ я его, когда мы оставались вдвоемъ.—Вы, вѣдь, очень хорошо знаете, что у васъ нѣтъ тог[illegible], что графъ требуетъ». — «Знаю-съ, очень хорошо знаю-съ,—о[illegible]вѣчалъ всегда Иванъ Васильевичъ,—но, вѣрите ли, какъ тол[illegible] вспомню, что графъ изволитъ кушать чай съ государемъ, на ме[illegible] такой страхъ нападаетъ,—самъ не помню, что говорю... стараю[illegible] только успокоить его сіятельство...»

Разъ пріѣзжаю я къ N. въ воскресный день. Весь народъ [illegible] праздничныхъ одеждахъ и наполняетъ садъ; по аллеямъ разстав[illegible]

ны новыя складныя лѣстницы; по ихъ ступенькамъ подымаются и спускаются бабы и дѣвчонки; на сосѣднихъ лужайкахъ разостланы простыни съ ворохами липоваго цвѣта; по аллеямъ, съ озабоченнымъ видомъ, прогуливаются дамы въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ и ихъ дѣти; наконецъ, тяжело расхаживаетъ самъ графъ.

— Что это?— спрашиваю я, обводя глазами все пространство аллеи.

— Хорошъ сельскій житель, — воскликнулъ графъ, указывая на меня дамамъ, — хорошъ: спрашиваетъ, что это? Развѣ вы не знаете, — продолжалъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ,—что липовый цвѣтъ—важная хозяйственная статья дохода? Липовый цвѣтъ, когда просохнетъ, лучшее потогонное средство и въ немъ нуждаются всѣ аптеки... Хорошъ, хорошъ сельскій житель, нечего сказать!...

Я узналъ потомъ отъ управляющаго, что изъ собраннаго липоваго цвѣта съ трудомъ продано было фунтъ за полтинникъ въ зарайскую аптеку; остальное свалено въ сарай, гдѣ и сгнило.

Когда я коснулся того, что сегодня праздникъ и въ эти дни народъ обыкновенно не работаетъ, на меня ожесточенно напали дамы; меня обвинили въ закоснѣломъ предубѣжденіи противъ наивной и, слава Богу, существующей еще патріархальности народа, ищущаго только случая, какъ бы угодить своимъ господамъ.

Передъ отправленіемъ въ Москву, куда призывала его коронація императора Александра II, старый графъ разсказалъ намъ случай съ нимъ, который настолько характеризуетъ его самого, что я тогда же записалъ его и теперь рѣшился вставить въ свои воспоминанія. «Государь императоръ Николай Павловичъ былъ всегда ко мнѣ милостивъ,—такъ началъ графъ.—Разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ курьеръ съ приказаніемъ немедленно явиться во дворецъ. Одѣваюсь, ѣду. Зовутъ въ кабинетъ. «Сейчасъ,—сказалъ мнѣ государь,— получено извѣстіе изъ Рима: жена твоя опасно заболѣла... Но успокойся: я предупредилъ твоего брата; все готово къ твоему отъѣзду; поѣзжай съ Богомъ, не теряя времени. Когда пріѣдешь въ Римъ и успокоишься,— надѣюсь, все кончится благополучно,— ты отправишься въ Ватиканъ и лично отъ меня передашь папѣ эту бумаг ,—добавилъ государь, передавая мнѣ объемистый конвертъ. На с дующій день я былъ въ дорогѣ. Болѣзнь жены не выходила у м ия изъ головы; понимаете, въ какомъ я находился состояніи (изв тно было, что между нимъ и графиней существовалъ давнишній р ладъ). Подъ вліяніемъ безпокойства я ѣхалъ, нигдѣ не останавл аясь; такъ доѣхалъ я до Флоренціи. При выѣздѣ изъ этого гор а. У самыхъ воротъ, встрѣчаю я молоденькую красавицу фло-

рентинку съ корзиной, наполненной вишнями; вишни необыкновенныя: сочныя, крупныя, точно сливы. Я всегда любилъ фрукты; я остановилъ коляску, купилъ всю корзинку и положительно началъ объѣдаться. Спустя нѣкоторое время я подумалъ, однакожь: если я буду такъ продолжать, то испорчу себѣ, во-первыхъ, желудокъ; во-вторыхъ, и самыя вишни скоро исчезнутъ. Я вынулъ тогда маленькую записную книжку и принялся высчитывать, сколько вишенъ слѣдуетъ съѣсть въ часъ, чтобъ ихъ достало до Рима. Болѣзнь жены продолжала, однакожь, сильно меня тревожить; она положительно отравляла удовольствіе путешествія...

«Я уже подъѣзжалъ къ Риму, какъ вдругъ, на какомъ-то поворотѣ, на встрѣчу летятъ двѣ коляски съ молодыми людьми, поющими пѣсни; это были наши русскіе художники; они отправлялись въ загородную экскурсію; двое изъ нихъ узнали меня, остановили своихъ лошадей и быстро соскочили, спѣша сообщить мнѣ пріятную новость: имъ извѣстно было изъ посольства, что графиня совершенно вышла изъ опасности; не далѣе какъ наканунѣ ей разрѣшено было встать съ постели. Успокоенный на этотъ счетъ, я присоединился къ молодежи и отправился съ ними. Знаете, я самъ тогда былъ молодъ (ему уже было тогда за сорокъ лѣтъ) и легко увлекался; къ тому же, это были такіе славные ребята, такіе весельчаки... Мы, на радостяхъ, признаться, изрядно тогда подкутили. Доброе итальянское винцо, этотъ козій сыръ съ пикантнымъ вкусомъ, — все это, понимаете, располагало... Безпокойство насчетъ графини, все-таки, меня не оставляло. Переночевавъ въ загородной остеріи, я на другой день рано утромъ поѣхалъ въ Римъ. Слава Богу, я нашелъ тамъ все благополучнымъ: графинѣ было гораздо лучше. Я наскоро вытерся льдомъ, взялъ конвертъ, порученный государемъ, и, не теряя минуты, отправился въ Ватиканъ. Меня ввели въ просторную комнату, —какъ теперь помню, —выкрашенную сѣрою краской; полузакрытыя ставни распространяли повсюду пріятный полусвѣтъ; было прохладно; въ комнатѣ носился запахъ лимона... Вошелъ папа; я почтительно подалъ ему конвертъ; онъ усадилъ меня въ ближайшее кресло, раскрылъ конвертъ и началъ читать. Не знаю, что произошло со мною; былъ ли я очен[ь] утомленъ послѣ дороги, вчерашняя ли встрѣча съ художникам[и], только глаза мои сомкнулись, ноги вытянулись и я крѣпчайшим[ъ] образомъ заснулъ передъ святымъ отцомъ...»

На этомъ разсказъ его остановился; что дальше происходило, онъ не сообщалъ слушателямъ.

Романъ *Проселочныя дороги* не имѣлъ успѣха. Я самъ былъ и[з]

недоволенъ. Я понадѣялся через-чуръ на свои силы, воoo, что могу писать, не стѣсняя себя безпрестанными поправками переписываніемъ по нѣскольку разъ одного и того же, какъ я дѣлалъ это до сихъ поръ; много виновато было также мое неумѣнье въ распредѣленіи матеріала; болѣе опытный литераторъ выкроилъ бы изъ него два-три романа. Но нѣтъ худа безъ добра. Неудача возбудила во мнѣ неодолимое желаніе написать новый романъ и на этотъ разъ отложить всякую самонадѣянность, возвратиться къ старой моей методѣ. Сюжета нечего было долго искать: онъ былъ передъ глазами и самъ напрашивался.

Въ послѣдніе годы въ нашемъ Приокскомъ краѣ усиленное развитіе фабричнаго миткалеваго производства замѣтно вредило не только хлѣбопашеству, но нарушало въ крестьянскомъ семейномъ быту патріархальные нравы, которые я засталъ еще въ юности. Въ деревняхъ стали появляться молодые щеголи, въ жилеткѣ поверхъ рубашки, въ фуражкѣ съ козырькомъ, высокихъ сапогахъ, съ гармоніей въ рукахъ и папиросой въ зубахъ, не имѣвшіе ничего общаго съ ихъ отцами и дѣдами; въ деревняхъ начались развратъ, пьянство, неповиновеніе родителямъ. Героемъ моего новаго романа выбралъ я знакомаго мнѣ стараго рыбака, закоснѣлаго въ своихъ привычкахъ и вѣрованіяхъ, и противупоставилъ ему лицъ новаго поколѣнія; борьба между этими двумя противуположностями должна была служить завязкой романа. Чтобы привести мой сюжетъ въ тотъ оконченный литературный видъ, какой мнѣ хотѣлось, я употребилъ на него также около года. Успѣхъ *Рыбаковъ* вознаградилъ меня за трудъ выше моихъ ожиданій.

Романъ этотъ, послѣ него нѣсколько повѣстей и, наконецъ, романъ *Переселенцы* окончательно упрочили мое литературное положеніе.

XII.

А. Н. Островскій и его кружокъ.—Апол. Алекс. Григорьевъ.—А. Ѳ. Писемскій.—Поѣздка къ Тургеневу въ Спасское-Лутовиново.—Фарсъ, сочиненный общими силами.—Домашній спектакль у Тургенева въ деревнѣ.

Изъ московскихъ литераторовъ я былъ знакомъ только съ Пого[illegible]нымъ, Павловыми и Боткинымъ. Послѣ чтенія комедіи *Банкро[illegible]ъ* и особенно пьесы *Не въ свои сани не садись* мнѣ хотѣлось по[illegible]накомиться съ А. Н. Островскимъ. Съ этою цѣлью остался я [illegible][illegible]щій день въ Москвѣ и пошелъ разыскивать его по адресу.

[illegible]нъ жилъ тогда въ приходѣ Николы въ Воробинѣ, во второмъ

этажѣ деревяннаго дома, выходившаго однимъ фасомъ на улицу, другимъ на дворъ, окруженный торговыми банями.

Несмотря на то, что было еще рано,—часовъ около одиннадцати утра,—я засталъ у него нѣсколько близкихъ его пріятелей: Эдельсона, Алмазова, Аполлона Алекс. Григорьева и И. Ѳ. Горбунова, извѣстнаго теперь артиста и литератора-разсказщика, но тогда еще совсѣмъ молодого человѣка.

Островскій встрѣтилъ меня съ замѣтно сдержанною привѣтливостью; остальныхъ я точно стѣснилъ моимъ неожиданнымъ приходомъ. Но въ это утро я какъ нарочно былъ въ ударѣ и сдержанность пріема не только не охладила меня, но, напротивъ, какъ бы возбудила мои нервы. Я съ увлеченіемъ началъ разсказывать о впечатлѣніи, сдѣланномъ на меня пьесой *Банкротъ* при чтеніи на вечерѣ у графа Вельегорскаго, и пьесой *Не въ свои сани не садись*, недавно мною прочитанной. Живость моего разсказа, казалось бы, должна была благопріятно подѣйствовать на слушателей, молодыхъ людей почти однихъ лѣтъ со мною, но вышло наоборотъ. На меня смотрѣли какъ на человѣка, упавшаго съ луны и выдающаго за новость то, что давно извѣстно цѣлому свѣту; похвалы мои двумъ комедіямъ выслушивались какъ младенческій лепетъ, какъ жалкое, запоздалое эхо того восторга, который давно пробуждалъ геній Островскаго. Равнодушіе слушателей сопровождалось даже оттѣнкомъ ироніи, улыбками и взглядами, которыми обмѣнивались присутствующіе.

Одинъ изъ нихъ сообщилъ мнѣ впослѣдствіи, что неблагопріятному впечатлѣнію способствовали не только неумѣренная живость, съ какою я передавалъ мои впечатлѣнія, но даже моя одежда, клѣтчатыя панталоны и штиблеты, прикрывавшія мои лаковые башмаки. Въ ихъ глазахъ я, собственно какъ литераторъ, представлялъ мало интереса; во мнѣ видѣли только петербургскаго франта, олицетвореніе жителя Петербурга,—города, въ которомъ вообще нѣтъ *разумнаго спокойствія*; фраза эта была изобрѣтена лицами изъ кружка Островскаго. Ничѣмъ еще не заявивъ себя въ литературѣ, товарищи Островскаго были, тѣмъ не менѣе, высокаго мнѣнія о себѣ; они считали себя центромъ чего-то, какого-то новаго движенія, возвѣстителями новаго слова. Всѣ они безусловно, однако, преклонялись передъ Островскимъ, который, къ сожалѣнію, охотно поддавался восхваленіямъ кружка и мало-по-малу въ немъ обхаривался.

На меня съ перваго раза непріятно подѣйствовала рѣзкость ихъ сужденій и приговоровъ. Восхваленіе другъ друга, пристрастіе и

самомнѣніе переходили въ этомъ кружкѣ границы Геркулесовыхъ столбовъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличался Апол. Алекс. Григорьевъ. Эпиграмма, сочиненная его пріятелемъ Алмазовымъ, довольно вѣрно его характеризуетъ:

«Мраченъ ликъ, взоръ дико блещетъ,
Умъ отъ чтенья извращенъ,
Рѣчь парадоксами хлещетъ...
Се—Григорьевъ Аполлонъ!
Кто-жъ тебя въ свое изданье
Безъ контроля допустилъ?
Ты, невинное созданье,
Достоевскій Михаилъ!»

(Мих. Мих. Достоевскій, сдѣлавшись редакторомъ журнала *Эпоха*, пригласилъ Григорьева помѣщать у него критическія статьи).

Мнѣ разсказывали, что Апол. А. Григорьевъ, говоря о комедіяхъ Островскаго, выпалилъ, между прочимъ, такою фразой: «Шекспиръ настолько великій геній, что можетъ уже стать по плечо русскому человѣку!» Указывая на молчавшаго Островскаго, онъ въ другой разъ восторженно воскликнулъ: «Смотрите, смотрите, какое цицероновское молчаніе!» Ему также приписывали мнѣніе, что, въ сравненіи съ пьесами Островскаго, *Горе отъ ума* не комедія, а картины нравовъ въ сценахъ, написанныхъ стихами. Актеръ П. М. Садовскій, пріятель Островскаго и его друзей, былъ превосходный комикъ; его стали увѣрять, что онъ не понимаетъ значенія своего таланта, что въ немъ скрывается замѣчательный трагическій талантъ; основываясь на этомъ, его заставили играть короля Лира. Садовскій повѣрилъ и оказался въ этой роли ниже всякой критики. Выраженіе *играть роль нутромъ*, т.-е. не довольствоваться вѣрнымъ изображеніемъ характера, обрисованнаго авторомъ, и внѣшностью типа, но проникнуться нравственною глубиной изображаемаго лица, «сообщить плоть и кровь духовно-конкретному созданію драматической поэзіи», какъ выразился печатно Эдельсонъ, одинъ изъ друзей Островскаго. Совѣту этому слѣд[illegible]лъ до конца своей жизни только актеръ Бурдинъ; игра «нутр[illegible]ь» не помогла ему, сколько извѣстно, выйти изъ посредствен н[illegible]ти.

[illegible]Моя живость, истолкованная недостаткомъ «разумнаго спокойс[illegible]я» и легкомысліемъ, была, по мнѣнію кружка Островскаго, сов[illegible]ленно, впрочемъ, естественнымъ явленіемъ со стороны человѣ[illegible]а, у котораго мать француженка. Національность моей матери б[illegible]даже печатно приведена Апол. Григорьевымъ при разборѣ

романа *Рыбаки*, какъ доказательство, что въ романѣ этомъ нѣтъ, да и не можетъ быть ничего русскаго, что я, вообще, при всемъ стараніи, нахожусь, по крови моей, въ невозможности постичь духъ русскаго народа.

Такое же мнѣніе выражено было мнѣ разъ А. Ѳ. Писемскимъ послѣ напечатанія повѣсти его *Плотничья артель*. «Оставили бы, право, писать о мужикахъ,— сказалъ онъ мнѣ, — гдѣ вамъ, джентльменамъ, заниматься этимъ? Предоставьте это намъ; это же наше дѣло,—я самъ мужикъ!» Въ послѣднемъ заключеніи онъ показался мнѣ совершенно правымъ и я не возражалъ ему. Кстати о Писемскомъ. Онъ здѣсь является не совсѣмъ симпатичнымъ, но что же дѣлать; пришлось вспомянуть и не хочется выбросить изъ строчки. Лѣтомъ какъ-то пріѣхалъ я въ Петербургъ; я никогда не оставлялъ въ это время деревни, не имѣя въ рукахъ готовой работы. Узнавъ о болѣзни Панаева, я отправился навѣстить его. Онъ временно нанималъ небольшую квартиру въ Малой Конюшенной; я засталъ его съ обвязаннымъ лицомъ, опухнувшимъ отъ воспаленія губы. При немъ находился В. П. Боткинъ, нарочно пріѣхавшій изъ Москвы за нимъ ухаживать. Оба разсказали мнѣ, что Писемскій, не взлюбившій Панаева, хотя послѣдній не далъ ему къ этому никакого повода и никогда къ нему не ходившій, началъ посѣщать его теперь каждый почти день. Придетъ и, глядя на Панаева, скажетъ: «Сдается мнѣ, сегодня опухоль у васъ какъ будто увеличилась противъ вчерашняго... Я замѣчаю: больше даже красноты». Завтра придетъ и скажетъ: «Знаете ли, шутить этимъ нельзя... Вы все говорите: воспаленіе, смотрите, не ракъ ли у васъ?» Послѣ-завтра новый варіантъ: «У меня былъ знакомый,—скажетъ,— также вотъ было совершенно то же, что у васъ, кончилось, однакожь, антоновымъ огнемъ,—губу-то, вѣдь, вырѣзали...» И такъ далѣе онъ продолжалъ утѣшать больного, который и безъ того страдалъ изрядною мнительностью. Мнѣ также, вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминается забавная черта, характеризующая внезапную переходчивость Боткина отъ одного расположенія духа къ другому.

Панаевъ и Боткинъ оставили меня обѣдать. Во время всего обѣда Боткинъ ухаживалъ за Панаевымъ съ нѣжностью матер Онъ обращался къ больному не иначе, какъ называя его «Ваней не позволяя ему прикасаться ни къ чему горячительному, гово рилъ, что нарочно приказалъ приготовить курицу съ рисомъ, упрашивалъ пользоваться только тѣмъ, что мягчитъ, отнимает жаръ. Меня онъ убѣждалъ отправиться немедленно послѣ обѣда в водолечебное заведеніе, находившееся также въ Малой Конюшен

ной, и настоятельно совѣтовалъ приступить немедленно къ леченію. Зная его раздражительность, я не противорѣчилъ, и, окончивъ обѣдъ, мы вышли изъ квартиры. Искренно жалѣя Панаева и, съ другой стороны, тронутый ухаживаньемъ Боткина, я тутъ же на лѣстницѣ выразилъ мои безпокойства за больного. «Какъ?... Что-съ?»—воскликнулъ неожиданно Боткинъ и, выбранивъ меня хорошенько, разразился, къ моему удивленію, жесточайшею бранью противъ Панаева. Ив. Ив. Панаевъ былъ добрѣйшей души человѣкъ и не заслуживалъ сотой доли брани Боткина. Брань, надо сказать, нисколько не служила выраженіемъ неудовольствія противъ Панаева; она выражала только минутное эгоистическое раздраженіе, внезапно вспыхнувшее у Боткина при мысли, что вотъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться лѣтомъ, жить гдѣ-нибудь на дачѣ подъ Москвою, онъ добровольно, изъ одной пріязни, осудилъ себя сидѣть въ душномъ городѣ и возиться съ больнымъ, какъ какая-нибудь мамка.

. . . .

Сколько помнится, въ 1855 году Дружининъ, Боткинъ и я согласились совершить поѣздку въ деревню къ Тургеневу, который, послѣ кончины матери, упрашивалъ насъ пріѣхать къ нему въ Спасское-Лутовиново. Къ назначенному сроку мы съѣхались въ Москвѣ, переночевали у Боткина и на другой день выѣхали въ тарантасѣ на тульскую дорогу. Во все время пути Боткинъ, такъ часто мѣнявшій расположеніе духа, такъ неожиданно переходившій отъ сахара къ перцу и отъ меда къ горчицѣ, находился въ самомъ елейномъ настроеніи. Онъ все время съ нѣжностью говорилъ о Тургеневѣ, радовался его избавленію изъ-подъ суроваго гнета родительницы, радовался его теперешнему благосостоянію. Мы вторили ему и вмѣстѣ съ нимъ мысленно переносились къ тому, что̀ насъ ожидало: старинный, обширный барскій домъ, полный, какъ чаша, нескончаемый паркъ, лѣса на нѣсколько верстъ въ окружности и, наконецъ, перспектива увидѣть эту сосѣдку-красавицу, о которой Тургеневъ говорилъ, что при первомъ взглядѣ на нее умъ нашъ помрачится и мы всѣ попа̀даемъ ницъ, какъ подкошенны стебли.

Ожиданія наши, къ сожалѣнію, не вполнѣ оправдались. Послѣ пожара стараго дома осталась только часть его, куда перенесли все что можно было спасти; паркъ оказался садомъ, но, правда, очень большимъ, съ древними деревьями и пространнымъ прудомъ; на всемъ лежала печать запущенности, не мѣшавшей, впрочемъ, живописности въ цѣломъ. Вокругъ дома и деревни разстилалась плоская

черноземная земля; надо было отправляться версты за двѣ, чтобы встрѣтить холмы и лѣса. Сосѣдка-красавица произвела на насъ обратное дѣйствіе противъ того, что̀ мы ожидали: она была во всѣхъ статьяхъ скорѣе дурна собою, чѣмъ красива.

Разочарованіе наше продолжалось, впрочемъ, не долго. Радушная встрѣча, искренняя радость Тургенева, удовольствіе видѣть его въ собственномъ домѣ,—все это возвратило намъ отличное расположеніе духа. Боткинъ поворчалъ немного; не обошлось, конечно, безъ того, чтобъ онъ не подтрунилъ надъ хозяиномъ дома, но послѣ купанья въ пруду и отличнаго обѣда съ блюдомъ грибовъ, зажаренныхъ въ сметанѣ, онъ вдругъ умилостивился и нѣсколько разъ подходилъ къ Тургеневу, лаская его по плечу и пріискивая ему разныя милыя названія.

По утрамъ Тургеневъ удалялся въ свой маленькій кабинетъ, гдѣ находилась также его постель, загороженная ситцевыми ширмами; мы расходились по своимъ комнатамъ съ книгой или занимались писаніемъ писемъ. Къ завтраку и обѣду являлся всегда дядя Тургенева, человѣкъ старый, но крупный, служившій когда-то въ кавалеріи, большой весельчакъ и жуиръ, взявшій на себя всѣ хлопоты по хозяйству и, какъ оказалось, распоряжавшійся имъ на болѣе широкую ногу, чѣмъ бы слѣдовало; онъ приходилъ обыкновенно съ женою, молодою женщиной, годившеюся ему во внучки. Тургеневъ какъ будто стѣснялъ ихъ своими наѣздами въ деревню.

Послѣ обѣда къ подъѣзду подавали длинныя-длинныя дрожки, такъ называемыя *разлюли*, мы всѣ усаживались, не выключая Дьянки, любимой собаки Тургенева и неразлучной его спутницы, и отправлялись въ лѣсъ. Никогда, я думаю, лѣсъ Тургенева не оглашался такими взрывами хохота, какъ тогда, во время этихъ прогулокъ. Боткинъ положительно захлебывался отъ прилива сладкихъ чувствъ. Разъ только внезапно измѣнилъ онъ своему настроенію и налетѣлъ на меня какъ соколъ на жертву. Думая провести кратчайшимъ путемъ, я всѣхъ завелъ въ высокую, полную росы траву, и Боткину представилось, что онъ промочилъ себѣ ноги. Боже, какіе эпитеты посыпались на мою голову! Но мы вышли на красивую лужайку, оттѣненную большими деревьями, и все тотчасъ же какъ рукой сняло. Боткинъ бросился на траву, вытянулся на спинѣ и нѣжно-млѣющимъ голосомъ началъ читать стихотвореніе Кольцова:

«Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье...» и т. д.

По вечерамъ мы собирались въ диванной и кто-нибудь изъ насъ

громко читалъ новую статью изъ толстыхъ журналовъ, присылаемыхъ изъ Москвы и Петербурга. Вечеръ проходилъ иногда въ бесѣдѣ, приправляемой оживленнымъ споромъ.

Не помню, кто-то изъ насъ коснулся деревенской красавицы, которую такъ живо описывалъ намъ Тургеневъ и которая насъ такъ разочаровала. Боткинъ привязался къ этому случаю и сталъ язвить Тургенева, увѣряя, что привычка его усиливать всегда краски противъ того, что̀ есть въ дѣйствительности, часто ставитъ его въ комическое положеніе. Слово за словомъ, пришли къ заключенію, что такая слабость легко приводитъ къ послѣдствіямъ, которыя могли бы служить отличнымъ мотивомъ для сценическаго представленія. Я предложилъ присѣсть сейчасъ и набросалъ планъ пьесы; мысль была единогласно одобрена и Тургеневъ сѣлъ записывать; мы, между тѣмъ, кто лежа на диванѣ, кто расхаживая по комнатѣ, старались, перебивая другъ друга, развивать сюжетъ, придумывать дѣйствующихъ лицъ и забавныя между ними столкновенія. Кавардакъ вышелъ порядочный. Но на другой день, послѣ исправленій и окончательной редакціи, вышелъ фарсъ настолько смѣшной и складный, что тутъ же рѣшено было разыграть его между собой. Сюжетъ фарса не отличался сложностью: выставлялся добрякъ помѣщикъ, не бывавшій съ дѣтства въ деревнѣ и получившій ее въ наслѣдство; на радостяхъ онъ зоветъ къ себѣ не только друзей, но и всякаго встрѣчнаго; для бо̀льшаго соблазна, онъ каждому описываетъ въ яркихъ краскахъ неслыханную прелесть сельской жизни и обстановку своего дома. Прибывъ къ себѣ въ деревню съ женою и дѣтьми, помѣщикъ съ ужасомъ видитъ, что ничего нѣтъ изъ того, что онъ такъ краснорѣчиво описывалъ: все запущено, въ крайнемъ безпорядкѣ, всюду почти однѣ развалины. Онъ впадаетъ въ ужасъ при одной мысли, что назвалъ къ себѣ столько народу. Гости, между тѣмъ, начинаютъ съѣзжаться. Брань, неудовольствіе, ссоры, столкновенія съ лицами, враждующими между собою. Жена, потерявъ терпѣніе, въ первую же ночь уѣзжаетъ съ дѣтьми. Съ каждымъ часомъ появляются новыя л...а. Несчастный помѣщикъ окончательно теряетъ голову, и когда в...кавшая кухарка объявляетъ ему, что за околицей показались е... три тарантаса, онъ въ изнеможеніи падаетъ на авансценѣ и г...рить ей ослабѣвшимъ голосомъ: «Аксинья, поди скажи имъ, ч... мы всѣ умерли!...»

Тургеневъ самъ вызвался играть помѣщика; онъ добродушно с...асился даже произнести выразительно фразу, внесенную въ его р... и сказанную будто бы имъ на пароходѣ во время пожара:

«Спасите, спасите меня, я единственный сынъ у матери!» Боткинъ взялъ роль сластуна, брюзгливаго, ворчливаго статскаго совѣтника; Дружининъ долженъ былъ играть роль желчнаго литератора; мнѣ предоставлена была роль врага Дружинина, преслѣдующаго его всюду и на этотъ разъ рѣшившагося съ нимъ покончить.

Тургеневъ не остановился на этомъ: увлеченный мыслью домашняго спектакля въ Спасскомъ, онъ сталъ увѣрять, что одного фарса мало будетъ, необходимо передъ тѣмъ разыграть что-нибудь классическое; въ тотъ же вечеръ принесъ онъ намъ пародію на сцену Эдипа и Антигоны изъ Озерова; она оканчивалась такимъ образомъ:

Антигона (сантиментально).

Почто я зрю печали на лицѣ твоемъ, родитель?

Эдипъ (рыдая).

Ахъ, я Эдипъ!...

Антигона (цѣлуя его въ лысину).

Родитель, полно ныть...
Прекрасную тираду ты лучше прочитай,
Гдѣ въ пламенныхъ стихахъ
Ты сожалѣлъ о падшихъ волосахъ...

Эдипъ (внезапно одушевляясь).

Изволь, о дочь моя, изволь...
Ты зри главу мою... главу... зри... зри...

Антигона (въ страхѣ и въ сторону).

Онъ роль свою забылъ несчастный старикашка...
Уйдемъ отсель скорѣй, папашка...» и т. д.

Эдипа долженъ былъ представлять Тургеневъ, я—Антигону.

По этому случаю графиня М. Н. Толстая (сестра Льва Ник., сосѣдка Тургенева) прислала намъ цѣлый ларецъ браслетовъ, колецъ и діадему, долженствовавшіе украшать костюмъ Антигоны. Изъ Мценска привезли красокъ, кистей и нѣсколько стопъ бумаги. Я принялся клеить и писать декораціи; для Эдипа приготовилъ я изъ трепаной пакли парикъ и бороду.

Намѣреніе потѣшить только самихъ себя и двухъ-трехъ близкихъ сосѣдей совсѣмъ не удалось. Слухъ о *спектаклѣ* въ Лутовиновѣ быстро распространился по уѣзду; со всѣхъ концовъ посыпались письма съ просьбой получить приглашеніе. Тургеневъ все время страшно суетился; въ отвѣтъ на протесты съ нашей стороны, онъ увѣрялъ, что отказать просьбамъ—значило бы перессо-

риться со всѣмъ уѣздомъ, и поминутно повторялъ извѣстную французскую фразу:

— *Le vin est tiré il faut le boire!*

Вечеромъ, въ день спектакля, съѣхалось столько публики, что половина принуждена была слушать стоя.

Сцена изъ Эдипа не произвела никакого эффекта, несмотря на то, что Тургеневъ, въ своемъ парикѣ и бородѣ, дѣлавшихъ его похожимъ на короля Лира, очень хорошо изобразилъ разслабленнаго, выжившаго изъ ума старца. Фарсъ имѣлъ больше успѣха; мы лѣзли изъ кожи; Боткинъ былъ великолѣпенъ въ роли ворчливаго статскаго совѣтника. Сцена, когда желчный литераторъ (Дружининъ) бросаетъ зажженную спичку на солому, служившую ему постелью, и говоритъ: «Пускай горитъ, онъ накормилъ насъ тухлыми яйцами!» — и когда на крикъ: «пожаръ!» — выбѣжалъ самъ помѣщикъ (Тургеневъ) и произнесъ свою знаменитую фразу: «Спасите, спасите, я единственный сынъ у матери!» — вызвала дружные аплодисменты. Но, вообще, сколько можно было замѣтить, большинство публики осталось не вполнѣ удовлетвореннымъ спектаклемъ.

Эти пять-шесть недѣль, проведенныя въ Спасскомъ, считаю я въ числѣ лучшихъ моихъ воспоминаній.

Мнѣ случалось потомъ снова заѣзжать къ Тургеневу. Послѣдній разъ, лѣтомъ въ 1881 году, я засталъ у него семью Якова Петровича Полонскаго. Тургеневъ всегда особенно любилъ и цѣнилъ Я. П. Полонскаго; связь ихъ была давнишняя, едва ли не съ юности; онъ любилъ все, что было близко Полонскому, и радовался видѣть его семью у себя дома. Я, съ своей стороны, тоже радовался встрѣчѣ, такъ какъ раздѣлялъ къ семьѣ Полонскаго чувства Тургенева. Мы проводили время въ бесѣдахъ и прогулкахъ. Иванъ Сергѣевичъ былъ, попрежнему, разговорчивъ, привѣтливъ, часто шутилъ, но уже той веселости, — той полной веселости, которая оживляла насъ въ старое время, я уже въ немъ не замѣтилъ. Время отъ времени въ чертахъ его проявлялся плохо-скрываемый оттѣнокъ меланхолическаго, какъ будто даже горькаго чувства. Оно и понятно: не считая жены и дѣтей Я. П. Полонскаго, мы было въ тѣхъ уже годахъ, когда легче вспоминать о веселыхъ дняхъ, ч[illegible]ъ ихъ испытывать.

Кто бы могъ подумать, однакожъ, что злосчастному фарсу, сочи[н]ному нами ради потѣхи въ Спасскомъ, суждено было еще разъ [я]ться на сценѣ, — и гдѣ же? — въ Петербургѣ!

Чо я забѣгаю впередъ.

XIII.

Поѣздка въ Гдовскій уѣздъ.—А. В. Дружининъ.—Графъ Л. Н. Толстой.—Домашній спектакль въ домѣ архитектора Штакеншнейдера.

Въ концѣ іюля Боткинъ, Дружининъ и я простились съ Тургеневымъ и выѣхали изъ Спасскаго. Боткинъ остался въ Москвѣ; я и Дружининъ продолжали вмѣстѣ путь до Петербурга. У меня на рукахъ была новая повѣсть: *Пахарь*, обѣщанная Некрасову для *Современника*. Въ Петербургѣ я остался всего нѣсколько дней и уѣхалъ вмѣстѣ съ Дружининымъ къ нему въ деревню, за Нарву, въ Гдовскій уѣздъ.

Всѣ помѣщики, видно, на одинъ покрой; къ личному самолюбію они присоединяютъ еще щекотливое самолюбіе владѣльца. Дружининъ описывалъ мнѣ свою деревню (Марьинское) такъ краснорѣчиво, что, можно было думать, она находится не въ сѣверной полосѣ Россіи, а на южномъ берегу Крыма или по сосѣдству съ Ниццей. «Жаль,—говорилъ онъ,—мы не поспѣли къ іюню: въ это время нашъ садъ и все пространство вокругъ дома покрыто розами!»

Дорога, особенно послѣ Нарвы, во всякомъ случаѣ, не отвѣчала преддверію земного рая; все время показывались унылые сосновые перелѣски и колеса тарантаса то и дѣло наѣзжали на корни, причемъ насъ бросало въ разныя стороны, какъ орѣхи, которыхъ встряхиваютъ въ мѣшкѣ; въ воздухѣ, надъ низменною болотною почвой, отдавало кислотой и сыростью; на пахотныхъ поляхъ, вмѣсто земли, было точно посыпано золою; каждую десятину окружалъ ворохъ сложеннаго булыжника и, все-таки, онъ отовсюду выглядывалъ изъ сѣрой почвы; видно было, что всю эту мѣстность когда-то покрывала вода и по ней плавали льдины, приносившія съ сѣвера обломки скалъ и гранита.

Домъ въ Марьинскомъ былъ старинный, деревянный; насъ помѣстили подлѣ, въ небольшомъ флигелѣ. За домомъ спускался къ пруду большой яблонный садъ. Мы пріѣхали вечеромъ и тотчасъ же отправились къ хозяйкѣ дома, матери Дружинина, представлявшей исчезающій теперь типъ привѣтливыхъ, милыхъ старушек сохранившихъ въ преклонныя годы необыкновенную живость и в селость. Къ ея пріѣзду на окно, подлѣ ея стула, ставилась всегд стеклянная банка съ водою и плавающимъ въ ней вьюномъ; ста рушка утверждала, что всѣ барометры врутъ безпощадно, пуст выдумка и только на вьюна можно вполнѣ положиться, такъ каг одинъ онъ безошибочно указываетъ перемѣну погоды. Добрая ст

рушка, предполагая, что дорога насъ утомила (вьюнъ не сообщалъ этого, но это было вѣрно), потребовала, чтобы мы раньше легли спать. Мнѣ было постлано на диванѣ. Не успѣлъ я заснуть, какъ меня облѣпила цѣлая туча комаровъ. Утромъ, взглянувъ на себя въ зеркало, я ужаснулся: лицо мое и руки были красны и въ волдыряхъ, точно ихъ обварили. Вошелъ Дружининъ, осторожно, на цыпочкахъ, убѣжденный, что я сплю, какъ богатырь; увидавъ меня, онъ разсердился.

— Можно ли такъ дѣлать?—воскликнулъ онъ, указывая на ситцевую оконную занавѣску, которую я забылъ наканунѣ задернуть.—Теперь, какъ нарочно, тотъ періодъ, когда появляются комары; въ другое время ни комаровъ, ни мухъ, никакой этой гадости никогда не бываетъ въ нашихъ мѣстахъ.

Мы пошли пить чай къ старушкѣ.

— Постой, постой, мой батюшка... дай посмотрѣть на тебя!...—остановила она меня, какъ только я переступилъ порогъ.—Ну, такъ, такъ и есть, что я говорила: всего одну ночь переночевалъ у насъ, и цвѣтъ лица сталъ ужь лучше, гораздо свѣжѣе, чѣмъ былъ прежде...

Передъ завтракомъ мы пошли купаться; съ перваго шага въ воду нога моя стала вязнуть, и я скорѣе вышелъ на берегъ.

— Что съ вами?—безпокойно спросилъ Дружининъ.

— Въ пруду вязко.

— Въ какомъ пруду? Гдѣ вы видите прудъ?... Это озеро... И вовсе не вязко, на днѣ чистый песокъ.

Въ теченіе дня я по ошибкѣ произнесъ нѣсколько разъ слово «прудъ», и всякій разъ Дружининъ спѣшилъ меня исправить, вскрикивая, съ оттѣнкомъ неудовольствія: озеро, озеро, озеро!...

Владѣльцы Марьинскаго были не только влюблены въ свою деревню, но пристрастны ко всему Гдовскому уѣзду. Пристрастіе выразилось, между прочимъ, въ томъ, что Дружининъ написалъ для журнала садоводства, издаваемаго въ Москвѣ Пикулинымъ, двѣ большія статьи, озаглавленныя: *Флора и Помона Гдовскаго уѣзда*.

Я зналъ помѣщика, добраго и кроткаго человѣка, но до того п… отливаго ко всему, что касалось его помѣстья, что надо было б… условно всѣмъ восхищаться, рискуя, въ противномъ случаѣ, н… ить себѣ врага; онъ на-смерть поссорился съ сосѣдомъ изъ-за т… , что тотъ сказалъ ему, что встрѣтилъ у уколицы его мужика в… нетрезвомъ видѣ.

Помѣщикъ этотъ невольно пришелъ мнѣ на память въ Марьин-

скомъ. Стоило ни въ чемъ не противорѣчить, находить все безукоризненнымъ, чтобы поддерживать благодушное состояніе духа хозяевъ дома.

Въ деревнѣ, куда обыкновенно пріѣзжаютъ лѣтомъ отдыхать, Дружининъ работалъ съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ въ Петербургѣ. Съ девяти часовъ, тотчасъ же послѣ утренняго чая, садился онъ къ письменному столу и, усиленно пригибаясь на лѣвый бокъ, писалъ вплоть до завтрака, прерываясь на нѣсколько минутъ, чтобы пройтись по комнатѣ. Послѣ завтрака онъ отдыхалъ часъ и снова продолжалъ писать, пока насъ не позовутъ обѣдать. Примѣръ такого трудолюбія пристыдилъ меня за мое бездѣйствіе. У меня былъ планъ большой повѣсти, но мнѣ не хотѣлось начинать ее, такъ какъ я не успѣлъ бы кончить ее въ Марьинскомъ. Долгіе перерывы въ литературной работѣ, всегда во вредъ ея единству и общему тону, къ тому же, привычка заниматься у себя дома, видѣть вокругъ себя знакомую обстановку много также способствовали моему временному бездѣйствію. Мы какъ-то разговорились о Тургеневѣ и припомнили наше представленіе въ Спасскомъ; рукопись фарса оказалась у Дружинина. Я, отъ нечего дѣлать воспользовался ею и сочинилъ разсказъ: *Школа гостепріимства*, напечатанный потомъ въ *Современникѣ*, къ великому негодованію тогдашняго критика *Отечественныхъ Записокъ* Дудышкина, который отозвался о немъ какъ о предметѣ низменнаго литературнаго рода, забывъ, вѣроятно, что даже такой великій писатель, какъ Диккенсъ, не брезгалъ иногда фарсомъ.

Слѣдя, съ какимъ неутомимымъ усердіемъ писалъ Дружининъ, я постоянно удивлялся его невозмутимому спокойствію; мнѣ никогда не приходилось его видѣть въ томъ, болѣе или менѣе возбужденномъ нервномъ состояніи, которое свойственно всѣмъ пишущимъ людямъ. Лицо его, нѣсколько болѣзненнаго вида, съ маленькими глубоко-запрятанными глазами и коротенькими, тщательно приглаженными усиками, сохраняло неизмѣнно-одинаковое выраженіе. Занимался ли онъ переводомъ шекспировской трагедіи, сидѣлъ ли надъ критическою статьей, повѣстью или фельетономъ Черноннижникова, онъ съ одинаковымъ спокойствіемъ духа исписывалъ листы своимъ ровнымъ, мелкимъ почеркомъ и всегда почти безъ помарокъ. Онъ писалъ, казалось, не вслѣдствіе настоятельной внутренней потребности, но какъ бы понукаемый обязательствомъ, долгомъ, хотя ничего этого, въ сущности, не было.

Дружининъ родился для кабинетной жизни и мирныхъ умственныхъ занятій; еслибъ онъ не былъ литераторомъ, изъ него непре-

мѣнно вышелъ бы ученый. Пылкость воображенія, кипучія страсти, живыя стремленія, физическая подвижность,—словомъ, все, что̀ волнуетъ кровь и бросаетъ въ сторону на пути жизни, отсутствовало въ его природѣ. Онъ отличался между всѣми нами крайнимъ консерватизмомъ, но̀ консерватизмъ его былъ скорѣе слѣдствіемъ его разсудительно-холоднаго ума и также отчасти эгоистическаго чувства. Въ теченіе перваго года послѣ обнародованія освобожденія крестьянъ онъ опасался безпорядковъ и, сколько казалось, больше для своего Марьинскаго, къ которому былъ привязанъ всею душой.

Общество литераторовъ предпочиталъ онъ всякому другому; любилъ литературныя сходки и препія; съ этою цѣлью завелъ онъ у себя вечера, кончавшіеся обильнымъ ужиномъ. Онъ выказывалъ особую заботливость, чтобы вечера эти были какъ можно оживленнѣе, веселѣе, замѣтно раздражался, когда это не удавалось, старался поднять общій духъ, усиливался быть веселымъ, но старанія его въ послѣднемъ случаѣ можно было уподобить стараніямъ птицы, которая хочетъ летѣть съ подрѣзанными крыльями. Природной веселости въ немъ не было на маковую росинку. Онъ этому не вѣрилъ; доказательствомъ служатъ нѣкорые его разсказы и похожденія Чернокнижникова, писанные въ томъ убѣжденіи, что читатель не усидитъ на мѣстѣ отъ хохота.

Когда онъ находилъ, что слишкомъ уже засидѣлся и заработался и *надо*, наконецъ, себя развлечь, онъ приходилъ къ кому-нибудь изъ насъ; медленно расхаживая по комнатѣ и задумчиво подергивая кончики усовъ, онъ произносилъ, обыкновенно меланхолически, постоянно одну и ту же фразу: «Не совершить ли сегодня маленькое легкое безобразіе?» Безобразіе состояло въ томъ, что на зовъ его собирались два-три старыя товарища (онъ служилъ прежде въ финляндскомъ полку); къ нимъ присоединялось два-три литератора, и вся компанія отправлялась на дальній конецъ Васильевскаго острова, гдѣ, спеціально для увеселеній, Дружининъ одно время нанималъ небольшое помѣщеніе въ домѣ гаваньскаго чиновника Михайлова. Лучшаго мѣста для увеселеній дѣйствительно нельзя было придумать: изъ оконъ квартиры, наискось влѣво, виднѣлись во[рота] Смоленскаго кладбища! Единственнымъ украшеніемъ комна[ты] служила гипсовая Венера Медицейская, купленная Дружинин[ым]ъ въ академіи художествъ и поставленная на серединѣ главной ко[м]наты; къ увеселенію приглашался всегда самъ хозяинъ Михайло[в]ъ, старецъ лѣтъ семидесяти, которому Дружининъ далъ названіе «с[а]тира», вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы придать празднествамъ античн[ый] вакхическій оттѣнокъ.

Букетъ увеселенія состоялъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы присутствующіе, держа другъ друга за руки, водили хороводы вокругъ Венеры и пѣли веселыя пѣсни. Дружининъ старался всѣми силами поднять тонъ, топалъ ногами, отпускалъ разныя скоромныя шуточки, сердился, когда кто-нибудь умолкалъ, но во всемъ этомъ проглядывало что-то искусственное, гальваническое, вызванное не натуральнымъ побужденіемъ веселиться, а холоднымъ соображеніемъ человѣка, надумавшаго, что долго засиживаться вредно для здоровья, надо иногда во что бы ни стало принять порцію увеселеній, и чѣмъ они эксцентричнѣе, тѣмъ дѣйствіе ихъ будетъ лучше.

Онъ не замѣчалъ, что порывы веселости пробуждались на этихъ вечерахъ не столько его усиліями, но чаще всего его лицомъ и вообще его наружностью, сохранявшею все время самое унылое, тоскливое выраженіе. Ему кто-то удачно далъ названіе «тоскующаго весельчака»; онъ зналъ это и не обижался, находя, вѣроятно, такое прозвище справедливымъ.

Вообще говоря, Дружининъ заслуживалъ въ полномъ смыслѣ также другого названія: отличнаго, вѣрнаго товарища; на его слово можно было всегда положиться. Если въ многочисленныхъ томахъ его сочиненій не найдется выдающагося капитальнаго литературнаго произведенія, онъ оставилъ послѣ себя другимъ путемъ видный слѣдъ въ русской литературѣ: ему первому пришла мысль основать общество литературнаго фонда и онъ былъ его учредителемъ,—заслуга не маловажная, достойная того, чтобы память о немъ сохранилась надолго.

Вернувшись изъ Марьинскаго въ Петербургъ, я встрѣтился съ графомъ Л. Н. Толстымъ; знакомство мое съ нимъ началось еще въ Москвѣ, у Сушковыхъ, когда онъ носилъ военную форму. Онъ жилъ въ Петербургѣ на Офицерской улицѣ, въ нижнемъ этажѣ небольшой квартиры, какъ разъ окно въ окно съ квартирой литератора М. Л. Михайлова. Съ нимъ, кажется, онъ не былъ знакомъ. Наемъ постояннаго жительства въ Петербургѣ необъяснимъ былъ для меня; съ первыхъ же дней Петербургъ не только сдѣлался ему не симпатичнымъ, но все петербургское замѣтно дѣйствовало на него раздражительно.

Узнавъ отъ него въ самый день свиданія, что онъ сегодня званъ обѣдать въ редакцію *Современника*, и, несмотря на то, что уже печаталъ въ этомъ журналѣ, никого тамъ близко не знаетъ, я согласился съ нимъ ѣхать. Дорогой я счелъ необходимымъ предупредить его, что тамъ не слѣдуетъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ и пре-

имущественно удерживаться отъ нападокъ на Ж. Зандъ, которую онъ сильно не любилъ, между тѣмъ какъ передъ нею фанатически преклонялись въ то время многіе изъ членовъ редакціи. Обѣдъ прошелъ благополучно; Толстой былъ довольно молчаливъ, но къ концу онъ не выдержалъ. Услышавъ похвалу новому роману Ж. Зандъ, онъ рѣзко объявилъ себя ея ненавистникомъ, прибавивъ, что героинь ея романовъ, еслибъ онѣ существовали въ дѣйствительности, слѣдовало бы, ради назиданія, привязывать къ позорной колесницѣ и возить по петербургскимъ улицамъ. У него уже тогда выработался тотъ своеобразный взглядъ на женщинъ и женскій вопросъ, который потомъ выразился съ такою яркостью въ романѣ *Анна Каренина*.

Сцена въ редакціи могла быть вызвана его раздраженіемъ противъ всего петербургскаго, но скорѣе всего—его склонностью къ противорѣчію. Какое бы мнѣніе ни высказывалось и чѣмъ авторитетнѣе казался ему собесѣдникъ, тѣмъ настойчивѣе подзадоривало его высказать противуположное и начать рѣзаться на словахъ. Глядя, какъ онъ прислушивался, какъ всматривался въ собесѣдника изъ глубины сѣрыхъ, глубоко запрятанныхъ глазъ, и какъ иронически сжимались его губы, онъ какъ бы заранѣе обдумывалъ не прямой отвѣтъ, но такое мнѣніе, которое должно было озадачить, сразить своею неожиданностью собесѣдника. Такимъ представлялся мнѣ Толстой въ молодости. Въ спорахъ онъ доходилъ иногда до крайностей. Я находился въ сосѣдней комнатѣ, когда разъ начался у него споръ съ Тургеневымъ; услышавъ крики, я вошелъ къ спорившимъ. Тургеневъ шагалъ изъ угла въ уголъ, выказывая всѣ признаки крайняго смущенія; онъ воспользовался отворенною дверью и тотчасъ же скрылся. Толстой лежалъ на диванѣ, но возбужденіе его настолько было сильно, что стоило не мало трудовъ его успокоить и отвезти домой. Предметъ спора мнѣ до сихъ поръ остался незнакомъ.

Зима эта была первою и послѣднею, проведенною Л. Н. Толстымъ въ Петербургѣ; не дождавшись весны, онъ уѣхалъ въ Москву и затѣмъ поселился въ Ясной-Полянѣ.

Выше я замѣтилъ, что злосчастный фарсъ, сочиненный въ Спасскомъ, былъ разыгранъ въ Петербургѣ. Случилось это въ зиму того лѣта, когда мы жили у Тургенева. Въ артистическихъ кружкахъ Петербурга распространился слухъ, что Тургеневъ, имя котораго пользовалось громкою извѣстностью, написалъ пьесу. Въ семействѣ архитектора Штакеншнейдера, жившаго тогда въ своемъ домѣ на широкую ногу, затѣвался домаш-

ній спектакль. Чего же лучше, какъ угостить публику такою новинкой? Съ Тургеневымъ Штакеншнейдеры не были знакомы; его, къ тому же, еще не было въ Петербургѣ. Обратились къ Дружинину; тотъ началъ отказывать и, наконецъ, раздражившись неотвязчивыми просьбами, отдалъ рукопись, умолчавъ почему-то о нашемъ сотрудничествѣ. Роли живо разобрали любители. Хозяева дома, не присутствуя на репетиціяхъ, разсылали, между тѣмъ, приглашенія, стараясь собрать по возможности избранную публику; приглашенъ былъ, между прочимъ, Н. И. Гречъ. Тургеневъ въ это время только вернулся изъ Спасскаго. Въ день представленія Дружининъ, желая, вѣроятно, подшутить надъ Тургеневымъ, уговорилъ его ѣхать вмѣстѣ къ Штакеншнейдерамъ.

Появленіе Тургенева въ залѣ было тотчасъ же всѣми замѣчено; хозяева дома были въ восхищеніи; они начали его упрашивать занять кресло въ первомъ ряду, но тотъ, къ счастью, отказался и сѣлъ на скромномъ мѣстѣ подлѣ Дружинина. Случилось такъ, что передъ самымъ началомъ спектакля актеры, желая, вѣроятно, придать себѣ больше смѣлости, выпили много лишняго; при поднятіи занавѣса многіе изъ нихъ были совершенно пьяны и понесли страшную чепуху; одинъ изъ нихъ, игравшій роль брюзгливаго статскаго совѣтника, украсилъ почему-то свою грудь цѣлымъ рядомъ орденскихъ звѣздъ; вмѣсто реплики, онъ неловко толкнулъ товарища; тотъ споткнулся и повалился на полъ, увлекая за собою стулъ; другіе сочли нужнымъ вступиться; на сценѣ произошла чистѣйшая свалка. Публика пришла въ смущеніе. Можно себѣ представить, что долженъ былъ испытывать Тургеневъ, когда Дружининъ шепнулъ ему, что всѣ считаютъ его авторомъ пьесы, и въ подтвержденіе указалъ на многихъ лицъ, которыя приподымались съ мѣстъ, отыскивая глазами автора. Гречъ, сидѣвшій въ первомъ ряду и какъ нарочно надѣвшій въ этотъ вечеръ свою звѣзду, привсталъ и, съ негодованіемъ указывая публикѣ на сцену, произнесъ: «Полюбуйтесь, мм. гг., вотъ она натуральная школа!»

Тургеневъ, стараясь скрыться за спинками креселъ, что̀ было не легко для его роста, и частью заслоняясь ближайшими сосѣдями, пробрался, наконецъ, къ выходной двери.

Когда напоминали ему въ пріятельскомъ кругу объ этомъ спектаклѣ, онъ бросался на ближайшій стулъ, закрывалъ лицо руками и начиналъ стонать какъ отъ жесточайшаго ревматизма. Неумѣстная шутка Дружинина не прошла ему даромъ. Тургеневъ отплатилъ ему слѣдующею эпиграммой:

«Дружининъ корчитъ европейца,—
Какъ ошибается бѣднякъ!
Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ».

Дружининъ посердился, но не долго; онъ самъ сознавался въ своей винѣ передъ пріятелемъ; неудовольствіе Тургенева противъ Дружинина прошло еще скорѣе. Въ теченіе зимы ихъ хорошія отношенія снова возобновились.

XIV.

Ив. Сергѣев. Тургеневъ.—Его разрывъ съ Некрасовымъ.—Черты изъ жизни и характера И. С. Тургенева.—Прежній составъ редакціи *Современника*, замѣненный новыми лицами.

Недостатокъ воли въ характерѣ Тургенева и его мягкость вошли почти въ поговорку между литераторами; несравненно меньше упоминалось о добротѣ его сердца; она, между тѣмъ, отмѣчаетъ, можно сказать, каждый шагъ его жизни. Я не помню, чтобы встрѣчалъ когда-нибудь человѣка съ большею терпимостью, болѣе склоннаго скоро забывать направленный противъ него недсликатный поступокъ. Разъ только въ жизни у него достало на столько характера, чтобы сохранить до конца непріязненное чувство къ лицу, съ которымъ прежде находился онъ на пріятельской ногѣ,—лицо это былъ Некрасовъ.

Причина ихъ размолвки мнѣ настоящимъ образомъ неизвѣстна; разсказы о ней слишкомъ разнообразны и пристрастны, чтобы можно было съ достовѣрностью на чемъ-нибудь остановиться. Несомнѣнно одно только: въ натурѣ Тургенева не было ничего аггрессивнаго, не было признака того, что̀ называется задоромъ; его, напротивъ, можно было упрекнуть въ излишней уступчивости, даже противъ тѣхъ, кто не стоилъ его мизинца, не могъ равняться съ нимъ ни въ какомъ отношеніи.

Нельзя предполагать, чтобы поводомъ къ размолвкѣ между нимъ и Некрасовымъ служила со стороны Тургенева денежная причина; бе корыстіе Тургенева можно причислить къ отличительнымъ черта ъ его характера. За нѣсколько времени до ссоры съ Некрасовымъ онъ продалъ ему изданіе *Записки охотника* за тысячу рубл й; сообщая объ этомъ Герцену письмомъ отъ 22 іюля 1857 г.*), он не только не жалуется, но радуется, что Некрасовъ перепро-

---

Письма К. В. Кавелина и А. С. Тургенева къ Герцену. М. Драгоманова. Гену .892 г.

далъ это изданіе за двѣ съ половиной тысячи и нажилъ на немъ, такимъ образомъ, полторы тысячи. Можно привести цѣлый рядъ случаевъ, доказывающихъ, съ какою безпечностью Тургеневъ относился къ денежному вопросу.

Тронутый положеніемъ бѣднаго семейнаго родственника, Ив. Серг. предложилъ ему заняться управленіемъ имѣнія; желая окончательно успокоить его и упрочить его судьбу, Ив. Серг. поспѣшилъ выдать ему, на случай своей смерти, вексель въ пятьдесятъ тысячъ. Два года спустя, благодарный родственникъ представилъ вексель ко взысканію, поставивъ своего благодѣтеля въ трагическое положеніе. Ив. Серг. ограничился только тѣмъ, что попросилъ его оставить Спасское и передалъ его управленіе другому лицу. Послѣ кончины матери Тургенева жена его брата, пользуясь отсутствіемъ Ив. Серг., явилась къ нему въ домъ, забрала оставшееся послѣ покойницы серебро и драгоцѣнности и увезла ихъ. Вернувшись домой, Ив. Серг. не нашелъ ни одной ложки и долженъ былъ снова всѣмъ завестись. Изъ чувства деликатности къ брату, который,—думалъ онъ,—могъ не знать о поступкѣ жены, Тургеневъ шагу не сдѣлалъ, чтобы вернуть такъ незаконно отнятое у него имущество. А исторія его съ г. Маляревскимъ, мужемъ пріемной дочери брата Тургенева, оставившаго ей послѣ своей смерти восемьсотъ тысячъ, изъ которыхъ сто тысячъ долженъ былъ получить Ив. Серг.? Пріѣзжаетъ Тургеневъ въ Москву, чтобы получить свою долю наслѣдства, и ѣдетъ къ г. Маляревскому; тотъ объявляетъ ему, что на его долю приходится всего двадцать тысячъ. «Какъ такъ?»—спрашиваетъ удивленный Тургеневъ.—«А такъ,—отвѣчаетъ г. Маляревскій,—я нахожу, что для васъ и этого слишкомъ еще много!...»—«Ну,—отвѣчаетъ Ив. Серг.,—на этотъ счетъ позвольте мнѣ думать иначе!» На этомъ дѣло и кончилось. А сколько, въ явный убытокъ себѣ, роздано было имъ дворовымъ и крестьянамъ земли и разныхъ сельскихъ угодьевъ?

Еслибъ возможно было составить списокъ деньгамъ, которыя Тургеневъ раздалъ при своей жизни всѣмъ тѣмъ, кто къ нему обращался, сложилась бы сумма больше той, какую онъ самъ прожилъ. Приписывать его щедрость не добротѣ сердца, а распущенности, мелочному тщеславію могутъ только тѣ, которые, судя по себѣ, не допускаютъ въ другихъ возможности честныхъ, великодушныхъ побужденій; когда такая возможность слишкомъ уже очевидна, они набрасываются съ яростью голодныхъ собакъ на какую-нибудь другую сторону лица и на ней стараются выместить свою злобу.

Разрывъ съ Некрасовымъ и *Современникомъ* объяснялся публикѣ редакціей, какъ результатъ исключительно идейныхъ разногласій и убѣжденій; инициатива разногласія приписывалась самой редакціи. Изъ переписки Тургенева съ Герценомъ видно, между тѣмъ, что разрыву способствовалъ Герценъ, а иниціатива разрыва принадлежитъ самому Тургеневу. Вотъ что писалъ онъ Герцену 9 января 1861 года: «Съ *Современникомъ* и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что̀, между прочимъ, явствуетъ изъ ругательствъ *à mon adresse* почти въ каждой книжкѣ. Я велѣлъ имъ сказать, чтобъ они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли и помѣстили его на самомъ концѣ. Что тутъ дѣлать?» Авторское самолюбіе врядъ ли играло здѣсь какую-нибудь роль; имя Тургенева стояло тогда на главномъ планѣ и желаніе оскорбить его, поставивъ его имя въ концѣ объявленія, не достигало цѣли, не могло оскорбить его. Наконецъ, все это произошло уже послѣ разрыва. Поводомъ къ нему должна была служить болѣе важная причина, иначе Тургеневъ, съ его уступчивостью и мягкостью, не былъ бы способенъ въ теченіе стольких лѣтъ не измѣнить своему непріязненному чувству.

У Тургенева было авторское самолюбіе; у кого же его нѣтъ? Онъ, кажется, имѣлъ на него право, но оно никогда не доходило до того болѣзненнаго состоянія, какъ это было, напримѣръ, у Гончарова, Достоевскаго и т. д. Съ нимъ свободно, безъ всякаго стѣсненія, можно было высказывать мнѣніе о его произведеніяхъ, не рискуя поселить въ немъ враждебнаго чувства. Самолюбіе, надо думать, питается другими корнями, чѣмъ самомнѣніе, потому что съ этой послѣдней стороны Тургеневъ представлялъ исключеніе между своими собратами. Рѣдко его произведеніе печаталось прежде, чѣмъ онъ не прочтетъ его кому-нибудь изъ близкихъ людей, не посовѣтуется; замѣчанія возбуждали иногда споръ, но принимались всегда безъ признака самолюбиваго укола; рукопись потомъ сверху до низу перечитывалась, исправлялась и часто переписывалась заново.

Строгій къ самому себѣ, онъ не только былъ снисходителенъ къ другимъ, но часто открывалъ въ ихъ произведеніяхъ несуществующія достоинства. Стоило ему прочесть повѣсть или разсказъ и покажись ему съ горяча, что въ томъ или другомъ есть проблескъ дарованія, онъ носился съ ними всюду, торжественно провозглашалъ нарожденіе новаго таланта, спорилъ, разражался противъ недостатка чуткости къ художественнымъ пріемамъ и, въ концѣ-концовъ, когда убѣждался или ему ясно доказывали несостоятель-

ность предмета его увлеченія, онъ охотно сознавался въ своемъ заблужденіи и самъ надъ собою добродушно подтрунивалъ. Въ увлеченіяхъ этого рода часто руководило имъ также чувство добра, желаніе поддержать начинающаго или, наконецъ, помимо литературы, просто придти на помощь, выручить человѣка изъ бѣдственнаго положенія.

Гдѣ бы онъ ни жилъ, — въ Парижѣ или Петербургѣ, — нельзя было къ нему зайти безъ того, чтобы не встрѣтить множество молодежи обоего пола; разъ въ Петербургѣ, направляясь въ номеръ гостиницы, гдѣ онъ жилъ, мнѣ пришлось проходить по корридору мимо цѣлаго ряда такихъ посѣтителей и посѣтительницъ, сидѣвшихъ на подоконникахъ въ ожиданіи очереди. Его терпимость и снисхожденіе въ этихъ случаяхъ могли основываться на мягкости характера, готоваго скорѣе стѣснить себя, чѣмъ рѣшиться на отказъ, но, во всякомъ случаѣ, не на желаніи *популярничать*, какъ распускали слухъ его недоброжелатели. Тѣ, которые къ нему обращались, по большей части платили ему неблагодарностью, другіе принадлежали почти исключительно къ людямъ скромнаго общественнаго положенія, наконецъ, сколько бы ихъ ни было и къ какому бы классу они ни причислялись, что̀ могли бы они прибавить къ популярности Тургенева, которая росла годъ отъ году безъ всякой помощи, благодаря только его таланту?

Въ терпимости и снисхожденіи Тургеневъ доходилъ иногда до самоуниженія, возбуждавшаго справедливую досаду его искреннихъ друзей.

Одно время онъ былъ увлеченъ Писемскимъ. Писемскій, при всемъ его умѣ и талантѣ, олицетворялъ типъ провинціальнаго жуира и не могъ похвастать утонченностью воспитанія; подчасъ онъ былъ нестерпимо грубъ и циниченъ, не стѣснялся плевать — не по-американски, въ сторону, а по-русскому обычаю — куда ни попало; не стѣснялся разваливаться на чужомъ диванѣ съ грязными сапогами, — словомъ, ни съ какой стороны не долженъ былъ нравиться Тургеневу, человѣку воспитанному и деликатному. Но его прельстила оригинальность Писемскаго. Когда Ив. Серг. увлекался, на него находило точно затменіе и онъ терялъ чувство мѣры.

Разъ былъ онъ съ Писемскимъ гдѣ-то на вечерѣ. Къ концу ужина Писемскій, имѣвшій слабость къ горячительнымъ напиткамъ, впалъ въ состояніе, близкое къ невмѣняемости. Тургеневъ взялся проводить его до дому. Когда они вышли на улицу, дождь лилъ ливмя. Доро̀гой Писемскій, котораго Тургеневъ поддерживалъ подъ

руку, потерялъ калошу; Тургеневъ вытащилъ ее изъ грязи и не выпускалъ ее изъ рукъ, пока не довелъ Писемскаго до его квартиры и не сдалъ его прислугѣ вмѣстѣ съ калошей.

Съ его большимъ умомъ, разностороннимъ образованіемъ, тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, широтой и свободой мысли, Тургеневъ могъ бы быть,—и, по-настоящему, долженъ бы былъ быть въ свое время,—центромъ литературнаго кружка; вокругъ него охотно бы стали группироваться остальныя литературныя силы; къ сожалѣнію, это не осуществилось,—не осуществилось потому, что для представителя кружка у него недоставало твердости, выдержки, энергіи, необходимыхъ условій въ руководителѣ. Онъ самъ добродушно величалъ себя «овечьей натурой». Онъ, кромѣ того, не былъ способенъ къ практической дѣятельности, доказательствомъ чего служатъ его собственныя запутанныя дѣла; наконецъ, даже при лучшихъ нравственныхъ условіяхъ, Тургеневъ не могъ бы играть преобладающей роли въ литературномъ кружкѣ: онъ наѣздомъ только бывалъ въ Россіи и никогда бы не рѣшился оставить Парижъ и семейство г-жи Віардо. Онъ и его братъ оправдывали предсказаніе матери, говорившей имъ обоимъ: «Жаль мнѣ васъ; вы не будете счастливы, вы оба *однолюбцы*», т.-е. будете всю жизнь привязаны къ одной женщинѣ.

Но слабость характера отличала Тургенева только въ дѣлахъ житейскихъ. Извѣстно, какъ много нужно силы воли, энергіи, твердости, чтобы долгое время неотступно преслѣдовать одну и ту же задачу, бороться противъ нервнаго и физическаго утомленія, заставить себя довести до конца продолжительный умственный или художественный трудъ. Съ этой стороны, Тургеневъ,—авторъ многихъ длинныхъ литературныхъ произведеній,—подтверждаетъ только фактъ двойственности въ артистическихъ натурахъ съ выдающимся творческимъ талантомъ. Такія натуры какъ бы вмѣщаютъ въ себѣ два отдѣльныя существа, не только не схожія между собою, но большею частью совершенно противуположнаго характера: одно выражается внѣшнимъ образомъ и принадлежитъ жизни; другое скрывается въ тайникѣ души и служитъ только творчеству; послѣднее чаще всего лучше перваго. Пушкинъ превосходно выразилъ эту двойственность, сказавъ:

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ:
Молчитъ его святая лира,

Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ» и т. д.

Но это не вполнѣ можно отнести къ Тургеневу. Когда усыплялось его творчество и самъ онъ малодушно погружался «въ заботы суетнаго міра», онъ и тогда не казался ничтожнымъ; его большой умъ и образованіе нигдѣ и никогда не допустили бы его до такой роли.

Ивана Сергѣевича часто упрекали въ томъ, что онъ не стѣснялся, когда приходилъ случай, сочинить эпиграмму на пріятеля, сдѣлать на его счетъ какое-нибудь комическое или ѣдкое сравненіе, и приписывали это двуличію его характера. Тургеневъ дѣйствительно былъ мастеръ на эпиграмму. Въ прекрасной статьѣ о немъ Я. П. Полонскаго: *Тургеневъ у себя* приведенно нѣсколько такихъ образчиковъ. Для краснаго словца онъ, правда, не щадилъ иногда пріятеля, но отсюда далеко еще до обвиненія его въ фальшивости и двуличіи. Легко такъ говорить тѣмъ, кому Богъ отказалъ въ остроуміи. Награди ихъ Богъ наблюдательностью, способностью подмѣчать смѣшную сторону, — и главное, способностью моментально облечь подмѣченное въ живую форму,—они заговорили бы совсѣмъ другое. Желательно было бы взглянуть на смертнаго, награжденнаго такими свойствами, который отказался бы отъ нихъ добровольно и сказалъ бы себѣ: не высказывай своихъ наблюденій, скрой ихъ въ груди своей, придержи языкъ изъ христіанскаго чувства, изъ опасенія хотя бы на секунду досадить ближнему... На такую добродѣтель способенъ бы былъ развѣ только Христосъ, олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей. Не въ оправданіе, а въ примѣръ, приведу Пушкина, который не утерпѣлъ, чтобы не написать на двери друга своего Жуковскаго:

«Изъ савана одѣлся ты въ ливрею,
На пудру промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ
И руку жмешь камерлакею...
Бѣдный пѣвецъ!...»

Другой поэтъ, Ѳ. И. Тютчевъ, не стѣснялся называть своего друга кн. Горчакова «фасадомъ великаго человѣка» и «Нарцызомъ собственной чернильницы» и т. д. Соболевскій, другъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, написалъ на него приведенную выше эпиграмму:

«Случилось разъ во время оно
Свалился съ дерева комаръ» и т. д.

Для перечисленія подобныхъ примѣровъ потребовались бы не страницы, но цѣлые томы; изъ этого слѣдуетъ только, что даже у хорошихъ людей больше эгоизма, чѣмъ христіанской добродѣтели, и ничего больше. Кто же въ этомъ не грѣшенъ?

У Тургенева, какъ у всякаго выдающагося человѣка, было много недоброжелателей и клеветниковъ. Извѣстіе о его кончинѣ, отразившееся скорбью во всей Россіи, его похороны, собравшія на улицахъ весь Петербургъ и сопровождаемыя массами людей, которымъ дорога русская слава, были лучшимъ отвѣтомъ его клеветникамъ и завистникамъ, старавшимся уронить его значеніе въ глазахъ русской читающей публики. Кончу о немъ словами Я. П. Полонскаго,—словами, вырвавшимися изъ сердца: «Кто въ Тургеневѣ потерялъ не только знаменитаго родного писателя, но и друга, тотъ никогда не забудетъ, какъ много потерялъ онъ, на сколько сталъ онъ бѣднѣе и безпомощнѣе».

Разрывъ Тургенева съ Некрасовымъ и уходъ его изъ *Современника* сильно отразились на характерѣ редакціи этого журнала. Въ каждомъ кружкѣ есть непремѣнно лицо болѣе или менѣе интересное, симпатическое, привлекательное; такимъ былъ въ *Современникѣ* Тургеневъ. Его не стало, и старые пріятели мало-по-малу одинъ за другимъ начали удаляться. Въ составъ радакціи входили, къ тому же, новыя лица, принадлежавшія другому поколѣнію, ничѣмъ нравственно не связанныя съ прежними сотрудниками. Во главѣ журнала, какъ критикъ, дававшій камертонъ направленію, находился Добролюбовъ, весьма даровитый молодой человѣкъ, но холодный и замкнутый. Главный редакторъ и хозяинъ журнала, Некрасовъ, посвящалъ ему тѣ свободные часы, которые оставались у него послѣ вечеровъ и ночей, проводимыхъ за картами въ англійскомъ клубѣ и въ домахъ, гдѣ велась крупная игра. Громадные выигрыши и проигрыши, поддерживая въ немъ одинаково нервное возбужденіе, отвлекая его умъ къ другимъ интересамъ, мѣшали ему вести дѣла съ прежнимъ вниманіемъ. Ив. Ив. Панаевъ изъ редактора превратился какимъ-то образомъ въ простого сотрудника, получавшаго гонораръ за свои ежемѣсячные фельетоны. Добрѣйшій этотъ человѣкъ, мягкій, какъ воскъ, всегда готовый услужить товарищу, когда-то веселый, безпечный, любившій пріятельскую компанію, находился теперь постоянно въ мрачномъ, раздраженномъ до болѣзненности состояніи духа. . . . .

. . . .

XV.

Морское путешествіе.—Причины, заставившія оставить деревню и переселиться въ Петербургъ.—Новый родъ дѣятельности.—Возвращеніе къ литературнымъ занятіямъ.

Въ 1858 году получилъ я въ деревнѣ письмо отъ Ив. Ив. Панаева; онъ передавалъ мнѣ порученіе, сдѣланное ему А. В. Головнинымъ, бывшимъ министромъ просвѣщенія, но тогда управлявшимъ канцеляріей морского министерства. Порученіе состояло въ томъ, чтобы спросить меня, не соглашусь ли я, по примѣру Гончарова, сдѣлать кругосвѣтное плаваніе, съ тѣмъ, чтобы описаніе путешествія помѣщалось въ *Морскомъ Сборникѣ*.

Неожиданность предложенія смутила меня, но не надолго. Возможность объѣхать свѣтъ, увидѣть незнакомыя страны, куда давно влекло воображеніе, испытать рядъ новыхъ впечатлѣній, — все это было слишкомъ соблазнительно, чтобы не воспользоваться такимъ случаемъ. Недѣлю спустя (это было въ іюнѣ) я отправился въ Петербургъ. И. И. Панаевъ, которому А. В. Головнинъ поручилъ вербовку литераторовъ, имѣя въ виду поднятіе интереса *Морского Сборника*, пришелъ въ восторгъ отъ моего согласія: первымъ удовольствіемъ Панаева было, когда открывалась ему возможность услужить кому-нибудь или сдѣлать пріятное.

Во время представленія различнымъ властямъ, я узналъ, что въ началѣ августа долженъ буду занять каюту на кораблѣ *Ретвизанъ*. Но скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Прошелъ іюль, августъ, а корабль не былъ готовъ къ отплытію и стоялъ въ Кронштадтской гавани.

Я пользовался свободными днями, посѣщая моихъ знакомыхъ и въ томъ числѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородко, проводившаго лѣто на своей дачѣ въ Полюстровѣ. Странный видъ имѣлъ въ то время этотъ домъ или, скорѣе, общество, которое въ немъ находилось. Оно придавало ему характеръ караванъ-сарая или, скорѣе, большой гостиницы для пріѣзжающихъ. Сюда, по старой памяти, являлись родственники и рядомъ съ ними всякій сбродъ чужестранныхъ и русскихъ пришлецовъ, игроковъ, мелкихъ журналистовъ, ихъ женъ, пріятелей и т. д. Все это размѣщалось по разнымъ отдѣленіямъ обширнаго, когда-то барскаго, дома, жило, ѣло, пило, играло въ карты, предпринимало прогулки въ экипажахъ графа, ни мало не стѣсняясь хозяиномъ, который, по безконечной слабости характера и отчасти болѣзненности, ни во что не вмѣшивался, предоставляя каждому полную свободу дѣлать что угодно. При видѣ какой-нибудь слишкомъ уже неблаговидной выходки или скан-

дала,—чтò случалось нерѣдко,— онъ спѣшно уходилъ въ дальнія комнаты, нервно передергивался и не то раздраженно, не то посмѣиваясь, повторялъ: «Это, однакожь, чортъ знаетъ что такое!»—послѣ чего возвращался къ гостямъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Вчужѣ больно было видѣть, какъ безпутно разматывалось огромное состояніе, доставшееся ему въ насдѣдство. У гр. Кушелева я присутствовалъ на свадьбѣ извѣстнаго престидижитатора Юма, вѣнчавшагося съ сестрою жены графа, урожденной Кроль. Шаферами со стороны Юма были, между прочемъ, присланные государемъ Александромъ II два флигель-адъютанта: графъ А. Бобринскій (учредитель золотого банка) и графъ А. К. Толстой, авторъ трагедіи: *Смерть Іоанна Грознаго* и многихъ другихъ сочиненій. На этой свадьбѣ познакомился я съ Алекс. Дюма. Во время поѣздки въ Парижъ, гр. Кушелевъ, узнавъ о намѣреніи Дюма сдѣлать путешествіе по Россіи, пригласилъ его, проѣздомъ, остановиться у него въ Полюстровѣ. Дюма, не успѣвшій еще хорошенько осмотрѣться, былъ, кажется, нѣсколько удивленъ безтолковщиной, его окружавшей.

Онъ радъ былъ встрѣчѣ со мной и просилъ дать ему случай познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ настоящихъ русскихъ литераторовъ. Я назвалъ ему Панаева и Некрасова, жившихъ тогда на дачѣ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. Онъ радостно принялъ предложеніе къ нимъ ѣхать. И. И. Панаевъ, котораго я предупредилъ, также былъ очень доволенъ. Мы условились въ днѣ и вдвоемъ отправились на пароходѣ. Я искренно думалъ угодить обѣимъ сторонамъ, но ошибся въ разсчетѣ: поѣздка эта не обошлась мнѣ даромъ. Не называя прямо по имени, меня впослѣдствіи печатно обвиняли, будто я, никому не сказавъ слова, съ бухта-барахты, сюрпризно привезъ Дюма на дачу къ Панаеву и съ нимъ еще нѣсколько неизвѣстныхъ французовъ. Прочитавъ обвиненіе, я сталъ припоминать, какъ было дѣло, и пришелъ къ заключенію, что оно происходило нѣсколько иначе. Привезти гостя и, притомъ, иностранца, да еще извѣстнаго писателя къ лицамъ незнакомымъ, не предупредивъ ихъ заблаговременно, было бы съ моей стороны не только легкомысленнымъ, но крайне невѣжественнымъ поступкомъ по отношенію къ хозяевамъ дома, которыхъ мы могли застать врасплохъ, и, наконецъ, противъ самого Дюма, рискуя явиться съ нимъ въ домъ въ такое время, когда хозяева могли отсутствовать. Трудно предположить также, чтобы Панаевъ, предупрежденный мною, забылъ сообщить объ этомъ у себя дома. По случаю этой поѣздки досталось также и Дюма. Разсказывается, какъ онъ нѣсколько

разъ потомъ, и также сюрпризомъ, являлся на дачу къ Панаеву въ сопровожденіи нѣсколькихъ незнакомыхъ французовъ,—однажды привезъ ихъ цѣлыхъ семерыхъ,—и безъ церемоніи остался ночевать, поставивъ, такимъ образомъ, въ трагическое положеніе хозяевъ дома, не знавшихъ, чѣмъ накормить и гдѣ уложить эту непрошенную ватагу... Подумаешь, что здѣсь рѣчь идетъ не о цивилизованномъ, умномъ французѣ, въ совершенствѣ знакомомъ съ условіями приличія, а о какомъ-то дикомъ баши-бузукѣ изъ Адріанополя. Я былъ всего одинъ только разъ съ Дюма на дачѣ у Панаева; въ тотъ же день, вечеромъ, мы уѣхали обратно на пароходѣ въ Петербургъ. Не знаю, сколько разъ удалось потомъ французскому писателю повторить свой визитъ; онъ не сообщалъ мнѣ объ этомъ; знаю только, что онъ давно ждалъ письма съ Кавказа и, получивъ его, немедленно выѣхалъ изъ Петербурга.

Въ концѣ августа получено было, наконецъ, извѣщеніе, что корабль *Ретвизанъ* готовъ къ отплытію. Я поспѣшилъ въ Кронштадтъ, но здѣсь узналъ, что маршрутъ корабля совершенно измѣненъ противъ прежняго: вмѣсто того, чтобы идти вокругъ свѣта, ему назначено присоединиться къ эскадрѣ Средиземнаго моря и сопровождать в. к. Константина Николаевича. Вмѣсто Явы, Китая, Японіи, приходилось видѣть Испанію, Италію, Грецію и т. д. Что-жь, и это было не дурно! Я отправился. Путевыя мои записки отъ Петербурга до Генуи, помѣщавшіяся сначала въ *Морскомъ Сборникѣ,* собраны потомъ въ отдѣльный томъ. Я началъ было писать дальше о нашемъ пребываніи въ Аѳинахъ, Іерусалимѣ, Палермо и т. д., но остановился по разнымъ обстоятельствамъ.

Вернувшись въ Россію, я немедленно отправился въ деревню. У меня былъ готовый планъ для большого романа; мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ два поколѣнія: отживающихъ помѣщиковъ стараго закала и новыхъ, молодыхъ, мечтающихъ о сближеніи съ народомъ; мысль не отличалась новизною, но я хотѣлъ взять типами и деталями. Роману этому не суждено было осуществиться; онъ кончился первою частью, напечатанною въ *Русскомъ Вѣстникѣ* подъ названіемъ *Два генерала*. Вторая часть застала меня въ большихъ непривычныхъ хозяйственныхъ хлопотахъ по имѣнію. Матушка передала мнѣ его управленіе, не имѣя возможности, за старостью лѣтъ, приводить въ дѣйствіе уставную грамоту, заниматься разверстаніемъ надѣловъ. Кто помнитъ это время въ деревнѣ, тому хорошо извѣстно, что тогда было не до писанія романовъ. Кто рвалъ на себѣ волосы съ горя, кто потиралъ руки отъ радости.

Я, между тѣмъ, былъ счастливъ уже тѣмъ, что вскорѣ нашелся

арендаторъ, соглашавшійся взять за порядочную плату всю землю, находившуюся на той сторонѣ рѣчки Смедвы, въ Зарайскомъ уѣздѣ. Я уже думалъ, что все, слава Богу, кончилось благополучно и я могу теперь спокойно продолжать начатую работу. Не много надо было времени, чтобъ убѣдиться, насколько была преждевременна моя радость. Арендаторъ, вмѣсто того, чтобы распахивать землю и строить помѣщенія для скота, какъ было условлено по контракту, началъ съ того, что открылъ кабакъ, о чемъ прежде не было и помину. На протестъ мой онъ возразилъ, что снялъ землю и воленъ дѣлать на ней что̀ ему вздумается. Начался рядъ безобразій; крестьяне поминутно приходили жаловаться. Когда пришелъ срокъ первой уплаты, арендаторъ объявилъ, что денегъ у него нѣтъ. Я поѣхалъ въ мой уѣздный городъ Каширу съ цѣлью уничтожить условіе. Власти встрѣтили меня привѣтливо, искренно жалѣли, что́ я дался въ руки всѣмъ извѣстному мошеннику, но ничего, все-таки, не сдѣлали. «Земля снята арендаторомъ,—говорили они,—находится за рѣкой Смедвой и, слѣдовательно, въ Зарайскомъ уѣздѣ; вамъ надо съѣздить въ Зарайскъ; тамъ васъ всѣ знаютъ и сейчасъ все сдѣлаютъ». Я поѣхалъ въ Зарайскъ. Снова живое соболѣзнованіе властей, снова назвали арендатора всѣмъ извѣстнымъ плутомъ, но снова ничего не сдѣлали. Арендаторъ былъ коломенскій мѣщанинъ Московской губерніи; слѣдовало, прежде всего, обратиться въ Коломну. Въ Коломнѣ буквально повторилось то же, что было въ Каширѣ и Зарайскѣ, но съ тѣмъ варіантомъ, что Коломнѣ слѣдовало списаться съ зарайскими властями, на которыхъ лежала прямая обязанность изгнать арендатора. Началась переписка: Коломна писала въ Зарайскъ, Зарайскъ справлялся съ Каширой, Каширa отвѣчала въ Зарайскъ и т. д. Арендаторъ, между тѣмъ, продолжалъ преспокойно сидѣть въ кабакѣ и чинить всякія безобразія. Онъ самъ, наконецъ, спился и добровольно оставилъ землю. Доходы съ имѣнія уменьшились болѣе чѣмъ на половину. Надо было предпринять что-нибудь рѣшительное. Разсчитывать только на литературный трудъ было для меня рискованно: я писалъ медленно, копотливо; плата была тогда умѣренная. Я помню очень хорошо, что когда въ *Современ-ни къ* Тургеневу, Гончарову и мнѣ назначена была плата по шести-де яти рублей съ листа, въ редакціяхъ другихъ журналовъ поднялся ст ашный гвалтъ; говорили, что при такихъ безумныхъ платахъ нѣ ъ больше возможности издавать журналъ, что это равно разоре ію и т. д. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и искать мѣста, кото ое не мѣшало бы мнѣ продолжать мои литературныя занятія.

Я обратился къ С. А. Гедеонову, сыну бывшаго директора театровъ и тогдашнему директору Императорскаго Эрмитажа.

Должность секретаря Эрмитажа была мнѣ предложена съ величайшею готовностью; полагалось при этомъ только условіе: прежде чѣмъ получить это мѣсто, я долженъ былъ сдѣлать описаніе всѣхъ отдѣленій Эрмитажа въ такой формѣ, чтобъ оно могло служить руководствомъ для посѣтителей. Часть осени и зиму провелъ я за этою работой. Когда она была окончена и напечатана подъ названіемъ *Прогулка по Эрмитажу,* я узналъ, что обѣщанное мнѣ мѣсто отдано дальнему родственнику тогдашняго начальника Гедеонова. Почти въ то же время происходили выборы въ секретари общества поощренія художествъ. Оно было мнѣ предложено и я охотно согласился; новая обязанность приближала меня къ художественной сферѣ, близкой моему вкусу. Я думалъ найти время продолжать мои литературныя занятія, но ошибся. На свѣтѣ нѣтъ маленькаго дѣла; все зависитъ отъ того, насколько примешь его къ сердцу и будешь ему искренно преданъ. Дѣло, порученное мнѣ, заинтересовало меня съ самаго начала, и чѣмъ больше я входилъ въ него, тѣмъ больше оно меня завлекало. Планы различныхъ романовъ и повѣстей лежали пока подъ спудомъ; я и при другихъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ никогда не могъ написать строчки въ Петербургѣ, теперь же и подавно нельзя было объ этомъ думать. Время отъ времени литературная жилка сильно давала себя чувствовать. При первой возможности я снова принялся за литературную работу. Если послѣднія мои произведенія слабѣе предъидущихъ, вина въ этомъ—моя отсталость, утрата привычки писать въ повѣствовательной формѣ; лѣта тутъ не причемъ. Мнѣ казалось всегда, что разъ человѣку дана извѣстная способность, она, какъ нѣчто духовное, не подвергается вмѣстѣ съ нимъ дѣйствію лѣтъ, потери силъ и зубовъ; надо только этому вѣрить и стараться самому не падать духомъ...

Я всегда съ чувствомъ глубочайшей благодарности обращаюсь къ Промыслу, направившему меня съ юности къ литературнымъ занятіямъ. Любовь къ литературѣ была моимъ ангеломъ-хранителемъ; она пріучила меня къ труду, она часто служила мнѣ лучше разсудка, предостерегая меня отъ опасныхъ увлеченій; ей одной, наконецъ, обязанъ я долей истиннаго счастья, испытаннаго мною въ жизни...

Д. Григоровичъ.

Апрѣль—іюль 1892 г.

КОСМОПОЛИСЪ*).

Романъ Поля Бурже.

V.

Графиня Стено.

Для женщины менѣе смѣлой, чѣмъ графиня, менѣе способной прямо взглянуть на извѣстное положеніе и идти ему на встрѣчу, предшествующій вечеръ оказался бы предвозвѣстникомъ безсонной ночи, когда до ужаса встревоженное воображеніе заранѣе переживаетъ всѣ страхи передъ опасностью, еще только предполагаемою. Такого рода волненія приводятъ обыкновенно къ рѣшенію хитрить и увертываться, лгать отчаянно, во что бы то ни стало, что̀ до бѣшенства доводитъ мужчину, не умѣющаго понять, что притворство — единственная сила существа слабаго. Графиня Стено была не изъ такихъ,—не знала она ни слабости, ни страха. Энергичная и неустрашимая, она всегда чувствовала себя на высотѣ какой угодно опасности и никакого значенія не придавала слову безпокойство. А потому и слѣдующую за описаннымъ вечеромъ ночь проспала такимъ крѣпкимъ, бодрящимъ сномъ, точно Горка не думалъ возвращаться съ жаждой мести въ сердцѣ, съ угрозой во взорѣ. Около десяти часовъ на слѣдующее утро она сидѣла въ маленькомъ салонѣ,—вѣрнѣе сказать, въ конторѣ,—рядомъ со спальной, и провѣряла счета, привезенные однимъ изъ завѣдующихъ ея дѣлами. [В]стала она, какъ всегда, въ семь часовъ, взяла холодную ванну, [к]оторою зимой и лѣтомъ освѣжала свою кровь мощной блондинки. [П]отомъ позавтракала, на англійскій ладъ, яйцами, холоднымъ мя[со]мъ и чаемъ, согласно правилу, которому, какъ она думала, была [об]язана отличнымъ состояніемъ желудка,— занялась сложнымъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. I.

туалетомъ, приличествующимъ красивой женщинѣ, зашла къ дочери узнать, какъ провела ночь ея дѣвочка, написала пять писемъ, такъ какъ ея космополитическій салонъ вынуждалъ ее вести огромную переписку, разлетавшуюся до Каира и Нью-Йорка, до Петербурга и Бомбея, захватывавшую Мюнхенъ, Лондонъ, Мадеру... Дружбѣ мадамъ Стено была настолько же вѣрна, насколько непостоянна въ любви. Ровнымъ, крупнымъ почеркомъ, тщательно и умѣло выработаннымъ, она исписывала страницу за страницей и не удѣлила бывшему своему любовнику никакой иной мысли, кромѣ слѣдующей: «Майтлэнду я назначила свиданіе въ одиннадцать часовъ. Ардеа долженъ явиться сюда въ десять для переговоровъ о его женитьбѣ. Сейчасъ надо провѣрить счета Финоли. Пренепріятно будетъ, если и Горка вздумаетъ пожаловать утромъ...» Таковы женщины, въ которыхъ чувство любви очень полно, но только въ смыслѣ чисто-физическомъ. Отдаются онѣ всецѣло, но такъ же точно и всецѣло берутъ назадъ свою любовь. И графиня не испытывала ни жалости, ни страха, думая о любовникѣ, которому измѣнила. Она уже порѣшила заявить ему: «Я разлюбила васъ»,—прямо, ясно и коротко, и предложить на выборъ окончательный разрывъ или прочную дружбу. Озабочивало ее единственно время предстоящаго объясненія, которое очень желательно ей было отложить до послѣ-полудня, когда она будетъ свободна,—озабочивало ее это, но ничуть не мѣшало съ обычною аккуратностью провѣрять цифры, представленныя управляющимъ. Онъ стоялъ передъ нею на-вытяжку, съ широкимъ лицомъ бронзоваго цвѣта, скуластымъ и обрюзглымъ, вродѣ тѣхъ, какими надѣлялъ Бонифаціо *) своихъ фарисеевъ и немилосердныхъ богачей. Управляющій завѣдывалъ семью стами гектаровъ земли въ Піове, близъ Падуи, любимымъ имѣніемъ графини Стено. Доходъ съ него она удвоила тѣмъ, что осушила безплодную лагуну, источникъ лихорадокъ, дно которой, лежащее на одинъ метръ ниже уровня моря, оказалось необычайно плодороднымъ. Теперь хозяйка обсуждала предстоящія весеннія работы съ тѣмъ точнымъ и полнымъ знаніемъ дѣла, которое составляетъ отличительную черту итальянской аристократіи и непоколебимую основу ея живучести. Всякое дворянство, даже безъ легальныхъ привилегій, прочно лишь тогда, когда оно остается глубоко вѣрнымъ исторіи и землѣ.

— И такъ,—обратилась графиня къ управляющему,—ты раз-

---

*) Бонифаціо Венеціано род. въ 1494 г., ум. въ 1563 г. въ Венеціи. Знаменитая его картина *Пиръ богача* находится въ Венеціи.

считываешь, что отъ шелковичныхъ червей мы получимъ пятьдесятъ килограммовъ коконовъ на унцію?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Сто унцій желтой грены на пятьдесятъ, выходитъ пять тысячъ,—продолжала графиня,—и по четыре франка...

— По пяти, можетъ быть, ваше сіятельство,—замѣтилъ управляющій.

— Ну, положимъ двадцать двѣ тысячи пятьсотъ,— сказала графиня,—да столько же отъ японской грены... Этимъ можно покрыть расходы по постройкамъ...

— Такъ точно, ваше сіятельство. Потомъ еще вино...

— Послѣ того, что̀ ты мнѣ говорилъ, я того мнѣнія, что надо продать какъ можно скорѣе агенту Кауфмана все, остающееся отъ прошлогодняго сбора, только никакъ не дешевле шести франковъ брентину. Ты знаешь, намъ необходимо опорожнить бочки и исправить ихъ своевременно. Будетъ очень глупо, если ихъ не хватитъ, когда мы въ первый разъ беремся выдѣлывать вино новыми машинами...

— Слушаю, ваше сіятельство. А насчетъ лошадей?

— Я думаю, что такого случая тоже не слѣдуетъ пропускать. Тебѣ надо сегодня же отправиться во Флоренцію со скорымъ поѣздомъ въ два часа. Въ Веронѣ ты будешь завтра утромъ, покончишь дѣло и сдашь лошадей въ Піове тѣмъ же вечеромъ. Мы отдѣлались какъ разъ во̀-время,—сказала она, приводя въ порядокъ бумаги управляющаго. Она собственноручно уложила ихъ въ папку и передала ему. Слухъ у графини былъ необычайный и до нея донесся звукъ отворенной въ прихожей двери. Казалось, будто толстый прикащикъ унесъ въ своемъ объемистомъ портфелѣ всѣ хозяйственныя заботы этой удивительной женщины. Едва закончены были счета и распоряженія, сдѣланныя съ такою точностью во время этого разговора, или, вѣрнѣе, монолога, какъ на ея лицѣ появилась самая милая и беззаботная улыбка на встрѣчу гостю, каковымъ былъ, къ ея удовольствію, князь Ардеа. Графиня сказала лакею:

— Мнѣ надо переговорить съ княземъ. Если кто спроситъ меня, не принимайте и не отказывайте, просите подождать и принесите мнѣ карточку...—потомъ она обратилась къ гостю:—Ну, къ дѣла, *simpaticone?*—этимъ милымъ словцомъ она называла молодого человѣка.—Чѣмъ закончился вашъ вчерашній вечеръ?

— Вы не повѣрите мнѣ,—отвѣтилъ Пеппино Ардеа, смѣясь,—къ вы знаете, нѣтъ у меня ничего ровно, скоро кровати своей

не будетъ... А я отправился въ клубъ и сталъ играть. Заложилъ банкъ и въ первый разъ въ жизни выигралъ...

Онъ такъ весело разсказывалъ про эту ребяческую выходку, такъ искренно потѣшался опять надъ своимъ разореніемъ, что графиня посмотрѣла на него съ изумленіемъ, такъ же точно, какъ онъ, входя въ комнату, смотрѣлъ на графиню. Самихъ себя всѣ такъ мало знаютъ и такъ мало сознаютъ странности собственнаго характера, что каждый изъ нихъ дивился про себя, видя безмятежное спокойствіе другого. Ардеа понять не могъ того, какъ могла мадамъ Стено безъ тревоги относиться къ возвращенію Горки и къ послѣдствіямъ, которыя могли отъ того произойти. Графиня, съ своей стороны, удивлялась легкомысленной веселости молодого человѣка при постигшей его катастрофѣ. Онъ, очевидно, занялся своимъ утреннимъ туалетомъ такъ старательно, будто и не думалъ даже о предстоящемъ капитальномъ шагѣ ради спасенія своей будущности: легонькій вестончикъ, клѣтчатый, изящно пестренькій въ клѣтку, цвѣтъ сорочки, покрой галстука, желтые башмаки, цвѣтокъ въ бутоньеркѣ,—все было гармонично прилажено для того, чтобы дать ему видъ милой и неисправимой куколки, беззаботно легкомысленной. За свое легкомысліе онъ такъ дорого уже поплатился, что въ графинѣ вдругъ проснулась необыкновенная жалость къ нему. Ее охватила потребность, какую испытываютъ сильные при видѣ безпомощности,—потребность дѣйствовать за этого ребенка, его заставить дѣйствовать, хотя бы и насильно, и она приступила прямо къ вопросу о женитьбѣ на Фанни Гафнеръ. Съ своимъ всегдашнимъ здравымъ смысломъ и инстинктивнымъ побужденіемъ возстановить во всемъ порядокъ, мадамъ Стено усматривала въ этомъ бракѣ такія выгоды для всѣхъ, что принялась за его улаживаніе настолько спѣшно, будто это было для нея лично неотложное дѣло. Должна быть довольна Фанни, такъ какъ перейдетъ въ католичество съ согласія отца. Доволенъ будетъ князь, такъ какъ сразу освободится отъ всѣхъ непріятностей. И, наконецъ, для имени Кастанья этотъ бракъ необходимъ. Хотя Пеппино былъ въ данную минуту единственнымъ представителемъ этой фамиліи, хотя, въ силу стариннаго родового обычая, онъ носилъ не тотъ титулъ, который принадлежалъ наслѣдственно папѣ Урбану VII, тѣмъ не менѣе, продажа съ аукціона знаменитаго дворца вызвала большой скандалъ въ печати и въ обществѣ и надо было прекратить его во что бы то ни стало. Графиня забыла уже, что на ея глазахъ и безъ протеста съ ея стороны обдѣлывалась въ тихомолку вся исторія этой продажи. Отъ самого же Гафнера она знала, какъ онъ скупилъ

за безцѣнокъ большую часть векселей князя; знала она и Гафнера достаточно хорошо для того, чтобъ быть убѣжденною въ томъ, что неумолимый кредиторъ сьёръ Ное Анкона не болѣе, какъ подставной человѣкъ ея страшнаго друга, барона. Въ минуту раздраженія противъ барона, сама же она, въ присутствіи Альбы, бросила ему въ лицо обвиненіе въ очень простомъ разсчетѣ такого рода: прижать князя Ардеа къ стѣнѣ неизбѣжностью катастрофы и предложить ему спасеніе подъ условіемъ женитьбы на Альбѣ, а самому обдѣлать, въ то же время, великолѣпнѣйшій гешефтъ. Дѣло въ томъ, что, разъ освобожденные отъ ипотечныхъ долговъ и при возможности нѣсколько повыждать, усадебные участки князя и возведенныя на нихъ постройки опять поднимутся въ цѣнѣ и опрометчивый спекулянтъ станетъ опять богатымъ человѣкомъ, богаче прежняго, быть можетъ. А не представлялось ли и это достаточнымъ мотивомъ для того, чтобы, какъ можно скорѣе, побѣдить послѣднія колебанія молодого человѣка передъ спасительнымъ шагомъ?

— Хорошо,—сказала она послѣ короткаго молчанія и безъ лишнихъ предисловій,—поговоримъ лучше о дѣлѣ... Вчера вы сидѣли за обѣдомъ рядомъ съ моею юною пріятельницей. Цѣлый вечеръ былъ вамъ данъ на то, чтобы хорошо узнать ее... Отвѣчайте прямо: не находите ли вы, что изъ нея выйдетъ прелестнѣйшая изъ римскихъ княгинь, когда-либо преклонявшихъ колѣна въ подвѣнечномъ платьѣ у могилъ апостоловъ? Не представляется ли она вамъ въ бѣломъ туалетѣ, подъ длиннымъ вуалемъ, выходящею передъ чудною лѣстницей Святого Петра изъ восьми-рессорной кареты, запряженной великолѣпными лошадьми, подаркомъ отца? Закройте глаза и вызовите это видѣніе... Хороша она будетъ? Очень, вѣдь, хороша?

— Очень хороша, — отвѣтилъ Ардеа, улыбаясь соблазнительной картинѣ, набросанной графиней,—очень хороша, хотя и не блондинка. А вы знаете, что для меня, разъ женщина не блондинка... А, графиня! Досадно какъ, что въ Венеціи, пять лѣтъ назадъ, въ тотъ чудный вечеръ... Помните вы этотъ вечеръ?

— Только вы и способны на это!—перебила она, громко смѣясь звучнымъ, серебристымъ смѣхомъ.—Пришли вы говорить со мной о вашей женитьбѣ, совсѣмъ нежданной при вашей репутаціи игрока, кутилы и вѣтреника,—о женитьбѣ при какихъ-то совсѣмъ сумасшедшихъ условіяхъ, — настолько они необыкновенны. Тутъ все есть: красота, молодость, умъ, богатство и даже,—вещь уже совсѣмъ невѣроятная, если меня не обманули мои глаза, — начало

увлеченія, очень серьезнаго увлеченія моей маленькой пріятельницы... А вы, только чуть вамъ дай волю, мнѣ начнете объясняться въ любви!... Хорошо, хорошо,—и она протянула ему для поцѣлуя свою красивую руку съ сверкавшими на ней крупными изумрудами.—На этотъ разъ прощаю, но отвѣчайте коротко: да или нѣтъ?... Дѣлать мнѣ за васъ предложеніе? Если—да, то я къ двумъ часамъ поѣду въ палаццо Саворелли и переговорю съ моимъ другомъ Гафнеромъ. Онъ поговоритъ съ дочерью, и уже отъ нихъ будетъ зависѣть дать отвѣтъ сегодня вечеромъ или завтра. Такъ какъ же, да или нѣтъ?

— Вечеромъ сегодня... завтра! — воскликнулъ князь съ забавнымъ выраженіемъ ужаса. — Да не могу я такъ вдругъ... Это западня какая-то. Я поговорить пріѣхалъ, посовѣтоваться...

— О чемъ?—перебила мадамъ Стено съ живостью, близкою къ раздраженію.—Что могу я вамъ еще сказать, чего бы вы давно не знали? Черезъ день, черезъ два дня, черезъ шесть мѣсяцевъ, что такое можетъ перемѣниться, скажите на милость?... Если говорить о дѣлѣ, то на дѣло надо смотрѣть прямо. Завтра, послѣ-завтра и еще когда угодно разорены вы будете все такъ же...

— Да,—началъ было князь,—но я...

— Нѣтъ тутъ никакихъ «но»,—продолжала она, не давая ему сказать ни слова, какъ не дала говорить своему управляющему. Деспотизмъ, свойственный сильнымъ личностямъ, ничѣмъ не маскировался у нея, когда дѣло касалось практическаго рѣшенія вопроса, по которому она уже составила себѣ опредѣленное мнѣніе.— Единственное серьезное возраженіе, которое вы могли мнѣ сдѣлать противъ этого брака, когда я говорила о немъ шесть мѣсяцевъ назадъ, состояло въ томъ, что Фанни не католичка. Теперь я знаю, что она готова перейти въ католичество. Объ этомъ, стало быть, нечего и толковать.

— Да,—сказалъ князь,—но я...

— Что касается Гафнера,—говорила графиня, не останавливаясь,—вы увѣряете, будто я пристрастна потому, что онъ мнѣ другъ. Но самое пристрастіе есть то же выраженіе мнѣнія... Вамъ именно такой тесть и нуженъ... Не качайте головой... Онъ поправитъ все, что можно поправить въ вашихъ дѣлахъ. Васъ обокрали, мой бѣдный Пеппино, ограбили, какъ въ лѣсу. Вы сами мнѣ объ этомъ разсказывали... Сдѣлайтесь зятемъ барона и вы увидите, какъ онъ расправится съ грабителями... Знаю, вы заговорите о прошломъ барона, о его процессѣ десять лѣтъ назадъ и о всѣхъ сплетняхъ по этому поводу. Все это вздоръ и пустяки. Барону при-

шлось пережить много тяжелаго. Родился онъ въ семьѣ еврейскаго происхожденія, — видите, я ничего не хочу отъ васъ скрывать,— но два предшествовавшія поколѣнія были уже христіанами, и разсказы о томъ, будто онъ перемѣнилъ религію, поселившись въ Италіи, такая же клевета, какъ и все остальное. Процессъ былъ, но кончился оправданіемъ барона. Надѣюсь, вы не претендуете быть болѣе правымъ, чѣмъ правосудіе?

— Да, но...

— Чего же вы еще ждете?—закончила мадамъ Стено.—Спохватитесь, пожалуй, когда поздно будетъ, какъ тогда съ вашими усадьбами...

— Фу-ухъ! Дайте вздохнуть, дайте опомниться, хоть вѣеромъ, что ли, обмахнуться,—сказалъ Ардеа и взялъ со стола вѣеръ графини. — Во всю мою жизнь я не зналъ утромъ, что буду дѣлать вечеромъ, жилъ всегда, какъ люди путешествуютъ,—куда вздумалъ, туда и поѣхалъ,—а вы требуете, чтобъ я въ пять минутъ порѣшилъ связать себя на вѣки-вѣчные!

— Я требую только, чтобы вы сказали, чего вы хотите,—заговорила опять графиня. — Хорошо фантазировать, вотъ, именно, когда путешествуешь. А когда дѣло идетъ о томъ, чтобы жизнь свою устроить, такія ребячества крайне опасны. Я лично знаю только одно: надо цѣль себѣ опредѣлить и идти къ ней прямо. Ваша цѣль очень ясна: выйти изъ ужаснаго положенія. Путь не менѣе ясенъ: жениться на дѣвушкѣ съ пятью милліонами приданаго. А затѣмъ: да или нѣтъ, хотите вы на ней жениться?... А!—воскликнула она вдругъ, обрывая свою рѣчь,— ни минуты свободной не дадутъ во все утро, а въ одиннадцать часовъ я обѣщала пріѣхать...

Графиня взглянула на дорожные часы, лежавшіе на столѣ; было двадцать пять минутъ одиннадцатаго. Она слышала, какъ отворилась дверь подъѣзда. Вошедшій слуга стоялъ уже передъ хозяйкой съ визитною карточкой на подносѣ. Она взяла карточку, взглянула на нее, сдвинула свои красивыя брови, еще разъ посмотрѣла на часы, поколебалась одно мгновеніе, потомъ сказала:

— Попросите подождать въ маленькой круглой гостиной, скажите, что я сейчасъ выйду,—и, обращаясь къ князю, прибавила:— Вы думаете, что отдѣлались? Ничуть не бывало. Я запрещаю вамъ уходить до моего возвращенія. Не задержу и четверти часа... Хотите газетъ? Вотъ онѣ... Хотите книгъ? Вотъ... Курить? Въ этомъ ящикѣ сигаретки... Черезъ четверть часа вернусь и получу вашъ отвѣтъ. Я хочу такъ, слышите, я этого хочу! — и на порогѣ она

обернулась съ очаровательною улыбкой и, простонароднымъ говоромъ сѣверной Италіи коверкая слово *schiavo*, «вашъ слуга», проговорила:—*Ciao, simpaticone*...

— Вотъ такъ женщина!—воскликнулъ про себя Пеппино Ардеа, когда скрылось за дверью свѣтлое платье графини.—Да, очень жаль, что пять лѣтъ назадъ я не свободенъ былъ въ Венеціи!... Кто знаетъ? Если бы хватило смѣлости, когда она подвозила меня въ своей гондолѣ къ гостиницѣ... Она только что разошлась тогда съ Санъ-Джіоббе. Болеслава еще не было. Съ ея совѣтами, при ея помощи, я бы сталъ играть на биржѣ, какъ она, по указаніямъ Гафнера. Только ужь никакъ не въ качествѣ зятя! Не приперли бы меня въ уголъ съ этою гаденькою женитьбой... и не было бы у нея такого скввернаго табаку!...

Онъ только что закурилъ сигаретку изъ виргинскаго табаку, подарокъ Майтлэнда, и, сдѣлавши гримасу, швырнулъ ее на полъ, какъ неблаговоспитанный мальчишка, не стѣсняясь тѣмъ, что можетъ прожечь тонкую циновку, прикрывавшую холодныя мраморныя плиты. Потомъ онъ прошелъ въ прихожую, чтобы вынуть свой портсигаръ изъ легонькаго пальто, которое предусмотрительно захватилъ съ собою, выходя изъ дому въ восемь часовъ утра. Закуривая собственную папиросу изъ такъ называемаго египетскаго табаку, съ примѣсью опіума и селитры, который, слѣдуя модѣ, онъ предпочиталъ совершенно чистому, настоящему табаку американца, Ардеа машинально взглянулъ на подносъ, съ которымъ слуга входилъ къ графинѣ. На подносѣ еще лежала карточка неизвѣстнаго гостя, ради котораго мадамъ Стено прервала свой разговоръ съ княземъ. Ардеа чуть не остолбенѣлъ, прочитавши на карточкѣ слова: «Графъ Болеславъ Горка».

— Она поразительнѣе, чѣмъ я предполагалъ, — раздумывалъ Пеппино, возвращаясь въ пустой кабинетъ графини.—Не было надобности просить, чтобъ я не уходилъ. Останусь, разумѣется, чтобы посмотрѣть на нее, когда она покончитъ разговоръ съ нимъ.

Графиня нашла Болеслава въ кругломъ салонѣ, который она избрала, какъ самую подходящую комнату для ожидаемаго бурнаго объясненія. Была эта комната совсѣмъ въ сторонѣ, рядомъ съ большою пріемной, въ противуположномъ концѣ отъ террасы. Если прибавить еще столовую, то это и составитъ весь нижній этажъ, или, вѣрнѣе, антресоль *) дома. Комнаты ма-

*) Во Франціи и въ Италіи *антресолемъ* называютъ помѣщеніе между нижнимъ этажомъ (rez-de-chaussée) и первымъ этажомъ (le premier). *Антресоль* соотвѣтствуетъ нашему „бель-этажу“.

дамъ Стено, какъ и кабинетъ, гдѣ ждалъ ее Пеппино, были въ первомъ этажѣ, а также комнаты контессины и ея гувернантки, нѣмки фрейлейнъ Веберъ, уѣхавшей куда-то на время. Графиня не ошиблась. Съ перваго взгляда, которымъ она обмѣнялась наканунѣ съ Горкой, она поняла, что тотъ все уже знаетъ. Объ этомъ она, впрочемъ, догадывалась раньше, когда Гафнеръ передалъ нѣсколько словъ нескромнаго Дорсена о таинственномъ появленіи поляка въ Римѣ. Такъ же точно и теперь поняла она ясно намѣренія Болеслава и едва взглянула на него, какъ почувствовала себя въ опасномъ положеніи. Когда человѣкъ былъ любовникомъ женщины, какимъ былъ для нея Горка, съ постоянно возобновляющимися обоюднымъ пыломъ страсти въ теченіе двухъ лѣтъ, тогда у женщины является по отношенію къ нему своего рода физіологическій инстинктъ, нѣчто вродѣ чутья животнаго. Одно его движеніе, тонъ одного сказаннаго слова, взглядъ, ничтожное измѣненіе цвѣта лица оказываются для нея уже ясными признаками, значеніе которыхъ она моментально понимаетъ съ безошибочною точностью. Какимъ образомъ и почему этотъ вѣрно угадывающій инстинктъ можетъ уживаться съ полнымъ забвеніемъ прежнихъ ласкъ и нѣжности? Это уже всецѣло относится къ казуистикѣ неразрѣшимаго и печальнаго вопроса о зарожденіи и исчезновеніи любви. Мадамъ Стено не имѣла ни малѣйшей склонности къ размышленіямъ подобнаго рода. Какъ всѣ существа, очень сильныя и очень простыя, свое внутреннее состояніе она сознавала и съ нимъ мирилась. Наканунѣ еще она ясно отдавала себѣ отчетъ въ томъ, что присутствіе бывшаго любовника не затрогиваетъ ни одной струнки ея сердца, доводившаго ее до такой слабости къ нему въ продолженіе двадцати пяти мѣсяцевъ, до подчиненія его малѣйшимъ капризамъ. И теперь она оставалась такъ же холодна, какъ мраморный барельефъ Мино де-Фіезоле, вдѣланный въ стѣну какъ разъ надъ кресломъ съ высокою спинкой, прислонившись къ которой стоялъ Болеславъ Горка. И самъ онъ, несмотря на бѣшенство, такъ и клокотавшее въ немъ въ эту минуту и дѣлавшее его способнымъ на самыя отчаянныя неистовства, ясно почувствовалъ, что присутствіе его не разгонитъ этого холода. Болеславъ такъ часто видалъ, за время ихъ продолжительной связи, эту женщину являвшеюся на свиданія съ нимъ по утрамъ, въ этотъ самый часъ, въ такихъ же туалетахъ, свѣжею, изящною, жаждущею поцѣлуевъ, трепещущею отъ страсти. И теперь въ ея голубыхъ глазахъ, въ улыбкѣ, во всей фигурѣ было нѣчто страшно привлекательное и, въ то же время, недоступное, дразнящее покинутаго любовника до самозабвенія, до

непреодолимаго желанія схватить, изуродовать эту женщину, улыбающуюся ему такою улыбкой,—избить ее, чтобы почувствовала она черезъ него хотя бы боль, что ли. И такъ она была хороша въ утреннемъ полусвѣтѣ комнаты съ опущенными шторами, что не менѣе пламенно было въ немъ желаніе схватить ее въ свои объятія, съ ея согласія или насильно. При самомъ входѣ ея въ комнату онъ почувствовалъ рѣзкій ароматъ духовъ, которые она употребляла при своихъ ваннахъ, и этотъ пустякъ окончательно довелъ его до изступленія, тѣмъ болѣе, что встрѣтившій его слуга сказалъ, что у мадамъ Стено гость, и Болеславъ про себя соображалъ, не сидитъ ли она и теперь съ Майтлэндомъ. Эти жгучія чувства, сдерживаемыя пока, прозвучали въ совершенно заурядной фразѣ, которою онъ встрѣтилъ графиню. Слова порою ничего не значатъ, все дѣло въ тонѣ, какимъ они сказаны. А тонъ молодого человѣка былъ ужасенъ.

— Я помѣшалъ?—сказалъ онъ, кланяясь и едва дотрогиваясь концами пальцевъ до протянутой ею руки.—Извините, я думалъ, вы одни. И если вамъ угодно будетъ назначить другое время для небольшого разговора, о которомъ я беру смѣлость васъ просить...

— О, нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтила она, не давая ему кончить фразы,—я сидѣла съ Пеппино Ардеа, и онъ подождетъ меня, подождетъ насъ,—поправилась она любезно.—Къ тому же, вы меня хорошо знаете, ничего я не люблю откладывать. Когда надо сказать что другъ другу, то и слѣдуетъ сказать: разъ, два, три и готово... Во-первыхъ, сказаннаго не придется начинать снова; во-вторыхъ, и сказано будетъ лучше. Нѣтъ ничего хуже, какъ ждать и молчать; черезъ это самыя простыя объясненія дѣлаются совсѣмъ не простыми и ведутъ часто къ ссорѣ между лучшими друзьями...

— Я очень счастливъ, что нахожу васъ въ такомъ отличномъ настроеніи,—возразилъ Горка съ ироніей, исказившей его красивое лицо выраженіемъ глубокой ненависти. Благодушное спокойствіе и простота графини надрывали его сердце и онъ продолжалъ, уже едва владѣя собою:—На самомъ дѣлѣ я считалъ себя вправѣ требовать отъ васъ объясненія и я пришелъ его требовать...

— Требуйте, мой милый,—сказала графиня, смотря ему прямо въ лицо и не опуская гордыхъ глазъ, въ которыхъ рѣзкое слово Болеслава зажгло огонекъ.

Если наканунѣ она была поразительна своею смѣлостью, при встрѣчѣ бывшаго любовника прямо изъ-за бесѣды наединѣ съ теперешнимъ любовникомъ, то въ этотъ мигъ она была еще великолѣпнѣе, такъ какъ на этотъ разъ уже не было у нея поддержки

какъ вчера, въ цѣломъ обществѣ близкихъ ей людей. Она не была увѣрена въ томъ, что обезумѣвшій человѣкъ, стоящій съ глазу на глазъ съ нею, не имѣетъ при себѣ оружія, и она считала его совершенно способнымъ убить ее тутъ же на мѣстѣ, безъ малѣйшей для нея возможности защищаться. Но дѣло надо было рано или поздно кончить, и она кончала его, не дрогнувши. Не солгала она, говоря Пеппино Ардеа: «Я знаю одно: надо цѣль себѣ опредѣлить и идти къ ней прямо». Съ Болеславомъ она рѣшила порвать окончательно, и передъ средствами нечего уже было раздумывать. Онъ молчалъ, подыскивая выраженія, потомъ началъ:

— Вы позволите мнѣ припомнить, что̀ было три мѣсяца назадъ, хотя для женской памяти это, кажется, очень долгій срокъ. Не знаю, помните ли вы наше послѣднее свиданіе... Виноватъ, предпослѣднее, такъ какъ въ послѣдній разъ мы видѣлись вчера вечеромъ. Согласитесь, что наше разставаніе тогда отнюдь не предвѣщало того, какъ мы встрѣтились теперь...

— Соглашаюсь,—сказала графиня, и въ ея глазахъ опять сверкнула оскорбленная гордость,—но замѣчу, что мнѣ отнюдь не нравится ваша манера говорить со мной. Во второй разъ уже вы обращаетесь ко мнѣ, какъ обвинитель, и если вамъ угодно продолжать въ этомъ тонѣ, то лучше прекратить разговоръ...

— Катерина!...—этотъ крикъ молодого человѣка, бѣшенство котораго все разросталось, окончательно убѣдилъ графиню, что необходимо привести какъ можно скорѣе къ развязкѣ объясненіе, гдѣ каждая реплика вела къ новымъ взрывамъ негодованія.

— Ну?—коротко выговорила она и скрестила руки такимъ властнымъ жестомъ, что угроза замерла на губахъ Горки. Графиня продолжала:—Слушайте, Болеславъ, мы говоримъ уже десять минутъ и ровно ничего не сказали, потому что у обоихъ не хватаетъ смѣлости поставить вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, что̀ мы оба знаемъ и чувствуемъ. Вмѣсто того, чтобы писать мнѣ письма, какія вы писали, на которыя отвѣчать нельзя, вмѣсто того, чтобы возвращаться въ Римъ украдкой, какъ преступникъ, вмѣсто того, чтобы являться ко мнѣ съ грознымъ видомъ, какъ вчера, или съ торжественностью судьи, какъ сегодня, почему вы не обратились ко мнѣ съ вопросомъ просто и прямо, какъ человѣкъ, знающій, что я его очень, очень любила?... Такъ неужели, кто былъ любовникомъ, тотъ имѣетъ основаніе ненавидѣть, когда перестаетъ имъ быть?

— Перестаетъ имъ быть!—воскликнулъ Горка.—Вы, стало быть, не любите меня? О, я это зналъ, я угадалъ это съ первой не-

дѣли моего несчастнаго отсутствія! Но не могъ я думать, что вы мнѣ это скажете вотъ такъ, настолько спокойнымъ голосомъ, жестоко оскорбительнымъ для всего нашего чуднаго прошлаго. Этому я не повѣрилъ бы и не вѣрю я этому, даже когда слышу отъ васъ. О, это слишкомъ, слишкомъ отвратительно!...

— А почему?—прервала его графиня, поднимая голову еще болѣе гордо.—Въ любви отвратительно одно, это ложь... Хе! Я знаю, вы, мужчины, не привыкли встрѣчать правдивыхъ женщинъ, которыя уважали бы, чтили бы свои чувства. А я вотъ уважаю ихъ, я ихъ чту. Повторяю вамъ, Болеславъ, я сильно васъ любила. Я не скрывала этого отъ васъ, я прямо отдавалась вамъ и поступала съ вами честно, какъ сама правда... И теперь я убѣждена, что такъ же точно поступаю, когда себя беру у васъ назадъ и предлагаю вамъ, какъ уже сказала, прочную дружбу, настоящую дружбу человѣка, готоваго чѣмъ хотите доказать искренность своей преданности.

— Мнѣ вы предлагаете дружбу съ вами, мнѣ, мнѣ?—вскричалъ Болеславъ.—Какое надо имѣть терпѣніе, чтобы выслушивать все это, какъ я васъ слушалъ!...Вы называли ложь презрѣнною и сами, въ то же время, лгали, лгали!... Что-жъ, требуйте ужъ заодно и дружбы моей съ тѣмъ, кто замѣнилъ меня у васъ... Да вы, должно быть, за слѣпца меня считаете, воображаете, что не видалъ я васъ вчера съ Майтлэндомъ и не понялъ сразу, какую роль играетъ онъ при васъ? Не поняли вы, стало быть, что очень важный поводъ заставилъ меня вернуться такъ, какъ я вернулся? Не знаете вы и того, что не шутятъ съ тѣмъ, кто любитъ, какъ я люблю васъ?... Все было ложь. Не честно поступали вы со мной, не честно потому, что взяли этого человѣка въ любовники, когда были еще моею любовницей. На это вы права не имѣли, да, да, да, не имѣли права!...И что онъ такое? Будь то Ардеа, будь то Дорсенъ, кто бы то ни былъ, изъ-за кого мнѣ не пришлось бы краснѣть за васъ... Но это животное, этотъ болванъ, у котораго нѣтъ ничего, ничего, ни красоты, ни имени, ни изящества, ни ума, ни таланта... да, да, нѣтъ у него таланта! Нѣтъ ничего, кромѣ бычачьяго тѣлосложенія! Вѣдь, это все равно, что измѣнили бы вы мнѣ ради лакея... Нѣтъ, это слишкомъ отвратительно! А, Катерина, поклянись мнѣ, что это неправда! Ты говоришь, что не любишь меня, я подчинюсь этому, уѣду отсюда, на все соглашусь, на все, только поклянись, что не любишь ты этого человѣка... Да клянись же, клянись!...— и онъ стиснулъ ея руку съ такою силой, что графиня слегка вскрикнула и, вырываясь, проговорила:

— Пустите, больно мнѣ... Вы съ ума сошли, Горка, и въ этомъ ваше единственно оправданіе... Мнѣ не въ чемъ клясться передъ вами. Ни до моихъ чувствъ, ни до моихъ мыслей, ни до моихъ поступковъ вамъ никакого дѣла нѣтъ послѣ того, чтò я сказала... И думать можете вы все, что вамъ угодно... Но,—всю ее охватило раздраженіе влюбленной женщины, оскорбленной въ томъ, что было ей всего дороже,—никогда уже вы при мнѣ не повторите про одного изъ моихъ друзей того, что позволили себѣ сказать сейчасъ. А со мною вы осмѣлились такъ обращаться, что этого я вамъ не прощу. Вмѣсто дружбы, которую я вамъ искренно предлагала, отнынѣ между нами будутъ только свѣтскія отношенія. Вотъ вамъ чего хотѣлось... Постарайтесь же, чтобы не сдѣлались они невозможными для васъ самихъ. Будьте приличны на виду, по крайней мѣрѣ. Помните, что у васъ есть жена, у меня есть дочь, и что на насъ лежитъ обязанность оградить ихъ отъ послѣдствій нашего прискорбнаго разрыва. Богъ свидѣтель мнѣ въ томъ, что совсѣмъ не такъ хотѣла я покончить.

— Моя жена! Ваша дочь!—горько проговорилъ молодой человѣкъ.—Какъ разъ вò-время вы вспомнили о нихъ и хотите теперь поставить ихъ между вами и моею справедливою местью! Что же прежде-то не стѣсняли васъ эти два несчастныя существа, когда вамъ угодно было, чтобы я любилъ васъ? Вы удобнымъ находили, чтобы онѣ стали друзьями. И я пошелъ на это, я согласился на такую низость... для того, чтобы дать вамъ возможность укрыться теперь за неповинныхъ ни въ чемъ бѣдняжекъ!... Нѣтъ, и этого вамъ не удастся. Нѣтъ, такъ мы съ вами не разстанемся. Если только съ этой стороны я могу вамъ нанести ударъ, то я и нанесу его. Вотъ черезъ это вы у меня въ рукахъ, понимаете вы меня, и я васъ не выпущу. Или вы того господина выгоните вонъ, или я ни передъ чѣмъ не остановлюсь. Моя жена узнаетъ?... Да тѣмъ лучше! Я слишкомъ долго задыхаюсь отъ такой лжи. Узнаетъ ваша дочь? Такъ все равно: немного раньше иль позднѣе немного, она пойметъ, чтò вы такое...

Говоря это, онъ двинулся къ графинѣ съ такимъ ужаснымъ жестомъ, что та принуждена была попятиться назадъ. Еще нѣсколько нутъ, и Горка исполнилъ бы свою угрозу; онъ уже готовъ былъ арить мадамъ Стено, бить, ломать все вокругъ себя, сдѣлать рашный скандалъ. Она имѣла присутствіе духа поступить съ еще олѣе отчаянною смѣлостью. Подъ рукою оказалась пуговка электрическаго звонка, она ее нажала въ то время, какъ Горка говорилъ, презрительно смѣясь:

— Вамъ только и оставалось нанести мнѣ еще это оскорбленіе, звать лакеевъ на защиту.

— Ошибаетесь,—отвѣтита она,—я не боюсь. Повторяю вамъ, вы сумасшедшій, и я хочу только доказать вамъ это, вернувши васъ къ сознанію въ дѣйствительности вашего положенія... Попросите сюда мадемуазель Альбу,—сказала графиня слугѣ, вошедшему на ея звонокъ. Эта короткая фраза была каплей воды, которая сразу обрываетъ струю вырвавшагося наружу пара. Неустрашимая венеціанка нашла единственное средство прекратить ужасную сцену. Несмотря на угрозу Горки, она знала, что никогда онъ ничего себѣ не позволитъ въ присутствіи молодой дѣвушки, дружной съ его женой и хорошо ему извѣстной своею нѣжностью и впечатлительностью. Онъ способенъ былъ на самыя опасныя и на самыя жестокія выходки въ порывѣ страсти, распаленной, къ тому же, тщеславіемъ. Но были въ немъ и рыцарскія черты, которыя должны парализовать его неистовство съ приходомъ Альбы. Что же касается графини, то ей и въ голову не приходило мысли, насколько безнравственно было, ради самозащиты, примѣшиватъ дочь къ рѣзкому разрыву съ озлобленнымъ любовникомъ. Мадамъ Стено часто говорила: «Она мой товарищъ и другъ мнѣ», и такъ она думала. Опереться на дочь въ эту критическую минуту казалось ей настолько же естественнымъ, какъ подставить свое плечо подъ руку дѣвушки въ то время, какъ лѣтомъ онѣ, купаясь на Лидо, уплывали слишкомъ далеко въ море. При томъ бурномъ негодованіи, отъ котораго весь дрожалъ Горка, этотъ внезапный призывъ молоденькой дѣвушки долженъ былъ казаться и на самомъ дѣлѣ казался ему проявленіемъ самаго крайняго цинизма. Въ короткій промежутокъ времени между уходомъ слуги и появленіемъ Альбы онъ ходилъ по комнатѣ и повторялъ одно и то же, тогда какъ графиня смотрѣла на него вызывающимъ, дерзкимъ взглядомъ.

— Я презираю васъ... Презираю! О, какъ я васъ презираю!— потомъ, когда отворялась дверь, онъ сказалъ:—Мы переговоримъ еще объ этомъ, графиня...

— Когда угодно,—отвѣтила Катерина Стено и, обращаясь къ дочери, прибавила:—Ты знаешь, что карета ждетъ насъ безъ десяти минутъ въ одиннадцать, теперь безъ четверти. Готова ты?

— Какъ видишь,—сказала дѣвушка, показывая надѣтыя уже свѣтло-сѣрыя перчатки съ черными вставками, которыя она кончала застегивать, и широкополую шляпу изъ чернаго тюля, облегавшую ея свѣтлые волосы какъ бы темнымъ и прозрачнымъ ореоломъ. Ея тонкая талія была стянута совершенно гладкимъ лифомъ

выбраннымъ Майтлэндомъ для его портрета, своего рода кирасой темно-голубого цвѣта, оканчивавшеюся у ворота и на рукавахъ болѣе темными полосами бархата. Бѣлый стоячій воротничокъ и мужскія манжетки придавали всей ея изящной фигурѣ видъ еще болѣе юный, чѣмъ она была въ дѣйствительности. И ясно было, что на зовъ матери она пришла съ торопливостью и съ улыбкою такой, именно, юности. Но тутъ выраженіе лица Горки и лихорадочный блескъ глазъ матери вызвали у нея то ощущеніе, которое она опредѣляла нѣсколько страннымъ, но очень вѣрнымъ выраженіемъ,— ощущеніе «вонзившейся въ сердце иголки»,—рѣзкаго и тонкаго укола въ лѣвой сторон ѣгруди. Альба спала ночь тоже крѣпкимъ, покойнымъ сномъ послѣ вчерашняго вечера, когда невозмутимое спокойствіе матери между польскимъ графомъ и американскимъ художникомъ она приняла за несомнѣнное доказательство полной ея невиновности. Она восхищалась матерью, находила ее такою умною, красивою, доброю, что сомнѣваться въ этомъ было для дѣвушки невыносимымъ терзаніемъ. А такое сомнѣніе мучило ее уже нѣсколько мѣсяцевъ. Нечаянно слышанный на одномъ балѣ ужасный разговоръ про графиню двухъ дамъ, не подозрѣвавшихъ присутствія сзади нихъ Альбы, положилъ начало ея сомнѣніямъ, которыя то усиливались, то уменьшались, то исчезали, то удручали ее, смотря по такимъ малозначительнымъ признакамъ, какъ вчерашнее спокойствіе мадамъ Стено или ея возбужденное состояніе въ это утро. Ощущеніе укола въ сердце было настолько быстро и мимолетно,—точно одну капельку крови послѣ себя оставило,— что та же улыбка была на лицѣ дѣвушки, когда она обратилась къ Болеславу съ вопросомъ:

— Хорошо ли отдохнула Модъ? Какъ ея здоровье? А мой маленькій другъ Лука?...

— Здоровы всѣ, какъ нельзя лучше,—отвѣтилъ Горка. Послѣдній трепетъ злости, сразу затаенной при появленіи молодой дѣвушки, сказался, но для одной графини только, въ очень простыхъ, по существу, словахъ, которымъ взглядъ и голосъ Болеслава придали особенную горечь:—Нашелъ я ихъ такими же, какими мы разстались... А! они меня очень, очень крѣпко любятъ... Васъ ждетъ ...деа, графиня, я удаляюсь,—добавилъ онъ, направляясь къ двери.—Отъ васъ, контессина, передамъ Модъ выраженіе вашей ...ужбы...

Прощаясь такъ, онъ опять нашелъ тонъ высокаго аристократизма, который былъ заложенъ въ немъ длиннымъ рядомъ знатныхъ ...ковъ, хотя и дикихъ, но все же, несомнѣнно, очень крупныхъ,

настоящихъ баръ. Безукоризненно приличный въ своемъ поклонѣ графинѣ Стено, онъ съумѣлъ придать особенный оттѣнокъ болѣе низкому поклону, какимъ простился съ контессиной. Пустякъ это былъ, но и онъ не ускользнулъ отъ чуткости графини. И это тронуло ее, остававшуюся непоколебимо безстрастною и злою передъ его отчаяніемъ, безумствами и угрозами. Вся гибкость его чистославянской натуры, очаровывавшая графиню, отразилась въ такой быстрой перемѣнѣ, очень тактичной тѣмъ, что не замѣтно было ни малѣйшей принужденности. На мгновеніе мадамъ Стено почувствовала себя смутно униженною тѣмъ, что одержала верхъ надъ человѣкомъ, котораго за пять минутъ до того съ наслажденіемъ приказала бы своимъ слугамъ вышвырнуть изъ дома. Она молчала, забывши даже о присутствіи дочери, когда молодая дѣвушка вернула ее къ сознанію дѣйствительности:

— Такъ я пойду взять вуаль и зонтикъ...

— Меня найдешь въ кабинетѣ; мнѣ надо кончить разговоръ съ Ардеа,—отвѣтила мать и прибавила:—Въ экипажѣ я тебѣ сообщу, можетъ быть, новость, которая тебя порадуетъ...

На лицѣ графини опять была ея обычная, бодрая улыбка, и, возобновляя свой разговоръ съ Пеппино, она не подозрѣвала, что бѣдняжка Альба, едва войдя въ свою комнату, стерла двѣ крупныхъ слезы, скатившихся на поблѣднѣвшія щеки, и еще разъ взяла перечитывать предательское анонимное письмо, полученное наканунѣ. Она уже наизусть знала каждую заключающуюся въ немъ ехидную фразу... Какая адская жажда мести должна была охватить того, кто сочинилъ ихъ и у кого хватило духа передать молоденькой дѣвушкѣ доносъ на родную мать, составленный въ такихъ выраженіяхъ: «Истинный другъ мадемуазель С... предупреждаетъ ее, что она компрометируетъ себя болѣе, чѣмъ это возможно для дѣвушки, разсчитывающей на замужество, играя при г. Майтлэндѣ ту же роль, которую уже играла при г. Горкѣ. Бываютъ такія сознательныя ослѣпленія, которыя превращаются въ пособничества...» Слова эти, загадочныя для всякой другой, но поразительно ясныя для контессины, были такъ же точно, какъ письма, о которыхъ Болеславъ говорилъ Дорсену, вырѣзаны изъ газеты, подобраны и наклеены на самой заурядной бумагѣ, не дававшей никакихъ указаній для розысковъ. Необычайно упорное озлобленіе ненависти высказывалось въ особенности въ томъ, какія трудности долженъ былъ преодолѣть доносчикъ для того, чтобы подыскать напечатанными собственныя имена, вырѣзанныя, вѣроятно, изъ какого-нибудь газетнаго отчета о великосвѣтскомъ праздникѣ. Боже, какъ дрожала

Альба всѣмъ тѣломъ, читая эту записку наканунѣ утромъ! Какой ужасъ сжималъ ея сердце при сознаніи, что надъ нею и надъ ея матерью тяготѣетъ чья-то ненависть, безпощадная, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся! И затѣмъ, какое облегченіе принесли ей нѣсколько фразъ, сказанныхъ Дорсеномъ, и, въ особенности, невозмутимость графини при появленіи Болеслава Горки! Слишкомъ мимолетное успокоеніе, исчезнувшее въ тотъ мигъ, когда она увидала свою мать и мужа своего лучшаго друга наединѣ, съ слѣдами страшной сцены въ ихъ взглядахъ, въ ихъ жестахъ, въ выраженіи лицъ обоихъ. И опять жестокою болью пронизывала ее мысль: «Что было между ними? О чемъ говорили они?...» Вдругъ Альба сжала судорожнымъ движеніемъ руки проклятое анонимное письмо, облекавшее конкретными формами ея страданія и подозрѣнія, зажгла свѣчу и поднесла къ огню бумагу, превратившуюся быстро въ безформенный черный клочокъ. И его она смяла, истерла въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока не получилась щепотка пепла, который она разсѣяла въ окно по вѣтру. Потомъ она взглянула на перчатки: ихъ нѣжный сѣрый цвѣтъ былъ загрязненъ остатками обугленной бумаги. То былъ, казалось, символическій образъ грязнаго пятна, которое это письмо, даже сожженное, должно было оставить въ ея сознаніи. Самыя перчатки сдѣлались ей омерзительны, и она сорвала ихъ скорѣе, чѣмъ сняла. А когда прошла къ мадамъ Стено, то, какъ на новыхъ только что надѣтыхъ перчаткахъ не было слѣда ея трагическаго ребячества, такъ нельзя было разобрать и слѣда слезъ на ея глазахъ подъ большимъ вуалемъ, обвернутымъ вокругъ шляпы. И свою мать, причинявшую ей такія страданія, она застала тоже въ широкополой шляпѣ, но только свѣтлой, съ бѣлымъ вуалемъ, изъ-за котораго особеннымъ какимъ-то блескомъ сверкали ея бѣлокурые волосы, голубые глаза и свѣжій румянецъ щекъ, а ультра-модное цвѣтомъ и покроемъ платье дѣлало ее моложе дочери. Лицо графини сіяло отъ удовольствія, когда она говорила Пеппино Ардеа:

— Ну, и отъ души васъ поздравляю съ тѣмъ, что наконецъ-то вы рѣшились. Сегодня же все будетъ мною сдѣлано, и благодарить меня вы будете всю вашу жизнь и ежечасно.

— А пока, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, — я себя хорошо [...]ю, буду терзаться цѣлый день... А, впрочемъ,—добавилъ онъ [фи]лософически,—терзался бы я точно такъ же, если бы и не рѣ[ши]лся...

— Ты догадалась, что дѣло идетъ о замужствѣ Фанни?—гово[ри]ла мадамъ Стено дочери, когда нѣсколько минутъ спустя онѣ си-

дѣли рядомъ, какъ двѣ сестры-погодки въ викторіи, уносившей ихъ къ мастерской Майтлэнда.

— Ты думаешь, стало быть, что это уладится? — спросила Альба.

— Улажено,—весело отвѣтила графиня.—Мнѣ поручено сдѣлать предложеніе... И какъ же счастливы будутъ всѣ трое!... Очень давно дьяволъ Гафнеръ мѣтилъ на это! Вспоминаю я, какъ еще въ 1880 году, тотчасъ послѣ его процесса,—понимаешь ты это?—пріѣзжалъ онъ ко мнѣ въ Венецію... Вы на балконѣ играли, Фанни и ты. А онъ все разспрашивалъ меня про Квириналъ, про Ватиканъ, про черный свѣтъ и про тотъ... Потомъ указалъ на дочь и проговорилъ: дѣвочку я сдѣлаю римскою княгиней!...

Догаресса была въ полномъ удовольствіи отъ успѣшности своихъ переговоровъ съ Ардеа, была въ восторгѣ отъ того, что мчится въ мастерскую Майтлэнда во всю прыть своихъ англійскихъ *cobs* *), мчится такъ быстро, что совсѣмъ не замѣтила стоявшаго на тротуарѣ Болеслава Горку. Альба, съ своей стороны, была такъ взволнована новымъ и, на этотъ разъ, не подлежащимъ никакому сомнѣнію доказательствомъ отсутствія нравственнаго чувства въ матери, что тоже не видала мужа своей пріятельницы. Еще наканунѣ ей невыносимо возмутительными казались отношенія къ Фанни барона Гафнера и князя Ардеа, въ особенности потому, что она чувствовала, хотя и не признавалась въ томъ себѣ, печальное тождество между атмосферой лжи, въ которой жила несчастная Фанни, и тою атмосферой, въ которой, какъ ей казалось порою, живетъ она сама. Аналогія эта опять ей ясно представилась, и опять почувствовала она «иголку въ сердцѣ», вспомнивши разсказъ матери объ интригѣ, которою баронъ Юстусъ Гафнеръ опуталъ своего будущаго зятя. На нее напала безконечная тоска, и Альба, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, упорно молчала, тогда какъ графиня продолжала смѣяться, разсказывая о нерѣшительности Пеппино. Въ эту минуту мадамъ Стено и думать забыла о бѣшенствѣ Болеслава. Да и что могъ онъ ей сдѣлать? Эту полную беззаботность послѣ сцены, только что происшедшей между ними, Горка отлично замѣтилъ, увидавши промчавшійся мимо него экипажъ Долго потомъ стоялъ полякъ на тротуарѣ и слѣдилъ взглядомъ з: свѣтлою шляпой и за темною, мелькавшими уже далеко въ обычно! сутолокѣ улицы Двадцатаго Сентября. Вдругъ въ его головѣ блеснула мысль, что мадамъ Стено и ея дочь отправляются въ мастер-

*) *Cob*—англійское названіе малорослой, но рѣзвой лошади.

скую художника Майтлэнда... Едва успѣло мелькнуть въ умѣ такое подозрѣніе, какъ Горка выдержать уже не могъ, чтобы тотчасъ же не провѣрить его. Онъ бросился въ проѣзжавшій мимо фіакръ въ ту самую минуту, какъ Ардеа, вышедшій позднѣе изъ виллы Стено, догналъ его и сказалъ:

— Ты куда ѣдешь? Можешь взять меня съ собой? Мы бы поговорили...

— Не могу,—отвѣтилъ тотъ,—я очень спѣшу, надо видѣть одного человѣка. Черезъ часъ мнѣ придется, можетъ быть, обратиться къ тебѣ съ просьбой объ одной услугѣ. Гдѣ ты будешь?

— Дома,—отвѣтилъ Пеппино,—пріѣзжай завтракать.

— Пріѣду,—сказалъ Горка и, приподнявшись, прошепталъ на ухо кучеру такъ тихо, что Ардеа не могъ ничего разслышать:— Получишь десять франковъ сверхъ платы, если доставишь въ пять минутъ на уголъ улицы Наполеона III и Виктора-Эммануила.

Кучеръ подобралъ возжи и волшебнымъ дѣйствіемъ обѣщанныхъ франковъ кляча, еле тащившая фіакръ, превратилась въ добрую и сильную лошадь римской породы, а самый фіакръ—въ легонькій экипажъ, не уступающій въ быстротѣ тосканскимъ «кароцелли». Оставшись одинъ на тротуарѣ, благоразумный Пеппино такъ разсуждалъ самъ съ собой:

«Славный малый Болеславъ и поступилъ бы лучше, еслибъ остался съ своимъ пріятелемъ Ардеа, вмѣсто того, чтобы нестись, куда онъ понесся. Вся эта исторія кончится какою-нибудь дуэлью... Если бы не связала меня необходимость покончить съ этою глупостью,—и онъ ткнулъ концомъ трости въ сторону афиши о продажѣ его собственнаго дворца,—распотѣшилъ бы я свою душеньку и отобралъ бы Катерину у обоихъ... Ну, да отложимъ, возьму свое послѣ женитьбы. А теперь *opera seria* *) по программѣ».

Такой ловкій молодецъ, какъ Пеппино Ардеа, не ошибся, разумѣется, относительно направленія фіакра, взятаго Горкой. На самомъ дѣлѣ, покинутый любовникъ мчался въ сторону мастерской Майтлэнда. Но еще не къ самой мастерской. Безумецъ хотѣлъ себѣ самому доказать, что всѣ выраженія его страданій не привели къ чему и что, едва отдѣлавшись отъ него, мадамъ Стено поѣшила отправиться къ живописцу. На что нужно было ему знать и какое значеніе могло имѣть подобное доказательство? Развѣ ,финя скрывала эти сеансы,—эти удобные сеансы,—какъ говолъ ревнивецъ Дорсену? А, между тѣмъ, они-то волновали и раз-

*) *Opera seria*—значитъ собственно серьезный трудъ, важная работа.

жигали его кровь гораздо болѣе, чѣмъ мысли о другихъ, тайныхъ свиданіяхъ. Относительно этихъ послѣднихъ у него могло еще оставаться нѣкоторое сомнѣніе, несмотря на анонимныя письма, несмотря на пребываніе съ глазу на глазъ на террасѣ, несмотря на имя *Линко*, дерзко произнесенное при немъ, и несмотря на только что происшедшую сцену,—тогда какъ достовѣрно были ему извѣстны долгія интимныя бесѣды въ мастерской. Онѣ-то и доводили его до изступленія, и, въ то же время, по странному противорѣчію, составляющему отличительную черту всякой ревности, его, точно голодъ и жажда, мучила потребность представить ихъ себѣ какъ можно осязательнѣе. А потому онъ вышелъ изъ экипажа на углу названныхъ улицъ, откуда онъ могъ окинуть взглядомъ длинную улицу Леопарди, на которой былъ домъ его соперника. То было обширное зданіе, построенное въ мавританскомъ стилѣ знаменитымъ испанскимъ художникомъ Жуаномъ Сантигоса, который принужденъ былъ пять лѣтъ назадъ все распродать, домъ, мастерскую, лошадей, оконченныя картины и только что набросанные эскизы, для уплаты громаднаго проигрыша. Флоранъ Шапронъ купилъ тогда эту своего рода поддѣльную Альгамбру и часть ея отдавалъ внаймы своему зятю. Выжидая на углу улицы, Болеславъ Горка вспомнилъ, что въ прошедшемъ году онъ посѣтилъ этотъ домъ въ обществѣ мадамъ Стено, Альбы, Модъ и Гафнера, ради его осмотра одновремено съ нѣкоторыми другими дворцами, до чего такъ лакомы свѣтскія женщины какъ въ Римѣ, такъ и въ Парижѣ. Въ силу какого-то безсознательнаго инстинкта, художникъ и его картины съ перваго же раза стали антипатичны Болеславу. И какъ оправдалось это чувство!... И вдругъ, нагнувшись немного, такъ, чтобы видѣть и самому остаться незамѣченнымъ, онъ различилъ въѣзжающую въ длинную улицу Леопарди викторію и въ ней черную шляпу Альбы Стено и яркую шляпу ея матери. Черезъ двѣ минуты щегольской экипажъ остановился у мавританскаго дома, какъ-то особенно нахально сверкавшаго своею бѣлизной среди другихъ построекъ этой улицы, по большей части неоконченныхъ. Обѣ женщины вошли въ домъ, дверь затворилась за ними, а кучеръ поворотилъ назадъ и неторопливо поѣхалъ шагомъ, какъ обыкновенн отправляются домой отпрягать лошадей. Онъ сдерживалъ ихъ, чтс бы дать имъ остыть, а бойкіе *cobs* такъ и рвались впередъ ещ сильнѣе вспѣнить свою блестящую сбрую. Ясно было, что графи ня и Альба располагаютъ остаться въ мастерской на продолжитель ный сеансъ. Что же новаго узналъ Болеславъ? Не смѣшонъ ли он былъ на тротуарѣ этого сквера, посрединѣ котораго видна разва

лина античнаго резервуара, называемаго, на болѣе чѣмъ сомнительномъ основаніи, «трофеемъ Марія»? Однимъ взглядомъ молодой человѣкъ окинулъ всю картину: удаляющійся экипажъ графини, обширную площадь, развалину, линію высокихъ домовъ, свой фіакръ. И самъ себѣ онъ показался настолько забавнымъ, съ своимъ подсматриваніемъ отлично извѣстнаго ему, что громко расхохотался нервнымъ смѣхомъ, сѣлъ въ экипажъ и сказалъ кучеру свой адресъ: «Палаццо Доріа, площадь Венеціи». Фіакръ двинулся, на этотъ разъ, медленно, такъ какъ возница сообразилъ, что нетерпѣніе пріѣхать скорѣе уже не волнуетъ его кліента. И съ лошадью произошла обратная метаморфоза,—изъ добраго римскаго коня она опять превратилась въ самую обыкновенную клячу, а экипажъ сталъ тяжеловѣсною, неуклюжею машиной, тащившеюся по длиннымъ улицамъ, какъ придется. Самъ Болеславъ отдался такому же отупѣнію, явившемуся неизбѣжною реакціей послѣ пережитаго имъ припадка яростнаго возбужденія. Но спокойствіе не должно было и не могло особенно длиться. Въ воображеніи ревнивца опять рисовалась мастерская, гдѣ въ эту минуту находилась мадамъ Стено, рисовалась все съ большею отчетливостью по мѣрѣ того, какъ Горка отъ нея удалялся. Онъ мысленно видѣлъ свою бывшую любовницу ходящею въ этой обстановкѣ изъ тканей и драпировокъ, вооруженій и начатыхъ этюдовъ, какъ видалъ онъ ее часто въ дѣйствительности прохаживающеюся по его собственной курильной комнатѣ, съ улыбкою влюбленной женщины, нѣжно дотрогивающейся до предметовъ, среди которыхъ живетъ милый сердцу человѣкъ. Видѣлъ онъ неподвижную Альбу, служащую ширмами въ этой новой интригѣ матери такъ же наивно, какъ прикрывала она собою когда-то его связь съ графиней. И Майтлэнда онъ видѣлъ съ равнодушнымъ взглядомъ, какъ вчера, съ безучастнымъ лицомъ предпочтеннаго человѣка, настолько увѣреннаго въ своемъ торжествѣ, что не испытываетъ онъ даже ревности къ прошлому,—единственнаго утѣшенія для самолюбія покинутаго предшественника. Подобное невозмутимое спокойствіе того, кто замѣнилъ насъ у измѣнившей любовницы, еще болѣе увеличиваетъ наше раздраженіі если мы настолько несчастны и смѣшны, что поддаемся таки ь же порывамъ, какіе переживалъ Горка. Наступилъ моментъ, ко а неотвязныя воспоминанія о соперникѣ сдѣлались для него бу зально невыносимы. Онъ былъ очень близко къ своему дому такъ какъ проѣхалъ уже дивную площадь, загроможденную об чками базиликъ, форумъ Траяна, надъ которымъ возвышается ст [illegible] святого Петра на вершинѣ знаменитой колонны. Вокругъ

гигантскаго столба цѣлые легіоны, высѣченные изъ мрамора, взбираются наверхъ, чтобы очутиться свидѣтелями тріумфа скромнаго галилейскаго рыбака, вышедшаго на берегъ въ портѣ Тибра восемнадцать вѣковъ назадъ невѣдомымъ, гонимымъ, нищимъ, быть можетъ. Какой чудный символъ и какое дивное указаніе въ словахъ, сказанныхъ апостоломъ: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни!...» Но Горка не имѣлъ ничего общаго ни съ Монфанономъ, ни съ Дорсеномъ, и ни въ сердцѣ его, ни въ умѣ не находилъ отзвука смыслъ поученія. Онъ былъ человѣкомъ страсти и дѣйствія, сознавалъ только свою страсть и могъ дѣйствовать лишь въ томъ тѣсномъ кругѣ, въ который закидывала его случайность. При воспоминаніи о томъ, какъ держалъ себя Майтлэндъ наканунѣ, Болеслава захватилъ новый приливъ ярости. На этотъ разъ Горка уже не въ состояніи былъ совладать съ собою. Онъ рѣзко дернулъ за рукавъ удивленнаго кучера и крикнулъ ѣхать въ улицу Леопарди такимъ повелительнымъ тономъ, что лошадь понеслась ходкою рысью, какъ въ началѣ, и фіакръ быстро покатился по извилинамъ улицъ. Волна трагическихъ порывовъ подступала къ сердцу молодого человѣка. Нѣтъ, не потерпитъ онъ дольше этого оскорбленія. Слишкомъ жестоко онъ затронутъ въ томъ, что наиболѣе чувствительнаго было во всемъ его существѣ, — нестерпимо задѣты его любовь, какъ и его гордость. Одинаково больно было то и другое, но еще и иной инстинктъ толкалъ его на безумное дѣло, которое онъ намѣревался предпринять. Въ его жилахъ кипѣла старая кровь Палатиновъ, какъ говорилъ ему Дорсенъ въ шутку. И если поляки дали стольких героевъ для современныхъ романовъ и драмъ, такъ потому это, что, несмотря на крупные недостатки, за которые они дорого поплатились, все же они остаются самою рыцарскою расой и самою безумно-храброй въ Европѣ. Когда этихъ людей, воспламеняющихся крайне безпорядочно и сильно, что-либо затронетъ слишкомъ за живое, они уже ни о чемъ не думаютъ, кромѣ драки, такъ же просто, какъ потомокъ цѣлаго ряда самоубійцъ думаетъ о томъ, чтобы покончить съ собой. Беззаботный Ардеа своимъ итальянскимъ чутьемъ сразу опредѣлилъ, къ чему, въ концѣ-концовъ, долженъ привести Горку его характеръ. Дуэль была необходима покинутому любовнику, чтобы онъ могъ перенести измѣну любовницы. Или онъ ранитъ, убьетъ, быть можетъ, соперника, и страсть его удовлетворена будетъ, или же онъ рискуетъ быть убитымъ самъ, и храбрость, которую онъ выкажетъ при этомъ, дастъ ему возможность подняться въ собственныхъ глазахъ. Безумная мысль овладѣла имъ и неудержимо

влекла въ улицу Леопарди: вызвать на дуэль художника тотчасъ же и при мадамъ Стено. А, какое наслажденіе будетъ увидать, какъ задрожитъ она, а задрожитъ несомнѣнно, когда увидитъ его входящимъ въ мастерскую! Но держать себя онъ будетъ безукоризненно, какъ она имѣла наглость просить его о томъ. Явится онъ какъ бы затѣмъ, чтобы посмотрѣть портретъ Альбы. Притворится совершенно спокойнымъ, а для столкновенія предлогъ найдется. Нѣтъ ничего легче, какъ изъ простого разговора объ искусствѣ перейти къ спору и споръ закончить ссорой. Для этого годится любой поводъ. Не понравится первый попавшійся подъ руку этюдъ, онъ заговоритъ объ этомъ такъ, что Майтлэндъ принужденъ будетъ отвѣчать. А тамъ дальше пойдетъ само собою. Но тутъ же будетъ Альба Стено? Да и тѣмъ лучше! Для него же удобнѣе, если ссора возникнетъ такимъ образомъ и при молодой дѣвушкѣ, что дастъ ему возможность скрыть отъ жены настоящій поводъ къ дуэли. О! ссору онъ устроитъ во что бы то ни стало, а разъ дѣло будетъ въ рукахъ секундантовъ, тогда американцу ничѣмъ не отвертѣться. Не то Болеславъ съумѣетъ такъ устроить, что невозможнымъ окажется дальнѣйшее пребываніе въ Римѣ этого мазилки. Къ тому же, если въ живописцѣ есть хоть искра порядочности, онъ сразу сообразитъ, чего добивается гость, и все сдѣлается очень быстро. Горка былъ настолько возбужденъ романтичностью такого вызова и такой дуэли, что сталъ какъ будто спокойнѣе, точно отъ гнета освободился, какъ то бываетъ съ человѣкомъ, когда онъ твердо на что-нибудь рѣшился, послѣ долгой и лихорадочной неизвѣстности и внутренней самогрызни.

— Славно это освѣжаетъ голову расплатиться съ негодяемъ и съ негодницей, — говорилъ Болеславъ самъ себѣ, выйдя изъ экипажа и звоня у подъѣзда мавританскаго дома. — Господинъ Майтлэндъ?...— спросилъ Горка лакея, сразу разсѣявшаго все его воодушевленіе самымъ простымъ отвѣтомъ, единственнымъ, котораго посѣтитель никакъ не ожидалъ:

— Господина Майтлэнда нѣтъ дома.

— Для меня окажется дома,—отвѣтилъ Болеславъ.—Мы услов[illegible]ись видѣться у него съ графиней Стено и съ ея дочерью, и онѣ [illegible]тъ меня.

— Мой господинъ приказалъ рѣшительно никого не прини[illegible]ь...

[illegible]ривычный къ точному исполненію приказаній, какъ всѣ ла[illegible], обязанные охранять работу художника, слуга, тѣмъ не менѣе, [illegible]ебался, въ виду лжи, только что придуманной Горкой, и уже го-

товъ былъ уступить его новымъ увѣреніямъ, когда на площадкѣ лѣстницы появился никто другой, какъ Флоранъ Шапронъ. Совершенно случайно, Флоранъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ послалъ за фіакромъ, чтобы ѣхать завтракать въ городѣ, но фіакръ запаздывалъ. Услышавши стукъ колесъ, остановившихся у подъѣзда, хозяинъ дома взглянулъ въ окно, выходящее на улицу, и видѣлъ, какъ Горка вышелъ изъ экипажа. Подобное посѣщеніе и въ такой часъ, когда ему извѣстно было, кто находится въ мастерской, показалось настолько страшнымъ молодому человѣку, что онъ поспѣшилъ въ прихожую. Флоранъ захватилъ шляпу и трость, чтобы объяснить свое появленіе необходимостью самому выйти изъ дома. Онъ дошелъ до половины лѣстницы и во-время успѣлъ остановить лакея, уже рѣшившагося было «пойти узнать». Шапронъ поклонился Болеславу сдержаннѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Моего зятя нѣтъ дома,—сказалъ онъ и потомъ прибавилъ, обращаясь къ слугѣ, чтобы удалить лишняго свидѣтеля рѣзкаго разговора, который могъ возникнуть между нимъ и назойливымъ гостемъ:—Нерсо, добѣгите въ мою комнату и принесите мнѣ носовой платокъ,—я забылъ взять.

— Запрещеніе принимать не можетъ относиться ко мнѣ,—настаивалъ Болеславъ.—Господинъ Майтлэндъ не далѣе, какъ вчера у мадамъ Стено, пригласилъ меня сегодня утромъ взглянуть портретъ Альбы...

— Это не запрещеніе принимать,— отвѣтилъ Флоранъ,— и я повторяю вамъ, что Майтлэнда нѣтъ. Мастерская заперта и я не могу для васъ отворить ее и показать вамъ портретъ, по той простой причинѣ, что у меня нѣтъ ключа. Что же касается мадамъ и мадемуазель Стено, то онѣ уже нѣсколько дней не были здѣсь, такъ какъ сеансы прекратились...

— Мнѣ это представляется весьма необычайнымъ,—возразилъ Горка,—пять минутъ назадъ я собственными глазами видѣлъ, какъ онѣ сюда вошли и какъ отъѣзжалъ ихъ экипажъ...

Болеславъ чувствовалъ, что опять разростается его злость и на этотъ разъ всецѣло противъ этого сторожеваго пса, явившагося н[...]жданно охранять порогъ его противника. Флоранъ, съ своей ст[...]роны, начиналъ терять терпѣніе. Онъ тоже склоненъ былъ къ [...]рывамъ необузданной раздражительности, по милости негритянско[...] крови, примѣсь которой онъ тщательно скрывалъ и которая, тѣм[...] не менѣе, оставила слѣды темной окраски на его тѣлѣ. Все пове[...]деніе бывшаго любовника мадамъ Стено показалась ему настольк[...]

возмутительнымъ, что онъ направился къ двери, чтобы вынудить посѣтителя уйти изъ дому, и проговорилъ очень сухо:

— Вы, очевидно, ошиблись, вотъ и все.

— Знаете ли вы,— отвѣтилъ Болеславъ,— что вашъ тонъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, какого я считаю себя вправѣ ждать отъ васъ... Кто берется за извѣстнаго рода дѣла, тотъ долженъ умѣть, по крайней мѣрѣ, соблюдать приличія...

— А я, милостивый государь,— продолжалъ Шапронъ,— буду весьма вамъ обязанъ, если вы, разговаривая со мной, станете говорить иначе, а не загадками... Я не знаю, что̀ вы разумѣете подъ вашими извѣстнаго рода дѣлами, но знаю, что въ высшей степени недостойное дворянина дѣло вести себя такъ, какъ вы себя ведете у дверей дома, который вамъ не принадлежитъ, и по какимъ-то причинамъ, которыхъ я не понимаю...

— Вы очень хорошо ихъ понимаете, милостивый государь,— уже совсѣмъ вышелъ изъ себя Болеславъ,— и не безъ достаточныхъ основаній взялись изображать собою негра господина вашего зятя...

Едва онъ проговорилъ эту фразу, какъ Флоранъ, утратившій тоже всякую сдержанность, поднялъ свою трость угрожающимъ жестомъ, который полякъ остановилъ во̀-время, схвативши палку правою рукой. То былъ лишь мигъ одинъ, и опять стояли они оба лицомъ къ лицу, оба блѣдные отъ бѣшенства, готовые броситься другъ на друга и сцѣпиться самымъ позорнымъ образомъ, когда стукъ затворенной наверху, надъ ихъ головами, двери заставилъ ихъ опомниться. На лѣстницѣ появился слуга. Шапронъ первый овладѣлъ собой и сказалъ такъ тихо, что Болеславъ одинъ могъ его слышать:

— Никакого скандала, прошу васъ. Завтра я буду имѣть честь прислать къ вамъ двухъ моихъ друзей.

— Я къ вамъ пришлю моихъ, — отвѣтилъ Горка. — И дорого вы мнѣ поплатитесь за вашъ жестъ, клянусь въ томъ.

— Э, какъ вамъ угодно,—проговорилъ Флоранъ,—я напередъ согласенъ на всѣ ваши условія... Объ одномъ прошу, чтобы не было произнесено ни одного имени. Слишкомъ многіе оказались бы з[illegible]ыми. Условимся на томъ, что повздорили мы на улицѣ, наговорили[illegible] другъ другу рѣзкостей и что я угрожалъ вамъ движеніемъ.

— Хорошо, — сказалъ Болеславъ, помолчавъ съ секунду,— д[illegible], вамъ слово.

«Ну, этотъ, однако, молодецъ! — разсуждалъ самъ съ собою Г[illegible]ка пять минутъ спустя, сидя опять въ фіакрѣ, который, по его п[illegible]казанію, везъ поляка къ палаццо Кастанья. — Да, настоящій

молодчина!... И держалъ себя сейчасъ по-настоящему, тогда какъ я совершенно утратилъ хладнокровіе. Очень ужъ разбиты мои нервы... А, все-таки, жаль мнѣ будетъ ухлопать этого малаго. Ну, да подождемъ, отъ пожданья и тому не легче будетъ...»

VI.

Непослѣдовательность стараго шуана.

Въ то время, какъ безумецъ Болеславъ, съ какимъ-то дикимъ удовольствіемъ, ѣхалъ къ князю Ардеа просить его быть секундантомъ при безсмысленнѣйшей изъ дуэлей, Флоранъ Шапронъ только однимъ былъ озабоченъ—скрыть во что бы ни стало свою ссору съ выпровожденнымъ изъ дома любовникомъ мадамъ Стено и предстоящую изъ-за этого дуэль. Его страстная дружба къ Линкольну была такъ сильна, что предохранила его отъ волненій, предшествующихъ обыкновенно первой дуэли, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дебютантъ на этомъ поприщѣ во всю свою жизнь не занимался ни фехтованіемъ, ни стрѣльбой изъ пистолета. Фехтовальщику, даже слабому, и стрѣлку, даже посредственному, довольно ясными представляются подробности боя, и это отнимаетъ у опасности ея, такъ сказать, неопредѣленность, зависимость отъ слѣпого случая, почти безсмысленность. Человѣкъ сознаетъ возможность борьбы, понимаетъ, въ чемъ должна проявиться его смѣлость. Его мысль занята тѣмъ, какъ отражать удары противника, какъ цѣлить изъ пистолета. И этого уже достаточно для поддержанія въ немъ хладнокровія, котораго не можетъ сохранить новичокъ, если только не поддерживаетъ его какое-нибудь глубокое чувство, болѣе сильное, чѣмъ опасенія за собственную жизнь. Въ такомъ именно положеніи былъ Флоранъ. Чуткость Дорсена, почти физическое чутье въ сердечныхъ дѣлахъ, не обманула романиста: онъ угадалъ, что преданность молодого человѣка къ художнику доходитъ до полнаго самоотреченія. Тотъ могъ чего ему угодно потребовать отъ этого мамелюка или, вѣрнѣе, отъ этого раба, такъ какъ, несомнѣнно, кровь рабовъ, его предковъ, сказывалась въ Шапронѣ столь безграничнымъ самообезличеніемъ. Атавизмъ рабства выдвигае[тъ] двѣ черты характера, только кажущіяся противуположными од[на] другой: неизмѣримую способность жертвовать собою и такое же к[о]варство. То и другое всецѣло отразилось на братѣ и на сестрѣ, причемъ они, какъ это случается иногда, подѣлили между собою двойственный характеръ своей расы: на долю брата досталась вся способность къ самопожертвованію, сестра унаслѣдовала всю силу к[о]-

варства. Драма, завязавшаяся изъ-за легкомыслія мадамъ Стено и разразившаяся окончательно по милости необузданныхъ выходокъ Горки, должна была вывести наружу обѣ эти нравственныя особенности, которыя Дорсенъ угадывалъ чутьемъ, не умѣя опредѣлить точно. Ему совершенно неизвѣстны были подробности того, какъ развивался Флоранъ, какъ встрѣтился онъ съ Майтлэндомъ, какъ Майтлэндъ рѣшился жениться на Лидіи. Романистъ не зналъ всей длинной и своеобразной исторіи, которую необходимо передать, хотя вкратцѣ, дабы въ настоящемъ ихъ свѣтѣ показать странныя отношенія этихъ трехъ лицъ.

Изъ предъидущаго ясно, что грубый намекъ Болеслава на негритянскую кровь заставилъ Флорана окончательно выйти изъ себя и поднять палку на дерзкаго посѣтителя. Дѣло въ томъ, что это наслѣдственное пятно, скрываемое самымъ тщательнымъ образомъ, было для молодого человѣка тѣмъ же самымъ, чѣмъ было оно для его отца,—самымъ больнымъ мѣстомъ его самолюбія, скрытно, но постоянно раздражаемаго этимъ униженіемъ. Очень ничтожна была доля рабской крови въ ихъ жилахъ, настолько ничтожна, что надо было знать объ этомъ, чтобы обратить на это вниманіе, и, тѣмъ не менѣе, ея достаточно было для того, чтобы сдѣлать для обоихъ невыносимымъ пребываніе въ Америкѣ, особливо же, когда они имѣли полное и законное право гордиться своимъ родовымъ именемъ, о которомъ императоръ вспоминалъ на островѣ Св. Елены, какъ объ имени одного изъ храбрѣйшихъ офицеровъ. Дѣдъ Флорана былъ, на самомъ дѣлѣ, никто иной, какъ тотъ полковникъ Шапронъ, который въ виду Наполеона, желавшаго имѣть свѣдѣнія о русской арміи, переплылъ верхомъ на лошади черезъ Днѣпръ, нагналъ казака на томъ берегу, захватилъ его въ плѣнъ, перевалилъ черезъ свое сѣдло и привезъ въ лагерь французовъ. Когда пала имперія, герой этотъ оказался безповоротно компрометированнымъ участіемъ въ луарской арміи, покинулъ родину и въ сопровожденіи горсти своихъ бывшихъ солдатъ основалъ на югѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ Алабамѣ, нѣчто вродѣ земледѣльческой колоніи, которую его храбрые спутники назвали удержавшимся за нею до сихъ поръ именемъ—Арколой,—меланхолическая и наивная дань умиленія передъ баснословною эпопеей, которую они пережили, однако, въ дѣйствительности. И какъ далеко уже все это было въ 1820 году! Кто бы могъ узнать блестящаго когда-то полковника, ворвавшагося рядомъ съ Монбрёномъ въ Большой редутъ *), въ сорокапятилѣтнемъ план-

---

*) На Бородинскомъ полѣ, Шевардинскій.

таторѣ, занятомъ исключительно хлопкомъ и сахарнымъ тростникомъ и очень быстро разбогатѣвшемъ, благодаря энергіи и здравому смыслу? Такая удача сдѣлалась извѣстна въ Европѣ и была даже косвенною причиной другой эмиграціи, направившейся въ Техасъ подъ предводительствомъ генерала Каллемана и окончившейся крайне плохо. Полковникъ Шапронъ, какъ это и вполнѣ естественно послѣ многолѣтнихъ боевыхъ скитаній по Европѣ, смотрѣлъ не особенно щепетильно на отношенія къ женщинамъ. Тѣмъ не менѣе, когда ему родила сына очень хорошенькая и очень кроткая мулатка, которую онъ вывезъ въ Арколу изъ Новаго Орлеана, онъ сильно привязался къ бѣдному, милому существу и къ ея ребенку потому въ особенности, что, несмотря на различіе цвѣта лица и волосъ, это былъ его живой портретъ такого поразительнаго сходства, которымъ какъ бы усугубляется родство. Умирая, старый воинъ, не имѣя никого близкихъ въ родномъ краю, оставилъ все состояніе этому сыну, котораго назвалъ при крещеніи Наполеономъ. При жизни старика никто изъ сосѣдей не смѣлъ относиться къ молодому человѣку иначе, чѣмъ относился отецъ. Все измѣнилось, какъ только не стало престижа сподвижника императора, чтобы ограждать юношу отъ племеннаго отвращенія, которое въ смыслѣ нравственномъ есть только предразсудокъ, въ соціальномъ же—это проявленіе необычайно-вѣрнаго инстинкта самосохраненія. Этому только и обязаны Соединенные Штаты своимъ величіемъ. Смѣшеніе расъ подорвало бы удивительную энергію англо-саксовъ, которую борьба съ очень богатою и очень непокорною природой подняла до возможности совершать чудныя дѣла. Отъ чувствующихъ себя жертвами такого инстинкта нельзя требовать, чтобъ они поняли законность подобной несправедливости. Они видятъ только ея жестокость. Наполеонъ Шапронъ, потерпѣвши неудачи въ нѣсколькихъ попыткахъ жениться, испытавши разныя непріятности по хозяйству и униженія во многихъ мелкихъ случаяхъ даже отъ бывшихъ товарищей полковника, сдѣлался своего рода мизантропомъ. Всю жизнь свою онъ посвятилъ осуществленію двухъ задачъ: составить огромное состояніе и вступить въ бракъ съ женщиной чисто-бѣлой расы. И это онъ исполнилъ лишь въ 1857 году, когда ему уже было тридцать пять лѣтъ. Во время одного изъ путешествій въ Европу онъ заинтересовался на пароходѣ молодою учительницей англичанкой, возвращавшеюся изъ Канады по случаю какого-то семейнаго несчастья. Потомъ онъ встрѣтилъ ее въ Лондонѣ, нашелъ случай оказать ей помощь настолько деликатно, что тронулъ ее, и она согласилась сдѣлаться его женой. Отъ этого брака родились погодки Фло-

ранъ и Лидія. Мать умерла какъ разъ въ то время, когда междуусобная война подорвала дѣла Шапрона, который, на счастье себѣ, въ стремленіи разбогатѣть скорѣе, помѣщалъ свои деньги въ самыя разнородныя предпріятія. Разореннымъ онъ оказался лишь на половину. Но это полуразореніе помѣшало ему вернуться въ Европу, какъ онъ о томъ мечталъ. Онъ принужденъ былъ остаться въ Алабамѣ, чтобы поправить дѣла, что̀ и удалось ему, такъ какъ послѣ его смерти въ 1880 году каждый изъ его дѣтей получилъ болѣе, чѣмъ по четыреста тысячъ долларовъ. Но не въ одномъ только накопленіи богатства проявлялась любовь къ дѣтямъ этого примѣрнаго отца. У него хватило характера разстаться съ самыми дорогими ему существами для того, чтобы избавить ихъ отъ униженій, неизбѣжныхъ въ американскихъ школахъ, и по двѣнадцатому году отправилъ въ Англію: сына къ іезуитамъ въ Бомонъ, дочь къ монахинямъ Sacré-Coeur въ Рокгемптонѣ. Послѣ четырехъ лѣтъ пребыванія въ Англіи отецъ перемѣстилъ ихъ въ Парижъ, Флорана—въ Вожирарь, Лидію—въ улицуВаренъ, и, въ то же время, реализировалъ свои четыре милліона франковъ, разсчитывая пріѣхать и жить съ ними въ странѣ, чуждой предразсудковъ, какъ внезапно умеръ отъ апоплексическаго удара далеко не старымъ человѣкомъ. Ему не было еще пятидесяти лѣтъ. Усиленный трудъ и нравственныя страданія сломили бодраго человѣка, надѣленнаго однимъ изъ тѣхъ организмовъ, которые часто происходятъ отъ смѣшенія цвѣтной и бѣлой расъ,—атлетическихъ на видъ, но слишкомъ нѣжныхъ вслѣдствіе непропорціональности между жизненною устойчивостью и мускульною силой.

Какъ ни заботливо оберегалъ Шапронъ своихъ дѣтей отъ униженій, такъ жестоко оскорблявшихъ его самого, вполнѣ онъ сдѣлать этого не могъ, и испытанія начались для сына еще до поступленія его къ іезуитамъ. Немногіе мальчики, съ которыми случалось ему сходиться то просто въ отеляхъ, то на гуляньяхъ, во время его пребыванія въ Америкѣ, уже дали почувствовать ему горечь племенного презрѣнія, отъ котораго такъ много пострадалъ его отецъ. Двѣнадцатилѣтній школьникъ, молчаливый и тоже страшно впечатлительный, появившись туманнымъ осеннимъ утромъ на мирномъ лугу англійскаго колледжа, носилъ уже въ душѣ рану уязвленнаго самолюбія и до восхищенія былъ удивленъ тѣмъ, что товарищи его и ровесники, казалось, не подозрѣвали даже существованія какого-либо различія между нимъ и собой. Нуженъ былъ опытный глазъ янки для того, чтобы разобрать подъ ногтями красиваго юноши весьма ничтожную примѣсь негритянской крови. Европеецъ никогда

не съумѣетъ отличить октавона отъ креола. Въ школѣ Флоранъ значился тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, то-есть внукомъ одного изъ лучшихъ офицеровъ первой имперіи. Отецъ позаботился о томъ, чтобы записать его французомъ, и товарищи видѣли въ немъ такого же ученика, какъ всѣ они, случайно привезеннаго изъ Алабамы, изъ страны почти настолько же фантастической, какъ Японія или Китай. Кому довелось въ ранней юности испытать мрачныя тревоги опасеній, тотъ пойметъ, въ какомъ ужасномъ положеніи оказался несчастный ребенокъ, когда черезъ четыре мѣсяца, проведенныхъ беззаботно въ обществѣ добрыхъ и симпатичныхъ товарищей, одинъ изъ отцовъ іезуитовъ, завѣдывавшихъ училищемъ, думая обрадовать Флорана, сообщилъ ему объ ожидаемомъ вскорѣ прибытіи американца, Линкольна Майтлэнда. Потрясеніе было такъ сильно, что съ Флораномъ сдѣлалась настоящая лихорадка. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но онъ помнилъ живо, какія тяжелыя думы удручали его въ тотъ день, когда онъ, зная уже о пріѣздѣ новичка, шелъ изъ своей комнаты въ рекреаціонный залъ, съ увѣренностью, что вотъ сейчасъ, при встрѣчѣ съ новымъ товарищемъ, ему опять не миновать презрительнаго взгляда, такъ часто видѣннаго имъ въ Америкѣ. Сомнѣнія не было для него и въ томъ, что, разъ сдѣлается извѣстнымъ его происхожденіе, всѣ дружелюбныя отношенія, такъ пріятно удивлявшія его вначалѣ, превратятся тотчасъ же въ унизительно-враждебныя. Вспоминалъ Флоранъ, какъ шелъ онъ по лугу, какъ окликнулъ его отецъ Робертсъ,—учитель, предупредившій его о пріѣздѣ американца,—и за тѣмъ свое изумленіе, когда Линкольнъ Майтлэндъ крѣпко пожалъ ему руку, какъ добрый полу-землякъ. Позднѣе онъ долженъ былъ понять, что такая встрѣча была вполнѣ естественна со стороны сына англичанки, воспитаннаго исключительно своею матерью, привезеннаго изъ Нью-Йорка четырехъ лѣтъ и жившаго въ обществѣ, крайне далекомъ отъ всего американскаго. Объ этомъ Шапронъ не думалъ и слушался только своего безконечно-нѣжнаго сердца. Благодарность овладѣла имъ сразу и съ такою силой, какъ недавній ребяческій ужасъ. Недѣлю спустя Линкольнъ Майтлэндъ и Флоранъ Шапронъ были друзьями, самыми задушевными, будто росли вмѣстѣ и не разставались со дня рожденія.

Эта привязанность, бывшая для холодной натуры Майтлэнда лишь заурядным эпизодомъ школьной жизни, должна была развиться у Флорана до высоты самаго серьезнаго чувства, преобладающаго надъ всѣмъ въ его жизни. Подобныя братства по выбору,—самый лучшій и самый нѣжный цвѣтокъ человѣческаго сердца,—

возникаютъ обыкновенно въ отрочествѣ. Возрастъ между десятью и шестнадцатью годами, когда душа такъ чиста и дѣвственна, и полна возвышенными мечтами о будущемъ, идеальное время для страстной дружбы. Вдвоемъ фантазируютъ друзья, вмѣстѣ мечтаютъ о товариществѣ почти мистическомъ, причемъ отъ друга нѣтъ тайнъ, и другъ представляется въ ореолѣ необычайнаго благородства, уваженіемъ его дорожатъ, какъ высшею наградой, и наивно стремятся походить на него. У бѣдныхъ невинныхъ ребятокъ, сидящихъ рядомъ надъ математическою задачей или надъ урокомъ исторіи, складываются настоящія поэмы чистѣйшей любви, вызывающія впослѣдствіи улыбку взрослаго человѣка при встрѣчѣ съ тѣмъ, кого онъ воображалъ имѣть вѣчно братомъ и кто оказался очень далекимъ отъ него вкусами, идеями, всѣмъ нравственнымъ существомъ своимъ. Случается, однако, что у нѣкоторыхъ натуръ, рано развившихся для серьезнаго чувства и постоянныхъ, въ то же время, подобное возникновеніе дѣйствительной привязанности настолько сильно и глубоко, что страстная дружба ихъ противустоитъ и пробужденію другого чувства, чувства къ женщинѣ, убійственнаго для всякой иной нѣжности, и первымъ треволненіямъ общественной жизни, не менѣе убійственнымъ для идеаловъ ранней юности. Такъ было съ Флораномъ Шапрономъ потому, быть можетъ, что характеръ юноши, немного дикій, но покорный, дѣлалъ его способнымъ на извѣстнаго рода самоотреченія, налагаемыя дружбой, или же потому, что вдали отъ отца и сестры и не имѣя матери, его любящему сердцу необходимо было привязаться къ кому-нибудь, кто бы замѣнилъ ему семью, или же, наконецъ, потому, что Майтлэндъ особенно обаятельно дѣйствовалъ на него всею своею личностью, совершенно противуположною его собственной. Слабый и немного болѣзненный Флоранъ былъ очарованъ силой и ловкостью, выказываемыми товарищемъ во всѣхъ упражненіяхъ; робкій и часто задумчивый, онъ благоговѣлъ передъ самоувѣренностью громко хохочущаго атлета, передъ его несокрушимою энергіей; восхищали Флорана и его необыкновенныя, рано проявившіяся способности къ искусствамъ, и трогали, вызывали глубокое сочувствіе несчастья т арища, про которыя тотъ разсказалъ ему, оставаясь самъ болѣе р нодушнымъ къ нимъ, чѣмъ его слушатель. Гордонъ Майтлэндъ, о цъ Линкольна, принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ фамилій Н ю-Йорка и храбро палъ на полѣ битвы во время войны, едва не р зорившей отца Флорана. Мать Линкольна, бѣдная дѣвушка, дочь н значительнаго пресвитеріанскаго священника въ Ньюпортѣ, вы- п а замужъ за его отца единственно потому, что онъ былъ богатъ.

Оставшись вдовой, она только о томъ и мечтала, *to go abroad*,— какъ они говорятъ тамъ у себя,—какъ бы уѣхать. Но куда? Въ Европу, разумѣется, страну невѣдомую и фантастически манящую, гдѣ она воображала отличиться умомъ и красотой. Она была красива, тщеславна и глупа, и путешествіе ея въ погонѣ за какимъ-то неопредѣленнымъ положеніемъ въ Старомъ Свѣтѣ свелось къ двухлѣтнему скитанью по отелямъ, послѣ чего она вышла замужъ за второго сына обѣднѣвшаго пера Ирландіи, поддавшись новой химерѣ пробраться на Олимпъ британской аристократіи, дразнившій ея воображеніе. Чтобы осуществить столь чудную мечту, она перешла въ католичество, и съ сыномъ вмѣстѣ, и дорого поплатилась. Разорившійся артистократъ оказался не только грубымъ, пьянымъ и жестокимъ человѣкомъ, но и самымъ отчаяннымъ игрокомъ во всемъ Соединенномъ королевствѣ. Пасынка онъ удалилъ, колотилъ жену и умеръ въ 1880 году, промотавши состояніе несчастной женщины и почти весь капиталъ Линкольна. Въ это время Майтлэндъ, которому вотчимъ предоставилъ полную свободу жить и развиваться какъ ему угодно, уже вышелъ изъ школы, позанимался живописью вездѣ понемногу, въ Венеціи, въ Римѣ и въ Парижѣ, гдѣ сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ мастерской Бонна. Видя, что мать разорена и осталась безъ всякихъ средствъ въ сорокъ четыре года, и непоколебимо увѣренный въ своей блистательной будущности, онъ, не задумываясь, принялъ великолѣпное рѣшеніе, очень свойственное молодежи и доказывающее не столько великодушіе, сколько заносчивый взглядъ на жизнь. Изъ оставшихся у него пятнадцати тысячъ франковъ дохода онъ уступилъ матери двѣнадцать съ половиной тысячъ. Надо прибавить, что менѣе года спустя онъ женился на сестрѣ своего школьнаго товарища и на ея четырехъ стахъ тысячахъ долларовъ. Онъ испыталъ нужду и испугался бѣдности. Его благородный поступокъ съ матерью послужилъ ему въ собственныхъ глазахъ оправданіемъ этой чисто-денежной сдѣлки, давшей навсегда полную независимость его кисти. Совѣсть художниковъ нерѣдко, впрочемъ, молчитъ въ подобныхъ случаяхъ. И тотъ же Майтлэндъ никогда не простилъ бы себѣ ни малѣйшей уступки въ томъ, что касается искусства. Онъ считалъ негодяями живописцевъ, добивающихся успѣха какими-либо компромисами въ ихъ дѣлѣ, и находилъ какъ нельзя болѣе естественнымъ взять два милліона франковъ дѣвицы Шапронъ, которую не любилъ и по отношенію къ которой теперь, ставши взрослымъ и познакомившись кое съ кѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, очень былъ недалекъ отъ чувства, внушаемаго расовымъ предразсудкомъ.

Слава полковника первой имперіи и дружба «съ добрымъ малымъ Флораномъ», какъ онъ выражался о шуринѣ, окончательно все покрыли.

На самомъ дѣлѣ, бѣдный и добрый малый Флоранъ! Для него этотъ бракъ былъ полнымъ осуществленіемъ романа юности. О немъ онъ мечталъ съ первой недѣли послѣ того, какъ Майтлэндъ своимъ крѣпкимъ рукопожатіемъ привязалъ его къ себѣ на всю жизнь. Жить, такъ сказать, подъ тѣнью друга, ставшаго его зятемъ и его великимъ человѣкомъ,—ни о какой иной будущности онъ никогда не мечталъ для себя. Недостатковъ Майтлэнда, вполнѣ развившихся съ лѣтами, съ богатствомъ и съ успѣхомъ,—всѣмъ памятенъ шумъ, который надѣлала его *Женщина въ фіолетовомъ и въ желтомъ*, выставленная въ салонѣ 1884 г.,—не видалъ Флоранъ, настолько же ослѣпленный, какимъ былъ въ то время, когда они играли въ крикетъ на школьномъ лугу. Дорсенъ очень правильно опредѣлилъ, назвавши это гипнотизмомъ восторга, который внушають часто близкимъ людямъ крупные или мелкіе артисты. Только романистъ, обобщавшій всегда нѣсколько поспѣшно, не разобралъ, что преклоненіе Флорана передъ Линкольномъ вытекало изъ дружбы, достойной пера Лафонтена или Бальзака, двухъ поэтовъ этого чувства, воспѣтаго однимъ въ его чудномъ и трагическомъ романѣ *Cousin Pons*, другимъ въ коротенькой, но дивной баснѣ, въ которой есть такой стихъ, изъ прелестнѣйшихъ во французскомъ языкѣ:

Vous m'êtes, en dormant, un peu triste apparu...

Флоранъ не потому любилъ Линкольна, что восхищался имъ, а восхищался потому, что любилъ его. Онъ не ошибался, впрочемъ, считая художника однимъ изъ даровитѣйшихъ за послѣднія тридцать лѣтъ. Но если бы у Линкольна не было ни изящной смѣлости рисунка, ни силы и блеска колорита, ни тонкаго мастерства композиціи, все равно Флоранъ съ такимъ же точно рвеніемъ отдалъ бы себя всего на служеніе художнику. Когда Линкольнъ пускался путешествовать, шуринъ оказывался для него расторопнѣйшимъ курьеромъ. Требовалась натурщица, и стоило только слово сказать, Флоранъ уже мчался на розыски. Надо было картины выставить въ Парижѣ или въ Лондонѣ, Флоранъ бралъ на себя всѣ хлопоты, начиная съ укладки, бѣгалъ по журналистамъ и торговцамъ картинами, писалъ благодарственныя письма за статьи, писалъ ихъ почеркомъ, сдѣлавшимся настолько сходнымъ съ рукою Линкольна, что тому оставалось только подписать свое имя. Линкольнъ пожелалъ вернуться въ Римъ. Флоранъ нашелъ домъ въ ули-

цѣ Леопарди и все устроилъ прежде, чѣмъ Майтлэндъ, бывшій тогда въ Египтѣ, успѣлъ кончить большой этюдъ, начатый до отъѣзда своего чуть-чуть не двойника... Силою преданности къ избранному имъ брату, Флоранъ дошелъ до того, что понималъ живопись не хуже самого художника. Этимъ все будетъ сказано для знакомыхъ близко съ художниками и для знающихъ, какъ велико ихъ отличіе отъ наиболѣе свѣдущихъ любителей. Любитель можетъ судить и цѣнить. Но только артистъ, только мастеръ дѣла, стоя передъ картиной, видитъ, какъ она написана, какой мазокъ сдѣланъ кистью и для чего сдѣланъ. Это уже чисто-ремесленный навыкъ рабочаго, и этого достаточно для того, чтобы мнѣніе самаго тонкаго знатока-диллетанта не имѣло никакого значенія въ глазахъ работника. Флоранъ такъ слѣдилъ за работой Майтлэнда, оказывалъ ему столько мелкихъ услугъ въ мастерской, что каждое полотно Линкольна было знакомо ему до послѣдняго, самаго легкаго штриха. На стѣнахъ галлерей они были для него живыми свидѣтелями задушевной короткости, служившей источникомъ величайшаго его счастья и, въ то же время, величайшей его гордости. Наконецъ, поглощеніе его личности личностью бывшаго товарища было настолько полно, что привело къ той аномаліи, которую даже Дорсенъ, при всей своей снисходительности къ психологическимъ странностямъ, вынужденъ былъ признать чудовищною. Флоранъ былъ шуриномъ Линкольна и, повидимому, ничего не имѣлъ противъ любовныхъ похожденій мужа своей сестры, если волненія этого рода могутъ приносить пользу его таланту.

Это длинное и, все-таки, неполное объясненіе поможетъ лучше понять, какъ сильно волновался молодой человѣкъ, поднимаясь по лѣстницѣ своего дома,—ихъ дома, его и Линкольна,—послѣ неожиданной ссоры съ Болеславомъ Горкой. Во всякомъ случаѣ, это объясненіе смягчитъ нѣсколько строгость слишкомъ прямолинейныхъ сужденій о Флоранѣ Шапронѣ. Послѣдствіемъ всякой съ особенною силой разросшейся страсти является своего рода атрофія всѣхъ другихъ инстинктовъ. Шапронъ былъ слишкомъ фанатическимъ другомъ для того, чтобы оставаться очень хорошимъ братомъ. Ему казалось вполнѣ естественнымъ и законнымъ, чтобы сестра, подобно ему, всѣмъ жертвовала генію Линкольна. Къ тому же Флорану и въ голову не приходило, что со времени замужства его сестрѣ пришлось пережить тяжелыя нравственныя бури. Да и какъ было знать ему, что̀ такое эта Лидія, вѣчно молчаливая, постоянно сосредоточенная? О ней разъ навсегда онъ составилъ себѣ опредѣленное и неизмѣнное мнѣніе, какъ это заурядъ бываетъ между

близкими родными. Видавшіе насъ молодыми имѣютъ о насъ такое же понятіе, какъ и тѣ, кто видитъ насъ изо-дня въ день. Кажемся мы имъ такими, какими были въ извѣстный моментъ, а не такими, каковы на самомъ дѣлѣ. Флоранъ считалъ свою сестру очень доброю, потому что испыталъ когда-то ея доброту на себѣ; считалъ очень кроткою, потому что она не противорѣчила ему; считалъ не умною, потому что она, повидимому, недостаточно увлекалась произведеніями мужа; считалъ пустою и тщеславною, потому что она любила выѣзды. Что же касается мученій и затаенной злобы этой женщины, подневольной, угнетенной, придавленной, съ одной стороны, его слѣпымъ пристрастіемъ къ Линкольну, съ другой—эгоизмомъ мужа, относящагося къ ней презрительно, то Флоранъ ихъ даже не подозрѣвалъ такъ же точно, какъ и тѣхъ ужасныхъ рѣшеній, которыя таятся подъ этою видимою покорностью. Если онъ встревожился, когда мадамъ Стено начала интересоваться Линкольномъ, то единственно изъ опасенія за его художественныя работы и, главнымъ образомъ, потому, что съ годъ уже замѣчалъ не упадокъ таланта, а какую-то неровность въ произведеніяхъ художника, слишкомъ капризнаго для того, чтобы работать всегда одинаково. Постоянно неизмѣннымъ остается лишь то, чтò нами дѣлается инстинктивно и до извѣстной степени безсознательно. Потомъ Флоранъ видѣлъ, какъ вспыхнуло опять воодушевленіе Майтлэнда, согрѣтое этою маленькою интрижкой. Отъ портрета Альбы можно было ждать великолѣпнѣйшаго этюда, равнаго знаменитой *Женщинѣ въ фіолетовомъ и въ желтомъ*, не дававшей покоя завистникамъ Линкольна. Кромѣ того, художникъ съ небывалымъ увлеченіемъ закончилъ двѣ большія картины, чуть не совсѣмъ заброшенныя. Передъ столь очевиднымъ подъемомъ производительности, разростающейся все болѣе и болѣе, могъ ли Флоранъ не благоговѣть передъ мадамъ Стено, вмѣсто того, чтобы проклинать ее, въ особенности же, принявши въ соображеніе, что стоило ему закрыть глаза и ничего не видать—и совѣсть его относительно сестры могла оставаться спокойною? Тѣмъ не менѣе, зналъ онъ все. Доказательствомъ тому была дрожь, пробѣжавшая по его тѣлу, когда Дорсенъ сказалъ о таинственномъ возвращеніи въ Римъ другого любовника графини, и еще болѣе убѣдительно доказывалось это тѣмъ, какъ поспѣшно кинулся онъ на встрѣчу Болеславу, толковавшему съ лакеемъ. И теперь оказывалось, что ему приходится драться съ обезумѣвшимъ отъ ревности соперникомъ, явившимся, несомнѣнно, вызвать на дуэль милаго его Линкольна, а о Линкольнѣ онъ только и думалъ въ эту минуту.

«Надо обдѣлать такъ, чтобъ узналъ онъ обо всемъ, когда будетъ покончено... Не то онъ самъ вступится, а я, все-таки, разсчитываю убить этого Горку или ранить, по крайней мѣрѣ. Во всякомъ случаѣ, постараюсь затруднить этому сумасшедшему вторичную дуэль... Но всего прежде надо удостовѣриться въ томъ, что не слыхали они у себя наверху воплей озвѣрѣлаго скота...»

Такими-то эпитетами и совершенно искренно надѣлялъ онъ своего завтрашняго противника. Еще немного и онъ нашелъ бы непростительнымъ, что Горка не благодаритъ Линкольна за великую честь, которую тотъ оказалъ поляку, удостоивши сдѣлаться его замѣстителемъ у графини. А пока наобходимо было заглянуть въ мастерскую. Когда этотъ другъ, преданный до унизительнаго сообщничества, но также и до героизма, вошелъ въ огромную комнату, онъ сразу убѣдился, что напрасно обозвалъ «воплями» разговоръ ревнивца и что ни малѣйшаго звука не долетѣло до этого мирнаго пріюта труда. Мастерская американскаго художника была обставлена съ тѣмъ изящнымъ великолѣніемъ, какимъ умѣютъ окружить себя истинные артисты, разъ есть у нихъ на то средства. Изъ широкаго окна, подъ яркимъ синимъ небомъ, открывался чисто-римскій видъ, — видъ нынѣшняго Рима, свидѣтельствующій объ остановленной попыткѣ создать новый городъ рядомъ съ городомъ древнимъ. На первомъ планѣ—уголъ стараго сада, изуродованнаго новыми постройками, дальше—развалины античнаго зданія, а за ними колокольня церкви. На этомъ фонѣ лазури, зелени и развалинъ, съ уходящею въ глубь широкою далью, состоящею изъ тѣхъ же элементовъ, долженъ былъ вырѣзываться профиль молодой дѣвушки, написанный сухою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рельефною манерой Пьера делла Франческо, которымъ Майтлэндъ увлекался въ теченіе уже шести мѣсяцевъ до самозабвенія. Самъ хозяинъ мастерской стоялъ передъ мольбертомъ одѣтый съ тою щеголеватою изысканностью, которою отличаются почти всѣ англосаксонскіе художники. Въ лаковыхъ башмачкахъ, въ черныхъ чулкахъ съ красными горошинками, въ жакеткѣ изъ шелковаго пике, въ безукоризненномъ бѣльѣ и съ жемчужиной на свѣтломъ галстукѣ, онъ имѣлъ видъ джентльмена, занимающагося живописью для собственнаго удовольствія, а никакъ не упорнаго и терпѣливаго труженика, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Но объ этомъ свидѣтельствовали его картины и этюды, развѣшанные повсюду между богатыми драпировками, оружіемъ и другими украшеніями комнаты. Тутъ развертывалась вся исторія несокрушимой энергіи въ вѣчной погонѣ за самобытностью, никогда не дававшеюся. На Майтлэн-

дѣ съ особенною яркостью обнаружилась черта, общая почти всѣмъ его соотечественникамъ, даже пріѣхавшимъ очень молодыми въ Европу,—это напряженное стремленіе не отстать отъ европейцевъ, что̀ объясняется, какъ нельзя лучше, тѣмъ фактомъ, что американецъ человѣкъ совсѣмъ новый, по природѣ своей дѣятельный невообразимо и лишенный традиціоннаго художественнаго чувства. Нѣтъ въ немъ прирожденной культуры, нѣтъ зрѣлости, нѣтъ той сформированности, которая виртуально, такъ сказать, присуща ребенку Стараго Свѣта. Американцу приходится вырабатывать въ себѣ все и самому, силою собственной энергіи. Майтлэндъ, при своихъ огромныхъ способностяхъ, чисто-физическихъ, впрочемъ, былъ такимъ же *self made man* искусства, какимъ его дѣдъ былъ *self made man* наживы, его отецъ—*self made man* войны. Въ рукѣ и въ глазахъ Линкольнъ имѣлъ дивныя орудія для живописи, а въ несокрушимой настойчивости ихъ развивать—орудіе еще болѣе превосходное. Недоставало же ему всегда чего-то, неопредѣлимаго, но необходимаго, почвеннаго, что̀ придаетъ произведеніямъ нѣкоторыхъ, не особенно даже крупныхъ, художниковъ необъяснимую прелесть своего—родного. Нельзя сказать, что не было у него новаго, не было творчества, и все же, при взглядѣ на любую изъ его картинъ, чувствовались и дѣланность, и заимствованность. На этюдахъ, находившихся въ мастерской, замѣтно было, прежде всего, вліяніе перваго его учителя, основательнаго и простого Бонна. Потомъ его соблазнили англійскіе дорафаэлисты, и прекрасная копія съ знаменитой *Пѣсни любви* Бёрна Джона свидѣтельствовала объ измѣненіи направленія художника въ сторону большей нѣжности, большей поэтичности, къ чему профессіональные художники относятся довольно презрительно. Но Линкольнъ чувствовалъ себя слишкомъ сильнымъ для того, чтобы удовольствоваться подобнымъ идеаломъ, и очень скоро перешелъ къ школѣ совершенно иного рода. Онъ весь отдался Испаніи и Валаскезу, колористу настолько своеобразному, что послѣ посѣщенія музея Прадо выносишь такое впечатлѣніе, будто нѣтъ уже ничего на свѣтѣ, что̀ достойно было бы называться живописью. Пылъ великаго испанца, диковинная смѣлость его кисти, поразительные тоны, точно на самомъ полотнѣ зародившіеся и выдвигающіеся изъ него чуть не осязательными рельефами, совершенное отсутствіе чего-либо отвлеченнаго и полное пренебреженіе ко всему прошлому,—все это, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало темпераменту Майтлэнда. Въ результатѣ получилось лучшее его произведеніе, уже извѣстная *Женщина въ фіолетовомъ и въ желтомъ*, уменьшенный снимокъ съ которой украшалъ мастер-

скую и затмѣвалъ собою все остальное. Неугомонныя исканія художника не остановились, однако, на этомъ. Потянула его къ себѣ Италія и флорентинцы, какъ разъ наиболѣе противуположные Валаскезу, живописцы и, въ то же время, скульпторы, весьма близкіе къ ювелирамъ: Поллайолло *), Андреа делла Кастанья **), Паоло Учелло ***), а за ними Пьеро делла Франческа. Никто бы не повѣрилъ, что рука, набросавшая такою широкою кистью яркіе тоны *Женщины въ фіолетовомъ*, способна была такъ сдержанно, почти строго писать портретъ Альбы Стено.

Въ ту минуту, когда Флоранъ вошелъ въ мастерскую, художникъ настолько былъ занятъ своею работой, что не слыхалъ, какъ отворилась дверь, не слыхала и мадамъ Стено, курившая сигаретку, лѣниво привалившись на диванѣ и не спуская счастливаго взгляда полуоткрытыхъ глазъ съ любимаго человѣка. Линкольнъ догадался о появленіи поваго лица только по измѣнившемуся выраженію Альбы. Боже! Какъ блѣдна она была въ это утро, сидя неподвижно въ креслѣ съ высокою геральдическою спинкой рѣзного дерева! Руки судорожно замерли на локотникахъ кресла, губы складывались какъ-то особенно горько, глаза казались еще глубже, чѣмъ обыкновенно. Предчувствовала ли она, чего знать не могла, что собственная судьба ея тѣсно связана съ личностью посѣтителя, ушедшаго изъ мастерской четверть часа назадъ и вынужденнаго объяснить свое возвращеніе вымышленнымъ предлогомъ?

— Это я опять пришелъ, — сказалъ Флоранъ, — забылъ спросить тебя, Линкольнъ, ты рѣшилъ окончательно купить тѣ три рисунка Ардеа за цѣну, которую за нихъ даютъ?

— Что же не сказали мнѣ объ этомъ вчера, милый мой Линко? — вступилась графиня. — Я видѣла Пеппино сегодня утромъ и могла бы узнать отъ него настоящую, крайнюю цѣну.

— Этого только недоставало! — отвѣтилъ Майтлэндъ, смѣясь очень громко. — Вѣдь, онъ же не признается, что ему принадлежатъ рисунки, обожаемая догаресса... Они составляютъ часть тѣхъ пустяковъ, которые онъ успѣлъ скрыть отъ кредиторовъ во время описи и разсовалъ понемногу въ разныя мѣста на коммиссію. Находится все это теперь у шести или семи антикваріевъ, и я увѣренъ, что лѣтъ десять еще будутъ ловить нашихъ американскихъ ротозѣевъ магическою фразой: «Я добылъ это изъ палаццо Ка

*) *Антоніо делла Поллайолло*, живописецъ, скульпторъ и граверъ, род. во Флоренціи въ 1429 г., умеръ въ Римѣ въ 1498 г.

**) *Андреа делла Кастанья*, флорентинецъ, род. въ 1390 г., ум. въ 1457 г.

***) *Паоло Учелло*, флорентинецъ, род. въ 1397 г., ум. въ 1475 г.

станья, по случаю мнѣ досталось»... Какое негодное старье будутъ сбывать съ подобными заявленіями и значительными подмигиваніями! — и онъ подмигнулъ, передразнивая одного изъ извѣстнѣйшихъ римскихъ торговцевъ старыми вещами, съ тѣмъ искусствомъ подражанія, которымъ отличаются постоянные посѣтители парижскихъ мастерскихъ. — Теперь эти три рисунка, несомнѣнно, подлинные, находятся у одного старьевщика на Бабуино...

— Только выдаютъ ихъ за рисунки Винчи,—замѣтилъ Флоранъ, — тогда какъ Леонардо былъ лѣвшой, а штриховка на нихъ идетъ слѣва направо.

— И вы думаете, что Ардеа не признался бы мнѣ?—спросила графиня.

— Даже и вамъ,—сказалъ художникъ.—Вчера вечеромъ, когда я заговорилъ о нихъ, у него хватило наглости спросить у меня адресъ, чтобы отправиться посмотрѣть ихъ...

— Какъ же вы-то узнали, откуда они? — продолжала мадамъ Стено.

— Объ этомъ уже вотъ кого спросите,—и художникъ указалъ концомъ кисти на Шапрона. — Когда дѣло идетъ объ увеличеніи коллекціи его стараго друга Майтлэнда, онъ дѣлается торгашомъ половчѣе всякаго торгаша. Отъ него у нихъ нѣтъ секретовъ... Винчи тамъ или не Винчи, а это чистѣйшая ломбардская манера. Купи, мнѣ они нужны...

— Такъ я и отправлюсь, — отвѣтилъ Флоранъ. — Графиня... контессина...

Онъ поклонился мадамъ Стено и молодой дѣвушкѣ. Мать отвѣтила самою милою улыбкой. Она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя смотрятъ на близкихъ друзей своихъ любовниковъ, какъ на враговъ. Напротивъ, она относилась къ нимъ съ широкою симпатіей, вызываемою счастливою любовью. При этомъ она была слишкомъ тонкою особой для того, чтобы не чувствовать, какъ одобряетъ Флоранъ эту любовь, несмотря на все неправдоподобіе подобнаго снисхожденія. За то глубокое отвращеніе Альбы къ подозрѣваемымъ ею въ эту минуту интригамъ матери выразилось крайне химъ наклоненіемъ хмураго лица въ отвѣтъ на поклонъ молодого ковѣка, ничего, впрочемъ, не замѣтившаго. Онъ былъ необыкноянно доволенъ, убѣдившись, что ссоры его съ Горкой здѣсь не ыхали.

«До завтрашняго дня, — разсуждалъ онъ, сходя къ лѣстни,—никто не можетъ предупредить Линкольна... Эта покупка ричковъ — геніальная мысль, чтобы показать мое спокойствіе. Те-

перь надо разыскать двухъ надежныхъ, неболтливыхъ секундантовъ...»

Флоранъ былъ человѣкъ очень разсудительный и всегда имѣлъ очень разумный взглядъ на вещи, если только не касалось дѣло его восторженной дружбы къ зятю. Обладалъ онъ и силою наблюдательности, обычной людямъ, которыхъ легко уязвимое самолюбіе заставляетъ вѣчно быть на-сторожѣ. А потому трудный вопросъ о пріисканіи секундантовъ онъ на время отложилъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился завтракать въ ресторанъ, гдѣ его ожидали. И, конечно, его амфитріонъ, французскій дипломатъ, жившій въ Мюнхенѣ и бывшій теперь проѣздомъ въ Римѣ, отвѣчалъ на вопросы своего собесѣдника о новѣйшихъ портретахъ Ленбаха, ничуть не подозрѣвая, что спокойному, улыбающемуся молодому человѣку предстоитъ дѣло, могущее окончиться смертью. Лишь выйдя изъ ресторана послѣ завтрака, Флоранъ сталъ перебирать въ умѣ съ дюжину своихъ знакомыхъ и порѣшилъ сдѣлать первую попытку у Дорсена. Онъ припомнилъ таинственное сообщеніе романиста, симпатіи котораго къ Майтлэнду были открыто выражены краснорѣчивою статьей. Кромѣ того, онъ считалъ писателя безъ ума влюбленнымъ въ Альбу Стено. А это служило лишнимъ ручательствомъ, что онъ не проболтается. Дорсенъ не станетъ говорить о дуэли, къ которой, если бы узнали о ней, было бы неизбѣжно приплетено имя графини. Какъ нельзя болѣе ясно было, что Шапронъ и Горка не имѣли никакого прямого повода ссориться и вызывать другъ друга. Въ силу такихъ соображеній Флоранъ въ половинѣ третьяго, то-есть черезъ три часа послѣ безсмысленной ссоры въ прихожей, позвонилъ у дверей Дорсена. Тотъ былъ дома и за послѣднею корректурой своей новой книги. Сообщеніе посѣтителя такъ сильно его взволновало, что у него дрожали руки въ то время, какъ онъ приводилъ въ порядокъ свои бумаги. Ему припомнилось, какъ Болеславъ сидѣлъ на томъ же диванѣ, приблизительно въ этотъ же часъ дня ровно двое сутокъ назадъ. Какъ быстро подвигается впередъ драма, по милости этого шальнаго человѣка! Романистъ догадывался, что гость передаетъ ему не все.

— Вѣдь, это же невозможно,—вскрикнулъ онъ,—такъ поступаютъ только дикари и сумасшедшіе!... Не станете же вы на самомъ дѣлѣ драться изъ-за непріятности, про которую мнѣ разсказали. Встрѣтились гдѣ-то на тротуарѣ, сказали другъ другу нѣсколько рѣзкихъ словъ, и подавай сейчасъ же секундантовъ, дуэль... Что за вздоръ! Въ этомъ смысла нѣтъ!

— Вы забываете, что я сдѣлалъ очень большую глупость, по-

нявъ трость на него,—перебилъ его Флоранъ,—онъ требуетъ удовлетворенія, и я обязанъ дать его.

— И вы думаете,—сказалъ писатель,—что публика удовольствуется такими мотивами? Вы воображаете, что не станутъ доискиваться какихъ-нибудь скрытыхъ поводовъ къ дуэли? Почемъ я знаю, что̀ наболтаютъ и не впутаютъ ли женщину въ эту исторію... Прошу обратить вниманіе, я васъ ни о чемъ не спрашиваю. Я довольствуюсь тѣмъ, что̀ вы мнѣ сказали. Но общество есть общество, и вамъ не избѣжать его пересудовъ...

— И именно поэтому-то я и просилъ васъ о безусловной тайнѣ,— отвѣтилъ Флоранъ,— и потому же пріѣхалъ васъ просить быть моимъ секундантомъ. Нѣтъ ни одного человѣка, которому я довѣрялъ бы такъ, какъ вамъ. Это единственное оправданіе моего обращенія къ вамъ...

— Благодарю васъ,—сказалъ Дорсенъ. Онъ колебался съ минуту. Потомъ вдругъ представился ему образъ Альбы, преслѣдовавшій его со вчерашняго вечера. Вспомнилась ему мрачная тревога, замѣченная имъ во взглядахъ молодой дѣвушки, отразившееся въ нихъ душевное успокоеніе, когда мать одновременно улыбнулась Горкѣ и Майтлэнду. Припомнилъ онъ и анонимныя письма, таинственную ненависть, преслѣдовавшую мадамъ Стено. Если станетъ извѣстною ссора между Болеславомъ и Флораномъ, то повсюду заговорятъ, навѣрное, что Флоранъ дерется за своего шурина изъ-за графини. Сомнѣнія быть не можетъ и въ томъ, что это тотчасъ же будетъ передано несчастной контессинѣ. И этого достаточно было для того, чтобы романистъ добавилъ:—Извольте, я согласенъ. Буду вашимъ секундантомъ. Только позвольте, вы-то ужъ не благодарите меня. Лишь напрасно будемъ терять дорогое время. Вамъ нуженъ другой секундантъ. На кого вы разсчитываете?

— Ни на кого,— отвѣтилъ Флоранъ.— Признаюсь, разсчитывалъ на то, что и въ этомъ вы поможете...

— Составимъ списокъ,—сказалъ Жюльенъ,—а потомъ будемъ вычеркивать. Это самый лучшій способъ...

Дорсенъ записалъ нѣсколько именъ, потомъ они начали вычеркивать и кончили тѣмъ, что повычеркали ихъ всѣ. Положеніе осталось такимъ же затруднительнымъ, какъ и прежде, когда глаза романиста блеснули и онъ радостно вскрикнулъ:

— Великолѣпная мысль! Да, конечно, великолѣпная!... Знакомы вы съ маркизомъ де-Монфанонъ?

— Съ безрукимъ? — переспросилъ Флоранъ. — Я видѣлъ его

одинъ разъ по дѣлу о небольшомъ памятникѣ, который я поставилъ въ церкви святого Людовика французскаго.

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ,—сказалъ Дорсенъ.—Памятникъ вы поставили одному изъ родственниковъ?

— Довольно дальнему,—отвѣтилъ Флоранъ,—капитану Шапрону, убитому въ 49 году въ траншеѣ подъ Римомъ.

— Вотъ и покончено,—продолжалъ Дорсенъ, потирая руки.—Монфанонъ и будетъ вашимъ секундантомъ. Во-первыхъ, онъ старый дуэлистъ, тогда какъ я ни на одной дуэли не былъ. А это чрезвычайно важно. Вамъ извѣстна знаменитая фраза: убиваютъ не шпаги и не пистолеты, а секунданты... Во-вторыхъ, если есть возможность уладить дѣло, то авторитетъ маркиза посолиднѣе, чѣмъ вашего покорнаго слуги...

— Невозможно это,—возразилъ Шапронъ.—Маркизъ де-Монфанонъ! Никогда онъ не согласится. Я не существую для него...

— Это ужь мое дѣло!—воскликнулъ Дорсенъ.—Предоставьте мнѣ сначала просить его отъ моего собственнаго имени, потомъ, когда онъ согласится, вы сами его попросите... Только времени намъ терять нельзя. Сидите у себя дома до шести часовъ. Къ тому времени я буду знать, какъ поступать дальше.

Большая увѣренность романиста въ удачномъ исходѣ странной попытки, ради которой онъ направился къ своему старому другу, исчезла очень скоро и превратилась въ опасенія совершенно противуположнаго характера, какъ только онъ полчаса спустя очутился передъ домомъ, гдѣ жилъ маркизъ Клодъ-Франсуа, въ одной изъ наиболѣе чтимыхъ мѣстностей Рима, на самомъ Капитоліи, въ углу, господствующемъ надъ улицей *де ля Консоляціоне*. Съ бельведера этого дома открывается чудный видъ на весь древній Форумъ. Сколько разъ бывалъ тутъ Жюльенъ въ теченіе шести мѣсяцевъ у покорно примирившагося съ жизнью старика, постоянно отгонявшаго отъ себя, уничтожавшаго меланхолическое настроеніе обращеніемъ къ прошлому, которое умѣлъ понимать и глубоко чувствовать! Сколько разъ любовался отсюда романистъ трагическою и чудною панорамой, развертывающеюся на этомъ историческомъ горизонтѣ! Подъ звуки голоса хозяина - отшельника поднимались изъ праха разбитыя колонны, вставали изъ обломковъ разрушенные храмы и тріумфальный путь очищался отъ травы. Старикъ говорилъ, и въ живыхъ образахъ проносилась могучая эпопея римскихъ преданій, разъясняемыхъ искреннимъ христіаниномъ въ томъ мистическомъ и провиденціальномъ смыслѣ, которымъ все проникнуто въ этихъ мѣстахъ, гдѣ Мамертинская тюрьма напоминаетъ о

судѣ надъ святымъ Петромъ, гдѣ портикъ храма Фаустины служитъ фронтономъ церкви святого Лаврентія *in Miranda,* гдѣ алтарь Пресвятой Маріи-Освободительницы воздвигнутъ на развалинахъ храма Весты... «*Sancta Maria, libera nos a poenis inferni*»,— прибавлялъ неизмѣнно Монфанонъ, когда рѣчь заходила объ этомъ, и онъ указывалъ на тріумфальную арку Траяна, свидѣтельствующую объ исполнившемся пророчествѣ Господа нашего относительно Іерусалима, какъ базилика Константина свидѣтельствуетъ о торжествѣ Святого Креста, а насупротивъ изъ-за рощицъ Палатина выдвигается силуэтъ женскаго монастыря надъ грудой камней, оставшейся отъ дворцовъ цезарей, гонителей христіанъ. А тамъ, въ глубинѣ, высится масса Колизея, напоминающая о сотнѣ тысячъ зрителей, сбѣгавшихся смотрѣть на страданія мучениковъ... Среди такихъ видѣній старился бывшій папскій зуавъ, и Жюльенъ, нажимая пуговку звонка въ третьемъ этажѣ, разсуждалъ самъ съ собой:

«Съ ума надо сойти, чтобы предложить такому человѣку то, что я пришелъ предлагать. Дѣло тутъ, впрочемъ, не въ томъ, чтобы быть секундантомъ при обыкновенной дуэли, а въ необходимости сразу прекратить исторію, которая можетъ стоить жизни двумъ человѣкамъ, это во-первыхъ; можетъ опозорить мадамъ Стено, во-вторыхъ, и, въ-третьихъ, причинить страданія тремъ неповиннымъ существамъ: женѣ Горки, женѣ Майтлэнда и моему юному другу Альбѣ... Одинъ онъ достаточно авторитетный человѣкъ, чтобы все уладить. Это такое же дѣло христіанскаго милосердія, какъ и всякое другое... Лишь бы застать его дома»,—покончилъ онъ, заслышавши шаги слуги, тотчасъ же узнавшаго гостя и предупредившаго его вопросъ:

— Господинъ маркизъ ушелъ сегодня ранѣе восьми часовъ и вернется только къ обѣду.

— И вы не знаете, куда онъ отправился?

— Пошелъ слушать мессу въ одной катакомбѣ, гдѣ потомъ будетъ крестный ходъ,—отвѣтилъ слуга и, взявши карточку Дорсе-ня прибавилъ:—Траписты святого Каллиста должны, навѣрное, [illegible]ать, гдѣ господинъ маркизъ,—онъ завтракалъ у нихъ.

— Попытаемся еще,—сказалъ самъ себѣ молодой человѣкъ, [illegible]рядочно-таки обезкураженный.

Экипажъ его покатился по направленію къ воротамъ святого [illegible]астьяна, близъ которыхъ находится катакомба и маленькая фер[illegible],—послѣдній клочокъ папскихъ владѣній, охраняемый бѣдными [illegible]чахами.

«Монфанонъ, вѣроятно, причащался сегодня, — раздумывалъ писатель,— и при одномъ словѣ дуэль не захочетъ уже ничего больше слушать. А, между тѣмъ, дѣло это надо уладить. Необходимо... Дорого бы далъ я, чтобы доподлинно узнать, какая произошла сцена у Горки съ Флораномъ. Какимъ страннымъ, дьявольскимъ рикошетомъ налетѣлъ Палатинъ на шурина, когда добирался до зятя?... И разозлится же полякъ за то, что я секундантомъ у его противника!... И чудесно! Послѣ нашего разговора у меня мы уже въ ссорѣ... Вотъ и маленькая церковка, называемая *Domine, quò vadis* *)... Могъ бы и я себѣ сказать тоже: Juliane, quò vadis?... Да, иду я сдѣлать дѣло, получше большинства тѣхъ, что дѣлалъ до сихъ поръ,—отвѣтилъ онъ самъ себѣ.

Его легкомысленная душа, чуткая и отзывчивая на малѣйшее прикосновеніе, была уже тронута,—какъ это всегда съ нимъ случалось,—воспоминаніемъ объ одной изъ безчисленныхъ благочестивыхъ легендъ, раскиданныхъ и увѣнчанныхъ неувядающими розами восемнадцатью вѣками католицизма по всѣмъ закоулкамъ Рима и его округи. Романистъ вспомнилъ трогательную легенду, разсказывающую о томъ, какъ святой Петръ, убѣгая отъ гоненія, встрѣтилъ Господа нашего и спросилъ Его: «Господи, куда грядешь?»—«Вторично на пропятіе»,—отвѣтилъ ему Спаситель, и апостолъ устыдился своей слабости, вернулся на мученичество. Монфанонъ передавалъ романисту эту чудную легенду, и Жюльенъ опять погрузился въ думы о характерѣ маркиза и о лучшемъ способѣ подступиться къ нему. Дорсенъ не взглянулъ даже на развертывавшуюся передъ нимъ пустыню Римской Кампаньи и чуть не проѣхалъ, не замѣтивши ея, цѣли своего путешествія,—такъ сильно отдался онъ своимъ думамъ. На этомъ первомъ этапѣ въ погонѣ за маркизомъ его ждала новая неудача. Монахъ, вышедшій на его звонокъ къ двери ограды, примыкающей къ катакомбамъ, сообщилъ ему, что Монфанонъ уѣхалъ полчаса назадъ.

— Вы найдете его въ базиликѣ святого Нерея и святого Ахилея,—прибавилъ траппистъ.—Сегодня память этихъ святыхъ и въ пять часовъ будетъ крестный ходъ въ ихъ катакомбѣ... Отсюда четверть часа ѣзды, это близь башни Маранціа, на віа Ардеатина...

«Неужели и въ третій разъ не застану?»— волновался Дорсенъ, выходя изъ экипажа и направляясь пѣшкомъ по выгорѣвшей уже на солнцѣ травѣ къ входу, ведущему въ подземный некрополь,

---

*) „Господи, куда грядешь?“

посвященный двумъ названнымъ святымъ, бывшимъ евнухамъ Домициллы, родной племянницы императора Веспасіана. Нѣсколько обломковъ стѣнъ и бѣдный домишко указываютъ мѣсто, гдѣ когда-то красовалась роскошная вилла этой благочестивой принцессы. Рѣшетка была отворена, но не видно было ни одного человѣка, который могъ бы указать, куда идти. Дорсенъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вглубь подземелья. Оказалось, что длинная галлерея освѣщена. Онъ пустился дальше, соображая, что свѣчи, зажженныя черезъ каждые десять шаговъ, означаютъ, вѣроятно, путь ожидаемой процессіи, по которому легко добраться до центральной базилики. Хотя очень велика была его тревога за исходъ предстоявшаго объясненія, все же сильное впечатлѣніе произвела на него величественная, освѣщенная катакомба. Неравнаго размѣра ниши, мѣсто послѣдняго успокоенія почившихъ въ Бозѣ много вѣковъ назадъ, тянулись углубленіями по стѣнамъ галлереи и придавали имъ торжественный и трагическій видъ. Виднѣлись кругомъ надписи, начертанныя на камнѣ, и всѣ онѣ говорили о великой надеждѣ, питавшей первыхъ христіанъ такъ же точно, какъ ею питаются истинно вѣрующіе нашихъ дней. Жюльенъ былъ достаточно знакомъ съ символикой для того, чтобы понимать смыслъ изображеній, за которыми скрывали свою вѣру гонимые первобытной церкви. Какъ просты эти символы и какъ они трогательны! Тутъ якорь обѣщаетъ спасеніе во время бури, кроткая голубка и смирная овца—прообразы души, возносящейся въ высь или же ищущей своего пастыря, тамъ фениксъ раскрытыми крыльями возвѣщаетъ воскресеніе изъ мертвыхъ, далѣе—хлѣбъ и гроздья винограда, вѣтвь масличная и листья пальмы, рыба и Ιχθύς, наивное сочетаніе первыхъ буквъ имени Господа нашего: «Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель» *). Къ довершенію почти фантастическаго очарованія, производимаго молчаливымъ кладбищемъ мучениковъ, въ немъ тонкими струйками носился ароматъ ладона, который Дорсенъ почувствовалъ съ самаго входа въ катакомбу. Большая месса, отслуженная утромъ, оставила на цѣлый день священный слѣдъ ѳиміама вокругъ покоящихся здѣсь тѣлъ, принадлежавшихъ людямъ, когда-то преклонявшимъ колѣна подъ клубами тѣхъ же ароматовъ. Несоотвѣтствіе было настолько велико между этимъ мѣстомъ, гдѣ все говорило о вѣчности, и преступною любовною драмой, приведшею сюда Жюльена, что романисту стало самому жутко. Его появленіе здѣсь показалось ему профанаціей, хотя повиновался онъ самымъ

*) Греческое начертаніе: Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ.

благороднымъ побужденіямъ и самымъ гуманнымъ. И онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе лишь тогда, когда на одномъ изъ поворотовъ переплетающихся между собою галлерей встрѣтилъ священника, несшаго полную корзину цвѣтовъ, предназначенныхъ, повидимому, для процессіи. Дорсенъ, по-итальянски, попросилъ его указать дорогу къ базиликѣ, а такъ какъ тотъ отвѣчалъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, то романистъ и спросилъ:

— Вы, быть можетъ, знаете маркиза де-Монфанона?

— Я капелланъ церкви святого Людовика,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь, и добавилъ:—Маркиза вы найдете въ базиликѣ.

«Вотъ минута и подходитъ,—думалъ Дорсенъ.—Поведемъ дѣло хитро... Какъ бы то ни было, я иду просить его совершить актъ милосердія... Вотъ и базилика... Я узнаю лѣстницу и большое отверстіе надъ нею».

Вверху, дѣйствительно, показался клочокъ лазурнаго неба, и оттуда лился яркій свѣтъ, при которомъ романистъ скоро разыскалъ глазами своего стараго друга среди немногихъ лицъ, находившихся въ полуразрушенной капеллѣ, самой почтенной своею древностью изъ всѣхъ, окружающихъ Римъ поясомъ скрытыхъ алтарей. Монфанона легко было узнать по пустому рукаву чернаго сюртука, подогнутому подъ остаткомъ отнятой руки. Старикъ сидѣлъ на стулѣ недалеко отъ алтаря, гдѣ горѣли большія свѣчи. Священники и монахи разставляли корзины съ цвѣтами, подобныя той, что видѣлъ Дорсенъ въ рукахъ повстрѣчавшагося съ нимъ капеллана. Трое посѣтителей разговаривали въ полголоса о фрескахъ, едва видныхъ на полинявшей штукатуркѣ свода. Монфанонъ весь погрузился въ чтеніе книги, которую держалъ своею единственною рукой. Его рѣзкія черты лица стали мягче, какъ бы преобразились отъ молитвеннаго умиленія, что придавало ему видъ добраго стараго воина Христова. *Bonus miles Cristi*, — высѣчено было на памятникѣ, положенномъ надъ могилой бывшаго его начальника, рядомъ съ которымъ былъ раненъ маркизъ. Сидѣлъ онъ здѣсь, точно свѣтскій стражъ гробовъ мучениковъ, способный, подобно имъ, кровью запечатлѣть свое исповѣданіе вѣры. И когда Жюльенъ рѣшился подойти къ нему и слегка дотронуться до его плеча, т увидалъ, что въ его ясныхъ голубыхъ глазахъ, обыкновенно та кихъ веселыхъ и иногда такихъ гнѣвныхъ, стоятъ слезы, готовы скатиться съ рѣсницъ. И голосъ его, часто суровый, тоже смягчился подъ вліяніемъ волненія, вызваннаго чтеніемъ, мѣстомъ временемъ, молитвеннымъ настроеніемъ цѣлаго дня.

— А! Вы это!—сказалъ онъ своему молодому другу, нисколь

ко не удивившись.—Къ процессіи пріѣхали. Это хорошо. Послушаете пѣніе чудныхъ стиховъ: *Hi sunt quos fatue mundus abhorruit*...—онъ выговаривалъ *и* твердымъ итальянскимъ, а не французскимъ говоромъ, такъ какъ Риму былъ обязанъ всѣмъ своимъ религіознымъ воспитаніемъ.—Хорошее теперь время для этого рода церемоній. Туристы разъѣхались. Приходятъ сюда только люди молящіеся или чувствующіе, какъ вы. А чувствовать—значитъ уже на половину молиться. Другая половина—вѣровать... Вы кончите тѣмъ, что съ нами будете, я вамъ это всегда предсказывалъ. Нѣтъ міра душевнаго внѣ этого...

— Отъ души желалъ бы здѣсь быть только ради процессіи,—отвѣтилъ Дорсенъ,—но привело меня сюда совершенно другое, мой дорогой другъ...—продолжалъ онъ еще тише.—Уже больше часа разыскиваю я васъ, чтобы просить оказать громадную услугу нѣсколькимъ людямъ, быть можетъ, предотвратить очень большое несчастіе...

— Большое несчастье?—повторилъ Монфанонъ,—и предотвратить его могу я?...

— Да,—сказалъ Дорсенъ,—но здѣсь не мѣсто разъяснять вамъ подробности этой длинной и ужасной исторіи... Въ которомъ часу церемонія? Я подожду васъ, вотъ и все, а потомъ разскажу все дорогой. У меня тутъ фіакръ...

— Начало въ пять, въ пять съ половиной,—отвѣтилъ Монфанонъ, взглядывая на часы,—а теперь лишь четверть пятаго... Выйдемъ изъ катакомбы, и вы разскажете мнѣ вашу исторію, прохаживаясь тамъ наверху... Большое несчастье?... Посмотримъ... А вы успокойтесь, дорогой мой, мы его предупредимъ...—и онъ пожалъ руку молодого человѣка, котораго любилъ такъ же искренно, какъ ненавидѣлъ его идеи уже много лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ нимъ у ихъ общаго друга, всѣми оплакиваемаго графа де-Гобино, проповѣдника теоріи расовой наслѣдственности.

Въ тонѣ, какимъ были сказаны послѣднія слова маркиза, слышалась чудная невозмутимость совѣсти, не знающей тревогъ, убѣжденіе вѣрующаго, не сомнѣвающагося въ томъ, что сдѣлаетъ все для него возможное изъ того, что считаетъ себя обязаннымъ сдѣлать. Онъ не былъ бы Монфанономъ, то-есть своего рода фантазёромъ и любителемъ споровъ съ Дорсеномъ, хорошо его понимавшимъ, если бы не заговорилъ, направляясь къ выходу по освѣщеннымъ галлереямъ катакомбы:

— Какъ бы то ни было, господинъ апологетъ современнаго общества, я радъ, что сошлись мы съ вами здѣсь и что могу спросить

васъ прямо, на-бѣло: не чувствуете вы себя развѣ много ближе ко всѣмъ, въ мирѣ почивающимъ въ этихъ стѣнахъ, чѣмъ къ какому-нибудь радикальному избирателю или къ депутату изъ франъмассоновъ?... Не сознаете вы развѣ, что если бы эти мученики не приходили молиться подъ этими сводами восемнадцать вѣковъ назадъ, не существовало бы и того, что есть лучшаго въ вашей душѣ? Гдѣ найдете вы болѣе трогательную поэзію, чѣмъ раскрывающаяся передъ нами въ этихъ символахъ и въ этихъ эпитафіяхъ? Нашъ высокочтимый де-Росси *) показывалъ мнѣ въ прошломъ году одну изъ нихъ въ катакомбѣ святого Калиста. При воспоминаніи о ней у меня слезы навертываются. *Pete pro Phoebe et pro virginio ejus*... «Молитесь за Фебу и за...» Но какъ перевести слово *virginius*, что означаетъ супругъ единой жены, мужчина, не познавшій иной женщины, кромѣ дѣвы, ставшей его женою?... Молодость ваша пройдетъ, Дорсенъ, и наступитъ время, когда вы почувствуете то, что я чувствую,—глубокую скорбь о недоступности счастья по причинѣ прежнихъ оскверненій, и вы поймете, что счастье возможно только въ христіанскомъ бракѣ, весь чудный смыслъ котораго опредѣляется этою молитвой «*pro virginio ejus*...» Но съ вами тогда будетъ то же, что со мной, и эта книга,—онъ показалъ молитвенникъ, который держалъ въ рукѣ,—научитъ васъ изливать передъ Господомъ ваше раскаяніе и ваши скорби... Знаете вы причастный стихъ: *Adoro te, devote*?... Нѣтъ... А, вѣдь, такой, какъ вы, способенъ чувствовать, что̀ заключаютъ въ себѣ эти строфы. Слушайте вотъ это, одна форма приведетъ васъ въ восторгъ, какъ художника... Смыслъ таковъ: на крестѣ видѣли только человѣка, а не Бога, въ евхаристіи же не видно даже и человѣка, но мы вѣруемъ и исповѣдуемъ истинное пресуществленіе:

In cruce latebat sola Deitas.
At hic latet simul et humanitas,
Ambo tamen credens atque confitens...

И вотъ послѣдній стихъ:

Peto quod petivit latro poenitens! **)

Каковъ вопль! О, какъ дивно это! Вотъ настоящее предсмертное слово,—и онъ повторилъ: *Peto quod petivit latro poenitens!*

---

*) *Джіованни Баттиста де-Росси*, знаменитый римскій археологъ и величайшій знатокъ христіанскихъ древностей, род. въ 1822 г., состоитъ президентомъ римской *Pontificia Accademia d'Archeologia*. Знаменитѣйшіе его труды: *Roma sutteranea cristiana* и *Inscriptiones christianae urbis Romae*, а также работы по христіанской иконографіи.

**) Молю о томъ, о чемъ молилъ кающійся разбойникъ (на крестѣ).

О чемъ молился этотъ разбойникъ, этотъ Диксма, признанный церковью святымъ лишь за немногія слова: «Помяни меня, Господи, когда пріидешь въ царствіе Твое!...» А вотъ мы и у выхода... Нагнитесь, чтобы не испортить шляпы... Ну, теперь говорите, что требуется сдѣлать? Вы знаете девизъ Монфаноновъ: *Excelsior et firmior*,—все выше и все крѣпче. Дѣлая добро, лишняго не сдѣлаешь. Если гожусь на что-нибудь—«здѣсь!», какъ отвѣчали мы, бывало, на перекличкѣ.

Въ этомъ диковинномъ соединеніи благочестія и шутливости, восторженнаго краснорѣчія и политическаго или религіознаго фанатизма отражался Монфанонъ весь, цѣликомъ. Но веселость быстро исчезала съ его лица, гордаго и простого, въ одно и то же время, по мѣрѣ того, какъ подвигался впередъ разсказъ, очень искусно сложенный Дорсеномъ. Романистъ не сразу объяснилъ, въ чемъ состоитъ его предложеніе. Онъ отлично зналъ, что по существу дѣла ему не придется много толковать съ бывшимъ папскимъ зуавомъ. Будетъ одно изъ двухъ: или тотъ найдетъ его просьбу чудовищною и нелѣпою, или же сочтетъ долгомъ человѣколюбія ее исполнить, и тогда, насколько бы ни было ему это непріятно, онъ все сдѣлаетъ такъ же точно, какъ подаетъ онъ милостыню. Вотъ эту-то струну и попытался затронуть Жюльенъ, ставшій вдругъ дипломатомъ въ первый разъ въ жизни. На основаніи предшествовавшаго ихъ разговора на улицѣ, онъ счелъ себя вправѣ разсказать все, что можно было, о посѣщеніи его Горкой, причемъ умолчалъ про свое ложно данное честное слово, все еще лежавшее на его душѣ страшно тяжелымъ камнемъ. Онъ передалъ о томъ, какъ успокоилъ взбѣшеннаго поляка, какъ отвезъ его на желѣзную дорогу, какъ потомъ встрѣтились соперники вечеромъ у графини. Ярко очертилъ онъ настроеніе Альбы въ тотъ вечеръ и весь ужасъ анонимныхъ писемъ, написанныхъ невѣроятно злодѣйскимъ образомъ къ дочери и къ бывшему любовнику мадамъ Стено. И, наконецъ, сказавши про таинственную и внезапную ссору между Горкой и Флораномъ, писатель продолжалъ:

— Я согласился быть секундантомъ потому, что считаю своею н премѣнною обязанностью сдѣлать все возможное для того, чтобы д эль не состоялась. Подумайте только, если одинъ изъ двухъ будетъ убитъ или раненъ, какъ скрыть дѣло въ такомъ болтливомъ г родѣ, какъ Римъ? И что тутъ наплетутъ!... Ясно до очевидности, ч о молодцы эти перессорились изъ-за исторіи мадамъ Стено съ Л йтлэндомъ. Какъ могло это случиться, я рѣшительно не знаю. Н относительно основной причины ни у кого сомнѣнія быть не мо-

жетъ. И можно быть увѣреннымъ въ томъ, что опять полетятъ анонимныя письма къ Альбѣ, къ мадамъ Горка, къ мадамъ Майтлэндъ!... До мужчинъ мнѣ дѣла нѣтъ... Изъ троихъ двое заслуживаютъ, чтобы случилось съ ними все, что угодно. Но несчастныя, ни въ чемъ неповинныя женщины... Вѣдь, это просто ужасно!

— Правда, ужасно,— отвѣтилъ Монфанонъ.— И вотъ почему такъ отвратительны всѣ эти адюльтеры. Изъ-за нихъ страдаетъ много людей, помимо самихъ виновныхъ. Сами теперь видите, каково это общество, которое вы третьяго дня находили такимъ пріятнымъ, утонченнымъ, интереснымъ... Но не въ этомъ дѣло теперь. Я понимаю. Вы требуете отъ меня совѣта относительно вашей роли секунданта. Безумства моей молодости пригодятся, хотя бы на то, что я могу дать вамъ полезныя указанія... Соблюденіе всѣхъ приличій до мелочей и ни малѣйшей нервности, все дѣло въ этомъ, когда хочешь уладить подобную исторію... Вамъ это будетъ очень не легко. Горка себя не помнитъ теперь. Я знаю поляковъ. Въ нихъ есть огромные недостатки, но они храбры. Боже мой, до чего они храбры! А этотъ Шапронъ, его я тоже знаю, это одинъ изъ тѣхъ тихихъ упрямцевъ, которые, не поморщившись, дадутъ грудь себѣ прострѣлить скорѣе, чѣмъ отступятъ на шагъ. А самолюбіе-то какое! Въ жилахъ у него добрая солдатская кровь, несмотря ни на какое мулатство. Припомните, тоже былъ мулатъ и какимъ былъ героемъ первый изъ трехъ Дюма, извѣстный генералъ. Да, тяжелое дѣло взяли вы на себя, добрый мой Дорсенъ... Вамъ надо бы найти другого секунданта, который вполнѣ сочувствовалъ бы вашимъ намѣреніямъ и, извините меня, былъ бы въ такихъ дѣлахъ поопытнѣе васъ, быть можетъ.

— Совершенно вѣрно, маркизъ,—заговорилъ Дорсенъ вздрагивающимъ отъ волненія голосомъ.—Въ Римѣ есть одинъ только человѣкъ, достаточно уважаемый, достаточно чтимый всѣми, и Горкой въ томъ числѣ, для того, чтобы вмѣшательство его въ это щекотливое и опасное дѣло могло имѣть рѣшающее значеніе. Только одинъ человѣкъ способенъ убѣдить Шапрона извиниться или настоять на извиненіи со стороны его противника. За однимъ только человѣкомъ есть авторитетъ героя, передъ которымъ всѣ умолкаютъ, когда онъ говоритъ о чести. Этотъ человѣкъ — вы, маркизъ

— Я? — воскликнулъ Монфанонъ. — И вы хотите, чтобы былъ...

— Однимъ изъ секундантовъ Шапрона,—перебилъ Дорсенъ.— Да, это такъ. Я пріѣхалъ отъ него и ради этого... Не возражайте мнѣ того, что я знаю, что положеніе ваше не допускаетъ обраще

нія къ вамъ съ подобными просьбами. Потому, что таково положеніе, я и рѣшился обратиться къ вамъ. Не говорите мнѣ также, что дуэли противны вашимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Для того, именно, чтобы не было дуэли, я умоляю васъ согласиться... Исторію эту необходимо прекратить. Клянусь вамъ, тутъ дѣло идетъ о душевномъ спокойствіи слишкомъ многихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей...

И романистъ продолжалъ настаивать, пуская въ ходъ въ эту рѣшительную минуту всю гибкость своего ума и всю силу дара слова, какія только были въ его средствахъ. По лицу стараго бреттера, превратившагося въ страстнаго, усерднѣйшаго католика и въ величайшаго чудака изъ всѣхъ старыхъ холостяковъ, Жюльенъ могъ прослѣдить смѣну самыхъ разнообразныхъ и противуположныхъ впечатлѣній. Наконецъ, Монфанонъ съ какою-то особенною торжественностью положилъ свою руку на руку собесѣдника, крѣпко сжалъ ее и сказалъ:

— Слушайте, Дорсенъ, ничего вы мнѣ больше не говорите. Я согласенъ исполнить ваше желаніе, но подъ двумя условіями, примите это къ свѣдѣнію. Первое, что Шапронъ обязывается подчиниться моему рѣшенію, каково бы оно ни было. Второе, что вы удалитесь вмѣстѣ со мною, если эти господа вздумаютъ вести себя какъ мальчишки... Я соглашаюсь помогать вамъ исполнить долгъ человѣколюбія и только,—повторяю вамъ: и только... Прежде чѣмъ привозить ко мнѣ господина Шапрона, вы передадите ему мои слова съ полною точностью.

— Съ полною точностью,—отвѣтилъ романистъ и добавилъ:— Онъ у себя дома ждетъ результата моего обращенія къ вамъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ маркизъ,—я возвращаюсь въ Римъ сейчасъ же съ вами... Секунданты Горки, навѣрное, уже явялись къ нему. Если, на самомъ дѣлѣ, желательно дѣло уладить, то отнюдь не слѣдуетъ его тянуть, хотя бы уже для того, чтобы не дать разростись сплетнямъ, неизбѣжно раздражающимъ самолюбія... Я пропущу крестный ходъ, но воспротивиться злу знагъ сдѣлать добро, а это стоитъ молитвы передъ Господомъ...

— Позвольте пожать вашу руку, высокочтимый другъ мой,— сказалъ Дорсенъ,—никогда въ жизни не сознавалъ я такъ полно, что значитъ, по-настоящему, хорошій человѣкъ...

Три четверти часа спустя романистъ завезъ Монфанона и входилъ въ домъ улицы Леопарди почти радостнымъ отъ сознанія, что нашелъ для себя въ лицѣ маркиза такую крѣпкую нравственную опору. Флорана онъ засталъ въ комнатѣ, служившей одновременно

гостиной и курильней, занятымъ разборкою бумагъ съ методическою флегмой, сказывавшеюся въ его черныхъ, всегда немного вялыхъ глазахъ.

— Онъ согласенъ,—проговорили почти одновременно гость и хозяинъ, и Дорсенъ повторилъ слова маркиза, которыя обѣщалъ передать Флорану.

— Во всемъ я полагаюсь на васъ обоихъ,—отвѣтилъ тотъ.— Ничуть я не жажду крови графа Горки. Но и не желаю дать ему повода заподозрить въ трусости внука полковника Шапрона. Надѣюсь, что такъ это и будетъ, при помощи родственника генерала Дорсена и строго заслуженнаго воина...

— Это разумѣется само собою,—сказалъ Жюльенъ.—Это что такое?—прибавилъ онъ, когда Флоранъ подалъ ему письмо.

— Записка, которую полчаса назадъ написалъ вамъ на этомъ самомъ столѣ баронъ Гафнеръ. Я долженъ сказать, что имѣется кое-что новенькое. У меня были секунданты противника. Баронъ одинъ изъ нихъ, другой Ардеа.

— Баронъ Гафнеръ! — воскликнулъ Дорсенъ. — Вотъ странный выборъ!

Романистъ смолкъ, и оба они съ Флораномъ обмѣнялись взглядами. Оба безъ словъ поняли другъ друга. Болеславъ не придумалъ лучшаго средства дать знать графинѣ Стено, къ какимъ способамъ онъ намѣревается прибѣгать въ своемъ мщеніи или въ своихъ мщеніяхъ. Съ другой стороны, извѣстная преданность барона къ мадамъ Стено являлась лишнимъ шансомъ въ пользу мирнаго исхода дѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжная встрѣча фанатика Монфанона съ отцомъ Фанни представлялась комическимъ эпизодомъ, внезапно врывающимся въ драму отчаянной ревности Горки. Жюльенъ усмѣхнулся и продолжалъ:

— Посмотрите, что съ Монфанономъ будетъ, когда мы назовемъ ему этихъ двухъ секундантовъ. Знаете, вѣдь, это человѣкъ пятнадцатаго вѣка, это — Монлюкъ, герцогъ Альба, Филиппъ II. Нѣтъ возможности опредѣлить, кого онъ ненавидитъ сильнѣе: франъ-массоновъ, невѣрующихъ, протестантовъ, жидовъ или нѣмцевъ. А такъ какъ эта темная и грязная личность, баронъ Гафнеръ, соединяетъ въ себѣ до нѣкоторой степени все это вмѣстѣ, то маркизъ терпѣть его не можетъ. Я уже не говорю о томъ, что иногда онъ считаетъ Гафнера тайнымъ агентомъ, состоящимъ на службѣ тройственнаго союза. Посмотримъ, что за посланіе...— Жюльенъ развернулъ письмо и пробѣжалъ его глазами.—Какъ бы то ни было, а и хитрость плута можетъ порою пригодиться и сослу-

жить почти такую же службу, какъ доброта сердца. Съ своей стороны, этотъ баронъ тоже сообразилъ, что необходимо, какъ можно скорѣе, покончить съ вашимъ дѣломъ, хотя бы во избѣжаніе негодной болтовни. Онъ приглашаетъ насъ къ себѣ между шестью и семью часами, меня и вашего другого секунданта... Времени терять нельзя. Вы должны ѣхать со мною къ маркизу, чтобы просить его лично. Съ этого и начинайте, заручитесь его согласіемъ, прежде чѣмъ назовете имя гражданина Гафнера. Я знаю маркиза. Разъ онъ дастъ слово, потомъ уже не отступится...

Монфанонъ принялъ ихъ въ своей рабочей комнатѣ, очень большой, наполненной книгами и выходящей окнами въ сторону панорамы Форума, казавшейся еще величественнѣе подъ вечернимъ освѣщеніемъ, когда удлиняются тѣни колоннъ и арокъ на бѣломъ почти фонѣ мостовой. Въ обширной, квадратной кельѣ съ красными стѣнами не было признаковъ комфорта, за исключеніемъ развѣ ковра подъ длиннымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами,—вѣроятно, набросками пресловутаго сочиненія объ отношеніяхъ французскаго дворянства къ церкви. Посреди стола возвышалось распятіе. На стѣнѣ два гравированныхъ портрета: монсиньера Пія, чтимаго епископа Пуатье, и генерала Сони съ его деревянною ногой. Между ними висѣла хорошая масляная картина, изображающая святого Франциска, патрона хозяина квартиры. Этимъ и ограничивалась художественная сторона убранства комнаты. Старый дворянинъ нерѣдко говаривалъ: «Я освободился отъ тираніи лишнихъ вещей»... Но, съ чарующимъ видомъ на грандіозныя развалины и съ лазурнымъ небомъ надъ ними, это былъ ни съ чѣмъ несравнимый пріютъ для того, кто удалился сюда, отдавшись размышленіямъ и отказавшись отъ всѣхъ треволненій когда-то бурной свѣтской жизни. Отшельникъ этой ѳиваиды всталъ на встрѣчу гостямъ и, указывая Шапрону на раскрытую на столѣ книгу, заговорилъ:

— Я занимался вашимъ дѣломъ. Это книга Шатовильяра о дуэли. Это кодексъ недостаточно полный. Тѣмъ не менѣе, рекомендую его на случай, если вамъ придется когда-нибудь взять на себя такую же обязанность, какъ наша въ данную минуту,—и онъ указалъ на Дорсена и на себя жестомъ, свидѣтельствовавшимъ о самомъ дружественномъ согласіи говорившаго.— Вы были, кажется, немного скоры на руку.. Хе-хе! Не оправдывайтесь. Таковъ, какимъ вы меня видите, когда мнѣ былъ двадцать одинъ годъ, я пустилъ тарелкой въ лицо одному господину, который осмѣлился издѣваться надъ монсиньеоромъ графомъ Шамборомъ передъ веселою

компаніей якобинцевъ за провинціальнымъ табль-д'отомъ. И вотъ,—продолжалъ маркизъ, приподнимая свой сѣдѣющій усъ и показывая шрамъ,—вотъ что осталось на память. Этотъ рубака былъ когда-то драгунскимъ офицеромъ и предложилъ драться на сабляхъ. Я согласился и чуть на мѣстѣ не остался. Но и онъ поплатился двумя пальцами... Съ вами этого не случится, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ. Дорсенъ передалъ вамъ мои условія?

— И я ему отвѣтилъ выраженіемъ полной увѣренности въ томъ, что моя честь находится въ самыхъ надежныхъ рукахъ,—сказалъ Флоранъ.

— Вашу руку,—продолжалъ Монфанонъ, очень довольный, повидимому.—Безъ фразъ. Такъ... Я понялъ васъ съ того дня, какъ говорилъ съ вами въ церкви св. Людовика. Вы чтите память близкихъ вамъ усопшихъ. Для меня же, убѣжденнаго, что прошлое для человѣка—все, для меня этого достаточно. Вотъ почему я доволенъ, счастливъ, что могу быть вамъ полезенъ. Теперь повторите мнѣ, ясно и обстоятельно, вашъ разсказъ Дорсену.

Когда Флоранъ передалъ въ короткихъ словахъ то, что было условлено между нимъ и Горкой, то-есть разговоръ, кончившійся ссорой, причемъ разсказщикъ тщательно обходилъ подробности, въ которыхъ могло быть замѣшено имя его зятя, Монфанонъ проговорилъ фамильярно:

— Скверно, совсѣмъ даже скверно выходитъ дѣло... Слушайте, секундантъ—то же, что духовникъ. Вы поспорили съ Горкой на улицѣ, но о чемъ зашелъ споръ? Вы не можете этого сказать? Что же, однако, могъ онъ вамъ сказать такого, что вы изъ себя вышли до желанія его ударить? Это пунктъ первый для разъясненія положенія...

— На это я не могу отвѣтить,—сказалъ Флоранъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ маркизъ, помолчавши немного,—съ полною опредѣленностью установлено одно: жестъ съ вашей стороны... какъ бы это сказать?... непроизвольный и, въ концѣ-концовъ, не имѣвшій послѣдствій. Это пунктъ второй... Ничего особеннаго противъ Горки вы не имѣете?

— Ничего.

— А онъ противъ васъ?

— Ничего тоже.

— Дѣло представляется въ нѣсколько лучшемъ видѣ,— сказалъ Монфанонъ и, помолчавши еще, продолжалъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собой:—Графъ Горка считаетъ себя оскорбленнымъ... Да, оскорбленнымъ. Но было ли нанесено оскорбленіе?

Вотъ что мы обязаны обсудить... Нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ или угроза нанести такое оскорбленіе исключаютъ всякую возможность уладить дѣло. Но жестъ, едва начатый и тотчасъ же остановленный, такъ какъ дальше ничего изъ этого не произошло... Подождите, не прерывайте меня. Я пытаюсь разъяснить и опредѣлить точно... Мы обязаны придти къ надлежащему рѣшенію... Намъ придется выразить наши сожалѣнія по поводу случившагося и предоставить Горкѣ, если онъ пожелаетъ, требовать иного удовлетворенія... А онъ не пожелаетъ. И теперь весь вопросъ сводится къ тому, кого онъ выберетъ въ секунданты. Кого можетъ онъ выбрать?

— Они уже были у меня полчаса назадъ,—сказалъ Флоранъ.— Одинъ изъ нихъ князь Ардеа...

— Дворянинъ,—замѣтилъ Монфанонъ,—съ этимъ можно столковаться. Я даже радъ буду повидать его, чтобы высказать мой взглядъ на аукціонную продажу его дворца, чего онъ отнюдь не долженъ былъ допускать... А другой?

— Другой?—вступился Дорсенъ.—Приготовьтесь къ солидному удару... Клянусь, я не зналъ его имени, когда поѣхалъ за вами къ катакомбамъ... Это... надо же, однако, сказать... это баронъ Гафнеръ.

— Баронъ Гафнеръ!—воскликнулъ Монфанонъ. — Болеславъ Горка, потомокъ графовъ Горка, славнаго Луки Горки, который былъ палатиномъ Познани и епископомъ Куявскимъ, взялъ въ секунданты Юстуса Гафнера, вора и грабителя, судившагося за мошенничества! Нѣтъ, Дорсенъ, повѣрить этому нельзя, невозможно это...—и съ задорнымъ видомъ онъ продолжалъ: — Мы не допустимъ его, вотъ и все, не допустимъ, какъ человѣка, не пользующагося уваженіемъ. За это уже я берусь и берусь отчитать, что слѣдуетъ, вашему Болеславу. И натѣшимся мы вдоволь, ручаюсь вамъ за то...

— Этого вы не сдѣлаете,—горячо заговорилъ Дорсенъ.—Начать съ того, что только законъ можетъ лишить человѣка права на уваженіе, то-есть опозорить его... Не такъ ли? А Гафнеръ былъ оправданъ и его противники приговорены къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Сами вы говорили мнѣ объ этомъ три дня назадъ. А за тѣмъ, вы забываете нашъ послѣдній разговоръ...

— Простите,—перебилъ его въ свою очередь Флоранъ.—Господинъ маркизъ де-Монфанонъ своимъ согласіемъ быть моимъ секундантомъ оказалъ мнѣ величайшую честь, и этого я никогда не забуду. Если бы это повело за собою что-нибудь, малѣйше непріят-

ное для него, я былъ бы въ отчаяніи и счелъ бы своею обязанностью возвратить ему его слово...

— Нѣтъ,—сказалъ маркизъ, послѣ новаго молчанія,—слова я назадъ не беру.—Онъ былъ необыкновенно великодушенъ, когда дѣло не касалось двухъ или трехъ пунктиковъ его маніи, и поразительно отзывчивъ на малѣйшую деликатность. Онъ опять протянулъ руку Шапрону и заговорилъ тономъ, рѣзкость котораго выдавала сдерживаемое только раздраженіе:—Не наше, впрочемъ, это дѣло, если господинъ Горка счелъ для себя удобнымъ въ вопросѣ чести обратиться къ посредничеству человѣка, которому не долженъ былъ бы и руки подавать. И такъ, вы сообщите наши имена этимъ двумъ господамъ, и мы съ Дорсеномъ будетъ ожидать ихъ, какъ это водится, по правиламъ. Они должны къ намъ пріѣхать, такъ какъ они представители оскорбленнаго...

— Они уже условились относительно свиданія сегодня вечеромъ,—отвѣтилъ Шапронъ.

— Что такое? Условились? Съ кѣмъ? За кого условились?—воскликнулъ Монфанонъ въ новомъ припадкѣ гнѣва.—Съ вами?... За насъ?... Ахъ, какъ не люблю я этого по-просту, да какъ-нибудь, когда дѣло идетъ о предметѣ очень важномъ! На этотъ счетъ кодексъ безусловно точенъ. Разъ вызовъ переданъ, вамъ, господинъ Шапронъ, слѣдовало на него отвѣтить да или нѣтъ, а эти господа обязаны были удалиться и тотчасъ же... Вина въ томъ не ваша, виноватъ Ардеа, что допустилъ этого стряпальщика фальшивыхъ дивидендовъ раздѣлывать здѣсь свои интриганскія штуки, по-биржевому... Ну, а мы исправимъ все это по-своему, на надлежащій ладъ, на французскій. Позвольте-ка узнать, что это за свиданіе?

— Я прочту вамъ записку, оставленную барономъ на мое имя у Флорана,—сказалъ Дорсенъ и прочелъ очень вѣжливое письмо Гафнера, извиняющагося въ томъ, что избираетъ свой собственный домъ мѣстомъ для переговоровъ четырехъ секундантовъ.—Нельзя же, однако, оставить безъ отвѣта настолько приличное письмо?—обратился романистъ къ Монфанону.

— Много слишкомъ любезностей и комплиментовъ,—сердито проговорилъ маркизъ. — Садитесь сюда, — и онъ уступилъ свое кресло Флорану,—сообщите имъ наши фамиліи и наши адресы и прибавьте, что мы ихъ ожидаемъ, о ихъ первомъ отступленіи отъ правилъ не упоминайте совсѣмъ. Ну, а повторять такія штуки я бы имъ не совѣтовалъ!... А вамъ, Дорсенъ, такъ какъ вы не хотите обидѣть этого господина, вамъ я не мѣшаю ѣхать къ нему, какъ

къ вашему знакомому,— понимаете меня?—и предупредить, что господинъ Шапронъ избралъ своимъ первымъ секундантомъ кутилу, стараго дуэлиста, все, что хотите, но требующаго строгаго соблюденія всѣхъ формальностей и, прежде всего, обращенія отъ имени ихъ обоихъ, по всѣмъ правиламъ, къ намъ обоимъ относительно назначенія мѣста для оффиціальныхъ переговоровъ...

— Что я вамъ говорилъ?—обратился Дорсенъ къ Флорану, когда они сходили съ лѣстницы, распрощавшись съ Монфанономъ.—Другимъ человѣкомъ сталъ, какъ вы только назвали барона... Такіе пойдутъ между ними переговоры, что хоть за деньги пускай послушать... Лишь бы не перепуталъ онъ всего съ полоумныхъ-то глазъ. Честное слово даю, если бы могъ я только предвидѣть, кого выберетъ Горка, никогда не предложилъ бы вамъ этого воина лиги, какъ я его называю.

— А я, съ своей стороны, — отвѣтилъ Шапронъ, смѣясь, — даже въ томъ случаѣ, если бы маркизъ де-Монфанонъ поставилъ меня стрѣляться въ пяти шагахъ и съ прицѣла, все-таки, благодарилъ бы васъ за возобновленіе съ нимъ знакомства. Это совсѣмъ цѣльный человѣкъ, такой же, какъ мой покойный отецъ, какъ Майтлэндъ. Такихъ людей я обожаю!

«Такъ, стало быть, и нѣтъ возможности имѣть одновременно доброе сердце и добрую голову?»—разсуждалъ самъ съ собою Жюльенъ, направляясь къ палаццо Саворелли, гдѣ жилъ Гафнеръ, и вспоминая, съ одной стороны, озлобленіе маркиза, съ другой—иллюзіи Флорана относительно эгоиста Майтлэнда. Писателя вновь охватили всѣ его прежнія опасенія и даже значительно усилившіяся, такъ какъ хорошо извѣстно ему было, насколько раздражителенъ Монфанонъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а такой-то, именно, случай, способный наиболѣе задѣть его за живое, представляло вынужденное объясненіе съ секундантами Горки.—Теперь остается одна надежда на самого Гефнера. Если этотъ опасный плутъ согласился принять на себя обязанность совершенно несовмѣстную ни съ его вкусами, ни съ его положеніемъ и привычками, ни, пожалуй, даже съ его лѣтами, то сдѣлалъ это, вѣроятно, по уговору съ своимъ будущимъ зятемъ и для того, чтобы все уладить. Весьма возможно, что въ данную минуту уже рѣшенъ и вопросъ о женитьбѣ Ардеа... Надѣюсь, впрочемъ, что нѣтъ. Маркиза это взбѣситъ до того, что онъ потребуетъ дуэли черезъ платокъ!»

Романистъ, самъ того не подозрѣвая, угадалъ, какъ нельзя лучше. Случаю, точно забавляющемуся порой нагораживаніемъ однихъ событій на другія, было угодно, чтобы Ардеа получилъ за-

писку отъ мадамъ Стено въ ту самую минуту, когда обсуждалъ съ Горкой вопросъ о выборѣ другого секунданта, самъ крайне недовольный тяжелыми хлопотами, которыя принять на себя, однако же, согласился. Записка графини состояла изъ слѣдующихъ немногихъ словъ: «Предложеніе за васъ сдѣлано. Отвѣтъ: да. Я первая хочу васъ обнять, симпатиконе». Ему тотчасъ же пришла въ голову геніальная мысль заставить своего будущаго тестя уладить дѣло, которое онъ считалъ нелѣпымъ, безполезнымъ и опаснымъ. Торопливая готовность Горки обратиться къ Гафнеру обусловливалась, какъ то сообразили тотчасъ же Дорсенъ и Флоранъ, желаніемъ, чтобы его вѣроломная любовница была немедленно извѣщена обо всѣмъ. Что же касается барона, то и онъ согласился,—о, иронія совпаденій!—проговоривши князю Ардеа почти тѣ самыя фразы, которыя были сказаны Монфанономъ Дорсену.

— Мы составимъ заранѣе протоколъ примиренія, и если дѣло на этомъ не уладится, мы откажемся...

Такими словами закончился достопамятный разговоръ, поистинѣ достойный той *combinazione*, результатомъ которой являлось замужство насчастной Фанни. Рѣчь тутъ шла не столько о самомъ бракѣ, сколько объ услугѣ, которую надо оказать запутавшейся въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ знатной дамѣ, руководившей этимъ постыднымъ торгомъ. Нужно ли добавлять, что ни Ардеа, ни его будущій тесть не сдѣлали ни тѣни намека на подлинную подкладку всей этой исторіи? Быть можетъ, во всякое иное время врожденная осторожность барона и его до мелочности доходящая забота о томъ, чтобы никогда и ничѣмъ не компрометироваться, предостерегли бы его отъ вмѣшательства въ сопряженныя съ большими непріятностями приключенія покинутаго и озвѣрѣвшаго любовника. Но восторгъ отъ того, что его дочь сдѣлается римскою княгиней, да еще съ какимъ именемъ, совсѣмъ вскружилъ ему голову. Онъ имѣлъ, впрочемъ, благоразуміе сказать легкомысленному Ардеа:

— Мадамъ Стено не должна ничего знать, по крайней мѣрѣ, до новаго распоряженія. Не то она непремѣнно извѣститъ графиню Горка, и Богъ знаетъ, что та способна надѣлать...

Въ дѣйствительности же и про себя, оба они отлично понимали что надо всѣми способами скрыть это отъ Майтлэнда. Все ихъ время послѣ завтрака ушло на посѣщеніе Флорана и на разсылку цѣлой кучи телеграммъ, извѣщающихъ о помолвкѣ красавицы Фанни тѣмъ болѣе счастливой, что кардиналъ Гверильо, по первому ея слову, обѣщалъ самъ совершать богослуженіе во время ея крещенія. Видя дочь настолько довольною, баронъ себя уже не помнилъ

отъ радости. Этотъ странный человѣкъ очень любилъ дочь, но отчасти такъ, какъ любитъ коннозаводчикъ лошадь, выигравшую ему главный призъ. И такая любовь не менѣе искренна, чѣмъ всякая другая. И вотъ почему Дорсенъ, пріѣхавшій съ письмомъ Шапрона и съ словеснымъ порученіемъ Монфанона, былъ встрѣченъ такъ необыкновенно любезно и предупредительно, что догадался тотчасъ же объ исходѣ матримоніальной интриги, про которую говорила ему Альба.

— Все, что будетъ угодно вашему другу, дорогой мой маэстро... Такъ, вѣдь, Пеппино?—говорилъ баронъ, садясь къ столу.— Хотите продиктовать письмо, Дорсенъ? Нѣтъ... Смотрите, такъ будетъ хорошо?... Вы сейчасъ поймете, съ какими чувствами мы приняли на себя эту обязанность, когда узнаете, что Фанни помолвлена съ княземъ Ардеа, состоящимъ здѣсь налицо... Рѣшено дѣло три часа назадъ, и вы первый узнаете объ этомъ. Такъ, вѣдь, Пеппино?—разослано было уже не менѣе трехсотъ телеграммъ.—Пріѣзжайте съ маркизомъ когда вамъ угодно. Прошу только, въ виду происшедшаго, пожаловать сюда, если возможно, между шестью и семью часами или между девятью и десятью, чтобы не испортить нашего маленькаго семейнаго обѣда.

— Остановимся на девяти,— сказалъ Дорсенъ.— Господинъ де-Монфанонъ немного формалистъ. Онъ захочетъ отвѣтить вамъ письмомъ.

— Князь Ардеа женится на медемуазель Гафнеръ! — этотъ крикъ, вырвавшійся у Монфанона при извѣстіи, сообщенномъ Жюльеномъ, прозвучалъ настолько болѣзненно, что молодой человѣкъ не подумалъ даже улыбнуться. Онъ счелъ нужнымъ предупредить своего слишкомъ раздражительнаго друга изъ боязни, какъ бы баронъ не заговорилъ о своемъ великомъ событіи при свиданіи съ ними и какъ бы маркизъ не вышелъ изъ себя.—Не я ли вамъ говорилъ, что обращеніе въ католичество этой дѣвицы не болѣе, какъ комедія? То же самое говорилъ я и монсиньору Гверильо! Вотъ куда она мѣтила, вотъ чего добивалась годами съ неподражаемымъ лицемѣріемъ! Ей нуженъ былъ дворецъ Кастанья. И она войдетъ › него хозяйкой. Она внесетъ туда съ собою весь позоръ награбеннаго золота, забрызганнаго кровью... Предупредите ихъ, чтобы е смѣли заикаться при мнѣ объ этомъ, не то я за себя не ручаюсь... Секундантъ Горки, тесть князя Ардеа, онъ торжествуетъ, тотъ воръ, которому мѣсто въ исправительной тюрьмѣ, если бы ъ Австріи были судьи!... Но позвольте. Всѣ остальные римскіе язья, гербы которыхъ не запятнаны, всѣ Орсини, Колонна, Оде-

скальки, Боргезе, Роспильози, неужели они не воспротивятся такой чудовищности?... Къ счастью, честь имени то же, что любовь: покупающіе эти святыни оскверняютъ ихъ своею платой, и купленное ими превращается въ негодную грязь... Княгиня Ардеа! Эта тварь!... О, какой позоръ!... Надо подумать, однако, о нашихъ обязательствахъ относительно добраго Шапрона. Мнѣ нравится этотъ молодой человѣкъ уже потому, что, по всей вѣроятности, дерется онъ за кого-нибудь другого, по чувству преданности, котораго я не понимаю. Тѣмъ не менѣе, это, все-таки, самопожертвованіе и это рыцарство... Онъ хотѣлъ помѣшать несчастному Горкѣ сдѣлать скандалъ, который вызвалъ бы подозрѣнія его сестры... И, кромѣ того, какъ я уже сказалъ ему, онъ чтитъ усопшихъ... Нѣтъ, я рѣшительно самъ не свой,—такъ поразила меня эта новость. Княгиня Ардеа!... Напишите вы этому Гафнеру, что мы будемъ у него въ девять часовъ. Не хочу я пускать сюда этихъ людей. Съѣхаться у васъ было бы не согласно съ правилами,—вы слишкомъ молоды. И, наконецъ, я предпочитаю ѣхать къ тестю, чѣмъ быть у зятя. Тотъ негодяй дѣлаетъ свое дѣло, покупая на краденые милліоны то, что онъ покупаетъ. А этотъ?... И будь его прапрадѣдомъ Сикстъ V, Юлій II, Пій V, Гильдебрандъ, онъ все продалъ бы такъ же точно!... И съ его стороны не можетъ быть заблужденія. Онъ знаетъ о процессѣ этого человѣка, знаетъ, откуда взялись его милліоны. Должны же были они говорить о своихъ родныхъ, о своей прежней жизни. И послѣ этого ему ни почемъ получить золото такого проходимца. Не понимаетъ онъ, стало быть, что такое имя?... Наше имя! Да, вѣдь, это мы сами, наша честь въ устахъ и въ мысляхъ другихъ людей! Какъ счастливъ я, Дорсенъ, что полтора мѣсяца назадъ мнѣ минуло пятьдесятъ два года! Меня не будетъ на свѣтѣ, прежде чѣмъ случится то, что вы увидите,—агонію всѣхъ аристократій и всѣхъ королевствъ. И если бы пали они въ крови,—нѣтъ, они не падаютъ, они въ грязи валяются, что̀ горше всего горькаго... Но пустое все это, пустое! Монархія, дворянство и церковь вѣчны. Народы, ихъ не признающіе, умрутъ, и только... Да, пишите письмо, я подпишу его. Отправьте туда и пообѣдайте со мной. Въ ихъ притонъ надо идти, запасшись аргументаціей, которая отклонила бы дуэль съ соблюденіемъ полнаго достоинства нашего кліента... Ему надо такой найти выходъ, отъ котораго я самъ не отказался бы. Нравится онъ мнѣ, повторяю вамъ еще разъ,—съ нимъ я отъ тѣхъ отдыхаю.

Эта экзальтація, начинавшая пугать Дорсена, усилилась еще во время обѣда. Къ тому же, при обсужденіи возможности уладить

дѣло, чего хотѣлъ добиться маркизъ, цѣлымъ потокомъ набѣгали воспоминанія бурной молодости въ умѣ и въ рѣчахъ стараго дуэлиста. Совершенно инымъ сталъ этотъ человѣкъ, повторявшій лишь нѣсколько часовъ назадъ стихи священныхъ пѣснопѣній въ катакомбахъ. Стоило только разбудить въ немъ феодала, чтобъ онъ весь преобразился. А блескъ его глазъ и разгорѣвшійся румянецъ ясно показывали, что исторія съ дуэлью, въ которой онъ принялъ участіе вполнѣ искренно, изъ человѣколюбія, опьяняла теперь его самого. Она расшевелила стараго любителя, мастера-бойца, далеко непокладистаго, въ вѣрующемъ человѣкѣ съ пламенными страстями, любившаго всякія волненія, въ томъ числѣ и рискъ жизнью, и обнаженныя шпаги, какъ любилъ онъ теперь свои идеи, свое знамя,—съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ. Не было уже помина ни о трехъ несчастныхъ женщинахъ, подозрѣнія которыхъ необходимо предупредить, ни о добромъ дѣлѣ, котораго не слѣдуетъ пропускать. Онъ видѣлъ опять своихъ прежнихъ друзей и ихъ мастерство бреттеровъ, картоны одного и излюбленные прямые удары другого. А затѣмъ всѣ анекдоты, далеко не мирнаго свойства, прерывались однимъ и тѣмъ же припѣвомъ:

— Но за коимъ чортомъ взялъ Горка въ секунданты Гафнера? Это до того унизительно, что понять даже невозможно...

Такъ дѣло шло до тѣхъ поръ, когда они сѣли въ экипажъ, чтобы ѣхать на совѣщаніе, и Дорсенъ сказалъ кучеру:

— Палаццо Саворелли.

— Этого только недоставало!—воскликнулъ маркизъ, поднимая руку и сжимая кулакъ.—Мошенникъ живетъ въ домѣ претендента, въ домѣ Стюартовъ... Въ домѣ Стюартовъ!—повторилъ онъ еще разъ и смолкъ, что̀ показалось Дорсену еще болѣе зловѣщимъ признакомъ, чѣмъ всѣ только что слышанныя имъ возбужденныя рѣчи. А потомъ онъ уже рта не открывалъ до тѣхъ поръ, пока они не вошли въ салонъ бывшаго старьевщика, превратившагося въ важную особу, вѣрнѣе же сказать, вошли они въ одинъ изъ салоновъ, такъ какъ было ихъ пять въ квартирѣ. Тутъ Монфанонъ началъ все кругомъ осматривать съ выраженіемъ на лицѣ такого отвращенія и злости, что Дорсенъ, несмотря на свое безпокойство, не могъ удержаться отъ смѣха и поддразнилъ спутника, говоря:

— Надѣюсь, не скажете, что нѣтъ здѣсь прекрасныхъ вещей? Эти двѣ картины Морони *), напримѣръ?

---

*) Морони, иначе называемый *il Morone* (*Giov. Battista*), по преимуществу портретистъ, род. въ Альбино, пров. Бергамо въ 1510 г., ум. въ 1578 г., художникъ венеціанской школы, ученикъ Буонвичино, прозваннаго Моретто.

— Все не на своемъ мѣстѣ,—отвѣтилъ Монфанонъ.—Да, это два великолѣпныхъ портрета предковъ, а у этого милостиваго государя никакихъ предковъ нѣтъ! Тутъ въ витринѣ оружіе, а онъ къ шпагѣ не прикасался! Вотъ шитое изображеніе чудеснаго насыщенія пятью хлѣбами... Это уже прямо дерзость!... Вы не повѣрите, Дорсенъ, а мнѣ физически больно быть здѣсь. Меня терзаетъ мысль, сколько человѣческаго труда, сколько души человѣческой вложено во всѣ эти предметы, и все для того, чтобы попали они въ домъ мерзости и за какую плату? Кому принадлежитъ это? Закройте глаза и припомните Шрёдера и другихъ, не извѣстныхъ вамъ. Представьте себѣ несчастныя конуры жертвъ, у которыхъ нѣтъ ни мебели, ни дровъ, ни хлѣба, и потомъ откройте глаза и взгляните...

— А вы, мой уважаемый другъ, — возразилъ романистъ,— умоляю васъ, вспомните нашъ разговоръ въ катакомбахъ, вспомните трехъ женщинъ, ради которыхъ я просилъ васъ не отказать Шапрону...

— Благодарю васъ,—сказалъ Монфанонъ и провелъ рукою по лбу,—обѣщаю вамъ быть спокойнымъ...

Едва успѣлъ онъ это выговорить, какъ отворилась дверь слѣдующей комнаты, тоже освѣщенной, гдѣ, судя по доносившемуся говору, было нѣсколько человѣкъ, и, навѣрное, мадамъ Стено и Альба въ ихъ числѣ,—подумалъ Жюльенъ. Вошелъ баронъ въ сопровожденіи Пеппино Ардеа. Во время обычныхъ представленій Дорсена поразилъ контрастъ между этими тремя лицами. Гафнеръ и Ардеа, въ вечернихъ фракахъ, съ цвѣтами въ петлицахъ, имѣли открытый и счастливый видъ благополучныхъ обывателей, у которыхъ нѣтъ ни пятнышка на совѣсти. Обычно тусклый цвѣтъ лица капиталиста былъ оживленъ, рѣзкій его взглядъ разнѣженъ. Что же касается князя, то на его веселомъ лицѣ свѣтилась все та же удивительная беззаботность балованнаго ребенка, тогда какъ стараго героя, въ толстыхъ сапогахъ, въ немного потертомъ сюртукѣ, по его искаженному лицу, можно было принять за человѣка, истерзаннаго сознаніемъ совершонныхъ злодѣяній. Проворовавшійся управляющій, призванный дать отчетъ великодушнымъ и довѣрчивымъ господамъ, не можетъ имѣть болѣе мрачнаго и тяжело озабоченнаго вида. Свою единственную руку онъ заложилъ за спину такимъ рѣзкимъ движеніемъ, что двое вошедшихъ не рѣшились протянуть ему свои руки. Появленіе такого посѣтителя, видимо, не соотвѣтствовало тому, чего ожидали отецъ и женихъ Фанни, такъ какъ съ минуту длилось молчаніе послѣ того, какъ сѣли всѣ чет-

еро. Баронъ заговорилъ первый солиднымъ, размѣреннымъ голоомъ, отпускающимъ слова такъ, какъ мѣняла-ростовщикъ взвѣиваетъ червонцы, боясь ошибиться на миллиграммъ.

— Господа, я думаю, что въ полномъ соотвѣтствіи съ чувствами, намъ общими, будетъ установить, прежде всего, одно положеіе, которое должно стать руководящимъ при нашемъ совѣщаніи... ы собрались здѣсь за тѣмъ, разумѣется, чтобы устроить примиеніе между двумя господами, двумя джентльменами, которыхъ мы наемъ, которыхъ уважаемъ,—скажу лучше, которыхъ мы любимъ инаково...—Говоря это, баронъ поочередно обратился къ своимъ ремъ собесѣдникамъ. Двое отвѣтили поклонами, маркизъ не шеельнулся. Гафнеръ немного помолчалъ и посмотрѣлъ на стараго ворянина взглядомъ, привыкшимъ въ глубинѣ души разгадыать, за сколько можно кого купить. Онъ рѣшилъ, что первый секундантъ Шапрона выдумщикъ всякихъ затрудненій, и продолалъ:—Установивши это, я попрошу позволенія прочесть вамъ тъ эту маленькую бумажку,—онъ вынулъ изъ кармана вчетверо оженный листъ и, насаживая на конецъ носа знаменитый золотой рнетъ, говорилъ еще:—Это весьма неважная бумага, одинъ изъ хъ *директивовъ*, какъ говорилъ графъ фонъ-Мольтке, которые ужатъ указателями при операціяхъ, проектъ протокола, который ы можемъ измѣнить послѣ обсужденія... Словомъ, это первая прирожная вѣха, дабы мы не пустились въ пустое пространство.

— Извините, милостивый государь, — прервалъ Монфанонъ, ще сильнѣе нахмурившій свои нависшія брови при напоминаніи о аменитомъ фельдмаршалѣ, и жестомъ остановилъ чтеца, который ъ удивленія уронилъ свой лорнетъ на столъ.—Съ большимъ сожаѣніемъ я вынужденъ вамъ сказать, что мы рѣшительно не можемъ опустить, г. Дорсенъ и я,—онъ обратился къ романисту, отвѣчавему неопредѣленнымъ движеніемъ крайне недовольнаго человѣа,—не можемъ допустить, повторяю я, той точки зрѣнія, на кавую вы становитесь... Вы полагаете, будто мы здѣсь за тѣмъ, чтоы устраивать примиреніе... Почему бы и не такъ?... Согласенъ, то это весьма желательно... Но того, что будетъ, я не знаю, и, озвольте вамъ сказать, вы тоже не знаете. Я здѣсь, мы здѣсь, . Дорсенъ и я,—и онъ еще разъ обратился къ Жюльену, повтоившему свое неопредѣленное движеніе,—чтобы выслушать претензіи, которыя графъ Горка поручилъ вамъ изложить представиелямъ г. Флорана Шапрона. Изложите претензіи, и мы ихъ обсуимъ. Сообщите намъ, какого вы желаете удовлетворенія отъ имени ашего клiента, и это мы обсудимъ. Маленькія бумажки придутъ

потомъ, если до нихъ дойдетъ дѣло, и, еще разъ, ни вы, ни мы не знаемъ, чѣмъ кончится нашъ разговоръ, и знать не должны, прежде чѣмъ не будутъ установлены факты.

— Тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе,—сказалъ Ардеа, немного раздраженный рѣчью Монфанона. Онъ такъ же, какъ и Гафнеръ, понять не могъ очень простого, но и очень страннаго характера маркиза, и прибавилъ:—Мнѣ пришлось не разъ принимать участіе въ подобныхъ дѣлахъ, четыре раза въ качествѣ секунданта, одинъ разъ—иначе, и я видѣлъ, что безъ споровъ примѣнялось то, что предлагаетъ баронъ Гафнеръ и что, само по себѣ, есть не болѣе, какъ ускоренное, быть можетъ, средство для желательнаго, по безукоризненно правильному выраженію вашему, установленія фактовъ.

— Мнѣ неизвѣстно было число вашихъ дуэлей, мосьё,—возразилъ Монфанонъ, становившійся еще болѣе нервнымъ съ того момента, какъ вмѣшался въ разговоръ будущій зять Гафнера,—но такъ какъ вамъ угодно было сообщить его намъ, то и я позволю себѣ сказать, что я дрался семь разъ и секундантомъ былъ разъ пятнадцать... Было это, правда, въ тѣ времена, когда главою вашего дома былъ вашъ отецъ, если мнѣ не измѣняетъ память, покойный князь Урбанъ, котораго я имѣлъ честь знать при его святѣйшествѣ, служа самъ въ зуавахъ. То былъ достойный представитель римскаго дворянства, и онъ гордо носилъ свое имя, мосьё... Говорю я вамъ это лишь въ доказательство того, что имѣю то же нѣкоторый опытъ по части дуэлей. И вотъ, мы всегда полагали, что нужны секунданты для улаживанія дѣлъ, подлежащихъ улаживанію, и также для правильнаго направленія, какъ то приличествуетъ, дѣлъ неулаживаемыхъ... А потому разсмотримъ дѣло,—за этимъ мы здѣсь и только за этимъ.

— Вы, господа, того же мнѣнія?—спросилъ Гафнеръ примирительнымъ тономъ, обмѣнявшись движеніями головы сперва съ Дорсеномъ, потомъ съ Ардеа.—Я отнюдь не настаиваю на моемъ предложеніи.—Онъ сложилъ свою бумагу и сунулъ ее въ карманъ жилета.—Установимъ же факты, какъ вы говорите. Графъ Горка, нашъ другъ, считаетъ себя оскорбленнымъ, тяжело оскорбленнымъ господиномъ Флораномъ Шапрономъ во время спора въ публичномъ мѣстѣ. Г. Шапронъ разгорячился, какъ вамъ извѣстно, господа, до того... какъ бы это сказать?... до рѣзкаго движенія, не имѣвшаго дальнѣйшихъ послѣдствій, благодаря присутствія духа г. Горки... Какъ бы то ни было, исполненная или нѣтъ, угроза налицо. Г. Горка былъ оскорбленъ и требуетъ удовлетворенія... Полагаю, что

сомнѣнія быть не можетъ относительно этого исходнаго положенія, которое и есть начало дѣла или, вѣрнѣе, само все дѣло...

— Еще разъ прошу извинить,—сухо отвѣтилъ Монфанонъ, не стараясь даже скрывать своего дурного расположенія духа,—г. Дорсенъ и я, мы опять не можемъ принять предлагаемой вами постановки вопроса. Вы полагаете, что рѣзкость г. Шапрона не имѣла послѣдствій потому, что г. Горка сохранилъ присутствіе духа. Мы же считаемъ, что со стороны г. Шапрона было сдѣлано движеніе, но что онъ тотчасъ же овладѣлъ собою. Изъ этого слѣдуетъ, что, по вашему мнѣнію, графъ Горка является въ качествѣ оскорбленнаго, тогда какъ до сихъ поръ его должно почитать лишь спрашивающимъ. А это очень большая разница.

— Но, вѣдь, онъ же, несомнѣнно, оскорбленный,—прервалъ Ардеа.—Остановленное, нѣтъ ли, простое движеніе есть уже угроза дѣйствіемъ. Я не думалъ выдавать себя за бреттера, припомнивши мою единственную дуэль... Но азбука *Codice cavalleresco* *) гласитъ: если за оскорбленіемъ словами послѣдовало дѣйствіе, то получившій ударъ есть оскорбленный, угроза же дѣйствіемъ равносильна дѣйствію. А затѣмъ оскорбленный дѣйствіемъ имѣетъ право избрать родъ дуэли, оружіе и условія... Справьтесь съ вашими авторами и съ нашими, съ Шатовильяромъ, съ Дю-Верже, Анжелини и Желли, у всѣхъ одно...

— Скорблю за нихъ,—сказалъ Монфанонъ и взглянулъ на князя съ угрожающимъ почти выраженіемъ,—ибо такое мнѣніе не выдерживаетъ критики ни вообще, ни въ частномъ случаѣ. Доказательство, что бреттеру, какъ вы сказали,—его голосъ дрожалъ, оттѣняя умышленную дерзость князя,—*бравд*, говоря языкомъ вашей родины, достаточно было бы для совершенія легальнаго убійства оскорбить отвратительными словами того, кого онъ желаетъ ухлопать. Оскорбленный отвѣчаетъ непроизвольнымъ и сдержаннымъ движеніемъ, относительно значенія котораго можно ошибиться, и вы признаете, что *бравд* есть обиженный, предоставляете ему выборъ оружія?...

— Но позвольте, господинъ маркизъ,—заговорилъ опять Гафнеръ съ видимымъ сокрушеніемъ, такъ какъ всѣ пререканія и несговорчивость стараго дворянина истомили его склонность къ мирнымъ

*) То же, что во Франціи *Code du duéliste*—кодексъ дуэлиста, собраніе правилъ, освященныхъ обычаемъ, относительно всѣхъ подробностей, касающихся такъ называемыхъ „дѣлъ чести“. Такихъ кодексовъ имѣется нѣсколько на франц. и на итальянскомъ языкахъ.

и легкимъ облаживаніямъ дѣлъ,—къ чему вы все это клоните? Неужели вы думаете, что такими придирками...

— Придирками!...—почти крикнулъ Монфанонъ, приподнимаясь съ мѣста.

— Монфанонъ!...—воскликнулъ Дорсенъ умоляющимъ голосомъ, вставая и чуть не насильно усаживая этого ужаснаго человѣка.

— Я беру слово назадъ,—сказалъ баронъ,—если оно васъ затронуло... Повѣрьте, у меня и въ мысляхъ не было... Повторяю, прошу извинить меня, господинъ маркизъ... Но, позвольте, скажите, что же угодно вамъ для вашего кліента,—такъ, просто скажите... А затѣмъ мы, съ своей стороны, сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы согласить ваши требованія съ требованіями нашего кліента... Нужно подвести маленькій балансъ...

— Нѣтъ, мосьё,—возразилъ Монфанонъ высокомѣрно-строго,—нужно правосудіе. А это, опять-таки, очень большая разница. Угодно же намъ, г. Дорсену и мнѣ,—продолжалъ онъ рѣзкимъ голосомъ,—вотъ что: графъ Горка тяжело оскорбилъ господина Шапрона... Позвольте мнѣ кончить,—настаивалъ онъ, видя одновременное движеніе Ардеа и Гафнера.—Да, господа, надо, чтобы оскорбленіе было тяжелое, для того, чтобы г. Шапронъ, извѣстный всѣмъ намъ своею отличнѣйшею вѣжливостью, позволилъ себѣ сдѣлать малѣйшее непринятое въ обществѣ движеніе, о которомъ было говорено. Затѣмъ, между этими господами было условлено, по особымъ мотивамъ, которые мы обязаны принять въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ переданы, было условлено, говорю я, что сущность оскорбленія, нанесеннаго господиномъ Горкой господину Шапрону, не будетъ открыта. Но мы имѣемъ право и, добавлю я, мы обязаны измѣрять тяжесть оскорбленія силою необычнаго раздраженія, вызваннаго имъ со стороны господина Шапрона... Изъ этого я заключаю, что протоколъ соглашенія, если мы таковой составимъ, долженъ заключать въ себѣ, въ видахъ справедливости, обоюдныя уступки. Графъ Горка заявитъ, что беретъ свои слова назадъ, а г. Шапронъ выразитъ сожалѣніе о томъ, что увлекся...

— Но это невозможно,—воскликнулъ князь,—никогда Горка не согласится на это!

— Вы хотите заставить ихъ непремѣнно драться?—простоналъ Гафнеръ.

— А почему бы и не такъ?—сказалъ выведенный изъ терпѣнія Монфанонъ.—Все же будетъ это лучше, чѣмъ одному оставаться при оскорбленіи словами, а другому при ударѣ палкой...

— И такъ, господа,—заговорилъ баронъ, поднимаясь съ мѣста спустя минуту молчанія, послѣдовавшаго за этою неосторожною выходкой потерявшаго самообладаніе человѣка,—мы поговоримъ еще разъ съ нашимъ кліентомъ. Если угодно будетъ, мы возобновимъ нашъ разговоръ завтра въ десять часовъ утра, напримѣръ, здѣсь или гдѣ вы найдете для себя удобнымъ... Насъ вы, надѣюсь, извините, господинъ маркизъ. Дорсенъ передалъ вамъ, вѣроятно, исключительность обстоятельствъ...

— Да, онъ говорилъ,—оборвалъ Монфанонъ и опять посмотрѣлъ на князя такимъ грустнымъ взглядомъ, что тотъ почувствовалъ, какъ краска выступаетъ на его лицѣ, разсердиться же на этотъ странный взглядъ не было никакой возможности. Дорсенъ поспѣшилъ предупредить всякія дальнѣйшія объясненія, обратившись къ Юстусу Гафнеру:

— Не угодно ли съѣхаться у меня? Мы будемъ имѣть больше шансовъ избѣжать лишнихъ комментаріевъ...

— Вы хорошо сдѣлали, что перемѣнили мѣсто,—говорилъ Монфанонъ пять минутъ спустя, садясь въ экипажъ своего молодого друга. Съ лѣстницы они сходили молча. Высоко-честный, но мало сдержанный маркизъ глубоко сожалѣлъ теперь о своемъ странномъ, вызывающемъ тонѣ.—Что же тутъ сдѣлаешь?—прибавилъ онъ.—Этотъ оскверненный дворецъ, наглая роскошь этого мошенника, князь этотъ, продающій свое имя, баронъ съ его мрачнымъ прошлымъ... Я рѣшительно собою не владѣлъ! Въ особенности, баронъ съ его *директивами!* Какъ разъ въ пору, будучи нѣмцемъ, цитировать словечки господина де-Мольтке французскому солдату, дравшемуся въ 70 году. А его «подвести балансъ», эта биржевая терминологія, примѣняемая къ дѣламъ чести, а его отвратительная вѣжливость, смѣсь подобострастія и нахальства!... Какъ бы то ни было, недоволенъ я собою, всѣмъ я недоволенъ...

Въ его голосѣ было столько добродушія, слышалось столько раскаянія въ томъ, что онъ не совладѣлъ съ собою въ такомъ важномъ дѣлѣ, что Дорсенъ, вмѣсто упрековъ, пожалъ ему руку и сказалъ:

— Ничего, до завтра... Все уладимъ,—это не больше, какъ отсрочка...

— Вы говорите это, чтобы меня утѣшить, — сказалъ маркизъ,—но этого рода дѣла я уже знаю... плохо идетъ, очень плохо... по моей винѣ! Быть можетъ, намъ не придется оказать иной услуги нашему доброму Шапрону, какъ только устроить ему дуэль на не особенно опасныхъ условіяхъ... Ахъ, какъ не во-время вы-

шелъ я изъ себя! Но, вѣдь, и Горка же... какъ могъ онъ выбрать подобнаго секунданта? Просто непостижимо!... Обратили вы вниманіе на кабалистическое словечко *джентельмены*, что для этого молодца имѣетъ такой смыслъ: воруйте, предательствуйте, рѣжьте, но имѣйте экипажи съ щегольскою запряжкой, дома съ изящною обстановкой, хорошо сервированные обѣды и умѣйте держать себя!... Нѣтъ, слишкомъ я страдалъ! О, не хорошо это, и въ такой день еще... Боже мой! Какъ не легко умираетъ въ человѣкѣ его прошлое!—договорилъ онъ такъ тихо, что его спутникъ не расслышалъ.

М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Художнику.

Не торопись на югъ счастливый,
Подъ бирюзовый небосводъ,
Когда страдаетъ терпѣливый,
Судьбой обиженный народъ.

Ты говоришь: подъ южнымъ небомъ
Я не увижу предъ собой
Руки, протянутой за хлѣбомъ
Передъ крестьянскою избой,

Полей, сожженныхъ лѣтнимъ зноемъ,
Полуизсохшихъ рѣкъ, озеръ,
Толпу дѣтей съ докучнымъ воемъ,
Просящій хлѣба жадный взоръ...

Подъ шумъ волны неторопливой,
Вдали отъ бурь и непогодъ,
Забуду я про терпѣливый,
Судьбой обиженный народъ.

Меня святое вдохновенье
Не осѣняло ужь давно,
И югъ, и море, и движенье
Я передамъ на полотно...

О погоди!... Хоть юга небо
И вдохновитъ тебя на трудъ,
Но развѣ тѣ, что̀ ищутъ хлѣба,
Тебя съ мольбою не зовутъ?...

Вѣдь, ты ихъ братъ, запомни это,
Свою брезгливость побѣди,
Словами теплаго привѣта
Ихъ приласкай къ своей груди.

И правду, полную печали,
На полотнѣ запечатлѣй,
Чтобы къ ногамъ ея упали
Красоты дивныя морей...

Пусть знаютъ всѣ, какъ гибнутъ братья,
И Русь намъ вышлетъ много силъ...
Дай руку мнѣ, и стану знать я,
Что ты добру не измѣнилъ!...

Ив. П—овъ.

РАЗСКАЗЪ НЕИЗВѢСТНАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

По причинамъ, о которыхъ не время теперь говорить подробно, я долженъ былъ поступить въ лакеи къ одному петербургскому чиновнику, по фамиліи Орлову. Было ему около 35 лѣтъ и звали его Георгіемъ Ивановичемъ.

Къ этому Орлову поступилъ я не ради его самого, а ради его отца, извѣстнаго государственнаго человѣка, котораго считалъ я серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я разсчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ, какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца.

Обыкновенно часовъ въ одиннадцать утра въ моей лакейской трещалъ электрическій звонокъ, давая мнѣ знать, что проснулся баринъ. Когда я съ вычищеннымъ платьемъ и сапогами приходилъ въ спальню, Георгій Ивановичъ сидѣлъ неподвижно въ постели, не заспанный, а скорѣе утомленный сномъ, и глядѣлъ въ одну точку, не выказывая по поводу своего пробужденія никакого удовольствія. Я помогалъ ему одѣваться, а онъ неохотно подчинялся мнѣ, молча и не замѣчая моего присутствія; потомъ, съ мокрою отъ умыванья головой и пахнущій свѣжими духами, онъ шелъ въ столовую пить кофе. Онъ сидѣлъ за столомъ, пилъ кофе и перелистывалъ газеты, а я и горничная Поля почтительно стояли у двери и смотрѣли на него. Два взрослыхъ человѣка должны были съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ смотрѣть, какъ третій пьетъ кофе и грызетъ сухарики. Это смѣшно и дико, но въ этомъ я не видѣлъ для себя ничего унизительнаго, хотя былъ такимъ же дворяниномъ и образованнымъ человѣкомъ, какъ самъ Орловъ. У меня тогда начиналась чахотка. Не знаю, подъ вліяніемъ ли болѣзни, или начинавшейся перемѣны міровоззрѣнія, которой я тогда не замѣчалъ, мною изо дня въ день

овладѣвала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мнѣ хотѣлось душевнаго покоя, здоровья, хорошаго воздуха, сытости. Я становился мечтателемъ и, какъ мечтатель, не зналъ, что собственно мнѣ нужно. То мнѣ хотѣлось уйти въ монастырь, сидѣть тамъ по цѣлымъ днямъ въ башенкѣ у окошка и смотрѣть на деревья и поля; то я воображалъ, какъ я покупаю десятинъ пять земли и живу помѣщикомъ; то я давалъ себѣ слово, что займусь наукой и непремѣнно сдѣлаюсь профессоромъ какого-нибудь провинціальнаго университета. Я—отставной лейтенантъ нашего флота; мнѣ грезились море, наша эскадра и корветъ, на которомъ я совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Мнѣ хотѣлось еще разъ испытать то невыразимое чувство, когда, напримѣръ, гуляя въ тропическомъ лѣсу или глядя на закатъ солнца въ Бенгальскомъ заливѣ, замираешь отъ восторга и, въ то же время, грустишь по родинѣ. Мнѣ снились горы, женщины, музыка... Похоже было на то, какъ будто я только впервые сталъ замѣчать, что, кромѣ задачъ, составлявшихъ сущность моей жизни, есть еще необъятный внѣшній міръ съ его вѣками, безконечностью и съ милліардами жизней въ прошломъ и настоящемъ. Я съ любопытствомъ, какъ мальчикъ, всматривался въ лица, вслушивался въ голоса. И когда я стоялъ у двери и смотрѣлъ, какъ Орловъ пьетъ кофе, я чувствовалъ себя не лакеемъ, а любопытнымъ зрителемъ.

Наружность у Орлова была петербургская: узкія плечи, длинная талія, впалые виски, плоскія щеки, глаза неопредѣленнаго цвѣта и скудная, тускло окрашенная растительность на головѣ, бородѣ и усахъ. Лицо у него было холеное, лощеное, потертое и непріятное. Особенно непріятно оно было, когда онъ задумывался или спалъ. Петербургъ—не Испанія; наружность здѣсь не имѣетъ большого значенія даже въ любовныхъ дѣлахъ и нужна только представительнымъ лакеямъ и кучерамъ. Заговорилъ же я о наружности Орлова потому только, что въ ней было нѣчто въ высшей степени интересное для меня, а именно: когда Орловъ брался за газету или книгу, какая бы она ни была, или же встрѣчался съ людьми, кто бы они ни были, то глаза его начинали иронически улыбаться и все лицо принимало выраженіе легкой, не злой насмѣшки. Передъ тѣмъ, какъ что-нибудь прочесть или услышать, у него всякій разъ была уже наготовѣ иронія, какъ щитъ у дикаря, ожидающаго, что въ него сейчасъ выстрѣлятъ. Это была иронія привычная, воспитанная годами, и въ послѣднее время она показывалась на лицѣ, вѣроятно, уже безо всякаго участія воли, а какъ бы по рефлексу. Но объ этомъ послѣ.

Въ первомъ часу онъ съ выраженіемъ ироніи бралъ свой портфель, набитый бумагами, и уѣзжалъ на службу. Обѣдалъ онъ не дома и возвращался послѣ восьми. Я зажигалъ въ кабинетѣ лампу и свѣчи, а онъ садился въ кресло, протягивалъ ноги на стулъ и, развалившись такимъ образомъ, начиналъ читать. Почти каждый день онъ привозилъ съ собой или ему присылали изъ магазиновъ новыя книги, и у меня въ лакейской въ углахъ и подъ моею кроватью лежало множество книгъ на трехъ языкахъ, не считая русскаго, уже прочитанныхъ и брошенныхъ. Читалъ онъ съ необыкновенною быстротой. Сегодня прислали изъ магазина книгу листовъ въ двадцать, а завтра ужъ она лежитъ обрѣзанная на столѣ, и Орловъ излагаетъ пріятелямъ ея содержаніе. Говорятъ: скажи мнѣ, что ты читаешь, и я скажу тебѣ, кто ты. Это, быть можетъ, и правда, но судить объ Орловѣ по тѣмъ книгамъ, какія онъ читалъ, я положительно затрудняюсь. То была какая-то каша, а не чтеніе. Онъ читалъ и философію, и французскіе романы, и политическую экономію, и финансы, и новыхъ поэтовъ, и изданія *Посредника*,— и все одинаково съ тѣмъ же ироническимъ выраженіемъ глазъ.

Послѣ десяти онъ тщательно одѣвался, часто во фракъ, очень рѣдко въ свой камеръ-юнкерскій мундиръ, и уѣзжалъ изъ дому. Возвращался подъ утро.

Жили мы съ нимъ тихо и мирно и никакихъ недоразумѣній у насъ не было. Обыкновенно онъ не замѣчалъ моего присутствія и когда говорилъ со мною, то на лицѣ у него не было ироническаго выраженія,—значитъ, не считалъ меня человѣкомъ.

Только одинъ разъ я видѣлъ его сердитымъ. Однажды, — это было черезъ недѣлю послѣ того, какъ я поступилъ къ нему,—онъ вернулся съ какого-то обѣда часовъ въ девять; лицо у него было капризное, утомленное. Когда я шелъ за нимъ въ кабинетъ, чтобы зажечь тамъ свѣчи, онъ сказалъ мнѣ:

— У насъ въ комнатахъ чѣмъ-то воняетъ.

— Нѣтъ, воздухъ чистъ,—отвѣтилъ я.

— А я тебѣ говорю, что воняетъ, — повторилъ онъ раздраженно.

— Я каждый день отворяю форточки.

— Не разсуждай, болванъ!—крикнулъ онъ.

У меня забилось сердце. Я обидѣлся и хотѣлъ противорѣчить, Богъ знаетъ чѣмъ бы это кончилось, но Поля, знавшая своего барина лучше, чѣмъ я, выручила насъ обоихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, какой дурной запахъ!—сказала она, под-

нимая брови.—Откуда бы это? Степанъ, отвори въ гостиной форточки и затопи каминъ.

Она заахала, засуетилась и пошла ходить по всѣмъ комнатамъ, шурша своими юбками и шипя въ пульверизаторъ. Минуть черезъ пять Орловъ уже сидѣлъ за столомъ и быстро писалъ письмо. Написавши нѣсколько строкъ, онъ сердито фыркнулъ и порвалъ письмо, потомъ началъ снова писать.

— Чортъ ихъ возьми! — пробормоталъ онъ. — Хотятъ, чтобъ я имѣлъ чудовищную память!

Наконецъ, письмо было написано; онъ всталъ изъ-за стола, подумалъ и сказалъ:

— Ты поѣдешь на Знаменскую и отдашь это письмо Зинаидѣ Ѳедоровнѣ Красновской въ собственныя руки. Но сначала спроси у швейцара, не вернулся ли мужъ, то-есть г. Красновскій. Если онъ вернулся, то письма не отдавай и поѣзжай назадъ. Постой!... Въ случаѣ, если она спроситъ, есть ли кто-нибудь у меня, то ты скажешь ей, что съ восьми часовъ у меня сидятъ два какихъ-то господина и что-то пишутъ.

Я поѣхалъ на Знаменскую. Швейцаръ сказалъ мнѣ, что господинъ Красновскій еще не вернулся, и я отправился на третій этажъ. Мнѣ отворилъ дверь высокій, толстый, бурый лакей съ черными бакенами и сонно, вяло, важно и грубо, какъ только лакей можетъ разговаривать съ лакеемъ, спросилъ меня, что мнѣ нужно. Не успѣлъ я отвѣтить, какъ въ переднюю изъ залы быстро вошла дама въ черномъ платьѣ. Она прищурила на меня глаза.

— Зинаида Ѳедоровна дома?—спросилъ я.

— Это я,—сказала дама.

— Письмо отъ Георгія Ивановича.

Она нетерпѣливо распечатала письмо и, держа его въ обѣихъ рукахъ и показывая мнѣ свои кольца съ брилліантами, стала читать. Я разглядѣлъ бѣлое лицо съ мягкими линіями, съ выдающимся впередъ подбородкомъ и съ длинными, темными рѣсницами. Волосы, большой лобъ, переходъ отъ лица къ шеѣ, движенія и наклонъ головы, — все это было удивительно мягко, женственно и нѣжно. На видъ я могъ дать этой дамѣ не больше 25 лѣтъ.

— Кланяйтесь и благодарите, — сказала она, кончивъ чи тать.—Есть кто-нибудь у Георгія Ивановича?—спросила она мя ко, радостно и какъ бы стыдясь за свое недовѣріе.

— Какіе-то два господина,—отвѣтилъ я.—Что-то пишутъ.

— Кланяйтесь и благодарите,—повторила она и, склонивъ г ловy на бокъ и читая на ходу письмо, безшумно вышла.

Я тогда встрѣчалъ мало женщинъ и эта дама, которую я видѣлъ мелькомъ, произвела на меня сильное впечатлѣніе. Возвращаясь домой пѣшкомъ, я вспоминалъ ея лицо, брилліанты и запахъ тонкихъ духовъ и мечталъ о томъ, какъ я куплю себѣ небольшое имѣніе и женюсь на сосѣдкѣ, у которой будутъ такія же мягкія, интеллигентныя и изящныя черты. Однимъ словомъ, сентиментальность. Когда я вернулся, Орлова уже не было дома.

II.

И такъ, съ хозяиномъ мы жили тихо и мирно, но, все-таки, то нечистое и оскорбительное, чего я такъ боялся, поступая въ лакеи, было налицо и давало себя чувствовать каждый день. Я не ладилъ съ Полей. Это была хорошо упитанная, избалованная тварь, обожавшая Орлова за то, что онъ баринъ, и презиравшая меня за то, что я лакей. Вѣроятно, съ точки зрѣнія настоящаго лакея или повара она была обольстительна. Полное лицо, румяныя щеки, вздернутый носъ, прищуренные глаза и полнота тѣла, переходящая уже въ пухлость. Она пудрилась, красила брови и губы, затягивалась въ корсетъ и носила турнюръ и браслетку изъ монетъ. Походка у нея была мелкая, подпрыгивающая; когда она ходила, то вертѣла или, какъ говорится, дрыгала плечами и задомъ. Шуршанье ея юбокъ, трескъ корсета и звонъ браслета и этотъ хамскій запахъ губной помады, туалетнаго уксуса и духовъ, украденныхъ у барина, когда я по утрамъ убиралъ съ нею комнаты, возбуждали во мнѣ такое чувство, какъ будто я дѣлалъ вмѣстѣ съ нею что-то мерзкое. Она крала у своего барина духи, деньги, галстуки, перчатки, платки и даже шляпы. И у меня также она крала деньги, галстуки, почтовую бумагу и однажды даже утащила коробочку съ пилюлями только потому, что на этой коробочкѣ была хорошенькая картинка.

Оттого ли, что я не воровалъ вмѣстѣ съ нею, или не изъявлялъ никакого желанія стать ея любовникомъ, что, вѣроятно, оскорбляло ее, или, быть можетъ, оттого, что она чуяла во мнѣ чужого человѣка, она возненавидѣла меня съ перваго же дня. Моя неумѣлость, робкій, застѣнчивый видъ и моя болѣзнь представлялись ей жалкими и вызывали въ ней чувство гадливости. Я тогда сильно кашлялъ; днемъ и во время безсонницы мнѣ удавалось удерживать кашель силою воли, но во снѣ я заливался соловьемъ и мѣшалъ ей спать, такъ какъ ея и мою комнату отдѣляла одна только деревянная перегородка. Каждое утро она говорила мнѣ:

— Ты опять не давалъ мнѣ спать. Въ больницѣ тебѣ лежать, а не у господъ жить. Чахоточный!

Она такъ искренно вѣрила, что я не человѣкъ, а нѣчто, стоящее неизмѣримо ниже ея, что, подобно римскимъ матронамъ, которыя не стыдились купаться въ присутствіи рабовъ, она при мнѣ иногда ходила въ одной сорочкѣ; въ то же время, если баринъ или прикащикъ изъ магазина заставалъ ее непричесанной, она громко взвизгивала и убѣгала.

Однажды за обѣдомъ (мы каждый день получали изъ трактира супъ и жаркое), когда я находился въ прекрасномъ мечтательномъ настроеніи, мнѣ захотѣлось спасти эту дѣвушку, зажечь въ ней потухшее или никогда не горѣвшее человѣческое чувство.

— Поля, вы въ Бога вѣруете?—спросилъ я.

— А то какъ же?

— Стало быть, вы вѣруете, — продолжалъ я, — что будетъ страшный судъ и что мы дадимъ отвѣтъ Богу за каждый свой дурной поступокъ?

И я длинно заговорилъ о томъ, какъ грѣшно воровать и оскорблять. Она насмѣшливо и холодно смотрѣла на меня, потомъ, когда, повидимому, мои сентенціи надоѣли ей, вспыхнула и сказала сердито:

— А ты развѣ не воруешь? Праведникъ тоже нашелся, здравствуйте...

Послѣ этого я еще нѣсколько разъ за чаемъ и за обѣдомъ пытался наставить ее на путь истинный; но мои попытки привели меня только къ убѣжденію, что у этой цѣльной, вполнѣ законченной натуры не было ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ, и что если бы мнѣ понадобилось убить, поджечь или украсть, то за деньги я не могъ бы найти лучшаго сообщника.

Въ необычной обстановкѣ, да еще при моей застѣнчивости, мнѣ въ первую недѣлю жилось у Орлова не легко. Въ лакейскомъ фракѣ я чувствовалъ себя какъ въ тяжелыхъ латахъ. Но скоро привычка взяла свое. Какъ настоящій лакей, я прислуживалъ, убиралъ комнаты, бѣгалъ и ѣздилъ, исполняя всякія порученія. Когда Орлов[у] не хотѣлось ѣхать на свиданіе къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ или когд[а] онъ забывалъ, что обѣщалъ быть у нея, я ѣздилъ на Знамен[-] скую, отдавалъ тамъ письмо въ собственныя руки и лгалъ. [И] всякій день этой моей новой жизни я считалъ пропащимъ и д[ля] себя, и для моего дѣла. Орловъ никогда не говорилъ о своемъ отцѣ, его гости — тоже, и о дѣятельности извѣстнаго государ[-]

ственнаго человѣка я зналъ только то, что̀ удавалось мнѣ, какъ и раньше, добывать изъ газетъ и переписки съ товарищами. Тѣ сотни записокъ и бумагъ, которыя я находилъ въ кабинетѣ и читалъ, не имѣли даже отдаленнаго отношенія къ тому, что̀ мнѣ было нужно. Орловъ былъ совершенно равнодушенъ къ громкой дѣятельности своего отца и имѣлъ такой видъ, какъ будто не слыхалъ о ней или какъ будто отецъ у него давно уже умеръ. Я скучалъ и томился, но, все-таки, продолжалъ жить у него.

III.

По четвергамъ у насъ бывали гости.

Я заказывалъ въ ресторанѣ кусокъ росбифа и говорилъ въ телефонъ Елисѣеву, чтобы прислали намъ икры, сыру, устрицъ и проч. Покупалъ три колоды картъ. Поля съ самаго утра начинала приготовлять чайную посуду и сервировку для ужина. Эта маленькая дѣятельность нѣсколько разнообразила нашу праздную жизнь, и потому четверги были для насъ самыми интересными днями.

Гостей всякій разъ приходило только трое. Самымъ солиднымъ и, пожалуй, интереснымъ былъ гость, по фамиліи Пекарскій, высокій, худощавый человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, съ длиннымъ, горбатымъ носомъ, съ большою черною бородой и съ лысиной. Глаза у него были большіе, на выкатѣ, и выраженіе лица серьезное, вдумчивое, какъ у греческаго философа. Служилъ онъ въ управленіи желѣзной дороги и въ банкѣ, былъ юрисконсультомъ при какомъ-то важномъ казенномъ учрежденіи и состоялъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ со множествомъ частныхъ лицъ, какъ опекунъ, предсѣдатель конкурса и т. п. Имѣлъ онъ чинъ совсѣмъ небольшой и скромно называлъ себя присяжнымъ повѣреннымъ, но вліяніе у него было громадное. Его визитной карточки или записки достаточно было, чтобы васъ принялъ не въ очередь знаменитый докторъ, директоръ дороги или важный чиновникъ; говорили, что по его протекціи можно было получить должность даже четвертаго класса и замять какое угодно непріятное дѣло. Считался онъ очень умнымъ человѣкомъ, но это былъ какой-то особенный, странный умъ. Онъ могъ въ одно мгновеніе помножить въ умѣ 213 на 373 или перевести стерлинги на марки безъ помощи карандаша и табличекъ, превосходно зналъ желѣзно-дорожное дѣло и финансы, и во всемъ, что касалось администраціи, для него не существовало тайнъ; по гражданскимъ дѣламъ это былъ искуснѣйшій и непобѣдимый адвокатъ. Но этому необыкновенному уму было совершенно непонятно многое, что зна-

етъ даже иной глупый человѣкъ. Такъ, онъ рѣшительно не могъ понять, почему это люди скучаютъ, плачутъ, стрѣляются и даже другихъ убиваютъ, почему они волнуются по поводу вещей и событій, которыя ихъ лично не касаются, и почему они смѣются, когда читаютъ Гоголя или Щедрина... Все отвлеченное, исчезающее въ области мысли и чувства, было для него чуждо и скучно, какъ музыка для того, кто не имѣетъ слуха. Когда при немъ заговаривали, напримѣръ, о непротивленіи злу, о любви или о новомъ романѣ Зола, то онъ стучалъ пальцами по столу и внимательно прислушивался къ этому стуку. На людей смотрѣлъ онъ только съ дѣловой точки зрѣнія и дѣлилъ ихъ на способныхъ и неспособныхъ. Иного дѣленія у него не существовало. Честность и порядочность составляютъ лишь признакъ способности. Кутить, играть въ карты и развратничать можно, но такъ, чтобы это не мѣшало дѣлу. Вѣровать въ Бога не умно, но религія должна быть всячески охраняема, такъ какъ для народа необходимо сдерживающее начало, иначе онъ не будетъ работать. Наказанія нужны только для устрашенія. На дачу выѣзжать незачѣмъ, такъ какъ и въ городѣ хорошо. И такъ далѣе. Онъ былъ вдовъ и дѣтей не имѣлъ, но жизнь велъ на широкую, семейную ногу и платилъ за квартиру три тысячи въ годъ.

Другой гость, Кукушкинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ молодыхъ, былъ небольшаго роста и отличался въ высшей степени непріятнымъ выраженіемъ, какое придавала ему несоразмѣрность его толстаго, пухлаго туловища съ маленькимъ, худощавымъ лицомъ. Губы у него были сердечкомъ и стриженые усики имѣли такой видъ, какъ будто были приклеены лакомъ. Это былъ человѣкъ съ манерами ящерицы. Онъ не входилъ, а какъ-то вползалъ, мелко семеня ножками, покачиваясь и хихикая, а когда смѣялся, то скалилъ зубы и скулилъ въ носъ тонкимъ голоскомъ. Прежде онъ былъ, кажется, начальникомъ отдѣленія въ одномъ изъ департаментовъ, въ описываемое же время состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при комъ-то и ничего не дѣлалъ, хотя получалъ большое содержаніе, особенно лѣтомъ, когда для него изобрѣтали разныя командировки. Это былъ карьеристъ не до мозга костей, а глубже, до послѣдняго атома своего тѣла, и, притомъ, карьеристъ мелкій, неувѣренный въ себѣ и робкій до жалкости. За какой-нибудь иностранный крестикъ или за то, чтобы въ газетахъ напечатали, что онъ присутствовалъ на паннихидѣ или на молебнѣ вмѣстѣ съ прочими высокопоставленными особами, онъ готовъ былъ идти на какое угодно униженіе, клянчить, льстить, лгать, разыгрывать

изъ себя шута. Кромѣ постоянной тоски по крестикамъ и командировкамъ, его, повидимому, томило еще что-то вродѣ маніи преслѣдованія, а именно страхъ потерять то, что уже пріобрѣтено. Онъ всегда былъ на-сторожѣ и трусливо приглядывался къ людямъ. Изъ трусости онъ льстилъ Орлову и Пекарскому, потому что считалъ ихъ сильными людями, льстилъ Полѣ и мнѣ, потому что мы служили у вліятельнаго человѣка. Всякій разъ, когда я снималъ съ него шубу, онъ хихикалъ и спрашивалъ меня: «Степанъ, ты женатъ?»—и затѣмъ слѣдовали скабрёзныя пошлости—знакъ особаго ко мнѣ вниманія. Кукушкинъ льстилъ слабостямъ Орлова, его испорченности, сытости, ироническому отношенію къ жизни; чтобы понравиться ему, онъ прикидывался злымъ насмѣшникомъ и безбожникомъ, критиковалъ вмѣстѣ съ нимъ тѣхъ, передъ кѣмъ въ другомъ мѣстѣ рабски трепеталъ и ханжилъ; когда за ужиномъ говорили о женщинахъ и любви, онъ разсказывалъ про себя невозможныя исторіи и выдавалъ себя за утонченнаго и изысканнаго развратника, хотя въ тайнѣ былъ грубъ и неуклюжъ, какъ павіанъ. Вообще петербургскіе жуиры любятъ поговорить о своихъ необыкновенныхъ вкусахъ. Иной солидный жуиръ превосходно довольствуется ласками своей кухарки или какой-нибудь несчастной, гуляющей по Невскому, но послушать его, такъ онъ зараженъ всѣми пороками Востока и Запада, состоитъ почетнымъ членомъ цѣлаго десятка тайныхъ предосудительныхъ обществъ и уже на замѣчаніи у полиціи. Кукушкинъ升 вралъ про себя безсовѣстно, и ему не то чтобы не вѣрили, а какъ-то мимо ушей пропускали всѣ его небылицы. Пекарскій считалъ его неспособнымъ и ничтожнымъ человѣкомъ, и за глаза отзывался о немъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ, и Орловъ, повидимому, тоже презиралъ его. Это, впрочемъ, не мѣшало имъ обоимъ играть съ нимъ въ карты и откровенничать въ его присутствіи. Да и привыкли къ нему.

Третій гость—Грузинъ, сынъ почтеннаго ученаго генерала, ровесникъ Орлова, длинноволосый и подслѣповатый блондинъ, въ золотыхъ очкахъ. Мнѣ припоминаются его длинные, блѣдные пальцы, какъ у піаниста; да и во всей его фигурѣ было что-то музыкантское, виртуозное. Такія фигуры въ оркестрахъ играютъ первую скрипку. Онъ кашлялъ и страдалъ мигренью, вообще казался болѣзненнымъ и слабенькимъ. Вѣроятно, дома его раздѣвали и одѣвали, какъ ребенка. Онъ кончилъ въ училищѣ правовѣдѣнія и служилъ сначала по судебному вѣдомству, потомъ перевели его въ сенатъ, отсюда онъ ушелъ и по протекціи получилъ мѣсто въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и скоро опять ушелъ. Онъ

уходилъ, а пріятели опять сажали его на новое мѣсто. Въ мое время онъ служилъ въ отдѣленіи Орлова, былъ у него столоначальникомъ, но поговаривалъ, что скоро перейдетъ опять въ судебное вѣдомство. Къ службѣ и къ своимъ перекочевкамъ съ мѣста на мѣсто онъ относился съ рѣдкимъ легкомысліемъ; чины, ордена, оклады и т. п. не интересовали его вовсе, и когда при немъ серьезно говорили о службѣ, то онъ добродушно улыбался и повторялъ афоризмъ Пруткова: «Только на государственной службѣ познаешь истину!» Если бы ему предложили на выборъ устрицу или чинъ тайнаго совѣтника, то онъ, безъ сомнѣнія, взялъ бы первую, и не потому, что устрица лучше или полезнѣе, а просто ради курьеза. Онъ женился, когда еще былъ студентомъ, и теперь у него была маленькая жена со сморщеннымъ лицомъ, очень ревнивая, и пятеро тощенькихъ дѣтей; женѣ онъ измѣнялъ, дѣтей любилъ, только когда видѣлъ ихъ, а въ общемъ относился къ семьѣ довольно равнодушно и подшучивалъ надъ ней. Жилъ онъ съ семьей въ долгъ, занимая, гдѣ и у кого попало, при всякомъ удобномъ случаѣ, не пропуская даже своихъ начальниковъ и швейцаровъ. Это была натура рыхлая, лѣнивая до полнаго равнодушія къ себѣ и плывшая по теченію неизвѣстно куда и зачѣмъ. Куда его вели, туда и шелъ. Вели его въ какой-нибудь притонъ — онъ шелъ, ставили передъ нимъ вино— пилъ, не ставили—не пилъ; бранили при немъ женъ—и онъ бранилъ свою, увѣряя, что она испортила ему жизнь, а когда хвалили, то онъ тоже хвалилъ и искренно говорилъ: «Я ее, бѣдную, очень люблю, она милая...» Шубы у него не было и носилъ онъ всегда плэдъ, отъ котораго пахло дѣтской. Когда за ужиномъ, о чемъ-то задумавшись, онъ каталъ шарики изъ хлѣба и пилъ много краснаго вина, то, странное дѣло, я бывалъ почти увѣренъ, что въ немъ сидитъ какой-то талантъ, который онъ, вѣроятно, самъ чувствуетъ въ себѣ смутно, но за суетой и пошлостями не успѣваетъ понять и оцѣнить. Онъ немножко игралъ на рояли. Бывало, сядетъ за рояль, возьметъ два-три аккорда и запоетъ тихо.

Что день грядущій мнѣ готовитъ?

но тотчасъ же, точно испугавшись непонятнаго чувства, встанетъ и уйдетъ подальше отъ рояля. Въ такія минуты мнѣ почему-то становилось жаль его.

Гости обыкновенно сходились къ десяти часамъ. Они играли въ кабинетѣ Орлова въ карты, а я и Поля подавали имъ чай. Тутъ только я могъ, какъ слѣдуетъ, постигнуть всю сладость лакейства. С головною болью и со слабостью въ ногахъ, какая бывала у меня в

вечерамъ отъ лихорадки, стоять въ продолженіе четырехъ-пяти часовъ около двери, слѣдить за тѣмъ, чтобы не было пустыхъ стакановъ, перемѣнять пепельницы, подбѣгать къ столу, чтобы поднять оброненный мѣлокъ или карту, а, главное, стоять, ждать, быть внимательнымъ и не смѣть ни говорить, ни кашлять, ни улыбаться, это, увѣряю васъ, тяжелѣе самаго тяжелаго крестьянскаго труда. Я когда-то стаивалъ на вахтѣ по четыре часа въ ненастныя зимнія ночи и не испытывалъ такого утомленія и напряженія силъ.

Играли въ карты часовъ до двухъ, иногда до трехъ и потомъ, потягиваясь, шли въ столовую ужинать или, какъ говорилъ Орловъ, подзакусить. За ужиномъ продолжали свой картежный разговоръ и потомъ постепенно переходили къ другимъ сюжетамъ. О, если бы вы знали, что это были за разговоры! Начиналось обыкновенно съ того, что Орловъ со смѣющимися глазами заводилъ рѣчь о какомъ-нибудь знакомомъ, о недавно прочитанной книгѣ, о новомъ назначеніи или проектѣ; льстивый, хихикающій Кукушкинъ подхватывалъ въ тонъ и начиналась, по тогдашнему моему настроенію, препротивная музыка. Иронія Орлова и его друзей не знала предѣловъ и, подобно больному волку, который на своемъ пути рветъ все—и людей, и солому, и камни,—не щадила никого и ничего. Говорили о религіи—иронія, говорили о философіи, о смыслѣ и цѣляхъ жизни—иронія, поднималъ ли кто вопросъ о народѣ, его страданіяхъ, будущности—иронія... Въ Петербургѣ есть особая порода людей, которые спеціально занимаются тѣмъ, что вышучиваютъ каждое явленіе жизни; они не могутъ пройти даже мимо голоднаго или самоубійцы безъ того, чтобы не состроить рожи и не сказать пошлости. Но Орловъ и его пріятели не шутили и я напрасно силился объяснить ихъ иронію то неискренностью, то великосвѣтскимъ бахвальствомъ. Они съ ироніей говорили, что Бога нѣтъ и со смертью личность исчезаетъ совершенно; безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая же скучная и убогая страна, какъ Персія. [Ин]теллигенція безнадежна; по мнѣнію Пекарскаго, она въ громад[ном]ъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда [не] годныхъ. Народъ же спился, облѣнился, изворовался и вы[ро]ждается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля [дер]жится на мошенничествѣ: «не обманешь—не продашь». И все въ [т]омъ родѣ.

Отъ вина къ концу ужина становились веселѣе и переходили ко

всегда новому и неисчерпаемому вопросу о любви и женщинахъ. Начинали съ легкихъ сплетенъ и шутокъ. Подсмѣивались надъ семейною жизнью Грузина, надъ побѣдами Кукушкина или надъ Пекарскимъ, у котораго будто бы въ расходной книжкѣ была одна страничка съ заголовкомъ: *На дѣла благотворительности* и другая—*На физіологическія потребности*. Затѣмъ мало-по-малу переходили къ обобщеніямъ. По ихъ мнѣнію, основанному, главнымъ образомъ, на опытѣ Орлова, нѣтъ вѣрныхъ женъ; нѣтъ такой жены, отъ которой, при нѣкоторомъ навыкѣ, нельзя было бы добиться ласокъ, въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова, не выходя изъ гостиной, въ то время, когда въ кабинетѣ сидитъ мужъ. Дѣвочки-подростки развращены и уже знаютъ все. Орловъ хранитъ у себя письмо одной четырнадцатилѣтней гимназистки: она, возвращаясь изъ гимназіи, «замарьяжила на Невскомъ офицерика», который увелъ ее къ себѣ и отпустилъ только поздно вечеромъ, а она поспѣшила подѣлиться своими восторгами съ подругой... Говорили за ужиномъ, что чистоты нравовъ не было никогда и нѣтъ ея, очевидно, она не нужна; человѣчество до сихъ поръ прекрасно обходилось безъ нея. Вредъ же отъ такъ называемаго разврата несомнѣнно преувеличенъ. Извращеніе, предусмотрѣнное въ нашемъ уставѣ о наказаніяхъ, не мѣшало Діогену быть философомъ и учителемъ; Цезарь и Цицеронъ были развратники и, въ то же время, великіе люди. Старикъ Катонъ имѣлъ жестокость жениться на молоденькой, но, все-таки, продолжалъ считаться суровымъ постникомъ и блюстителемъ нравовъ. И все въ такомъ родѣ до конца ужина. Въ три или четыре часа гости расходились или уѣзжали вмѣстѣ за городъ или къ женщинамъ, а я уходилъ къ себѣ въ лакейскую и долго не могъ уснуть отъ кашля.

IV.

Недѣли черезъ три послѣ того, какъ я поступилъ къ Орлову, помнится, въ воскресенье утромъ кто-то позвонилъ. Былъ одиннадцатый часъ и Орловъ еще спалъ. Я пошелъ отворить. Можете себѣ представить мое изумленіе: за дверью на площадкѣ лѣстницы ст[illegible]яла дама подъ темною вуалью, въ бархатной шубкѣ и съ муфто[illegible]

— Георгій Ивановичъ всталъ?—спросила она.

И по голосу я узналъ Зинаиду Θедоровну, къ которой я носи[illegible] письма на Знаменскую. Не помню, успѣлъ ли и съумѣлъ ли я [illegible]вѣтить ей,—я былъ смущенъ ея появленіемъ. Да и не нуженъ [illegible] былъ мой отвѣтъ. Въ одно мгновеніе она шмыгнула мимо меня

наполнивъ переднюю ароматомъ своихъ духовъ, которые я до сихъ поръ еще прекрасно помню, ушла въ комнаты и шаги ея затихли. По крайней мѣрѣ, съ полчаса потомъ ничего не было слышно. Но опять кто-то позвонилъ. На этотъ разъ какая-то расфранченная дѣвушка, повидимому, горничная изъ богатаго дома, и нашъ швейцаръ, оба запыхавшись, внесли два чемодана и багажную корзину, въ какой обыкновенно возятъ бѣлье.

— Это Зинаидѣ Θедоровнѣ,—сказала дѣвушка.

И ушла, не сказавши больше ни одного слова. Все это было таинственно и вызывало у Поли, благоговѣвшей передъ барскими шалостями, нехорошую усмѣшку; она какъ будто хотѣла сказать: «Вотъ какіе мы!»—и все время, пока было тихо, ходила на цыпочкахъ. Наконецъ, послышались шаги; Зинаида Θедоровна быстро вошла въ переднюю и, увидѣвъ меня въ дверяхъ моей лакейской, сказала:

— Степанъ, дайте Георгію Ивановичу одѣться.

Когда я вошелъ къ Орлову съ платьемъ и сапогами, онъ сидѣлъ на кровати, свѣсивъ ноги на медвѣжью шкуру. Вся его фигура выражала смущеніе. Меня онъ не замѣчалъ и моимъ лакейскимъ мнѣніемъ не интересовался, очевидно, былъ смущенъ и конфузился передъ самимъ собой, передъ своимъ «внутреннимъ окомъ». Одѣвался, умывался и потомъ возился онъ со щетками и гребенками молча и лѣниво, какъ будто давая себѣ время обдумать свое положеніе и сообразить. Когда уже въ спальнѣ ничего не оставалось дѣлать, онъ придалъ своему лицу обычное ироническоо выраженіе и, насвистывая, пошелъ въ гостиную, но даже по спинѣ его замѣтно было, что онъ все еще смущенъ и недоволенъ собой.

Пили они кофе вдвоемъ. Зинаида Θедоровна налила изъ кофейника себѣ и Орлову, потомъ поставила локти на столъ и засмѣялась.

— Мнѣ все еще не вѣрится,—сказала она.—Когда долго путешествуешь и потомъ пріѣдешь въ отель, то все еще не вѣрится, что уже не надо ѣхать. Пріятно легко вздохнуть.

Съ выраженіемъ дѣвочки, которой очень хочется шалить, она [illegible]ко вздохнула и опять засмѣялась.

— Вы мнѣ простите,— сказалъ Орловъ, кивнувъ на газе[illegible].—Читать за кофе—это моя непобѣдимая привычка. Но я умѣю [illegible]лать два дѣла разомъ: и читать, и слушать.

— Читайте, читайте... Ваши привычки и ваша свобода оста[illegible]тся при васъ. Но отчего у васъ постная физіономія? Вы всегда [illegible]аете такимъ по утрамъ или только сегодня? Вы не рады?

— Напротивъ. Но я, признаюсь, немножко ошеломленъ.

— Отчего? Вы имѣли время приготовиться къ моему нашествію. Я каждый день угрожала вамъ.

— Да, но я не ожидалъ, что вы приведете вашу угрозу въ исполненіе именно сегодня.

— И я сама не ожидала, но это лучше. Лучше, мой другъ. Вырвать больной зубъ сразу и—конецъ.

— Да, конечно.

— Ахъ, милый мой!—сказала она, зажмуривая глаза.—Все хорошо, что хорошо кончается, но, прежде чѣмъ кончилось хорошо, сколько было горя! Вы не смотрите, что я смѣюсь; я рада, счастлива, но мнѣ плакать хочется больше, чѣмъ смѣяться. Вчера я выдержала цѣлую баталію,—продолжала она по-французски.—Только одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ было тяжело. Но я смѣюсь, потому что мнѣ не вѣрится. Мнѣ кажется, что сижу я съ вами и пью кофе во снѣ.

Затѣмъ она разсказала по-французски исторію о томъ, какъ она вчера разошлась съ мужемъ; но чтобы передать вамъ эту исторію такъ же коротко и интересно, нужно имѣть ея мягкіе жесты и ея глаза, которые то наполнялись слезами, то смѣялись и съ восхищеніемъ смотрѣли на Орлова. Всѣ подобныя грубыя и сложныя исторіи умѣютъ разсказывать изящно и просто только женщины. Она разсказала, что мужъ давно уже подозрѣвалъ ее, но избѣгалъ объясненій; очень часто бывали ссоры и обыкновенно въ самый разгаръ ихъ онъ внезапно умолкалъ и уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы вдругъ въ запальчивости не высказать своихъ подозрѣній и чтобы она сама не начала объясняться. Зинаида же Ѳедоровна чувствовала себя виноватой, ненормальной, ничтожной, неспособной на смѣлый, серьезный шагъ, и отъ этого съ каждымъ днемъ все сильнѣе ненавидѣла себя и мужа и мучилась, какъ въ аду. Но вчера, во время ссоры, когда онъ закричалъ плачущимъ голосомъ: «Когда же все это кончится, Боже мой?»—и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, она погналась за нимъ, какъ кошка за мышью, и, мѣшая ему затворить за собою дверь (это была безобразная сцена!), крикнула, что она ненавидитъ его всею душой и давно уже отреклась отъ него въ своихъ завѣтныхъ мысляхъ. Тогда онъ впустилъ ее въ кабинетъ и она высказала ему всю правду. Зачѣмъ онъ шесть лѣтъ назадъ, когда она была еще дѣвочкой, женился на ней? Въ эти шесть лѣтъ сначала играть въ любовь и воображать, что она есть, потомъ обманывать другъ друга и каждую минуту дрожать отъ мысли, что не съумѣешь обмануть, краснѣть отъ того, что

не искусно обманываешь, улыбаться, когда стыдно, и цѣловать, когда чувствуешь физическое отвращеніе—и все это ради чего? Ради того, чтобы быть на хорошемъ счету у людей, мнѣніе которыхъ презираешь, ради того, чтобы ѣсть, пить, спать, наряжаться, говорить пошлости, чтобы не нарушать порядка, который установился только потому, что люди, подчинившіеся этому порядку, не знали, что такое истинная любовь, искренность, свобода... Нѣтъ, пора, пора взяться за умъ и порвать навсегда съ этими людьми и порядками, иначе и не увидишь, какъ пройдутъ лучшіе годы и тотъ же кумиръ, которому ты служила, оглянется и насмѣшливо покажетъ тебѣ языкъ! Далѣе она сказала мужу, что любитъ другого и живетъ съ нимъ уже больше полугода, что это ея настоящій, законный мужъ, и она считаетъ долгомъ совѣсти сегодня же переѣхать къ нему, несмотря ни на что, хотя бы въ нее стрѣляли изъ пушекъ.

— Въ васъ сильно бьется романтическая жилка,—перебилъ ее Орловъ, не отрывая глазъ отъ газеты.

Она засмѣялась и продолжала разсказывать, не дотрогиваясь до своего кофе. Щеки ея разгорѣлись, это ее смущало немного и она конфузливо поглядывала на меня и на Полю. Изъ ея дальнѣйшаго разсказа я узналъ, что мужъ отвѣтилъ ей попреками, угрозами и, въ концѣ-концовъ, слезами, и вѣрнѣе было бы сказать, что не она, а онъ выдержалъ баталію.

— Да, мой другъ, пока нервы мои были подняты, все шло прекрасно,—разсказывала она,—но какъ только наступила ночь, я пала духомъ. Вы, Жоржъ, не вѣрите въ Бога, а я немножко вѣрую и боюсь возмездія. Богъ требуетъ отъ насъ терпѣнія, великодушія, самопожертвованія, а я вотъ отказываюсь терпѣть и хочу устроить жизнь на свой ладъ. Хорошо ли это? А вдругъ это съ точки зрѣнія Бога не хорошо? Въ два часа ночи мужъ вошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вы не посмѣете уйти. Я вытребую васъ со скандаломъ черезъ полицію». А немного погодя, гляжу, онъ опять въ дверяхъ, какъ тѣнь. «Пощадите меня. Ваше бѣгство можетъ повредить мнѣ по службѣ». Эти циничныя слова подѣйствовали на меня грубо, я ...чно заржавѣла отъ нихъ и подумала, что это уже начинается ...змездіе, и стала дрожать отъ страха и плакать. Мнѣ казалось, ...) на меня обвалится потолокъ, что меня сейчасъ поведутъ въ ...лицію, что вы меня разлюбите,—однимъ словомъ, Богъ знаетъ ...'о! Уйду, думаю, въ монастырь или куда-нибудь въ сидѣлки, от...жусь отъ счастья, но тутъ вспоминаю, что вы меня любите и что ...те въ правѣ распоряжаться собой безъ вашего вѣдома и портить ...ъ жизнь, и все у меня въ головѣ начинаетъ путаться, и я, въ

отчаяніи, не знаю, что думать и дѣлать. Но взошло солнышко и я опять повеселѣла. Дождалась утра и прикатила къ вамъ. Ахъ, какъ замучилась, милый мой! Подъ-рядъ двѣ ночи не спала!

Въ самомъ дѣлѣ, у нея былъ такой видъ, какъ будто она нѣсколько сутокъ провела въ вагонѣ. Она была утомлена и возбуждена. Ей хотѣлось, въ одно и то же время, и спать, и безъ конца говорить, и смѣяться, и плакать, и ѣхать въ ресторанъ завтракать, чтобы почувствовать себя на свободѣ и кстати выпить немножко вина, а то въ головѣ туманъ какой-то.

— У тебя уютная квартира, но боюсь, что для двоихъ она будетъ мала,—говорила она послѣ кофе, быстро обходя всѣ комнаты.—Какую ты дашь мнѣ комнату? Мнѣ нравится вотъ эта, потому что она рядомъ съ твоимъ кабинетомъ.

Во второмъ часу она переодѣлась въ комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ, которую стала послѣ этого называть своею, и уѣхала съ Орловымъ завтракать. Обѣдали они тоже въ ресторанѣ, а въ длинный промежутокъ между завтракомъ и обѣдомъ ѣздили по магазинамъ. Я до поздняго вечера отворялъ прикащикамъ и посыльнымъ изъ магазиновъ и принималъ отъ нихъ разныя покупки. Привезли, между прочимъ, великолѣпное трюмо, туалетъ, бронзированную кровать и роскошный чайный сервизъ, который былъ намъ не нуженъ. Привезли цѣлое семейство мѣдныхъ кастрюлей, которыя мы поставили рядкомъ на полкѣ въ нашей пустой холодной кухнѣ. Когда мы разворачивали чайный сервизъ, то у Поли разгорѣлись глаза и она раза три взглянула на меня съ ненавистью и со страхомъ, что, быть можетъ, не она, а я первый украду одну изъ этихъ граціозныхъ чашечекъ. Привезли дамскій письменный столъ, очень дорогой, но не удобный. Очевидно, Зинаида Ѳедоровна имѣла намѣреніе засѣсть у насъ крѣпко, по-хозяйски.

Вернулась она съ Орловымъ часу въ десятомъ и потомъ пила чай. Полная горделиваго сознанія, что ею совершено что-то смѣлое и необыкновенное, страстно любящая и, какъ казалось ей, страстно любимая, томная, предвкушающая крѣпкій и счастливый сонъ, Зинаида Ѳедоровна упивалась настоящимъ, какъ выпущенные изъ тюрьмы—свѣжимъ воздухомъ. Отъ избытка счастья она крѣпк сжимала себѣ руки, точно была въ отчаяніи, что ея маленькое тѣ ло не можетъ вмѣстить въ себѣ такого большого, необъятнаго счастья. Она увѣряла, что еще никогда не была такъ счастлива, и клялась, что будетъ любить вѣчно, и эти клятвы и наивная, почти дѣтская увѣренность, что ее тоже крѣпко любятъ и будутъ любить

вѣчно, молодили ее лѣтъ на пять. Она говорила милый вздоръ и смѣялась надъ собой.

— Нѣтъ выше блага, какъ свобода!—говорила она, заставляя себя сказать что-нибудь серьезное и значительное.—Вѣдь, какая, подумаешь, нелѣпость! Мы не даемъ никакой цѣны своему собственному мнѣнію, даже если оно умно, но дрожимъ передъ мнѣніемъ разныхъ глупцовъ и завѣдомыхъ негодяевъ. Я боялась чужого мнѣнія до послѣдней минуты, но какъ только послушалась самоё себя и рѣшила жить по-своему, глаза у меня открылись и я увидала, что бояться было нечего. Я побѣдила свой глупый страхъ и теперь счастлива и всѣмъ желаю такого счастья.

Но тотчасъ же порядокъ мыслей у нея обрывался и она начинала вслухъ мечтать о своей жизни съ Орловымъ, говорила о новой квартирѣ, объ обояхъ, лошадяхъ, о путешествіи въ Швейцарію и Италію... Орловъ же былъ утомленъ поѣздкой по ресторанамъ и магазинамъ и все еще продолжалъ испытывать то смущеніе передъ самимъ собой, какое я замѣтилъ у него утромъ. Онъ молчалъ и улыбался больше изъ вѣжливости, чѣмъ отъ удовольствія, и когда она говорила о чемъ-нибудь серьезно, то онъ иронически отвѣчалъ ей: «О, да!»

— Степанъ, найдите поскорѣе хорошаго повара!—обратилась она ко мнѣ.

— Не слѣдуетъ торопиться съ кухней,—сказалъ Орловъ, холодно поглядѣвъ на меня.—Надо сначала перебраться на новую квартиру.

Онъ никогда не держалъ у себя ни кухни, ни лошадей, потому что, какъ выражался, не любилъ «заводить у себя нечистоту», и меня и Полю терпѣлъ въ своей квартирѣ только по необходимости. Когда Грузинъ или кто-нибудь другой заводилъ при немъ разговоръ о кухнѣ, дѣтской или супружеской спальнѣ, то онъ брезгливо морщился, какъ будто въ самомъ дѣлѣ шла рѣчь о нечистотѣ. Такъ называемый семейный очагъ съ его обыкновенными радостями и дрязгами оскорблялъ его вкусы, какъ пошлость; быть беременной и имѣть дѣтей и говорить о нихъ—это дурной тонъ, мѣщанство...
ля меня теперь представлялось крайне любопытнымъ, какъ ужи-лся въ одной квартирѣ эти два существа,—она, домовитая и хо-ственная, со своими мѣдными кастрюлями и съ мечтами о хо-лемъ поварѣ и лошадяхъ, и онъ, часто говорившій своимъ прія-лямъ, что на квартирѣ порядочнаго, чистоплотнаго человѣка, къ на военномъ кораблѣ, не должно быть ничего лишняго—ни шинъ, ни дѣтей, ни тряпокъ, ни кухонной посуды...

V.

Затѣмъ я разскажу вамъ, что происходило въ ближайшій четвергъ. Въ этотъ день Орловъ и Зинаида Ѳедоровна обѣдали у Контана или Донона. Вернулся домой только одинъ Орловъ, а Зинаида Ѳедоровна уѣхала, какъ я узналъ потомъ, на Петербургскую сторону къ своей старой гувернанткѣ, чтобы переждать у нея время, пока у насъ будутъ гости. Орлову не хотѣлось показывать ее своимъ пріятелямъ. Это понялъ я утромъ за кофе, когда онъ сталъ увѣрять ее, что ради ея спокойствія необходимо отмѣнить четверги.

Гости, какъ обыкновенно, прибыли почти въ одно время.

— И барыня дома?—спросилъ у меня шепотомъ Кукушкинъ.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Онъ вошелъ съ хитрыми, масляными глазами, таинственно улыбаясь и потирая съ мороза руки.

— Честь имѣю поздравить,—сказалъ онъ Орлову, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ льстиваго, угодливаго смѣха.—Желаю вамъ плодитися и размножатися.

Гости отправились въ спальню и поострили тамъ на счетъ женскихъ туфель, ковра между обѣими постелями и сѣрой блузы, которая висѣла на спинкѣ кровати. Имъ было весело оттого, что упрямецъ, презиравшій въ любви все обыкновенное, попался вдругъ въ женскія сѣти такъ просто и обыкновенно. Выраженіямъ злораднаго удовольствія не было конца.

— Чему посмѣяхомся, тому же и послужимъ,—нѣсколько разъ повторилъ Кукушкинъ, имѣвшій, кстати сказать, непріятную претензію щеголять церковно-славянскими текстами.—Тише!—зашепталъ онъ, поднося палецъ къ губамъ, когда изъ спальни перешли въ комнату рядомъ съ кабинетомъ.—Тссс! Здѣсь Маргарита мечтаетъ о своемъ Фаустѣ.

И покатился со смѣху, какъ будто сказалъ что-то ужасно смѣшное. Я вглядывался въ Грузина, ожидая, что его музыкальная душа, какъ бы она ни была изломана, не выдержитъ этого смѣха, но я ошибся. Его доброе, худощавое лицо сіяло отъ удовольстві Когда садились играть въ карты, онъ, картавя и захлебываясь о смѣха, говорилъ, что Жоржинькѣ для полноты семейнаго счаст остается теперь только завести черешневый чубукъ и гитару. П карскій тоже подшучивалъ надъ Орловымъ и солидно посмѣива ся, но по его сосредоточенному выраженію и по тому, съ каки вниманіемъ онъ прислушивался къ стуку своихъ пальцевъ, ви было, что новая любовная исторія Орлова была ему непріятн

представляла для него трудно разрѣшимую загадку. Онъ не понималъ.

— Но какъ же мужъ?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ, когда уже сыграли три робера.

— Не знаю,—отвѣтилъ Орловъ.

Пекарскій расчесалъ пальцами свою большую бороду и задумался, и молчалъ потомъ до самаго ужина. Когда сѣли ужинать, онъ сказалъ медленно, растягивая каждое слово:

— Вообще, извини, я васъ обоихъ не понимаю. Вы могли влюбляться другъ въ друга и нарушать седьмую заповѣдь, сколько угодно,—это я понимаю. Да, это мнѣ понятно. Но зачѣмъ посвящать въ свои тайны мужа? Развѣ это нужно?

— А развѣ это не все равно?

— Гм...—задумался Пекарскій.—Такъ вотъ что я тебѣ скажу, другъ мой любезный,—продолжалъ онъ съ видимымъ напряженіемъ мысли:—если я когда-нибудь женюсь во второй разъ и тебѣ вздумается наставить мнѣ рога, то дѣлай это такъ, чтобы я не замѣтилъ. Гораздо честнѣе обманывать человѣка, чѣмъ портить ему порядокъ жизни и репутацію. Я понимаю. Вы оба думаете, что, живя открыто, вы поступаете необыкновенно честно и либерально, но съ этимъ... какъ это называется?... съ этимъ романтизмомъ согласиться я не могу.

Орловъ ничего не отвѣчалъ. Онъ былъ не въ духѣ и ему не хотѣлось говорить.

Пекарскій, продолжая недоумѣвать, постучалъ пальцами по столу, подумалъ и сказалъ:

— Я, все-таки, васъ обоихъ не понимаю. Ты не студентъ и она не швейка. Оба вы люди со средствами. Полагаю, ты могъ бы устроить для нея отдѣльную квартиру.

— Нѣтъ, не могъ бы. Почитай-ка Тургенева.

— Зачѣмъ мнѣ его читать? Я уже читалъ.

— Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ учитъ, чтобы всякая возвышенная, честно мыслящая дѣвица уходила съ любимымъ мужчиною на край свѣта и служила бы его идеѣ, — сказалъ Орловъ, иронически щуря глаза.—Край свѣта—это licentia poëtica; весь свѣтъ со всѣми своими краями помѣщается въ квартирѣ любимаго мужчины. Поэтому не жить съ женщиной, которая тебя любитъ, въ одной квартирѣ—значитъ отказывать ей въ ея высокомъ назначеніи и не раздѣлять ея идеаловъ. Сочинители вродѣ Тургенева совсѣмъ сбили ее съ толку. Теперь другіе писатели и проповѣдники заговорили о грѣховности и ненормальности совмѣстной жизни съ

мужчиной. Бѣднымъ дамамъ уже прискучили мужья и край свѣта, и онѣ ухватились за эту новость обѣими руками. Какъ быть? Гдѣ искать спасенія отъ ужасовъ брачной жизни? И тутъ выручила тургеневская закваска. Любовь спасаетъ отъ всякихъ бѣдъ и рѣшаетъ всѣ вопросы. Выходъ ясенъ: отъ мужей бѣжать къ любимымъ мужчинамъ! Да, душа моя, Тургеневъ писалъ, а я вотъ теперь за него кашу расхлебывай.

— Причемъ тутъ Тургеневъ, не понимаю,—сказалъ тихо Грузинъ и пожалъ плечами.—А помните, Жоржинька, какъ онъ въ *Трехъ встрѣчахъ* идетъ поздно вечеромъ гдѣ-то въ Италіи и вдругъ слышитъ пѣніе... Это удивительно! Замѣчательно! Vieni pensando a me segre tamente!—запѣлъ онъ и плечи у него нервно вздрогнули.—Шумъ моря, запахъ этотъ, образъ прекрасной женщины... какъ хорошо!

— Но вѣдь она не насильно къ тебѣ переѣхала,—сказалъ Пекарскій.—Ты самъ этого захотѣлъ.

— Ну, вотъ еще! Я не только не хотѣлъ, но даже не могъ думать, что это когда-нибудь случится. Когда она говорила, что переѣдетъ ко мнѣ, то я думалъ, что она зло шутитъ, — до такой степени это казалось мнѣ нелѣпымъ. Но вдругъ въ одно прекрасное утро является ко мнѣ съ карзинками, тряпками, цѣлымъ ворохомъ юбокъ и тесемокъ—благодарю, не ожидалъ! Гляжу и глазамъ не вѣрю. Какъ обухомъ...

Всѣ разсмѣялись. Орловъ подумалъ и тоже засмѣялся.

— Я не могъ хотѣть этого,—продолжалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто его вынуждали оправдываться.—Я не тургеневскій герой и если мнѣ когда-нибудь понадобится освобождать Болгарію, то я не понуждаюсь въ дамскомъ обществѣ. На любовь я, прежде всего, смотрю какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу; ее нужно удовлетворять съ толкомъ, или же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, и чтобы она не стѣсняла меня, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлять множествомъ всякихъ иллюзій. Я поѣду къ женщинѣ, которую люблю, если заранѣе не увѣренъ, ч застану ее во всемъ блескѣ красоты и изящества, что она буде нарядна, весела, остроумна, увлекательна; и самъ я ѣзжу къ і только, когда бываю особенно въ ударѣ, когда я оживленъ, весе и расположенъ къ любовнымъ изліяніямъ. И намъ обыкновеі всякій разъ удается обмануть другъ друга настолько, что мы ра ходимся въ самомъ радужномъ, даже поэтическомъ настро

Такъ-то, душа моя. Но я не могу хотѣть мѣдныхъ кастрюлей и нечесанной головы, или чтобы меня видѣли, когда я не умытъ и не въ духѣ. Зинаида Ѳедоровна въ простотѣ сердца хочетъ заставить меня полюбить то, отъ чего я прятался всю свою жизнь. Она хочетъ, чтобы у меня въ квартирѣ пахло кухней и судомойками; ей нужно съ шумомъ перебираться на новую квартиру, разъѣзжать на своихъ лошадяхъ, ей нужно считать мое бѣлье и заботиться о моемъ здоровьи; ей нужно каждую минуту вмѣшиваться въ мою личную, прозаическую жизнь и слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ, и, въ то же время, искренно увѣрять меня, что мои привычки и свобода останутся при мнѣ... Она убѣждена, что мы, какъ молодожены, въ самомъ скоромъ времени совершимъ путешествіе, то-есть она хочетъ неотлучно находиться при моей особѣ и въ купэ, и въ отеляхъ, а, между тѣмъ, въ дорогѣ я люблю читать и терпѣть не могу разговаривать...

— А ты сдѣлай ей внушеніе,—сказалъ Пекарскій.

— Какъ? Ты думаешь, она пойметъ меня? По ея мнѣнію, уйти отъ папаши и мамаши или отъ мужа къ любимому мужчинѣ — это верхъ гражданскаго мужества, а по-моему это—ребячество. Полюбить, сойтись съ мужчиной — это значитъ начать новую жизнь, а по-моему это ничего не значитъ. Если любовь и мужчина составляютъ квинтъ-эссенцію, нервъ ея жизни и если, быть можетъ, въ этомъ отношеніи работаетъ въ ней философія безсознательнаго, то могу ли я убѣдить ее, что любовь есть сущій вздоръ, только простая потребность, какъ пища и одежа, что міръ вовсе не погибаетъ отъ того, что мужья и жены плохи или по Невскому вечеромъ гуляютъ камеліи, что можно быть развратникомъ, обольстителемъ и, въ то же время, геніальнымъ и благороднымъ человѣкомъ, и съ другой стороны—можно отказываться отъ наслажденій любви и, въ то же время, быть глупымъ, злымъ животнымъ? Ее не убѣдишь, что чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ онъ легче и проще справляется съ вопросомъ о любви, и что трагедіи и драмы отъ любви бываютъ только у варваровъ и животныхъ. Однимъ словомъ, ее не убѣдишь, что влеченіе половъ другъ къ другу вовсе не составляетъ центра человѣческой жизни. Современный культурный человѣкъ, стоящій же внизу, напримѣръ, французскій рабочій, тратитъ въ день на ѣдъ 10 су, на вино къ обѣду 5 су и на женщину отъ 5 до 10 су, свой умъ и нервы онъ цѣликомъ отдаетъ работѣ. Зинаида же Ѳедоровна отдаетъ любви не су, а всю свою душу. Я, пожалуй, скажу divorçon, madame! А она искренно завопіетъ, что я погубилъ

ее, что у нея въ жизни ничего уже больше не осталось, и будетъ права по-своему.

— Ты ей ничего не говори, — сказалъ Пекарскій, — а просто найми для нея отдѣльную квартиру. Вотъ и все.

— Это легко говорить...

Немного помолчали.

— Но она мила, что ни говорите,—сказалъ Кукушкинъ.—Она прелестна. Я люблю имѣть дѣло съ идеалисточками. Онѣ воображаютъ, что будутъ любить вѣчно, и отдаются съ паѳосомъ.

— Но надо имѣть голову на плечахъ, — сказалъ Орловъ, — и разсуждать. Всѣ опыты, извѣстные намъ изъ повседневной жизни и занесенные на скрижали безчисленныхъ романовъ и драмъ, единогласно подтверждаютъ, что всякіе адюльтеры и сожительства у порядочныхъ людей, какова бы ни была любовь вначалѣ, не продолжаются дольше двухъ, а много — трехъ лѣтъ. Это она должна знать. А потому всѣ эти переѣзды, кастрюли и надежды на вѣчныя любовь и согласіе—ничего больше, какъ желаніе одурачить себя и меня. Она и мила, и прелестна,—кто споритъ? Но она перевернула телѣгу моей жизни; то, чтò до сихъ поръ я считалъ пустякомъ и вздоромъ, она вынуждаетъ меня возводить на степень серьезнаго вопроса и я служу теперь варварскому богу, котораго всегда третировалъ, какъ неуклюжую деревяшку. Она и мила, и прелестна, но почему-то теперь, когда я ѣду со службы домой, у меня бываетъ такое чувство, какъ будто я встрѣчу у себя дома какое-то неудобство, вродѣ печниковъ, которые разобрали всѣ печи и навалили горы кирпича. Однимъ словомъ, за любовь я отдаю уже не су, а часть своего покоя и своихъ нервовъ. А это, сударь мой, скверно.

— И она не слышитъ этого злодѣя!—вздохнулъ Кукушкинъ.—Милостивый государь,—сказалъ онъ театрально,—я освобожу васъ отъ тяжелой обязанности любить это прелестное созданіе! Я отобью у васъ Зинаиду Ѳедоровну!

— Можете...—сказалъ небрежно Орловъ.

Съ полминуты Кукушкинъ смѣялся тонкимъ голоскомъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, потомъ проговорилъ:

— Смотрите, я не шучу! Не извольте потомъ разыгрывать Отелло!

Всѣ стали говорить о неутомимости Кукушкина въ любовныхъ дѣлахъ, какъ онъ неотразимъ для женщинъ и опасенъ для мужей и какъ на томъ свѣтѣ черти будутъ поджаривать его на угольяхъ за безпутную жизнь. Онъ молчалъ и щурилъ глаза и, когда называли

знакомыхъ дамъ, грозилъ мизинцемъ—нельзя-де выдавать чужихъ тайнъ. Орловъ не договорилъ фразы и вдругъ посмотрѣлъ на часы.

— Извините, господа, за невѣжество, — сказалъ онъ, — но... уже второй часъ. Вы меня понимаете...

Гости поняли и стали собираться. Помню, Грузинъ, охмѣлѣвшій отъ вина, одѣвался въ этотъ разъ томительно долго. Онъ надѣлъ свое жидкое пальто на ватѣ, похожее на тѣ капоты, какіе шьютъ дѣтямъ въ небогатыхъ семьяхъ, поднялъ воротникъ и сталъ что-то длинно разсказывать; потомъ, видя, что его не слушаютъ, перекинулъ черезъ плечо свой плэдъ, отъ котораго пахло дѣтской, и съ виноватымъ, умоляющимъ лицомъ попросилъ меня отыскать его шапку.

— Жоржинька, ангелъ мой! — сказалъ онъ нѣжно. — Голубчикъ, послушайтесь меня, поѣдемте сейчасъ за городъ!

— Поѣзжайте, а мнѣ нельзя. Я теперь на женатомъ положеніи.

— Она славная, не разсердится. Начальникъ добрый мой, поѣдемъ! Погода великолѣпная, метелица, морозикъ... Честное слово, вамъ встряхнуться надо, а то вы не въ духѣ, чортъ васъ знаетъ...

Орловъ потянулся, зѣвнулъ и посмотрѣлъ на Пекарскаго.

— Ты поѣдешь?—спросилъ онъ въ раздумьи.

— Не знаю... Пожалуй.

— Развѣ напиться, а? Ну, ладно поѣду, — рѣшилъ Орловъ послѣ нѣкотораго колебанія.—Погодите, схожу за деньгами.

Онъ пошелъ въ кабинетъ, а за нимъ поплелся Грузинъ, волоча за собою плэдъ. Черезъ минуту оба вернулись въ переднюю. Пьяненькій и очень довольный Грузинъ комкалъ въ рукѣ десятирублевую бумажку.

— Завтра сочтемся,—говорилъ онъ.—А она добрая, не разсердится... Она у меня Лизочку крестила, я люблю ее бѣдную... Ахъ, милый человѣкъ! — радостно засмѣялся онъ вдругъ и припалъ лбомъ къ спинѣ Пекарскаго.—Ахъ, Пекарскій, душа моя! Адвокатиссимусъ, сухарь сухаремъ, а женщинъ небось любитъ...

— Прибавьте: толстыхъ,—сказалъ Орловъ, надѣвая шубу.— Однако, поѣдемте, а то, гляди, на порогѣ встрѣтится.

— Vieni pensando a me segretamente!—запѣлъ Грузинъ.

Наконецъ, уѣхали. Орловъ дома не ночевалъ и вернулся на другой день къ обѣду.

VI.

У Зинаиды Ѳедоровны пропали золотые часики, подаренные ей когда-то отцомъ. Эта пропажа удивила и испугала ее. Полдня она

ходила по всѣмъ комнатамъ, растерянно оглядывая столы и окна, но часы какъ въ воду канули.

Вскорѣ послѣ этого, дня черезъ три, произошла отвратительная исторія съ кошелькомъ. Зинаида Ѳедоровна, вернувшись откуда-то, забыла въ передней свой кошелекъ. Къ счастью для меня, въ этотъ разъ не я помогалъ ей раздѣваться, а Поля. Когда хватились кошелька, то въ передней его уже не оказалось.

— Странно! — недоумѣвала Зинаида Ѳедоровна. — Я отлично помню, вынула его изъ кармана, чтобъ заплатить извощику... и потомъ положила здѣсь около зеркала. Чудеса!

Я не кралъ, но мною овладѣло такое чувство, какъ будто я укралъ и меня поймали. У меня даже слезы выступили. При порядкахъ, когда барыня заявляетъ вслухъ, что у нея пропали деньги, и неразборчиво бросаетъ вопросительные взгляды то на одного, то на другого, наши понятія о чести для прислуги, если бы она имѣла ихъ, служили бы постояннымъ источникомъ страданій. Когда садились обѣдать, Зинаида Ѳедоровна сказала Орлову по-французски:

— У насъ завелись духи. Я сегодня потеряла въ передней кошелекъ, а сейчасъ, гляжу, онъ лежитъ у меня на столѣ. Но духи не безкорыстно устроили такой фокусъ. Взяли себѣ за работу золотую монету и двадцать рублей.

— То у васъ часы пропадаютъ, то деньги... — сказалъ Орловъ.—Отчего со мною никогда не бываетъ ничего подобнаго?

Черезъ минуту Зинаида Ѳедоровна уже не помнила про фокусъ, который устроили духи, и со смѣхомъ разсказывала, какъ она на прошлой недѣлѣ заказала себѣ почтовой бумаги, но забыла сообщить свой новый адресъ и магазинъ послалъ бумагу на старую квартиру къ мужу, который долженъ былъ заплатить по счету двѣнадцать рублей. Разсказывая, она вдругъ остановила свой взглядъ на Полѣ и пристально посмотрѣла на нее. При этомъ она покраснѣла и смутилась до такой степени, что заговорила о чемъ-то другомъ. Мнѣ показалось, что она только теперь въ первый разъ обратила вниманіе на Полю, а раньше не замѣчала ея. Потомъ до конца обѣда она то и дѣло взглядывала на нее и уже не смѣялась больше.

Смущеніе ея скоро стало мнѣ понятно. Когда я принесъ въ кабинетъ кофе, Орловъ стоялъ около камина спиной къ огню, а она сидѣла въ креслѣ противъ него.

— Я вовсе не въ дурномъ настроеніи,—говорила она по-французски.—Но я теперь стала соображать и мнѣ все понятно. Я могу назвать вамъ день и даже часъ, когда она украла у меня часы.

кошелекъ? Тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. О!—засмѣялась она, принимая отъ меня кофе.—Теперь я понимаю, отчего я такъ часто теряю свои платки и перчатки. Какъ хочешь, завтра я отпущу эту сороку на волю и пошлю Степана за своею Софьей. Та не воровка и у нея не такой... отталкивающій видъ.

— Вы не въ духѣ... Завтра вы будете въ другомъ настроеніи и поймете, что нельзя гнать человѣка только потому, что вы подозрѣваете его въ чемъ-то.

— Я не подозрѣваю, а увѣрена,— сказала Зинаида Ѳедоровна.—Пока я подозрѣвала этого пролетарія съ несчастнымъ лицомъ, вашего лакея, я ни слова не говорила. Обидно, Жоржъ, что вы мнѣ не вѣрите.

— Если мы съ вами различно думаемъ о какомъ-нибудь предметѣ, то это не значитъ, что я вамъ не вѣрю. Пусть вы правы,— сказалъ Орловъ, оборачиваясь къ огню и бросая туда папиросу,— но волноваться, все-таки, не слѣдуетъ. Вообще, признаться, я не ожидалъ, что мое маленькое хозяйство будетъ причинять вамъ столько серьезныхъ заботъ и волненій. Пропала золотая монета, ну, и Богъ съ ней, возьмите у меня ихъ хоть сотню, но мѣнять порядокъ, брать съ улицы новую горничную, ждать, когда она привыкнетъ,—все это длинно, скучно и не въ моемъ характерѣ. Теперешняя наша горничная, правда, толста и, быть можетъ, имѣетъ слабость къ перчаткамъ и платкамъ, но за то она вполнѣ прилична, дисциплинирована и не визжитъ, когда ее щиплетъ Кукушкинъ.

— Однимъ словомъ, вы не можете съ ней разстаться... Такъ и скажите.

— Вы ревнуете?

— Да, я ревную!—сказала рѣшительно Зинаида Ѳедоровна.

— Благодарю.

— Да, я ревную!— повторила она и на глазахъ у нея заблестѣли слезы. — Нѣтъ, это не ревность, а что-то хуже... я затрудняюсь назвать...—Она взяла себя за виски и продолжала съ увлеченіемъ:—Вы, мужчины, бываете такъ гадки! Прости, но даже лучшіе изъ васъ безъ отвращенія прикасаются къ этому мясу. Это [у]жасно!

— Ничего я не вижу тутъ ужаснаго.

— Я не видѣла, не знаю, но говорятъ, что вы, мужчины, еще [въ] дѣтствѣ начинаете съ горничными и потомъ уже по привычкѣ [не] чувствуете никакого униженія. Я не знаю, не знаю, но я даже [чит]ала... Жоржъ, ты, конечно, правъ, — сказала она, подходя къ [Ор]лову и мѣняя свой тонъ на ласковый и умоляющій,—въ самомъ

дѣлѣ, я сегодня не въ духѣ. Но ты пойми, я не могу быть въ иномъ настроеніи. Она мнѣ противна и я боюсь ея. Мнѣ тяжело ее видѣть.

— Неужели нельзя быть выше этихъ мелочей? — сказалъ Орловъ, пожимая въ недоумѣніи плечами и отходя отъ камина.—Вѣдь, нѣтъ ничего проще: не замѣчайте ея, и она не будетъ противна и не понадобится вамъ изъ пустяка дѣлать цѣлую драму.

Я вышелъ изъ кабинета и не знаю, какой отвѣтъ получилъ Орловъ. Какъ бы то ни было, Поля осталась у насъ. Послѣ этого Зинаида Ѳедоровна ни за чѣмъ уже не обращалась къ ней и, видимо, старалась обходиться безъ ея услугъ; когда Поля подавала ей что-нибудь или даже только проходила мимо, звеня своимъ браслетомъ и треща юбками, то она вздрагивала и пугливо пожималась, какъ будто мимо нея проходила буйволица, которая могла задѣть ее рогами и хвостомъ.

Я думаю, что если бы Грузинъ или Пекарскій попросили Орлова разсчитать Полю, то онъ сдѣлалъ бы это безъ малѣйшаго колебанія, не утруждая себя никакими объясненіями; онъ былъ сговорчивъ, какъ всѣ равнодушные люди. Но въ отношеніяхъ своихъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ онъ почему-то даже въ мелочахъ проявлялъ упрямство, доходившее подчасъ до самодурства. Такъ ужь я и зналъ: если что понравилось Зинаидѣ Ѳедоровнѣ, то навѣрное не понравится ему. Когда она, вернувшись изъ магазина, спѣшила похвалиться передъ нимъ обновками, то онъ мелькомъ взглядывалъ на нихъ и холодно говорилъ, что чѣмъ больше въ квартирѣ лишнихъ вещей, тѣмъ меньше воздуха. Когда она подарила ему новую, очень дорогую чернильницу, то онъ для чего-то нашелъ нужнымъ сказать, что настоящіе мыслители не пользовались дорогими письменными приборами и писали не хуже насъ, и приказалъ мнѣ поставить подарокъ на этажерку. Случалось часто, что, уже надѣвши фракъ, чтобы идти куда-нибудь, и уже простившись съ Зинаидою Ѳедоровной, онъ вдругъ изъ упрямства оставался дома. Мнѣ казалось въ такихъ случаяхъ, что онъ оставался дома для того только, чтобы чувствовать себя несчастнымъ.

— Почему же вы остались? — говорила Зинаида Ѳедоровна съ напускною досадой и, въ то же время, сіяя отъ удовольствія.—Почему? Вы привыкли по вечерамъ не сидѣть дома, и я не хочу, чтобы вы ради меня измѣняли вашимъ привычкамъ. Поѣзжайте, пожалуйста, если не хотите, чтобы я чувствовала себя виноватой.

— А развѣ васъ винитъ кто-нибудь?—говорилъ Орловъ.

Съ видомъ жертвы, вздыхая и щурясь, онъ разваливался у себя въ кабинетѣ въ креслѣ и, заслонивъ глаза рукой, брался за

книгу. Но скоро книга валилась изъ рукъ, онъ грузно поворачивался въ креслѣ и опять заслонялъ глаза, какъ отъ солнца. Теперь ужъ ему было досадно, что онъ не ушелъ, но встать и уйти мѣшали самолюбіе и все то же упрямство.

— Можно войти?—говорила Зинаида Өедоровна, нерѣшительно входя въ кабинетъ.—Вы читаете? А я соскучилась и пришла на одну минутку... взглянуть.

Помню, въ одинъ изъ вечеровъ она вошла такъ же вотъ нерѣшительно и не кстати и опустилась на коверъ у ногъ Орлова, и по ея робкимъ, мягкимъ движеніямъ видно было, что она не понимала его настроенія и боялась.

— А вы все читаете...—начала она вкрадчиво, видимо, желая польстить ему.—Знаете, Жоржъ, въ чемъ еще тайна вашего успѣха? Вы очень образованы и умны. Это у васъ какая книга?

Орловъ отвѣтилъ. Прошло въ молчаніи нѣсколько минутъ, показавшихся мнѣ очень длинными. Я стоялъ въ гостиной, откуда наблюдалъ обоихъ, и боялся закашлять.

— Я хотѣла что-то сказать вамъ...—проговорила тихо Зинаида Өедоровна и засмѣялась.—Сказать? Вы, пожалуй, станете смѣяться и назовете это самообольщеніемъ... Видите ли, мнѣ ужасно, ужасно хочется думать, что вы сегодня остались дома ради меня... чтобы этотъ вечеръ провести вмѣстѣ. Да? Можно такъ думать?

— Думайте...—сказалъ Орловъ, заслоняя глаза.—Истинно счастливый человѣкъ тотъ, кто думаетъ не только о томъ, что есть, но даже о томъ, чего нѣтъ.

— Вы сказали что-то длинное, я не совсѣмъ поняла... То-есть вы хотите сказать, что счастливые люди живутъ воображеніемъ? Да, это правда... Я люблю по вечерамъ сидѣть въ вашемъ кабинетѣ и уноситься мыслями далеко, далеко... Пріятно бываетъ помечтать. Давайте, Жоржъ, мечтать вслухъ!

— Я въ институтѣ не былъ, не проходилъ этой науки.

— Вы не въ духѣ?—спросила Зинаида Өедоровна, беря Орлова за руку.—Скажите—отчего? Когда вы бываете такой, то я боюсь. Не поймешь, голова у васъ болитъ или вы сердитесь на меня...

Прошло въ молчаніи еще нѣсколько длинныхъ минутъ.

— Отчего вы перемѣнились?—сказала она тихо.—Отчего вы не бываете уже такъ нѣжны и веселы, какъ на Знаменской? Прожила я у васъ почти мѣсяцъ, но мнѣ кажется, мы еще не начинали жить и ни о чемъ еще не поговорили, какъ слѣдуетъ. Вы всякій разъ отвѣчаете мнѣ шуточками или холодно и длинно, какъ учи-

тель. И въ шуточкахъ вашихъ что-то холодное, новое для меня... Отчего вы перестали говорить со мной серьезно?

— Я всегда говорю серьезно.

— Ну, вотъ давайте говорить. Ради Бога, Жоржъ... Время проходитъ, а мы безпечны, ничего не предпринимаемъ и даже не говоримъ серьезно. Живемъ, какъ всѣ: день прошелъ — и слава Богу.

— Что же мы должны дѣлать?

— Мало ли что?—вздохнула Зинаида Ѳедоровна и продолжала, подумавъ:—Я, напримѣръ, жду не дождусь, когда вы оставите вашу службу... Пора, милый.

— Это зачѣмъ же?—спросилъ Орловъ, отнимая руку отъ лба.

— Съ вашими взглядами нельзя служить. Вы тамъ не на мѣстѣ.

— Мои взгляды?—спросилъ Орловъ.—Мои взгляды до сихъ поръ не мѣшали мнѣ состоять на службѣ. По убѣжденіямъ и по натурѣ я обыкновенный чинодралъ, служака, щедринскій герой... Вы принимаете меня за кого-то другого, смѣю васъ увѣрить.

— Опять шуточки, Жоржъ!

— Нисколько. Служба не удовлетворяетъ меня, быть можетъ, но, все-таки, она лучше, чѣмъ что-нибудь другое. Тамъ я привыкъ, тамъ люди такіе же, какъ я; тамъ я не лишній во всякомъ случаѣ и чувствую себя сносно.

— Вы ненавидите службу и вамъ она претитъ.

— Да? Если я подамъ въ отставку, стану мечтать вслухъ и унесусь въ иной міръ, то, вы думаете, этотъ міръ будетъ мнѣ менѣе ненавистенъ, чѣмъ служба?

— Чтобы противорѣчить мнѣ, вы готовы даже клеветать на себя,—обидѣлась Зинаида Ѳедоровна и встала.—Я жалѣю, что начала этотъ разговоръ.

— Что же вы сердитесь? Вѣдь, я не сержусь, что вы не служите. Каждый живетъ, какъ хочетъ.

— Да развѣ вы живете, какъ хотите? Развѣ вы свободны? Писать всю жизнь бумаги, которыя противны вашимъ убѣжденіямъ,—продолжала Зинаида Ѳедоровна, въ отчаяніи всплескивая руками,— подчиняться, поздравлять начальство съ новымъ годомъ, потомъ карты, карты и карты, а, главное, служить порядкамъ. которые не могутъ быть вамъ симпатичны,—нѣтъ, Жоржъ, нѣтъ! Не шутите такъ грубо. Это ужасно. Вы идейный человѣкъ и должны служить только идеѣ.

— Право, вы принимаете меня за кого-то другого,—вздохнулъ Орловъ.

— Скажите просто, что вы не хотите со мной говорить. Я вамъ противна, вотъ и все,—проговорила сквозь слезы Зинаида Өедоровна.

— Вотъ что, моя милая,—сказалъ Орловъ наставительно, поднимаясь въ креслѣ.—Вы сами изволили замѣтить, человѣкъ я умный и образованный, а ученаго учить—только портить. Всѣ идеи, малыя и великія, которыя вы имѣете въ виду, называя меня идейнымъ человѣкомъ, мнѣ хорошо извѣстны. Стало быть, если службу и карты я предпочитаю этимъ идеямъ, то, вѣроятно, имѣю на то какое-нибудь основаніе. Это разъ. Во-вторыхъ, вы, насколько мнѣ извѣстно, никогда не служили и сужденія свои о государственной службѣ можете черпать только изъ анекдотовъ и плохихъ повѣстей. Поэтому намъ не мѣшало бы условиться разъ навсегда: не говорить о томъ, что намъ давно уже извѣстно, и о томъ, что не входитъ въ кругъ нашей компетенціи.

— Зачѣмъ вы со мной такъ говорите? — проговорила Зинаида Өедоровна, отступая назадъ, какъ бы въ ужасѣ.—Зачѣмъ? Жоржъ, опомнитесь Бога ради!

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался; она, повидимому, хотѣла задержать слезы, но вдругъ зарыдала такъ, какъ будто ей внезапно перерѣзали самый чувствительный нервъ.

— Жоржъ, дорогой мой, я погибаю!—сказала она по-французски, быстро опускаясь передъ Орловымъ и кладя голову ему на колѣни.—Я измучилась, утомилась и не могу больше, не могу... Въ дѣтствѣ ненавистная, развратная мачиха, потомъ мужъ, а теперь вы... вы... Вы на мою безумную любовь отвѣчаете ироніей и холодомъ... И эта страшная, наглая горничная! — продолжала она, рыдая.—Да, да, я вижу: я вамъ не жена, не другъ, а женщина, которую вы не уважаете за то, что она стала вашею любовницей... Я убью себя!

Я не ожидалъ, что эти слова и этотъ плачъ произведутъ на Орлова такое сильное впечатлѣніе. Онъ покраснѣлъ, безпокойно задвигался въ креслѣ и на лицѣ его, вмѣсто ироніи, показался ту-й, мальчишескій страхъ.

— Дорогая моя, вы меня не поняли, клянусь вамъ,—растерян-о забормоталъ онъ, трогая ее за волосы и плечи.—Простите меня, юляю васъ. Я былъ неправъ и... ненавижу себя.

— Я оскорбляю васъ своими жалобами и нытьемъ... Вы чест-й, великодушный... рѣдкій человѣкъ, я сознаю это каждую ми-ту, но меня всѣ дни мучила тоска...

Зинаида Өедоровна порывисто обняла Орлова и поцѣловала его въ щеку.

— Только не плачьте, пожалуйста,—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я уже наплакалась и мнѣ легко. Теперь ужъ я плачу по инерціи,—засмѣялась она сквозь плачъ.—Сейчасъ кончу...

— Что же касается горничной, то завтра же ея не будетъ,— сказалъ онъ, все еще безпокойно двигаясь въ креслѣ.

— Нѣтъ, она должна остаться, Жоржъ! Слышите? Я уже не боюсь ея... Надо быть выше мелочей и не думать глупостей... Вы правы! Вы—рѣдкій... необыкновенный человѣкъ!

Скоро она перестала плакать. Съ невысохшими слезинками на рѣсницахъ, сидя на колѣняхъ у Орлова, она въ полголоса разсказывала ему что-то трогательное, похожее на воспоминаніе дѣтства и юности, и гладила его рукой по лицу, цѣловала и внимательно разсматривала его руки съ кольцами и брелоки на цѣпочкѣ. Она увлекалась и своимъ разсказомъ, и близостью любимаго человѣка, и оттого, вѣроятно, что недавнія слезы очистили и освѣжили ея душу, голосъ ея звучалъ необыкновенно чисто и искренно. А Орловъ игралъ ея каштановыми волосами и цѣловалъ ея руки, беззвучно касаясь къ нимъ губами. На лицѣ у него опять появилась иронія; онъ смѣялся, дурачился и цѣловалъ руки, но все это снисходительно, будто держалъ на колѣняхъ капризнаго, избалованнаго ребенка.

Затѣмъ пили въ кабинетѣ чай и Зинаида Өедоровна читала вслухъ какія-то письма. Въ первомъ часу пошли спать.

Въ эту ночь у меня сильно болѣлъ бокъ и я до самаго утра не могъ согрѣться и уснуть. Мнѣ слышно было, какъ Орловъ прошелъ изъ спальни къ себѣ въ кабинетъ. Просидѣвъ тамъ около часа, онъ позвонилъ. Отъ боли и утомленія я забылъ о всѣхъ порядкахъ и приличіяхъ въ свѣтѣ и отправился въ кабинетъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и босой. Орловъ въ халатѣ и въ шапочкѣ стоялъ въ дверяхъ и ждалъ меня.

— Когда тебя зовутъ, ты долженъ являться одѣтымъ, — сказалъ онъ строго.—Подай другія свѣчи.

Я хотѣлъ извиниться, но вдругъ сильно закашлялся и, чтобь не упасть, ухватился одною рукой за косякъ, а другую протянулъ къ Орлову, какъ бы прося его помочь мнѣ. Кашель былъ судорожный, бьющій и держалъ меня въ согнутомъ положеніи дольше минуты.

— Вы больны?—спросилъ Орловъ.

Кажется, за все время нашего знакомства это онъ въ первь

разъ сказалъ мнѣ *вы*. Богъ его знаетъ, почему. Вѣроятно, въ нижнемъ бѣльѣ и съ лицомъ, искаженнымъ отъ кашля, я плохо игралъ свою роль и мало походилъ на лакея.

— Если вы больны, то зачѣмъ же вы служите?—сказалъ онъ.

— Чтобы не умереть съ голода,—отвѣтилъ я.

— Какъ все это, въ сущности, пакостно!—тихо проговорилъ онъ, идя къ своему столу.

Пока я, накинувъ на себя сюртукъ, вставлялъ и зажигалъ новыя свѣчи, онъ сидѣлъ около стола и, протянувъ ноги на кресло, обрѣзывалъ книгу.

Оставилъ я его углубленнымъ въ чтеніе и книга уже не валилась у него изъ рукъ, какъ вечеромъ.

VII.

Теперь, когда я пишу эти строки, у меня такое состояніе, какъ будто я до одурѣнія накурился сигаръ. Къ тому же, вообще, пишу я холодно и мою руку удерживаетъ воспитанный во мнѣ съ дѣтства страхъ—показаться чувствительнымъ; когда мнѣ хочется ласкать и говорить нѣжности, я не умѣю быть искреннимъ. Вотъ именно отъ этого страха и съ непривычки я никакъ не могу подобрать словъ, чтобы выразить, какъ бы я былъ нѣженъ, деликатенъ и поэтиченъ въ отношеніяхъ къ своимъ близкимъ, если бы небо послало мнѣ теперь семью, друзей...

Я не былъ влюбленъ въ Зинаиду Ѳедоровну, но въ обыкновенномъ человѣческомъ чувствѣ, которое я питалъ къ ней, было гораздо больше молодого, свѣжаго и радостнаго, чѣмъ въ любви Орлова.

Работая по утрамъ сапожною щеткой или вѣникомъ, я съ замираніемъ сердца, какъ мальчишка, ждалъ, когда, наконецъ, услышу ея голосъ и шаги и увижу милое, доброе, немножко заспанное лицо. Стоять и смотрѣть на нее, когда она пила кофе и потомъ завтракала, подавать ей въ передней шубку и надѣвать на ея маленькія ножки калоши, при чемъ она опиралась о мое плечо, потомъ нѣ-
олько часовъ подрядъ ждать съ нетерпѣніемъ, когда снизу позво-
тъ мнѣ швейцаръ, встрѣчать ее въ дверяхъ розовую, холодную,
пудренную снѣгомъ, слушать отрывистыя восклицанія насчетъ
роза или извощика,—еслибъ вы знали, какъ все это было для
ня важно и полно интереса! Мнѣ хотѣлось влюбиться въ нее и
тѣлось, чтобы у моей будущей жены было именно такое лицо,
:ой голосъ... Я мечталъ и за обѣдомъ, и на улицѣ, когда меня

посылали куда-нибудь, и ночью во время безсонницы... Орловъ брезгливо отбрасывалъ отъ себя женскія тряпки, дѣтей, кухню, мѣдныя кастрюли, а я подбиралъ все это и бережно лелѣялъ въ своихъ мечтахъ, любилъ, просилъ у судьбы, и мнѣ грезились жена, дѣтская, тропинки въ саду, домикъ, потомъ фантазія уносила меня въ аудиторію или на пароходъ и въ океанъ, оттуда опять въ мою дѣтскую—и такъ безъ конца.

Я зналъ, что если бы я влюбился въ нее, то не посмѣлъ бы разсчитывать на такое чудо, какъ взаимность, но это соображеніе меня не безпокоило; въ безнадежной любви я видѣлъ бы даже особую, таинственную прелесть и лелѣялъ бы въ себѣ сладкую теплую грусть. Въ моемъ скромномъ, тихомъ чувствѣ, похожемъ на обыкновенную привязанность, не было ни ревности къ Орлову, ни даже зависти, такъ какъ я понималъ, что личное счастье для такого калѣки, какъ я, возможно только въ мечтахъ. Но, все-таки, въ этомъ моемъ чувствѣ было много и мучительнаго. Когда Зинаида Ѳедоровна по ночамъ, поджидая своего Жоржа, неподвижно глядѣла въ книгу и не перелистывала страницъ, или, положивъ на колѣни руки, задумывалась и я по лицу видѣлъ, какъ въ ней надежды и желаніе обмануть себя боролись съ мрачными мыслями, или когда она вздрагивала и блѣднѣла оттого, что черезъ комнату проходила Поля, я страдалъ вмѣстѣ съ нею и мнѣ приходило въ голову—разрѣзать поскорѣе этотъ тяжелый нарывъ, передать ей въ письмѣ все то, что говорилось въ четверги за ужиномъ, но меня останавливала жалость и я страдалъ еще больше. Все чаще и чаще мнѣ приходилось видѣть слезы. Въ первыя недѣли она звонко смѣялась и пѣла свою пѣсенку, даже когда Орлова не было дома, но уже на другой мѣсяцъ у насъ въ квартирѣ царила унылая тишина, нарушаемая только по четвергамъ.

Когда она льстила Орлову или, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, ласкалась, какъ собачонка, чтобы добиться отъ него неискренней улыбки или поцѣлуя, я ненавидѣлъ ее. Ненавидѣлъ я ее и за то, что она, проходя мимо зеркала, даже когда у нея были заплаканы глаза, не могла удержаться, чтобы не взглянуть на себя и не поправить прически. Мнѣ казалось страннымъ и непонятнымъ, ч[illegible] она все еще продолжала живо интересоваться нарядами и при[illegible]дить въ восторгъ отъ своихъ покупокъ. Это какъ-то не шло къ [illegible] искренней печали. Она, какъ сама же говорила, навсегда порва[illegible] съ пошлымъ, ненавистнымъ свѣтомъ и въ самомъ дѣлѣ нигдѣ [illegible] бывала, кромѣ магазиновъ и своей старой гувернантки, а, меж[illegible] тѣмъ, зорко слѣдила за модой и шила себѣ дорогія платья. Для к[illegible]

и для чего? Мнѣ особенно памятно одно новое платье, сложное по замыслу, изысканное и по-моему въ высшей степени безвкусное; портниха увѣряла, что оно прекрасно сидитъ и къ лицу, и что она сложена на рѣдкость. Это лишнее, ненужное платье стоило четыреста рублей. Я вспоминалъ нашихъ поденщицъ, которыя за свой каторжный трудъ получаютъ по двугривенному въ день на своихъ харчахъ, и венеціанскихъ и брюссельскихъ кружевницъ, которымъ платятъ только по полуфранку въ день въ разсчетѣ, что остальное онѣ добудутъ развратомъ, и мнѣ было стыдно, неловко и я ненавидѣлъ Зинаиду Өедоровну за то, что она, слушая портниху, краснѣла отъ удовольствія. Но стоило ей только уйти изъ дому, какъ мнѣ уже опять хотѣлось, чтобы у моей будущей жены было именно такое лицо, такой голосъ, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда позвонитъ мнѣ снизу швейцаръ.

Относилась она ко мнѣ, какъ къ лакею, существу низшему. Можно гладить собаку и, въ то же время, не замѣчать ея; мнѣ приказывали, задавали вопросы, но не замѣчали моего присутствія. Хозяева считали неприличнымъ говорить со мной больше, чѣмъ это принято; еслибъ я, прислуживая за обѣдомъ, вмѣшался въ разговоръ или искренно засмѣялся, то меня, навѣрное, сочли бы сумасшедшимъ и дали бы мнѣ разсчетъ. Курьезно, что разговорчивая Зинаида Өедоровна находила удобнымъ не говорить со мной, даже когда ей приходилось по цѣлымъ днямъ молчать и томиться отъ этого. Но, все-таки, она благоволила ко мнѣ и, я думаю, въ случаѣ нужды, не отказала бы мнѣ въ протекціи и заступничествѣ. Когда она посылала меня куда-нибудь или объясняла, какъ обращаться съ новою лампой, или что-нибудь вродѣ, то лицо у нея было необыкновенно ясное, доброе и привѣтливое, и глаза смотрѣли мнѣ прямо въ лицо. При этомъ мнѣ всякій разъ казалось, что лицо у нея оттого такое хорошее, что она съ благодарностью вспоминаетъ, какъ я носилъ ей письма на Знаменскую. Когда она звонила, то Поля, считавшая меня ея фаворитомъ и ненавидѣвшая меня за это, говорила съ язвительною усмѣшкой:

— Иди, тебя *твоя* зоветъ.

Зинаида Өедоровна относилась ко мнѣ какъ къ существу низ-ему и не подозрѣвала, что если кто и былъ въ домѣ униженъ, лабъ и жалокъ, такъ это только она одна, и что мнѣ было из-ѣстно, въ какую страшную ловушку она попала и какимъ уни-еніямъ подвергалась въ этомъ домѣ ея любовь. Она не знала, что лакей, страдалъ за нее и разъ двадцать на день съ ужасомъ рашивалъ себя, что̀ ожидаетъ ее впереди и чѣмъ все это кончит-

ся. Дѣла съ каждымъ днемъ замѣтно становились хуже. Послѣ того вечера, когда говорили о службѣ, Орловъ, трусившій слезъ, сталъ видимо бояться и избѣгать разговоровъ; когда Зинаида Өедоровна начинала обижаться, спорить или умолять, и когда походило на то, что она скоро заплачетъ, онъ подъ благовиднымъ предлогомъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ или вовсе изъ дому. Онъ все рѣже и рѣже ночевалъ дома и еще рѣже обѣдалъ; по четвергамъ онъ уже самъ просилъ своихъ пріятелей, чтобъ они увезли его куда-нибудь. Зинаида Өедоровна, попрежнему, мечтала о своей кухнѣ, о новой квартирѣ и путешествіи за границу, но мечты оставались мечтами. Обѣдъ приносили изъ ресторана, квартирнаго вопроса Орловъ просилъ не поднимать впредь до возвращенія изъ-за границы, а о путешествіи говорилъ, что нельзя ѣхать раньше, чѣмъ у него отростутъ длинные волосы, такъ какъ таскаться по отелямъ и служить идеѣ нельзя безъ длинныхъ волосъ и соломенной шляпы.

Въ довершеніе лжи и скуки, къ намъ въ отсутствіе Орлова сталъ навѣдываться по вечерамъ Кукушкинъ. Онъ держался солидно и скромно, и не похоже было на то, чтобы онъ собирался отбить у Орлова Зинаиду Өедоровну. Его поили чаемъ и краснымъ виномъ, а онъ хихикалъ и льстилъ, увѣряя, что гражданскій бракъ во всѣхъ отношеніяхъ выше церковнаго и что, въ сущности, всѣ порядочные люди должны придти къ Зинаидѣ Өедоровнѣ и поклониться ей въ ножки.

Антонъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЙДЕМЪ ЗА НИМЪ! *).

Генрика Сенкевича.

VI.

По временамъ Антеѣ казалось, что уста трупа медленно шевелятся, а по временамъ она видѣла, какъ изъ нихъ выползаютъ черные, отвратительные жуки и летятъ по направленію къ ней. При одной мысли о видѣніи глаза ея отражали чувство ужаса; въ концѣ-концовъ, жизнь стала представляться такою цѣпью страшнаго мученія, что она начала просить Цинну, чтобъ онъ подставилъ ей мечъ или позволилъ бы выпить яду.

Но онъ зналъ, что не будетъ въ силахъ сдѣлать это. Своимъ мечомъ онъ перерѣзалъ бы для нея свои жилы, но убить ее не можетъ. Когда онъ представлялъ себѣ эту дорогую головку мертвою, съ замкнутыми рѣсницами, полную холоднаго спокойствія, эту грудь, пронзенную его мечомъ, то сознавалъ, что ему нужно сначала сойти съ ума, чтобы сдѣлать это.

Одинъ греческій врачъ сказалъ ему, что это Геката представляется Антеѣ, а невидимыя существа, шелестъ которыхъ такъ устрашаетъ больную, принадлежатъ къ свитѣ зловѣщаго существа. По его мнѣнію, для Антеи не было спасенія, ибо кто увидалъ Гекату, тотъ долженъ умереть. Тогда Цинна, который еще такъ недавно смѣялся надъ вѣрою въ Гекату, принесъ ей въ жертву гекатомбу. Но жертва не помогла и на слѣдующій день суровые глаза такъ же неподвижно глядѣли на Антею.

Пробовали закрывать ея голову, но она видѣла лицо трупа даже сквозь самое плотное покрывало. Когда она находилась въ темной комнатѣ, то лицо появлялось на стѣнѣ и разгоняло окружающій мракъ своимъ блѣднымъ, мертвеннымъ свѣтомъ.

*) *Русская Мысль*, кн. I.

Вечерами больной становилось лучше. Тогда она впадала въ такой глубокій сонъ, что и Циннѣ, и Тимону не разъ казалось, что она больше уже не проснется. Наконецъ, она ослабѣла такъ, что уже не могла ходить безъ посторонней помощи. Ее носили въ носилкахъ.

Прежняя тревога Цинны возросла сторицею и всецѣло охватило его. Въ немъ жили и страхъ за жизнь Антеи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, странное чувство, что ея болѣзнь состоитъ въ какой-то таинственной связи со всѣмъ тѣмъ, о чемъ Цинна говорилъ во время своей первой откровенной бесѣды съ Тимономъ. Быть можетъ, и старый мудрецъ думалъ то же самое, но Цинна не хотѣлъ и боялся разспрашивать его. Тѣмъ временемъ больная увядала, какъ цвѣтокъ, въ чашечкѣ котораго поселился ядовитый гадъ.

Однако, Цинна, вопреки отсутствію надежды, защищалъ ее со всею силой отчаянія. Прежде всего, онъ увезъ ее въ пустыню, въ окрестности Мемфиса, но когда и пребываніе подъ сѣнью пирамидъ не освободило ее отъ страшныхъ видѣній, то возвратился опять въ Александрію и окружилъ жену ворожеями, колдунами, заговаривающими болѣзни, — цѣлою толпой нахальныхъ кудесниковъ, пользующихся, при помощи таинственныхъ средствъ, людскимъ легковѣріемъ. Но у Цинны уже не было никакого выбора и онъ хватался за всѣ средства.

Въ это время прибылъ въ Александрію изъ Цезареи славный врачъ, еврей Іосифъ, сынъ Кузы. Цинна тотчасъ же привелъ его къ своей женѣ и вскорѣ надежда вновь озарила его сердце. Іосифъ, который не вѣрилъ въ греческихъ и римскихъ боговъ, съ презрѣніемъ отринулъ предположеніе о вліяніи Гекаты. Онъ допускалъ, что скорѣе это демоны овладѣли больною, и совѣтовалъ оставить Египетъ, гдѣ, кромѣ демоновъ, ея здоровью могли вредить и болотистыя испаренія Дельты. Онъ совѣтовалъ, можетъ быть, потому, что самъ былъ еврей, направиться въ Іерусалимъ, въ городъ, куда демонамъ нѣтъ доступа и въ которомъ воздухъ сухой и здоровый.

Цинна тѣмъ охотнѣе послѣдовалъ его совѣту, что, во-первыхъ, другого исхода не представлялось, а, во-вторыхъ, Іерусалимомъ правилъ его знакомый, предки котораго были когда-то кліентами дома Циннъ.

И дѣйствительно, прокураторъ Понтій принялъ ихъ съ распростертыми объятіями и отдалъ въ ихъ распоряженіе свой лѣтній домъ находящійся вблизи городскихъ стѣнъ.

Но надежды Цинны разсѣялись еще до прибытія въ Іерусалимъ Мертвое лицо смотрѣло на Антею даже на палубѣ галеры, а по пр

ѣздѣ на мѣсто больная ожидала полуденнаго часа съ такою же самою смертельною тревогой, какъ и въ Александріи.

И снова потекли ихъ дни въ уныніи, страхѣ, отчаяніи и ожиданіи смерти.

VII.

Въ атріумѣ, несмотря на фонтанъ, тѣнистый портикъ и раннюю пору, было страшно жарко. Бѣлый мраморъ весь раскалился отъ весенняго солнца. Къ счастью, не вдалекѣ отъ дома росло старое, раскидистое фисташковое дерево, осѣняющее большое пространство. И вѣтерокъ на открытомъ мѣстѣ дулъ отъ времени до времени. Туда Цинна и приказалъ поставить убранныя гіацинтами и цвѣтами яблони носилки, въ которыхъ покоилась Антея. Онъ сѣлъ возлѣ нея, положилъ руку на ея блѣдныя, какъ алебастръ, руки и спросилъ:

— Хорошо тебѣ, дорогая?

— Хорошо,—отвѣтила она еле слышнымъ голосомъ и смежила очи, какъ будто бы ею овладѣвалъ сонъ. Воцарилось молчаніе, только вѣтеръ шелестилъ вѣтвями фисташковаго дерева, а на землѣ, около носилокъ, мелькали золотыя пятна солнечнаго луча, пробирающагося сквозь листву, и немолчно стрекотала саранча между сѣрыми каменьями.

Больная черезъ минуту открыла глаза.

— Кай,—спросила она,—правда ли, что въ этой землѣ появился философъ, который исцѣляетъ больныхъ?

— Здѣсь такихъ людей называютъ пророками,—отвѣтилъ Цинна.—Я слышалъ о немъ и хотѣлъ его призвать къ тебѣ, но оказалось, что это былъ лукавый кудесникъ. Притомъ, онъ извергалъ хулу противъ здѣшнихъ святынь и вѣрованій этой страны. Прокураторъ за это предалъ его на смерть и сегодня онъ долженъ быть распятъ.

Антея поникла головой.

— Тебя вылечитъ время,—сказалъ Цинна, видя грусть, котор. отразилась на ея лицѣ.

— Время—слуга смерти, а не жизни,—медленно произнесла б льная.

И снова наступило молчаніе, вокругъ все мигали и перелива. ъ золотистыя пятна, саранча начинала стрекотать все сильнѣе, а зъ разщелинъ скалъ выползали маленькія ящерицы и располаг "сь на раскаленныхъ каменьяхъ.

Цинна отъ времени до времени поглядывалъ на Антею, и въ тысячный разъ ему пришла въ голову отчаянная мысль, что всѣ средства спасенія исчерпаны, что надежды нѣтъ уже никакой, и вскорѣ отъ боготворимаго имъ существа останется только одна скоропреходящая тѣнь, да горсть пепла въ колумбаріумѣ.

И теперь уже лежащая съ закрытыми глазами, въ украшенныхъ цвѣтами носилкахъ, она казалась мертвою.

«И я пойду за тобой!»—мысленно повторялъ Цинна.

Въ это время вдали послышались чьи-то шаги.

Лицо Антеи стало блѣдно, какъ мѣлъ, полуоткрытыя уста съ жадностью вбирали воздухъ, грудь волновалась отъ учащеннаго дыханія. Бѣдная мученица была увѣрена, что это приближается толпа тѣхъ невидимыхъ существъ, которыя предвѣщаютъ приближеніе мертваго лица съ стеклянными глазами. Но Цинна схватилъ ее за руку и старался успокоить.

— Антея, не бойся, эти шаги слышу и я.

И, не много спустя, онъ добавилъ:

— Это Понтій идетъ къ намъ.

Дѣйствительно, на заворотѣ тропинки показался прокураторъ въ сопровожденіи двухъ невольниковъ. Это былъ человѣкъ уже не молодой, съ круглымъ, тщательно выбритымъ лицомъ, носящимъ слѣды выработаннаго величія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неподдѣльной заботы и утомленія.

— Привѣтъ тебѣ, благородный Цинна, и тебѣ, божественная Антея,—сказалъ онъ, вступая въ тѣнь фисташковаго дерева.— Послѣ такой холодной ночи и такой жаркій день... да будетъ онъ счастливъ для васъ обоихъ и да разцвѣтетъ снова здоровье Антеи, какъ эти гіацинты и цвѣты яблони, которые украшаютъ ея носилки.

— Привѣтъ и тебѣ. Здравствуй!—отвѣтилъ Цинна.

Прокураторъ сѣлъ на обломокъ скалы, посмотрѣлъ на Антею, едва-едва нахмурилъ брови и проговорилъ:

— Уединеніе порождаетъ скуку и болѣзнь,—среди толпы нѣтъ мѣста безотчетному страху. Поэтому я дамъ вамъ совѣтъ. Къ несчастію, здѣсь не Антіохія и не Цезарея, здѣсь нѣтъ ни игрищъ, ни ристалищъ, а если бы основался циркъ, то здѣшніе фанатики разрушили бы его на другой день. Здѣсь только и слышно слово «законъ», а этому закону все становится поперекъ дороги. Я предпочиталъ бы жить лучше въ Скиѳіи, чѣмъ здѣсь...

— Что ты хочешь сказать, Пилатъ?

— Да, правда, я отступилъ отъ сути дѣла. Эти заботы мо[illegible]

всему причиной. Я говорилъ, что среди толпы нѣтъ мѣста безотчетному страху. И вотъ сегодня вы можете воспользоваться однимъ зрѣлищемъ. Въ Іерусалимѣ нужно довольствоваться малымъ, а, главное, заботиться о томъ, чтобы въ полуденное время Антея была посреди толпы. Сегодня три человѣка умрутъ на крестѣ. И это лучше, чѣмъ ничего. Притомъ, по случаю Пасхи въ городъ стекаются толпы самыхъ странныхъ оборванцевъ со всей страны. Вы можете сколько угодно любоваться на этотъ людъ. Я прикажу вамъ дать отличное мѣсто около самыхъ крестовъ. Я надѣюсь, что осужденные умрутъ храбро. Одинъ изъ нихъ,—странный онъ человѣкъ,—называетъ себя Сыномъ Божіимъ, кротокъ какъ голубь и, дѣйствительно, не совершилъ ничего такого, чтобы подвергнуться казни.

— И ты осудилъ его на крестную смерть?

— Я хотѣлъ избѣжать разныхъ непріятностей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не трогать гнѣзда осъ, которыя жужжатъ вокругъ храма. Они и такъ шлютъ на меня жалобы въ Римъ. Наконецъ, дѣло, вѣдь, идетъ не о римскомъ гражданинѣ.

— Отъ этого осужденный будетъ страдать не меньше.

Прокураторъ не отвѣтилъ и лишь черезъ минуту заговорилъ какъ бы самъ съ собою:

— Есть одна вещь, которой я не переношу, это—крайность. Кто при мнѣ произнесетъ это слово, тотъ лишитъ меня веселаго расположенія духа на цѣлый день. Золотая середина,—вотъ все, чего мое благоразуміе заставляетъ меня держаться. А на всей землѣ нѣтъ угла, гдѣ бы этого правила держались меньше, чѣмъ здѣсь. Какъ все это мучитъ меня! Нигдѣ не найдешь ни спокойствія, ни равновѣсія... ни въ людяхъ, ни въ природѣ... Теперь, напримѣръ, весна, ночи холодныя, а днемъ такой жаръ, что по каменьямъ ступать трудно. До полудня еще далеко, а посмотрите, что дѣлается вокругъ! А что здѣсь за люди, такъ лучше и не говорить. Я здѣсь живу потому, что долженъ жить. Да не о томъ рѣчь. Я снова отступилъ отъ дѣла. Идите смотрѣть на казнь. Я увѣренъ, что этотъ Назорей будетъ умирать храбро. Я приказалъ его бичевать, думая, что такимъ образомъ спасу его отъ смерти. Я человѣкъ вовсе не жестокій. Когда его бичевали, онъ былъ терпѣливъ, какъ агнецъ, и благословлялъ народъ. Когда онъ обливался кровью, то возносилъ очи къ небу и молился. Это самый удивительный человѣкъ, какого я видѣлъ во всю свою жизнь. Жена моя съ тѣхъ поръ не давала мнѣ ни минуты покою: «Не допускай смерти невиннаго»,—вотъ что она твердила мнѣ съ самаго утра. Я и хотѣлъ сдѣ-

лать такъ. Два раза я выходилъ изъ преторіи и обращался съ рѣчью къ этимъ яростнымъ первосвященникамъ, къ этой презрѣнной толпѣ. Они отвѣчали мнѣ въ одинъ голосъ, запрокидывая назадъ голову и чуть не до ушей раздирая ротъ: «Распни его!»

— И ты уступилъ?—спросилъ Цинна.

— Иначе въ городѣ были бы волненія, а я здѣсь для того, чтобы поддерживать спокойствіе. Я не люблю крайностей и, кромѣ того, страшно измученъ, но если разъ возьмусь за что-нибудь, то, не колеблясь, пожертвую для общаго блага жизнью одного человѣка, тѣмъ болѣе, что это человѣкъ никому неизвѣстный, о которомъ никто не спроситъ. Тѣмъ хуже для него, что онъ не римлянинъ.

— Солнце не надъ однимъ только Римомъ свѣтитъ!—отвѣтила Антея.

— Божественная Антея,—отвѣтилъ прокураторъ,—я могъ бы тебѣ отвѣчать, что по всей землѣ оно свѣтитъ только римскому могуществу, поэтому для его пользы нужно посвящать все, а волненія подкапываютъ наше вліяніе. Но, прежде всего, я умоляю тебя: не требуй, чтобъ я измѣнилъ свой приговоръ. Цинна также можетъ сказать тебѣ, что этого не можетъ быть,—разъ приговоръ произнесенъ, то только развѣ одинъ цезарь можетъ измѣнить его. Я, еслибъ и хотѣлъ, не могу. Правда, Кай?

— Правда.

Но на Антею эти слова произвели, видимо, неблагопріятное впечатлѣніе. И она сказала, какъ бы про себя:

— Значитъ, можно страдать и умереть безъ вины.

— Безвиннаго человѣка нѣтъ на свѣтѣ,—отвѣтилъ Понтій.—Этотъ Назорей не совершилъ никакого преступленія, а потому я, какъ прокураторъ, умылъ руки. Но, какъ человѣкъ, я осуждаю его ученіе. Я нарочно долго разговаривалъ съ нимъ, хотѣлъ выпытать его и убѣдился, что онъ проповѣдуетъ что-то неслыханное. Понять это очень трудно. Міръ долженъ быть основанъ на разумѣ... Кто споритъ, что добродѣтель необходима?... Конечно, не я. Но, вѣдь, и стоики предписываютъ только со спокойствіемъ встрѣчать противурѣчивыя мнѣнія, но не требуютъ отрѣшенія отъ всего, начиная съ имущества и кончая сегодняшнимъ обѣдомъ. Скажи, Цинна,—ты человѣкъ разсудительный,—что бы ты подумалъ о мнѣ, еслибъ этотъ домъ, въ которомъ вы живете, я ни съ того ни съ сего отдалъ тѣмъ оборванцамъ, которые грѣются на солнцѣ гдѣ-то тамъ, около Яффскихъ воротъ? А онъ-то собственно и требуетъ этого. Притомъ, онъ говоритъ, что всѣхъ любить нужно одинаково: евреевъ такъ же, какъ римлянъ, римлянъ какъ египтянъ

тянъ, египтянъ какъ африканцевъ и такъ далѣе. Признаюсь тебѣ, этого мнѣ было достаточно. Въ минуту, когда дѣло идетъ о его жизни, онъ держитъ себя такъ, какъ будто рѣчь идетъ о комъ-нибудь другомъ, поучаетъ... и молится. На мнѣ не лежитъ обязанности спасать кого-нибудь, кто самъ о себѣ не заботится. Кто не умѣетъ ни въ чемъ сохранить чувства мѣры, тотъ человѣкъ неблагоразумный. Притомъ, онъ называетъ себя Сыномъ Божіимъ и колеблетъ основы, на которыхъ стоитъ міръ,—значитъ, вредитъ и людямъ. Пусть въ душѣ онъ думаетъ, что хочетъ, только бы не колебалъ основъ. Какъ человѣкъ, я протестую противъ его ученія. Если, скажемъ такъ, я не вѣрю въ боговъ, такъ это мое дѣло. Однако, я признаю необходимость религіи,—говорю это всенародно, ибо думаю, что для народа религія — необходимая узда. Кони должны быть впряжены въ колесницу, и хорошо впряжены... Наконецъ, этому Назорею смерть и не должна быть страшною: онъ утверждаетъ, что воскреснетъ.

Цинна и Антея съ изумленіемъ переглянулись.

— Воскреснетъ?

— Ни болѣе, ни менѣе—черезъ три дня. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ его ученики. Самого его я забылъ спросить объ этомъ. Наконецъ, это все равно, потому что смерть избавляетъ отъ обѣщаній. А еслибъ онъ и не воскресъ, то ничего не потеряетъ, потому что, по его же ученію, истинное счастье, вмѣстѣ съ вѣчною жизнью, начинается лишь послѣ смерти. Онъ говоритъ объ этомъ рѣшительно, какъ человѣкъ совершенно убѣжденный. Въ его Гадесѣ свѣтлѣе, чѣмъ въ подсолнечномъ мірѣ, и кто больше страдаетъ здѣсь, тотъ вѣрнѣе войдетъ туда, онъ долженъ только любить, любить и любить.

— Странное ученіе!—сказала Антея.

— А народъ кричалъ тебѣ: «распни его»?—спросилъ Цинна.

— Я вовсе не удивляюсь этому. Душа этого народа — ненависть, а кто же, если не ненависть, станетъ требовать креста для любви?

Антея провела по лбу исхудалою рукой.

— И онъ увѣренъ, что можно жить и быть счастливымъ послѣ смерти?

— Поэтому-то его не страшитъ ни крестъ, ни смерть...

— Какъ бы это было хорошо, Кай!

И черезъ минуту она опять спросила:

— Откуда онъ знаетъ о томъ?

Прокураторъ махнулъ рукой.

— Говоритъ, что знаетъ это отъ Отца всѣхъ людей, который для евреевъ то же самое, что для насъ Юпитеръ, съ тою разницей, что, по словамъ Назорея, онъ единъ и милосердъ.

— Какъ бы это было хорошо, Кай!—повторила больная.

Цинна раскрылъ ротъ, какъ будто хотѣлъ сказать что-то, но замолкъ и разговоръ прекратился. Понтій, вѣроятно, все время думалъ о странномъ ученіи Назорея, кивалъ головой и поминутно пожималъ плечами. Наконецъ, онъ всталъ и началъ прощаться.

Вдругъ Антея сказала:

— Кай, пойдемъ, посмотримъ этого Назорея.

— Спѣшите, — добавилъ удаляющійся Пилатъ, — процессія скоро двинется.

VIII.

День, съ утра знойный и погожій, къ полудню началъ хмуриться. Съ сѣверо-запада плыли тучи, темныя или красновато-мѣднаго цвѣта, не большія, но густыя, словно чреватыя грозой. Между ними просвѣчивала еще глубокая лазурь неба, но можно было предвидѣть, что тучи вскорѣ сольются и окутаютъ весь горизонтъ. А пока солнце окаймляло ихъ зазубрины огнемъ и золотомъ. Надъ самымъ городомъ и прилегающими къ нему пригорками еще разстилалась полоса яснаго неба, внизу воздухъ стоялъ недвижною массой.

На высокомъ плоскогорьѣ, называемомъ Голгоѳой, тамъ и здѣсь стояли небольшія кучки людей, которые поспѣшили занять мѣста раньше, чѣмъ процессія двинется изъ города. Солнце освѣщало широкое каменистое пространство, пустое, безплодное и печальное. Общій однообразный, сѣровато-жемчужный тонъ нарушала только сѣть разщелинъ и обрывовъ, тѣмъ болѣе черная, чѣмъ болѣе яркими лучами солнца освѣщалось плоскогорье. Вдали виднѣлись высокіе холмы, одинаково безплодные, окутанные голубою дымкой дали. Ниже, между стѣнами города и плоскогорьемъ Голгоѳы, лежала равнина, усѣянная скалами, но уже не такая пустынная. Тамъ, изъ разщелинъ, въ которыхъ скопилось сколько-нибудь плодородной земли, выглядывали фиги съ рѣдкими и жалкими листьями. И тамъ, и здѣсь виднѣлись постройки съ плоскими кровлями, прилѣпившіяся, словно гнѣзда ласточекъ, къ каменнымъ стѣнамъ или сверкающія своею бѣлизной гробницы. Нынѣ, по случаю приближающихся праздниковъ и наплыва жителей провинціи, около стѣнъ выросло множество шалашей и палатокъ,—цѣлый таборъ, кишащій людьми и верблюдами.

Солнце поднималось все выше по пространству неба, которое еще не успѣли облечь тучи. Приближалось время, когда на этихъ высотахъ обыкновенно царило мертвое молчаніе, ибо всѣ живыя существа искали убѣжища въ стѣнахъ города или въ разщелинахъ. Даже и теперь, несмотря на обычное оживленіе, какая-то грусть царила надъ этимъ пространствомъ, гдѣ ослѣпительный блескъ солнца падалъ не на зелень, а на сѣрыя каменныя глыбы. Отголосокъ далекаго городского гомона, долетающій сюда, преображался точно въ шумъ волнъ и, казалось, поглощался царящею вокругъ тишиной.

Отдѣльныя кучки людей, съ утра помѣстившихся на Голгоѳѣ, то и дѣло обращались къ городу, откуда процессія должна выступить если не сейчасъ, то черезъ нѣсколько минутъ. Появились носилки Антеи въ сопровожденіи десятка солдатъ прокуратора, которые должны были пролагать дорогу среди народа, а до нѣкоторой степени и охранять чужеземцевъ отъ оскорбленій ненавидящей ихъ фанатической толпы. Возлѣ носилокъ шелъ Цинна въ сопровожденіи сотника Руфила.

Антея была какъ будто болѣе покойна и менѣе встревожена тѣмъ, что приближался полдень, предвѣщающій появленіе тѣхъ страшныхъ видѣній, которыя высасывали изъ нея жизнь. То, что прокураторъ говорилъ о молодомъ Назореѣ, овладѣло ея умомъ и отвлекло вниманіе отъ ея болѣзни. Въ этомъ крылось что-то странное для нея, чего она почти не могла понять. Тогдашній міръ видѣлъ многихъ людей, которые умирали такъ же спокойно, какъ гаснетъ погребальный костеръ, когда дрова догорятъ до тла. Но то было спокойствіе, истекающее изъ отваги или изъ философскаго примиренія съ неодолимою необходимостью перехода изъ свѣта во мракъ, изъ дѣйствительной жизни въ какое-то существованіе мглистое, неясное и неопредѣленное. Никто не благословлялъ до сихъ поръ смерти, никто не умиралъ съ непоколебимою увѣренностью, что только лишь за костромъ или за гробомъ начинается истинное существованіе и счастье, такое великое и безконечное, такое можетъ дать только существо всемогущее и безконечное.

А тотъ, котораго сейчасъ должны предать распятію, провозглалъ это какъ несомнѣнную истину. Антею не только поразило о ученіе, но и показалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственнымъ источникомъ утѣшенія и надежды. Она знала, что должна умереть, ее охватывала неизмѣримая скорбь. Чѣмъ представлялась ей ерть? Разлукой съ Цинной, разлукой съ отцомъ, разлукой со ѣтомъ, съ любовью, пустыней, холодомъ, полунебытіемъ, мра-

комъ. Чѣмъ лучше могло ей быть въ жизни, тѣмъ скорбь ея должна быть сильнѣе. Если бы смерть могла ей на что-нибудь пригодиться, если бы можно было взять съ собою хоть частицу воспоминанія о любви, хоть память о счастьѣ, то она нашла бы въ себѣ силу покориться.

И вдругъ, не ожидая отъ смерти ничего, она услышала, что смерть можетъ дать ей все. И кто же это проповѣдовалъ? Какой-то странный человѣкъ, учитель, пророкъ, философъ, который внушалъ людямъ любовь, какъ величайшую добродѣтель, который благословлялъ ихъ въ минуту, когда они бичевали его, и котораго сейчасъ распнутъ на крестѣ. И Антея думала: «Зачѣмъ же онъ такъ поучалъ, коль скоро крестъ является его единственною наградой? Одни жаждали власти,—онъ не хотѣлъ ея, онъ остался убогимъ; другіе—дворцовъ, пировъ, роскоши, пурпурной одежды, колесницъ, украшенныхъ слоновою костью и перламутромъ, — онъ жилъ, какъ пастырь среди стада. Онъ проповѣдовалъ любовь, состраданіе, нищету, — не могъ же онъ быть злымъ и умышленно обманывать людей. А если онъ говорилъ правду, то да будетъ благословенна смерть, какъ конецъ земного ничтожества, какъ обмѣнъ меньшаго счастья на большее, какъ свѣтъ для гаснущихъ очей, какъ крылья, на которыхъ вознесятся въ обитель вѣчной радости!...» Теперь Антея поняла, что̀ значила проповѣдь воскресенія.

Умъ и сердце бѣдной больной всѣми силами прилѣпились къ этому ученію. Она вспомнила слова отца, который не единократно говорилъ, что только новая правда можетъ извлечь истомленную человѣческую душу изъ мрака и отягощающихъ ее узъ. А это была новая правда. Она побѣждала смерть—значитъ, приносила спасеніе. Антея всѣмъ своимъ существомъ такъ погрузилась въ эти мысли, что Цинна въ первый разъ за много-много дней не замѣтилъ на ея лицѣ признака тревоги передъ приближающимся полуденнымъ часомъ.

Процессія выступила изъ города къ Голгоѳѣ, и съ вышины, на которой стояли носилки Антеи, все было видно до малѣйшей подробности. Толпа была огромная, но и она, казалось, таяла среди простора каменистой пустыни. Изъ открытыхъ городских воротъ выплывали все новыя и новыя волны людей, а по дорогѣ къ нимъ присоединялись тѣ, которые ожидали за воротами. По сторонамъ народнаго потока сновали рои дѣтей. Процессія мѣняла свой цвѣтъ и пестрѣла бѣлыми одеждами мужчинъ и красными и синими платками женщинъ. Въ серединѣ сверкали мечи и

копья римскихъ воиновъ. Шумъ смѣшанныхъ голосовъ доносился издалека и становился все болѣе и болѣе яснымъ.

Наконецъ, процессія приблизилась, — первые ряды начали всходить на пригорокъ. Толпа спѣшила, чтобы занять мѣсто поближе, не пропустить ничего изъ подробностей казни, вслѣдствіе чего отрядъ воиновъ, сопровождавшихъ осужденныхъ, сильно отсталъ. Первыми появились дѣти, преимущественно мальчики, полунагіе, перевязанные кускомъ тряпки вокругъ бедеръ, съ остриженными головами, за исключеніемъ двухъ локоновъ у висковъ, смуглые, съ голубоватыми глазами и пронзительнымъ говоромъ. Посреди дикаго гомона они начали вырывать изъ разщелинъ вывѣтрившіеся обломки скалъ, чтобы потомъ было чѣмъ бросать въ распятыхъ. За дѣтьми на пригорокъ хлынулъ первый отрядъ разнокалиберной толпы. Лица у всѣхъ горѣли отъ движенія и отъ надежды на любопытное зрѣлище, но ни на одномъ не было и слѣда состраданія. Крикливые голоса, торопливость рѣчи и рѣзкость движеній удивляли даже Антею, несмотря на то, что въ Александріи она привыкла къ болтливой и живой греческой толпѣ. Люди разговаривали между собою такъ, какъ будто были готовы броситься другъ на друга, кричали такъ, какъ будто дѣло шло объ ихъ спасеніи.

Центуріонъ Руфилъ подошелъ къ носилкамъ и давалъ объясненія спокойнымъ, дѣловымъ тономъ, а изъ города, между тѣмъ, наплывали все новыя и новыя волны. Въ толпѣ виднѣлись зажиточные жители Іерусалима, которые держались въ сторонѣ отъ жалкой голытьбы предмѣстья. Появились и крестьяне, которыхъ предстоящіе праздники привлекли въ городъ вмѣстѣ съ ихъ семействами, землепашцы съ котомками за плечами, добродушные и удивленные пастухи въ одеждахъ изъ козьей шкуры. Ряды женщинъ перемѣшивались съ рядами мужчинъ, но такъ какъ болѣе зажиточныя горожанки не охотно выходили изъ дома, то здѣсь преимущественно были женщины изъ народа, крестьянки или пестро разодѣтыя прелестницы, съ крашеными волосами, бровями и ногтями, щеголяющія широкими ожерельями изъ монетъ и далеко распространяющія пахъ нарда.

Наконецъ, появился и синедріонъ,—посреди него Анна, старикъ съ лицомъ коршуна и красными вѣками, и тучный Каіафа въ урогой шапкѣ съ золоченою таблицей на груди. Вслѣдъ за ними ли разные фарисеи: *волочащіе ноги*, которые умышленно натыкась на ходу на разныя препятствія, фарисеи съ *кровавыми лбами*, торые также нарочно бились головой объ стѣны, и *сгорбленные*,

какъ будто готовые принять на свои плечи грѣхи всего народа. Угрюмая важность и холодная свирѣпость рѣзко отличали ихъ отъ шумливой толпы простого народа.

Цинна смотрѣлъ на всѣхъ проходящихъ съ презрѣніемъ человѣка, принадлежащаго къ правящему народу, Антея съ удивленіемъ и опасеніемъ. Много евреевъ жило въ Александріи, но тамъ они казались на половину греками, а теперь она въ первый разъ увидала ихъ такими, какими они представлялись ей по словамъ прокуратора. Молодое лицо Антеи, на которомъ смерть уже положила свою печать, ея фигура, болѣе похожая на тѣнь, чѣмъ на живое существо, обращали на себя общее вниманіе. Толпа разсматривала ее со всѣхъ сторонъ и такъ назойливо, насколько это допускали солдаты, охраняющіе носилки. Ненависть и презрѣніе къ чужеземцамъ сказывались и здѣсь,—ни на одномъ лицѣ не было видно сожалѣнія къ бѣдной больной,—въ озлобленныхъ глазахъ толпы сверкала скорѣе радость, что жертва болѣзни не избѣжитъ рокового конца. Антея только теперь поняла, почему эти люди требовали распятія пророка, который проповѣдовалъ любовь.

И этотъ Назорей вдругъ показался ей кѣмъ-то близкимъ, чуть ли не дорогимъ. Онъ долженъ былъ умереть, и она тоже. Его послѣ произнесеннаго приговора уже ничто не могло спасти,—приговоръ произнесенъ и надъ нею, и Антеѣ казалось, что ихъ соединило братство несчастія и смерти. Только онъ шелъ на крестъ съ вѣрою въ посмертное завтра, а у ней этой вѣры не было и она пришла почерпнуть ее изъ его примѣра.

Тѣмъ временемъ вдали шумъ усиливался, раздался свистъ, вой, потомъ все сразу стихло. Послышалось бряцанье оружія и тяжелые шаги легіонеровъ. Толпа всколыхнулась, разступилась и отрядъ, сопровождавшій осужденныхъ, поравнялся съ носилками. Впереди, по сторонамъ и сзади, ровнымъ и медленнымъ шагомъ шли солдаты, по серединѣ видны были три перекладины крестовъ, которыя, казалось, сами плыли въ воздухѣ, потому что люди, несущіе ихъ, совсѣмъ сгибались подъ своею тяжестью. Легко можно было понять, что между этими тремя людьми не было Назорея,—лица двухъ осужденныхъ носили явные слѣды порока и преступленія, третья го, не молодого уже, простого крестьянина, римскіе солдаты, вѣр ятно, заставили нести крестъ за кого-то другого. Назорей шел за крестами, въ сопровожденіи двухъ стражниковъ. Онъ шелъ в пурпурномъ плащѣ, накинутомъ сверху одежды, а на головѣ е былъ терновый вѣнецъ, изъ-подъ шиповъ котораго показывали капли крови. Однѣ медленно стекали по его лицу, другія засыха

на челѣ, на подобіе ягодъ дикаго шиповника или зеренъ кораловыхъ четокъ. Назорей былъ блѣденъ и подвигался впередъ медленно, невѣрными, ослабѣвшими шагами. Онъ шелъ среди издѣвательствъ толпы, какъ будто погруженный въ задумчивость, заходящую за предѣлы видимаго міра, словно уже оторванный отъ земли, не слыша криковъ ненависти, со всепрощеніемъ, переходящимъ мѣру человѣческаго прощенія, съ состраданіемъ, превышающимъ мѣру человѣческаго состраданія, уже облеченный безконечностью, вознесенный надъ уровнемъ земного зла, кроткій и скорбящій великою скорбью всего міра.

— Ты—Правда!—прошептала дрожащими устами Антея.

Процессія теперь какъ разъ поравнялась съ носилками и даже на одну минуту остановилась, потому что впереди солдаты силою прочищали себѣ дорогу. Антея видѣла теперь Назорея въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя,—видѣла, какъ вѣтерокъ игралъ прядями его волосъ, видѣла красноватый отблескъ, падающій отъ плаща на его блѣдное, прозрачное лицо. Толпа, рвущаяся къ нему, тѣснымъ кольцомъ окружила солдатъ, и они должны были сомкнуть свои луки, чтобы охранить осужденнаго отъ ярости народа. Повсюду можно было видѣть простертыя руки со стиснутыми кулаками, глаза, чуть не выходящіе изъ орбитъ, сверкающіе зубы, растрепанныя бороды, пѣнящіяся уста, извергающія проклятія. А онъ, оглянувшись вокругъ, какъ будто хотѣлъ спросить: «Что я вамъ сдѣлалъ?»—поднялъ глаза къ небу и молился.

— Антея, Антея!—крикнулъ Цинна.

Но Антея, казалось, не слыхала его зова. Изъ глазъ ея текли крупныя слезы, она забыла о своей болѣзни, забыла, что вотъ уже много дней не двигалась со своихъ носилокъ,—встала, и, дрожащая, почти потерявшая сознаніе отъ жалости, состраданія и негодованія на безумную толпу, начала срывать гіацинты и цвѣты яблони и бросать подъ стопы Назорея.

На минуту воцарилась тишина. Толпу охватило изумленіе при видѣ благородной римлянки, отдающей честь осужденному. Онъ кинулъ взоръ на ея блѣдное, болѣзненное лицо и уста его шевельнулись, точно онъ благословлялъ ее. Антея снова опустилась на подушки носилокъ. Она чувствовала, что на нее изливается потокъ свѣта, добра, милосердія, упованія, счастья, и снова прошептала:

— Ты—Правда!

Потомъ новая волна слезъ прихлынула къ ея глазамъ. Но осужденнаго повели впередъ, на мѣсто, гдѣ въ разщелинѣ скалъ были уже укрѣплены три столба, которые должны были служить основа-

ніями крестовъ. Толпа снова заслонила его, но мѣсто казни было выше общаго уровня почвы и Антея вскорѣ вновь увидѣла его блѣдное лицо и терновый вѣнецъ. Легіонеры еще разъ пустили въ ходъ свои палки, чтобъ отогнать на приличное разстояніе толпу, мѣшающую исполненію казни. Начали привязывать двухъ разбойниковъ къ боковымъ крестамъ. Третій крестъ стоялъ по серединѣ, а на верхушкѣ его была прибита бѣлая таблица, которую колебалъ все болѣе и болѣе усиливающійся вѣтеръ. Когда солдаты, приблизившись къ Назорею, стали снимать съ него одежду, въ толпѣ раздались крики: «Царь, царь! Не поддавайся, царь!... Гдѣ же твои полчища?... Защищайся!» По временамъ раздавались взрывы смѣха, казалось, вся каменистая площадка вдругъ разражалась порывомъ могучаго хохота. А осужденнаго тѣмъ временемъ повергли навзничь на землю, чтобы прибить его руки къ поперечинѣ креста и потомъ, вмѣстѣ съ нею, поднять на главный столбъ.

Въ это время какой-то человѣкъ, стоящій недалеко отъ носилокъ и одѣтый въ бѣлую симарру, посыпалъ голову пылью и закричалъ ужаснымъ, отчаяннымъ голосомъ:

— Я былъ прокаженный, и онъ исцѣлилъ меня! Такъ это его распинаютъ?

Лицо Антеи поблѣднѣло, какъ полотно.

— Онъ исцѣлилъ его... ты слышишь, Кай?—спросила она.

— Можетъ быть, ты хочешь возвратиться домой? — отвѣтилъ Цинна.

— Нѣтъ. Я здѣсь останусь.

Цинну охватило, какъ вихрь, дикое и безграничное отчаяніе, что онъ не догадался призвать въ свой домъ Назорея, дабы онъ исцѣлилъ Антею.

Но въ это время солдаты, приставивъ къ рукамъ Назорея гвозди, начали ударять по нимъ молотками. Послышался тупой стукъ желѣза о желѣзо, который смѣнился болѣе яснымъ звукомъ, когда острія гвоздей, пройдя сквозь тѣло, начали углубляться въ дерево. Толпа снова утихла, утихла для того, чтобы насладиться стенаніями, какія муки могли извлечь изъ устъ Назорея. Но онъ оставался безгласенъ и на верхушкѣ площадки раздавались только зловѣщі и страшные удары молота.

Наконецъ, работа была окончена и тѣло казнимаго вмѣстѣ с поперечиной поднято кверху. Римскій сотникъ пѣвучимъ, однообразнымъ голосомъ отдавалъ надлежащія распоряженія. Одинъ изъ солдатъ началъ прибивать къ столбу стопы Назорея.

Облака, которыя съ утра клубились на небѣ, теперь закрыли

солнце. Отдаленные пригорки и скалы, до сихъ поръ горѣвшіе нестерпимымъ блескомъ, сразу угасли. Свѣтъ начиналъ меркнуть. Зловѣщій мѣдно-красный сумракъ окутывалъ всю окрестность и сгущался все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ солнце глубже заходило за громады тучъ. Казалось, кто-то сверху сыплетъ на землю тяжелую, подавляющую темноту. Жгучій вѣтеръ рванулъ разъ, другой и потомъ стихъ. Воздухъ становился невыносимо душнымъ.

Вдругъ и эти красноватые отблески почернѣли. Угрюмыя, какъ ночь, тучи огромными клубами начали надвигаться на народъ и на площадку. Приближалась гроза... Все дышало тревогой.

— Вернемся домой!—снова сказалъ Цинна.

— Я еще, еще разъ хочу видѣть Его!—отвѣтила Антея.

Мракъ окутывалъ тѣла, висящія на крестахъ, и Цинна приказалъ перенести носилки своей жены ближе къ мѣсту казни. Антея подняла глаза. На темномъ деревѣ тѣло Распятаго посреди окружающаго мрака казалось сотканнымъ изъ лучей мѣсяца. Грудь Его волновалась тяжелымъ дыханіемъ, но голова и очи все еще были обращены къ небу.

Въ глубинахъ тучъ послышалось точно глухое рокотаніе. Громъ проснулся, съ оглушающимъ трескомъ перекатился съ востока на западъ, потомъ, будто низвергаясь въ бездонную пропасть, то стихалъ, то вновь усиливался, и, наконецъ, ударилъ такъ, что земля потряслась въ своемъ основаніи.

И сейчасъ же огромная синяя молнія разорвала тучи, ярко озарила небо, землю, кресты, оружіе воиновъ и сбившуюся вмѣстѣ, какъ стадо овецъ, безпокойную, встревоженную толпу.

Послѣ молніи воцарилась еще болѣе глубокая темнота. Около носилокъ раздавались рыданія женщинъ, стоящихъ у креста, и было что-то поразительное въ этомъ рыданіи среди повсюду царящей тишины. Тѣ, которые пришли вмѣстѣ и затерялись въ толпѣ, начали окликать другъ друга. И тамъ, и здѣсь раздавались встревоженные голоса:

— Ойахъ! Не праваго ли это человѣка распяли?

— Онъ проповѣдовалъ истину! Ойахъ!

— Онъ воскрешалъ мертвыхъ!

Кто-то крикнулъ:

— Горе тебѣ, Іерусалимъ!

Другой голосъ отозвался:

— Земля затряслась!

Новый потокъ молній вырвался изъ глубины тучъ на подобіе пы огромныхъ, огненныхъ фигуръ. Голоса народа стихли или,

вѣрнѣе, затерялись среди свиста вихря, который съ неслыханною яростью поднялся вдругъ, началъ срывать съ людей одежды и разбрасывать ихъ по равнинѣ.

— Земля трясется!—опять слышалось въ толпѣ.

Одни бросились бѣжать, другихъ страхъ приковалъ къ мѣсту, и они стояли остолбенѣвшіе, безъ мысли, съ однимъ только смутнымъ сознаніемъ, что свершилось что-то страшное.

Но мракъ вдругъ началъ рѣдѣть. Вихрь гналъ тучи, развивалъ и свивалъ ихъ и разрывалъ вновь, какъ гнилые лоскутья. Свѣтъ усиливался все болѣе, наконецъ, темная завѣса тучъ разорвалась, сквозь образовавшуюся разщелину на землю хлынулъ потокъ солнечныхъ лучей, и все прояснилось: и пригорокъ, и кресты, и испуганныя лица людей.

Глава Назорея низко поникла на грудь, блѣдная, словно восковая, глаза Его были раскрыты, уста посинѣли.

— Умеръ!—шепнула Антея.

— Умеръ!—повторилъ вслѣдъ за ней Цинна.

Въ эту минуту центуріонъ коснулся копьемъ бока умершаго. Странное дѣло: видъ солнца и этой смерти, казалось, успокоивали толпу. Теперь она ближе придвинулась къ мѣсту казни, солдаты болѣе уже не отгоняли ее. Раздались голоса:

— Сойди съ креста, сойди съ креста!

Антея еще разъ взглянула на эту блѣдную, поникшую голову и проговорила тихо, точно про себя:

— Неужели Онъ воскреснетъ?

Она видѣла, какъ смерть наложила синія пятна на Его очи и уста, видѣла эти неестественно вытянутыя руки, это неподвижное тѣло, которое все опустилось книзу, и, все-таки, ея голосъ звучалъ отчаяннымъ сомнѣніемъ.

Не меньшее сомнѣніе терзало и душу Цинны. Онъ также не вѣрилъ, что Назорей воскреснетъ, но за то вѣрилъ, что еслибъ Онъ былъ живъ, то только Онъ одинъ могъ бы своею доброю или злою силой исцѣлить Антею.

А толпа у креста все болѣе увеличивалась, голоса кричали все съ большею насмѣшкой:

— Сойди со креста, сойди со креста!

— Сойди,— съ отчаяніемъ, въ глубинѣ души, повторилъ Цинна,—исцѣли ее и возьми мою душу!

Небо прояснилось. Горы были еще окутаны мглою, но надъ Голгоѳой и городомъ не было ни одного облачка. Башня Антонія ослѣпительно сверкала на солнцѣ, какъ второе солнце. Въ освѣжѣвшем

воздухѣ носились сотни ласточекъ. Цинна сдѣлалъ знакъ возвращаться домой.

Полдень давно уже миновалъ. Приближаясь къ дому, Антея сказала:

— Геката не приходила сегодня.

И Цинна также думалъ объ этомъ.

IX.

Видѣніе не появлялось и на слѣдующій день. Больная была необыкновенно оживлена, потому что изъ Цезареи пріѣхалъ Тимонъ, который сильно безпокоился о здоровьѣ Антеи и, напуганный письмами Цинны, поспѣшно покинулъ Александрію, чтобы еще разъ передъ смертью увидѣть свою единственную дочь. Въ сердце Цинны вновь начала стучаться надежда, какъ бы прося впустить ее, но Цинна не смѣлъ отворить двери этой гостьѣ, не смѣлъ надѣяться. Въ видѣніяхъ, которыя убивали Антею, уже бывали перемѣны,— правда, не двухдневныя, но однодневныя случались и въ Александріи, и въ пустынѣ. Теперешнее облегченіе Цинна приписывалъ прибытію Тимона и впечатлѣнію, вынесенному съ мѣста казни,—впечатлѣнію, настолько завладѣвшему душою больной, что она и съ отцомъ не могла ни о чемъ другомъ разговаривать. Тимонъ слушалъ сосредоточенно, не возражалъ, раздумывалъ и только внимательно разспрашивалъ объ ученіи Назорея, о которомъ Антея знала лишь то, что ей сообщилъ прокураторъ.

Какъ бы то ни было, но вообще она чувствовала себя болѣе здоровою, болѣе сильною, а когда полдень прошелъ и миновалъ благополучно, то въ ея глазахъ блеснулъ лучъ надежды. Нѣсколько разъ она назвала этотъ день счастливымъ и просила мужа записать его.

А на самомъ дѣлѣ день былъ печальный и мрачный. Изъ низкихъ, однообразныхъ тучъ все время шелъ дождь, сначала обильный, а потомъ мелкій, холодный, пронзительный. Только вечеромъ небо прояснилось и огромный солнечный шаръ окрасилъ пурпуромъ и золотомъ тучи, сѣрые каменья пустыни, бѣлый мраморъ портиковъ загородныхъ виллъ и опустился въ пучину далекаго Средиземн[illegible]о моря.

За то на слѣдующій день погода была удивительная. День об[illegible]лъ быть знойнымъ, но утро было свѣжее, небо безъ малѣй[illegible]го облачка и земля такъ залита блескомъ лазури, что всѣ пред[illegible]ты казались голубыми. Антея приказала вынести себя подъ любимое фисташковое дерево, чтобы съ пригорка, на которомъ оно [illegible]ло, любоваться видомъ веселой, голубой дали. Цинна и Тимонъ

ни на шагъ не отступали отъ носилокъ, слѣдя за малѣйшимъ измѣненіемъ лица больной. А въ ней замѣчалось какое-то безпокойство ожиданія, но не было ни слѣда того смертельнаго ужаса, который охватывалъ ее обыкновенно передъ приближеніемъ полудня. Теперь глаза ея свѣтились яснѣе, а щеки окрасились легкимъ румянцемъ. Теперь и Цинна по временамъ позволялъ себѣ думать, что Антея можетъ выздоровѣть, и при этой мысли ему то хотѣлось броситься на землю, дать волю радостному рыданію, благословлять боговъ, то снова его сердце сжималось при мысли, что это, можетъ быть, только послѣдняя вспышка гаснущей лампады. Желая подкрѣпить свою надежду, онъ по временамъ посматривалъ на Тимона, но и тому въ голову, вѣроятно, приходили такія же мысли, потому что онъ старался избѣгать взгляда Цинны. Ни одинъ изъ троихъ и словомъ не обмолвился, что полдень приближается. За то Цинна, поминутно наблюдающій за тѣнью, съ бьющимся сердцемъ замѣчалъ, что она становится все короче и короче.

И сидѣли они, словно погруженные въ задумчивость. Можетъ быть, наименѣе неспокойною была сама Антея. Лежа въ открытыхъ носилкахъ, съ головою, покоющеюся на пурпурной подушкѣ, она съ наслажденіемъ вдыхала свѣжія испаренія, которыя вѣтерокъ приносилъ съ запада, со стороны моря. Но около полудня и этотъ вѣтерокъ утихъ. Жара становилась все сильнѣе. Пригрѣтые солнцемъ кусты нарда начали испускать тяжелое благоуханіе. Надъ группами анемоновъ порхали пестрые мотыльки. Маленькія ящерицы, привыкшія и къ этимъ носилкамъ, и къ этимъ людямъ, безбоязненно выползали изъ разщелинъ, впрочемъ, ни на минуту не покидая своей бдительности. Весь міръ успокоился и отдыхалъ подъ вліяніемъ свѣта и тепла, подъ безоблачнымъ кровомъ лазурнаго неба.

Тимонъ и Цинна, казалось, также тонули въ безбрежно разлитомъ спокойствіи. Больная смежила очи, какъ будто ее осѣнилъ легкій сонъ, и молчанія не нарушало ничто, за исключеніемъ тяжелаго вздоха, который отъ времени до времени вырывался изъ ея груди.

А въ это время Цинна замѣтилъ, что его тѣнь утратила свою продолговатую форму и отвѣсно падаетъ къ его ногамъ.

Былъ полдень.

Вдругъ Антея открыла глаза и промолвила какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Кай, дай мнѣ руку.

Онъ вскочилъ и вся кровь его заледенѣла: приближалась минута страшныхъ видѣній.

— Видишь ли ты,—продолжала Антея,—какой свѣтъ собирается тамъ и скопляется въ воздухѣ, какъ онъ дрожитъ, переливается и идетъ ко мнѣ?...

— Антея, не смотри туда!—крикнулъ Цинна.

Но, о, чудо! на лицѣ ея не было выраженія ужаса. Раскрылись ея уста, глаза смотрѣли еще шире и какая-то безмѣрная радость начала озарять ея лицо.

— Столбъ свѣта приближается ко мнѣ,—говорила она.—Я вижу! Это Онъ! Это Назорей!... Онъ улыбается... О, кроткій!... О, милосердый!... Пробитыя руки протягиваетъ ко мнѣ, какъ мать... Бай! Онъ приноситъ мнѣ здоровье, избавленіе и призываетъ меня къ себѣ.

А Цинна страшно поблѣднѣлъ и отвѣтилъ:

— Если Онъ насъ призываетъ, пойдемъ за Нимъ!

Часъ спустя, съ другой стороны, на каменистой тропинкѣ, ведущей въ городъ, показался Понтій Пилатъ. Прежде чѣмъ онъ приблизился, по его лицу можно было видѣть, что онъ приноситъ какую-то новость, которую, какъ человѣкъ разсудительный, считаетъ за новый вымыселъ легковѣрной и темной толпы. И дѣйствительно, еще издали онъ началъ кричать, утирая влажный лобъ:

— Представьте себѣ, что эти люди говорятъ, будто онъ воскресъ!

В. Л.

Задача.

(Изъ восточныхъ мотивовъ).

Шейхъ, потомокъ Магомета,
Слылъ въ странѣ любимцемъ Бога:
По молитвѣ шейха было
Можно благъ добыть премного.

*
* *

И пришли за той молитвой
Къ шейху въ Мекку, городъ древній,
Земледѣлецъ и горшечникъ—
Два сосѣда по деревнѣ.

*
* *

Первый молвилъ: «Старецъ вѣщій!
Испроси мнѣ дождь у неба,
Безъ того погибнутъ нивы
И останусь я безъ хлѣба!...»

*
* *

Но въ слезахъ прервалъ горшечникъ:
«Въ дождь не выжечь мнѣ посуду!
Старецъ! вымоли бездожье,
А не то я нищимъ буду!...»

*
* *

Въ этотъ день премудрый старецъ
Былъ душой не очень свѣтелъ:
«Уходите, братцы, съ миромъ!»
Онъ просителямъ отвѣтилъ.

*
* *

«Пусть изъ васъ пребудетъ каждый
Въ Божьей милости увѣренъ,
А въ тупикъ Аллаха ставить
Изъ-за васъ я не намѣренъ!...»

Василій Величко.

Вопросъ о подоходномъ налогѣ въ Россіи *).

Съ подушнымъ принципомъ дореформенной системы прямаго обложенія въ Россіи было тѣсно связано начало *круговой поруки* по уплатѣ казенныхъ сборовъ, слѣдуемыхъ съ податного населенія, и *паспортная система*. Это наслѣдство крѣпостной эпохи всецѣло сохраняетъ свою силу до настоящаго времени и ведетъ къ вопіющимъ несправедливостямъ и стѣсненіямъ для населенія. Разсматривая вопросъ о податной реформѣ, мѣстныя учрежденія не могли не коснуться этой стороны нашей податной системы. Высказанное ими и теперь существенно сохраняетъ свою цѣну и заслуживаетъ поэтому нашего вниманія.

Напомнимъ вкратцѣ исторію паспортовъ и паспортнаго сбора въ Россіи.

Тяжелая рекрутская повинность, введенная въ Россіи Петромъ Великимъ, создала, между прочимъ, множество бѣглыхъ солдатъ, матросовъ, рекрутъ, что въ свою очередь увеличило грабежи и разбои. Приходилось принимать строгія мѣры. Для поимки бѣглыхъ были посланы цѣлые отряды войска и, чтобы облегчить самую поимку, повелѣно было, чтобы «никто безъ проѣзжихъ или прохожихъ писемъ изъ города въ городъ и изъ села въ село не ѣздилъ и не ходилъ». Такимъ образомъ, первоначальная цѣль паспортовъ, введенныхъ въ концѣ царствованія Петра Великаго, была *чисто-полицейская*—поимка бѣглыхъ и уменьшеніе разбоевъ.

Со введеніемъ, по плакату 26 мая 1724 г., подушной подати, уплачиваемой по мѣсту записи при ревизіи, податныя общества, обязанныя круговою порукой, стали пользоваться паспортами, какъ средствомъ слѣдить за мѣстожительствомъ отсутствующихъ членовъ и побуждать ихъ къ исправному взносу податей и отправленію повинностей. До 1763 года при выдачѣ паспортовъ съ нихъ взималась пошлина въ размѣрѣ стоимости ихъ отпечатанія. Манифестомъ 15 декабря 1763 г. сборъ съ паспортовъ возвышенъ до 10 к. съ годовыхъ, до 50 к. съ двухгодовыхъ и до 1 руб. съ трехгодовыхъ. Установленіе этого сбора, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, введенныхъ тѣмъ же манифестомъ, было сдѣлано съ цѣлью полученія

средствъ для увеличенія жалованья чиновникамъ, въ видѣ привлеченія къ занятію судебныхъ должностей людей достойныхъ и честныхъ. Съ тѣхъ поръ этотъ налогъ неоднократно возвышался, преимущественно при установленіи сборовъ, мотивированныхъ желаніемъ уменьшить государственные долги.

Такимъ образомъ, паспорты, явившись съ чисто-*полицейскою цѣлью*, сейчасъ же становятся вспомогательнымъ средствомъ для *взиманія* подушныхъ *налоговъ,* а съ 1763 г. паспортный сборъ самъ дѣлается самостоятельнымъ налогомъ. Отношеніе къ паспортамъ, къ большей невыгодѣ населенія, вслѣдствіе этого, усложняется, правительство требуетъ соблюденія паспортныхъ правилъ, между прочимъ, съ тою цѣлью, чтобы государственное казначейство не лишилось паспортнаго сбора. Въ этихъ видахъ предписывалось, напримѣръ, чтобы купцы и мѣщане, служащіе по выборамъ, не отлучались съ паспортами, выданными изъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ они служатъ, а брали бы плакатные паспорта. Но такъ какъ виды на отлучки изъ мѣстъ служенія выдавались на гербовой бумагѣ въ 90 коп., то, чтобы не утратился и этотъ сборъ, уставъ о пошлинахъ (ст. 95) предписываетъ брать имъ два паспорта—отъ мѣста служенія и плакатный.

Паспортная коммиссія, какъ одна изъ составныхъ частей податной коммиссіи, признала крайнія неудобства и стѣсненія, проистекавшія изъ нашей паспортной системы. Для того, чтобы въ этой системѣ сдѣлать коренныя преобразованія и устроить ее на правильныхъ основаніяхъ, по мнѣнію коммиссіи, было бы необходимо устранить отъ паспортовъ значеніе: 1) орудія побужденія лицъ, отлучающихся отъ общества, къ уплатѣ податей и отправленію повинностей и 2) налога въ пользу казны.

По первому пункту паспортная коммиссія, однако, при существованіи подушной подати, основанной на круговой порукѣ членовъ сельскаго общества, не нашла возможнымъ отказаться отъ паспортной системы и высказалась лишь за облегченіе населенію передвиженія, для чего, по мнѣнію коммиссіи, слѣдовало бы предоставить каждому лицу возможность: а) получать паспорты на возможно продолжительные сроки и б) исполнять всѣ повинности, обезпеченныя круговымъ ручательствомъ, не въ томъ только мѣстѣ, гдѣ кто записанъ по ревизіи, но и гдѣ проживаетъ.

Что касается паспортнаго сбора, какъ источника дохода казны, то освобожденіе отъ него паспортовъ коммиссія признала крайне необходимымъ. Налогъ этотъ, не приносящій, по мнѣнію коммиссіи, значительнаго дохода, можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ стѣснительныхъ и несправедливыхъ. Въ установленіи его не только не соблюдено первое и существен условіе каждаго налога — пропорціональность, но даже налогъ въ это случаѣ падаетъ на такое дѣйствіе, которое можетъ вовсе не приносить хода и даже не имѣть цѣлей барышей, такъ какъ не всякая отлучка мѣста жительства предпринимается въ видахъ полученія барышей отъ т говли и промышленности. Сборъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія матеріальнымъ средствамъ плательщиковъ. Взимается онъ въ самое неу

ное время для плательщиковъ, именно, когда они и безъ того должны дѣлать необычные расходы. Это замѣчаніе особенно относится къ рабочему классу, отправляющемуся изъ деревни въ разныя мѣста на заработки. Результаты отъ свободнаго передвиженія, именно выгоды, получаемыя населеніемъ отъ развивающихся торговли и промысловъ, должны составлять предметъ налога, а не передвиженіе, которое само по себѣ еще не представляетъ доходнаго дѣйствія.

Докладъ паспортной коммиссіи не былъ принятъ общею коммиссіей по пересмотру податей и сборовъ. Выработанныя ею новыя паспортныя правила коммиссія не нашла удобнымъ вводить, такъ какъ они разсчитаны на существованіе подушной подати съ круговою порукой, а податная коммиссія въ своемъ проектѣ полагала подушную подать переложить на дворы и земли и находила болѣе умѣстнымъ уже потомъ пересмотрѣть паспортныя правила и согласовать ихъ съ новымъ порядкомъ вещей.

Точно также, въ виду тогдашняго положенія государственной казны, по мнѣнію коммиссіи, не только не дозволяющей отмѣны довольно значительной статьи дохода, но и требовавшей, напротивъ, немаловажныхъ приращеній для покрытія дефицита, коммиссія не находила возможнымъ исключить этотъ значительный источникъ изъ государственнаго бюджета.

По разсчетамъ коммиссіи, доходы казначейства отъ паспортнаго сбора въ 1859 г. опредѣлялись почти въ 3 милл. р. (1.943,000 дохода за печатные паспорта и около 950,000 руб. гербоваго сбора). Сборъ поступалъ за письменные виды, выдаваемые на 30, 60 и 90 к. с. для недальнихъ и кратковременныхъ отлучекъ лицъ податныхъ сословій, а также для отлучекъ лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, неслужащихъ дворянъ и ихъ семействъ и почетныхъ гражданъ.

Среди соображеній земскихъ учрежденій по податной реформѣ мы находимъ и отзывы нѣкоторыхъ относительно круговой поруки и паспортной системы. Отзывы эти, какъ и слѣдовало ожидать, отрицательнаго характера.

«Упраздненіе круговой поруки,—читаемъ мы въ докладѣ коммиссіи московскаго губернскаго собранія,—конечно, немыслимо до тѣхъ поръ, пока подати исчисляются по ревизскимъ душамъ; но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что пока на членахъ общества будетъ тяготѣть обязательная другъ за друга отвѣтственность передъ правительствомъ въ уплатѣ податей, внутренняя ихъ раскладка, по закону или вопреки закону, на самомъ дѣлѣ будетъ оставаться въ рукахъ общества, и потому очень легко можетъ случиться, что перемѣна въ системѣ обложенія, переводъ податей съ душъ на другіе предметы, замретъ въ бумажномъ мірѣ и не перейдетъ въ живое дѣло». Въ подтвержденіе этого коммиссія указала на примѣръ подольскаго уѣзднаго земства, которое ввело у себя обложеніе домовъ въ селахъ, причемъ окладъ исчислялся порознь на каждый дворъ; но, по укоренившимся

Труды ком., т. 3, докл. I, отд. ком. № 13. Спб., 1863 г.

привычкамъ, большая часть сельскихъ обществъ сливаетъ всѣ оклады въ одну общую сумму и разлагаетъ ее по душамъ.

Высказываясь противъ круговой поруки, коммиссія предложила, однако, отмѣнить ее *условно,* въ той надеждѣ, что правительство обойдется безъ нея во всѣхъ вообще сборахъ и взносахъ, поступающихъ въ казну или въ земство. Въ противномъ случаѣ, «при нѣкоторомъ знакомствѣ съ крестьянскою средой, по мнѣнію земской коммиссіи, трудно даже себѣ представить, чтобы могъ установиться въ сельскихъ обществахъ двоякій порядокъ разверстки, взиманія и взысканія для разныхъ видовъ платежей въ казну, и чтобы новый порядокъ, принятый для сравнительно ничтожнаго налога въ какихъ-нибудь полтора рубля, могъ укорениться, пока сборы, доходящіе до 9 и болѣе рублей, будутъ подчинены старому. Это бы сбило съ толку сельскую администрацію, породило бы путаницу въ разсчетахъ и вызвало бы множество споровъ, жалобъ и пререканій». Во всякомъ случаѣ, для отмѣны круговой поруки коммиссія не находитъ непреодолимыхъ къ тому препятствій.

Въ томъ же смыслѣ высказалась бронницкая управа Московской губ. По мнѣнію управы, «облегчая крестьянское сословіе перенесеніемъ значительной части лежащаго на немъ налога или бремени на прочія сословія государства, уравнивая его гражданскія права по отношенію къ фиску, необходимо освободить *отъ тяжелаго для народа круговаго ручательства обществъ за подати и недоимки»*. Начало личной отвѣтственности должно быть примѣнено не только въ отношеніи государственныхъ податей и сборовъ, но и въ отношеніи выкупныхъ платежей и оброковъ помѣщикамъ, значительно превосходящихъ по своимъ размѣрамъ оклады государственныхъ податей. Круговая порука обществъ, не обезпечивая государственному казначейству и помѣщикамъ исправной уплаты слѣдующихъ имъ платежей, имѣетъ послѣдствіемъ обѣдненіе и даже совершенную несостоятельность крестьянскихъ обществъ, задерживаетъ развитіе сельской промышленности, вынуждая лицъ, обязанныхъ оною, избѣгать всякаго стремленія къ усиленію производительности почвы покупкою скота или улучшенію земледѣльческаго инвентаря, изъ опасенія потерять то и другое по неисправности въ платежахъ своихъ односельцевъ. Только одновременнымъ принятіемъ законодательныхъ мѣръ, уравнивающихъ всѣ сословія по отношенію къ обязанности нести тяготы государственныхъ налоговъ и возлагающихъ отвѣтственность въ уплатѣ непосредственно на лицо и имущество каждаго плательщика въ отдѣльности, можно достигнуть благополучія и довольства народа, экономическимъ состояніемъ котораго будетъ опредѣляться экономическое положеніе всей Россіи, и неразрывно и тѣсно связаннаго съ ним благополучія государственныхъ финансовъ, народнаго образованія и народной нравственности.

Очеркъ отношенія земства къ вопросу о подоходномъ налогѣ будетъ имѣть существенный пробѣлъ, если не остановиться, хотя вскользь, на мнѣніяхъ земства о способахъ разрѣшенія самаго вопроса.

Многія изъ земскихъ собраній, высказавшись за привлеченіе всѣхъ сословій къ подоходному обложенію, выразили, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе, чтобы къ участію какъ для выработки подробностей реформы, такъ и для самаго обложенія были привлечены представители мѣстныхъ земствъ для совмѣстнаго обсужденія и болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ по губерніямъ. При выработкѣ подробностей инымъ путемъ, по мнѣнію земствъ, весьма легко могутъ быть упущены изъ вида мѣстныя обстоятельства и данныя.

Отмѣчая необходимость болѣе широкаго привлеченія мѣстныхъ представителей къ разрѣшенію податныхъ вопросовъ, одни изъ земскихъ собраній, какъ-то: московское, орловское и ярославское губернскія собранія, высказались объ этомъ лишь въ общей неопредѣленной формѣ, другія же вошли въ болѣе подробное сужденіе. Приведемъ нѣкоторыя изъ такихъ заявленій.

Новгородское губернское собраніе поручило городской управѣ довести до свѣдѣнія высшаго правительства, что земство Новгородской губерніи сочло бы себя счастливымъ, если бы правительству угодно было при дальнѣйшей разработкѣ вопроса призвать его къ участію въ обсужденіи этого важнаго преобразованія. Кромѣ того, собраніе признало необходимымъ, чтобы для введенія всесословнаго подоходнаго налога была немедленно организована правительственно-земская коммиссія въ губерніи, для собиранія и разработки свѣдѣній о доходности разнаго рода имуществъ, подобно коммиссіи, установленной новгородскимъ губернскимъ собраніемъ 8 декабря 1868 г., для собиранія свѣдѣній о предметахъ обложенія земскими сборами. Коммиссіи этой должно поручить также разработку свѣдѣній о размѣрахъ личнаго заработка при различнаго рода занятіяхъ, въ губерніи существующихъ.

Точно также полтавское губернское собраніе приняло заключеніе губернской управы о томъ, что въ дѣлѣ разработки основаній для установленія подоходнаго налога земскія учрежденія могутъ оказать существенную услугу изслѣдованіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, собраніемъ необходимыхъ свѣдѣній и доставленіемъ такимъ образомъ правительству матеріаловъ, необходимыхъ для возможно-правильнаго разрѣшенія этого вопроса.

Тульское губернское собраніе признало необходимымъ ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы оно, по разрѣшеніи общихъ началъ всесословнаго обложенія, дозволило земскому собранію вновь разсмотрѣть всѣ подробности обложенія, по примѣненію ихъ къ мѣстнымъ нуждамъ губерніи.

Костромское губернское собраніе опредѣлило ходатайствовать о разрѣ...іи избрать въ губернскомъ собраніи двухъ лицъ для участія съ совѣ...тельнымъ голосомъ въ правительственной коммиссіи, которая будетъ ...рабатывать вопросъ о преобразованіи прямыхъ податей.

Въ томъ же смыслѣ высказались курское, саратовское и харьковское ...рнскія собранія, не отмѣчая, однако, ни числа лицъ отъ земства, ни ..., съ какимъ правомъ голоса желательно участіе въ коммиссіи предста...лей отъ земства.

Нижегородское губернское собраніе, сознавая необходимость болѣе подробной разработки вопроса о подоходномъ налогѣ, выразило желаніе, чтобы мнѣніе правительственной коммиссіи, изложенное въ № 228 *Правит. Вѣстника* 1869 г., о вызовѣ экспертовъ было приведено въ исполненіе.

Владимірское, смоленское и черниговское собранія, высказываясь за привлеченіе къ рѣшенію вопроса о преобразованіи системы налоговъ мѣстныхъ представителей, сослались, какъ на образецъ, на рѣшеніе вопроса о крестьянской реформѣ. При этомъ владимірское губернское собраніе утвердило докладъ подготовительной коммиссіи, которая по этому пункту высказалась такъ: «Проектъ распредѣленія государственныхъ налоговъ между всѣми гражданами государствъ съ наибольшею пользой можетъ быть разработанъ порядкомъ, какимъ совершилось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а именно: пусть будутъ устроены по губерніямъ земскія коммиссіи, съ участіемъ членовъ отъ правительства; пусть проекты, составленные этими коммиссіями, при соображеніи мѣстныхъ условій, будутъ сосредоточиваться въ центральномъ комитетѣ, въ который будутъ призваны выбранные отъ земствъ всѣхъ губерній, и тогда, наконецъ, окончательно составленный проектъ поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и высочайшее утвержденіе».

Въ дополненіе къ изложеннымъ мнѣніямъ губернскихъ земскихъ собраній объ участіи земствъ въ разрѣшеніи податнаго вопроса, упомянемъ здѣсь аналогичные же отзывы нѣкоторыхъ уѣздныхъ управъ и земскихъ коммиссій.

За такое участіе высказались управы: никольская (Вол.), острогожская (Ворон.), нолинская (Вят.), ростовская-на-дону (Екат.), лихвинская (Калуж.), ардатовская (Симб.), ельнинская (Смол.), рославльская (Смол.), ялтинская (Тавр.); губернскія управы: курская, нижегородская, псковская; земскія коммиссіи: костромская, курская и тамбовская (при губ. управѣ).

Изъ перечисленныхъ управъ характерное и вполнѣ опредѣленное мнѣніе представили никольская (Вол.) и ялтинская (Тавр.) губ. управы.

Изъ нихъ, по мнѣнію никольской (Вол.) управы, слѣдовало бы, въ видахъ правильнаго распредѣленія податей между губерніями, учредить въ одной изъ столицъ съѣздъ представителей отъ земствъ всѣхъ губерній и областей Россіи.

«Представители эти, по общемъ разсмотрѣніи особенныхъ мѣстныхъ условій каждой губерніи, могли бы съ большею справедливостью распредѣлить по губерніямъ общее количество государственныхъ податей и сборовъ. Затѣмъ, составленное съѣздомъ представителей распредѣленіе податей и сборовъ представлять на утвержденіе въ законодательномъ порядк Разверстку же опредѣленной такимъ образомъ суммы сборовъ съ губерн по уѣздамъ и волостямъ предоставлять земскимъ учрежденіямъ каждой губерніи. Если бы въ составленномъ подобнымъ образомъ распредѣленіи сборовъ, напримѣръ, на настоящій годъ оказались какія-либо несправедливости, то съѣздъ представителей слѣдующаго года могъ бы устранять

несправедливости. При этомъ, если бы временемъ для ежегоднаго съѣзда представителей отъ губерній съ этою цѣлью назначенъ былъ августъ мѣсяцъ или сентябрь, то распредѣленіе съѣздомъ государственныхъ податей и сборовъ на слѣдующій годъ могло бы производиться по соображенію урожая и вообще матеріальнаго благосостоянія въ тотъ годъ различныхъ мѣстностей Россіи, причемъ представлялось бы возможнымъ принимать во вниманіе всѣ, даже малѣйшія перемѣны въ состояніи извѣстной мѣстности. Кромѣ того, подобный съѣздъ могъ бы заниматься разсматриваніемъ и другихъ общихъ земскихъ вопросовъ, касающихся всей имперіи... Польза подобнаго центральнаго земскаго собранія очевидна, и въ этомъ чувствуется рѣшительная необходимость, а то въ настоящее время земство, не имѣя общаго собранія представителей со всей имперіи, представляетъ изъ себя силу, разбросанную на огромномъ пространствѣ, разобщенную между собою и тѣмъ самымъ обезсиленную».

По мнѣнію ялтинской (Тавр.) уѣздной управы, необходимое согласованіе всѣхъ безъ изъятія платежей—государственныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ—съ платежными силами населенія возможно лишь при совокупномъ участіи въ дѣлахъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ въ государствѣ, т.-е. плательщиковъ и уполномоченныхъ отъ правительства...

Не менѣе широко желало, повидимому, поставить разсмотрѣніе податного вопроса и воронежское губернское собраніе.

И такъ, вся совокупность мнѣній, какъ высказанныхъ податною коммиссіей относительно настоятельной необходимости податной реформы, такъ и предложенныхъ въ представленіяхъ земскихъ и другихъ мѣстныхъ учрежденій, казалось, ясно намѣчали тотъ путь, на который слѣдовало бы стать министерству финансовъ для прочной постановки русскихъ финансовъ. Къ сожалѣнію, несмотря на то, что проекты поземельнаго и подворнаго налоговъ, выработанные коммиссіей, были единодушно отвергнуты при разсмотрѣніи ихъ мѣстными учрежденіями, тѣмъ не менѣе, въ министерствѣ, повидимому, не было сдѣлано попытки составить новый проектъ въ духѣ желаній земствъ; во всякомъ случаѣ, слѣдовъ этого не осталось въ трудахъ коммиссіи по пересмотру податей и сборовъ. Какими соображеніями руководилось министерство, поступая такимъ образомъ, я не могу сказать. Можно предполагать только, что отзывы мѣстныхъ учрежденій въ глазахъ коммиссіи и министерства не перевѣсили на чашкѣ вѣсовъ тѣхъ доводовъ и соображеній о непримѣнимости подоходнаго налога въ ... сіи, которые были формулированы М. Веселовскимъ въ 16 томѣ *Тру... ъ* коммиссіи. Онъ, дѣйствительно, потратилъ не мало усилій, чтобы вы... вить все, что только можно, чтобы убѣдить, что подоходный налогъ не ... Россія. Большинство изъ его соображеній, частью буквально, частью ... нѣкоторымъ фактическимъ обновленіемъ, подойдутъ и къ современнымъ ... овіямъ Россіи. Необходимо внимательно разобрать, насколько они спра... ливы и основательны. Ихъ общій характеръ вы уже знаете, но въ практи... омъ отношеніи интересны подробности.

По плану податной коммиссіи,—указываетъ г. Веселовскій,—выработанному въ 1862 г., какъ часть этого плана, съ 1 іюля 1863 года въ Россіи введенъ особый налогъ на недвижимое имущество въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ и предполагается ввести государственные налоги на земли и на крестьянскіе дворы и вообще на строенія въ уѣздахъ. Подвергать же всѣ эти имущества двойному въ пользу казны налогу было бы несправедливо, такъ какъ существующій налогъ на городскія имущества и предполагаемые налоги, поземельный, подворный и на строенія въ уѣздахъ, по самой сущности своей, должны, до нѣкоторой степени, соразмѣряться съ доходностью имущества.

Если, такимъ образомъ, изъ числа предметовъ обложенія подоходною податью исключить поземельную собственность и строенія въ городахъ и уѣздахъ, то, примѣняясь къ проекту 1862 г., оставалось бы привлечь къ ней слѣдующіе виды доходовъ: 1) отъ торговли, 2) отъ фабричнаго и заводскаго производствъ, 3) отъ денежныхъ капиталовъ, 4) отъ акціонерныхъ предпріятій и 5) отъ служебнаго содержанія или вознагражденія за должностные труды.

Спрашивается, можно ли на эти виды распространить подоходный налогъ? По мнѣнію г. Веселовскаго, нѣтъ, и вотъ почему.

Торговля и промышленность наши (первая и вторая группы доходовъ) окружены весьма неблагопріятными условіями, устранить которыя совсѣмъ скоро не удастся. Отсутствіе удобныхъ способовъ сообщенія, слабое развитіе правильнаго коммерческаго кредита, безпрестанныя колебанія денежной единицы, недостатокъ техническаго образованія и малый выборъ людей, спеціально подготовленныхъ для торговыхъ и фабричныхъ цѣлей,— все это не позволяетъ нашей торговлѣ и промышленности усвоить себѣ ту степень живучести и устойчивости, которыя дѣлаютъ ихъ на Западѣ Европы столь производительными, какъ въ смыслѣ экономическомъ, т.-е. въ интересахъ народнаго хозяйства, такъ и въ смыслѣ финансовомъ, т.-е. въ видѣ прибыли для казны. А, между тѣмъ, у насъ «торговыя и промышленныя дѣйствія»,— за исключеніемъ тѣхъ, для которыхъ законъ прямо установилъ льготы, частью по уваженію особенной пользы, частью же по причинѣ ихъ относительно малой прибыльности, — вообще говоря, обложены уже довольно значительно въ пользу казны въ видѣ оплачиваемыхъ деньгами свидѣтельствъ, билетовъ, патентовъ, или въ видѣ акцизовъ (sic), таможенныхъ пошлинъ (sic), горныхъ податей и т. п. Кромѣ того, торговыя и промышленныя дѣйствія облагаются еще особыми взносами частью въ государственный земскій сборъ, частью же въ губернскіе земскіе сборы въ пользу городовъ. Наконецъ, на торговлю же и промыслы падаютъ, известной степени, сборы шоссейные и съ судоходства морского и рѣчно

«При такихъ обстоятельствахъ, при столь многообразномъ обложе торговыхъ и промышленныхъ дѣйствій, при постоянныхъ стремленіяхъ п вительства оградить торговлю и промышленность отъ возложенія на ни еще, тѣмъ или другимъ путемъ, новыхъ накладныхъ расходовъ,—по мнѣ

г. Веселовскаго,—не представляется послѣдовательнымъ подвергать торговые и промышленные обороты еще подоходной подати» *). И такъ, изъ подоходнаго обложенія нужно устранить, кромѣ поземельной собственности и строеній въ городахъ и уѣздахъ, еще и всю обширную область торговли и промышленности.

Остаются: 1) доходы отъ денежныхъ капиталовъ, разумѣя преимущественно государственные фонды; 2) доходы отъ акціонерныхъ предпріятій и 3) доходы отъ получаемаго содержанія, а также отъ прибыльныхъ занятій по разнымъ профессіямъ. Противъ обложенія доходовъ съ денежныхъ капиталовъ г. Веселовскій приводитъ обычные въ этомъ случаѣ соображенія о нравственныхъ обязательствахъ государства передъ своими кредиторами, о вредѣ такой мѣры для государственнаго кредита и т. п. По акціонернымъ компаніямъ государство взяло на себя гарантію извѣстнаго дохода, вслѣдствіе чего обложеніе таковыхъ упадетъ на ту же казну, но и помимо того обложеніе доходовъ акціонерныхъ обществъ дало бы ничтожную цифру дохода. Принимая складочный капиталъ разныхъ обществъ въ суммѣ около 780 мил. руб., а ихъ доходность въ 5%, сумму ежегоднаго дохода можно принять въ 39 мил. руб., а налогъ съ нихъ въ размѣрѣ 5% далъ бы казнѣ около 1.950,000 руб. **).

Останавливаясь на послѣдней категоріи доходовъ, г. Веселовскій, послѣ ссылокъ на мнѣнія разныхъ авторитетовъ объ обложеніи жалованья и т. п.,—мнѣніяхъ, по существу, въ пользу такого обложенія, переходитъ къ вопросу о томъ, насколько подобная мѣра согласовалась бы съ обстоятельствами Россіи. При этомъ онъ дѣлаетъ, между прочимъ, любопытный фактическій разсчетъ по данному проекту.

«Очевидно,—говоритъ г. Веселовскій,—что главною статьей здѣсь являлось бы содержаніе, получаемое лицами, состоящими на государственной службѣ. Притомъ, только объ этой категоріи должностныхъ лицъ и можно дѣлать предположенія, болѣе или менѣе близкія къ истинѣ; о людяхъ же иныхъ профессій едва ли есть средства получить данныя, хоть сколько-нибудь достовѣрныя».

По свѣдѣніямъ, собраннымъ коммиссіей для пересмотра правилъ о служебныхъ преимуществахъ и пенсіоннаго устава, число всѣхъ служащихъ въ Россіи, за исключеніемъ нижнихъ чиновъ, опредѣлилось въ 141,345 человѣкъ. Сумма жалованья этихъ лицъ—55.519,457 руб. или въ среднемъ 392 руб. 73 к. на каждое лицо. Кромѣ того, тѣ же лица получаютъ добаваго (столовыя, квартирныя, разъѣздныя и т. д.) содержанія 40.838,981 ., или среднимъ числомъ на каждаго служащаго 288 руб. 91 к. «Такимъ азомъ, жалованье, вмѣстѣ съ добавочнымъ содержаніемъ, составляетъ о 96.358,439 руб. Число лицъ, получающихъ оклады извѣстныхъ разовъ, можетъ быть выведено лишь приблизительно. Основываясь на со-

*) Тамъ же, стр. 172.

**) Тамъ же, стр. 174—185.

бранныхъ данныхъ о 84,485 служащихъ (подробно разработанныхъ) можно предположить, что по числу чиновниковъ 7% получаетъ *жалованья* менѣе 100 руб., 88% отъ 100—1000 руб. и 5% свыше 1000 руб. Если подвергнуть обложенію доходы лишь свыше 1000 руб., то изъ суммы 96.358,439 руб. (вѣдь, это не *жалованье*, а все содержаніе) подлежитъ обложенію только 4.800,000 руб. Пять процентовъ съ этой суммы дали бы казнѣ лишь 240,000 руб. Если же изъ суммы 96.358,439 руб. вычесть содержаніе только канцелярскихъ чиновниковъ, составляющее, по приблизительному разсчету, около одной четверти ея, то останется подлежащихъ обложенію 72 мил. руб. 5% налога на эту сумму доставили бы казнѣ около 3.600,000 руб. *Цифра эта, конечно, значительна* (sic). Но не должно забывать, что при подробномъ разборѣ содержанія многія части его, какъ уже замѣчено, не подлежали бы обложенію по самому свойству ихъ. Затѣмъ,—и это главное,—сумма 96 мил. и даже сумма 72 мил. составляютъ совокупность окладовъ весьма умѣренныхъ. Даже окладъ въ 1,000 руб., при нынѣшнихъ цѣнахъ на жизненныя потребности, едва достаточенъ для содержанія чиновника съ семействомъ. Брать изъ этого оклада (уже подлежащаго вычетамъ по разнымъ случаямъ) еще извѣстную долю въ подоходный налогъ едва ли было бы согласно съ справедливостью и даже разсчетливо для самой казны, ибо это значило бы косвенно сократить содержаніе, и безъ того уже весьма ограниченное, и, слѣдовательно, постепенно отвлекать способныхъ людей отъ государственной службы и заставлять ихъ избирать другой родъ дѣятельности. Если же ограничиться обложеніемъ высшихъ окладовъ, наприм., начиная съ 1,000 руб., то налогъ потеряетъ всякое серьезное фискальное значеніе», т.-е. дастъ, какъ мы видѣли, по мнѣнію г. Веселовскаго, всего 240,000 руб.

Послѣ такихъ численныхъ разсчетовъ слѣдуютъ разсужденія о низкихъ окладахъ содержанія (напримѣръ, иной чернорабочій въ состояніи заработать болѣе, чѣмъ иной чиновникъ), о дороговизнѣ жизни, о томъ, что «званіе должностнаго лица налагаетъ на него извѣстныя условія общежитія, пренебрегать которыми нельзя безъ опасенія уронить достоинство власти (sic). Чѣмъ выше служебное положеніе человѣка, тѣмъ эти условія требовательнѣе и тѣмъ нарушеніе ихъ вреднѣе для служебнаго принципа (sic).

«Что касается людей частныхъ профессій, внѣ казенной службы, то это суть учителя и воспитатели, художники и артисты, врачи, адвокаты, литераторы, архитекторы, инженеры и техники разнаго рода; затѣмъ—управляющіе, повѣренные, конторщики, бухгалтеры, прикащики, надзиратели т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, состоя при торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, подлежатъ уже обложенію по получаемымъ ими свидѣтельствамъ. Люди же, преданные умственной и художественной дѣятельности действительно, не несутъ у насъ налога; но за то число этихъ людей сто[...] незначительно и *спросъ на нихъ такъ силенъ,* что едва ли было бы разсчетливо привлеченіемъ этой сферы производства къ обложенію ослабить еще болѣе нашъ, и безъ того скудный запасъ нравственныхъ и умственны[...]

силъ. Во всякомъ случаѣ, обложеніе этихъ профессій, при невозможности точнаго изслѣдованія доставляемаго ими дохода, сопровождалось бы значительными затрудненіями, финансовые же результаты были бы, безъ сомнѣнія, самые ничтожные».

Какъ легко видѣть, М. Веселовскій, являясь выразителемъ тогдашнихъ взглядовъ министерства финансовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ намъ типическаго противника подоходнаго налога. Какъ и всѣ другіе, для подтвержденія, во что бы то ни стало, ложнаго по существу положенія о непримѣнимости подоходнаго налога въ Россіи онъ не можетъ избѣжать, весьма вѣроятно, безсознательно, крайней односторонности въ оцѣнкѣ дѣйствительности, избитыхъ фразъ, не отвѣчающихъ дѣлу, и, что въ особенности прискорбно, легкомысленнаго обращенія съ цифрами и вычисленіями и даже искаженія тѣхъ данныхъ, которыя у него были въ рукахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, налоги, введенные въ истекшее десятилѣтіе, какъ-то: обложеніе доходовъ съ процентныхъ бумагъ, 3% сборъ съ акціонерныхъ и т. п. предпріятій и раскладочный сборъ, нагляднѣе всего показали ошибочность и преувеличенность мнѣнія о маловажности этихъ источниковъ подоходнаго налога. Несмотря на освобожденіе значительной части государственныхъ займовъ отъ обложенія, эти источники даютъ въ настоящее время до 60 м. руб. Положимъ, съ тѣхъ поръ, какъ писалъ г. Веселовскій, прошло 23 года, и ростъ нашей промышленности, конечно, повліялъ на развитіе этихъ источниковъ. Но, вѣдь, и подоходный налогъ разсчитывался не на одинъ годъ. И при введеніи его нужно принимать въ разсчетъ не только тѣ суммы, которыя онъ можетъ дать немедленно, но и его производительность въ недалекомъ будущемъ. Однако, не стоило бы большого труда показать, что разсчетъ г. Веселовскаго былъ слишкомъ преуменьшенъ и для конца 60-хъ годовъ относительно означенныхъ имуществъ. Но едва ли нужно производить эти разсчеты. Для характеристики вообще предвзятости и невѣрности разсчетовъ въ трудѣ М. Веселовскаго я сопоставлю его цифры и разсчеты съ тѣмъ, что слѣдовало бы ему вывести изъ матеріаловъ, бывшихъ въ его распоряженіи. Для доказательства несостоятельности обложенія жалованья служащихъ и т. п. г. Веселовскій пользовался, какъ онъ самъ же говоритъ, данными коммиссіи для пересмотра правилъ о служебныхъ преимуществахъ въ содержаніи лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Томъ 16 *Трудовъ податной коммиссіи,* гдѣ находится работа г. Веселовскаго, напечатанъ въ 1869 г., а въ 17 томѣ, вышедшемъ въ 1873 г., находимъ, между прочимъ, статистическія свѣдѣнія «о содержаніи, по-аемомъ лицами, состоящими на государственной службѣ», на которыхъ овывалъ свои разсчеты г. Веселовскій. Что же мы тамъ находимъ?

Прежде всего, замѣтимъ, что данныя эти извлечены изъ смѣты 1867 г. относятся не ко всѣмъ вѣдомствамъ, а именно сюда не вошли граждан- учрежденія Кавказскаго намѣстничества, Царства Польскаго, министер- двора и учрежденій Императрицы Маріи.

азывается, число служащихъ «чиновъ гражданскихъ» и «чиновъ во-

енныхъ»—88,897 лицъ, общая сумма содержанія 49.690.927 руб., средній размѣръ 558 р. 97 к.

Означенныя число лицъ и сумма содержанія могутъ быть распредѣлены такъ на группы по размѣрамъ содержанія:

Содержанія.	Чис. лицъ.	% отп. къ об. чис. служащ.	Сумма содерж.	% относ. къ об. суммѣ.
Свыше 10 т. р.	48	0,05	1.010,414 р.	2,03
Отъ 5 до 10 т. р.	250	0,28	1.609,281 »	3,25
» 3 до 5 т. р.	632	0,71	2.407,966 »	4,87
» 1 до 3 т. р.	8,457	9,51	12.846,182 »	25,85
» 600—1,000 р.	12,012	13,52	9.464,740 »	19,04
» 300—600 р.	40,274	45,31	17.031,110 »	34,26
» 100—300 р.	22,191	24,96	5.036,556 «	10,13
Менѣе 100 р.	5,033	5,66	284,678 »	0,57
Всего.	88,897	100,00	49.690,927 р.	100,00

Въ означенную сумму 49.690,927 руб. не вошло содержанія *канцелярскихъ и иныхъ служителей* (составлявшее вмѣстѣ съ хозяйственными расходами разныхъ вѣдомствъ 8.738,176 руб.) и содержаніе *нижнихъ воинскихъ чиновъ* (въ 1867 г. 985,920 чел.—4.461,726 руб.). Кромѣ того, по смѣтамъ 1867 г. было еще назначено содержанія 10.380,276 р. *безъ опредѣленія числа лицъ*. Въ томъ же 1867 г. было назначено къ производству изъ государственнаго казначейства пенсій 16.183,674 руб. 141,004 пенсіонерамъ.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ г. Веселовскій, въ доказательство непримѣнимости подоходнаго налога, утверждалъ, что изъ всего числа чиновниковъ только 5% получаютъ свыше 1,000 руб., въ дѣйствительности по даннымъ, находившимся у него въ рукахъ, этотъ процентъ опредѣляется цифрою вдвое большей (10,55%). По разсчету г. Веселовскаго, изъ суммы 96.358,439 руб. на расходы свыше 1,000 руб. приходилось только около 4.800,000 р. *), а въ дѣйствительности въ суммѣ 49.691,000 руб. эти доходы составляли 17.873,000 р., не считая пенсій, и налогъ съ нихъ, принимая 5%, составилъ бы 793,650 р., а если принять въ разсчетъ не 49 милл., а 96 милл., то налогъ составилъ бы сумму свыше 1.500,000 р., а не 240,000 руб., какъ утверждалъ г. Веселовскій, только съ содержанія чиновниковъ, получающихъ свыше 1,000 р. въ годъ. Но и эта цифра, въ сущности, должна считаться ниже дѣйствительной.

Если обратиться къ настоящему времени, то, къ сожалѣнію, я не могу представить вамъ такихъ детальныхъ данныхъ, какія имѣлись въ *Труда податной коммиссіи* примѣнительно къ государственной росписи 1867 го

*) Беря эту цифру для разсчета, авторъ дѣлаетъ грубѣйшую ариѳметическ ошибку. Признавъ, что число лицъ, получающихъ свыше 1,000 р., составляетъ 5 онъ и для получаемаго содержанія беретъ тоже 5% всей суммы содержанія. Ме тѣмъ, какъ видно изъ нашей таблицы, на 10% лицъ, съ содержаніемъ свыше 1,00 каждое, приходится изъ всей суммы содержанія 3%.

Но по сводкѣ цифръ по отчету государственнаго контроля за 1890 годъ, у меня получились такія цифры. Сумма, расходуемая на содержаніе личнаго состава, выражается 117 милл. р., награды и пособія около 2 милл. руб., пенсіи 28½, итого 147½ милл. рублей. Если допустить, что процентное отношеніе лицъ, получающихъ различный размѣръ содержанія, осталось приблизительно то же, какое было въ 1867 г., то на долю содержанія свыше 1,000 р. придется (36%) 52 милл. р. и, полагая съ нихъ только 3%, мы будемъ имѣть по меньшей мѣрѣ 1,5 милл. руб. При усвоеніи системѣ русскаго подоходнаго налога прогрессивнаго или дегрессивнаго принципа, означенная сумма, вѣроятно, значительно бы повысилась. Я сказалъ «1,5 м. р. по меньшей мѣрѣ» потому, что при распредѣленіи окладовъ на группы, конечно, принималось во вниманіе содержаніе, получаемое изъ одного вѣдомства, а, вѣдь, на практикѣ существуетъ соединеніе должностей и содержанія, въ силу чего, по всему вѣроятію, многія лица, принимавшіяся при счетѣ за получающихъ менѣе 1,000 руб., въ дѣйствительности получаютъ гораздо болѣе. Конечно, это сумма небольшая, но она важна въ принципіальномъ отношеніи — налогъ долженъ распространиться на всѣхъ, получающихъ доходы свыше извѣстной нормы. Противъ обложенія жалованья чиновниковъ часто, однако, дѣлаются возраженія.

«Я нисколько не возражаю, — говоритъ швейцарскій экономистъ Вальрасъ (L. Walras), — противъ возможности взять налогъ съ жалованья, насколько налогъ будетъ падать на содержаніе чиновниковъ; только я позволю себѣ замѣтить, что это была бы идея довольно странная—установить подобный налогъ. Есть способъ болѣе практическій и простой, чѣмъ облагать налогомъ чиновниковъ, это—уменьшить имъ содержаніе на всю сумму налога. Служащіе на государственной службѣ — прирожденные потребители налога; если вы находите, что они слишкомъ многочисленны, сократите ихъ число; если вы находите, что они слишкомъ щедро вознаграждаются, вознаграждайте ихъ съ большею бережливостью; но разъ вы назначили человѣку опредѣленную должность и содержаніе, то не крайне ли смѣшно требовать у этого лица для уплаты ему? Упраздните должность и уменьшите содержаніе, и такъ и скажите. Къ чему же умножать переписку и усложнять фискальныя операціи?» (*Walr.*, 36—37).

Вотъ и другой такой же отзывъ уже не теоретика, а практическаго и выдающагося государственнаго человѣка. «Я полагаю, — говорилъ князь Бисмаркъ,—что состоящіе на государственной службѣ не должны платить налога съ содержанія, получаемаго отъ государства. Это представляетъ неіональный налогъ, который всегда, какъ я помню, шокировалъ меня, времени его введенія. Я могу приравнять его только къ прямому налозимаемому государствомъ съ купоновъ своихъ собственныхъ облига. Государство должно чиновнику опредѣленное жалованье и оно урѣзытъ часть его подъ видомъ контрибуціи для министерства финансовъ,—дѣй, на мой взглядъ, неправильное».

Возможность приведенныхъ мнѣній не только среди обыкновенной пуб-

лики, но и со стороны лицъ, выдающихся по уму или принадлежащихъ къ спеціалистамъ экономической науки, заставляетъ остановиться на этомъ возраженіи, какъ бы оно слабо ни казалось. Источникъ его лежитъ въ смѣшеніи разнородныхъ сторонъ государственной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что основанія обложенія и основанія для опредѣленія размѣровъ вознагражденія за службу по существу различны. При назначеніи тѣхъ или другихъ окладовъ государство сообразуется съ вознагражденіемъ за трудъ соотвѣтственнаго качества въ другихъ отрасляхъ дѣятельности, степенью довѣрія, связаннаго съ тою или другою должностью, и т. д. При подоходномъ налогѣ оно принимаетъ во вниманіе размѣръ дохода и степень платежной способности лица. Въ силу этого уже изъ самаго сообразованія окладовъ съ заработкомъ отъ личнаго труда на частной дѣятельности логически вытекаетъ, что когда государство требуетъ отъ личнаго заработка въ частной сферѣ извѣстной доли въ пользу фиска, то оно непремѣнно должно, чтобы быть справедливымъ, обложить налогомъ и заработокъ лицъ, находящихся на государственной службѣ. Нельзя также смотрѣть на взиманіе налога какъ на нарушеніе условія между государствомъ и служащими, потому что разъ подоходный налогъ существуетъ, то, принимая на себя то или другое мѣсто, я знаю, что я долженъ буду платить этотъ налогъ и что размѣръ налога можетъ государство мѣнять и т. д. Наконецъ, вѣдь, и съ точки зрѣнія контракта, государство ни мало не обязываетъ чиновника продолжать службу, если ему нежелательно нести на себѣ налогъ съ жалованья.

Что же касается придуманнаго М. Веселовскимъ колебанія *служебнаго принципа* вслѣдствіе распространенія подоходнаго налога на содержаніе чиновниковъ, то это уже относится къ области курьезовъ. Никто не станетъ оспаривать того, что всякое положеніе и спеціальность предъявляютъ извѣстный минимумъ въ обстановкѣ и вызываютъ особенные расходы. Я не могу обойтись безъ книгъ и долженъ имѣть мѣсто, куда ихъ положить или поставить; для доктора или адвоката нужна особая пріемная, удобная не только для нихъ самихъ, но и для ихъ кліентовъ. Въ этомъ смыслѣ и для человѣка съ высокимъ служебнымъ положеніемъ необходима извѣстная обстановка, безъ которой ему просто-таки неудобно отправленіе своихъ обязанностей. Само собою разумѣется, что содержаніе должно быть достаточно, чтобы покрывать эти необходимыя издержки. Но и не потому только съ высокимъ положеніемъ должно соединяться крупное содержаніе. Человѣкъ, одаренный талантомъ, чтобы съ честью занимать высокій постъ, въ правѣ желать и требовать себѣ хорошаго вознагражденія,— это главное основаніе высокихъ окладовъ. Но «служебный принципъ» тут не причемъ. Глубокое заблужденіе думать, напримѣръ, чтобы скромныя личныя требованія къ жизни и обстановкѣ, хотя бы даже самого министра финансовъ, могли колебать прочность финансовъ какой бы то ни был страны. Наружный блескъ бываетъ иногда нуженъ для самихъ лицъ, чтобы скрыть отъ толпы внутреннюю пустоту содержанія, а не для служе

наго принципа, для котораго важна дѣйствительная сила, а истинная сила нуждается только въ соотвѣтственномъ положеніи, гдѣ она могла бы проявлять себя; внѣшніе аксесуары—дѣло второстепенное.

Остается практическая сторона вопроса. Вальрасъ и многіе другіе думаютъ, что взиманіе подоходнаго налога съ чиновниковъ есть какъ бы перекладываніе изъ одного кармана въ другой и что было бы проще прямо уменьшить содержаніе. Но въ томъ-то и дѣло, что это не проще. Содержаніе опредѣляется штатами, которые устанавливаются на неопредѣленное время и измѣняются обыкновенно лишь тогда, когда условія жизни мало-по-малу сдѣлаются въ сильной степени несоотвѣтствующими штатнымъ окладамъ; окладъ же подоходнаго налога измѣняется сравнительно часто и, слѣдуя совѣтамъ Вальраса, пришлось бы одновременно съ перемѣною % обложенія соотвѣтственно мѣнять и штаты. Подоходный налогъ самъ еще можетъ давать средства для увеличенія содержанія въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣйствительно несоотвѣтственно мало.

Не признавая обложеніе служебныхъ доходовъ чиновниковъ такимъ ничтожнымъ источникомъ для государственнаго казначейства, чтобы имъ можно было пренебрегать, тѣмъ болѣе я не могу согласиться, чтобы обложеніе содержанія на частной службѣ и т. п. представлялось маловажнымъ объектомъ подоходнаго налога. Въ настоящее время, при множествѣ обширныхъ коллективныхъ частныхъ предпріятій съ постояннымъ штатомъ служащихъ, сумма содержанія лицъ на частной службѣ, по всему вѣроятію, въ нѣсколько разъ превышаетъ штатъ содержанія чиновниковъ. При этомъ организація взиманія налога съ этихъ лицъ вовсе не представляетъ большихъ затрудненій. Мнѣ думается, что подоходный налогъ съ личнаго заработка на частной и государственной службѣ, при умѣренномъ обложеніи, дастъ не менѣе 10 милл. руб. въ годъ.

Относительно обложенія личныхъ доходовъ отъ земли, ссудныхъ капиталовъ и предпринимательской прибыли можетъ возникнуть сомнѣніе, справедливо ли будетъ примѣнять здѣсь подоходный налогъ, когда у насъ уже существуютъ и государственный поземельный налогъ, и обложеніе торговли и промысловъ, наконецъ, мы имѣемъ съ недавняго времени процентный и раскладочный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій (съ 1885 г.) и 5-ти процентный налогъ на доходы отъ денежныхъ капиталовъ (съ 1885 г.)? Не будетъ ли для нихъ подоходный налогъ двойнымъ, несправедливымъ обложеніемъ? Вѣдь, все то, что говорилъ г. Весселовскій въ 1869 г. о положеніи нашего народнаго хозяйства, можно повторить и ...ерь, да еще съ прибавкою новыхъ налоговъ, которыхъ они тогда не ...ли. Въ самомъ дѣлѣ—наше землевладѣніе? Непосильные долги, лежащіе ... немъ, убыточность хозяйства, отсутствіе заботъ о немъ наверху, со...шенная безпомощность внизу,—такія жалобы раздаются изо дня въ день ... самыхъ разныхъ сторонъ. Можно ли взваливать на него новую тягость? ...овладѣльцы? А десятки тысячъ пустыхъ квартиръ въ Петербургѣ, Москвѣ ...д.? А дома, оставляемые на рукахъ кредитныхъ обществъ,—развѣ они

говорятъ намъ о платежной силѣ? Промышленники? Но знаете ли, какъ великъ средній процентъ прибыли въ Россіи, какъ онъ опредѣлился для промышленныхъ предпріятій во всей Россіи по даннымъ о результатахъ раскладочнаго сбора за 1888 годъ?—2,9 процента... Говорятъ еще о крупныхъ барышахъ банкировъ, биржевиковъ. Но, господа, вѣдь, у всѣхъ еще свѣжо въ памяти, что даже столь солидная и почтенная фирма, какъ барона Гинцбурга, въ результатѣ биржевыхъ операцій объявлена несостоятельною. Если, для полноты картины, присоединить сюда лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, которыя и на хорошихъ мѣстахъ часто не могутъ сводить концы съ концами,—это, вѣдь, вамъ всѣмъ, конечно, извѣстно,—то гдѣ же найти плательщика для подоходнаго налога? Въ своемъ перечисленіи я забылъ назвать, кажется, только одного—нашего мужика. Но и онъ не доросъ до подоходнаго налога; для него, какъ свидѣтельствовала чухломская управа, впору только подушная подать.

Однако, будемъ говорить серьезно и сдѣлаемъ приблизительную оцѣнку источниковъ подоходнаго налога въ Россіи. Посмотримъ, дѣйствительно ли существующіе нынѣ налоги берутъ уже все то, что могъ бы взять подоходный налогъ? Скажемъ о каждомъ въ отдѣльности.

Нашъ государственный поземельный налогъ, составляющій незначительную сумму 13 милл. руб. (по смѣтѣ 1888 г.), какъ извѣстно, раскладывается по губерніямъ по количеству удобной земли и лѣса, въ предѣлахъ отъ $^1/_4$ к. въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ и 17 к. въ Курской (законъ 17 янв. 1884 г.). Назначенныя на губерніи суммы распредѣляются затѣмъ между уѣздами губернскимъ земскимъ собраніемъ на основаніи количества, цѣнности и доходности земель каждаго уѣзда, а въ предѣлахъ каждаго уѣзда разверстываются между отдѣльными владѣльцами уѣздною земскою управой на основаніяхъ, устанавливаемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ для раскладки мѣстныхъ земскихъ сборовъ.

При такихъ условіяхъ и при отсутствіи у насъ настоящаго земельнаго кадастра, согласованіе обложенія съ относительною доходностью земель не можетъ достигаться сколько-нибудь совершенно ни въ распредѣленіи окладовъ по губерніямъ, ни въ мѣстной раскладкѣ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что и этотъ сборъ приблизительно въ $1^1/_2$ раза тяжелѣе ложится на крестьянскомъ населеніи сравнительно съ другими владѣльцами земли. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сообразуется съ земскою раскладкой, между тѣмъ, по земскимъ раскладкамъ на 1885 г. *) можно видѣть, что десятина земли, находящаяся во владѣніи сельскихъ обществъ, обложена въ $1^1/_2$ раза выше десятины прочихъ владѣльцевъ. Такъ, среднее обложеніе десятины по всѣм 48 губерніямъ крестьянской земли $15,_3$ коп., частныхъ владѣльцевъ—11, всѣхъ земель — $10,_2$ коп. При этомъ отдѣльныя губерніи представляют большія отступленія отъ приведенныхъ среднихъ. А именно, мы среди нихъ

*) *Статистическія данныя по прямымъ налогамъ. Земскія повинности.* Т. I, Спб 1888 г.

находимъ 6 губерній (Бессарабская, Воронежская, Архангельская, Ковенская, Оренбургская, Ставропольская), въ которыхъ среднее обложеніе десятины земли сельскихъ обществъ немного ниже, чѣмъ обложеніе частновладѣльческой, одну (Кубанская область), гдѣ обложеніе одинаково; за то есть 5 губерній, гдѣ крестьянская десятина обложена на три и болѣе раза сильнѣе, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ (Вятская, Новгородская, Олонецкая, С.-Петербургская, Астраханская *). Въ соотвѣтствующей неравномѣрности ложится на населеніе и государственный поземельный налогъ.

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о возможности возвышенія у насъ поземельнаго налога, слѣдуетъ признать, что онъ, во всякомъ случаѣ, нуждается въ реформѣ, основанной на правильномъ кадастрѣ, и не можетъ служить доводомъ противъ подоходнаго обложенія уже по незначительности нашего поземельнаго налога. Что касается тягости долговъ, лежащихъ на землѣ, то они не доводъ противъ подоходнаго налога, такъ какъ процентъ по займамъ долженъ исключаться изъ дохода при выясненіи дохода, подлежащаго обложенію. А что въ Россіи найдется группа землевладѣльцевъ, которая и за такимъ исключеніемъ можетъ доставить значительную сумму въ видѣ подоходнаго налога, за это ручается тотъ фактъ, что у насъ изъ 91 м. десятинъ земель частнаго владѣнія на долю лицъ, владѣющихъ свыше 1,000 десятинъ каждый, приходится 64 милл. десятинъ. При невысокомъ обложеніи эта группа безъ особеннаго стѣсненія, мнѣ думается, дастъ 5—10 милл. рублей въ годъ. Кстати замѣчу, что при установленіи нормъ обложенія поземельныхъ собственниковъ было бы вполнѣ цѣлесообразно, допустить наибольшее смягченіе при подоходномъ обложеніи для тѣхъ изъ землевладѣльцевъ, которые сами ведутъ хозяйство и дѣлаютъ въ немъ существенныя улучшенія съ точки зрѣнія культуры.

Домовладѣльцы, въ особенности въ большихъ городахъ, даже доставятъ немаловажную сумму въ подоходный налогъ, потому что тѣ сборы, какіе они несутъ въ пользу города и т. п., обыкновенно перекладываются ими на квартирантовъ, подоходный же налогъ по своему существу—налогъ не переложимый.

О нашемъ промысловомъ обложеніи нечего и говорить. Его неравномѣрность неоднократно признавалась самимъ министерствомъ финансовъ, а лица, близко стоящія къ дѣлу, отлично знаютъ, какъ часты примѣры ничтожнаго обложенія крупныхъ коммерсантовъ и промышленниковъ и непосильнаго обложенія мелкихъ ремесленниковъ, торговцевъ и проч. Я уже [illegible] говорю о разныхъ незаконныхъ поборахъ, которые всегда тяжело ло[illegible]тся на болѣе беззащитную группу относительно мелкаго люда. Плохая [illegible]анизація промысловыхъ налоговъ представляетъ большой тормазъ для [illegible]витія промышленности, между прочимъ, и потому, что промысловый сборъ [illegible]ѣе сильными представителями промышленности и торговли безъ труда

*) *Статистическія данныя по прямымъ налогамъ. Земскія повинности.* Т. I, Спб., [illegible] г.

перекладывается на потребителей, пріобрѣтая характеръ косвеннаго налога, а чрезмѣрно обремененные мелкіе производители и торговцы не въ состояніи сдѣлать переложенія по причинѣ конкурренціи и должны изнемогать и разоряться подъ бременемъ налоговъ и поборовъ. Реформа здѣсь также необходима въ интересахъ развитія промышленности въ странѣ. Но, допуская всевозможныя смягченія и уничтожая всѣ ненужныя стѣсненія, отъ которыхъ страдаетъ развитіе промысловъ, государство вправѣ требовать отъ крупныхъ представителей бòльшаго участія въ несеніи налоговой тягости, чѣмъ было до сихъ поръ. Эта группа представителей значительныхъ доходовъ, вѣроятно, дастъ наиболѣе крупную часть подоходнаго налога, примѣрно 12—15 милл. руб.

То же самое можно сказать и о представителяхъ ссудныхъ капиталовъ. Въ настоящее время, при обложеніи 5% налогомъ доходовъ съ фондовъ, и владѣлецъ одного билета займа съ выигрышами вноситъ 5% съ пяти рублей, которые на немъ получаетъ, какъ и владѣлецъ бумагъ на сотни тысячъ. Здѣсь подоходный налогъ, не затрогивая мелкихъ собственниковъ процентныхъ бумагъ, внесетъ нѣкоторую справедливость и въ обложеніе этихъ источниковъ государственнаго дохода. Кромѣ того, къ подоходному налогу будутъ привлечены и тѣ доходы, которые составляются изъ процентовъ съ внѣшнихъ займовъ, освобожденныхъ въ настоящее время отъ обложенія 5% сборомъ, а также доходы съ денежныхъ капиталовъ, отдаваемыхъ по частнымъ ссудамъ, векселямъ и проч. Этотъ источникъ, т.-е. представители ссудныхъ капиталовъ, можетъ дать, по крайней мѣрѣ, 5—6 милл. рублей.

Итакъ, подоходный налогъ въ первые же годы, предполагая умѣренное обложеніе, въ предѣлахъ отъ 3—5%, можетъ обезпечить казнѣ 30 — 35 милл., по крайней мѣрѣ. Но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ съ нимъ освоятся населеніе и фискальная власть, сумма эта будетъ естественно возростать.

Быть можетъ, мои цифры покажутся кому-нибудь произвольными. Въ подтвержденіе правильности и осторожности моихъ разсчетовъ, приведу соображенія и факты, на которыхъ я основываюсь.

Нашъ поземельный налогъ, налогъ на право торговли, дополнительный раскладочный сборъ и сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, безъ сомнѣнія, не поглащаютъ въ общей сложности 2% доходовъ, получаемыхъ съ соотвѣтственныхъ источниковъ доходовъ. Противъ этого, я думаю, никто не станетъ спорить. По раскладочному сбору, напримѣръ, средній процентъ обложенія выражается приблизительно 1,97% при удостовѣряемо[й] министерствомъ финансовъ весьма низкой оцѣнкѣ доходовъ обложенных[ъ] предпріятій. Названные налоги доставляютъ казнѣ въ настоящее вре[мя] сумму до 60 милл. руб. въ годъ. Примемъ, что они составляютъ 2% до[]хода, и мы получимъ представленный ими доходъ въ 3 милліарда руб. Пред[]положимъ, что изъ этихъ трехъ милліардовъ около одной трети сосред[о]точиваются у лицъ съ доходами 1,500 руб. и что подоходный налогъ н[а]чинается съ этой нормы дохода, и тогда въ результатѣ производительност[и]

налога при 3% обложенія опредѣлится суммою въ 30 милл. руб. въ годъ. Но, вѣдь, въ эту сумму не входитъ цѣлый рядъ доходовъ, какъ-то: съ фондовъ, не уплачивающихъ 5% сбора, съ капиталовъ, отданныхъ въ ростъ по частнымъ обязательствамъ, отъ государственной и частной службы, свободныхъ профессій и т. п. Всѣ эти источники, во всякомъ случаѣ, не могутъ дать менѣе 5 милл. руб. Слѣдовательно, подоходный налогъ дастъ не менѣе 35 милл. въ первое же время, предполагая, какъ и слѣдуетъ быть въ началѣ, крайнюю осторожность финансовой администраціи во всякаго рода разслѣдованіяхъ дѣйствительнаго дохода плательщиковъ,—другими словами, предполагая сокрытіе части доходовъ, подлежащихъ обложенію, въ довольно широкихъ рамкахъ.

Чтобы для читателей еще яснѣе была моя осторожность въ указаніи цифры, какую финансовое вѣдомство можетъ смѣло ждать отъ подоходнаго налога въ Россіи, я приведу еще одинъ разсчетъ.

На основаніи статистическаго распредѣленія народнаго дохода въ Пруссіи, по матеріаламъ, даваемымъ въ результатѣ примѣненія подоходнаго налога, изъ общей цифры около 10 милліардовъ дохода на долю лицъ, получающихъ доходъ отъ 3,300 марокъ и выше, приходится около 30% (28,06% въ 1888 г., т.-е. до новаго закона подоходнаго налога, вслѣдствіе котораго этотъ процентъ окажется, конечно, большимъ). Въ своемъ статистическомъ словарѣ Мюлльгаль, приводя цифры народнаго дохода въ разныхъ государствахъ, для Россіи принимаетъ 975 милл. фунт. стерл., т.-е. около 10 милліардовъ рублей. Теперь, если даже принять народный доходъ для Россіи въ суммѣ не 10 милліардовъ, а лишь въ 7—8 милліардовъ, то и тогда, относя около 30% на доходы свыше 1,500 р., эти доходы при обложеніи только въ 3% могутъ дать по меньшей мѣрѣ 60—70 милл. въ годъ, а я въ своемъ разсчетѣ принялъ только половину этой суммы.

Въ пользу введенія подоходнаго налога въ Россіи говоритъ крайняя нужда нашего казначейства, вызванная, помимо уже другихъ причинъ, истекшимъ, во всѣхъ отношеніяхъ бѣдственнымъ хозяйственнымъ годомъ.

Въ объяснительной запискѣ къ росписи государственныхъ расходовъ и доходовъ на 1892 годъ г. министръ финансовъ указывалъ на постигшее Россію бѣдствіе небывалаго неурожая, какъ на обстоятельство, не позволяющее думать о введеніи новыхъ налоговъ или объ увеличеніи существующихъ. Но такое утвержденіе, вполнѣ справедливое относительно почти всѣхъ налоговъ, при которыхъ нельзя дѣлать различія для мѣстностей урожайныхъ и неурожайныхъ, совсѣмъ непримѣнимо къ подоходному налогу. Повысивъ акцизы, поземельный налогъ и т. д., правительство заставило и населеніе, и безъ того изнемогавшее подъ бременемъ неурожая, еще изыскивать средства для покрытія увеличенныхъ налоговъ. Но подоходный налогъ тѣмъ-то и хорошъ, что онъ вовсе не тронетъ тѣхъ группъ, которыя, вмѣсто дохода, несутъ убытки. По причинѣ неурожая въ бѣдствующихъ мѣстностяхъ, конечно, много лицъ изъ обычной, при нормальныхъ условіяхъ, группы плательщиковъ подоходнаго налога временно попали бы въ

рязрядъ неплательщиковъ. Но, вѣдь, рядомъ съ ними, именно благодаря тому же самому бѣдствію, въ бѣдствующихъ же губерніяхъ многіе получили за этотъ годъ огромные барыши. Хорошимъ доходнымъ годомъ неурожайный годъ былъ и для мѣстностей, не пострадавшихъ отъ неурожая. Слѣдовательно, при пониженіи поступленія изъ всѣхъ прочихъ налоговъ, подоходный налогъ могъ бы дать легко крупную бездоимочную сумму. Мало того, вопреки мнѣнію бывшаго министра финансовъ, я думаю, что 1892 г. былъ бы весьма благопріятнымъ для введенія подоходнаго налога и съ психологической точки зрѣнія. Новый налогъ для многихъ хозяйствъ совпалъ бы съ неожиданнымъ чрезвычайнымъ возвышеніемъ дохода, а потому и не могъ быть особенно чувствителенъ. Съ психологической точки зрѣнія, человѣку гораздо легче примириться съ отдачею части дохода, который является и за вычетомъ этой части увеличеннымъ, чѣмъ согласиться урѣзать отъ дохода обычнаго, къ которому привыкъ. Это соображеніе весьма важно всегда имѣть въ виду при финансовыхъ преобразованіяхъ.

Сравнивая теперешнія условія для введенія подоходнаго налога въ Россіи съ началомъ 70-хъ годовъ, нельзя не признать, что съ тѣхъ поръ для проведенія этой мѣры въ жизнь почва въ значительной степени подготовлена. Благодаря введенію у насъ въ 80-хъ годахъ, въ министерство Н. Х. Бунге, обложенія доходовъ съ процентныхъ бумагъ, 3% сбора съ акціонерныхъ и т. п. предпріятій, раскладочнаго сбора и пошлинъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, а также благодаря учрежденію тогда же института податныхъ инспекторовъ, министерство финансовъ въ настоящее время имѣетъ въ своихъ рукахъ немаловажный матеріалъ для выясненія разныхъ существенныхъ вопросовъ объ опредѣленіи доходовъ и подготовленный штатъ исполнителей.

Затѣмъ строго-покровительственная система заводской и фабричной промышленности, усвоенная Россіей при послѣднемъ пересмотрѣ нашего таможеннаго тарифа, также можетъ служить существеннымъ доводомъ въ пользу подоходнаго налога. Покровительственная система, заставляя населеніе переплачивать на множествѣ самыхъ насущныхъ предметовъ потребленія, обезпечиваетъ не безвыгодное существованіе даже такихъ заводовъ и фабрикъ, которымъ безъ покровительственной поддержки пришлось бы ликвидировать свои дѣла. Допустимъ, что съ теченіемъ времени, развивъ производство, они удешевятъ наше потребленіе обложенныхъ предметовъ до уровня заграничнаго. Но, вѣдь, пока что, а для заводовъ и фабрикъ, которые и безъ покровительства стояли прочно и давали крупные барыши, покровительст[illegible] равносильно установленію въ пользу ихъ владѣльцевъ высокой преміи [illegible] счетъ всего населенія. Болѣе чѣмъ справедливо, если хоть часть эти[illegible] косвенныхъ сборовъ съ населенія въ пользу группы благоденствующи[illegible] частныхъ предпринимателей вернется въ казну на общія государствен[illegible] нужды въ формѣ подоходнаго налога.

Итакъ, на основаніи изложенныхъ соображеній, я не сомнѣваюсь, [illegible] подоходный налогъ, введенный въ Россіи, составитъ одну изъ крупны[illegible]

статей нашего доходнаго бюджета, подобно тому, какъ это мы видимъ вездѣ, гдѣ онъ существуетъ. А если рядомъ съ введеніемъ этого налога будетъ идти реформированіе всѣхъ прочихъ нашихъ прямыхъ налоговъ, будетъ уничтоженъ паспортный налогъ, будетъ ограничена финансовая круговая порука, прекратится дальнѣйшій ростъ въ нормахъ обложенія косвенныхъ налоговъ и финансовое вѣдомство проникнется убѣжденіемъ, что всѣ мѣры, ведущія къ сокращенію пьянства, въ его прямомъ интересѣ,—тогда достаточно какого-нибудь десятка лѣтъ, чтобы прочно поставить наши финансы, придать имъ устойчивость и силу выносить всякія случайныя невзгоды. Я думаю такъ и потому, что, только опираясь на систематическія реформы въ области нашего прямого и косвеннаго обложенія, можно совладать также съ другимъ коренннымъ врагомъ русскаго народнаго хозяйства и изгнать его изъ предѣловъ нашего отечества. Я разумѣю бумажный рубль.

Признавая большое финансовое значеніе подоходнаго налога, нѣкоторые, быть можетъ, скажутъ, что онъ неудобенъ у насъ (мнѣ приходилось слышать такого рода возраженія), такъ какъ въ Россіи нѣтъ всѣхъ тѣхъ гарантій, какія въ Западной Европѣ имѣетъ личность и какія считаются тамъ необходимыми для правильнаго финансоваго хозяйства, что при этихъ условіяхъ въ установленіи размѣра подоходнаго налога и его взиманіи можетъ быть много произвола для населенія. Но этотъ доводъ противъ подоходнаго налога, мнѣ кажется, нѣсколько грѣшитъ лицемѣріемъ. Вѣдь, если допустить, что мы, плательщики подоходнаго налога, будемъ страдать отъ недостатка у насъ всякаго рода гарантій личности, то, вѣдь, и теперь отъ этого приходится страдать плательщикамъ существующихъ налоговъ. А, вѣдь, извѣстно, что всякое ненужное стѣсненіе, беззаконіе и произволъ тотчасъ ослабляются, какъ скоро съ ними сталкиваются лица, имѣющія силу противупоставить произволу право, законъ и свое общественное положеніе.

Изучивъ вопросъ о подоходномъ налогѣ, какъ онъ развивался въ Англіи, Пруссіи и другихъ государствахъ, и ознакомившись съ литературою предмета, я знаю только одинъ неоспоримый доводъ противъ введенія подоходнаго налога. Это тотъ доводъ, который является главною причиной, почему подоходный налогъ вездѣ съ такимъ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу въ жизнь; это тотъ доводъ, о которомъ противники подоходнаго налога обыкновенно умалчиваютъ въ своихъ соображеніяхъ. Онъ заключается въ томъ, что подоходный налогъ непріятенъ для будущихъ плательщиковъ его, которые ...дѣ составляютъ наиболѣе вліятельныя группы въ государствѣ. Если для ...хъ будущихъ неплательщиковъ подоходнаго налога онъ ничего, кромѣ ...льзы, не принесетъ, то для группы плательщиковъ подоходный налогъ вносиленъ пожертвованію ихъ личными эгоистическими интересами въ ...ьзу общаго блага. Но и съ этой точки зрѣнія введеніе подоходнаго на...а въ Россіи своевременно.

Во всякой цивилизованной странѣ, въ каждомъ обществѣ, кромѣ вѣч-

ныхъ, неизмѣнныхъ и высочайшихъ требованій христіанской этики, доступныхъ только избраннымъ, существуетъ средній измѣнчивый уровень общественной этики. Задача государства—воплощать въ законодательствѣ требованія этой этики. Подоходный налогъ въ Западной Европѣ представляетъ несомнѣнное торжество этическихъ началъ въ финансовомъ законодательствѣ.

Къ 60-мъ годамъ уровень общественной этики въ Россіи поднялся настолько, что паденіе крѣпостного права стало возможнымъ и было съ восторгомъ встрѣчено нашимъ обществомъ. Въ 80-хъ годахъ уничтоженіе подушной подати—фактъ, сравнительно мелкій,—исходилъ, однако, изъ тѣхъ же началъ.

Всегда могутъ быть отдѣльныя лица, которыя будутъ сожалѣть и о крѣпостномъ правѣ, и о подушной подати. Но, вѣря въ историческій прогрессъ, какъ совершенствованіе, я не могу допустить, чтобъ уровень общественной нравственности въ Россіи упалъ, чтобы подоходный налогъ, признанный въ 70-хъ годахъ своевременнымъ для Россіи и представителями мѣстной власти, и выборными представителями мѣстнаго населенія въ лицѣ земскихъ собраній, въ 90-хъ годахъ былъ отвергнутъ русскимъ обществомъ, если бы къ нему обратились съ такимъ запросомъ.

Л. Ходскій.

Старое въ новомъ.

(Отголоски комедіи XVIII вѣка въ комедіяхъ нашего времени).

«Изъ всѣхъ родовъ поэзіи слабѣе другихъ принялась у насъ комедія» *)... «Множество комедій, написанныхъ въ стихахъ и прозѣ въ промежутокъ времени отъ Фонвизина до Грибоѣдова, не стóитъ упоминовенія»... «Участь нашей комедіи—или что-нибудь необыкновенное, или меньше чѣмъ ничего»... Вотъ каковы отзывы Бѣлинскаго о русской комедіи начала XIX и конца XVIII вѣка. Слѣдовавшіе за нимъ критики, ученые и составители исторіи литературы, а за ними и вся образованная Россія къ комедіямъ Грибоѣдова и Гоголя прибавила комедіи Островскаго и только... Всѣ остальныя комедіи, и прошедшія, и настоящія, а, тѣмъ болѣе, комедіи XVIII вѣка считаются за ничто. *А, между тѣмъ, и тѣ, и другія имѣютъ большое значеніе въ послѣдовательности развитія и роста русской комедіи и въ самомъ появленіи у насъ такихъ комедій, какъ „Горе отъ ума", „Ревизоръ" и комедіи Островскаго.* Вѣдь, странно было бы предположить, что среди «менѣе чѣмъ ничего» у насъ вдругъ, какъ изъ морской пѣны, появляются двѣ-три геніальныя комедіи. Неужели нѣтъ никакой послѣдовательности въ развитіи нашей драматической литературы— и *Горе отъ ума*, и *Ревизоръ* какія-то геніальныя ошибки или исключенія въ общей «темной массѣ» русской драматической литературы, какъ выражается г. Пыпинъ **), или какъ говоритъ Бѣлинскій ***), «среди широкой песчаной степи, гдѣ не видно ни дерева, ни былинки»? Какъ же могли въ подобной степи вырости такіе могучіе дубы, какъ *Горе отъ ума, Ревизоръ* и комедіи Островскаго?

Занимаясь русскою комедіей XVIII вѣка, я встрѣтилъ нѣсколько комедій очень интересныхъ въ сравненіи съ комедіями писателей XIX вѣка. Какъ мы увидимъ ниже, между комедіями XVIII и XIX вѣковъ

---

*) *Соч. Бѣлинскаго.* Изд. V. М., 1890 г., т. XII, стр. 264 — 266. NB. Другихъ отзывовъ о комедіяхъ XVIII вѣка у Бѣлинскаго нѣтъ въ его критикѣ.

**) Предисловіе къ сочиненіямъ Лукина и Ефимьева. Изд. Ефремова.

***) *Соч. Бѣлинскаго*, т. XII, стр. 226.

существуетъ громадная связь, какую врядъ ли читатель можетъ подозрѣвать, будучи совершенно незнакомъ съ забытыми произведеніями XVIII вѣка. Предлагаемое сравненіе комедій XVIII и XIX вѣковъ интересно и важно въ томъ отношеніи, что оно проливаетъ свѣтъ на *постепенное* развитіе нашей комической литературы и указываетъ на очень *быстрый* ростъ комедіи. Эти два положенія я и имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду при сравненіи.

Мы знакомы съ сочиненіями Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго, восхищаемся ими и, повидимому, предполагаемъ, что эти писатели явились на Руси какъ бы первыми представителями русской комедіи. Но, не говоря уже о первостепенныхъ писателяхъ XVIII вѣка, Фонвизинѣ, Капнистѣ и др., мы не должны забывать тѣхъ скромныхъ тружениковъ литературы конца прошлаго столѣтія, которые также дали подготовку нашимъ геніямъ. Нужно отдать должную дань ихъ произведеніямъ, которыя, какъ мы увидимъ, имѣли очень большое вліяніе на произведенія первостепенныхъ писателей XIX вѣка, тѣмъ болѣе, что въ ихъ время шли еще на сценѣ и были, во всякомъ случаѣ, свѣжи въ памяти комедіи, которыя въ настоящее время совершенно заброшены и забыты.

Мы, конечно, не имѣемъ никакихъ основаній указывать на сходство этихъ комедій, какъ на заимствованіе Грибоѣдовымъ, Гоголемъ или Островскимъ своихъ произведеній или отдѣльныхъ типовъ или сценъ у комическихъ писателей XVIII вѣка, но это сходство докажетъ намъ, что комедіи XVIII вѣка вовсе не были такъ слабы, разъ въ нихъ встрѣчаются черты аналогичныя съ чертами тѣхъ комедій, которыя мы считаемъ образцовыми и совершенными.

Я не буду останавливаться на произведеніяхъ первостепенныхъ писателей XVIII вѣка—Екатеринѣ Второй, Фонвизинѣ, Капнистѣ и нѣкоторыхъ другихъ потому, что ихъ значеніе и мѣсто въ русской драматической литературѣ, и въ частности въ комедіи, достаточно выяснены другими. Я обращу вниманіе на такъ называемыхъ второстепенныхъ писателей, изъ произведеній которыхъ я выберу нѣсколько наиболѣе указывающихъ на сходство съ *Ревизоромъ*, *Горе отъ ума* и *Бѣдность не порокъ*. А разъ ихъ сходство будетъ очевидно, то это докажетъ намъ, что выбранныя нами комедіи далеко не «менѣе чѣмъ ничего», если онѣ имѣютъ сходство съ такими комедіями, какъ *Ревизоръ* или *Горе отъ ума*, а потому онѣ *имѣютъ важность и значеніе для исторіи русской комедіи* и, слѣдовательно, *существуетъ постепенное развитіе* русской комедіи.

Читателя поразятъ, можетъ быть, имена дѣйствующихъ лицъ, вродѣ Пламена, Слабоумова, Вздоровой и друг., а также и тяжелый слогъ этихъ комедій, но не должно забывать, что онѣ писаны цѣлое столѣтіе тому назадъ и что болѣе изящныя и пріятныя для нашего слуха имена вродѣ Чацкаго, Молчалина, Хлестакова и тому подобныя не далеко ушли впередъ отъ стремленія въ имени выразить отличительную черту характера дѣйствующаго лица, а слогъ—легкій и живой—для насъ можетъ показаться дикимъ и грубымъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ.

Дѣло не въ этихъ мелочахъ,—важна сама *идея* и *оригинальность* того или другого типа, сцены или самой темы комедіи. Возьмемъ, напримѣръ, изъ комедіи *Свадьба Промоталова* сцену чтенія письма. Промоталовъ, прокутившійся франтъ, хочетъ жениться для поправленія состоянія на купеческой дочери Акулинѣ. Въ руки родителей невѣсты случайно попадаетъ письмо, писанное женихомъ къ своему пріятелю:

«*Акулина* (невѣста).—Не изволишь ли прочитать-то?...

Слабоумовъ (дядя ея). — Согласенъ (читаетъ): «Наконецъ, любезный графъ, я сей вечеръ вхожу въ гнусную и подлую родню...»

Слабоумова (мать невѣсты).—Что ты за вздоръ читаешь, братецъ? Ежели не видишь, такъ надѣнь очки.

Слабоумовъ (отдаетъ письмо).—Читай же, сестрица, сама лучше.

Слабоумова (читаетъ).—«Вхожу въ гнусную, подлую и мерзкую родню...»

Всѣ вмѣстѣ.—Что такое? Что это значитъ?

Слабоумовъ. — Дочтемъ до конца: «Наконецъ, любезный графъ, я сей вечеръ вхожу въ гнусную, подлую и мерзкую родню. Пріѣзжай на мою свадьбу и привези всѣхъ нашихъ знакомыхъ: во-первыхъ, вы увидите нареченную мою тещу Слабоумову, которую вы, какъ и всѣ денежные заемщики, довольно знаете за проклятую жидовку...»

Слабоумова.—Какой безпутной!

Слабоумовъ (читаетъ).—«Во-вторыхъ, нареченную мою супругу Акулину Авдѣевну, которая глупостью и деревенскими ужимками васъ со смѣху уморитъ...»

Акулина.—Безсовѣстной!

Слабоумовъ (читаетъ).—«Въ-третьихъ, увидите вы почтеннѣйшаго моего дядюшку, который такъ тонко знаетъ деревенскую экономію, что высчитаетъ, сколько въ четверикѣ овса щетомъ овсяныхъ зеренъ, а, впрочемъ, дуракъ набитый...»

— Какой это бездѣльникъ!...»—и т. д.

Приводить чтеніе письма изъ *Ревизора* я считаю излишнимъ въ виду того, что оно достаточно извѣстно всѣмъ.

Перейдемъ къ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе* *).

Составители исторіи литературы обратили вниманіе на эту комедію исключительно потому, что въ ней выведены два смѣшныхъ дѣйствующихъ лица: Плаксинъ и Хохоталкинъ, соотвѣтстующіе классическимъ Демокриту и Гераклиту. Но эти типы слабѣе другихъ дѣйствующихъ лицъ и вовсе не на столько интересны, чтобы обращать на себя вниманіе. Гораздо интереснѣе эта комедія тѣмъ, что въ ней встрѣчаются сцены, которыя мы находимъ, конечно, въ большей отдѣлкѣ, или съ другими дѣйствующими лицами, или въ иной обстановкѣ—въ комедіяхъ Грибоѣдова и Гоголя.

Извѣстно, какъ Гоголь носился съ своею «нѣмою сценой» изъ *Ревизора*: передѣлывалъ ее на разные лады, заставлялъ артистовъ подчиняться

*) Напечатана въ *Россійскомъ Θеатрѣ*, т. 40-й, 1793 г.

балетмейстеру и т. д. Очевидно, эта сцена была ему особенно дорога и онъ хотѣлъ сдѣлать ее особенно эффектной, чего онъ и достигъ.

Заглянемъ теперь въ комедію XVIII вѣка *Смѣхъ и горе*. Мы находимъ въ ней следующую сцену: когда Вздорова, танцуя, вдругъ узнаетъ, что Пламенъ, въ котораго она влюблена, обвѣнчался тайно съ ея племянницей и что, вмѣсто племянницы, танцуетъ переодѣтый Андрей, происходитъ замѣшательство и всѣ вдругъ останавливаются. «Только что Вздорова пройдетъ два ряда (тура), Андрей, поровнявшись съ ней, роняетъ съ себя маску. Вздорова останавливается въ удивленіи. Плаксинъ, возвыся руку, чтобы щелкнуть въ пальчики, и приподнявъ ногу, останавливается. Хохоталкинъ, сойдясь съ Анютой плечами и сдѣлавъ глаза одинъ на другого, занеся ноги и руки, останавливаются, а Андрей пристально смотритъ на Вздорову». Паденіе маски и послѣдствія этого произвели, какъ мы видимъ, почти такой же эффектъ, какъ и извѣстіе, сообщенное гоголевскимъ жандармомъ. Сравнивая то же *Смѣхъ и горе* съ *Горе отъ ума*, мы находимъ еще болѣе сходства. Не напомнитъ ли вамъ слѣдующая сцена разговоръ Чацкаго съ Фамусовымъ передъ приходомъ Скалозуба:

«*Старовѣкъ*.—Онъ измѣнилъ тебѣ?
Пріята.—Онъ... онъ и столь безчестно!...
Любила-ль я его, вамъ было то извѣстно.
Я знаю, вы его начнете защищать,
Но будетъ все напрасно, и я васъ увѣряю,
Что я его, сударь, взаимно презираю,
Не говорите мнѣ о качествахъ его души,
Что правила, сударь, въ немъ хороши, честны...
Старовѣкъ.—Да я молчу...
Пріята.—Что онъ и офицеръ примѣрный,
И храбрый человѣкъ, и другъ нелицемѣрный...
Старовѣкъ.—Да я молчу...
Пріята.—Что онъ отечеству пріятенъ и полезенъ,
И скроменъ, и ученъ, пріятенъ и любезенъ...
Старовѣкъ.—Да я молчу, молчу!» и т. д.

Относительно этой сцены нужно замѣтить, что подобныя довольно эффектныя комическія сцены были въ большомъ ходу въ западной драматической литературѣ, откуда онѣ перешли къ намъ, появившись въ XVIII вѣкѣ у Клушина, а въ XIX вѣкѣ у Грибоѣдова; у того и другого онѣ очень умѣстны, прибавляя живости и игривости обѣимъ комедіямъ.

Слѣдующая поразительно аналогичная сцена относится къ концу *Го[illegible] отъ ума*. Софья, подслушавъ признаніе Молчалина Лизѣ, отталкиваетъ е[illegible] съ презрѣніемъ и не хочетъ слушать никакихъ оправданій.

Въ *Смѣхъ и горе* Пріята подслушиваетъ признаніе Пламена:

«*Пламенъ* (къ Вздоровой).—Хоть склонность пріобрѣсть Пріяты я старал[illegible]
Но ахъ!... наружно ей, вамъ сердцемъ предавался;
Когда языкъ мой ей любовь изображалъ,

Во образѣ ея тебя я обожалъ,—
Теперь насталъ тотъ часъ, открою сердце страстно,
Пылающе давно и можетъ быть несчастно...
(Упадаетъ на колѣни).
Клянуся небомъ я ту вѣчно обожать,
Которой взоръ меня...
(Увидя Пріяту, вскакиваетъ).

Пріята.—Клянись, неблагодарный!
Ты могъ меня забыть невѣрный и коварный!
Узнала я тебя, твою узнала страсть;
Хотя люблю, но умъ возьметъ надъ сердцемъ власть.
Когда въ тебѣ одномъ блаженство находила;
Когда жила тобой, тебя боготворила;
Но ты осмѣлился тогда мнѣ измѣнить...
Презрѣнья стоишь ты и долгъ тебя забыть!

Пламенъ.—Пріята, выслушай... клянусь...

Пріята.—Ни слова болѣ.

Пламенъ.—Я долженъ былъ къ тому...

Пріята.—Въ твоей то было волѣ.

Пламенъ (ставъ на колѣни).—Да выслушай меня.

Пріята.—Я слышать не хочу».

Мы видимъ въ этой сценѣ то же положеніе лицъ, тотъ же характеръ объясненія, что̀ и въ *Горе отъ ума.*

Въ приведенныхъ отрывкахъ мы отмѣтили сходство, такъ сказать, съ внѣшней стороны. Но несомнѣнно важнѣе будетъ отмѣтить сходство типовъ и фабулы комедій двухъ вѣковъ. Мы можемъ начать съ той же комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*, въ которой мы найдемъ аналогію типовъ Вѣтрона съ Репетиловымъ. Отличаясь другъ отъ друга только темами своихъ разговоровъ они,— оба кутилы и моты,— подобны другъ другу въ разбросанности своихъ мыслей, въ схватываніи однихъ верхушекъ и въ какомъ-то порывистомъ увлеченіи самыми разнообразными предметами. Впрочемъ, это сходство не удивительно, такъ какъ этотъ типъ вѣтреника былъ, повидимому, очень распространенъ въ русскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX вѣка; но интересно то, что клушинскій Вѣтронъ охарактеризованъ не менѣе живо и правдиво, чѣмъ грибоѣдовскій Репетиловъ. Для образца приведу одинъ изъ монологовъ Вѣтрона. Этотъ монологъ наиболѣе характеризуетъ Вѣтрона:

« *Вѣтронъ.*— Вы пѣсню слышали? Понравилась ли вамъ?
Не знаю, кто писалъ, на ноты клалъ я самъ.
Какія въ ней стихи? Что ямбы иль трахеи?
Одинъ ли анапестъ иль съ дактилемъ спондеи?
Ну, мысли хороши-ль? Натяжки нѣтъ ли въ нихъ?
Начало каково? Каковъ послѣдній стихъ?
Да кстати: видѣли-ль вы модные кафтаны?

Всѣ полосатые, какъ горскіе бараны.
На нихъ-то видимъ мы французскій прямо вкусъ.
Здѣсь не было такихъ, за это я божусь:
Все, что есть моднаго, я тотчасъ покупаю,—
Что есть французскаго, я коротко все знаю.
Понравился вчера мнѣ бархатный жилетъ,
Я тотъ же часъ купилъ,—теперь ихъ болѣ нѣтъ!
Но такъ какъ я одной не могъ въ немъ показаться,
Сегодни-жь поутру успѣлъ съ нимъ распрощаться.
Не знаете ли вы, выходитъ здѣсь журналъ?
Насъ авторъ, говорятъ, прекрасно отхваталъ.
Я не читалъ его, другіе мнѣ сказали.
Да!... Почтою духовъ его мнѣ называли.
Въ немъ вздумалъ онъ всѣхъ тѣхъ безграмотныхъ катать,
Которы безъ ума осмѣлились писать;
Всѣхъ болѣ задалъ онъ какому-то писакѣ,
Который намаралъ одинъ пустякъ и враки
Безъ правилъ, безъ ума!...»

Даже слогъ и стихъ замѣчательно похожи на грибоѣдовскій монологъ Репетилова.

Но несравненно болѣе поразительное сходство типовъ представляетъ комедія Плавильщикова *Сидѣлецъ* въ сравненіи съ ком. *Бѣдность не порокъ* Островскаго. Не безъинтересно отмѣтить при этомъ, что и жизнь Плавильщикова очень похожа на жизнь Островскаго. Плавильщиковъ съ дѣтства вращался въ купеческой средѣ и потому хорошо познакомился съ купеческимъ бытомъ, который изображенъ имъ мастерски для его времени во всѣхъ его комедіяхъ. Второй періодъ его жизни прошелъ въ театральномъ мірy. Вообще Плавильщиковъ былъ передовой человѣкъ своего времени. Онъ кончилъ Московскій университетъ и былъ очень образованъ и начитанъ.

Весьма странно и непонятно, какъ составители исторіи литературы не замѣтили такого произведенія Плавильщикова, какъ его комедія *Сидѣлецъ*. Да и вообще о Плавильщиковѣ говорится только въ «мелкомъ шрифтѣ» или между прочимъ, а, между тѣмъ, этотъ писатель, по своей оригинальности, самостоятельности и по своему таланту, можетъ быть поставленъ на ряду съ первостепенными писателями XVIII вѣка. Плавильщиковъ — Островскій XVIII вѣка, а *Сидѣлецъ*—прототипъ ком. *Бѣдность не порокъ*. Разница во второстепенныхъ типахъ и во вліяніи того или другого литературнаго теченія. Такъ, въ *Сидѣльцѣ* отразилось, при грубости и р[...] кости XVIII вѣка, начало сентиментализма, а ком. *Бѣдность не порокъ* бы[...] написана въ періодъ конца сентиментализма и пору романтизма, каковой [...] ней и сказался въ значительной степени.

Для знакомства съ комедіей *Сидѣлецъ* я считаю необходимымъ подро[...] разобрать ее, причемъ я обращу особенное вниманіе на черты сходства [...] ком. *Бѣдность не порокъ*.

Приведу сначала перечень дѣйствующихъ лицъ съ ихъ краткою характеристикой въ сравненіи съ дѣйствующими лицами ком. *Бѣдность не порокъ.*

«Самъ» Харитонъ Авдуловичъ страшно грубъ и самовластенъ съ своими домашними и, въ то же время, до приторности любезенъ съ купцомъ Викуломъ, котораго онъ прочитъ въ женихи своей дочери. Благодаря своему деспотизму, онъ является грозою всего дома и всѣ передъ нимъ безсловесны и трепещутъ. Петербургскій купецъ прельщаетъ его, помимо богатства, своею петербургскою смѣтливостью и умѣньемъ жить и такъ его отуманиваетъ, что онъ подъ его вліяніемъ дѣлается способенъ на всякія подлости. Какъ и Гордѣй Карпычъ, онъ старается выражаться вычурно и его прельщаетъ мысль, что дочь его будетъ жить въ Питерѣ. Не есть ли послѣ этого Гордѣй Карпычъ живой снимокъ съ Харитона Авдуловича, отличающею чертой котораго является только его скупость?

Жена Харитона, Мавра Трифоновна, вся находится подъ вліяніемъ своего мужа и даже еще болѣе, чѣмъ Пелагея Егоровна, не проявляетъ никакой самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ. Она въ душѣ собственно добродушная, но подъ вліяніемъ мужа она сердится и кричитъ на всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Несмотря, напримѣръ, на всю любовь къ дочери, она безпрестанно ворчитъ и придирается къ ней. Единственная дочь ихъ, Параша, нѣжно и наивно любитъ прикащика отца, Андрея, но ея не коснулся романтизмъ, какъ это случилось съ Любовью Гордѣевной. Она грубѣе и рѣзче, но, какъ и Любовь Гордѣевна, изъ воли отцовской не выходитъ и, несмотря на свою любовь къ прикащику, не рѣшается отказаться отъ ненавистнаго ей жениха, предлагаемаго отцомъ. Викулъ, «сампитерскій» купецъ, поражаетъ своимъ сходствомъ съ Коршунковымъ. Та же спѣсь и заносчивость богатаго зазнавшагося купца, та же развращенность, та же гадкая злоба. Вы такъ и представляете себѣ антипатичную физіономію Коршунова, только немного моложе, чѣмъ онъ является у Островскаго.

Сидѣлецъ Андрей и прикащикъ Гордѣя Карпыча Митя также представляютъ изъ себя какъ бы одно лицо. Оба добродѣтельно-скромные молодые люди, оба они нѣжные «любовники» *), какъ выражались въ XVIII вѣкѣ про влюбленныхъ, у обоихъ стремленіе къ самообразованію, которое ставится имъ въ вину ихъ хозяевами.

Любима Торцова нѣтъ въ комедіи Плавильщикова, но его протестъ противъ богатства и злобы и принципъ, что «бѣдность не порокъ» или, какъ говорится въ *Сидѣльцѣ*, «бѣдность не погибель», является уже у Плав ьщикова именно въ рѣчахъ сидѣльца Андрея, такъ что нельзя сказать, ч бы взгляды Любима Торцова были для насъ совсѣмъ новы.

Перехожу къ содержанію *Сидѣльца.* Помимо сходства типовъ, я вижу въ э хъ комедіяхъ несомнѣнное сходство въ завязкѣ и развязкѣ дѣйствія и в развитіи хода дѣйствія. Основная фабула этой комедіи такъ же проста, к ъ и въ ком. *Бѣдность не порокъ.* Богатый купецъ Харитонъ Авдуло-

---

*) Этотъ терминъ и теперь еще существуетъ въ театральномъ мірѣ.

вичъ хочетъ выдать свою единственную дочь за пожилого и вдоволь пожившаго купца Викула, между тѣмъ какъ дочь влюбилась въ сидѣльца, служащаго у ея отца. Когда отецъ ближе узнаетъ дурной нравъ сулимаго имъ жениха и изъ оскорбленнаго самолюбія ссорится съ нимъ, то онъ хочетъ на зло ему выдать свою дочь за сидѣльца Андрея. Достаточно измѣнить только имена дѣйствующихъ лицъ, чтобы получилась фабула ком. *Бѣдность не порокъ.*

Ходъ дѣйствія въ *Сидѣльцѣ* слѣдующій: Мавра Трифоновна ждетъ Харитона Авдуловича съ гостемъ Викуломъ. Приходятъ Параша и Андрей. Въ ихъ разговорѣ читатель можетъ легко подмѣтить ихъ любовь другъ къ другу. Вдругъ прибѣгаетъ Тарасьевна *(служанка Мавры Трифоновны)* съ извѣстіемъ, что «самъ» явился. Приходятъ Харитонъ съ Викуломъ, здороваются съ хозяйкой, которая проситъ ихъ присоединиться къ нимъ. Харитонъ посылаетъ жену и дочь похлопотать объ угощеніи. Между тѣмъ, онъ бесѣдуетъ съ Викуломъ. Изъ ихъ разговора мы узнаемъ, что Викулъ надумалъ жениться потому, что «молодыя лѣта проходятъ» и «пора бы къ покою». Да онъ и не прочь отъ приданаго, ожидаемаго за дочерью Харитона, которая, кромѣ того, приглянулась ему своею молодостью, какъ и Коршунову—Любовь Гордѣевна.

Какъ у Островскаго, Коршуновъ подло обобралъ Любима Торцова, такъ у Плавильщикова Викулъ подбиваетъ Харитона на подобную же подлость относительно сидѣльца Андрея, совѣтуя Харитону присвоить себѣ доставшійся его сидѣльцу по наслѣдству отъ отца домъ. Харитонъ, отдавая дочь за Викула, не хочетъ даже справляться о ея мнѣніи и потому прямо объявляетъ ей свою волю. Параша этимъ страшно огорчена, и хотя соглашается подчиниться отцу, но предварительно рѣзко, не по примѣру Любови Гордѣевны *), объясняется съ нареченнымъ женихомъ. Андрей жалуется на тяжелое житье у Харитона Авдуловича, но, подобно Митѣ Островскаго, готовъ все терпѣть ради того, чтобы видѣть любимую имъ хозяйскую дочь Парашу. Онъ смиренно выслушиваетъ попреки Харитона, который, между прочимъ, упрекаетъ его въ томъ, что онъ «печатныя книги почитываетъ» и что онъ «грамотѣ у студента учился». Точь-въ-точь какъ Гордѣй Карпычъ бранитъ Митю, который для «самообразованія» читаетъ книги и пишетъ стихи. Во время этого разговора приходитъ купецкій голова и Харитонъ съ Викуломъ обвиняютъ Андрея въ тайной продажѣ товаровъ. Викулъ ухаживаетъ за Парашей и убѣждаетъ ее полюбить его и старается расположить ее къ себѣ, суля ей, что она будетъ у него ж ь въ богатствѣ и въ золотѣ ходить. Параша съ горестью обращается къ пуб - кѣ: «Да неужели для бѣдной Парашеньки людей на свѣтѣ не стало? Не -то мнѣ на роду написано быть женой черномазой скотины?» Послѣ ух а Викула является Андрей и между нимъ и Парашей происходитъ нѣжн ,

*) Въ этомъ и отразилось вліяніе литературнаго теченія начала конца XVII .

наивная сцена объясненія въ любви другъ къ другу. Между прочимъ, Андрей доказываетъ ей, что «бѣдность не погибель». Онъ становится передъ ней на колѣни и цѣлуетъ ея руку. Въ этотъ моментъ ихъ застаютъ Харитонъ Авдуловичъ, Мавра Трифоновна и Викулъ. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ они набрасываются на Андрея, а онъ имъ отвѣчаетъ монологомъ, который носитъ характеръ разсужденій Любима Карпыча Торцова; разница въ томъ, что Андрей выражается мягко, а Любимъ Карпычъ рѣзко, какъ говорится, рубитъ съ плеча. Подъ впечатлѣніемъ словъ Андрея, Харитонъ и Мавра соглашаются отдать Парашу за Андрея. Но Викулъ приходитъ въ негодованіе и между ними происходитъ слѣдующая сцена, живо напоминающая подобную же сцену въ ком. *Бѣдность не порокъ*, когда Коршуновъ оскорбленъ отказомъ Гордѣя Карпыча:

«*Викулъ.*—Харитонъ Авдуловичъ, такъ взаправду я ни съ чѣмъ остаюсь? Это мнѣ больно не по сердцу: оно вотъ что...

Харитонъ.—Прости, Господи, да что мнѣ дѣлать? Видишь, Параша тебя не любитъ, неужто мнѣ для твоей милости поморить ребятъ же? Тоже, вѣдь, мы христіане.

Викулъ.—Да ты мнѣ слово далъ; оно вотъ что!

Харитонъ.—Такъ что-жь, что далъ? Вѣдь, слово не вексель; оно вотъ что!

Викулъ. — Нѣтъ, государь мой, я не отстану; такъ обижать меня не годится; я самъ за себя постою; я купецъ первой гильдіи! Меня хоть бы съ сидѣльцемъ и верстать было не гоже, оно вотъ что!... У меня сухъ не выйдешь отъ меня! Чево бы то ни стало, я за собой поставлю... Смотри, пожалуй: мною какъ щенкомъ поворачиваютъ!... Да я зубастъ, братъ; за этакое дѣло хоть и не тебя, такъ сгрызу, оно вотъ что!»

Читая эти гнѣвныя, злобныя рѣчи оскорбленнаго «первой гильдіи купца», такъ и представляешь себѣ разсвирѣпѣвшаго Коршунова въ комедіи Островскаго. Когда Харитонъ снова потомъ сердится на Андрея, то и Мавра Трифоновна, обрадовавшаяся было тому, что Парашу отдаютъ за него, также сердится на Андрея. Оканчивается комедія, какъ и у Островскаго, тѣмъ, что Харитонъ Авдуловичъ отдаетъ Парашу за Андрея, а Викулъ принужденъ удалиться въ безсильной злобѣ. Но передъ этимъ концомъ у Плавильщикова есть вставка, которой нѣтъ у Островскаго, именно разслѣдованіе купецкимъ головой обвиненія Андрея въ кражѣ, вставленная для того, чтобы зрителю на сценѣ выяснить характеръ Викула; между тѣмъ какъ у Островскаго Коршуновъ извѣстенъ, какъ дурной человѣкъ, только по словамъ другихъ дѣйствующихъ лицъ.

Наконецъ, укажу еще на одинъ фактъ, имѣющій близкое отношеніе къ аналогіи комедій двухъ вѣковъ. Гоголь въ своей *Женитьбѣ* и Островскій во многихъ своихъ комедіяхъ дали намъ типъ свахи. Этихъ писателей, и особенно Островскаго, принято считать создателями типа свахи, одного изъ лучшихъ типовъ Островскаго, составившихъ ему славу русскаго бытописателя-художника. Слава его заслужена имъ вполнѣ: типъ свахи его дѣй-

ствительно замѣчателенъ по его характеристикѣ и живости. Но ни Островскій, ни Гоголь *не создали этого типа, и не они первые дали намъ его.* Тотъ же XVIII вѣкъ, тѣ же забытые второстепенные писатели полстолѣтіемъ раньше познакомили русскую публику съ типичною свахой, которая даже уже въ XVIII вѣкѣ замѣтно дѣлилась на сваху по дворянству и сваху по купечеству. Первая изъ нихъ является у Копіева въ его комедіи *Обращенный мизантропъ* или *Лебедянская ярмонка,* вторая у знакомаго уже намъ Плавильщикова — въ комедіи *Сговоръ Кутейкина.* И у того, и у другого сваха является подъ именемъ Еремѣевны, бывшей мамы у фонвизиновскаго Митрофанушки. Съ ней произошла замѣчательная перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ она разсталась съ семьей Простаковыхъ. Она совсѣмъ преобразилась въ типичную представительницу своей профессіи. Бойкая, угодливая рѣчь съ поговорками да прибаутками и, въ то же время, сознаніе собственнаго достоинства и умѣнье сохранить и защитить свое положеніе. Ей всѣ рады, какъ дорогому гостю, ухаживаютъ за ней и не дадутъ никому въ обиду. Сваха по дворянству (у Копіева) еще немного потише и поскромнѣе держитъ себя въ средѣ помѣщиковъ и офицеровъ, за то Еремѣевна Плавильщикова съ купцами ведетъ себя совершенно иначе: ставитъ себя выше ихъ, съ гоноромъ и оскорбляется малѣйшимъ признакомъ неуваженія къ себѣ. Для образца приведу изъ названныхъ комедій нѣсколько выписокъ, которыя подтвердятъ характеристику и укажутъ на живость языка и красокъ, которыми очерченъ этотъ типъ въ XVIII вѣкѣ.

Первая выписка изъ комедіи Копіева (д. I яв. 8) представляетъ сватовство свахи въ домѣ помѣщика Гура Филатыча.

«*Ѳекла* (жена Гура Филатыча).—Здорово, Еремѣевна! Добро пожаловать, давно ужь ты у насъ не гостила. Садись-ка по-добру, по-здорову.

Еремѣевна (садится возлѣ Ѳеклы на скамейкѣ).—Давно, моя матушка, давно я тебя не видала; все за хлопотами, о томъ поговорить, про другова свѣдать, третьева просватать, да за тѣмъ, да за другимъ, да за тѣмъ, да за другимъ время-то идетъ, да идетъ.

Ѳекла.—Что новинькова объ ярмонкѣ слышно?

Еремѣевна.—Мало ли, родная! Вотъ, вѣдь, и я къ вамъ не пиръ пировать, не ржи торговать, а тожь сказать думу думати.

Ѳекла.—Что̀-бъ такое, мой свѣтъ?

Еремѣевна.—Нѣтъ ли кого, моя мать, чтобъ не подслушалъ? (Тихо). Ну, вотъ-таки, у васъ есть товаръ, у насъ есть купецъ, коли во святой часъ, такъ бы и по рукамъ.

Ѳекла (въ слезахъ).—Такъ-то оно такъ, моя мать, да вѣдь како разставаться съ ребенкомъ-то, она вѣдь у меня одинешенькая, какъ горохъ въ глазу...

Еремѣевна.—Такъ, моя родная! Да, вѣдь, вѣкъ не пережить съ нимъ, лишь бы человѣкъ-атъ попался; дѣвка взрослая, здоровая на рукахъ, чего ее дома держать?

Ѳекла.—Будь ево святая воля, я и сама такъ замужъ шла не по любви, пришли да сказали...

Еремѣевна.—Ну, да что о томъ говорить, матушка! Было бы слажено у родителей, — гдѣ ребенку помышлять о мужѣ? Встарину-то и все было лучше.

Ѳекла.—Кто-жь по-твоему купецъ-атъ?

Еремѣевна.—Мало ли, родная моя! Нонче ярмонка, молодцовъ какъ соколовъ; одинъ другова лучше; гдѣ въ прежніе годы, статошно-ль дѣло, то ли бывало, какъ намѣстничество открылось; вотъ-таки у васъ изъ Питера-то подъѣхало сосѣдей, чину большова, самъ молодецъ, а домъ-атъ, домъ-атъ!

Ѳекла.—Кто-жь, моя родная?

Еремѣевна.—Ну, да вотъ-таки Николай Назарьевичъ Затѣйкинъ, чѣмъ не молодецъ? Уменъ-то, ужь нечего сказать, уменъ! Онъ же, матушка, всему обученъ. Видишь, онъ какъ-то въ Питерѣ-то по французскому-то, что ли, научился, да что тамъ наизусть-то выучитъ, отъ сюды пріѣдетъ да сочиняетъ передъ нами; ну, мы люди темные, намъ гдѣ понимать, а дивуемся, какъ чево не понимаешь-то. Онъ же, матушка, въ Преображенскомъ-то полку сержантомъ служитъ.

Ѳекла.—Правда, мать моя, что уменъ-то уменъ...

Еремѣевна.—Вотъ другой-то, объ этомъ я и не говорю, Простафилинъ-то. Тотъ простъ человѣкъ, то ужь простъ, что говорить,—ну, да за то домъ какъ полная чаша, а въ нонѣшнемъ быту такъ, право, у ково деньги, у тово и умъ...»

и т. д.

Въ слѣдующей сценѣ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ жениховъ, заискивающихъ расположеніе свахи.

ДѢЙСТВІЕ IV. ЯВЛЕНІЕ I.

«Ярмонка. У первой лавки на правой сторонѣ Еремѣевна торгуетъ у купца матерію. Затѣйкинъ подходитъ къ ней.

Затѣйкинъ.—Чтобъ такое, матушка, покупать изволили?

Еремѣевна.—Торгую, мой батюшко! Гранитуръ.

Затѣйкинъ.—Конешно, матушка, къ празднику, да прекрасной!

Еремѣевна.—Прекрасной, мой батюшко, да не по деньгамъ; дорого окаянный-то проситъ. (Купцу) Ну, провались же ты, прости Господи, не куплю и не надо (идетъ прочь).

Затѣйкинъ.—Возьмите, матушка! Онъ отдаетъ гранитуръ!

Еремѣевна.—Дорого, батюшко Николай Назарьевичъ, не по моимъ деньгамъ; сторговала, да не рада.

Затѣйкинъ.—Матушка, да это бездѣлица; пожалте, возьмите, мы найдемъ заплатить чѣмъ.

Еремѣевна (беретъ и отговаривается).—Ахъ, батько мой, возьму ли я? Статошно ли дѣло? Помилуй, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Затѣйкинъ.—Пожалте, возьмите.

Еремѣевна (кладетъ въ карманъ).—Статошно-ль дѣло? Возьму ли я? Нѣтъ, нѣтъ, мой батюшко! Да развѣ мнѣ разорить тебя...

Затѣйкинъ.—Пожалте, возьмите, право, мнѣ ничево не стоитъ. (Купцу) Мы, братъ, сочтемся.

Еремѣевна (кланяется).—Благодарствуй, мой родной! Да чѣмъ же мнѣ тебѣ услужить-то за это?

Затѣйкинъ.—Есть и у насъ штука не малая; вы знаете, матушка, Любовь Ивановну?

Еремѣевна.—Какъ, батько, не знать...»

и т. д.

У Плавильщикова въ комедіи *Сговоръ Кутейкина* сваха въ семьѣ купца. Тутъ, какъ мы увидимъ, и она держитъ себя свободнѣе, и къ ней относятся съ большимъ почтеніемъ и предупредительностью:

ЯВЛЕНІЕ II.

«*Еремѣевна.*—Здравствуй, батюшко, Власъ Трифоновичъ! Соломонида Прохоровна (цѣлуется)! Невѣста красная (цѣлуется)!

Власъ (отецъ невѣсты).—Здравствуй, дорогая гостейка, любезная сватьюшка! Просимъ милости садиться!... Хозяйка, кланяйся!

Еремѣевна.—Нѣтъ, ничего, мой батюшко, я постою... Ну, хозяева, ждали ли гостью? А скоро и сами гости на дворъ.

Власъ.—Какъ не ждать, Василиса Еремѣевна, мы тебѣ душевно рады, а за гостей благодарны. Хозяйка, кланяйся!

Еремѣевна.—Жениху невѣста приглянулась, какъ вамъ женихъ нашъ покажется.

Власъ.—Я его всѣмъ сердцемъ полюбилъ: человѣкъ пречестный. Благодаримъ, матушка, за твою милость. Хозяйка, кланяйся!

Еремѣевна.—Нечего сказать, самой достойной, собой взраченъ, такой ражій. Не проходитъ дня, чтобъ онъ не былъ у барина нашего; и батько-то такой чести не сподобился. Да онъ, мой батюшко, съ бариномъ баринъ, съ мужикомъ мужикъ, съ людьми человѣкъ, а съ твоею милостью какъ надо быть.

. . . .

Соломонида (мать невѣсты, Власу). — Я ни чуть не отдаю ее за Кутейкина, а ты задумалъ колобродить.

Власъ.—Хозяйка, молчи!

Еремѣевна.—Ахъ, моя матушка! чѣмъ онъ ей не женихъ?

Соломонида.—Старая хрычовка! тебѣ ли знать, кто женихъ моей дочери!

Еремѣевна.—Головки моей долой, какъ меня остыдили. Прощай, Власъ Трифоновичъ!

Власъ.—Матушка, Еремѣевна ради самого Создателя!... Жена, Соломонида, помни ты это!...»

и т. д.

Я полагаю, вышесказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть значенiе комедiй XVIII вѣка и несомнѣнную послѣдовательность и связь ихъ съ комедiями XIX вѣка.

Сопоставляя вышеприведенныя комедiи, я вовсе не желаю подрывать авторитеты ни Бѣлинскаго, ни Грибоѣдова, ни Гоголя, ни Островскаго и дѣлать такого рода выводы, что наши великiе комическiе писатели заимствовали внѣшность своихъ произведенiй или типы для нихъ у комическихъ писателей прошлаго столѣтiя; но нельзя отрицать, что вышеупомянутыя комедiи могли дѣйствовать на нашихъ великихъ писателей помимо ихъ воли, путемъ безсознательной работы мысли и памяти.

Всѣмъ извѣстно, что Гоголь любилъ спектакли, которые устраивались въ Нѣжинскомъ лицеѣ, и самъ участвовалъ въ нихъ. Въ его время указанныя комедiи XVIII вѣка были весьма популярны, что, напримѣръ, доказывается тѣмъ, что эти комедiи помѣщались въ разныхъ сборникахъ и журналахъ. Такимъ образомъ, можно предположить, что онѣ могли быть видѣны и даже разыграны лицеистомъ Гоголемъ. Отроческiя впечатлѣнiя несомнѣнно положили на его воображенiе сильный отпечатокъ и впослѣдствiи оказали влiянiе на его произведенiя. Очень легко представить себѣ, что оригинальная въ высшей степени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразительная нѣмая сцена изъ комедiи Клушина *Смѣхъ и горе* такъ поразила мальчика, что сдѣлалась его любимою мечтой, которую онъ и осуществилъ въ своей генiальной комедiи. Этимъ отчасти можно объяснить и ту странную любовь и заботу Гоголя о его нѣмой сценѣ и о стремленiи придать ей возможно большiй эффектъ при постановкѣ комедiи на сцену.

Относительно Грибоѣдова можно составить предположенiе подобнаго же рода. Какъ извѣстно, Грибоѣдовъ былъ большой любитель театра, а въ началѣ XIX вѣка были еще свѣжими новинками всѣ эти комедiи. Если мы сравнимъ слогъ его первыхъ произведенiй съ послѣдующими и, наконецъ, съ *Горе отъ ума,* то увидимъ поразительную разницу въ характерѣ и достоинствѣ этого слога. Съ каждымъ новымъ произведенiемъ, съ каждою новою редакцiей онъ дѣлается все живѣе и сильнѣе. Весьма естественно предположить, что столь быстрое развитiе происходило подъ влiянiемъ комедiй, бывшихъ тогда на сценѣ и отличавшихся большею или меньшею живостью, а, между прочимъ, и подъ впечатлѣнiемъ самой легкой и живой комедiи изъ нихъ, именно комедiи Клушина *Смѣхъ и горе*.

Перехожу къ Островскому. Существуетъ весьма распространенное мнѣнiе, что Любимъ Карпычъ Торцовъ—портретъ одного изъ знакомыхъ Островскаго, а это — единственный типъ, котораго мы не находимъ въ видѣ отдѣльнаго дѣйствующаго лица у Плавильщикова, хотя многiе мысли и взгляды Любима Карпыча уже набросаны у него, что и было указано выше. Остальные всѣ типы, фабула и даже планъ тождественны. Но, конечно, обработка и внѣшняя отдѣлка не подлежатъ сравненiю, такъ какъ стоятъ несравненно выше и по вѣрной, живой передачѣ современной жизни и по полнотѣ характеристики типовъ. Несомнѣнно, что и Любимъ

Торцовъ, какъ цѣльный типъ, новый и характерный, также поднимаетъ значеніе комедіи Островскаго. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что Плавильщиковъ создалъ, такъ сказать, черновикъ ком. *Бѣдность не порокъ*, и черновикъ уже обработанный въ значительной степени.

Итакъ, мнѣ кажется, всѣ вышеприведенныя комедіи и особенно *Сидѣлецъ*, а также и типъ свахи, наглядно доказываютъ, что русская комедія конца XVIII вѣка въ произведеніяхъ второстепенныхъ писателей отнюдь не была «меньше чѣмъ ничего» или что у насъ есть только двѣ-три комедіи,—однимъ словомъ, что комическая литература у насъ слаба. Наоборотъ, изъ всѣхъ родовъ поэзіи у насъ самый распространенный — комедія, развитіе которой шло быстрыми шагами впередъ и которая въ теченіе первыхъ ста лѣтъ достигла поразительнаго развитія въ лицѣ Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго.

Припомнимъ начало XVIII вѣка, когда у насъ былъ одинъ только переводный репертуаръ, когда могла быть на сценѣ грубая, неуклюжая комедія вродѣ *Принцъ Пикельгерингъ или самый свой тюрьмовый заключникъ* и тому подобныя. Но вотъ затѣмъ наступаетъ вторая половина XVIII вѣка и настаетъ самая сильная, плодотворная пора русской комедіи, которая именно въ это время создалась, развилась и пустила сильные корни на почвѣ самостоятельности. Въ это время комедія, и не только подъ перомъ Фонвизина, критиковала нравы и обычаи, воспитывала и развивала русскую публику, объясняла ей мѣропріятія правительства, указывала идеалы и, что для насъ важнѣе всего, дала намъ прекраснѣйшую характеристику общества знамеменитой въ образовательномъ отношеніи эпохи.

Начало XIX вѣка уже не такъ важно,—тутъ беретъ верхъ переводная комедія и водевиль, которые никакъ не могли имѣть вліянія на блестящія произведенія второй и третьей четверти XIX вѣка, когда, наконецъ, наша драматическая литература обогатилась безсмертными произведеніями Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго, возникшими не въ «песчаной пустынѣ», а на почвѣ, хорошо подготовленной и обработанной писателями конца XVIII вѣка.

А. Өоминъ.

Философія безъ фактовъ.

„Вы, потомки Эрехтея, искони счастливыя, любимыя дѣти блаженныхъ боговъ! Во святой, никогда не побѣжденной родинѣ вы собираете славную мудрость, какъ будто бы плодъ своей земли...“

Такъ поетъ восторженный хоръ аѳинскаго поэта. И въ этой пѣснѣ звучитъ не одинъ патріотическій восторгъ, а глубокая историческая истина. На закатѣ славной исторіи роднаго города Эврипидъ въ нѣсколькихъ вдохновенныхъ словахъ охарактеризовалъ всю эллинскую культуру, освѣтилъ пути эллинской мысли съ ея первыхъ проблесковъ до послѣдняго, предсмертнаго мерцанія. Это дѣйствительно былъ путь *счастливаго*, *блаженнаго* собиранія мудрости, такого же легкаго и радостнаго, какъ собираніе плодовъ. Подъ чуднымъ небомъ Эллады человѣку, казалось, мыслить было такъ же легко, какъ любоваться окружающею красотой природы. Другіе народы напрягали всѣ силы и часто гибли въ непосильной борьбѣ за существованіе; въ умѣ эллина съ незапамятныхъ временъ начинаютъ роиться самыя глубокія, сложныя идеи. Едва вступивъ на путь сознанія, эллинъ уже искалъ начала и цѣли этого пути. И эти поиски не были мучительнымъ блужданіемъ вѣчно-неудовлетворенной мысли. Они никогда не поднимали въ сердцѣ эллина такого отчаянія, такихъ безсильныхъ порывовъ въ таинственную даль, какъ это было позже, среди менѣе счастливыхъ народовъ. Муки Фауста и драма Гамлета остались невѣдомы этому вѣчно-юному, геніально-легкомысленному ребенку. Какой бы вопросъ ни возникалъ въ его умѣ, отвѣтъ былъ готовъ. Мы можемъ находить его поверхностнымъ, нелогичнымъ, даже легкомысленнымъ. Для эллина этихъ затрудненій не существовало. Его фантазія всякую идею окружала такою сіяющею красотой, вливала въ нее столько свѣта и жизни, философское положеніе такъ быстро превращала въ поэтическій образъ, что самъ мыслитель и его окружающіе забывали всѣ логическіе недостатки идеала. Его необычайная красота ослѣпляла мысль, порабощала ее. Лишенная силъ со-[illegible]ваться въ идеалѣ, она могла лишь подыскивать ему все новыя и новыя украшенія. И такимъ путемъ эллинская мысль шла неизмѣнно, на-

чиная со смѣлыхъ, свободныхъ мечтаній древнихъ школъ и кончая философскимъ лиризмомъ Платона.

Философія эллина—своего рода поэзія, часто даже болѣе смѣлая, чѣмъ современный романъ. Логическіе пріемы, строгія доказательства, общіе твердо установленные принципы отыскать въ ней иногда очень трудно. Философская система—чаще всего рядъ поэтическихъ грезъ, такихъ же смутныхъ и противорѣчивыхъ, какъ произведенія Сведенборга или Броунинга. Это было совершенно естественно, когда люди, не зная фактовъ, стремились объяснить ихъ первую причину, не зная природы, искали ея источника, не зная исторіи, фантазировали объ идеалахъ человѣческаго существованія. Эллины были слишкомъ избалованы окружающими ихъ условіями, чтобы въ потѣ лица искать знанія и опыта. Въ *Воспоминаніяхъ* Ксенофонта разсказывается о нѣкоемъ Эвтидэмѣ. Этотъ юноша собралъ себѣ библіотеку греческихъ поэтовъ и вообразилъ себя первымъ государственнымъ человѣкомъ въ Аѳинахъ. Такимъ Эвтидэмомъ является весь эллинскій народъ. Весь запасъ его политическихъ, нравственныхъ, соціальныхъ свѣдѣній въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ограничивается поэмами Гомера. И этотъ поэтъ цитируется всѣми греческими писателями, какъ единственный авторитетъ до послѣдняго періода греческой культуры.

Культура эта была въ высшей степени богата и блестяща. Въ политическомъ отношеніи она представила множество политическихъ формъ, разнообразныхъ общественныхъ и государственныхъ переворотовъ. Для насъ эллинская исторія — одна изъ самыхъ поучительныхъ. Но для эллиновъ эта исторія, подобно философіи, оставалась областью для эстетическихъ упражненій. У аѳинянъ появилось нѣсколько разсказовъ объ отдѣльныхъ событіяхъ и эпохахъ эллинской исторіи. Но эти разсказы— въ сущности лѣтописи и отличаются отъ нихъ лишь болѣе художественною формой и нѣкоторымъ прагматизмомъ. Кромѣ того, эти разсказы чаще всего—внѣшняя исторія, исторія военныхъ доблестей. О жизни учрежденій, о правовомъ развитіи государства ни одинъ эллинскій историкъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія.

Въ настоящее время аѳинская исторія является намъ блестящею иллюстраціей постепеннаго преобразованія политическихъ формъ. Ни въ одной исторіи нельзя найти такого опредѣленнаго, логическаго пути вырожденія аристократіи въ крайнюю демократію. Для насъ этотъ процессъ становится въ высшей степени поучительнымъ въ виду развитія современныхъ конституцій. Для грековъ этотъ процессъ былъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ міръ абстрактныхъ явленій. Идея прогресса совершенно чужда эллинскимъ мыслителямъ. Идеалы почти всѣхъ историковъ и философовъ Эллады—позади, въ туманѣ вѣковъ. Тамъ золотой вѣкъ, а впереди холодный мракъ Аида. Такое примитивное отношеніе къ исторической жизни повлекло крайне печальныя явленія. Аѳиняне наиболѣе культурной эпохи имѣли самое смутное представленіе о своемъ прошломъ. Подвиги предковъ они помнили: объ этомъ разсказалъ Геродотъ. Но политическая жизнь этихъ предковъ

была одинакова невѣдома Геродоту и современникамъ Аристотеля. На пространствѣ двухъ вѣковъ конституція Солона успѣла стать легендарной. Послѣ Пелопоннезской войны въ Аѳинахъ уже не отличали реформъ Солона отъ реформъ Клисѳена, и къ законодательству Солона относили даже нѣкоторыя мѣры Перикла. Даже такой, въ высшей степени важный пунктъ въ конституціи Аѳинъ, какъ суды присяжныхъ, остался неразъясненнымъ въ аѳинской исторіи. Сами аѳиняне не знали, кѣмъ введены геліасты, преобразованные позже въ дикастовъ.

Этотъ народъ переживалъ захватывающіе моменты исторической драмы и ни разу не задумывался о нити, соединяющей эти моменты, о силѣ, ведущей драму. Происходила ожесточенная борьба партій. И ни разу вождямъ партіи не приходила спасительная идея, что всякая эпоха несетъ въ себѣ свои стремленія, что потокъ времени неотразимо выноситъ на поверхность новые интересы и топитъ старые. Аѳинскіе консерваторы до самаго конца не понимали этого. Спартанскій застой оставался ихъ идеаломъ до того момента, когда иноземный завоеватель поглотилъ свободу ихъ родины. Эти консерваторы не отступали даже предъ измѣной отечеству, лишь бы не поступиться частью идеаловъ, воспитанныхъ много вѣковъ назадъ. Въ глазахъ эллинскихъ мыслителей жизнь ихъ страны имѣла одинъ смыслъ,—смыслъ, свойственный первичному развитію исторіи. Въ строго-консервативной Спартѣ они видѣли осуществленіе доблести и порядка, въ подвижной аѳинской жизни—хаосъ и источникъ пороковъ. Выше этой элементарной нравственной точки зрѣнія не поднимались величайшіе изъ греческихъ философовъ. Нравственная точка зрѣнія неизмѣнно оставалась единственнымъ критеріемъ эллинской мысли въ исторіи и политикѣ.

Эллины съ первыхъ моментовъ сознанія, лишенные всякихъ опредѣленныхъ представленій объ единичныхъ фактахъ природы, стремились построить отвлеченный міръ, отвѣтить на высшій запросъ человѣческаго мышленія. Незнаніе исторіи, отсутствіе связующихъ взглядовъ на человѣческую жизнь не остановитъ грековъ предъ рѣшеніемъ самыхъ глубокихъ вопросовъ о человѣческомъ обществѣ. Смѣлость геніальнаго ребенка сдѣлаетъ еще больше. Она не только пройдетъ мимо фактовъ, не только не признаетъ ихъ необходимыми для посылокъ мысли, — она эти факты не признаетъ достойными вообще какого-либо вниманія, отвергнетъ ихъ, какъ презрѣнный прахъ недостойнаго міра.

Политическія теоріи принадлежатъ къ высшимъ явленіямъ человѣческой мысли. Эти теоріи возникаютъ среди націй, переживщихъ богатую исторію, возникаютъ въ періодъ извѣстной культурной зрѣлости, когда пути исторической жизни достигли обильныхъ результатовъ и готовы принять другое направленіе. Въ новомъ мірѣ эти теоріи раньше всего явились среди націи, пережившей наиболѣе бурную политическую жизнь. Въ Англіи еще въ XV вѣкѣ читали превосходное сочиненіе Фортескье: *De natura legis naturae*, излагавшее теорію виговъ за три вѣка до Локка. Во Франціи, на закатѣ *стараго порядка*, появилось много политическихъ чаяній и иде-

аловъ. Одни отрицали умиравшій строй до конца, другіе хотѣли влить въ него новую жизнь, новыя силы. Эти два типа политиковъ навсегда останутся представителями политической мысли. Крайній радикализмъ и умѣренный либерализмъ — двѣ формы, въ которыя выливается недовольство людей существующимъ, двѣ канвы, по которымъ создается узоръ будущаго строя. Политическій идеалъ, стремящійся внести новыя струи въ старое теченіе, является необходимымъ элементомъ культурной исторіи. На немъ сосредоточиваются всѣ интересы человѣческаго развитія, человѣческаго счастья.

Радикальныя теоріи, часто безсильныя въ практическомъ смыслѣ, представляютъ большой интересъ въ теоретическомъ. Онѣ свидѣтельствуютъ объ уровнѣ политическаго развитія извѣстной націи. Политическій идеалъ указываетъ направленіе, въ какомъ работаютъ нравственныя силы народа. Этотъ идеалъ, бо̀льшею или меньшею реальностью своего содержанія, даетъ представленіе о взглядѣ современнаго мыслителя на переживаемый строй общественной жизни. Именно теоріи политическаго радикализма болѣе всего важны для оцѣнки личныхъ свойствъ самого автора, какъ философа и моралиста.

Мы не всегда можемъ требовать отъ идеаловъ практической примѣнимости уже потому, что сама жизнь отказывается ихъ усвоивать. Но въ теоретическомъ отношеніи мы всегда должны искать логичности и строгости умозаключеній, на которыхъ возведено зданіе идеальнаго государства. Мы можемъ освободить автора отъ законовъ исторіи. Но законы логики должны быть для него тѣмъ священнѣе, что онъ только имъ и подчиняется. Что касается основныхъ положеній, они должны удовлетворять идеямъ лучшихъ представителей современной автору мысли. Мы не можемъ нравственныя воззрѣнія политика оцѣнивать по критеріуму, господствующему въ наше время, но мы должны искать у автора, строющаго идеальное общество, по крайней мѣрѣ, той высоты нравственнаго міросозерцанія, какая доступна его современникамъ. Иначе идеалъ является отрицательнымъ моментомъ цивилизаціи, печальнымъ недоразумѣніемъ философа. Излагаемый философомъ идеальный строй государства долженъ быть выясненъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Полнота и логическая ясность — трудно-достижимое качество, когда дѣло идетъ о примѣненіи теоріи къ практикѣ, о проведеніи извѣстной реформы. Множество непредвидѣнныхъ затрудненій, мелкихъ вопросовъ могутъ разбить и затемнить цѣльность созданнаго плана. Когда дѣло идетъ о чисто-теоретическихъ построеніяхъ, эти затрудненія исчезаютъ. Предъ мыслителемъ необъятное поле человѣческой мысли. «Вопль жизни» не врывается въ его лабораторію и онъ можетъ размѣстить свои созданія, руководствуясь исключительно личною мыслью. Наконецъ, основное условіе, безъ котораго идеалъ теряетъ даже теоретическое значеніе: философъ можетъ забыть исторію, можетъ совершенно отряхнуть прахъ дѣйствительной современной жизни, но онъ не можетъ передѣлать основъ человѣческой души, не можетъ пренебречь жи-

ненными нервами человѣческаго бытія. Природа человѣка, въ ея основныхъ, всеобщихъ проявленіяхъ, должна быть для мыслителя неприкосновенна. Иначе его идеи окажутся ниже даже явленій сказочной фантазіи, такъ какъ народы строятъ эти явленія на общечеловѣческихъ основахъ. Эти идеи потеряютъ всякій интересъ для современной философу жизни, даже для будущаго, такъ какъ они занимаются созданіями, чуждыми нашему міру, чуждыми общечеловѣческой культурѣ.

Представители другаго, умѣреннаго направленія политической мысли создаютъ идеалы, близкіе дѣйствительности,—идеалы, реформирующіе дѣйствительность. Исторія и современная жизнь—для нихъ исходные моменты. Достоинство построеній этихъ мыслителей всецѣло зависитъ отъ обилія историческихъ свѣдѣній и искуства объединять эти свѣдѣнія, освѣщать единою, руководящею идеей множество разнообразныхъ фактовъ. Наборъ фактовъ безъ объединяющей идеи и смѣлость широкихъ обобщеній безъ достаточнаго количества фактовъ одинаково губятъ цѣли философа. Первый недостатокъ преимущественно свидѣтельствуетъ о безсиліи политической мысли, объ элементарномъ неумѣньи проникать въ общій смыслъ общественныхъ явленій. Этотъ недостатокъ распространенъ гораздо менѣе, чѣмъ склонность строить выводы на недостаточномъ количествѣ фактическихъ посылокъ. Если мыслитель обнаруживаетъ неумѣнье сдѣлать выводъ, обобщающій его фактическія свѣдѣнія, мы должны это приписать органическому несовершенству самой мысли, ея исконной, прирожденной неспособности осмысливать историческія явленія.

Среди эллинскихъ мыслителей существуютъ представители обѣихъ указанныхъ формъ политическаго мышленія. Платонъ—идеалистъ до полнаго презрѣнія ко всему, что̀ носитъ отпечатокъ дѣйствительной жизни. Аристотель—реалистъ, чувствующій такой страхъ къ «чистому мышленію» (πάντως σοφίζεσθαι), что на пространствѣ всего своего сочиненія остается при однихъ фактахъ. Оцѣнка политическихъ идей обоихъ философовъ въ высшей степени благодарна. Она введетъ насъ въ общее направленіе эллинской мысли, раскроетъ намъ ея силу и слабость. Эта оцѣнка, кромѣ того, поможетъ составить наиболѣе вѣрное и безпристрастное представленіе о величайшихъ мыслителяхъ древности. Оба они въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ являются на высотѣ своихъ силъ и здѣсь именно рельефнѣе всего отражаютъ различныя направленія своей мысли.

Мы сначала будемъ говорить о Платонѣ. Предъ нами предстанетъ идеалъ, созданный поэтомъ-философомъ въ минуты его крайняго негодованія на окружающую жизнь. Мы должны познакомиться съ этою жизнью, чтобы оцѣнить это негодованіе, этотъ идеалъ.

I.

Платонъ родился въ началѣ Пелопоннезской войны. Это было печальное время. Два сильнѣйшихъ народа Эллады ожесточенно истребляли другъ друга и готовили могилу обще-эллинской свободѣ. Въ Аѳинахъ только

что умеръ великій Периклъ, олицетворившій въ себѣ идеальныя черты демократа и эллина. На площади теперь раздавались голоса людей улицы, людей, лишенныхъ высокаго ума и благородства Перикла. Этихъ людей никто не хотѣлъ уважать. Личности, сдерживающей инстинкты толпы и честолюбивые замыслы аристократіи, въ Аѳинахъ не было. Государственный порядокъ колебался. Вмѣсто законовъ, городомъ начинали править мимолетныя вспышки народныхъ прихотей. Платонъ могъ быть свидѣтелемъ двухъ громкихъ процессовъ,—процесса Алкивіада и Аргинузскаго. Юный аристократъ могъ видѣть, какъ одичавшая толпа попирала законы и человѣческую личность, какъ въ груди этой толпы просыпались постепенно жестокость, жадность, суевѣріе, легкомысліе. Онъ могъ видѣть, какъ одно время всѣ жители Аѳинъ оффиціально были призваны къ шпіонству и какъ безопасность благороднѣйшихъ гражданъ находилась въ рукахъ рабовъ. Онъ видѣлъ, какъ ежедневно возвышались и падали народные любимцы и какъ самый даровитый изъ нихъ, юный геніальный Алкивіадъ, погибъ жалкою смертью. Философъ долженъ былъ видѣть страшное униженіе роднаго города по окончаніи злосчастной войны, видѣть гибель аѳинской свободы, ея возстановленіе, ея агонію среди разложенія нравовъ и гибели гражданской доблести. Онъ видѣлъ, какъ изъ атмосферы этого разложенія родились хищныя птицы, терзавшія послѣдніе остатки человѣческой совѣсти и правды. Онъ шагу не могъ пройти, не услышавъ воплей вновь народившихся учителей, отрицавшихъ истину. Онъ, наконецъ, долженъ былъ пережить казнь своего учителя...

Платонъ прошелъ путь, ведущій къ разочарованію и пессимизму. И философъ во многомъ разочаровался, многое возненавидѣлъ. Но много и свѣтлаго должно было остаться въ его душѣ. Весь путь, съ двадцатилѣтняго возраста, онъ совершалъ вмѣстѣ съ своимъ великимъ учителемъ. Онъ видѣлъ, съ какимъ мужествомъ переживалъ этотъ человѣкъ печальную эпоху, видѣлъ, сколькими дѣлами самоотверженія и правды пристыдилъ онъ буйное легкомысліе толпы и наступившую затѣмъ тиранію. Великій гражданинъ, казалось, все выше поднимался среди окружавшей смуты. Онъ пережилъ ее и спасъ въ своемъ сердцѣ вѣру въ аѳинскій народъ, почтеніе ко многимъ его учрежденіямъ. Впослѣдствіи онъ неустанно воспитывалъ эту вѣру, это почтеніе въ своихъ ученикахъ *).

Это былъ поистинѣ философъ демократіи, и имя достойнѣйшаго вождя ея было дорого для него, какъ для всѣхъ истинныхъ друзей народа. При жизни Сократъ былъ другомъ Перикла, по смерти ставилъ его на равнѣ съ величайшими мужами роднаго города **). Все ученіе мудреца было направлено къ воспитанію хорошихъ гражданъ въ демократическомъ государствѣ. Простота принциповъ, реальность цѣлей, ясность процесса мысли влекли къ философу слушателей всѣхъ состояній и общественныхъ

---

*) *Xenoph. Memorab.*, III, 5.

**) *Mem.*, II, 3; III, 5.

положеній. Всѣхъ одинаково побѣждала прелесть его бесѣды *). Наиболѣе глубокіе вопросы онъ умѣлъ облекать въ форму будничной бесѣды, и никогда въ высокопарящемъ діалектическомъ полетѣ философовъ не выступало такъ ясно бытіе Божіе, какъ въ простой, дружеской бесѣдѣ Сократа съ Аристодемомъ **). Послѣ него много философовъ изощряли свое остроуміе надъ опредѣленіемъ долга и обязанностей человѣка, надъ характеристикой политическихъ формъ. И, все-таки, юноша Эвтидэмъ слышалъ самый ясный и точный отвѣтъ на всѣ эти вопросы ***). Мудрецъ жилъ въ печальное время. Основы нравственности и правды колебались. Вѣковые принципы и религіозныя чувства встрѣчали равнодушіе и насмѣшку. Философія должна была снова поднять эти принципы на должную высоту, утвердить въ сердцахъ людей вѣру въ добро и истину. Здѣсь не было мѣста многоумнымъ, ухищреннымъ поискамъ за тою мудростью, которая запутываетъ мысль, создаетъ безплодныя пререканія между діалектиками и не даетъ отвѣта на повседневные запросы практической дѣятельности. Сократъ видѣлъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ вела софистика, покинувшая основу человѣческой природы, ея ближайшія потребности, и направившая мысль въ область безпочвенныхъ отвлеченій, полную мрака и противорѣчій. Тамъ не оказывалось истины, гдѣ не было дѣйствительности. Тамъ совершался сплошной разгулъ діалектическихъ хитросплетеній, не стѣсняемый никакими твердо установленными принципами, никакими для всѣхъ обязательными фактами. Эта *безумствующая* философія вызывала искреннее негодованіе у Сократа. Кругомъ колебались основы нравственной дѣятельности, а люди уносились въ заоблачную даль невѣдомой, ненужной землѣ мудрости. Кругомъ переставали отличать добродѣтель отъ порока, ложь — отъ правды, а люди тѣшили свою мысль грезами иного міра, фантастическою тканью софизмовъ, порожденныхъ празднымъ, сибаритствующимъ мозгомъ. Сократъ всѣми силами стремился вернуть блуждающую мысль изъ смутныхъ областей безпредметной діалектики въ суету реальной, земной жизни. Здѣсь, на землѣ, для мысли было слишкомъ много работы, и великій мудрецъ возставалъ противъ всѣхъ знаній, противъ всякаго мышленія, не одушевленнаго нуждами и страданіями этой земли. Онъ въ своемъ протестѣ противъ метафизическаго потока зашелъ, можетъ быть, даже слишкомъ далеко. Онъ находилъ, что всѣ науки слѣдуетъ изучать только до тѣхъ поръ, пока онѣ приносятъ непосредственную практическую пользу. Дальнѣйшее занятіе ими только удаляетъ человѣка отъ его насущной дѣятельности, не принося никакой пользы. Изслѣдованіе метафизическихъ вопросовъ вызывало у Сократа самый энергическій протестъ. Это изслѣдованіе неотразимо запутывало людей въ неразрѣшимыя противорѣчія, въ сѣть глупостей, подобную философіи Анаксагора, объяснявшаго природу Божества ****).

*) *Symposion Platonis.*
**) *Mem.*, I, 4.
***) *Mem.*, IV, 4.
****) *Mem.*, IV, 7.

Познаніе самого себя—было девизомъ сократовской мудрости. Научить людей добродѣтели и исполненію житейскихъ обязанностей было ея цѣлью. И на пути къ этой цѣли для великаго человѣка не было аристократа, плебея, раба. Всѣ были одинаково люди, природа всѣмъ давала одинаково цѣнный матеріалъ для науки быть человѣкомъ и гражданиномъ. И Сократъ не пропускалъ случая поставить господамъ въ примѣръ ихъ рабовъ *). Это былъ философъ-плебей и реалистъ. Это былъ реформаторъ общественной жизни, учитель добродѣтели, провозвѣстникъ нравственности и религіи. Онъ не оставилъ ни одного сочиненія, но человѣчество не забудетъ того, кто каждую минуту посвящалъ его страданіямъ, его насущнымъ стремленіямъ, не забудетъ того, кто умеръ съ глубокою вѣрой въ человѣческую природу. Да, Сократъ всю жизнь провелъ за изученіемъ человѣческой души и реальной, практической жизни. Говорившій въ его сердцѣ божественный голосъ неизмѣнно обращалъ его взоръ на ближняго, и этотъ голосъ подсказалъ мудрецу вѣру въ будущую славу истинно-человѣческой мудрости. Сократъ умеръ, твердо вѣруя, что грядущія поколѣнія оцѣнятъ его жизнь и ученіе **). Эти поколѣнія готовы были возвести аѳинскаго мудреца въ ликъ святыхъ... Въ немъ видѣли евангельскій образъ, явившійся въ міръ за четыре столѣтія до Евангелія.

Судьба учителя древности напоминала судьбу основателя христіанства. Оба пали жертвой людской ненависти, современныхъ пороковъ. Но Христосъ оставилъ по себѣ преданныхъ учениковъ, вѣрныхъ толкователей своего ученія. Сократу отказано и въ этомъ. Лишь одинъ изъ его слушателей записалъ нѣсколько чертъ его доблестной жизни. Другой, неизмѣримо выше одаренный, всю жизнь хранилъ память о своемъ учителѣ, но убѣжденія и цѣли учителя погибли вмѣстѣ съ нимъ. Ученикъ свои идеи вкладывалъ въ уста учителя. Но въ этихъ идеяхъ не было и тѣни высоко-гуманной, простой, жизненной личности учителя. Энергическая, реальная, общедоступная философія Сократа исчезла въ безцѣльныхъ неуловимыхъ порывахъ метафизической мысли Платона. На мѣсто обновленнаго міра земли, проникнутаго живою симпатіей къ людямъ и ихъ страданіямъ, предъ умомъ ученика всю жизнь носился далекій, недоступный, неясный самому философу міръ отвлеченныхъ существъ.

Учитель возвращаетъ мысль землѣ. Въ этой мысли ищетъ онъ источникъ, который бы облегчилъ людямъ путь къ добру и счастью. Ученикъ отряхаетъ прахъ земли отъ ногъ своихъ, уносится въ невѣдомый край безплотныхъ образовъ, силу мысли истрачиваетъ на безплодные поиски за несуществующимъ благомъ, за несуществующею истиной, за фантастическими идеалами. Философія Сократа была евангеліемъ для истомленныхъ въ жизненной борьбѣ меньшихъ братьевъ. Философія Платона являлась забавой для людей, отрекшихся отъ окружающей жизни, отвергшихъ съ

*) *Мет.*, III, 13.
**) *Мет.*, IV, 8.

презрѣніемъ всѣ запросы дѣйствительности,—людей, нашедшихъ покой и счастье въ созерцаніи своихъ единоличныхъ грезъ, гордыхъ своимъ отчужденіемъ отъ міра и его интересовъ.

II.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно отыскать менѣе согласныхъ по убѣжденіямъ мыслителей, чѣмъ Сократъ и Платонъ. Прочитавъ *Воспоминанія* Ксенофонта и діалоги Платона, ясно представляешь себѣ двѣ совершенно несходныя фигуры. Одна дышетъ демократизмомъ съ головы до ногъ. Поношенный плащъ, отсутствіе туники и обуви, довольно некрасивое лицо. Рядомъ изящный аристократъ, потомокъ царя Кодра и законодателя Солона, съ мечтательнымъ поэтическимъ взоромъ, съ любовными сонетами на устахъ. Учитель-плебей весьма охотно разговариваетъ съ ремесленниками, поденщиками, торгашами. Примѣняясь къ занятію каждаго изъ нихъ, онъ учитъ ихъ справедливости, благочестію и другимъ добродѣтелямъ *). Ученикъ-аристократъ брезгливо сторонится этихъ паріевъ. Его собесѣдниками будутъ стратеги, архонты, писатели. Учитель проникнутъ демократическими принципами. Онъ усердно исполняетъ гражданскія обязанности—на войнѣ и въ мирное время. Ученикъ не находитъ достаточно словъ заклеймить демоктратическій образъ правленія. Мы увидимъ ниже, что онъ забудетъ спокойствіе и достоинство философа, когда его мысль остановится на ненавистномъ политическомъ строѣ. Философъ пожертвуетъ логикою и историческою истиной, даже элементарнымъ правдоподобіемъ, лишь бы облегчить свое аристократическое сердце. Онъ, единственный изъ эллинскихъ писателей, не признàетъ факта повсемѣстной, неизмѣнной партійной вражды аристократовъ къ народу, и будетъ поносить власть народа во всѣхъ видахъ ея проявленія, будетъ поносить подобно какому-нибудь члену революціонной гетеріи. Для этого аристократа простая, будничная философія Сократа, повидимому, казалась непоэтичной и неинтересной. Онъ оставилъ ясныя, прозрачныя, немногословныя опредѣленія учителя и сталъ писать цѣлые трактаты на тѣ же темы. Эти трактаты представляютъ тончайшую сѣть силлогизмовъ, озаряемыхъ по временамъ чисто-эллинскимъ блескомъ остроумія и поэзіи, но они никогда не достигаютъ положительныхъ результатовъ. Мыслитель запутывается въ тенетахъ собственной діалектики, увлекается ея способностью—превращать въ прахъ всякое положеніе, и въ концѣ длинныхъ разсужденій остается среди поля, *сѣяннаго отвергнутыми умозаключеніями, безполезными посылками, раз.. 'тыми убѣжденіями. Послѣ жаркой діалектической битвы въ живыхъ ока.. 'вается лишь одно существо—самъ авторъ діалога съ его непреодолимою 'растью вновь завязать безплодный бой, вновь потѣшить свою мысль, 'оздавая и разсѣевая рой новыхъ призраковъ. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли 'учай указать, къ какимъ страннымъ результатамъ вела философія Пла-

*) *Mem.*, I, 2.

тона *). Это, въ сущности, была софистика, и пріемы ея часто ничѣмъ не отличались отъ пріемовъ наиболѣе смѣлыхъ софистовъ, современныхъ философу. Мы убѣдимся въ этомъ при разборѣ доказательствъ въ *Республикѣ*.

Платонъ, слѣдовательно, совершенно отступилъ отъ философскихъ цѣлей своего учителя. Сократъ постоянно стремился свои убѣжденія основать на общепризнанныхъ принципахъ, всѣмъ доступныхъ, одинаково для всѣхъ обязательныхъ. Всякій вопросъ онъ доводилъ до наиболѣе простаго момента, такъ что истинный отвѣтъ невольно чувствовался каждымъ слушателемъ. Совершенно иной методъ мышленія у Платона. Теченіе его діалоговъ чаще всего состоитъ не въ разъясненіи, а затемненіи поставленнаго вопроса. Дѣло кончается тѣмъ, что самъ Платонъ въ различныхъ разсужденіяхъ даетъ различные, часто противуположные отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ **). И этотъ результатъ совершенно естественъ, когда имѣется въ виду болѣе самый *процессъ* діалектики, чѣмъ *предметъ* этого процесса. Пристрастіе Платона къ діалектической игрѣ до того сильно, что эту игру онъ затѣваетъ иногда внѣ всякой связи съ общимъ содержаніемъ діалога. Напримѣръ, вся первая книга *Республики* посвящена словопреніямъ, совершенно постороннимъ для цѣли діалога. Притомъ, эти словопренія, какъ увидимъ ниже, состоятъ изъ ряда софизмовъ, ничѣмъ не уступающихъ любому знаменитому софизму, приводимому въ учебникахъ логики.

Философія Платона, слѣдовательно, покинула реальный путь, указанный ей Сократомъ. Она усвоила цѣли до-сократовскихъ школъ—отыскать метафизическія основы міроваго бытія и нравственнаго сознанія. Изъ современныхъ теченій она усвоила наиболѣе ненавистное Сократу—софистическую діалектику и погоню за тончайшими абстрактными опредѣленіями. Въ первомъ стремленіи Платонъ остался эллиномъ, какимъ мы охарактеризовали этого эллина съ самаго начала. Презрѣніе къ реальнымъ фактамъ и непреодолимое желаніе построить отвлеченную, внѣ-міровую систему—характерная черта эллинской философіи.

Сократъ порвалъ съ этими порывами самонадѣянной, примитивной мысли и указалъ на подпись дельфійскаго храма, какъ на цѣль человѣческихъ изысканій. У великаго учителя не нашлось послѣдователей. Его талантливѣйшій ученикъ оказался въ излишней степени поэтомъ и аристократомъ, чтобы прислушаться къ *пѣснямъ земли*... Вторая черта платоновской философіи—діалектическая манія—должна считаться доказательствомъ, что даже Сократъ не смогъ удержать греческую мысль на реальномъ, цѣлесообразномъ пути, что язва софистики слишкомъ глубоко въѣдалась въ умственный организмъ аѳинянъ. И эта софистика была непосредственнымъ дѣтищемъ эллинскаго невѣжества въ жизни природы, въ жизни человѣческой личности, человѣческаго общества. Гдѣ нѣтъ осязательныхъ факти-

---

*) *Забытые предшественники XVIII в. Р. М.* 1890 г., кн. II.

**) Напр., въ *Республикѣ* и *Хармидѣ* на вопросъ о *справедливости*, въ *Лахесѣ* и *Республикѣ* о *доблести* и пр.

ческихъ данныхъ, тамъ самая благопріятная почва для всевозможныхъ отвлеченныхъ упражненій мысли. Только истинная наука, изученіе внѣшнихъ явленій могли убить этотъ разгулъ полуфантастическаго мышленія. Аристотеля это изученіе спасло отъ пріемовъ діалектики и ея уродливыхъ результатовъ. Платонъ принципіально отвергалъ всякое реальное знаніе. Внѣземные идеалы и познаніе неба были цѣлью этого философа. И предъ нами въ лицѣ его не дѣятель прогрессивнаго движенія человѣческой мысли, а послѣдній, хотя и самый талантливый, представитель эллинской софистической метафизики. Сократъ стоитъ одинокимъ. И если въ комъ видѣть его истиннаго ученика, то не въ Платонѣ, а въ Аристотелѣ, вернувшемъ философскую мысль землѣ, общимъ стремленіямъ человѣческой культуры.

III.

Полнѣе и типичнѣе всего идеи Платона выражаются въ его политическихъ сочиненіяхъ. Этихъ сочиненій нѣсколько. Важнѣйшее изъ нихъ Πολίτεια ἢ περί δικαίου. Оно написано въ цвѣтущую эпоху платоновской философіи, и оно чаще всего соединяется съ именемъ философа, встрѣчавшимъ и встрѣчающимъ такъ часто настоящій культъ. Но и остальныя сочиненія не менѣе важны. Безъ нихъ нельзя по достоинству оцѣнить политическій идеалъ Платона, силу и объемъ его политической мысли.

Мы не будемъ останавливаться на содержаніи платоновскаго трактата,— оно общеизвѣстно. Для насъ важно построеніе общества и государства, какъ оно рисовалось въ умѣ философа, интересенъ, прежде всего, этотъ *идеальный міръ*, столько разъ восхищавшій почитателей Платона. Войдемъ въ этотъ міръ. Посмотримъ, такъ ли онъ строенъ и красивъ, какъ думали люди, зажигавшіе лампады предъ изображеніемъ творца этого міра.

Самое извѣстное и наиболѣе важное положеніе платоновской политики, это—соединеніе власти и философіи въ лицѣ правителей его государства. Трудно сказать, сколько ученыхъ и диллетантскихъ восторговъ вызывала эта идея. И дѣйствительно, взятая сама по себѣ, она производитъ прекрасное впечатлѣніе, и Фридрихъ II съ большою охотой прислушивался къ литераторамъ, видѣвшимъ въ его лицѣ воплощеніе платоновскаго идеала. Фридрихъ II имѣлъ основаніе считать себя философомъ. Онъ не только читалъ философскія произведенія, даже самъ писалъ ихъ. Правда, впослѣдствіи онъ многихъ своихъ философовъ обзывалъ глупцами и собственныя свои занятія философіей считалъ школьничествомъ. Отечество этого философа вынесло много испытаній въ періодъ его правленія. Сол[да]тская точка зрѣнія Фридриха на власть и человѣческое счастіе, его слѣ[по]е пристрастіе къ аристократіи весьма печально отзывались на благоден[ст]віи *вѣрныхъ пруссаковъ*. Король-философъ часто попадалъ въ крайне[ко]мическое положеніе съ своимъ принципомъ, что «всѣ гражданскія вла[ст]и не стóятъ одного ружейнаго заряда» *). Какъ ни реальны воззрѣнія

*) Наприм., знаменитый процессъ мельника Арнольда (*Oncken*: „Das Zeitacter Fr[ied]richs des Grossen“. II).

прусскаго государя и какъ ни идеальны представленія греческаго философа, намъ невольно бросается въ глаза извѣстное сходство между этими политиками. У Платона власть философовъ внѣ закона, внѣ даже человѣческой критики. Фактическихъ законовъ не существуетъ. Они излишни и *вредны* при управленіи философовъ. Ихъ распоряженія непогрѣшимы и ограждаются отъ всякихъ нарушеній вторымъ сословіемъ въ государствѣ—воинами. Всѣ эти воздѣйствія направлены на третье и послѣднее сословіе—на народъ. О первыхъ двухъ классахъ философъ говоритъ довольно подробно, о послѣднемъ онъ не находитъ этого нужнымъ. Это своего рода стадо. О немъ достаточно единственнаго свѣдѣнія, что оно живетъ и кормитъ своихъ пастуховъ. Фридрихъ II остался бы совершенно доволенъ такимъ порядкомъ. Когда ему заявляли о неудовольствіи народа на какуюнибудь мѣру правительства, онъ неизмѣнно повторялъ: «У меня съ народомъ свой договоръ: я могу *дѣлать* что̀ мнѣ угодно, а онъ можетъ *думать* что̀ ему угодно». У Платона, впрочемъ, процесса мысли на долю народа совсѣмъ не полагается. Дѣятельность ума въ его государствѣ ограничивается двумя первыми сословіями.

Въ чемъ же состоитъ эта дѣятельность? Она необходима не только для правителей, но и для стражей государства—воиновъ. Платонъ очень оригинально и легко доказываетъ, почему воины должны быть философами. Прежде всего, воины, по мнѣнію Платона, похожи на собакъ, такъ какъ должны обладать чутьемъ для выслѣживанія непріятелей, быстротой для преслѣдованія ихъ, силой для сраженій. Но собака различно относится къ друзьямъ и врагамъ. А для этого она должна предварительно *узнать*, *изучить* ихъ. Знаніе же и изученіе есть философія. Слѣдовательно, собаки—философы, и солдаты, похожіе на собакъ по вышеприведеннымъ качествамъ, тоже должны быть философами.

Все умозаключеніе построено такъ:

Воины походятъ на собакъ.

Собаки должны *знать* друзей, т.-е. быть φιλομαθεῖς,

φιλομαθδεῖς—φιλόσοφοι.

Слѣдовательно, собаки—философы.

Слѣдовательно, воины—философы.

Это разсужденіе не должно производить на насъ комическаго впечатлѣнія, иначе половина платоновскаго трактата окажется комедіей. Сравненія и въ частности сравненія съ собаками спасаютъ у Платона очень много истинъ. Сравненіемъ съ собаками философъ доказываетъ равноправность женщинъ и мужчинъ. Эта равноправность не должна особенно восхища[ть] сторонниковъ современной эманципаціи. Платонъ убѣжденъ въ *низши[хъ] качествахъ женской природы* сравнительно съ природой мужчины. Н[о] принимая во вниманіе, что среди собакъ и самцы, и самки одинаково я[в]ляются стражами стада, онъ распространяетъ право быть стражами гос[у]дарства и на женщинъ. Правителямъ своего государства онъ предостав[л]етъ право соединять воиновъ съ извѣстными женщинами подобно тому, ка[къ]

соединяютъ животныхъ. Воиновъ онъ обязываетъ брать на войну дѣтей, чтобы дѣти своимъ присутствіемъ ободряли родителей, какъ это бываетъ среди животныхъ. Философъ не всегда такъ внимателенъ къ міру животныхъ. Онъ беретъ факты изъ этого міра, лишь когда эти факты не противорѣчатъ его идеямъ. Наприм., отрицая семью въ своемъ государствѣ, онъ не обратилъ вниманія на фактъ, указанный Сократомъ. Этотъ философъ, примиряя двухъ вѣчно-враждующихъ братьевъ, говорилъ имъ, что даже среди животныхъ существуетъ инстинктивная нѣжность между особями, воспитанными одною грудью *). А, между тѣмъ, Платонъ очень высокаго мнѣнія о своихъ ссылкахъ на примѣры изъ царства животныхъ. На основаніи этихъ ссылокъ онъ думаетъ, что его выводы построены на законахъ природы—κατὰ φύσιν. И, именно отрицая семью, онъ болѣе всего убѣжденъ въ соотвѣтствіи своихъ теорій природѣ (V).

И такъ, доказано, что воины должны быть философами, т.-е. учеными.

Въ чемъ же будетъ состоять эта наука?

На этотъ вопросъ мы получаемъ также въ высшей степени оригинальный отвѣтъ. Съ этого момента начинается радикализмъ философа. Его мысль поднимается въ высшія сферы и съ недосягаемой высоты реформируетъ не только человѣческія знанія, но и человѣческую душу, исторію, всю культуру умственную и нравственную...

Мы говорили, какое значеніе имѣлъ для грековъ Гомеръ. Это былъ своего рода Коранъ для всей Эллады. Здѣсь заключалась религія, мораль, политика, исторія и поэзія эллинскаго міра. Платонъ, въ качествѣ реформатора, долженъ былъ, прежде всего, напасть на эту священную національную книгу. Онъ два раза принимается говорить о Гомерѣ, и его негодованіе на поэта поднимается все выше и выше. Сначала онъ требуетъ лишь извѣстныхъ исключеній изъ поэмъ и подробно указываетъ эти сокращенія (III). Въ концѣ трактата онъ совершенно изгоняетъ Гомера и принципіально рѣшаетъ вопросъ о безполезности, даже вредоносности безсмертныхъ поэмъ (X). Гомеръ, по мнѣнію Платона, даже не имѣлъ права разсказывать о войнахъ и устройствѣ городовъ. Вѣдь, поэтъ не былъ ни воиномъ, ни законодателемъ. Кромѣ того, если бы Гомеръ былъ полезный человѣкъ, развѣ его допустили бы бродить по городамъ и пѣть стихи? **). Очевидно, поэтъ былъ никому ненуженъ... Вредъ, вообще, искусства Платонъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, живописецъ нарисовалъ кровать. Но, вѣдь, это не дѣйствительная кровать, а лишь копія съ нея. Самая дѣйствительная кровать, въ сущности, тоже не *дѣйствительна*: она лишь отраженіе *идеи кровати*, идеальной, неизмѣнной, слѣдовательно, единственной дѣйствительно существующей кровати. Художникъ, воспроизводя копію съ копіи, оказывается на *три* степени удаленнымъ отъ *истины*. Слѣдовательно, его произведеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, оно—обманъ

*) *Мет.*, II, 3.

**) Платонъ то же самое говоритъ и о Гезіодѣ.

чувствъ. Съ этой точки зрѣнія вреднѣе всего драматическіе писатели. Они, не имѣя достовѣрнаго представленія ни о какой профессіи, ни о какомъ характерѣ, выводятъ всѣ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Эти превратныя подражанія дѣйствительности дѣйствуютъ на худшую сторону человѣческой природы, на страсть, губятъ разумъ и вносятъ безпорядокъ въ человѣческую душу. Напримѣръ, начитавшись о чужихъ несчастіяхъ, мы можемъ стать чувствительными и дурно переносить превратности собственной участи. Восхищаясь комическими выходками, зритель можетъ привыкнуть и самъ являться шутомъ. Въ платоновскомъ государствѣ могутъ быть допущены лишь гимны богамъ и оды въ честь великихъ людей (X).

Всѣ эти взгляды на искусство высказаны гражданиномъ города, видѣвшаго единственное въ мірѣ развитіе эстетическихъ силъ человѣка, подарившаго міру безсмертные идеалы красоты во всѣхъ областяхъ искусства. Мы знаемъ, Платонъ—прирожденный врагъ аѳинской демократіи, ея политическаго строя, ея общественныхъ нравовъ. Но всякая партійная вражда должна имѣть извѣстный предѣлъ, если только партія стремится къ положительнымъ результатамъ. Безусловное отрицаніе общихъ принциповъ создаетъ въ обществѣ два непримиримыхъ лагеря—властителей и революціонеровъ. Государство подрывается въ корнѣ. Развитіе и благосостояніе его немыслимы. Политическая жизнь будетъ рядомъ переворотовъ, направленныхъ къ узкимъ эгоистическимъ цѣлямъ партійныхъ вожаковъ. Единственное спасеніе государства—выбросить изъ своей среды принципіально-враждебную ему кучку людей. Совершенно такимъ путемъ шла исторія во Флоренціи и въ другихъ итальянскихъ городахъ. Развитіе главнаго центра гуманизма и итальянской демократіи было обезпечено лишь послѣ изданія знаменитыхъ *Постановленій справедливости* (Ordinamenta justitiae), совершенно устранявшихъ знать отъ политической дѣятельности. Ненависть Платона къ аѳинской демократіи безконечно обширнѣе и энергичнѣе, чѣмъ вражда флорентійскихъ нобилей къ цехамъ. Ненависть Платона захватываетъ не только извѣстныя, своеобразныя проявленія демократическаго строя Аѳинъ,—она распространяется даже на тѣ элементы, въ которыхъ городъ Аѳины является двигателемъ человѣческой культуры, въ которыхъ осуществляется торжество человѣческой мысли, всѣхъ благородныхъ силъ человѣческаго существа. Платонъ—врагъ не только Аѳинъ, какъ греческой республики,—онъ врагъ Аѳинъ, какъ источника нашей цивилизаціи. Если Аѳины въ интересахъ свободы и спокойствія не могли терпѣть въ своей средѣ людей съ политическими взглядами Платона,—мы, въ интересахъ прогресса, въ интересахъ умственнаго развитія, должны раскрыть антикультурное содержаніе платоновскихъ идеаловъ.

Платонъ во всей области эстетическаго творчества допускаетъ лишь молитвы богамъ и оды героямъ. А, между тѣмъ, въ эпоху философа, гонимые имъ поэты самоотверженно и настойчиво пропагандировали идеи великаго учителя. Эврипидъ своими драмами гораздо больше сдѣлалъ для нравственнаго и религіознаго просвѣщенія согражданъ, чѣмъ Платонъ свое-

философіей. Голосъ Сократа мы слышимъ въ величавыхъ хорахъ трагическаго поэта, а не въ безплодныхъ діалектическихъ узорахъ философа. Читая о необычайномъ впечатлѣніи трагедій Эврипида на аѳинскихъ граждань, мы чувствуемъ, какъ въ дѣйствительности совершался подъемъ человѣческаго духа, какъ искренній, восторженный призывъ поэта къ высокимъ идеямъ о божествѣ разсѣевалъ чувственные образы миѳологіи. Этого не могла сдѣлать озлобленная, пристрастная философія Платона, еще болѣе фантастическая, чѣмъ національная миѳологія.

Комическіе писатели должны были казаться Платону менѣе вредными. Всѣ авторы комедій, съ Аристофаномъ во главѣ, изощряли свое остроуміе надъ недостатками демократіи и ея вождями. Почти неограниченная свобода сценическихъ представленій давала полный просторъ личнымъ и партійнымъ нападкамъ поэтовъ. Они не щадили даже самого государя Аѳинъ, этотъ свободный, самодержавный демосъ. Платонъ усмотрѣлъ во всей аѳинской комедіи одно шутовство. Правда, древніе комики допускали множество выходокъ, на нашъ взглядъ буквально нецензурныхъ, но за этими выходками скрывалась въ высшей степени серьезная основа—право публичной критики, право личнаго сужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Демократическое устройство всякаго допускало къ политической дѣятельности. Но за то всякій дѣятель въ Аѳинахъ становился фокусомъ, куда направлялись стрѣлы всеобщаго вниманія, всеобщей критики. Казалось даже, что аѳинскій гражданинъ начиналъ чувствовать предубѣжденіе противъ своего соотечественника, занявшаго общественный постъ. Мы знаемъ, какой страхъ внушала аѳинскимъ магистратамъ возможность попасть въ хоръ комиковъ. Въ этихъ хорахъ со сцены произносилось имя гражданина, съ полною откровенностью описывались его подвиги. А потомъ эти стихи повторялись на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ. Это было гораздо страшнѣе современной газетной статьи. Въ театрѣ присутствовала публика со всѣхъ концовъ Греціи. Мѣткіе ямбы перелетали во всѣ уголки, гдѣ слышалась эллинская рѣчь. Демократія развивала свободу до крайней степени. Но за то эта свобода была достояніемъ всѣхъ и каждаго. Нигдѣ, ни въ какомъ политическомъ обществѣ, гражданинъ не несъ такой безпощадной общественной цензуры, какъ въ Аѳинахъ. Только здѣсь, въ этомъ городѣ, могла явиться такая блестящая, безупречная личность демагога, какъ Периклъ. Только здѣсь, при громадныхъ денежныхъ суммахъ, отовсюду стекавшихся въ Акрополь, мы не слышимъ о хищеніяхъ и казнокрадствахъ. Только здѣсь, въ центрѣ суда, обязательнаго для десятковъ различныхъ городовъ громаднаго союза, мы не слышимъ о взяткахъ и подкупахъ. А въ Спартѣ, этой излюбленной странѣ нашего философа, политическая честность давно отошла въ область преданій. Еще Периклъ ежегодно пересылалъ туда опредѣленную сумму для раздачи магистратамъ. Аѳинская демократія воспитала не только политическую нравственность,—она, и *только* она, создала сильное, устойчивое государство. Только съ эпохи окончательнаго торжества демократіи мы не слышимъ объ измѣнахъ, междоусобныхъ смутахъ, «ла-

конскихъ» бунтахъ. Аристократамъ было извѣстно только одно средство реформировать Аѳины, это—передаться Спартѣ и навести на родной городъ чужія дружины. Эти измѣнническія попытки осчастливить отечество прекратились вмѣстѣ съ окончательнымъ утвержденіемъ политическаго равенства послѣ эпохи персидскихъ войнъ. Платону все это было извѣстно. Онъ самъ пережилъ эксперименты, произведенные аристократическою партіей въ послѣдній періодъ Пелопонезской войны—правительство четырехъ сотъ, «демократію» пяти тысячъ, тиранію тридцати. Философа не убѣждаютъ никакіе факты. И онъ, вмѣсто того, чтобы безпристрастно вникнуть въ строй окружавшей его демократіи, нарисовалъ вымышленую форму государства и до того сгустилъ краски, что, какъ мы увидимъ ниже, его описаніе потеряло всякій реальный смыслъ.

Устранивши эстетическую дѣятельность человѣка, Платонъ съ неменьшимъ презрѣніемъ отнесся и къ умственной. Всѣ науки, надъ которыми человѣчестве трудилось въ эпоху философа и продолжаетъ трудиться до сихъ поръ, Платонъ отвергъ на томъ же основаніи, какъ и искусство. Здѣсь намъ необходимо познакомиться съ прославленнымъ міромъ платоновскихъ идей.

Дѣйствительный міръ—лишь тѣнь другаго, *на самомъ дѣлѣ* существующаго міра. Человѣкъ всю жизнь находится въ нѣкоемъ погребѣ, прикованный за ноги и шею къ одной стѣнѣ. Надъ его головой лежитъ путь, освѣщаемый солнцемъ. Пути этого узникъ видѣть не можетъ, слѣдовательно, и предметовъ, движущихся по немъ. Эти предметы, проходя позади узника, бросаютъ тѣни на противуположную стѣну погреба. Эти тѣни и видитъ человѣкъ, *только тѣни*,—реальные предметы остаются для него недоступными. Чтобы взглянуть на эти предметы, надо подняться изъ погреба на дорогу, освѣщенную солнцемъ и прочими свѣтилами небесными. Поднять человѣка можетъ лишь одна наука—діалектика, ведущая къ познанію *идеи блага*. Безъ познанія этой идеи невозможно познаніе прочихъ идей, т.-е. вообще знаніе (VI—VII).

Вы видите, картина очень поэтическая. Но она не болѣе какъ явленіе фата-морганы. Подойдите ближе и вся прелесть ея разсѣется.

Науки, изучающія *тѣни* реальныхъ предметовъ, безполезны. Онѣ даютъ не *знаніе*, а *мнѣніе*, которое измѣнчиво, какъ и сами тѣни. Платонъ слѣдующимъ рядомъ силлогизмовъ доказываетъ, что явленія—предметъ не знанія (γνώμη), а мнѣнія (δόξα).

Познаваемо лишь бытіе (ὄν).

Не познаваемо лишь небытіе (μὴ ὄν).

Средину между бытіемъ и небытіемъ занимаютъ частныя явленія.

Знаніе направлено на бытіе.

Незнаніе—на небытіе.

Средина между ними то, что не такъ ясно, какъ знаніе, но яснѣе незнанія. Это *мнѣніе*—δόξα.

Слѣдовательно, *частныя явленія*—предметъ *мнѣнія.*

Платономъ введена еще посылка о *непогрѣшимости знанія и погрѣшимости мнѣнія*, которое въ силу этого качества не можетъ быть направлено на *бытіе.*

Въ другомъ мѣстѣ Платонъ снова обращается къ тому же предмету и здѣсь, оказывается, существуетъ еще область, не подлежащая знанію: это—область математическихъ наукъ. На основаніи того, что геометрія прибѣгаетъ къ помощи нѣкоторыхъ гипотезъ и *чертежей*, Платонъ лишаетъ ее права считаться наукой. Результатъ ея теоремъ лишь—εἰκασία—*догадка*, между тѣмъ какъ результатомъ знанія должна быть *увѣренность*—πίστις. Платонъ до того увлекся своею идеей о наукѣ, что подъ конецъ совершенно смѣшалъ математическій процессъ мышленія—διάνοια съ простымъ мнѣніемъ—δόξα (VI). Астрономія и вообще всѣ науки тоже не достойны изученія. Астрономію надо, по мнѣнію Платона, изучать не на основаніи явленій неба: «мы эти явленія оставимъ въ сторонѣ»,—говоритъ философъ,—а основаніи *чистыхъ отвлеченій*, безъ всякой помощи чувственныхъ предметовъ, Въ обыкновенномъ же видѣ науки—не болѣе, какъ грёзы, сновидѣнія, онѣ всѣ ὡς ὀνειρώττουσι. Это бредъ слѣпыхъ узниковъ темнаго погреба, никогда не видѣвшихъ свѣта.

Мы чувствуемъ, что реальная почва совершенно ушла изъ-подъ ногъ мыслителя. Начинается область мистики и поэтическихъ видѣній. Мы далеки отъ принципіальнаго отрицанія этого направленія человѣческаго духа. Великое неизвѣстное, царящее надъ міромъ, неотразимо влечетъ къ себѣ своею таинственностью, и человѣкъ вѣчно будетъ искать отвѣта на вопросъ, которому суждено остаться неразрѣшеннымъ. Эти отвѣты могутъ не удовлетворять насъ, но они должны возвышать человѣческую мысль, вносить тепло и свѣтъ въ человѣческое сердце. Если же эти отвѣты разбиваютъ живущую въ нашемъ сознаніи вѣру и ничего не даютъ въ замѣнъ ея, они не заслуживаютъ нашей симпатіи. Мыслитель требуетъ отъ насъ довѣрія къ чаяніямъ своего духа, а самъ оставляетъ насъ въ опустѣломъ, мертвомъ полѣ. Для этого мыслителя нѣтъ мѣста среди плодотворныхъ учителей человѣчества.

Платонъ всѣ науки, всѣ надежды, всѣ стремленія идей принесъ въ жертву своей наукѣ—*діалектикѣ*, а цѣли этой науки познанію—*идеи блага.* Достоинство діалектики въ томъ, что она совершаетъ свой путь, руководясь только чистыми *идеями*, совершенно оставляетъ безъ вниманія міръ явленій. *Черезъ идеи къ идеямъ* (εἴδεσιν αὐτοῖς δι' αὐτῶν εἰς αὐτά). Что же будетъ лежать въ основаніи этихъ идей? Идеи Платона не есть идеи о чемъ-нибудь, а совершенно самостоятельныя, единственно дѣйствительныя существа. Откуда онѣ проникнутъ въ мысль человѣка? Вѣдь, онъ видитъ только явленія. Можетъ быть эти идеи врожденны? Нѣтъ. Платонъ нѣсколько разъ въ своемъ трактатѣ отвергаетъ врожденность. По его мнѣнію, человѣкъ родится лишь со способностью знать, а знаніе само должно прийти извнѣ.

Даже добродѣтель—дѣло образованія. Его философы, поднявшіеся въ міръ идей, всѣмъ обязаны *законодателямъ*. Если *мысль* всегда есть *мысль о чемъ-нибудь*, то намъ не ясно, о чемъ же будутъ мыслить діалектики Платона? Мы не видимъ входа, которымъ они могутъ проникнуть въ міръ идей, разъ философъ не признаетъ откровенія. Слѣдовательно, діалектическій процессъ Платона не имѣетъ начала.

Онъ также не имѣетъ и конца.

Результатомъ діалектическаго воспитанія, по мнѣнію Платона, должно явиться познаніе *идеи блага*. Безъ этой идеи недоступенъ вообще міръ идей, невозможна даже разумная практическая дѣятельность. Что же такое идея блага? Вмѣсто отвѣта, Платонъ прибѣгаетъ къ обычному пріему — сравненію. Идея блага въ нравственномъ мірѣ то же, что солнце въ физическомъ. Солнце дѣлаетъ предметы ясно видимыми, идея блага дѣлаетъ умъ способнымъ познавать (τὴν τοῦ αγαθοῦ ἰδέαν φᾶσι εἶναι αἰτίαν δ᾽ἐπιστήμης ουσαν καὶ αληθείας). Мы, прежде всего, видимъ, что Платонъ подмѣнилъ *философское* понятіе *этическимъ*. Мы не понимаемъ, какое отношеніе, по мнѣнію философа, *благо* имѣетъ къ *знанію*. Почему изъ понятія *блага* вытекаетъ *дѣятельность мысли?* Слѣдовательно, это понятіе дано *раньше* знанія, такъ какъ оно является «причиной знанія»? При чемъ же тогда діалектическій процессъ? Вѣдь, онъ не ведетъ ни къ какимъ новымъ результатамъ, если имъ уже съ самаго начала руководитъ идея блага. Выходитъ, что *идея блага* стоитъ и *въ началѣ*, и *въ концѣ* діалектическаго процесса. Платонъ говоритъ, что какъ безъ солнца нѣтъ зрѣнія: солнце «виновникъ зрѣнія» (αἴτιος ὄψεως), такъ и безъ *идеи блага* нѣтъ мышленія, ведущаго къ познанію. Ясно, что эта идея должна быть дана извнѣ и предварительный процессъ мысли совершенно безцѣленъ. Но этимъ затрудненія не оканчиваются. Сама *идея блага* остается неопредѣленною, такъ какъ сравненіе ея съ солнцемъ ничего не доказываетъ и не объясняетъ. Слѣдовательно, Платонъ заставляетъ насъ вступить на путь, не только не давъ намъ руководителя, но даже не объяснивъ цѣли. Это—послѣднее слово метафизическихъ мечтаній, когда мысль безпомощно запутывается въ массѣ словъ, туманныхъ терминовъ, логическихъ противорѣчій. Дѣйствительно, отъ всего красиваго на взглядъ созданія Платона намъ остается только нѣсколько звучныхъ реченій: идеальный міръ, идея блага, процессъ чистаго мышленія.

А, между тѣмъ, философъ долженъ былъ особенно тщательно позаботиться надъ разъясненіемъ своихъ идей. Видимый міръ онъ призналъ сномъ, обманомъ слѣпцовъ. Этотъ міръ стоитъ ниже міра браминовъ, которые, считая міръ иллюзіей, могли утѣшать себя тѣмъ, что въ этой иллюзіи повиненъ самъ Брама. Міръ Платона — міръ Будды, жалкая, безсодержательная, утопическая Майя, мучительная, какъ болѣзненный сонъ. Будда былъ до конца логиченъ. За этимъ ничтожнымъ твореніемъ онъ не видѣлъ никакого творца. *Ничто*, т.-е. полное отсутствіе всего индивиду-

альнаго, было божествомъ и идеаломъ этого пророка. Платонъ не пошелъ по этому пути: на мѣсто, по его мнѣнію, міра грёзъ онъ создалъ міръ еще болѣе неясныхъ образовъ. На мѣсто національной вѣры онъ изобрѣлъ нѣчто совершенно неопредѣленное, неясное ему самому, недоступное ни одному изгибу его тончайшей софистики. Здѣсь отступленіе отъ завѣтовъ Сократа оказалось печальнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Учитель, не удовлетворенный народною вѣрой, въ глубинѣ своего сердца искалъ Бога. И онъ нашелъ его, этотъ неизмѣнный голосъ совѣсти, руководившій великимъ мудрецомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ его. Двадцать вѣковъ позже сынъ другаго народа будетъ страстно, мучительно искать Божьяго голоса и найдетъ его въ томъ же сердцѣ, въ томъ же безсмертномъ сознаніи человѣческой совѣсти. Сократъ и Лютеръ одинаково просто и достойно разрѣшили великую задачу. И самъ апостолъ видѣлъ однѣ и тѣ же черты правды начертанными въ сердцахъ христіанина и язычника. Платонъ уклонился отъ путей своего учителя. Его влекла не исконная потребность человѣческаго духа, а суетное наслажденіе ложною мудростью. И мы въ концѣ его хитроумныхъ вымысловъ стоимъ разочарованными, неудовлетворенными. Мы не знаемъ, зачѣмъ Платону хотѣлось разрушать одни миѳы, чтобы на ихъ мѣстѣ строить другіе, еще менѣе вѣроятные. Намъ становится досадно и больно видѣть, какъ философъ думаетъ играть человѣческою природой, какъ онъ легко и быстро вѣритъ въ осуществленіе самыхъ противуестественныхъ фантазій.

У Платона для гражданъ его государства предназначается не одна только діалектика. Онъ изобрѣтаетъ для нихъ также свою религію. Какъ эта религія будетъ уживаться съ философіей, этого вопроса Платонъ не подозрѣваетъ. У него курсы *Діалектики* начинаются съ 20 лѣтъ и продолжаются до 50 лѣтъ, прерываемые троекратнымъ экзаменомъ въ 30 лѣтъ, въ 35 и въ 50. Платонъ болѣе всего опасается, чтобы занятія его наукой не превратились въ забаву, въ усладительныя словопренія. Въ виду свойствъ своей науки, философъ имѣетъ всѣ основанія опасаться этого, тѣмъ болѣе, что у него самого эта наука принимаетъ весьма часто именно опасную форму безцѣльной болтовни. Но существуетъ еще другое опасеніе. Если наука Платона представляетъ что-нибудь серьезное, то неужели предъ ея анализомъ устоятъ вымыслы, которыми философъ думаетъ снабдить своихъ правителей? Неужели Платонъ думаетъ, что его философы удовлетворятся вѣрой, будто бы Зевсъ создалъ одно лишь добро. Зло, котораго въ мірѣ, по сознанію самого Платона, гораздо больше, чѣмъ добра, пришло неизвѣстно откуда. Сократъ и здѣсь расходится съ своимъ ученикомъ. Зевса онъ считалъ виновникомъ *всего* существующаго въ мірѣ (ἀναίτιος). У Платона нѣтъ отвѣта. Далѣе, неужели граждане философа могли повѣрить, что справедливость приноситъ человѣку счастье въ этой жизни, а несправедливость—несчастье, что будто бы хранить добродѣтель *полезно* даже по практическимъ послѣдствіямъ? Сократъ училъ, что путь

добродѣтели тернистъ. Награды за нея достаются послѣ страшныхъ усилій и лишеній, и высшая награда—сознаніе исполненнаго долга. Его ученикъ думалъ иначе; объявляя добродѣтель источникомъ счастья, онъ отнималъ у нея всю нравственную цѣну *). Добродѣтель выходила практическою сдѣлкой со счастьемъ. Кромѣ того, если несправедливость несла несчастье и, слѣдовательно, наказаніе сама по себѣ, то борьба со зломъ оказывалась излишнею. На основаніи этого ученія его можно было предоставить самому себѣ. Это ученіе отрицало всякую дѣятельность человѣка въ интересахъ улучшенія окружающихъ условій, т.-е. подрывало самыя основы развитія и цивилизаціи. Эти рѣчи снова послышались въ наше бѣдное идеями время и привлекли къ себѣ вниманіе. А, между тѣмъ, какъ теперь, такъ и во времена Платона основы этихъ идей не выдерживаютъ никакой критики. Платонъ доказываетъ практичность справедливости сравненіями и софизмами. Ему человѣкъ кажется чудовищемъ съ нѣсколькими головами—звѣриными и человѣчьей. Если мы будемъ утверждать, что справедливость непрактична, а несправедливость полезна, мы человѣка отдадимъ въ жертву звѣрямъ. Такъ легко рѣшается вопросъ, изъ-за котораго, въ сущности, и велась вся длинная бесѣда! Слушатели молчатъ. Они не возражаютъ, когда фантастичность философа принимаетъ невѣроятные размѣры, когда Платонъ хочетъ навязать людямъ цѣлую сказку. Съ цѣлью воспитать въ гражданахъ патріотизмъ и любовь къ измышленному государственному порядку, философъ рекомендуетъ преподать имъ слѣдующую исторію. Когда-то, въ незапамятныя времена, всѣ граждане въ полномъ вооруженіи вышли изъ той самой земли, которую они теперь населяютъ. Они всѣ братья, какъ дѣти одной и той же земли и матери, и поэтому должны защищать ее. Въ эпоху ихъ исхожденія изъ земли къ нимъ были примѣшаны различные металлы: къ правителямъ—золото, къ воинамъ—серебро, къ земледѣльцамъ и ремесленникамъ — мѣдь. Дѣти обыкновенно рождаются съ тѣмъ же металломъ, какъ и отцы ихъ, хотя могутъ быть и исключенія. Платонъ вѣритъ, что эта басня о металлахъ какъ нельзя лучше гарантируетъ повиновеніе и порядокъ въ его государствѣ.

Такой путь у Платона къ политической дѣятельности. Это—путь абстрактныхъ размышленій и усвоенія извѣстныхъ догматовъ. Сократъ, когда къ нему обращались съ вопросомъ, какъ стать хорошимъ государственнымъ человѣкомъ, неизмѣнно рекомендовалъ практическую дорогу, рекомендовалъ сначала научиться управлять домомъ и семьей, потомъ ознакомиться подробно съ насущными потребностями государства. Сократъ и[с]ходилъ, что общественныя дѣла разнятся отъ частныхъ обязанност[ей] только количествомъ **). Самонадѣяннаго юношу, жаждавшаго полити[че]-

*) Какъ извѣстно, все этическое мышленіе Канта было направлено на опро[ве]рженіе платоновской идеи.

**) *Mem.*, III, 4.

своей дѣятельности, онъ посылалъ сначала поправить хозяйство его дяди. Быть экономомъ и государственнымъ человѣкомъ философу казалось отраслями одной и той же науки. Поэтому онъ настоятельно совѣтовалъ не презирать экономовъ *). Его ученикъ держится совершенно другихъ взглядовъ. Онъ запрещаетъ правителямъ и воинамъ своего государства не только владѣть собственностью, но даже имѣть семью. По мнѣнію Платона, воины-собственники опаснѣе для государства, чѣмъ внѣшніе враги. Они поголовно окажутся злоумышленниками. Жить они должны въ лагерѣ и получать пропитаніе отъ граждан. Эти бѣдные граждане Платона должны будутъ содержать двѣ совершенно непроизводительныхъ касты.

Частныхъ семей, мы сказали, въ платоновскомъ государствѣ нѣтъ. Но дѣторожденія регулированы строжайшимъ образомъ. Ихъ должно быть ни больше, ни меньше потребнаго количества. Населеніе государства неизмѣнно должно держаться на одной цифрѣ. О сближеніи молодыхъ людей должны заботиться магистраты и зорко наблюдать, чтобы лучшіе сходились съ лучшими, худшіе съ худшими. Лучшимъ гражданамъ позволяется чаще сообщатьcя съ женщинами въ интересахъ лучшаго потомства. Періодъ дѣторожденія для мужчинъ отъ 30 до 55 лѣтъ, для женщинъ отъ 20 до 40. Если рождаются дѣти внѣ этихъ возрастовъ, они уничтожаются безъ всякихъ разсужденій. То же самое и относительно потомства, возникшаго безъ вѣдома магистратовъ. Философъ находитъ, что при этихъ условіяхъ воины и правители его государства будутъ счастливѣе олимпійскихъ побѣдителей. А если лично и не всякій будетъ счастливъ, за то будетъ счастливо государство.

Слѣдовательно, счастье государства возможно помимо счастья его гражданъ. Процессъ абстракціи увлекъ философа до того, что онъ забылъ собственное сравненіе государства съ тѣломъ. Тѣло страдаетъ, говоритъ Платонъ, если раненъ палецъ; такъ и ощущенія каждаго гражданина отдѣльно сообщаются всему цѣлому. Кромѣ того, въ самомъ началѣ своего трактата Платонъ причиной возникновенія государства считалъ взаимную нужду людей другъ въ другѣ, такъ какъ люди по одиночкѣ не могутъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Слѣдовательно, политическаго союза люди искали для личнаго удовлетворенія. А теперь, ради какой-то абстракціи, они откажутся отъ своей цѣли. Союзъ распадается, разъ перестаютъ дѣйствовать мотивы его возникновенія.

Впрочемъ, условія распаденія лежатъ въ самой природѣ платоновскаго осударства. Философъ крайне враждебно настроенъ къ какимъ-либо отступленіямъ отъ первоначальнаго плана политической и общественной ормы. Жизнь человѣческаго общества, въ глазахъ Платона, должна быть акъ же неподвижна, какъ форма кристалловъ. Философъ не знаетъ того, что у насъ называется реформами, развитіемъ, прогрессомъ, улучшеніями.

---

*) *Mem.*, III, 6; IV, 1, 2.

Для него понятна только полная революція, ὅλη κατάστασις—потрясеніе государства до глубочайшихъ основъ его. Частныя реформы въ глазахъ Платона—глупость (εὐχέρεια). Это въ полномъ смыслѣ знаменитое sit ut est, aut non sit! И не только въ дурномъ государствѣ эти реформы возбуждаютъ одинъ смѣхъ, — въ хорошемъ онѣ безусловно вредны. Считая нужнымъ регулировать даже дѣтскія игры, Платонъ не признаетъ иного политическаго законодательства, кромѣ учредительнаго. Въ хорошемъ государствѣ, по его мнѣнію, само все хорошо пойдетъ, а въ дурномъ—дурно. Государство является какою-то стихійною, фатальною силой, а не правомѣрнымъ учрежденіемъ, ростущимъ и переживающимъ различные фазисы развитія. Платонъ и здѣсь впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Все разсужденіе его построено на строгой параллели человѣка и государства. Для человѣка Платонъ допускаетъ нѣсколько стадій развитія, смотря по его успѣхамъ въ діалектикѣ. Почему же философъ не довелъ параллель до конца и не призналъ за государствомъ возможности такъ же развиваться, какъ развивается и человѣкъ? Кромѣ того, на устойчивость принциповъ *своего* государства Платонъ могъ менѣе всего разсчитывать. Во главѣ этого государства стоятъ люди, вся сила которыхъ въ діалектическомъ процессѣ мысли. Этотъ процессъ по самой своей природѣ въ высшей степени разнороденъ въ своемъ теченіи и выводахъ. А у Платона онъ, кромѣ того, какъ мы уже видѣли, страдаетъ спеціальными недостатками—отсутствіемъ исходнаго пункта и неопредѣленностью цѣли. При такихъ условіяхъ философы Платона окажутся внѣ возможности не только руководить государствомъ на основаніи какихъ-либо твердыхъ принциповъ, но даже придти къ соглашенію другъ съ другомъ относительно этихъ принциповъ. Людей къ соглашенію приводятъ факты, наглядная дѣйствительность. Тамъ же, гдѣ область дѣйствительности покинута и мысль устремилась въ сферу индивидуальныхъ вымысловъ и абстракцій, не можетъ быть и вопроса объ убѣжденіи, слѣдовательно, о принципѣ. Здѣсь мѣсто лишь эстетическому фокусу, а не философскимъ и менѣе всего политическимъ взглядамъ.

Платонъ представилъ чисто-догматическое ученіе о мірѣ идей. Мы ничего не можемъ имѣть противъ этого ученія, взятаго само по себѣ. Всякія фантазіи бываютъ у поэтовъ, мистиковъ, метафизиковъ и прочихъ мечтателей, предпочитающихъ таинственный сумракъ ночи ясному сіянію дня. Но мы не можемъ допустить, чтобы поэтическія грёзы и метафизическія видѣнія врывались въ область, совершенно неподлежащую ихъ воздѣйствіямъ, — политику и психологію. Здѣсь мѣсто исторіи и реальнымъ фактамъ дѣйствительной жизни. Безъ этого нѣтъ политики, нѣтъ психологіи, а лишь извращеніе того и другаго. Хуже всего, если извращеніе начинается съ самыхъ основаній этой странной философіи. У Платона именно это и происходитъ. Руссо такъ же построилъ политическій идеалъ непримѣнимый въ дѣйствительности. Но, вступая въ область политиче

ской мысли, онъ оставилъ свои раннія фантазіи объ *естественномъ* человѣкѣ, о вредѣ собственности. Онъ теперь прославлялъ выходъ человѣка изъ первобытнаго состоянія и однимъ изъ благодѣяній этого выхода считалъ правовую собственность *). У Руссо, слѣдовательно, достало благоразумія и такта преклониться предъ неотразимыми фактами дѣйствительности. Греческій философъ предпочелъ остаться въ сферѣ личныхъ мечтаній, до конца идти мимо дѣйствительной жизни въ міръ не только иныхъ явленій, но даже иныхъ существъ. Политическій идеалъ Платона теряетъ всякую цѣну, прежде всего, потому, что онъ построенъ на искаженіи человѣческой природы,—на искаженіи, не возвышающемъ эту природу, а отрицающемъ ея лучшія способности, ея наиболѣе дорогія стремленія, ея «лучшую часть».

Для человѣка, въ эпохи страданій и паденій, оставалось и будетъ оставаться единственное утѣшеніе—вѣра въ прогрессъ, вѣра въ совершенствованіе. Платонъ отнимаетъ ее.

Для человѣка, въ его личной жизни, источникомъ высшихъ радостей, нерѣдко источникомъ мужества и самоотверженія, была его семья. Въ семьѣ лелѣялись сѣмена нравственности и культуры, въ семьѣ осуществлялось постепенное движеніе поколѣній на пути цивилизаціи. Платонъ отвергаетъ семью.

Искони, съ первыхъ проблесковъ сознанія, человѣкъ живетъ, подчиняясь явленіямъ природы. Высшимъ торжествомъ его божественныхъ силъ было преодолѣть эти явленія, изучить ихъ свойства и заставить природу служить прогрессу и счастью человѣчества. Гдѣ нѣтъ этого изученія, гдѣ нѣтъ, слѣдовательно, власти надъ міромъ внѣшнихъ явленій, тамъ жизнь находится въ дикомъ состояніи, тамъ человѣкъ близокъ къ положенію животнаго. Платонъ презираетъ это изученіе, также какъ презираетъ весь внѣшній міръ.

Онъ оставляетъ свое государство на землѣ. Даже готовъ вѣрить, что его можно осуществить, если собрать въ одно мѣсто дѣтей не выше десятилѣтняго возраста и воспитать ихъ по плану философа (VII, fin.). А, между тѣмъ, этотъ же мыслитель отрицаетъ самую землю. Онъ говоритъ о *земледѣльцахъ,* но руководителей, начальниковъ этихъ земледѣльцевъ лишаетъ всякаго знанія, кромѣ діалектическаго, всякой дѣятельности мысли, кромѣ изобрѣтенія силлогизмовъ. Или въ этомъ государствѣ будетъ два міра — земной и небесный? Здѣсь люди будутъ изнывать въ тяжеломъ физическомъ трудѣ, а тамъ масса праздныхъ діалектиковъ будетъ витать въ мірѣ идѣній. И мы не знаемъ, какъ эти жители различныхъ міровъ будутъ понимать другъ друга, какъ діалектическія ухищренія проникнутъ въ дѣйствительную жизнь и станутъ регулировать ея будничныя явленія. А, между тѣмъ, философъ основное преимущество своего государства видитъ въ

*) *Du Contrat Social*, ed. 1762, т. I, стр. 8.

единствѣ, по его мнѣнію, нигдѣ не существующемъ въ такой степени, какъ среди его граждан.

До чего же мысль этого философа была ослѣплена призраками! Онъ въ самомъ дѣлѣ напоминаетъ своего идеальнаго мудреца, побывавшаго въ мірѣ идей и послѣ въ теченіе извѣстнаго времени не различающаго явленій земли. Но у этого мудреца, по увѣренію Платона, ослѣпленіе скоро проходитъ. У самого Платона оно неизлечимо. Оно является во всей силѣ, когда философу приходится говорить о самыхъ вопіющихъ явленіяхъ дѣйствительности. Здѣсь діалектика не приноситъ никакой пользы. Требуется лишь знаніе и вдумчивое отношеніе къ дѣйствительности. Ихъ у Платона нѣтъ, и посмотрите, какое печальное зрѣлище представляетъ его разсужденіе о политическихъ формахъ.

И. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Біологи о женскомъ вопросѣ.

I.

Наука захватываетъ все больше и больше такія области, которыя до сихъ поръ считались неприкосновеннымъ достояніемъ поэзіи, философіи, мистики,—чего угодно, только не науки.

Многимъ это не нравится, въ особенности, когда дѣло идетъ о такомъ вопросѣ, какъ, наприм., любовь: если писатель-художникъ, вродѣ нашего Тургенева, показываетъ намъ въ цѣлой серіи повѣстей, что женщина обладаетъ особою способностью—различать среди мужчинъ высшіе типы и отдавать имъ предпочтеніе, мы не только не находимъ въ этомъ ничего шокирующаго нашу моральную чувствительность, мы даже преклоняемся передъ этимъ выводомъ: онъ кажется намъ апоѳеозой женскаго чувства и женскаго сердца. Но попробуйте ту же мысль выразить языкомъ біологіи, какъ это сдѣлалъ недавно Уоллесъ (Wallace) въ *Forthnightly Review,* и вамъ понадобится предпослать своей работѣ нѣкоторое предисловіе,—такъ это покажется новымъ, неожиданнымъ, а, главное, такъ наша публика боится словъ: біологія, физіологія, антропологія. Это какіе-то «жупелы», услышавъ которые публика кричитъ, какъ купчиха у Островскаго: «Охъ, батюшка, боюсь, замолчи!» Надо сознаться, что въ этомъ страхѣ нѣсколько повинны два-три представителя науки, да и то давнишніе, черезъ-чуръ поторопившіеся со своими односторонними выводами. Но благоразумно ли за ошибки двухъ-трехъ сангвиническихъ умовъ держать въ опалѣ величайшую отрасль знанія, уже оказавшую человѣчеству такую массу благодѣяній во всѣхъ областяхъ жизни, начиная съ гигіены, дезинфекціи и кончая прививкой самыхъ ужасныхъ и опустошительныхъ болѣзней?

Теперь біологія дѣлаетъ попытку сказать свое слово въ области любви женскаго вопроса. Не вправѣ ли мы ожидать, что и здѣсь она внесетъ овый свѣтъ и разъяснитъ множество такихъ вещей, которыя до сихъ поръ азались загадочными? Правда, біологія имѣетъ свойство совлекать ореолъ ээтичности и мистики со многихъ явленій, которыми, до ея прикосновеія, человѣчество гордилось, какъ высшимъ даромъ. Но мы увидимъ далѣе, о это свойство не есть аттрибутъ самой біологіи, а въ значительной сте-

пени зависитъ отъ характера того біолога, который берется разсмотрѣть данное явленіе высшаго цикла: есть біологи съ тонкимъ поэтическимъ чувствомъ, какъ, наприм., Уоллесъ, и прикосновеніе ихъ къ тому, чѣмъ гордится человѣчество, не только не совлекаетъ ореола съ изслѣдуемаго явленія, но еще ставитъ его иногда на высшую ступень идеализаціи, и есть, наоборотъ, писатели-художники, какъ, наприм., нашъ Толстой или Ибсенъ, которые, прикоснувшись къ тому же явленію, низводятъ его на низшую, вскрывая и выставляя напоказъ преимущественно его животную сторону и смѣшивая его за это съ грязью. Да это дѣлаютъ не только поэты и художники-беллетристы; еще усерднѣе занимались этимъ аскеты и мистики, видѣвшіе, наприм., въ любви не только животное влеченіе, растлѣвающее душу и дѣло, какъ видитъ Толстой, но и считавшіе самую женщину существомъ худшимъ животнаго, «сосудомъ сатаны».

Біологія нашего времени, чуждая своей прежней молодой торопливости, теперь уже не позволяетъ себѣ ничего подобнаго, а во многихъ случаяхъ ей приходится даже вести борьбу съ современными поэтами и метафизиками,—пессимистами,—защищая высокое значеніе любви въ жизни человѣчества. Во второй половинѣ этой статьи читатели будутъ въ состояніи сами провести параллель между пессимистическимъ отношеніемъ къ любви и браку хотя бы Толстого и нѣкоторыхъ теперешнихъ поэтовъ и романистовъ съ одной стороны и оптимистическими, идеальными взглядами на тѣ же предметы одного изъ выдающихся спеціалистовъ, біолога, опирающагося только на изслѣдованія и факты науки.

Правда, біологическимъ наукамъ иногда приходится обличать черезъ-чуръ пылкихъ поэтовъ въ совершенно противуположномъ направленіи: такъ, еще недавно появилось въ свѣтъ нѣсколько изслѣдованій, доказывающихъ, что, наприм., такой поэтическій экстазъ, какъ обожаніе и воспѣваніе женскихъ ножекъ, глазокъ, башмачковъ, туфелекъ, есть форма помѣшательства, и очень опасная. Но на этомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть съ особою ясностью и наглядностью, какую полезную и незамѣнимую роль можетъ сыграть даже въ этомъ вопросѣ біологія: подобно тому, какъ ранѣе ей удалось открыть фальсификацію пищевыхъ веществъ и вредныя примѣси къ нимъ, такъ теперь она открываетъ намъ фальсификацію и вредныя примѣси въ чувствѣ любви и въ поэзіи. До сихъ поръ общество, вѣря поэтамъ, какъ высшимъ натурамъ, не только не замѣчало ничего патологическаго, читая о томленіяхъ при видѣ ножки, глазокъ, локона, башмачка, но и само, слѣдуя примѣру своего поэтическаго пророка и заражаясь его болѣзнью, начинало подражать ему. Болѣзнетворная подмѣсь шла въ обращеніе и разливалась всюду, принимаемая за здоровый и даже «высшій» продуктъ любви и поэтическаго творчества. И вотъ, явилась наука и открыла психическій ядъ, такъ сказать, душевный контагій, своего рода бактерій, заражающихъ душу.

А публика все продолжаетъ бояться біологіи; наприм., на такъ называемыхъ Бестужевскихъ курсахъ, кажется, еще до сихъ поръ «физіологіи» входъ воспрещается.

Не менѣе новъ и неожиданъ свѣтъ, вносимый біологіей въ такъ называемый женскій вопросъ, о которомъ у насъ въ обществѣ и даже въ нѣкоторой части прессы существуютъ самыя сбивчивыя и нелѣпыя представленія: до сихъ поръ, при малѣйшей попыткѣ коснуться этого вопроса, слышатся вопли изъ нѣдръ извѣстнаго лагеря, что это-де «старая и давно забытая пѣсня». Мнѣ хотѣлось бы поэтому показать, что новая постановка этого вопроса не имѣетъ въ настоящее время почти ничего общаго съ его постановкой въ 60-хъ годахъ, и что эта пѣсня не только не забыта, а все выростаетъ и обновляется. Съ этою цѣлью я сдѣлаю сперва краткій очеркъ общаго положенія этого вопроса у насъ и на Западѣ.

II.

Женскій вопросъ на русской почвѣ возникъ первоначально, главнымъ образомъ, изъ стремленія нашихъ женщинъ (преимущественно изъ среды высшихъ и образованныхъ классовъ) къ подъему своего умственнаго уровня, къ экономической и моральной самостоятельности и къ болѣе широкой общественной дѣятельности. Иными словами, въ основѣ его лежали высшіе нравственные, интеллектуальные и соціальные идеалы, блеснувшіе у насъ въ 40-хъ годахъ и затѣмъ особенно ярко засвѣтившіеся въ 60-хъ, благодаря *общему подъему* идеала и самой жизни.

Въ воспоминаніяхъ извѣстной романистки г-жи Леффлеръ (герцогини ди-Кайянелло) о покойной Софьѣ Ковалевской мы имѣемъ, такъ сказать, историческій документъ этой эпохи: автобіографію одной изъ выдающихся нашихъ женщинъ 60-хъ годовъ, записанную другомъ - художницей. Пробѣгая автобіографію, читатель видитъ наглядно, что въ этомъ поразительномъ порывѣ женской души къ свѣту и разумной морально-общественной жизни вопросъ экономическій лежалъ на заднемъ планѣ. Правда, и онъ вспоминался піонерами женскаго вопроса, но скорѣе теоретически, т.-е. не столько ради себя самихъ, сколько ради другихъ женщинъ, которыя могли быть связаны экономическою зависимостью въ своихъ стремленіяхъ къ болѣе идеальной жизни. Лишь позднѣе у насъ проявило себя въ женскомъ вопросѣ экономическое начало. Оно было внесено въ самую жизнь реформами: дочери небогатыхъ землевладѣльцевъ - дворянъ, дочери и жены чиновниковъ, разночинцевъ почувствовали, что средствъ, добываемыхъ мужьями и отцами, недостаточно для содержанія семьи на томъ уровнѣ благосостоянія, который сдѣлался, такъ сказать, обязательнымъ для средняго к асса при новыхъ условіяхъ жизни. Кромѣ того, свободная конкурренція, с ѣнившая эпоху крѣпостного труда, ограничила въ средѣ мужчинъ обыч и стремленіе, ничѣмъ не стѣсняемыя прежде,—обзаводиться семьей въ и вѣстномъ возрастѣ. Это невольное самоограниченіе, вызванное новымъ п омышленнымъ строемъ, отразилось на экономическомъ положеніи дѣвуш екъ и даже цѣлыхъ семей, гдѣ было достаточное количество молодого ж нскаго элемента: онѣ увидѣли, что теперь «пристроиться» труднѣе, чѣмъ

прежде, что жизнь и всѣ отношенія стали иными, что отцамъ не подъ силу содержать и кормить нѣсколькихъ совершенно праздныхъ членовъ семьи,—однимъ словомъ, что необходимо самимъ добывать хлѣбъ. И вотъ откуда возникъ дальнѣйшій и болѣе широкій потокъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя бросились подготовляться къ хлѣбной работѣ—врачей, фельдшерицъ, акушерокъ, учительницъ, телеграфистокъ, конторщицъ и т. д. Женскій вопросъ съ радужныхъ высей идеала спустился на землю; изъ служенія идеѣ, полнаго поэзіи, увлеченія, граничившаго почти съ подвигомъ и геройствомъ, какъ у покойной Ковалевской, онъ сталъ сѣренькимъ вопросомъ будничной прозы, сталъ мучительною необходимостью избѣжать мелкихъ семейно-хозяйственныхъ дрязгъ изъ-за каждаго съѣденнаго куска хлѣба, когда грозятъ ежедневные «попреки» за то, что «не съумѣла найти жениха», сѣла на шею, «объѣдаешь и опиваешь отца съ матерью» и т. д., и т. д. Вотъ какимъ образомъ и почему явились десятки и сотни молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, думавшихъ только о томъ, гдѣ можно больше заработать, гдѣ скорѣе отъищешь мѣсто и т. п. Идейная подкладка была лишь у весьма немногихъ; большинство же часто не слыхало даже о существованіи какого-то «женскаго вопроса», а были и такія, которыя не знали о существованіи русской литературы, не прочли ни одного произведенія тогдашнихъ корифеевъ журналистики. Повторяемъ, это былъ уже не «женскій вопросъ» первыхъ лѣтъ великой эпохи, это былъ вопросъ хлѣбный, «шкурный», вопросъ голодныхъ желудковъ, стоптанныхъ или изорванныхъ башмаковъ, отрепанныхъ платьевъ и т. д. Здѣсь повторилось то интересное явленіе, которое подмѣтилъ Вундтъ въ своей этикѣ: первоначальная цѣль какого-нибудь общественнаго явленія приводитъ къ неожиданнымъ и разнообразнымъ результатамъ; нѣкоторые изъ этихъ результатовъ, какъ болѣе приспособленные къ дѣйствительности, иногда совершенно вытѣсняютъ первоначальное явленіе, т.-е. переживаютъ его или же продолжаютъ жить и развиваться самостоятельно на ряду съ ними. Такъ же образовались виды растеній и животныхъ въ животномъ царствѣ: измѣненіе среды заставляло вымирать или атрофироваться органы, не требовавшіеся въ данной средѣ, и развиваться путемъ подбора и борьбы за существованіе тѣ случайныя свойства и способности, которыя могли помочь борьбѣ за жизнь въ данной новой средѣ.

Женскій вопросъ шестидесятыхъ годовъ только указалъ, такъ сказать, исходъ той новой экономической потребности, которая создалась жизнью, хотя самъ онъ возникъ почти исключительно на почвѣ общественныхъ и моральныхъ идеаловъ. Вытѣсненъ ли этотъ идеальный типъ «практич скимъ» и «приспособленнымъ къ средѣ» «шкурнымъ» и «хлѣбнымъ» в просамъ? Не можетъ быть. Идеальная форма женскаго вопроса продолжает жить и развиваться въ средѣ, соотвѣтствующей ему, въ средѣ высшей и теллигенціи, въ кружкахъ съ высшими моральными запросами, а, въ то ж время, массовый женскій вопросъ, на чисто-экономической подкладкѣ, ширит и выростаетъ, охватывая другіе общественные классы.

На Западѣ въ женскомъ вопросѣ можно также замѣтить два теченія: одно идетъ изъ среды высшей и обезпеченной интеллигенціи, другое изъ среды рабочихъ массъ и пролетаріата. Первое ставитъ своими главными цѣлями образованіе женщинъ, равное съ мужскимъ, расширеніе сферъ женской общественной дѣятельности, включая сюда и участіе (непосредственное или путемъ права голоса на выборахъ) въ законодательной Франціи. Это послѣднее движеніе особенно сильно въ Англіи и Америкѣ.

Второе же теченіе, рабочее, почти исключительно стремится къ расширенію сферы участія женщинъ въ трудѣ мужчинъ и затѣмъ примыкаетъ къ общему рабочему вопросу съ его стремленіемъ сократить число рабочихъ часовъ, поднять заработную плату и т. д. Въ русскихъ журналахъ много писалось о женскомъ движеніи въ Англіи и Америкѣ, поэтому мы о нихъ скажемъ только два - три слова въ концѣ этого бѣглаго обзора и нѣсколько подробно остановимся теперь на Германіи: здѣсь женскій вопросъ занимаетъ средину между идеальнымъ типомъ и рабочимъ типомъ, составляя предметъ дѣятельности особыхъ союзовъ: такъ, 30 марта 1888 года въ Веймарѣ образовалось общество подъ названіемъ «Verein Frauenbildungs Reform», цѣль котораго опредѣляется президентомъ этого ферейна, г-жей Кеттлеръ, слѣдующимъ образомъ: «союзъ ставитъ своею цѣлью сдѣлать доступнымъ для женскаго пола научное изученіе и призваніе (Berufe), насколько это достижимо практически, и стремится къ тому, чтобы сочувствующія этому женщины образовали общій союзъ во всѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ нѣмецкій языкъ». Г-жа Кеттлеръ выпустила недавно въ свѣтъ небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: *Die Frauen Gluck*, въ которой разбираетъ, въ четырехъ отдѣльныхъ этюдахъ, различные элементы женскаго вопроса, главнымъ образомъ, по отношенію къ образованію. Экономическія основы этого «ферейна» особенно ярко и наглядно выясняются ею во 2-мъ этюдѣ, подъ заглавіемъ: *Was wird aus unsern Töchtern?*

Этюдъ начинается вопросами и отвѣтами:

«*Первый вопросъ:* Что будетъ съ нашими дочерьми?

Отвѣтъ: Само собою разумѣется, онѣ выйдутъ замужъ.

Второй вопросъ: Абсолютно ли вѣрно, что онѣ выйдутъ замужъ?

Отвѣтъ: Нѣтъ, большая часть нашихъ дочерей не выходитъ замужъ.

Третій вопросъ: Но когда онѣ выходятъ замужъ, обезпечиваются ли онѣ этимъ совершенно на всю жизнь?

Отвѣтъ: Нѣтъ, такъ какъ забота о нихъ и объ ихъ дѣтяхъ есть дѣло ихъ мужей. Средства женщинъ, принесенныя въ бракъ, дѣлаются, въ большинствѣ случаевъ, средствами мужа. Если они будутъ утрачены по винѣ мужа, то они точно также будутъ потеряны и для нея, и для дѣтей; если мужъ станетъ неспособнымъ къ работѣ, то это грозитъ существованію семьи, если нѣтъ соотвѣтствующей пенсіи, и т. п.

Четвертый вопросъ: А если наши дочери достаточно обезпечены въ теченіе брака, обезпечены ли онѣ и послѣ брака, т.-е. когда потеряютъ кормильца посредствомъ развода или смерти?

Отвѣтъ: Нѣтъ. Если у нихъ нѣтъ какой-нибудь вдовьей пенсіи или ренты, то онѣ не имѣютъ никакихъ средствъ для содержанія себя и своихъ дѣтей.

Пятый вопросъ: Значитъ, замужство нашихъ дочерей не представляетъ никакихъ твердыхъ гарантій того, что онѣ обезпечены на всю жизнь?

Отвѣтъ: Не представляетъ.

Шестой вопросъ: Значитъ, на нашъ вопросъ о томъ, что будетъ съ нашими дочерьми, отвѣтъ, данный выше, что «онѣ, само собою разумѣется, выйдутъ замужъ», никоимъ образомъ не есть отвѣтъ удовлетворительный и окончательный?

Отвѣтъ: Нѣтъ.

Такимъ образомъ, какія гарантіи обезпеченія предлагаемъ мы своимъ дочерямъ на случай, если онѣ не выйдутъ замужъ?

Никакихъ!

Какія гарантіи обезпеченія предлагаемъ мы своимъ дочерямъ на случай, если онѣ *выйдутъ* замужъ?

Никакихъ!»

Въ этой сжатой формѣ мы видимъ почти тѣ же самые экономическіе мотивы, на которые указали, обрисовывая вторую стадію женскаго вопроса въ Россіи: необходимость матеріальнаго обезпеченія для дѣвушки, если она не вышла замужъ, и необходимость такого же обезпеченія, если она вышла замужъ, на случай смерти мужа или разоренія его, или развода, или вообще недостатка средствъ, добываемыхъ однимъ его трудомъ для содержанія семьи.

Какія же мѣры предлагаетъ г-жа Кетлеръ? Прежде всего, равное образованіе мужчинъ и женщинъ, т.-е. образованіе, какъ почва для матеріальнаго обезпеченія, для возможности самостоятельнаго труда въ разнообразныхъ профессіяхъ.

Но тутъ мы находимъ и нѣсколько болѣе широкую постановку вопроса, граничащую съ постановкой его у насъ въ 60-хъ годахъ, въ 1-ю его стадію. «Если вы не можете въ настоящее время,—говоритъ г-жа Кетлеръ,— понизить уровень свѣта до болѣе низкаго уровня женщинъ, то поднимите уровень женщинъ на такую высоту, чтобы женщина была въ состояніи приспособиться (anpassen) къ нему. Либо то, либо другое. Но требовать отъ всего свѣта, чтобы онъ шелъ впередъ, и только одной женщинѣ говорить, чтобы она спокойно стояла на мѣстѣ, т.-е. отставала и шла назадъ, это противно здравому смыслу!...

«Женская эмансипація стремится къ тому, чтобы наша нація *не хвасталась* «благородною женственностью» своихъ дочерей, а *сдѣлала ее возможной* для нихъ *при всякихъ обстоятельствахъ*. Такимъ образомъ, цѣль эмансипаціи вовсе не въ томъ,—какъ изволятъ утверждать невѣжды мужского и женскаго пола,—чтобы *уничтожить* женственность, которая теперь неприкосновенна лишь у единичныхъ женщинъ,—нѣтъ, наоборотъ

цѣль женской эмансипаціи—*спасти* женственность, подвергающуюся нынѣ тысячѣ опасностей у тысячи женщинъ!» (стр. 18).

Въ прибавленіе къ этой статьѣ, г-жа Котлеръ опровергаетъ возраженія противниковъ, которые, какъ она справедливо замѣчаетъ, вѣчно одни и тѣ же, а именно: «невозможность конкурренціи съ мужчинами, потеря женственности, уменьшеніе надежды на бракъ, недостатокъ духовной приспособленности къ ученому призванію, недостатокъ тѣлесной приспособленности къ нему, преобладаніе чувства надъ умомъ и т. п. *). Далѣе, она требуетъ, чтобы образованіе женщинъ не представляло только подобія высшаго женскаго образованія съ болѣе или менѣе неорганически связанными «обрывками гимназическаго или реальнаго образованія», а состояло бы въ *полезномъ*, гуманномъ и реальномъ образованіи».

Этимъ достигается два результата,—говоритъ она,—одинъ—положительный, состоящій въ систематическомъ воспитаніи наивозможной *умственной энергіи*, и другой отрицательный—въ здоровомъ уменьшеніи или умѣреніи *энергіи чувства* (если я смѣю такъ выразиться), или, говоря короче, ограниченіе той энергіи, которая часто, какъ всѣ знаютъ, ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ преобладанія фантазіи; этого можно достичь путемъ укрѣпленія и увеличенія дѣятельности разсудка».

Къ числу пропагандистовъ женскаго вопроса въ Германіи принадлежитъ и г-жа Елена Ланге; передъ нами двѣ ея брошюры: въ одной изъ нихъ напечатана ея рѣчь, сказанная на собраніи «всеобщаго нѣмецкаго женскаго союза» въ Дрезденѣ, въ сентябрѣ 1891 г., а въ другой—рѣчь, произнесенная въ Кенигсбергѣ, въ январѣ нынѣшняго года, въ союзѣ «Женское благо». Она издала еще нѣсколько книжекъ **).

Уже изъ этихъ краткихъ свѣдѣній вы видите, что дѣятельницы по женскому вопросу въ Германіи не сидятъ сложа руки: во всѣхъ крупныхъ центрахъ имѣются спеціальныя общества, посвященныя этому вопросу, помимо союзовъ, стремящихся охватить всецѣло все женское движеніе въ Германіи. Я могъ бы назвать еще нѣсколько сочиненій по тому же вопросу, вышедшихъ въ послѣднее время въ Германіи и принадлежащихъ къ болѣе крайнему направленію (наприм., брошюра Бебеля: *Женщины и соціализмъ* и мн. др.), но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, оставляю ихъ въ сторонѣ.

Чтобы кратко обрисовать мотивы движенія въ Англіи и Америкѣ, я ограничусь здѣсь ссылкой на мнѣніе наиболѣе выдающагося теперь въ Англіи мыслителя Герберта Спенсера и на возраженіе одного его критика. Вотъ что говоритъ Спенсеръ въ своей недавно вышедшей книгѣ *Justice*

---

*) Мы имѣемъ подъ рукой нѣсколько такихъ изданій, враждебныхъ женскому вопросу, между прочимъ, небольшую книжку: *Die Gefahren der Frauen Emansipation* von Adele Crepaz: въ ней возраженія противъ реформы почти слово въ слово тѣ же самыя, которыя резюмированы выше.

**) *Die höhere Mädchenschule etc. Frauenbildung, Die ethische Bedeutung der Frauenbewegung* и мн. др.

(см. подробное изложеніе и разборъ этого сочиненія, сдѣланные мною въ *Русской Мысли* за май 1892 г.). «Женщина по своимъ силамъ слабѣе мужчины,—говоритъ Спенсеръ,—а потому лишать ее еще искуственно нѣкоторыхъ выгодъ въ борьбѣ за существованіе въ высшей степени несправедливо. Поэтому не должно ставить женщинамъ никакихъ препятствій относительно занятій, профессій или иныхъ путей дѣятельности (careers), какія онѣ могли бы пожелать взять на себя».

При окончательномъ подведеніи итоговъ для рѣшенія вопроса о правахъ жены на собственность, Спенсеръ полагаетъ, что исполненіе женщиной домашнихъ и семейныхъ обязанностей уравновѣшиваетъ тотъ доходъ, который вноситъ мужъ своею дѣятельностью.

На основаніи своего принципа «равныхъ правъ» Спенсеръ отрицаетъ участіе женщинъ въ такихъ политическихъ правахъ, какъ избирательное. Онъ говоритъ, что такъ какъ женщины не несутъ и не могутъ нести военной повинности, то не могутъ имѣть и голоса въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ до тѣхъ поръ, пока не установится вѣчнаго мира. Если бы теперь имъ дать политическія права, равныя съ мужскими, то, неся обязанности военной защиты государства, онѣ пользовались бы въ общей суммѣ не равными, а бо́льшими правами, а это было бы несправедливо. Приводятся и другія возраженія противъ участія женщинъ въ избирательномъ правѣ. Они изложены во 2-й части главы объ «устройствѣ государства» и опираются на различіяхъ въ строеніи мужчинъ и женщинъ, на сравнительно большей импульсивности женщинъ, большей эмоціальности ихъ и сравнительной неспособности признавать силу отвлеченныхъ и отдаленныхъ соображеній, касающихся общественнаго блага. Необходимо замѣтить, что, наоборотъ, самъ Спенсеръ горячо возражаетъ противъ примѣненія его аргументовъ къ избирательному праву женщинъ въ областныхъ и городскихъ управленіяхъ. Здѣсь, конечно, устраняется соображеніе о неравенствѣ правъ, происходящихъ отъ неучастія женщинъ въ военной защитѣ страны. Одинъ изъ американскихъ критиковъ Спенсера вотъ что замѣчаетъ по этому поводу въ научномъ журналѣ *Popul. Science Monthly*: «Согласно логикѣ, которой держится самъ Спенсеръ, говоря ранѣе о правѣ собственности женщинъ, можно возразить ему, что и здѣсь дѣло не столько въ тождествѣ функцій и обязанностей, сколько въ справедливомъ уравновѣшеніи ихъ. Даже въ случаѣ войны, не будетъ несправедливостью утверждать, что услуги женщинъ въ госпиталяхъ и дома, какъ плательщицъ налоговъ и труженицъ, зарабатывающихъ плату, а также какъ матерей и воспитательницъ будущихъ защитниковъ страны, образуютъ отличный эквивалентъ съ услугами мужчинъ на ратномъ полѣ и даютъ женщинамъ право на политическое положеніе, если всѣ остальныя условія одинаковы. Кромѣ того, вѣдь, обширные классы мужчинъ также изъяты отъ военной службы по своему возрасту, занятію, тѣлеснымъ недостаткамъ и т. д., однако, это не лишаетъ ихъ политическихъ правъ. Кромѣ того, вѣдь, задачи правительства лежатъ, къ счастью, главнымъ образомъ, вовсе не въ

тѣхъ вопросахъ, какіе возникаютъ изъ физической борьбы націй. Такимъ образомъ, очевидно, что избирательное право фактически вовсе не обусловлено военною службой или способностью къ ней».

III.

Теперь, обозрѣвъ двѣ формы проявленія женскаго вопроса: 1) идеальную, 2) практическую, мы уже можемъ перейти къ 3-й формѣ—научно-біологической, представляющей настоящую новинку въ этой области.

Цѣлымъ рядомъ выдающихся англійскихъ біологовъ: Уоллесомъ, Гальтономъ, Грантъ-Алленомъ и др. обращено вниманіе на фактъ, давно доказанный на Западѣ и давно тревожащій тамъ общественное мнѣніе, а именно на фактъ вырожденія и измельчанія европейскаго племени.

Въ послѣднее время представители біологической науки установили тѣсную зависимость этого факта съ современнымъ соціальнымъ положеніемъ женщины. Уоллесъ говоритъ, что эта мысль была подана ему Дарвиномъ: въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ съ нимъ Дарвинъ выразилъ опасеніе за то, что въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ уничтожено вліяніе естественнаго подбора, при которомъ переживаютъ и продолжаютъ видъ наиболѣе приспособленные, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не существуетъ и вліянія полового подбора, совершившаго чудеса въ животномъ царствѣ. Теперь люди, вступая въ бракъ, руководятся соображеніями, чуждыми интересамъ вида,—соображеніями, основанными на чисто-практическихъ стремленіяхъ къ экономическому обезпеченію или высшему соціальному положенію. Но лица, успѣвшія достигнуть богатства и положенія, или обладающія и тѣмъ, и другимъ по наслѣдству, не всегда представляются выдающимися физически, умственно или нравственно.

Такимъ образомъ, подборъ отклоняется въ сторону наименьше приспособленныхъ и сильныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, и, понятно, что, благодаря этому, нашей расѣ грозитъ неизбѣжная гибель. Среди проектовъ противъ подобнаго вырожденія, предлагаемыхъ біологами, есть такіе, о которыхъ можно бы вовсе не упоминать, такъ какъ они не выдерживаютъ моральной критики. Если я, тѣмъ не менѣе, говорю о нихъ, то лишь руководясь слѣдующимъ соображеніемъ: когда выдающіеся умы такой консервативной страны, какъ Англія, приходятъ къ подобнымъ проектамъ, побуждаемые страхомъ надвигающейся грозы вырожденія, то умамъ второстепеннымъ подобные проекты еще легче могутъ придти въ голову, а поэтому лучше сообщить эти проекты и основательно опровергнуть ихъ заранѣе.

Сперва мы обратимся къ Гальтону: онъ предлагаетъ для улучшенія нашей расы прибѣгнуть къ системѣ «отличій» за семейныя качества, т.-е. за здоровье, умъ и нравственность супруговъ, причемъ государство должно поощрять ранніе браки такихъ лицъ раздачею имъ «приданыхъ» въ размѣрѣ, который бы достаточно обезпечивалъ браки особъ, обладающихъ вышеупомянутыми качествами.

Такая мѣра имѣла бы извѣстный результатъ, еслибъ, во-первыхъ, было справедливо, что свойства, пріобрѣтенныя существомъ въ теченіе одного поколѣнія, передаются наслѣдственно; но въ этомъ сомнѣваются теперь многіе выдающіеся спеціалисты-біологи и, между прочимъ, Уоллесъ (у насъ проф. П. Лесгафтъ). Во-вторыхъ, если бы наслѣдственная передача и могла улучшить породу потомковъ этихъ исключительныхъ паръ, то очевидно, что это было бы не *общимъ* улучшеніемъ расы, а только созданіемъ высокоприспособленныхъ *единицъ* среди остальной постепенно падающей расы. Иными словами, это не улучшило бы расы, а создало бы новое зло—крайнее неравенство способностей въ одномъ и томъ же обществѣ. Мы нуждаемся не въ высшей степени совершенства *немногихъ,* а въ повышеніи *средняго уровня* всей расы,—говоритъ Уоллесъ.

Повидимому, болѣе цѣлесообразную мѣру предложилъ Гирамъ Стэнли (Hiram M. Stanley) въ статьѣ *Наша цивилизація и задача брака:* имѣя въ виду, что естественный подборъ пересталъ дѣйствовать въ обществѣ, этотъ авторъ предлагаетъ, какъ нѣкогда мечталъ и Платонъ, прибѣгнуть къ подбору искусственному, но, разумѣется, въ болѣе благопристойномъ видѣ, чѣмъ предлагалъ древній философъ. Искусственный подборъ долженъ состоять, по его мнѣнію, въ устраненіи наименѣе приспособленныхъ къ условіямъ существованія. «Пьяница, преступникъ, больной и нравственно слабый не должны бы были никогда вступать въ брачный союзъ»,—говоритъ онъ. Въ истинномъ золотомъ вѣкѣ, лежащемъ не позади насъ, а впереди, привилегія быть родителями должна считаться почестью, удѣляемой сравнительно немногимъ. «Такимъ образомъ, не появится въ свѣтъ ни одно дитя, которое не только не будетъ здорово тѣломъ и душою, но которое будетъ ниже средняго уровня физическихъ способностей и нравственныхъ силъ».

Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ: «Опытные спеціалисты должны регулировать дѣйствіе наиболѣе важнаго фактора въ обществѣ — врожденныхъ качествъ его членовъ».

По поводу этого проекта Уоллесъ справедливо замѣчаетъ, что «подобное вмѣшательство въ личную свободу въ дѣлахъ, столь близко связанныхъ съ личнымъ счастіемъ, никогда не будетъ принято большинствомъ какого-нибудь народа, а еслибъ было принято большинствомъ, то остальное меньшинство никогда не покорилось бы безъ борьбы на жизнь и смерть».

Грантъ-Алленъ, въ статьѣ *The Girl of the Future*, предлагаетъ комбинацію, которая заслуживаетъ вниманія только потому, что показываетъ наглядно, отчего именно несостоятельны всѣ подобные проекты и въ чемъ лежитъ истинная сущность задачи. Совершенно забывая современное экономическое положеніе женщины и дѣвушки, онъ требуетъ, чтобы бракъ былъ совершенно свободенъ, т.-е. чтобы онъ, во-первыхъ, длился столько времени, сколько желаютъ обѣ стороны, и, во-вторыхъ, чтобы дѣвушкамъ посредствомъ воспитанія и общественнаго мнѣнія внушалось, что обяза-

ность всякой женщины—быть матерью возможно большаго числа возможно болѣе совершенныхъ дѣтей, а съ этою цѣлью онѣ должны избирать своихъ временныхъ супруговъ изъ самыхъ красивыхъ, здоровыхъ и интеллигентныхъ людей. Это, по его мнѣнію, повело бы къ разнообразнымъ комбинаціямъ родительскихъ качествъ, слѣдствіемъ чего было бы потомство, одаренное возможно высшими качествами, т.-е. мы имѣли бы постоянное улучшеніе расы. Не говоря уже о нравственной сторонѣ этого проекта, мы находимъ его несостоятельнымъ и практически, при современномъ экономическомъ положеніи женщинъ: если бы брачныя отношенія могли стать въ условія абсолютной свободы, то судьба дѣтей являлась бы крайне проблематичной: мужчина, не связанный съ женщиной прочными узами семьи и даже не увѣренный въ томъ, ему ли принадлежитъ ребенокъ, не имѣлъ бы стимула энергично работать для поддержанія его существованія и образованія; вся матеріальная сторона заботъ,—да и нравственная,—осталась бы на однѣхъ женщинахъ, а онѣ поставлены и безъ того въ совершенно безпомощное состояніе въ теперешнемъ обществѣ.

Можно бы допустить еще одно предположеніе, что воспитаніе дѣтей возьметъ на себя государство, но подобная мѣра встрѣтитъ, прежде всего, протестъ въ самихъ матеряхъ или въ большинствѣ ихъ; во-вторыхъ, она устранитъ изъ воспитанія семейное, материнское начало съ его инстинктивнымъ альтруизмомъ и самопожертвованіемъ, дѣйствующимъ на воспитаніе дѣтскаго характера въ смыслѣ развитія въ немъ началъ альтруизма и общественности. Эти элементы, столь необходимые для общества въ характерѣ гражданъ, много потеряютъ безъ нагляднаго примѣра безкорыстной семейной любви.

Альфредъ Уоллесъ, предлагая свое рѣшеніе, старается примирить всѣ эти требованія, давъ имъ соотвѣтствующее мѣсто. Но за то его проектъ теряетъ въ удобоисполнимости, такъ какъ въ основу его онъ кладетъ реформу многихъ другихъ соціальныхъ отношеній,—реформу, которая, по его мнѣнію, должна совершиться въ непродолжительномъ времени. Уоллесъ—горячій поборникъ семьи и единобрачія: только въ правильной семьѣ онъ видитъ возможность правильнаго воспитанія дѣтей, но современная семья покоится на ненормальныхъ условіяхъ соціальнаго положенія женщины. Уоллесъ повторяетъ то же, что сказано нами выше: жизнь современной женщины матеріально не обезпечена, она должна искать этого обезпеченія въ мужѣ, и для этого рано выходитъ замужъ, избираетъ супруга не по естественному чувству, которое привело бы остальной міръ къ наивысшимъ формамъ развитія, а, наоборотъ, отдаетъ свою жизнь въ руки тѣхъ, кто лучше можетъ обезпечить матеріально какъ ее, такъ и дѣтей. Поэтому общество должно будетъ современемъ, ради интересовъ чисто-біологическихъ, т. е. чтобы избѣгнуть вырожденія и гибели, устроиться иначе: во-первыхъ, женщина должна получить свою долю изъ общественныхъ богатствъ даже въ томъ случаѣ, если она не работаетъ, а употребляетъ свой досугъ только на воспитаніе дѣтей; во-вторыхъ, ей должна быть обезпечена работа и сред-

ства къ жизни и на тотъ случай, если она не чувствуетъ призванія или желанія быть матерью. Есть тысячи женщинъ, совершенно неприспособленныхъ къ материнству, не желающихъ супружества; у такихъ матерей не можетъ быть и здороваго, нормальнаго потомства. Но теперь ихъ гонитъ въ бракъ необходимость имѣть средства къ существованію, которыхъ современная женщина почти не имѣетъ внѣ брака. Въ-третьихъ, многихъ женщинъ заставляетъ выбирать себѣ въ мужья соціальное положеніе мужа, пользующееся извѣстнымъ почетомъ и привилегіями, иногда совершенно незаслуженными. Поэтому въ нормальномъ обществѣ почетомъ и привилегіями должны пользоваться только люди достойные этого, т.-е. заслужившіе или заработавшіе себѣ свое положеніе дѣяніями, направленными на общую пользу.

Только такія привилегіи и почетъ не будутъ вредить правильному подбору, не будутъ порождать измельчаніе и гибель человѣческой породы.

Результатомъ лучшаго устройства общества явится то, что, во-первыхъ, дѣвушки не будутъ торопиться выходить замужъ, т.-е. возрастъ вступленія въ бракъ возвысится, а это уже само по себѣ дастъ здоровое потомство и уменьшитъ число случаевъ насильственнаго и преждевременнаго брачнаго сожительства и материнства; во-вторыхъ, больные, хилые мужчины, а также ведущіе ненормальную и порочную жизнь, не будутъ въ состояніи отыскать себѣ жену, какъ теперь, и, такимъ образомъ, ихъ потомство не будетъ грозить человѣчеству вырожденіемъ; въ-третьихъ, женщины, не имѣющія влеченія къ брачной жизни, употребятъ свое время на иное полезное служеніе обществу, а опасность отъ ихъ материнства устранится; въ-четвертыхъ, подборъ въ обществѣ перейдетъ всецѣло въ руки женщинъ, т.-е. приметъ то естественное направленіе, которое всегда вело къ совершенствованію породы; въ-пятыхъ, для того, чтобы подборъ этотъ стоялъ на высотѣ тѣхъ требованій, какія предъявляются человѣчеству усовершенствованіями всѣхъ сторонъ умственной и эстетической жизни, женщина должна сама стоять на высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія; съ этою цѣлью всѣ женщины должны получать широкое и всестороннее образованіе. Это условіе необходимо, такъ какъ только при его выполненіи раса быстрыми шагами пойдетъ къ улучшенію, руководимому развитымъ и просвѣщеннымъ сознаніемъ будущихъ женщинъ. Необходимо, чтобы женщина сознала великое значеніе для расы своего выбора, чтобы высота этого выбора стала *нравственнымъ принципомъ* для дѣвушекъ, чтобы нарушеніе этой высоты считалось нравственно позорнымъ, какъ гибельное для потомства, для будущаго человѣчества.

Такова основная мысль знаменитаго біолога. Всматриваясь въ нее больше, мы найдемъ, что, въ концѣ-концовъ, она можетъ быть осуществлена безъ тѣхъ, устрашающихъ обыкновеннаго читателя, подробностей, которы[е] состоятъ въ реформѣ цѣлаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, если изъ проект[а] Уоллеса выбросить все мечтательное относительно будущаго устройства о[б]щества, то въ остаткѣ получится: во-первыхъ, обязательная для всѣх

обществѣ экономическая обезпеченность женщинъ и, во-вторыхъ, вообще высшее образованіе ихъ.

Такимъ образомъ, научно-біологическая точка зрѣнія приводитъ къ тѣмъ же самымъ практическимъ требованіямъ, къ какимъ приводятъ и двѣ, разсмотрѣнныя выше, точки зрѣнія — идеальная и экономическая; какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ и въ этомъ назрѣвшемъ вопросѣ самыя различные исходные пункты приводятъ къ однимъ и тѣмъ же практическимъ выводамъ.

Добавимъ къ этому, что Уоллесъ, предлагая свой проектъ, долго останавливается на одномъ сообраafженіи, которое интересно само по себѣ, а именно на теоріи Мальтуса: могутъ сказать, что обязательное обезпеченіе существованія женщины и семьи обществомъ поведетъ ко множеству браковъ, которые бы не совершились безъ этого; такимъ образомъ, быстро возростетъ населеніе и для человѣчества явится новая опасность, предусмотрѣнная теоріей Мальтуса. До сихъ поръ печальныя предсказанія этой теоріи отчасти устранялись сдержанностью многихъ отъ вступленія въ бракъ,— сдержанностью, обусловленною именно необезпеченностью семьи. Уоллесъ на основаніи новѣйшихъ біологическихъ изслѣдованій доказываетъ, что именно при осуществленіи условій, проектируемыхъ имъ, опасности, предусматриваемыя теоріей Мальтуса, могутъ быть устранены. Это совершится слѣдующимъ путемъ.

Во-первыхъ, какъ мы уже сказали, значительное число женщинъ, нерасположенныхъ къ брачной жизни, но выходящихъ замужъ ради обезпеченія, останется незамужними; во-вторыхъ, не меньшее число мужчинъ, страдающихъ физическими, психическими, моральными или соціальными недостатками, устранится отъ брака правильнымъ подборомъ, благодаря нормально обставленной свободѣ женскаго выбора; въ-третьихъ, возрастъ вступленія въ бракъ, какъ уже упомянуто выше, отодвинется къ болѣе зрѣлому періоду по двумъ причинамъ: a) дѣвушки не будутъ торопиться выйти замужъ и, кромѣ того, b) обязательное для каждой женщины высшее образованіе займетъ у нея время приблизительно до 20-ти слишкомъ лѣтъ. Къ этому обязательному образованію слѣдуетъ добавить еще небольшой періодъ извѣстной практической дѣятельности и выработки, практическаго испытанія своихъ способностей и призванія, безъ чего не слѣдовало бы допускать вступленія въ бракъ. Такимъ образомъ сократится въ цѣломъ обществѣ на огромный процентъ общій періодъ дѣторожденія вообще. Но это ‑е все: рядомъ статистическихъ данныхъ Уоллесъ доказываетъ, что бракъ ъ зрѣломъ возрастѣ даетъ меньшій процентъ рожденій и, такимъ образомъ, ‑о явится еще дополнительнымъ тормазомъ излишняго увеличенія народо‑аселенія *).

---

*) Въ публичныхъ лекціяхъ одного петербургскаго профессора-физіолога доказывалось недавно совершенно обратное положеніе, а именно, что наибольшій процентъ ‑ждаемости имѣется въ бракахъ, гдѣ женщина выходитъ замужъ въ болѣе зрѣломъ ‑растѣ. Несмотря на наше полное уваженіе къ авторитету русскаго ученаго, мы

Уоллесъ, чтобъ убѣдить читателей въ важности обсужденія этого вопроса, замѣчаетъ, что вырожденіе—не такая вещь, съ которою можно шутить и средства противъ которой можно откладывать въ долгій ящикъ: понизить человѣческую породу въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи не трудно, но поднять ее снова съ низшаго уровня на высшій—задача не легкая. Не такъ легко возстановить вновь великія пріобрѣтенія, явившіяся и накопившіяся благодаря тысячелѣтіямъ нормальнаго подбора. Всякое замедленіе борьбы противъ вырожденія и пониженія расы, совершающихся въ краткій періодъ, потребуетъ для своего исправленія, быть можетъ, цѣлыхъ тысячелѣтій.

IV.

Противъ біологической теоріи «женскаго вопроса» возможны нѣкоторыя серьезныя возраженія: первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ вырожденіи европейской расы играетъ роль не одно отсутствіе нормальнаго подбора, а многіе другіе факторы, гораздо болѣе существенные, напримѣръ, экономическое положеніе рабочихъ массъ вообще, ихъ дурное питаніе и гигіеническія условія, особенно въ нѣкоторыхъ областяхъ производства.

Во-вторыхъ, слѣдуетъ вспомнить и такъ называемый «военный подборъ», т.-е. удаленіе изъ среды общества, а въ случаѣ войны, и значительное истребленіе самыхъ здоровыхъ, рослыхъ и сильныхъ мужчинъ.

Въ-третьихъ, дѣйствіе полового подбора такъ долго извращалось въ человѣчествѣ, что едва ли не исчезъ и самый инстинктъ, управляющій половымъ подборомъ, т.-е. заставлявшій самокъ, — у животныхъ иныхъ породъ,—избирать производителей, наиболѣе пригодныхъ для усовершенствованія вида. Правда, у нѣкоторыхъ художниковъ-беллетристовъ, напримѣръ, у нашего Тургенева, мы встрѣчаемъ нѣчто вродѣ доказательствъ того факта, что этотъ инстинктъ не выродился; такъ, напримѣръ, критика не разъ отмѣчала у Тургенева одну особенность, состоящую въ томъ, что степень нравственной и общественной высоты его героевъ—мужчинъ—почти всегда опредѣляется выборомъ героинь. Но у другихъ писателей, наприм., Л. Н. Толстого (вспомнимъ его Наташу), а также у Золя, Додэ, Поля Бурже и т. д. мы встрѣчаемся съ фактами противуположными. Въ *Физіологіи современной любви* Поля Бурже любовный выборъ, — по крайней мѣрѣ, теперешней парижанки,—рисуется такими мрачными красками, что я не рѣшаюсь даже передать моимъ читательницамъ содержаніе этой книги. Невольно вспоминаются при этомъ и нѣкоторые, такъ сказать, историческіе инциденты, говорящіе о неточности любовнаго инстинкта женщинъ; я имѣю

не можемъ не колебаться въ довѣріи къ его выводамъ, когда противуположное положеніе поддерживаетъ такой первоклассный авторитетъ, какъ Уоллесъ. Цифры, собранныя этимъ послѣднимъ, отличаются полною точностью. Но если бы истина была даже не на сторонѣ Уоллеса, это подрывало бы только одно изъ его возраженій противъ теоріи Мальтуса, а мы видѣли, что этихъ возраженій нѣсколько, и однимъ меньше, или больше—разница не велика.

въ виду брачныя невзгоды, которыя пережили Гарибальди, Пушкинъ, Байронъ и др. Наконецъ, каждому приходилось слышать отъ самихъ женщинъ, что ихъ чувство не всегда руководится въ своемъ выборѣ такими качествами, которыя имѣютъ что-либо общее съ высотою типа. Однимъ словомъ, едва ли кто-нибудь станетъ отрицать, по меньшей мѣрѣ, крайнюю случайность, неточность, неопредѣленность женскаго выбора. Самъ Тургеневъ говорилъ, что охотно отдалъ бы свой талантъ писателя за хорошій теноръ. Но есть и другія, такъ сказать, почти научныя соображенія противъ точности и цѣлесообразности пресловутаго полового подбора: развѣ въ животномъ царствѣ онъ способствовалъ эволюціи полезныхъ качествъ? Наоборотъ, мы у Дарвина же находимъ тысячи фактовъ, доказывающихъ, что этимъ факторомъ развитія созданы совершенно безполезныя, а иногда вредныя украшенія, какъ, наприм., перья райской птицы, мѣшающія ей летать, рога оленя, мѣшающіе ему спасаться въ лѣсахъ отъ преслѣдованія, пѣніе соловья, позволяющее хищникамъ легко отыскивать восторженнаго пѣвца, и т. д., и т. д.

Излишняя вѣра въ женскій выборъ опирается на метафизическое и мистическое понятіе о чувствѣ красоты. Дѣйствительно, если бы былъ вѣренъ взглядъ на красоту Платона или Шопенгауэра, то женскій инстинктъ красоты имѣлъ бы безспорное значеніе *).

Чувство красоты есть слѣпое, а не разумное, — случайное, а не телеологическое исканіе. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ чувствомъ голода или жажды, которыя заставляютъ искать пищи или питья, но не всегда подсказываютъ намъ точно и неизмѣнно о степени вреда или полезности того, что мы принимаемъ за пищу или питье; напримѣръ, чувство жажды не говоритъ намъ о томъ, нѣтъ ли въ водѣ, выпитой нами, холерныхъ бациллъ или тифозныхъ бактерій, чувство голода не предупредитъ насъ о томъ, нѣтъ ли въ принятой пищѣ какого-либо зараженія.

Остановимся на этомъ сравненіи нѣсколько подробнѣе, чтобы выяснить образованіе и значеніе инстинкта вообще и инстинкта красоты въ частности, какъ средства распознаванія (наприм., полезныхъ и вредныхъ веществъ). Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ дѣйствительно существуетъ

---

*) У Дарвина мы встрѣчаемъ доказательства, почти не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что чувство половой красоты обусловлено физіологически, главнымъ образомъ, двумя условіями: 1) потребностью новизны или перемѣны утомившихъ впечатлѣній и 2) незначительностью этой новизны или перемѣны, такъ сказать, *подготовленною новизной*. Потребность перемѣны или новизны обусловливается утомленіемъ нервовъ и нервныхъ центровъ однообразными впечатлѣніями, а незначительность или рѣзкость новизны опредѣляетъ разрушительнымъ дѣйствіемъ на мозгъ и нервную систему рѣзкихъ и неожиданныхъ перемѣнъ или неподготовленной новизны. Такимъ образомъ, въ основѣ чувства красоты всегда лежитъ условность, зависящая отъ предъидущихъ состояній (status quo ante...) и, стало быть, извѣстная доля консерватизма. Подробное развитіе этой теоріи читатели найдутъ въ моемъ этюдѣ: *Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты* (Спб., 1878 г.), гдѣ приведено нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ ее.

совпаденіе врожденныхъ нашихъ вкусовъ и отвращеній съ полезными или вредными свойствами предметовъ. Органы обонянія и нервы языка (или, вѣрнѣе, центры, соотвѣтствующіе имъ) являются въ значительномъ числѣ случаевъ хорошими руководителями полезной и вредной пищи. Но отчего это происходитъ? Въ сочиненіи Шарля Рише *L'homme et l'intelligence,* а также въ спеціальномъ по этому вопросу изслѣдованіи Schneider'a мы находимъ объясненіе этого явленія путемъ того же подбора: организмы, не обладавшіе подобнымъ совпаденіемъ, вымирали; обладавшіе же имъ, хотя бы случайно, переживали, плодились, развивая путемъ подбора это случайное совпаденіе въ настоящій инстинктъ.

Замѣчательный фактъ, подмѣченный Рише, подтверждаетъ его теорію; онъ состоитъ въ томъ, что подобныя ассоціаціи существуютъ въ насъ больше всего относительно тѣхъ веществъ, которыя могли быть извѣстны нашимъ предкамъ въ теченіе ихъ тысячелѣтней первобытной жизни. Что же касается вновь открытыхъ веществъ, т.-е. неизвѣстныхъ древнему человѣку въ своемъ чистомъ видѣ (хининъ, мышьякъ), то относительно ихъ полезнаго инстинкта не существуетъ; наприм., мышьякъ вреденъ, но пріятенъ на вкусъ, хининъ полезенъ, но отвратителенъ на вкусъ. Такимъ образомъ, опытное происхожденіе этого инстинкта несомнѣнно, но очевидна также и его относительность: для однихъ предметовъ онъ существуетъ, для другихъ нѣтъ.

То же слѣдуетъ сказать и объ инстинктѣ красоты. Онъ можетъ также носить въ себѣ плоды накопленія тысячелѣтняго опыта, хотя рядомъ съ этимъ въ немъ могутъ быть *пробѣлы* или ошибки относительно такихъ объектовъ, которые вновь порождены жизнью и не могли быть предметами древняго опыта. Такимъ образомъ, и здѣсь объясняется то, на первый взглядъ непонятное, явленіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя отрицать въ чувствѣ красоты элементовъ полезнаго инстинкта, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, онъ ведетъ къ нелѣпостямъ. Выходъ отсюда очевиденъ: нельзя слѣпо вѣрить исключительно этому инстинкту, какъ нельзя полагаться исключительно на вкусъ и обоняніе въ выборѣ пищи. Какъ въ этомъ случаѣ инстинктъ необходимо долженъ дополняться разумнымъ, научнымъ изслѣдованіемъ, такъ въ половомъ подборѣ инстинктъ или чувство красоты должны дополняться болѣе идеальнымъ, разумнымъ элементомъ: сознательнымъ этическимъ и соціологическимъ анализомъ или критикой встрѣченнаго объекта, примѣненіемъ къ нему критеріума, состоящаго изъ высшихъ этическихъ и общественныхъ идеаловъ, выработанныхъ данною эпохой. Но для того, чтобы женщина или дѣвушка могла употреблять въ дѣло этотъ критеріумъ, она должна стоять на высотѣ идеаловъ и знаній своей эпохи. А это немыслимо безъ высшаго образованія и развитія.

Вернемся теперь къ Уоллесу: онъ требуетъ высшаго образованія дѣвушекъ, которое ставило бы ихъ на высоту умственнаго уровня эпохи, и хотя и говоритъ, что образованіе будетъ дѣйствовать косвенно и на самый подборъ, т.-е. на идеалъ красоты, однако, главную его цѣль видитъ въ обезпеченіи для женщины извѣстнаго экономическаго благосостоянія,

гарантирующаго свободу ея выбора. Такимъ образомъ, тяжесть улучшенія расы оставляется все же на непосредственномъ женскомъ чувствѣ любви или избирающемъ инстинктѣ красоты,— однимъ словомъ, на безсознательномъ, неточномъ и шаткомъ влеченіи.

Мы уже упомянули въ началѣ статьи о совершенно противуположномъ взглядѣ на любовь одного изъ выдающихся современныхъ писателей, Генриха Ибсена: онъ не побоялся во многихъ изъ своихъ драмъ совершить попытку развѣнчанія любви, какъ непосредственнаго влеченія. По крайней мѣрѣ, для брака онъ требуетъ, чтобы женщина избирала не по слѣпому чувству, а руководилась разумнымъ, покойнымъ уваженіемъ, единствомъ убѣжденій и стремленій съ человѣкомъ, избраннымъ идти объ руку съ нею всю жизнь.

Кстати, мы видимъ здѣсь, какъ и въ разобранномъ выше взглядѣ Тургенева, образчикъ тѣхъ фактовъ, на которые опирается довольно распространенное мнѣніе, будто бы искусство обладаетъ пророческою силой и своими вдохновенными интуиціями можетъ даже забѣгать впередъ сравнительно съ научнымъ мышленіемъ и его методами. Мы здѣсь видимъ, что достоинство этихъ вдохновенныхъ интуицій весьма условно и представляетъ обычныя эмпирическія обобщенія: въ самомъ дѣлѣ, и Тургеневъ былъ *отчасти* правъ, указавъ значеніе инстинктивнаго выбора женской любви, подтвержденнаго потомъ дарвинизмомъ, но правъ также Ибсенъ, утверждающій, что инстинктивнаго выбора недостаточно, а потому совершенно исключающій любовь изъ числа руководителей, полезныхъ въ человѣческомъ подборѣ; вышеизложенныя научныя соображенія вполнѣ за него; на основаніи ихъ приходится сказать: да, чувство любви иногда угадываетъ, но иногда обманываетъ, а, слѣдовательно, оно такой критерій, на который нельзя полагаться; имъ приходится пользоваться только за неимѣніемъ лучшаго, съ постоянною опасностью ошибки. Но Ибсенъ идетъ и дальше: онъ требуетъ на этомъ основаніи, чтобы любовь никогда не лежала въ основѣ брачнаго союза, даже въ томъ случаѣ, если она соединена съ уваженіемъ. Въ одной изъ своихъ пьесъ онъ заставляетъ любящуюся пару разойтись, несмотря на взаимное уваженіе, единство убѣжденій и стремленій, только потому, что, кромѣ уваженія, существуетъ между ними и любовь. Подобный абсурдъ не выдерживаетъ, конечно, критики. Идеалъ брачнаго выбора состоитъ, конечно, въ сліяніи непосредственнаго инстинктивнаго влеченія съ высшими—санкціонированіемъ разума и разумныхъ этическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, пресловутое ясновидѣніе искусства, повторяемъ, не безусловно: оно создается быстрымъ, вдохновеннымъ обобщеніемъ, но въ основѣ его все же лежатъ факты, оно также опирается на опытъ, какъ и всякое обобщеніе, какъ и самый инстинктъ, какъ и самая любовь съ ея влеченіями, которыя намъ кажутся безсознательнымъ ясновидѣніемъ; давно пора спустить съ облаковъ это обоготвореніе слѣпого чувства, слѣпыхъ интуицій и мистическихъ «проникновеній», которыя у насъ въ Россіи въ послѣднее время вновь начинаютъ пріобрѣтать во всѣхъ областяхъ опасное господство. Чтобы не оставлять въ умѣ читателя ни малѣйшаго сомнѣнія объ истин-

номъ реальномъ значеніи всѣхъ такихъ ясновидѣній чувства, разсмотримъ еще ближе ошибку діаметрально-противуположныхъ выводовъ Тургенева и Ибсена, построенныхъ на одномъ и томъ же методѣ—художественной интуиціи. Тургеневъ взялъ уже выработанные, высшіе типы женщинъ, какъ, наприм., Елену въ *Наканунѣ*. Ея чувство красоты могло быть вѣрнымъ не потому, что оно «чувство», а чувство не ошибается, а потому, что она усвоила себѣ высшіе этическіе и соціальные идеалы. Но, вѣдь, далеко не многія женщины стоятъ на высотѣ такихъ идеаловъ, поэтому-то и не всякое чувство любви и красоты носитъ въ себѣ элементы соціальныхъ и этическихъ критеріевъ для различенія высшаго типа. Развѣ не на нашихъ глазахъ идеаломъ женщинъ и дѣвушекъ былъ офицеръ, потомъ инженеръ, хотя бы и изъ кукуевцевъ? Да развѣ и теперь въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, не тронутыхъ высшею умственною культурой, идеалы красоты не представляютъ переживанія «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма»?

Только высшіе идеалы разума и науки остаются незыблемыми въ теченіе вѣковъ, среди мятущихся потоковъ волнующагося человѣческаго океана. А въ это время жалкіе и измѣнчивые идеалы красоты и еще болѣе жалкіе идеалы моды, какъ продуктъ чистой случайности многообразныхъ совпаденій, носятся по этому морю житейскому, бросая челноки отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ то въ бездну реакціи, то на подводные камни одностороннихъ и узкихъ увлеченій, начиная съ увлеченія новымъ покроемъ платья и кончая разными «измами», вродѣ «милитаризма», «націонализма», «пессимизма» и т. п.

Возвращаясь вновь къ любви, какъ къ орудію подбора, могущему служить будто-бы улучшенію расы, я полагаю, что подборъ будетъ тѣмъ ближе къ наиболѣе правильному критерію, чѣмъ больше неразумный инстинктъ и слѣпое влеченіе будутъ вытѣсняться въ человѣчествѣ, если и не чистымъ разумомъ, то хотя бы чувствованіями высшаго типа,—чувствованіями этическими и соціальными. У человѣка должны быть и критеріумы человѣчные.

Отсюда очевидно также, что мнѣніе большинства, полагающаго, будто бы для женщины достаточно одного эстетическаго образованія, не вѣрно: мы уже показали, что эстетическій критерій, тѣсно связанный съ условіями мѣста и времени, узко-субъективенъ и случаенъ. Быть можетъ, наступитъ время, когда эстетическое чувство станетъ на высоту этическаго идеала и оба эти инстинкта сплавятся въ одно неразрывное цѣлое, но до этого еще далеко. Для этого сами этическіе идеалы должны перестать быть идеалами, т.-е. должны сдѣлаться насущною потребностью, второю натурой. При такихъ условіяхъ будутъ справедливы заключительныя слова Уоллеса: «Когда нашими поступками будетъ руководить разумъ, справедливость и стремленіе къ общему благу... когда мы рѣшимъ задачу разумной организаціи общества... тогда мы можемъ предоставить рѣшеніе болѣе важной и трудной задачи—улучшенія расы—умственно-развитымъ и чистымъ душой женщинамъ будущаго».

Л. Е. Оболенскій.

Крестьянская колонизація въ Сыръ-Дарьинской области.

Давно уже было отмѣчено, что однимъ изъ послѣдствій неурожайныхъ лѣтъ является усиленіе переселенческаго движенія изъ центральныхъ мѣстностей Европейской Россіи; два послѣдніе неурожайные годы съ особенною яркостью подтверждають это. Несмотря на усиленныя законодательныя и административныя ограниченія переселенческаго движенія 90-хъ годовъ, оно въ эти-то годы и возросло съ особенною силой. Если еще въ 80-хъ годахъ переселенцевъ восточнаго направленія едва насчитывали по 50 тысячъ въ годъ, то въ 1891 и 1892 годахъ эта цифра по меньшей мѣрѣ удвоилась. Все усиливающійся переселенческій потокъ обратилъ на себя вниманіе правительства, общества и печати. Въ послѣдніе годы появилось не мало книгъ и статей о переселеніяхъ крестьянъ, но, въ большинствѣ случаевъ, ихъ авторы касались одной какой-либо стороны переселенческаго движенія (особенно излюбленною темой были неудачные случаи переселенія) и вообще располагали незначительнымъ матеріаломъ. Правда, у всѣхъ на памяти поучительныя данныя тюменьской и томской переселенческихъ станцій, работы гг. Чудновскаго и Голубева объ алтайскихъ переселенцахъ, но эти и подобные имъ основательныя данныя по переселенческому вопросу почти исключительно касались западно-сибирскихъ переселеній, куда дѣйствительно и направляется наиболѣе сильный переселенческій потокъ. Появилась также интересная работа по эмиграціонному движенію изъ одной губерніи Царства Польскаго въ Америку, переселеніе же въ южную часть нашихъ азіатскихъ владѣній мало обращало на себя вниманія. А, между тѣмъ, съ середины 80-хъ годовъ нѣкоторая часть переселенцевъ, перевэливъ за Уральскій хребетъ, отъ Оренбурга круто поворачиваетъ на югъ и направляется къ бассейну Сыръ-Дарьи. Въ 1891 году мѣстный статистическій комитетъ поставилъ на очередь вопросъ объ изученіи экономической стороны русской колонизаціи въ Туркестанскомъ краѣ, а въ вышедшемъ въ 1892 году *Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области* появилась интересная статья г. Гейера, секретаря комитета, подводящая итоги всему собранному матеріалу по этому вопросу и озаглав-

ленная такъ же, какъ и предлагаемая замѣтка. Пользуясь, главнымъ образомъ, трудомъ г. Гейера, мы и имѣемъ въ виду познакомить читателя съ результатами недавно начавшагося переселенческаго движенія въ богатую отъ природы, но требующую значительныхъ усилій и отъ человѣка Сыръ-Дарьинскую область.

Прежде чѣмъ говорить о переселенцахъ Сыръ-Дарьинской области, г. Гейеръ даетъ нѣкоторое понятіе о естественныхъ условіяхъ области и о тѣхъ характерныхъ особенностяхъ, съ какими приходится считаться всякому прибывающему туда новоселу. Послѣдуемъ и мы за нимъ.

Громадныя незаселенныя пространства Сыръ-Дарьинской области, состоящія изъ плодородныхъ лёссовыхъ и черноземныхъ почвъ, представляютъ собой почти неистощимый источникъ почвенной энергіи. Каждую весну обширныя степи покрываются густою и сочною травой, обезпечивающею не только разведеніе скота съ сельско-хозяйственными цѣлями, но и скотоводство кочевниковъ. Подъ вліяніемъ избытка солнечныхъ лучей и влаги строевой лѣсъ выростаетъ здѣсь въ 10—15 лѣтъ. Несмотря на то, что почва Сыръ-Дарьинской области никогда не видала удобренія, что сколько-нибудь тщательная обработка плугомъ никогда ея не касалась, урожай пшеницы и ячменя самъ 7—8, а проса—самъ 30—40 считается среднимъ. Послѣ озимыхъ, убираемыхъ здѣсь въ іюнѣ, сѣютъ просо, разводятъ бахчи. Люцерна, разъ посѣянная, косится въ теченіе 8 лѣтъ, по 3—4 раза въ лѣто. Но такіе прекрасные сельско-хозяйственные результаты получаются лишь при условіи искусственнаго орошенія, такъ какъ съ апрѣля по сентябрь на небѣ не видно ни облачка, и ростъ посѣвовъ находится въ полнѣйшей зависимости отъ ирригаціонныхъ каналовъ, открываемыхъ и замыкаемыхъ земледѣльцемъ по мѣрѣ необходимости.

Многоводная Сыръ-Дарья и многочисленныя горныя рѣчки представляютъ собой богатые источники ирригаціонной воды для сотенъ тысячъ десятинъ тучнаго лёсса и чернозема, способнаго производить здѣсь не только различные злаки, фрукты, виноградъ, но и хлопчатникъ, составляющій уже и теперь главный предметъ отпускной торговли изъ южныхъ частей области. Въ настоящее время утилизирована лишь ничтожная доля водъ, годныхъ для ирригаціи, и сотни тысячъ десятинъ плодороднѣйшей почвы лежатъ впустѣ, ожидая оросительныхъ работъ. Уже и въ настояще время частными усиліями отдѣльныхъ лицъ и обществъ происходитъ медленное, но постепенное увеличеніе культурной площади при помощи улучшенія существующей ирригаціонной сѣти; но для болѣе крупнаго расширенія агри культурной площади необходимы сооруженія новыхъ оросительныхъ каналовъ, требующія затраты значительныхъ средствъ и правительственной помощи.

Уже и изъ приведенныхъ краткихъ данныхъ о земледѣльческихъ условіяхъ въ Сыръ-Дарьинской области можно видѣть, какъ благопріятно обставленъ здѣсь земледѣльческій промыселъ, но для успѣшнаго веденія хозяйства новоселъ долженъ съумѣть приспособиться къ своеобразнымъ пріе

камъ мѣстной земледѣльческой культуры и, главнымъ образомъ, къ пріемамъ искусственнаго орошенія. Новоселу приходится не только изучить всѣ тонкости проведенія оросительныхъ водъ изъ главнаго русла на свои поля, но и обработать каждый клочокъ земли такимъ образомъ, чтобы ирригаціонныя воды получили свободный доступъ къ каждому корню посѣянныхъ растеній. Мало того, тѣ же самыя благодатныя, но своеобразныя условія мѣстнаго климата, которыя такъ благопріятны для труда земледѣльца, вынуждаютъ его изыскивать всевозможныя средства, чтобы смягчать воздѣйствіе факторовъ южнаго континентальнаго климата на его собственный организмъ. Чрезвычайно высокая температура лѣта ослабляющимъ образомъ дѣйствуетъ на организмъ земледѣльца и вообще на работающаго на воздухѣ. Туземецъ, приспособившійся къ вліянію климата, выработалъ своеобразныя орудія труда, обращеніе съ которыми требуетъ особаго навыка. Почти вертикальные солнечные лучи при обычныхъ русскихъ пріемахъ землекопнаго, плотничьяго и кузнечнаго труда вызываютъ солнечные удары, и вотъ туземецъ выработалъ особый типъ лопаты-топора (китмень); съ помощью этого своеобразнаго орудія земляныя работы можно производить съ сравнительно меньшимъ напряженіемъ, чѣмъ при работѣ лопатой и не сгибая туловища. Подобное же приспособленіе наблюдается и у сыръ-дарьинскихъ плотниковъ: съ помощью своего топора на длинной ручкѣ они могутъ работать, не сгибая спины, что въ значительной степени умаляетъ возможность приливовъ крови къ головѣ. Кузнецъ такъ приспособляетъ свою кузницу, что не только онъ самъ, но и молотобойцы производятъ всѣ свои манипуляціи сидя и т. д. Со всѣми этими и многими другими условіями и пріемами мѣстной работы не всякому новоселу удастся скоро освоиться, а отъ этого въ значительной степени зависитъ и самый успѣхъ его водворенія на новомъ мѣстѣ.

Посмотримъ теперь, какъ устраиваются переселенцы въ Сыръ-Дарьинской области. Среди здѣшнихъ новоселовъ рѣзко выдѣляются три категоріи.

Къ первой категоріи относятся бывшіе солдаты, оставшіеся въ области по окончаніи службы и получившіе земельные надѣлы. Этотъ типъ переселенцевъ, какъ колонизаторскій элементъ, не имѣетъ никакого значенія. Получивъ надѣлъ и денежное пособіе отъ казны, отставные солдаты обыкновенно сдаютъ свою землю на испольныхъ началахъ киргизамъ, поселяются въ одномъ изъ подгородныхъ селеній (с. Никольское, въ 6 верстахъ отъ Ташкента); молодежь пристраивается въ купеческихъ конторахъ и магазинахъ, а старики ухаживаютъ за молочнымъ скотомъ и разводятъ птицу на продажу въ городъ. Живутъ они, какъ достаточные мѣщане, устраивая свои дома въ 3, 4 и даже 5 комнатъ, на манеръ городскихъ.

Вторая категорія переселенцевъ имѣетъ гораздо большее значеніе въ качествѣ мѣстныхъ колонизаторовъ. Сюда могутъ быть отнесены всѣ семьи, водворившіяся въ Сыръ-Дарьинской области послѣ цѣлаго ряда скитаній. Въ большинствѣ случаевъ эта категорія новоселовъ состоитъ изъ бывшихъ дворовыхъ Воронежской, Астраханской, Харьковской, Самарской и другихъ

южныхъ губерній. Освобожденные отъ крѣпостной зависимости безъ земельнаго надѣла, они сначала пытались устроиться въ многоземельныхъ южныхъ губерніяхъ, главнымъ образомъ, въ землѣ Войска Донского и послѣ цѣлаго ряда неудачъ и тяжелыхъ скитаній, лишь къ серединѣ 80-хъ годовъ они добрались въ Сыръ-Дарьинскую область, гдѣ, повидимому, и осѣли окончательно. Переселенцамъ этого типа приходилось очень нелегко вначалѣ ихъ поселенія въ области. Хотя естественныя условія довольно близко подходили здѣсь къ натурѣ и привычкамъ южно-русскаго крестьянина, но имъ приходилось кореннымъ образомъ измѣнять пріемы земледѣльческой культуры своей родины и приниматься за совершенно новое для нихъ дѣло искусственнаго орошенія. Единственными учителями въ пріемахъ мѣстной культуры могли быть для первыхъ переселенцевъ лишь туземцы, враждебно настроенные и не знавшіе русскаго языка. Весьма понятно, что первые новоселы разсматриваемаго второго типа, успѣвшіе уже во время скитаній размыкать свои физическія силы и скудныя матеріальныя средства, отличались непосѣдливостью и не скоро оправлялись. Только теперь, послѣ 7—8 лѣтъ водворенія ихъ въ Сыръ-Дарьинской области, матеріальное благосостояніе ихъ упрочилось: они имѣютъ на семью до 7—8 десятинъ запашки, около 5—6 головъ крупнаго и столько же мелкаго скота. Правда, они и въ настоящее время нерѣдко живутъ въ теплыхъ, но сырыхъ и полутемныхъ землянкахъ, которыя не угнетаютъ ихъ послѣ четверть-вѣковой бивуачной жизни; впрочемъ, теперь уже эти грязныя конуры, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, уступили мѣсто чистымъ и свѣтлымъ избамъ.

Третья категорія переселенцевъ, состоящая изъ семей, прибывающихъ въ Сыръ-Дарьинскую область за послѣднее время прямо съ родины, оказывается въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ и устраивается на новомъ мѣстѣ довольно быстро. Эти переселенцы идутъ сюда по проторенной дорогѣ, довольно хорошо знакомые съ ожидающими ихъ условіями. Имъ не приходится доходить собственнымъ умомъ до пріемовъ мѣстной культуры и обращенія съ мѣстными орудіями труда, не приходится отыскивать рынковъ для продажи продуктовъ своего труда и для пріобрѣтенія необходимаго,—со всѣмъ этимъ весьма охотно знакомитъ ихъ уже осѣвшее здѣсь и оріентировавшееся въ мѣстныхъ условіяхъ русское населеніе. Ограниченность собственныхъ средствъ и казеннаго пособія не даетъ возможности новоселу въ первый же годъ выстроить себѣ удобную избу и необходимыя службы; ему приходится жить на первое время въ сырой избѣ, иногда землянкѣ, дѣлить свое помѣщеніе съ лошадью, но все это не особенно удручаетъ новосела, полнаго силъ и надеждъ. Онъ видитъ, что его сосѣди, поселившіеся здѣсь точно такъ же, какъ и онъ, въ два-три года достигли благосостоянія, и онъ тоже не сомнѣвается въ своемъ скоромъ экономическомъ возрожденіи.

Тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто (лучше всего не позже іюля) новоселъ спѣшитъ сдѣлать озимый посѣвъ, такъ какъ отъ этого зависитъ все его будущее; затѣмъ онъ уже приступаетъ къ устройству избы, обыкновенно

изъ сырцоваго кирпича. Кроются эти избы, какъ и туземныя постройки, камышомъ, обмазаннымъ глиной. Благодаря этому, пожары здѣсь крайне рѣдки. Послѣ взмета озимаго и устройства избы дальнѣйшая судьба переселенца находится въ значительной зависимости отъ той мѣстности Сыръ-Дарьинской области, гдѣ онъ поселился.

Обыкновенно новоселы поселяются въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области: въ Ташкентскомъ, Чимкентскомъ или Аулiэатинскомъ, значительно отличающихся другъ отъ друга по естественнымъ условiямъ, а, главное, по своему положенiю относительно рынковъ сбыта. Наиболѣе отдаленный отъ Ташкента, этого оживленнаго мѣстнаго рынка, Аулiэатинскiй уѣздъ даетъ прекрасные урожаи хлѣбовъ, но отсутствiе прочнаго спроса на нихъ понижаетъ ихъ цѣнность: такъ, напримѣръ, наиболѣе цѣнный изъ зерновыхъ продуктовъ—пшеница—падаетъ здѣсь до 20—25 к. за пудъ. Весьма понятно, что для добыванiя денегъ, необходимыхъ для удовлетворенiя различныхъ потребностей, переселенцу Аулiэатинскаго уѣзда приходится прибѣгать къ побочнымъ промысламъ, въ особенности къ разведенiю скота для продажи. Благодаря этому, у аулiэатинскихъ переселенцевъ количество скота значительно больше, чѣмъ то необходимо для земледѣльческаго промысла, тѣмъ болѣе, что и мѣстныя условiя вполнѣ благопрiятствуютъ этому. Въ среднемъ на дворъ здѣсь приходится больше 8 головъ крупнаго скота.

Значительно въ иныхъ условiяхъ находятся новоселы Ташкентскаго уѣзда, лежащаго значительно южнѣе Аулiэатинскаго. Тѣ же благопрiятныя условiя земледѣльческой культуры существуютъ и здѣсь, но здѣсь вполнѣ удается разведенiе хлопчатника, имѣющаго громадный спросъ на мѣстномъ рынкѣ и прекрасно оплачивающаго трудъ земледѣльца. Мы увидимъ далѣе, какъ охотно берутся мѣстные крестьяне за воздѣлыванiе хлопчатника, который даетъ значительныя денежныя средства и позволяетъ имъ не прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ, сосредоточивая свой трудъ, главнымъ образомъ, на земледѣлiи. Даже разведенiе скота на продажу здѣсь почти отсутствуетъ, такъ что, несмотря на значительный достатокъ здѣшняго поселенца, среднее количество скота, приходящееся на дворъ, не превышаетъ $3^1/_2$ головъ, т.-е. слишкомъ вдвое меньше, чѣмъ у аулiэатинскаго переселенца.

Чимкентскiй уѣздъ, какъ по своему географическому положенiю, такъ и по условiямъ сбыта, занимаетъ среднее мѣсто между Аулiэатинскимъ и Ташкентскимъ уѣздами. Въ южной части Чимкентскаго уѣзда ростетъ виноградъ и могутъ разводиться грубые сорта хлопка; разстоянiе всѣхъ мѣстностей его территорiи значительно ближе къ Ташкенту, главному рынку мѣстныхъ продуктовъ, чѣмъ въ отдаленномъ отъ него на сотни верстъ Аулiэатинскомъ уѣздѣ. Понятно, что положенiе новоселовъ Чимкентскаго уѣзда въ отношенiи сбыта земледѣльческихъ продуктовъ значительно болѣе удобно, чѣмъ аулiэатинскаго переселенца, и чимкентскiе крестьяне довольно выгодно продаютъ свою пшеницу,—даже на мѣстномъ рынкѣ она ходко идетъ по 45—50 коп. за пудъ. По размѣру скотоводства чимкентскiе пе-

реселенцы занимаютъ также среднее положеніе между переселенцами Ташкентскаго и Ауліэатинскаго уѣздовъ, ближе подходя къ послѣднимъ: на средній дворъ чимкентскаго новосела приходится около 7 головъ крупнаго скота.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ общаго экономическаго достатка сыръ-дарьинскихъ переселенцевъ, скажемъ нѣсколько словъ о мѣстныхъ менонитскихъ колоніяхъ и о томъ, какъ русскій новоселъ приспособляется къ совершенно необычнымъ для него мѣстнымъ земледѣльческимъ и сельско-хозяйственнымъ условіямъ вообще.

Менонитскихъ колоній здѣсь всего 5, и все населеніе ихъ немного превышаетъ 500 человѣкъ, тѣмъ не менѣе, онѣ не могли не обратить на себя вниманія изслѣдователя. Всѣ эти менонитскія поселенія расположены въ Ауліэатинскомъ уѣздѣ. По словамъ г. Гейера, «строй соціальной жизни менонитовъ, вытекающій изъ ихъ религіозныхъ воззрѣній, наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ ихъ экономическое развитіе. Обязательная грамотность, трудолюбіе и строгое отношеніе къ работѣ дѣлаетъ ихъ сознательными тружениками, и матеріальный достатокъ каждой семьи стоитъ несравненно выше любого богатѣя русской деревни. Въ рѣдкой избѣ нѣтъ газеты». Впрочемъ, эти газеты, издающіяся американскими менонитами, трактуютъ, главнымъ образомъ, о религіозныхъ вопросахъ и вообще крайне односторонни.

Все населеніе менонитскихъ колоній, за исключеніемъ малолѣтнихъ, грамотно. Въ каждомъ селеніи есть школа, содержащаяся на средства самого населенія. Въ этихъ школахъ дѣти обучаются не только закону Божію и нѣмецкому языку, но и ариѳметикѣ, географіи и русскому языку.

Хозяйство менонитовъ и въ особенности скотоводство ихъ ведется образцово. По выраженію г. Гейера, «наблюдательный умъ русскаго крестьянина смиряется передъ сельско-хозяйственными способностями менонита». Русскіе новоселы увѣрены, что имъ нельзя тянуться за нѣмцемъ,—«у него всякая свинья свою щель знаетъ». И это выраженіе дѣйствительно очень характерно для строго-разсчитаннаго свиноводства менонитовъ.

Но, несмотря на смиреніе русскаго крестьянина, онъ и самъ далеко не такъ инертенъ, какъ обыкновенно привыкли думать о немъ. Совершенно напротивъ: «усиленное стремленіе русскаго крестьянина приспособиться къ новымъ условіямъ его быта,—по свидѣтельству г. Гейера,—замѣчается въ каждомъ его шагѣ». Да и въ самомъ дѣлѣ русскій новоселъ не только усвоилъ себѣ пріемы мѣстной земледѣльческой культуры и орошенія, выучился работать туземною лопатой-китменемъ, топоромъ съ длинною рукояткой, устраивать по туземному кузницы и т. д., но онъ и самъ стремится приспособить свое хозяйство къ требованіямъ мѣстнаго спроса, и это удается ему, несмотря на то, что русскія туркестанскія поселенія едва насчитываютъ десять лѣтъ своего существованія. Въ однихъ селеніяхъ новоселы занялись откармливаніемъ скота, такъ какъ скупщики и Ферганской области предпочитаютъ сравнительно хорошо выкормленный скотъ русскаго кресть-

янина воспитанному на скудномъ подножномъ корму туземцевъ. Вблизи ташкентскаго базара крестьяне занялись свиноводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ; въ одномъ изъ селеній Аулiэатинскаго уѣзда крестьяне усиленно культивируютъ овесъ, такъ какъ мѣстный рынокъ предъявляетъ на него усиленный спросъ; въ другомъ селѣ того же уѣзда крестьяне, ограничивая посѣвъ хлѣба потребностями семьи, стали улучшать свои сѣнокосы, такъ какъ требованіе на сѣно дѣлаетъ выгоднымъ заготовленіе его въ большихъ количествахъ. Но особенно интересна въ этомъ отношеніи культура хлопчатника въ Ташкентскомъ уѣздѣ, въ селѣ Срѣтенскомъ.

Основанное всего 4 года назадъ, с. Срѣтенское избрало главнымъ предметомъ своей культуры хлопчатникъ, и его экономическое развитіе шло необычайно быстро. Въ 1891 году въ немъ насчитывалось 123 двора и всѣ устроились не только удовлетворительно, но и съ нѣкоторымъ комфортомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что крестьянинъ здѣсь не терпитъ нужды въ денежныхъ средствахъ. Хорошо обстроенныя усадьбы, чистые, просторные и свѣтлые домики производятъ самое благопріятное впечатлѣніе. Во многихъ избахъ встрѣчается гнутая вѣнская мебель, часы, швейныя машины и т. п. Срѣтенцы воздѣлываютъ до 600 десятинъ хлопчатника, перерабатываютъ его въ волокно и тотчасъ же сдаютъ фирмѣ «Большая ярославская мануфактура», охотно поощряющей культуру хлопка крестьянами. Этой фирмѣ представляется весьма выгоднымъ получать изъ первыхъ рукъ до 100,000 пуд. хлопка, не платя за это посредникамъ, и она весьма охотно выдаетъ крестьянамъ по осени, за ихъ круговою порукой, крупныя ссуды подъ урожай будущаго года. Крестьяне обязываются за это не только уплатить ссуду собраннымъ хлопкомъ, но и весь остальной свой урожай хлопка они должны сдавать той же фирмѣ по рыночной цѣнѣ. Въ первые годы ссуды подъ хлопокъ дѣлались безъ процентовъ; теперь же при выдачѣ ссуды учитываются 8 годовыхъ процентовъ.

Очевидно, поощреніе ярославской мануфактуры къ производству хлопка основывается на значительной пользѣ отъ этого для самой фирмы; срѣтенцамъ же имѣть такой, сравнительно дешевый, кредитъ болѣе чѣмъ кстати. Если бы ирригаціонныя условія Ташкентскаго уѣзда улучшились, то и срѣтенцы могли бы засѣвать хлопкомъ вдвое бо̀льшее количество десятинъ, и другія селенія могли бы послѣдовать ихъ примѣру, такъ какъ ярославская мануфактура, а, можетъ быть, и другія фирмы охотно распространили бы свой кредитъ и на селенія, вновь примыкающія къ культурѣ хлопчатника.

Чтобы закончить характеристику экономическихъ условій переселенцевъ Сыръ-Дарьинской области, отмѣтимъ, что вообще крестьяне, поселяясь здѣсь, быстро поправляются. Хотя, въ большинствѣ случаевъ, они въ первое время и терпятъ нужду въ денежныхъ знакахъ, но за то остальныя условія стоятъ значительно выше тѣхъ, какія окружали ихъ на родинѣ. Въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ, но успѣвшихъ сдѣлать свой посѣвъ, пшеничный хлѣбъ составляетъ обычную пищу, а во многихъ селеніяхъ чуть не каждая семья имѣетъ до 500 пуд. запаснаго хлѣба; есть семьи съ запасами пшеницы по

тысячѣ и болѣе пудовъ: не желая продавать по 20—25 к. за пудъ, онѣ выжидаютъ болѣе высокихъ цѣнъ.

Сколько-нибудь правильная колонизація Сыръ-Дарьинской области началась здѣсь лишь съ 1884 года, а въ настоящее время въ Ташкентскомъ, Чимкентскомъ и Аулієатинскомъ уѣздахъ уже образовалось 47 русскихъ селеній, съ 16,000 душъ. Въ четырехъ селеніяхъ уже выстроены церкви, еще въ двухъ приступлено къ постройкѣ каменныхъ церквей. Почти во всѣхъ селеніяхъ устроены школы; ихъ нѣтъ лишь въ только что возникающихъ поселкахъ, гдѣ крестьяне всецѣло заняты подготовленіемъ для себя жилищъ на зиму. Въ восьми селеніяхъ имѣются фельдшерскіе пункты съ аптеками при нихъ.

Въ одномъ изъ сентябрскихъ приказовъ 1892 года военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области такимъ образомъ характеризуетъ успѣхи мѣстной колонизаціи: «Какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны устроенныя въ области селенія представляютъ утѣшительную картину. Статистическими изслѣдованіями 1891 года доказано, что многіе изъ крестьянъ владѣютъ довольно значительнымъ количествомъ скота, а запасы хлѣба съ избыткомъ обезпечиваютъ ихъ потребности, причемъ есть хозяйства, у которыхъ хранится свыше 500 пуд. хлѣба на черный день. Нѣкоторые стали заниматься посѣвомъ хлопка, завели улучшенные сорта фруктовыхъ деревьевъ, имѣютъ мельницы, сукновальни и пр. Матеріальное довольство крестьянъ и, какъ слѣдствіе его, душевное спокойствіе вызываютъ въ нихъ стремленіе къ обученію дѣтей грамотѣ. Поэтому всѣ народныя школы имѣютъ число учащихся, превышающее штатную норму».

Такого рода успѣхи Сыръ-Дарьинской колонизаціи, при крайне скудныхъ средствахъ областной администраціи для помощи переселенцамъ, нельзя не признать блестящими. Богатая природа края дѣлаетъ свое дѣло, и, тѣмъ не менѣе, для дальнѣйшихъ успѣховъ въ заселеніи Туркестана совершенно необходима дѣятельная помощь государства.

Новоселы Сыръ-Дарьинской области еще не настолько окрѣпли, чтобы безъ правительственной помощи могли заводить въ своихъ селеніяхъ школы, фельдшерскіе пункты и аптеки; помимо ограниченности матеріальныхъ средствъ, въ этихъ молодыхъ обществахъ духъ солидарности между отдѣльными членами слишкомъ слабо развитъ. Необходимо создать центръ, къ которому бы тяготѣли интересы каждаго члена общества; такими центрами могли бы быть, по мнѣнію г. Гейера, общественные хлѣбные магазины. Чрезвычайно важно также избавить новосела отъ тяжелыхъ послѣдствій конокрадства: зло это весьма развито въ этой странѣ кочевниковъ. Безъ административной помощи уничтожить конокрадство чрезвычайно трудно, тогда какъ достаточно объявить киргизскимъ auламъ, окружающимъ русскія поселенія, что за каждую пропавшую лошадь они должны будутъ уплачивать потерпѣвшему ея стоимость, чтобы конокрадство значительно утихло. Очень важно также произвести точное отмежеваніе границъ каждаго поселка. Но самая существенная помощь, въ какой особенно нуждаются поселенцы Туркестана, это—прави-

тельственныя ирригаціонныя сооруженія. Безъ такого рода сооруженій, судя по тому же цитированному выше приказу военнаго губернатора области, дальнѣйшая колонизація края должна быть пріостановлена. Дѣло въ томъ, что неурожай въ 1891 году въ губерніяхъ Европейской Россіи, усиливъ выселенія изъ нихъ вообще, выслалъ не мало переселенцевъ и въ Сыръ-Дарьинскую область. Усиленный приливъ колонизаціоннаго элемента въ концѣ 1891 и въ началѣ 1892 годовъ захватилъ всѣ орошенныя земли, бывшія въ распоряженіи мѣстной администраціи. Вслѣдствіе этого, впредь до сооруженія новыхъ или до возстановленія старыхъ оросительныхъ каналовъ отводить земли подъ новыя поселенія безъ стѣсненія туземнаго населенія не представляется возможнымъ.

А, между тѣмъ, только въ предѣлахъ Ташкентскаго и Чимкентскаго уѣздовъ утилизаціей водъ Сыръ-Дарьи можно призвать къ жизни до 365,000 дес. плодородной почвы. Но главнымъ мѣстомъ будущаго развитія земледѣльческой культуры края будетъ, несомнѣнно, такъ называемя Голодная степь. Здѣсь уже на средства частнаго лица ведется оросительный каналъ, который долженъ оживить до 126,000 дес. плодороднаго лёсса, позволяющаго культивировать самыя цѣнныя мѣстныя растенія. Если для частнаго лица возможно получить здѣсь такіе цѣнные результаты, то съ помощью государства оросительныя работы и заселеніе Туркестанскаго края могутъ въ самый короткій срокъ пробудить массу дремлющихъ силъ богатой природы и, благодаря разведенію хлопчатника, весьма существеннымъ образомъ повліять на развитіе промышленной жизни всего Русскаго государства.

В. Григорьевъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Что говорилось на международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ.

Съ 7 по 14 августа нов. ст. Брюссель гостепріимно принималъ въ своихъ стѣнахъ представителей различныхъ національностей, съѣхавшихся съ различныхъ концовъ образованнаго міра на 3-й международный уголовно-антропологическій конгрессъ, который организовался и велъ свои работы подъ особымъ покровительствомъ бельгійскаго правительства. Двѣ особенности отличали этотъ конгрессъ отъ двухъ предшествовавшихъ.

Большинство правительствъ прислало на конгрессъ своихъ оффиціальныхъ представителей. Король Леопольдъ присутствовалъ на одномъ изъ его засѣданій, а бельгійскій министръ юстиціи M. Le Leune все время съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ за его работами и принималъ участіе почти во всѣхъ его засѣданіяхъ, какъ утреннихъ, такъ и вечернихъ. Большимъ вниманіемъ пользовались засѣданія конгресса и со стороны другихъ членовъ бельгійскаго правительства и высшей администраціи. Все это, само по себѣ, конечно, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого значенія для научной цѣнности работъ конгресса; цѣнность эта опредѣляется исключительно ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Но все это указываетъ на успѣхи, достигнутые уголовною антропологіей во мнѣніи большой публики.

Правительства, какъ представители всѣхъ слоевъ общества, находятся подъ вліяніемъ мнѣній этой публики. Они никогда не идутъ и не могутъ идти въ уровень съ развитіемъ научныхъ взглядовъ и обыкновенно значительно запаздываютъ съ своими признаніями. Послѣднія даются лишь тогда, когда работа распространенія извѣстныхъ научныхъ взглядовъ въ широкой общественной средѣ сравнительно далеко подвинулась впередъ. Поэтому присылка большинствомъ правительствъ своихъ оффиціальныхъ представителей на конгрессъ ясно показала, что уголовная антропологія пережила тотъ періодъ, когда она считалась результатомъ работъ немногихъ ученыхъ-оригиналовъ и людей, увлекающихся крайними взглядами, и что за ея ученіями признано не только теоретическое, но и практическое значеніе.

Послѣднее особенно важно потому, что уголовная антропологія есть

наука, которая по самому ея существу должна находиться въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ практикой и должна направлять послѣднюю. Преступленіе, прежде всего, общественное явленіе и, какъ таковое, оно нуждается въ различныхъ общественныхъ воздѣйствіяхъ, которыя возможны лишь подъ условіемъ широкаго распространенія вѣрныхъ понятій о его природѣ въ обширныхъ кругахъ общества. Преступленія подготовляются и совершаются въ общественной средѣ и представляютъ собою только болѣе рѣзко выраженныя и потому сильнѣе бьющія въ глаза послѣдствія различныхъ общественныхъ настроеній, нарушающихъ правильное теченіе общественной жизни, которая подвергается нарушеніямъ и со стороны множества другихъ, менѣе рѣзко выраженныхъ, но въ существѣ однородныхъ явленій.

На тѣ же успѣхи уголовной антропологіи указывало и присутствіе на конгрессѣ представителей многихъ ученыхъ обществъ и академій наукъ, какъ, наприм., парижскаго антропологическаго и медико-психологическаго обществъ, французскаго общества судебной медицины, бельгійскаго общества соціальныхъ и политическихъ наукъ, брюссельскаго королевскаго общества медицинскихъ и естественныхъ наукъ, бельгійской королевской академіи наукъ и пр., а также и присутстіе на конгрессѣ многихъ профессоровъ уголовнаго права, членовъ судебной магистратуры, высшей администраціи, адвокатовъ и даже духовныхъ. Конгрессъ, какъ справедливо замѣтилъ д-ръ Semol, представлялъ «блестящую побѣду, и, притомъ, побѣду безъ жертвъ».

Вторую особенность брюссельскаго конгресса составляло отсутствіе на немъ итальянцевъ. Сильнѣйшій толчокъ къ изученію вопросовъ уголовной антропологіи въ новѣйшее время, какъ извѣстно, былъ данъ изъ Италіи, а потому отсутствіе ея ученыхъ на конгрессѣ рѣзко бросалось въ глаза.

Объясненія этого отсутствія были двоякія. Одни—устныя, циркулировавшія между членами конгресса,—ихъ я повторять не стану,—а другія—печатныя, появившіяся за подписями самихъ итальянскхсъ ученыхъ. Въ нихъ указывалось на слишкомъ короткій интервалъ между двумя конгрессами, на недостаточное количество новыхъ изслѣдованій, появившихся за это время, и на невыполненіе избранною парижскимъ конгрессомъ возложеннаго на нее порученія представить сравнительное изслѣдованіе 100 преступниковъ 3 категоріи и 100 честныхъ людей.

По этому поводу нельзя не замѣтить, что обсуждать продолжительность интервала можно и должно было, и она дѣйствительно обсуждалась на предшествовавшемъ парижскомъ конгрессѣ, и что матеріаловъ и фактовъ для работъ третьяго конгресса было болѣе нежели достаточно.

Поэтому нельзя не согласиться съ итальянскимъ посломъ и нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ нимъ, что итальянскіе ученые не прибыли на конгрессъ, чтобы съ каѳедры защищать нѣкоторые изъ своихъ научныхъ взглядовъ, а тѣмъ болѣе нельзя будетъ не пожалѣть, если ихъ отсутствіе дастъ мѣсто какимъ-либо пререканіямъ личнаго характера. Въ области науки, хотя и разрабатываемой личными усиліями, нѣтъ и не должно быть мѣста какимъ-

либо личнымъ счетамъ, а лишь исканіямъ истины, какова бы она ни была и отъ кого бы она ни исходила.

Печать все время съ большимъ вниманіемъ слѣдила за конгрессомъ и при посредствѣ сотенъ тысячъ печатныхъ листовъ распространялись въ средѣ всемірной большой публики результаты его работъ и идеи его дѣятелей. Этимъ она оказывала значительную услугу не только наукѣ, но, главнымъ образомъ, и жизненной практикѣ, и, притомъ, практикѣ, затрогивающей наиболѣе темныя и прискорбныя общественныя явленія, представляющія громадныя черныя и темныя пятна на блестящемъ фонѣ современной развитой цивилизаціи.

Конгрессъ открылся рѣчью бельгійскаго министра юстиціи M. Le Lenne, бывшаго однимъ изъ извѣстнѣйшихъ бельгійскихъ адвокатовъ, который отъ имени страны и ея правительства привѣтствовалъ и благодарилъ конгрессъ за то, что онъ избралъ мѣстомъ своей сессіи Брюссель. Министръ вполнѣ признавалъ за уголовною антропологіей ея важную роль и задачу — доказать средства организаціи успѣшной борьбы съ порокомъ и преступленіемъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, былъ вопросъ, затронутый уже и на конгрессѣ парижскомъ,—вопросъ о существованіи особаго *анатомически* опредѣленнаго преступнаго типа вообще или типа прирожденнаго преступника въ частности. На выраженіе *анатомически опредѣленнаго* я попрошу обратить особое вниманіе. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ конгрессомъ вполнѣ отрицательно, хотя и безъ голосованія. Иного рѣшенія онъ, конечно, и имѣть не могъ.

Здѣсь будетъ не лишне напомнить исторію вопроса. Напоминаніе полезно въ двоякомъ отношеніи. Оно отчасти укажетъ, какое мѣсто занимаетъ вопросъ о существованіи особаго, спеціальнаго и *анатомически* отмѣченнаго *преступнаго* типа въ ряду другихъ уголовно-антропологическихъ вопросовъ и въ ходѣ развитія антропологической школы вообще, въ которой собственно итальянская школа, поскольку она, въ лицѣ многихъ своихъ видныхъ представителей, продолжаетъ упорно отстаивать нѣкоторыя свои невѣрныя воззрѣнія *), начинаетъ, къ величайшему сожалѣнію, представлять какъ бы обособленную часть. Оно же поможетъ устранить и тѣ нѣсколько странные взгляды, которые нерѣдко высказывались и высказываются, особенно у насъ въ Россіи, по поводу споровъ о существованіи особаго преступнаго типа, и которые указываютъ лишь на недостаточное знакомство съ вопросомъ и на невѣрное его пониманіе. Только ими и могутъ быть объяснены разсказы и возгласы о «полномъ банкротствѣ» новаго направленія, о «роспискахъ въ научной несостоятельности» и т. д.

Объ этихъ опрометчивыхъ утвержденіяхъ безъ большого ущерба можно бы и вовсе не упоминать, еслибъ они не распространяли при посредствѣ

---

*) Послѣднія указаны мною еще въ 1884 г. въ моей работѣ, озаглавленной: *Малолѣтніе преступники*.

множества печатныхъ листовъ вполнѣ невѣрныя представленія въ средѣ большой публики. Сами они интересны развѣ въ томъ отношеніи, что ясно показываютъ, съ какимъ трудомъ новыя воззрѣнія усвоиваются и какъ легко, наоборотъ, они извращаются.

Начну съ работъ проф. Lombroso. Ему, какъ психіатру по профессіи, и ранѣе начала работъ по изученію преступника приходилось имѣть дѣло съ вопросами преступности, которые, особенно послѣ трудовъ знаменитаго Morel'я о вырожденіи и неблагопріятной наслѣдственности, близко соприкоснулись съ вопросами психіатрическими. Къ этому времени психіатрія, значительно уже развившаяся, захватила въ кругъ своего изслѣдованія не только натуры душевно-больныя, въ собственномъ смыслѣ этого слова, но и дурно-уравновѣшенныя и порочныя натуры. При этомъ собранными въ ней фактами она ясно указала на существованіе какой-то связи между явленіями душевныхъ разстройствъ и аномаліей и преступностью.

Нѣкоторые факты навели проф. Lombroso на мысль заняться изученіемъ этой связи путемъ всесторонняго изученія дѣйствительныхъ преступниковъ.

Начало такого изученія уже было положено въ предшествующихъ работахъ немногихъ изслѣдователей. Но то было только начало, далеко еще не достаточное для прочнаго обоснованія новаго направленія въ уголовномъ правѣ. Дать могучій толчокъ къ всестороннему изученію явленій преступности предстояло проф. Lombroso. Своими работами онъ перенесъ вопросъ объ этихъ явленіяхъ изъ области метафизическихъ теорій, создаваемыхъ въ кабинетахъ ученыхъ юристовъ, въ область исключительно наблюденія и опыта и примѣнилъ къ изученію преступника точные методы естествознанія. Обоснованный теперь на психологіи, психіатріи и антропологіи вообще, вопросъ этотъ вышелъ изъ области произвольныхъ построеній и сталъ научною проблемой, допускающею научное рѣшеніе и такую же провѣрку.

Вотъ въ чемъ заключается дѣйствительная и неоспоримая заслуга проф. Lombroso, которую, несмотря на сдѣланные имъ промахи и ошибки, за нимъ будетъ числить наука и могучее вліяніе которой отражается не только въ теоріи, но и на практикѣ, и, притомъ, на практикѣ, имѣющей дѣло съ загнанными и обездоленными членами общества.

Заслуга эта по достоинству оцѣнена въ докладѣ брюссельскому конгрессу профессоровъ Houzé и Warnots, на который столь рѣшительно ссылался обозрѣватель одной изъ нашихъ газетъ—*Русс. Вѣд.* «Многіе думаютъ, что дѣло уголовной антропологіи связано съ существованіемъ преступнаго типа Lombroso»,—говорятъ докладчики. Но это вовсе не такъ и вопросъ о преступномъ типѣ — вопросъ второстепенный. Напротивъ, основная часть произведенія итальянскаго новатора вовсе не покоится на этомъ шаткомъ и спорномъ фундаментѣ. Заслуга проф. Lombroso состоитъ въ томъ, что онъ выяснилъ важность вліянія физическихъ особенностей преступника и во имя науки потребовалъ реформы въ репрессіи преступленій. «Мы же-

лаемъ,—продолжаютъ они далѣе,—чтобы итальянскій новаторъ не упорствовалъ въ вопросѣ подробностей—въ вопросѣ о преступномъ типѣ. Мы боремся съ его заблужденіями для того, чтобы основанія его творенія оставались нетронутыми».

Какое вліяніе, несмотря на очень многіе ихъ недостатки, производили и производятъ работы Lombroso, показываетъ заявленіе одного изъ талантливыхъ молодыхъ бельгійскихъ адвокатовъ—Paul'я Otlet, сдѣланное имъ на конгрессѣ. Otlet началъ свою рѣчь заявленіемъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ выполнить обязанность по отношенію къ проф. Lombroso. Онъ, ораторъ, въ своемъ качествѣ юриста, воспитался на метафизическихъ и абстрактныхъ идеяхъ. Но когда онъ впервые обратился къ тюрьмѣ, онъ пожелалъ познакомиться съ антропологическою школой. И вотъ работы Lombroso раскрыли передъ нимъ новые горизонты, дали новыя, дотолѣ неизвѣстныя ему идеи и познакомили его съ дѣйствительнымъ преступникомъ. Онѣ показали ему послѣдняго въ совершенно новомъ свѣтѣ. Работы Lombroso, по словамъ оратора, привлекли умы юристовъ къ дѣйствительно важнымъ сторонамъ вопроса о преступности.

Поэтому, что̀ бы ни говорили отрицатели научнаго значенія работъ Lombroso, а его имя, какъ имя прокладывателя новыхъ путей и вводителя новыхъ правильныхъ методовъ въ отсталую научную отрасль, остается связаннымъ съ однимъ изъ лучшихъ движеній въ области науки,—съ движеніемъ, направленнымъ на изученіе наиболѣе темныхъ сторонъ общественной жизни въ непреложной связи ихъ причинъ и слѣдствій. Самъ я далеко не раздѣляю очень и очень многихъ его взглядовъ, но, указывая и отмѣчая его промахи и ошибки, я, по чувству справедливости, подобно Otlet, считаю нужнымъ, въ то же время, воздать должное научному дѣятелю.

Задавшись цѣлью изучить дѣйствительныхъ преступниковъ, проф. Lombroso подвергъ ихъ всестороннему изслѣдованію во всѣхъ ихъ особенностяхъ. Онъ изучилъ ихъ въ чисто-внѣшнихъ признакахъ,—въ размѣрахъ и формахъ черепа, въ развитіи различныхъ частей лица, скелета и т. д.; онъ изучилъ ихъ и въ ихъ физіологическихъ особенностяхъ,—напримѣръ, со стороны особенностей кровообращенія; онъ изучилъ ихъ также и въ ихъ особенностяхъ психическихъ,—со стороны ихъ чувствованій, наклонностей, мышленія и пр.

При этомъ изученіи онъ столкнулся съ общеизвѣстнымъ теперь фактомъ—съ существованіемъ у преступниковъ значительнаго числа различныхъ органическихъ и психическихъ дефектовъ и аномалій. Фактъ этотъ константированъ всѣми изслѣдователями, предпринимавшими непосредственное изученіе преступниковъ ранѣе Lombroso и единовременно съ нимъ, какъ, напримѣръ, Thomson'омъ, Nicolson'омъ, Vergilio и др. Онъ хорошо извѣстенъ также и тюремнымъ директорамъ. Мнѣ удалось осмотрѣть много тюремъ въ различныхъ странахъ Европы и указанія на эти аномаліи мнѣ пришлось получить отъ многихъ тюремныхъ директоровъ, вовсе незнакомыхъ съ работами итальянскаго новатора и его предшественниковъ.

Между тѣмъ, мысль объ особомъ типѣ ко времени начала работъ проф. Lombroso уже была высказана какъ въ уголовной антропологіи, еще не обособившейся тогда въ особую отрасль знанія, такъ и въ психіатріи. Въ первой она намѣчается еще въ сочиненіи проф. Despine 1868 г., который основою тяжкой преступности считалъ дефекты въ образованіи мозга, обусловливающіе у преступниковъ атрофію нравственнаго чувства, какъ бы нравственный идіотизмъ. Вполнѣ же ясно эта мысль высказана въ 1870 и 71 гг. въ работахъ врача пертской тюрьмы Thomson'а, который утверждалъ, основываясь на своихъ многолѣтнихъ наблюденіяхъ, что большая часть преступностей отличается наслѣдственнымъ характеромъ и что существуетъ особый преступный классъ, который по своимъ физическимъ качествамъ принадлежитъ къ низшему человѣческому типу и представляется неисправимымъ. Та же мысль высказана въ 1874 и 75 гг. и въ работѣ другого тюремнаго врача, д-ра Nicolson'а, по отношенію къ привычнымъ преступникамъ, а также и въ 1874 г. въ работѣ психіатра и тюремнаго врача д-ра Vergilio, который видѣлъ въ преступникахъ членовъ одной семьи или болѣзненной разновидности, представляющей собою уклоненія отъ нормальнаго человѣческаго типа.

Что же касается психіатріи, то въ ней мысль о формированіи особаго типа въ средѣ болѣзненныхъ разновидностей была разработана компетентнымъ изслѣдователемъ, д-мъ Morel'емъ, еще въ 1857 и 1864 гг. Morel утверждалъ, что индивидуумы, представляющіе отъ рожденія упадокъ физическій, умственный и нравственный, не походятъ ни на кого; они походятъ другъ на друга и представляютъ типы; они образуютъ расы и болѣзненныя разновидности въ породѣ.

Тѣ же воззрѣнія усвоены и развиты и проф. Lombroso, первая работа котораго постепенно напечатана въ періодъ времени отъ 1871—1876 г. Ближайшимъ образцомъ для нея послужила, какъ показываетъ сличеніе, работа Parent-Duchatelet. Въ ней этотъ послѣдній всесторонне описалъ особый профессіональный классъ—проститутокъ, объединяемый единствомъ промысла, и, что главное, органическаго злоупотребленія, приводящаго къ сходнымъ слѣдствіямъ.

Подобно Parent-Duchatelet, проф. Lombroso далъ всестороннее описаніе дѣйствительныхъ преступниковъ. При этомъ наблюдавшееся у различныхъ лицъ и крайне различныхъ психическихъ типовъ ошибочно онъ пріурочилъ къ одному *общему* понятію «преступникъ», особенности котораго онъ охарактеризовалъ при посредствѣ процентныхъ опредѣленій и сравненія съ такъ называемыми честными людьми, съ душевно-больными и дикарями. Такъ получился *единый* Uomo delinquente, отличающійся отъ здоровыхъ честныхъ людей и душевно-больныхъ. Очевидно, невѣрный пріемъ. Единство названія «преступникъ» еще не обусловливаетъ единства психо-физическихъ особенностей. Если бы проф. Lombroso обратилъ большее вниманіе на причинную зависимость тѣхъ или другихъ уклоненій, передаваемыхъ и наслѣдственно, отъ *различныхъ факторовъ*, дѣйствующихъ въ обществен-

ной средѣ, то онъ, конечно, избѣжалъ бы сдѣланнаго промаха и отнесъ бы преступниковъ къ различнымъ вырождающимся разновидностямъ, представители которыхъ, будучи часто предрасположены къ преступленію, тѣмъ не менѣе, поголовно не впадаютъ въ него.

Послѣ созданія *особаго* специфическаго типа надо было выяснить и причины его нарожденія. Нѣкоторыя подмѣченныя сходства навели Lombroso на мысль, что оно есть результатъ возврата къ низшему органическому типу, къ типу отдаленныхъ предковъ,—атавизмъ. Въ основѣ этого атавизма, какъ и въ основѣ наслѣдственно передаваемыхъ органическихъ аномалій, лежитъ задержка въ развитіи, въ свою очередь обусловливаемая разстройствами питанія. Преступникъ—это дикарь въ современномъ обществѣ, который, вслѣдствіе своего низшаго развитія, зависящаго отъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ жили его восходящіе и онъ самъ, не можетъ приспособиться къ условіямъ современной жизни и потому впадаетъ въ преступленіе. Мысль, какъ видите, весьма соблазнительная въ качествѣ возможнаго объясненія и, притомъ, далеко не безусловно несостоятельная. Замѣните понятіе атавизма и уравненіе съ дикарями, которые образуютъ здоровыя расы, понятіемъ вырожденія, органической недостаточности и неуравновѣшанности и болѣзненныхъ разновидностей—и она, при этихъ поправкахъ, станетъ вѣрна. Къ сожалѣнію, Lombroso и его итальянскіе сотрудники и до сихъ поръ въ достаточной мѣрѣ не приняли ихъ.

Впрочемъ, проф. Lombroso, подъ вліяніемъ сдѣланныхъ возраженій и указаній, отказался впослѣдствіи отъ своего исключительнаго обобщенія и пріурочилъ сгруппированные имъ признаки типа только къ одной категоріи преступниковъ, которой онъ всецѣло и посвятилъ третье изданіе своего сочиненія и которую итальянская школа неудачно и неправильно назвала *прирожденными* и неисправимыми. Въ нихъ онъ сталъ видѣть не только результатъ атавизма, но еще и нравственнаго помѣшательства. При установленіи и этой поправки преобладающимъ пріемомъ, къ сожалѣнію, продолжалъ быть пріемъ массовыхъ изслѣдованій и процентныхъ отношеній. Всестороннее же изученіе каждаго отдѣльнаго случая, которое во всей полнотѣ воспроизводило бы передъ нами генезисъ и механизмъ преступности, напротивъ, отсутствовало. Нѣсколько позднѣе къ вліянію нравственнаго помѣшательства на созданіе особаго преступнаго типа вполнѣ неудачно было присоединено еще, путемъ сравнительнаго изученія, и вліяніе эпилепсіи. Такъ постепенно создался особый типъ такъ называемаго прирожденнаго преступника—прямого потомка и наслѣдника *единаго* Uomo delinquente, со всѣми его недостатками.

Къ убѣжденію о неисправимости прирожденнаго преступника Lombroso пришелъ, повидимому, двумя путями. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ психіатрическихъ воззрѣній, по которымъ нѣкоторыя формы, и въ томъ числѣ нравственное помѣшательство, отмѣчаются прирожденными и неустранимыми дефектами психо-физической организаціи. Во-вторыхъ, и по указаніямъ

факта. Основываясь на статистическихъ данныхъ о значительномъ количествѣ рецидивистовъ, проф. Lombroso еще въ первыхъ своихъ работахъ пришелъ къ выводу, что число рецидивистовъ почти равняется числу выпускаемыхъ изъ тюремъ, что исправленія представляютъ собою исключенія, а рецидивъ—правило, и что, слѣдовательно, почти всѣ преступники неисправимы. Но при этомъ онъ упустилъ одно изъ вида и не задался вопросомъ, дѣйствительно ли все, сдѣланное для исправленія, сдѣлано хорошо и цѣлесообразно и дѣйствительно ли сдѣлано все, что можно и должно сдѣлать? Приглядись онъ поближе къ нашимъ, т.-е. общеевропейскимъ, тюремнымъ порядкамъ и къ условіямъ жизни выпущенныхъ по ихъ выходѣ на свободу, тогда, быть можетъ, онъ пришелъ бы къ другому выводу. Что существовали и существуютъ неисправимые, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но что существуютъ и дѣйствительно неисправимые въ смыслѣ уголовнаго исправленія, для такого утвержденія, по моему глубокому убѣжденію, у насъ по меньшей мѣрѣ нѣтъ достаточныхъ научныхъ данныхъ.

Замѣчу мимоходомъ, что споры о преступномъ типѣ подали поводъ къ провозглашенію существованія двухъ раздѣльныхъ и противуположныхъ школъ въ уголовной антропологіи: органической съ Lombroso во главѣ, совсѣмъ будто бы игнорирующей вліяніе общественныхъ условій, и соціальной, напротивъ, выдвигающей ихъ на первый планъ. Странное недоразумѣніе!

Человѣкъ, какъ и всѣ другія существа, постоянно находится подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, какими по отношенію къ нему являются условія общественныя. Подъ ихъ воздѣйствіемъ онъ постепенно болѣе или менѣе измѣнялся и измѣняется, какъ въ теченіе жизни восходящихъ поколѣній, такъ и въ теченіе своей жизни, въ хорошую или дурную сторону. Внѣ вліяній общества мы не знаемъ человѣка и говорить о немъ не можемъ. Если неблагопріятны окружающія условія, но если они еще не успѣли выработать дурного и порочнаго характера, въ основѣ котораго лежатъ и соотвѣтствующія психо-физическія особенности, то нѣтъ и предрасположенія къ преступленію. Если же дурныя и порочныя особенности характера вліяніемъ общественнаго фактора уже выработались, то онѣ и являются ближайшею, а общественныя условія, ихъ выработавшія, болѣе отдаленною причиной преступности. При этомъ нѣкоторыя внѣшнія условія играютъ роль причинъ наталкивающихъ и побуждающихъ. А если такъ, то мы не должны принимать однобокихъ теорій—исключительно соціальной или исключительно органической, а лишь одну соціально-органическую, въ которой отведено мѣсто обоимъ взаимодѣйствующимъ факторамъ.

Проф. Lombroso преимущественно занялся изученіемъ фактора органическаго, повидимому, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ ему, какъ психіатру, этотъ факторъ былъ болѣе доступенъ для изученія, и, быть-можетъ, по той же причинѣ и болѣе интересовалъ его. Во-вторыхъ, факторъ этотъ представлялся наименѣе изученнымъ, хотя именно онъ,—особенно

изслѣдуемый въ его производящихъ причинахъ,—и можетъ съ наибольшимъ успѣхомъ руководить насъ въ борьбѣ съ преступленіемъ.

Но, будучи психіатромъ по профессіи, проф. Lombroso, конечно, не могъ не знать и не могъ игнорировать и фактора соціальнаго, который представляетъ собою производящія причины фактора органическаго. И онъ, дѣйствительно, не игнорировалъ его. Только странное недоразумѣніе могло подсказать противуположное утвержденіе. Стòитъ развернуть отдѣлъ его работы, носящій названіе этіологіи преступленія, чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ немъ въ числѣ условій, вліяющихъ на преступность, проф. Lombroso указываетъ на возростающую скученность въ большихъ городахъ, на количества и качества пищи, на дурное правленіе, на вліяніе бѣдности и пр. Вдумываясь во все сказанное въ этомъ отдѣлѣ, а также и въ отдѣлѣ, озаглавленномъ терапія преступленія, гдѣ въ числѣ средствъ борьбы съ преступленіемъ рекомендуется, между прочимъ, учрежденіе кооперативныхъ магазиновъ, дешевыхъ кухонь, школъ и банковъ для рабочихъ, пониженіе налоговъ, поражающихъ бѣдные классы, и пр.,—не трудно видѣть, что Lombroso признаетъ въ полной мѣрѣ вліяніе соціальныхъ причинъ, и, притомъ, признаетъ его какъ въ качествѣ вліянія, вырабатывающаго дурныя органическія особенности, такъ и въ качествѣ вліянія, наталкивающаго на преступленіе уже предрасположенныя къ нему организаціи.

Въ работахъ проф. Lombroso, безспорно, мы находимъ весьма много значительныхъ промаховъ и крупныхъ ошибокъ, много очень неудовлетворительно обработаннаго, весьма недостаточно продуманнаго и согласованнаго, много очень неудачно выраженнаго и выясненнаго, чтò естественно подаетъ поводъ къ ошибочнымъ толкованіямъ и невѣрному пониманію. Но справедливость заставляетъ насъ не забывать, что работы проф. Lomroso, будучи почти первымъ научнымъ шагомъ въ совершенно еще нетронутой области, представляютъ собою обширнѣйшее самостоятельное изслѣдованіе съ примѣненіемъ научныхъ методовъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сводку сдѣланнаго другими. Поэтому, несмотря на допущенные ошибки и промахи, заслуга Lombroso въ исторіи человѣческаго знанія неоспорима. Онъ ярко освѣтилъ новымъ свѣтомъ вопросъ о человѣческой преступности, далъ сильный толчокъ къ тщательному и всестороннему его изученію во всѣхъ странахъ и явился иниціаторомъ научныхъ конгресовъ, которые, будучи дѣятельными факторами распространенія научныхъ взглядовъ на преступность въ средѣ большой публики, предназначены оказать значительное вліяніе на практику. Въ этой своей части дѣло Lombroso не умретъ. Вовсе не вопросъ о преступномъ типѣ составляетъ дѣйствительную сущность его. Эта сущность— признаніе неизмѣримой важности органическаго фактора въ вопросѣ о преступности и указаніе *на безусловную необходимость примѣненія* естественно-научныхъ методовъ изслѣдованія къ изученію преступника. Въ этомъ отношеніи работы проф. Lombroso представляютъ только необходимый этапъ въ ходѣ научнаго развитія.

Поэтому, если и можно утверждать, что ученіе о существованіи особаго

преступнаго типа, а вмѣстѣ съ нимъ Lombroso, и итальянская школа, поскольку они упорно отстаиваютъ его, потерпѣли рѣшительное пораженіе на брюссельскомъ конгрессѣ, то нельзя сказать того же о новомъ направленіи въ уголовномъ правѣ, носящемъ названіе уголовно-антропологической школы. Послѣдняя вышла съ конгресса съ новыми силами, которыя она употребитъ на дальнѣйшую борьбу съ предвзятыми взглядами.

Я, можетъ быть, нѣсколько долго остановился на выясненіи дѣйствительнаго значенія работъ Lombroso, особенно въ ихъ части, касающейся существованія особаго преступнаго типа, но я считаю такое выясненіе далеко не безполезнымъ въ настоящее время, особенно въ нашей русской литературѣ и для русской публики.

На конгрессѣ вопросъ о существованіи особаго *анатомически опредѣленнаго* типа прирожденнаго преступника получилъ, какъ я уже говорилъ, отрицательное рѣшеніе. Существованіе такого типа было рѣшительно отвергнуто всѣми. Но, конечно, никому изъ представившихъ доклады по вопросу при этомъ и въ голову не приходило отрицать значеніе органическаго фактора. Напротивъ, главнѣйшее вниманіе и сосредоточивалось на уясненіи его особенностей. Признаніе его рѣшительнаго вліянія обще всѣмъ послѣдователямъ уголовно - антропологической школы и составляетъ одно изъ ея основныхъ положеній. «Что касается насъ,— говорятъ, напримѣръ, проф. Houzé и Wornots въ своемъ докладѣ,—то мы теперь же заявляемъ, что мы присоединяемся безъ оговорокъ къ тезису, возводящему функціональное начало преступленія къ тираніи организаціи» (конечно, психо - физической). «Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать это заявленіе,—продолжаютъ они дальше,— чтобы не быть смѣшанными съ нѣкоторыми противниками Lombroso, которые опровергаютъ его во имя метафизики».

По вопросу о преступномъ типѣ конгрессу были представлены доклады голландскимъ психіатромъ Jelgersma, проф. Houzé, Wornots, проф. Manouvrier и проф. Dallemagne.

Д-ръ Jelgersma рѣшительно расходится съ проф. Lombroso. Онъ не признаетъ, чтобы преступникъ вообще былъ продуктомъ атавизма или вліянія эпилепсіи. Онъ не признаетъ и существованія особаго преступнаго типа, но признаетъ существованіе прирожденнаго преступника, который по своимъ клиническимъ симптомамъ находится, по мнѣнію докладчика, въ тѣсной связи съ формами душевныхъ разстройствъ, особенно съ психозами вырожденія; наблюдаемыя у него особенности именно и суть особенности вырожденія. Jelgersma заканчиваетъ свой докладъ вопросомъ, который онъ не рѣшаетъ, а только ставитъ: не представляютъ ли неврозы, душевныя болѣзни, алкоголизмъ, самоубійство и преступленія членовъ одной и той же семьи—болѣзней человѣческаго духа, различающихся по своимъ особенностямъ, но не по своему источнику? Вопросъ весьма важный, при утвердительномъ рѣшеніи котораго характеръ названныхъ явленій выступаетъ въ новомъ свѣтѣ и указываются новые пути для общественной политики.

Склоняясь, повидимому, къ такому рѣшенію, Jelgersma основательно возражаетъ Tard'у, который различаетъ между человѣкомъ, достойнымъ сожалѣнія,—душевно-больнымъ, и человѣкомъ, достойнымъ презрѣнія,—преступникомъ. Докладчикъ замѣчаетъ, что научное дѣленіе не можетъ обосновываться на различіяхъ въ чувствахъ, возбуждаемыхъ въ глубинѣ, и что каждый преступникъ, какъ бы дуренъ онъ ни былъ, настолько же достоинъ сожалѣнія, какъ и самый несчастный изъ душевно-больныхъ. Различіе между ними въ различіяхъ леченія.

Проф. Houzé и Wornots въ своемъ докладѣ рѣшительно отрицаютъ существованіе не только типа прирожденнаго преступника, но и всякаго анатомически опредѣленнаго преступнаго типа вообще. Они совершенно основательно утверждаютъ, что преступный типъ, созданный Lombroso, не есть реальный типъ. Онъ составленъ изъ различныхъ признаковъ анатомическихъ, физіологическихъ, патологическихъ и тератологическихъ, набранныхъ тамъ и сямъ и произвольно соединенныхъ въ одно цѣлое.

Я въ свою очередь, какъ на парижскомъ, такъ и теперь на брюссельскомъ конгрессѣ,возражалъ противъ прирожденнаго преступника, а посредственно и противъ существованія преступнаго типа. Понятіе преступникъ въ существѣ своемъ есть понятіе юридическое. Преступникъ тотъ, кто совершилъ дѣяніе, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія. Измѣняется законодательство—измѣняются и границы преступнаго. Напротивъ, понятіе прирожденно-дурной атавистической организаціи, лежащее въ основѣ понятія пророжденнаго преступника Lomborso, есть понятіе біологическое и медицинское. Смѣшивать эти величины различныхъ порядковъ въ одномъ понятіи невозможно.

Сверхъ того, подъ понятіемъ прирожденнаго пристуиника надо разумѣть личность, которая при всѣхъ возможныхъ мыслимыхъ условіяхъ необходимо должна сдѣлаться преступникомъ. Но такихъ личностей мы по меньшей мѣрѣ не знаемъ. Даже извѣстный Lemaire вполнѣ основательно утверждалъ, что имѣй онъ достаточную ренту, то онъ не былъ бы отцеубійцей. Ежедневное наблюденіе показываетъ намъ, что многія натуры, болѣе дефективныя и несовершенныя, нежели натуры, находящіяся въ тюрьмахъ, никогда не совершали и, вѣроятно, не совершатъ преступленія, а потому онѣ, если не злоупотреблять словами, не могутъ быть названы преступниками. Для преступленія нужны не только наслѣдственная или благопріобрѣтенная дурная и порочная натура, но еще и наталкивающія и опредѣляющія внѣшнія условія. Это два необходимыхъ фактора и преступленіе—результатъ ихъ взаимодѣйствія.

Гораздо далѣе предшествующихъ докладчиковъ идетъ въ отрицательномъ направленіи профес. Manouvrier въ своемъ чрезвычайно остроумномъ и обстоятельномъ докладѣ.

Надо замѣтить, что на парижскомъ конгрессѣ, по предложенію Garofalo, была избрана коммиссія изъ 7 членовъ, которой было поручено предста-

вить къ настоящему конгрессу результаты сравнительнаго изученія по меньшей мѣрѣ 100 преступниковъ и такого же числа такъ называемыхъ честныхъ людей. Нѣкоторые, и въ томъ числѣ Manouvrier, возражали тогда же противъ возможности осуществленія этой задачи. Тѣмъ не менѣе, коммиссія была избрана, но она ни разу не собиралась и ничего не сдѣлала.

И вотъ теперь, но исключительно отъ своего лица, а вовсе не отъ лица коммиссіи, какъ ошибочно утверждаетъ одинъ изъ русскихъ хроникеровъ, профес. Manouvrier представилъ докладъ. Въ немъ онъ доказываетъ, что задача коммиссіи была невыполнима по самому ея существу. При этомъ попутно онъ отвѣчаетъ и на вопросъ о существованіи особаго преступнаго типа, и отвѣчаетъ вполнѣ отрицательно. Этотъ типъ онъ основательно называетъ «пестрою мозаикой».

Каждый человѣкъ, по мнѣнію Manouvrier, имѣетъ въ себѣ все, чтобы сдѣлаться преступникомъ. «Очевидно, что отъ анатомическаго образованія зависятъ физіологическія особенности»,—говоритъ онъ. Но чтобы изучить преступленія съ этой стороны, необходимо свести при посредствѣ анализа каждое преступленіе къ его дѣйствительно физіологическимъ элементамъ, которые находятся въ прямомъ отношеніи съ анатоміей и которые, будучи разъ найдены, могутъ быть одинаково изучаемы въ качествѣ достоинствъ и недостатковъ какъ у преступниковъ, такъ и у честныхъ людей. Эти элементарныя физіологическія особенности могутъ опредѣлять самыя разнообразныя дѣйствія, въ особенности, если дѣло идетъ о дѣйствіяхъ, характеризующихся, подобно преступленію, съ общественной и нравственной стороны. Для примѣра авторъ указываетъ на буйность, которая, какъ психологическая особенность, можетъ проявляться въ дѣйствіяхъ преступныхъ, или въ дѣйствіяхъ только порицаемыхъ, или, наконецъ, даже въ дѣйствіяхъ похвальныхъ. И это потому,—какъ замѣчаетъ Manouvrier,—что значеніе поступковъ и дѣйствій не есть физіологическій элементъ, опредѣляемый анатомически, а элементъ общественный и нравственный.

Поскольку всѣ эти замѣчанія касаются существованія особаго преступнаго типа, они вполнѣ справедливы, но, разсматриваемыя безотносительно, они требуютъ значительныхъ ограниченій и поправокъ.

Рѣшительно нельзя согласиться безъ большихъ оговорокъ съ утвержденіемъ, что каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ все, чтобы сдѣлаться преступникомъ. Проф. Dallemagne, на котораго такъ неудачно ссылается одинъ изъ хроникеровъ, совершенно справедливо замѣчаетъ, что хотя безъ вліянія среды и нѣтъ преступленія, но что, тѣмъ не менѣе, факторъ физіологическій, или, правильнѣе, психо-физіологическій всегда является производящею или непосредственною причиной. «Общественныя условія могутъ сколько угодно скопляться, тѣсниться и какъ бы составлять заговоръ около человѣка,—замѣчаетъ онъ,—но они останутся непроизводительными до тѣхъ поръ, пока не превзойдетъ біологическая причина». «Исключительные случаи, въ которыхъ намъ кажется, что то, что называютъ человѣческою волей, должно было роковымъ образомъ уступить, представляютъ чрезвычай-

но рѣдкое исключеніе. Но даже и въ этихъ случаяхъ было бы не трудно показать, что соціальный факторъ вліялъ только возбужденіемъ до пароксизма фактора біологическаго».

И дѣйствительно, опытъ учитъ, что въ приблизительно одинаковыхъ условіяхъ одинъ изъ двухъ людей впадаетъ въ преступленіе, тогда какъ другой уклоняется отъ него цѣною здоровья и даже жизни. Отъ чего же, спрашивается, зависитъ такое различіе? Отъ того, что въ характерѣ перваго, а, слѣдовательно, и въ лежащей въ основѣ его психо-физической организаціи, въ данное время есть такія особенности, которыя и предрасполагаютъ его къ преступленію, тогда какъ въ характерѣ второго, напротивъ, есть такія, которыя воздерживаютъ отъ него.

Хотя однѣ и тѣ же психо-физическія особенности иногда и могутъ проявляться въ общественно-разночинныхъ дѣйствіяхъ, но это зависитъ или отъ неправильной оцѣнки дѣйствій, или отъ комбинаціи вліянія различныхъ особенностей въ дѣйствіяхъ. Сами же по себѣ особенности далеко не равнозначны. Однѣ изъ нихъ способствуютъ развитію общественности и выгодны для нея, тогда какъ другія ослабляютъ ее. Для примѣра остановимся хотя бы на жестокости и буйности, на которыя сослался проф. Manouvrier. Онѣ дѣйствительно могутъ иногда проявляться въ какомъ-нибудь военномъ подвигѣ, но очевидно, что совершонное дѣйствіе будетъ считаться подвигомъ только по невѣрной оцѣнкѣ, потому что сама война по существу своему есть противуобщественное явленіе, хотя, къ несчастію, еще и не признаваемое таковымъ. Независимо же отъ этой неправильной оцѣнки сами по себѣ жестокость и буйность—невыгодныя особенности. Онѣ уменьшаютъ приспособленность человѣка къ жизни въ обществѣ постольку, поскольку ихъ вліяніе не парализуется другими хорошими и совмѣстно съ ними дѣйствующими особенностями натуры. То же нужно сказать и о всѣхъ прочихъ особенностяхъ.

Далѣе проф. Manouvrier совершенно основательно указываетъ въ своемъ докладѣ, что въ обществѣ, въ средѣ такъ называемыхъ честныхъ людей, совершается множество самыхъ безнравственныхъ дѣйствій, которыя по существу ничѣмъ не лучше преступленій, хотя и называются болѣе мягкими именами: «ловкостью», «умѣньемъ обдѣлывать дѣла», «мелкими погрѣшностями», «случайностями жизни» и проч. «Что касается воровства,—замѣчаетъ онъ,—то существуютъ различныя кричащія и опасныя его формы, которыя приводятъ въ тюрьму многихъ, прибѣгающихъ къ нимъ. Но существуетъ и много другихъ, не менѣе вредныхъ формъ, которыя законъ, однако, игнорируетъ, или которымъ онъ даже покровительствуетъ и которыя не безпокоятъ общество подъ условіемъ, чтобы воры дѣйствовали безъ скандала и въ особенности имѣли успѣхъ, такъ что нравственность и успѣхъ если не въ умѣ, то по меньшей мѣрѣ въ практикѣ множества пользующихся уваженіемъ и занимающихъ хорошее положеніе гражданъ смѣшиваются».

Отсюда слѣдуетъ, что дѣленіе на честныхъ и преступныхъ по яр[illegible]-

камъ судимости вполнѣ несостоятельно въ научномъ смыслѣ и что изученіе осужденныхъ можетъ лишь знакомить насъ съ бракованными преступниками, тогда какъ преступники высшаго полета, никогда не приходящіе въ тюрьму, при такомъ изученіи, очевидно, будутъ фигурировать въ группѣ, называемой честными людьми.

Нельзя не признать, что во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ докладчика весьма много горькой правды. Изученіе осужденныхъ преступниковъ не даетъ и не можетъ намъ дать особаго преступнаго типа. Оно только знакомитъ насъ съ особенностями болѣе или менѣе недостаточныхъ, дефективныхъ и предрасположенныхъ организацій, которыя при неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей обстановки впадаютъ въ преступленіе, а при условіяхъ благопріятныхъ остаются болѣе или менѣе неудачными, безнравственными, дурными и вредными людьми, и которые нерѣдко имѣютъ успѣхъ и даже пользуются уваженіемъ и почетомъ. Но какъ бы ни было велико число такихъ людей въ обществѣ, оно, все-таки, не даетъ основанія утверждать, что каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ все, чтобы сдѣлаться преступникомъ.

Несомнѣнно, что право по существу не отдѣлимо и не должно быть отдѣляемо отъ нравственности; несомнѣнно также, что оттѣнки безнравственныхъ дѣйствій многочисленны и разнообразны; что путемъ едва замѣтныхъ переходовъ они сливаются съ дѣйствіями нравственными, вслѣдствіе чего значительное большинство людей, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ совершать болѣе или менѣе легкія безнравственности и даже правонарушенія, но все это не даетъ еще основаній утверждать, что всѣ люди могутъ сдѣлаться болѣе или менѣе важными преступниками. Стеченіе неблагопріятныхъ условій, дѣйствующихъ длительно въ направленіи постепенной порчи психо-физическаго механизма, конечно, играетъ весьма важную роль. Но эта роль посредственная. Непосредственнымъ факторомъ являются самыя порчи, которыя, къ счастью для человѣчества, не такъ уже скоро достигаютъ степеней, обусловливающихъ особые оттѣнки приступности, какъ это показываютъ наблюденія надъ жизнью бѣдныхъ и общественно-обездоленныхъ классовъ.

Приведенными замѣчаніями проф. Manouvrier отчасти затрогиваетъ и весьма щекотливый вопросъ о виновности самого общества въ преступности его членовъ. Если общество, благодаря всему своему строю, дѣйствительно терпитъ и даже какъ бы узаконяетъ такія безнравственныя дѣйствія, которыя часто почти только по формѣ отличаются отъ преступленій, то тѣмъ самымъ оно собственными руками ослабляетъ и въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ различіе между честнымъ человѣкомъ и преступникомъ, сводя его лишь къ различіямъ ловкости. Преступленіями не дебютируютъ никогда или по меньшей мѣрѣ почти никогда. Обыкновенно начинаютъ съ дурныхъ и безнравственныхъ дѣйствій.

Прежде нежели покончить съ вопросомъ о существованіи преступнаго типа, мнѣ остается сказать еще о четвертомъ докладѣ, именно проф. Dallemagne

Въ немъ онъ отдаетъ должную дань великимъ заслугамъ проф. Lombroso, который расшаталъ зданіе классической школы уголовнаго права и далъ могущественный толчокъ къ пересмотру и измѣненію прежнихъ взглядовъ на изученіе и особенности явленій человѣческой преступности.

Но, воздавая должное проф. Lombroso, докладчикъ справедливо указываетъ, въ то же время, на наиболѣе слабую черту итальянской школы — слишкомъ большое увлеченіе изученіемъ внѣшнихъ анатомическихъ особенностей, отъ котораго она, впрочемъ, понемногу начинаетъ отрѣшаться. Самъ докладчикъ признаетъ необходимымъ сосредоточить изученіе главнѣйшимъ образомъ на психо-физическихъ особенностяхъ. При этомъ онъ въ общихъ чертахъ излагаетъ свои воззрѣнія на основы человѣческой преступности.

Существованіе общества основывается на двухъ важнѣйшихъ актахъ жизни индивидуума — его питаніи и его воспроизведеніи, а прогрессъ общества обусловливается развитіемъ и усовершенствованіемъ индивидуальныхъ интеллектовъ. Поэтому и жизнь общества, и жизнь индивидуума находятся въ интимной связи съ функціонированіемъ органовъ, обезпечивающихъ питаніе, воспроизведеніе и умственные процессы послѣдняго. Обѣ эти жизни суть выраженія указанныхъ трехъ органическихъ необходимостей и каждое дѣйствіе индивидуума, а равно и каждое проявленіе общества могутъ быть сведены къ стремленію или дѣйствительному ихъ функціональному удовлетворенію. Основная потребность—это питаніе; воспроизведеніе же вытекаетъ изъ нея какъ бы ея слѣдствіемъ. Умственная дѣятельность представляется послѣдней.

Большая часть жизни человѣка, а слѣдовательно и общества, поглощается дѣятельностью, направленною къ удовлетворенію двухъ первыхъ потребностей. Системы органовъ, служащія для этого, у различныхъ людей могутъ быть развиты различно и по преобладанію той или другой изъ нихъ какъ отдѣльные люди, такъ и общественные даже слои могутъ быть подраздѣлены на желудочныя, половыя и интеллектуальныя.

Неудовлетворенная функція порождаетъ въ нервныхъ центрахъ, завѣдующихъ соотвѣтствующими органами, состояніе напряженія. Послѣднее, если разсматривать явленіе съ объективной стороны, дѣлаетъ послѣдующій разрядъ болѣе сильнымъ и самопроизвольнымъ, а въ субъективномъ отношеніи порождаетъ цѣлыя гаммы чувствованій, начиная отъ неопредѣленно-непріятнаго ощущенія до сильнѣйшей боли, которая затемняетъ сознаніе.

Напротивъ, функціональное удовлетвореніе влечетъ за собою инерцію соотвѣтствующихъ нервныхъ центровъ и порождаетъ въ субъективномъ отношеніи цѣлую лѣстницу ощущеній, начиная отъ ощущенія простого благополучія до ощущенія восхитительнѣйшихъ наслажденій.

Напряженіе въ высшихъ и низшихъ нервныхъ центрахъ, вызываемое неудовлетворенностью соотвѣтствующей функціи, можетъ достигать степени эретизма и требовать тогда разряженія роковымъ образомъ. Влеченія, зарождающіяся изъ такихъ напряженій, могутъ локализироваться въ высшихъ нервныхъ центрахъ на томъ или другомъ индивидуумѣ, идеѣ, странномъ

капризѣ и т. д. Подобныя локализаціи будутъ маскировать первоначальный характеръ раздраженія, не измѣняя его по существу.

Наслѣдственность при этомъ играетъ чрезвычайно важную роль. Всѣ состоянія оставляютъ въ нервной системѣ слѣды, которые, подвергаясь различнымъ наслѣдственнымъ трансформаціямъ, придаютъ нѣкоторымъ актамъ нѣкоторыхъ лицъ ихъ странный характеръ.

Наслѣдственность ослабляетъ элементъ сознательности въ дѣйствіяхъ и ослабляетъ задерживающія вліянія, препятствуетъ иррадіаціи съ однихъ центровъ на другіе, сосѣдніе съ ними, и способствуетъ машинальному разряженію и развитію того, что называютъ маніями съ ихъ импульсивнымъ и одержательнымъ характеромъ.

Исходя изъ приведенныхъ положеній, докладчикъ разсматриваетъ преступленіе какъ явленіе, по самому его существу біологическое, въ которомъ проявляются болѣзненныя или по меньшей мѣрѣ анормальныя уклоненія въ одномъ изъ названныхъ психо-физическихъ факторовъ.

Въ преніяхъ, завязавшихся по вопросу, нѣкоторые ораторы значительно ослабляли вліяніе органическаго фактора и выдвигали на первый планъ вліяніе среды, благодаря которому, по ихъ мнѣнію, и вырабатываются часто наблюдаемые признаки вырожденія. Такъ, наприм., д-ръ Motet подраздѣлялъ наблюдавшихся имъ малолѣтнихъ преступниковъ на случайныхъ, инстинктивныхъ и слабоумныхъ. Послѣднихъ онъ относилъ къ душевной патологіи. Въ субъектахъ же второй группы, характеризующихся, между прочимъ, полнымъ отсутствіемъ даже намековъ на нравственное чувство, д-ръ Motet видѣлъ продукты дурного воспитанія, дурныхъ примѣровъ въ семьѣ и вообще дурной нравственной гигіены.

Въ свою очередь проф. Lacasagne, сдѣлавшій особое сообщеніе, выдвинулъ на первый планъ вліяніе соціальнаго фактора. Душевно-разстроенныхъ и вырождающихся, совершающихъ преступленія, онъ выдѣлилъ въ особую группу, а остальныхъ разсматривалъ какъ продукты неуравновѣшеннаго развитія съ чрезмѣрнымъ преобладаніемъ дурныхъ инстинктовъ,— развитія, являющагося слѣдствіемъ соціальныхъ причинъ. Основой инстинктивной неуравновѣшенности проф. Lacasagne считалъ неуравновѣшенность органическую въ развитіи различныхъ частей мозга, имѣющихъ и особыя функціи.

Не имѣя возможности останавливаться долѣе на преніяхъ по вопросу о существованіи особаго преступнаго типа, отмѣчу только одинъ происшедшій во время нихъ инцидентъ, вызвавшій не мало смѣха и породившій общую веселость.

Д-ръ Cuylits, рѣшительный противникъ доклада проф. Dallemagne, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, представилъ членамъ конгресса фотографію одного честнаго и потому не подвергавшагося осужденіямъ лица, которое, тѣмъ не менѣе, представляло всѣ типическіе признаки прирожденнаго преступника, указанные Lombroso.

При внимательномъ разсмотрѣніи карточки, проф. Warnots заявилъ, что представленная фотографія принадлежитъ, повидимому, лицу, которое онъ имѣлъ случай изслѣдовать. Это преступникъ рецидивистъ, насчитывающій до 50 осужденій; послѣднее изъ нихъ на 15 лѣтъ тюрьмы.

Понятно, какъ должно было подѣйствовать подобное заявленіе на оратора и на всю аудиторію. Впослѣдствіи по справкѣ оказалось, однако, что Warnots нѣсколько ошибся и что фотографированный имѣлъ не 50, а только 8 осужденій за квалифицированныя кражи, обманъ довѣрія и пр.

Димитрій Дриль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Яковиты*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ Франсуа Коппе, переводъ въ стихахъ Страхова.—Двѣнадцатая періодическая выставка картинъ московскаго общества любителей художествъ).

Въ нынѣшній сезонъ на сценѣ Малаго театра слѣдомъ одна за другой поставлены двѣ историческихъ драмы изъ былой жизни Шотландіи: *Марія Шотландская*, Бьёрстьерне-Бьёрнсона, о которой мы говорили въ январской книжкѣ, и *Яковиты*, Франсуа Коппе, о которой поведемъ рѣчь сейчасъ. Кромѣ этого, на московской сценѣ очень недавно шла трагедія Шиллера *Марія Стюартъ*. Не слишкомъ ли много Шотландіи заразъ? Мы думаемъ, что можно было бы ограничиться трагедіей Шиллера, такъ какъ двѣ вышеназванныя новыя пьесы ни въ какое сравненіе съ нею идти не могутъ. Въ основу сюжета для своей драмы *Яковиты* французскій поэтъ взялъ конецъ борьбы Стюартовъ за наслѣдственное право на короны Англіи и Шотландіи. Изъ дома Стюартовъ послѣднею царствовала королева Анна, дочь свергнутаго съ престола короля Іакова II. Ея родной братъ носилъ королевскій титулъ подъ именемъ Іакова III, но никогда не царствовалъ, въ исторіи извѣстенъ подъ наименованіемъ «претендента» и жилъ въ Римѣ. Сынъ этого претендента, Карлъ-Эдуардъ, герой драмы Коппе, родился въ 1720 году, проживалъ въ Римѣ, потомъ въ Парижѣ, при дворѣ Людовика XV, который снарядилъ и отдалъ въ его распоряженіе нѣсколько кораблей для завоеванія наслѣдственной короны. Эта первая экспедиція кончилась полною неудачей. Вторую экспедицію Карлъ-Эдуардъ предпринялъ уже при весьма ничтожной помощи Франціи и высадился на шотландскій берегъ въ іюнѣ 1745 г. съ отрядомъ въ полторы тысячи человѣкъ. Къ нему примкнули горные кланы Шотландіи. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ принцъ овладѣлъ Эдинбургомъ, двинулся въ Англію и угрожалъ Лондону. Но счастье измѣнило Стюарту, войска его были разсѣяны 27 апрѣля 1746 г. герцогомъ Кумберландскимъ, и самъ онъ, послѣ долгихъ скитаній, испытавши всякія лишенія, едва выбрался во Францію въ сентябрѣ того же года. Во Франціи онъ ужился недолго и былъ высланъ подъ конвоемъ въ Испанію, перебрался опять въ Римъ и умеръ въ Италіи

въ 1788 г. Послѣднимъ въ мужской линіи рода Стюартовъ былъ его меньшой братъ, кардиналъ Іоркъ, именовавшій себя тоже королемъ Генрихомъ IX и умершій въ 1807 г. въ Фраскати.

Франсуа Коппе взялъ для своей драмы тревожное время со дня высадки принца до его бѣгства изъ Шотландіи. Но историческаго въ драмѣ очень немного, драматиченъ же, въ сущности, только третій актъ. Послѣдніе же два романтически-дѣланы и скучны. Никакихъ опредѣленно очерченныхъ историческихъ характеровъ въ пьесѣ нѣтъ. Фигура принца Карла-Эдуарда очень блѣдна, и все дѣло вертится на легкомысленномъ его увлеченіи молоденькою женой одного изъ вождей возставшихъ за него клановъ. Къ принцу, роль котораго играетъ г. Ильинскій, пылаетъ затаенною любовью, доходящею до обожанія, нищая дѣвушка Марія (г-жа Ермолова), водящая своего слѣпого дѣда Ангуса (г. Горевъ). Въ ней это чувство безнадежной и безкорыстной любви смѣшивается съ высокимъ патріотизмомъ, унаслѣдованнымъ отъ стараго дѣда, пламенныя рѣчи котораго вызвали возстаніе клановъ противъ Англіи. Первымъ присоединился къ принцу кланъ, предводимый лордомъ Фингаломъ (г. Южинъ), жена котораго, лэди Дора (г-жа Лешковская), увлечена Карломъ-Эдуардомъ. Во второмъ дѣйствіи, Марія, служащая принцу лазутчикомъ, прокрадывается въ лагерь и приноситъ ему важныя вѣсти. Принцъ не подозрѣваетъ чувствъ дѣвушки и даетъ ей денегъ, что приводитъ ее въ глубокую печаль. Въ лагерѣ Марія случайно узнаетъ, что вожди клановъ заподозрили принца въ любовной интригѣ съ какою-то дамой, которая приходитъ къ нему на свиданія, закутанная густымъ вуалемъ. Они порѣшили подкараулить эту женщину, сорвать съ нея вуаль и, такимъ образомъ, удостовѣриться въ томъ, чью семью позоритъ Карлъ-Эдуардъ. Марія догадывается, что на свиданія съ принцемъ ходитъ жена Фингала. Нищая дѣвушка знаетъ, какою бѣдой грозитъ раскрытіе такой тайны принцу, а съ нимъ вмѣстѣ и дѣлу освобожденія ея родины изъ-подъ власти англичанъ. Марія бѣжитъ предупредить принца, но приходитъ слишкомъ поздно. Принцъ ушелъ со свиданія въ маленькомъ домикѣ, къ дверямъ уже подходятъ вожди клановъ. Марія успѣваетъ только вскочить въ окно, запереть дверь и спрятать въ другую комнату испуганную и потерявшуюся лэди Дору. Фингалъ и два другихъ лорда врываются въ хижину и останавливаются въ недоумѣніи, встрѣтивши не знатную даму, а нищую-дѣвушку. Чтобы разсѣять всякія сомнѣнія и предупредить дальнѣйшіе розыски, Марія показываетъ кошелекъ съ золотомъ, данный ей принцемъ. Лорды узнали на кошелькѣ вензель Карла-Эдуарда, съ презрѣніемъ отвертываются отъ продавшей себя нищей и намѣрены удалиться, когда входитъ слѣпой Ангусъ. На этотъ разъ вожди клановъ желали бы скрыть истину, отчасти, щадя несчастнаго старика, отчасти изъ боязни, какъ бы онъ не взволновалъ народъ, на который онъ имѣетъ огромное вліяніе. Слѣпецъ требуетъ, чтобы назвали ему женщину, не получая отвѣта, говоритъ длинную рѣчь и заключаетъ ее проклятіями. Марія не выдерживаетъ и выдаетъ себя возгласомъ. Удрученные этою сце-

ной лорды удаляются. Изъ нѣсколькихъ словъ Маріи старый Ангусъ понимаетъ, что внучка пожертвовала репутаціей для спасенія дѣла Шотландіи, и прижимаетъ съ благословеніями къ своей груди совершившую патріотическій подвигъ дѣвушку. На этомъ могла бы, если не окончиться, то оборваться драма, вѣрнѣе же, романическій эпизодъ въ драматической формѣ. Далѣе, въ четвертомъ актѣ, изображены скитанія Карла-Эдуарда послѣ пораженія его войска англичанами. Онъ находитъ пріютъ на фермѣ, гдѣ уже скрывается лордъ Фингалъ, жена котораго, лэди Дора, была смертельно ранена въ сраженіи и здѣсь умерла. Случайно въ руки лорда попадаетъ медальонъ лэди Доры съ портретомъ принца и съ его запиской, не оставляющей сомнѣнія въ томъ, что она была его любовницей. Фингалъ схватываетъ топоръ и хочетъ убить Карла-Эдуарда. Въ это время являются англійскіе солдаты, узнавшіе о томъ, что здѣсь спрятанъ какой-то бѣглецъ. Чтобы отклонить обыскъ, лордъ выдаетъ имъ себя и тѣмъ спасаетъ принца, говоря: «Пусть узнаетъ онъ, какъ мстятъ за честь свою Фингалы!» Въ пятомъ актѣ продолженіе скитаній принца, его встрѣча со слѣпцомъ Ангусомъ и Маріей, затѣмъ бѣгство на французскій корабль. Выстрѣлъ съ корабля даетъ знать о томъ, что принцъ спасенъ. Марія умираетъ.

Недостатки пьесы совершенно исчезаютъ при удивительной, почти вдохновенной игрѣ г. Горева и г-жи Ермоловой. Третій актъ, почти цѣликомъ запятый игрою этихъ двухъ лицъ, производитъ потрясающее впечатлѣніе и вызываетъ единодушные аплодисментны всей залы. Въ четвертомъ актѣ г-жа Ермолова и г. Горевъ совсѣмъ не появляются, а въ пятомъ—если и выходятъ на сцену, то лишь для того, чтобы повторять старое, всѣмъ уже извѣстное. А потому эти два акта проходятъ довольно томительно. Только въ концѣ пятаго дѣйствія изъ груди умирающей Маріи вырывается поразительный послѣдній вопль: «Спасенъ!» Исполненіе этихъ двухъ ролей г-жею Ермоловой и г. Горевымъ представляется не только артистическою игрой, но высоко-художественнымъ олицетвореніемъ данныхъ лицъ, причемъ артисты какъ бы исчезаютъ и передъ зрителями—живые люди съ ихъ настоящими волненіями, радостями и страданіями. Такого неподражаемаго исполненія мы давно не видали даже па сценѣ Малаго театра. Недавно приглашенный въ казенную трупу артистъ Ильинскій провелъ очень хорошо роль принца. Мягкій голосъ и пріятная дикція весьма подходятъ къ этой роли и подкупаютъ въ пользу ея исполнителя. Постановка пьесы превосходная, въ особенности замѣчательны декораціи лагеря, съ кострами при лунномъ освѣщеніи, и внутренности фермы съ видомъ на окрестность. Г. Гельцеръ большой мастеръ своего дѣла, умѣющій, какъ истинный художникъ, придать характерность и отличную законченность своимъ картинамъ.

Къ 1 февраля закончилась двѣнадцатая періодическая выставка картинъ московскаго общества любителей художествъ. Одинъ любитель, не изъ членовъ общества, но знающій толкъ въ живописи, назвалъ ее «вы-

ставкою картинокъ, а не картинъ». Опредѣленіе это представляется намъ очень вѣрнымъ, несмотря на то, что на выставкѣ есть довольно большія полотна и произведенія, задуманныя на крупные сюжеты. Дѣло въ томъ, что именно такія-то картины всего менѣе удовлетворяютъ требованіямъ, которыя общество вправѣ предъявлять художникамъ, претендующимъ на сколько-нибудь видное мѣсто среди своихъ собратій. Такъ, у самаго входа выставлена картина г. Е. Вилліама (по каталогу № 111), носящая заглавіе: *На произволъ судьбы*. Изображена почти въ натуральную величину женщина, сидящая на мостовой у какой-то стѣны. Лицо женщины скрыто въ ея колѣняхъ, около нея стоитъ маленькій ребенокъ, лежатъ кое-какіе скудные пожитки. Надъ женщиной налѣплена на стѣнѣ афиша, на которой можно прочесть: «блестящій фейерверкъ». Ясно, что мать и ребенокъ оставлены «на произволъ судьбы», но ясно это лишь изъ каталога. А у кого нѣтъ въ рукахъ этого печатнаго подсказыванія, для того весь смыслъ картины не въ женщинѣ съ ребенкомъ, а въ афишкѣ на стѣнкѣ: тамъ, видите ли, фейерверкъ, а здѣсь женщина плачетъ. При чемъ же тутъ фейерверкъ?... Г. Симовъ выставилъ очень старательно, но сѣро исполненную картину *На балу*, изображающую офицера и даму, склонившую головку къ нему на грудь. Позади нихъ и рядомъ съ ними толпа народа. Что дѣлаютъ офицеръ и дама, написанные въ натуральную величину и только до половины груди, понять никакъ нельзя. Предположить, что они танцуютъ, невозможно, ибо на дамѣ мѣховая накидка. А такихъ позъ никто не принимаетъ на виду у постороннихъ людей. Г. Касаткинъ представилъ *Печальную* — даму въ черномъ платьѣ и подъ черныхъ вуалемъ, прогуливающуюся у Кремлевской стѣны и закатывающую глаза вверхъ. Не смотрите въ каталогъ и вы ни за что не догадаетесь, что дама чѣмъ-то опечалена. Посмотрѣвши же въ каталогъ, скажете, вѣроятно: а мнѣ какое дѣло до того, что барынька опечалилась невѣдомо отъ чего?... Вотъ другое дѣло,—не огорчилась дама, а пришла въ неистовое отчаяніе мать, увидавши, что умеръ ея ребенокъ. Таковъ сюжетъ картины г. Рисъ, озаглавленной: *Умерла!* Замыселъ крупный, исполненіе крайне неудовлетворительное, и картина производитъ впечатлѣніе, обратное тому, какое, полагать надо, желательно ея автору. Не сочувствіе къ горю матери вызываетъ эта картина, а то непріятное и, пожалуй, даже немного враждебное чувство, какое мы испытываемъ, видя что-нибудь совершенно анти-художественное,—попросту говоря, противное. Написана она неестественными тонами, съ нѣкоторыхъ поръ усвоенными импрессіонистами. Отчего же это произведеніе представляется намъ, да и очень многимъ, видѣвшимъ его, такимъ отталкивающимъ? Отъ того, думается намъ, что мы не находимъ въ немъ настоящей правды, ни художественной, ни даже реальной. Мы не вѣримъ тому, что художникъ видѣлъ когда-нибудь изображенный имъ моментъ; если же видѣлъ, то мы не вѣримъ, чтобы могъ онъ его уловить и передать правдиво и точно. Прискорбно, что такой импрессіонизмъ забирается къ русскимъ художникамъ, и на

обществѣ любителей художествъ лежитъ обязанность не допускать его появленія на русской землѣ и на нашихъ выставкахъ.

На этой же выставкѣ есть еще оставшіеся «на произволъ судьбы», только совсѣмъ иного характера и смысла, чѣмъ представленные г. Вилліамомъ. Мы говоримъ о картинѣ г. Турлыгина *Къ Заступницѣ*. И тутъ—мать въ траурѣ и ребенокъ. Лица матери не видно, она припала имъ къ рѣшеткѣ, склонившись на колѣни у иконы Богоматери. Малютка, прижавшись къ матери и стоя лицомъ къ зрителю, не разумѣетъ ни горя, ни рыданій женщины, пришедшей излить свои страданія передъ Заступницей всѣхъ несчастныхъ. И вотъ это всѣ понимаютъ безъ подписей и безъ афишъ. Такъ же точно, какъ и передъ картиной г. Вилліама, мы не знаемъ, о чемъ сокрушается эта женщина, но ея горе такъ очевидно, такъ сильно, искренно, что насъ оно глубоко трогаетъ, и мы не удивились бы, увидавши у кого-нибудь навернувшіеся на глаза слезы передъ этою картиной. Картина написана очень хорошо, въ особенности икона, очень выдержанно и въ надлежащемъ тонѣ. Съ большимъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ значительный шагъ впередъ г. Турлыгина. Весьма хорошо написана и смыслъ имѣетъ небольшая картинка *Отецъ и дочь*, г. Яровова. Почтенный старикъ изъ крѣпкихъ мужиковъ пріѣхалъ въ городъ повидать свою молоденькую дочку и, попавши въ ея квартиру, сидитъ на диванѣ, погруженный въ тяжелую думу. Вся обстановка дѣвушки и ея фигура показываютъ, что это уже не честная работница, а дѣвица, живущая въ свое удовольствіе на особомъ нехорошемъ положеніи, отъ котораго въ сокрушеніи склонилась голова растерявшагося отца. Лицо старика и его поза очень типичны и выразительны. Нельзя того же сказать про недурную, впрочемъ, картину г. А. Маковскаго *Молодые*. Художникъ, повидимому, самъ не зналъ навѣрное, что̀ ему желательно изобразить, влюбленную ли парочку, только что повѣнчанную и ѣдущую въ вагонѣ совершить свое брачное путешествіе, или же офицера и барышню, поженившихся изъ иныхъ соображеній. Въ результатѣ получилось нѣчто неопредѣленное и не живое, не дурно написанный этюдъ на заданную тему, а не картина. Къ числу очень недурныхъ картинокъ мы можемъ отнести: *Сиротъ* г. Горохова, двухъ солдатиковъ г. Левитана, сочиняющихъ *Письмо къ роднымъ*, и *Проводы* г. Архипова.

Г. Свѣтославскій выставилъ, подъ названіемъ *Зимнія сумерки*, превосходный видъ на Кремль, подернутый морозною мглой. Лучшіе изъ пейзажей принадлежатъ г. Сейтгофу—*Серебристая ива* и г. Саврасову—*Зима*. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія пейзажи: г. Полякова — *Послѣдній снѣгъ*, г. Зарѣцкаго—*Морской видъ* (Новороссійскъ), г. Посполитаки—*Гора Ужба, въ Сванетіи*. Изъ портретовъ оригиналенъ и хорошъ *Профиль*, какъ значится въ каталогѣ, работы г. Алексомати. А затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе сдѣланный г. Перовымъ портретъ г. Горбунова,—не артиста, извѣстнаго разсказщика И. Ѳ. Горбунова, а пожилаго господина, сидящаго у письменнаго стола въ большомъ кабинетѣ. Не наше дѣло, конечно, разби-

рать обстановку комнаты, соотвѣтствующую вкусу хозяина. Но въ портретѣ обстановка эта занимаетъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ много мѣста. Самъ же по себѣ портретъ очень хорошъ и похожъ, кажется. Только намъ, вообще, не нравятся портреты-картины, на которыхъ изображаемыя лица оказываются безъ глазъ, какъ на портретѣ, писанномъ г. Перовымъ. Глаза г. Горбунова опущены на книгу, лежащую на столѣ. Мы думаемъ, что было бы много лучше, если бы художникъ предложилъ чтецу оторваться на минуту отъ книги и на портретѣ показалъ бы лицо полностью. Портретистамъ не удобно, быть можетъ, спорить съ заказщиками, а добрый совѣтъ художники обязаны подать не только относительно позы, но и касательно обстановки, дабы и самая фигура изображаемой особы не оказалась однимъ изъ аксессуаровъ комнаты.

Ан.

Письма о литературѣ.

Письмо пятое.

> „Всякій человѣкъ, что большой, что маленькій—это все одно—если онъ живетъ по правдѣ, какъ слѣдуетъ, хорошо, честно, благородно, дѣлаетъ свое дѣло себѣ и другимъ на пользу, вотъ онъ и патріотъ своего отечества. А кто проживаетъ только готовое, ума и образованія не понимаетъ, дѣйствуетъ только по невѣжеству, съ обидой и съ насмѣшкой надъ человѣчествомъ и только себѣ на потѣху, тотъ мерзавецъ своей жизни“.
>
> *Островскій.*

I.

«По вѣдомству русской литературы въ 1892 году все обстояло благополучно». Этимъ краткимъ рапортомъ читателю вполнѣ достаточно резюмируется и характеризируется состояніе нашей литературы за только что истекшій годъ. Какъ извѣстно, слово *благополучно* имѣетъ у насъ особенный смыслъ, значитъ не то, что люди мирно пользовались какими-нибудь полученными благами, а значитъ лишь то, что они жили по-старому, быть можетъ, вовсе безъ всякихъ благъ и даже совсѣмъ напротивъ. Въ этомъ именно смыслѣ мы и говоримъ о благополучномъ обстояніи нашей журналистики.

Маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію, и потому нѣкоторыя недоразумѣнія, возникшія въ журналистикѣ, отнюдь не могутъ омрачить общій свѣтлый горизонтъ нашего благополучнаго процвѣтанія. Такъ, остается все еще не рѣшеннымъ вопросъ о томъ, какой именно изъ нашихъ органовъ печати и кто именно изъ журналистовъ заключилъ союзъ съ Франціей и тѣмъ обезпечилъ отечество отъ политическихъ осложненій ближайшаго будущаго? *Московскія Вѣдомости* утверждаютъ, что это сдѣлано ими, въ лицѣ ихъ «великаго публициста»; г. Татищевъ изъ *Русскаго Вѣстника* увѣряетъ, что уже цѣлыхъ двадцать лѣтъ, и въ качествѣ дипло-

мата, и въ качествѣ журналиста, состоя на службѣ и оставшись за штатомъ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сблизить Россію съ Франціей,—усилія, нынѣ увѣнчавшіяся блестящимъ успѣхомъ. *Новости* доказывали, что никто столько не поработалъ для утвержденія союза, сколько они, и что честь спасенія отечества принадлежитъ именно имъ и никому больше. Доводы *Новостей* были убѣдительны, но, къ сожалѣнію, въ нѣдрахъ самой редакціи газеты произошелъ расколъ: г. Нотовичъ утверждалъ, что такъ какъ онъ редакторъ газеты, въ которой печатались спасательныя статьи, то вся честь спасенія принадлежитъ ему. Бывшій сотрудникъ *Новостей*, г. Сементковскій, съ своей стороны, заявилъ, что такъ какъ онъ—авторъ этихъ статей, то, значитъ, онъ, Сементковскій, спасъ отечество и умиротворилъ Европу, а совсѣмъ не г. Нотовичъ. Извѣстный и даже, можно сказать, знаменитый г. Ціонъ, не довольствуясь уже давно пріобрѣтенными имъ лаврами ученаго, финансиста и, главное, пламеннаго патріота, намекалъ, что безъ его обширныхъ связей и безъ его могущественнаго вліянія какъ во Франціи, такъ и въ Россіи никакого сближенія между заинтересованными сторонами не произошло бы. Были и другія заявленія того же рода и на ту же тему («да изъ лѣсу-то кто-жь? Все я его пугалъ») и только одинъ князь Мещерскій остался непоколебимъ: онъ полагалъ, полагаетъ и всегда будетъ полагать, что съ такими проклятыми безбожниками, какъ французы, у насъ не можетъ и не должно быть ничего общаго.

Новое Время не принимало участія въ этихъ притязаніяхъ и препирательствахъ по одной, вполнѣ уважительной причинѣ: почтенной газетѣ некогда было. Чести русской печати грозила серьезная опасность, и кому же болѣе всего приличествовало вступиться за эту честь, какъ не *Новому Времени*? Громадный нравственный авторитетъ этой газеты, ея безупречное прошлое, ея исполненная достоинства и внутренней силы независимость, ея просвѣщенное направленіе, съ такою неуклонностью и съ такимъ прямодушіемъ всегда ею отстаиваемое,—все это дѣлало газету естественнымъ представителемъ и защитникомъ нравственныхъ интересовъ русской печати. Все, что есть на Руси, обратило на *Новое Время*, по выраженію Гоголя, *полныя ожиданія очи*, и газета не обманула этихъ ожиданій: г. А. Суворинъ рѣшился самолично съѣздить въ Парижъ, гдѣ свила себѣ гнѣздо гнусная клевета, и разоблачить ее передъ лицомъ всего міра. Этотъ г. А. Суворинъ,—не тотъ А. Суворинъ, который издаетъ *Новое Время*, а другой, впрочемъ, тоже очень хорошій Суворинъ, родной сынъ перваго. Онъ, конечно, далеко еще не такъ знаменитъ, какъ его отецъ, который, подобно Булгарину, справедливо можетъ сказать о себѣ: «я знаю Русь и Русь знаетъ меня», но онъ непремѣнно будетъ знаменитъ и даже въ самомъ скоромъ времени. Не нужно думать, что онъ не болѣе какъ сынъ своего отца: нѣтъ, онъ тоже литераторъ и какъ разъ теперь печатаются длиннѣйшія публикаціи о скоромъ появленіи въ свѣтъ книги его собственнаго сочиненія о Палестинѣ. Это не только талантливый, но и благонамѣренный, смиренномудрый молодой человѣкъ.

Г. Суворинъ-отецъ съ умилительною торжественностью возвѣстилъ Россіи, что его сынъ отправляется на подвигъ *по собственному почину:* оцѣните, дескать, его чуткость, его деликатность, его самоотверженіе. Молодого человѣка провожали въ Парижъ такъ, какъ еслибъ онъ отправлялся къ сѣверному полюсу: съ дороги неслись телеграммы, печатались передовыя статьи, а г. Суворинъ-отецъ утиралъ въ своей газетѣ слезы и махалъ платкомъ въ слѣдъ уѣхавшему. И не напрасно: родительское сердце—вѣщунъ. Страшныя опасности ожидали отважнаго путешественника: «переѣздъ нашъ совершился не безъ препятствій политическаго свойства»,—писалъ онъ впослѣдствіи. Поѣздъ, на которомъ «со скоростью семидесяти верстъ въ часъ» летѣлъ г. Суворинъ, торопясь защитить честь русской печати, былъ взорванъ динамитомъ, причемъ вся сила удара была направлена на тотъ именно вагонъ, въ которомъ находился нашъ защитникъ. Г. Суворинъ въ разсказѣ объ этомъ эпизодѣ скромно замѣчаетъ, что «сюрпризъ предназначался канцлеру Каприви», а не ему, Суворину-сыну, но кто знаетъ, такъ ли это? У Россіи не мало враговъ и весьма возможно, что настоящимъ объектомъ покушенія былъ въ данномъ случаѣ именно г. Суворинъ или его спутникъ—г. Татищевъ, тотъ самый, который устроилъ союзъ между Россіей и Франціей. Какъ бы то ни было, козни враговъ не привели ни къ чему,—г. Суворинъ, преодолѣвши всѣ препятствія, съумѣлъ-таки добраться до Парижа, хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ.

Парижъ съ нетерпѣніемъ ждалъ нашего соотечественника. Какъ только г. Суворинъ показался въ столицѣ міра, такъ, «конечно, парижскіе собратья пытались интервьюировать меня (разсказываетъ г. Суворинъ), но я перваго же такого собрата огорчилъ рѣшительнымъ отказомъ предоставить себя въ его распоряженіе для этихъ цѣлей». Г. Суворину было не до интервьюверовъ, потому что его ждали французскіе министры. Но и съ министрами г. Суворинъ обошелся не очень милостиво: «я говорилъ съ Рувье, но не сталъ говорить съ другими министрами»,—заявляетъ онъ. Почему не сталъ? Потому, съ важностью объясняетъ г. Суворинъ, что, «кромѣ намековъ и полуоткровенностей, не могъ ожидать отъ нихъ ничего. Предметъ разспросовъ слишкомъ близко соприкасался если не съ государственною, то съ профессіональною тайной министровъ-депутатовъ, и дорога, на которую я попалъ бы, при этомъ была бы и слишкомъ длинна, и сомнительна, и налагала бы на меня отвѣтственность, которую я не могъ принять на себя. Чтобы добиться истины на этомъ пути, пришлось бы идти отъ подозрѣнія къ подозрѣнію и, разъясняя ихъ для себя, невольно разсѣивать ихъ кругомъ себя въ Парижѣ. Я желалъ этого избѣгнуть». Я не ожидалъ, я не могъ, я попалъ, я желалъ... Не нужно шокироваться этою, быть можетъ, ужь слишкомъ личною формой изложенія. Правда, г. Суворинъ на протяженіи небольшого фельетона по нашему счету употребилъ мѣстоименіе *я* ровно *тридцать разъ* и это только въ единственномъ числѣ и въ именительномъ падежѣ, не считая многочисленныхъ «*мы* съ С. С. Татищевымъ» и безчисленныхъ *меня, мнѣ, мною*, обо *мнѣ*. Но это такъ

понятно: бѣдный молодой человѣкъ, внезапно очутившiй передъ лицомъ всего цивилизованнаго мiра въ роли представителя русской печати, естественно долженъ былъ утратить мѣрило вещей, и никто въ этомъ не виноватъ, кромѣ тѣхъ, кто допустилъ его до такого положенiя. Пробудь г. Суворинъ въ Парижѣ еще нѣсколько дней, и онъ сталъ бы увѣрять французскихъ репортеровъ, что онъ каждый день во дворецъ ѣздитъ и что газеты его папаши самъ государственный совѣтъ боится. Законы психологiи такъ же непреложны, какъ вообще всѣ законы природы.

Пора, однако, начать говорить серьезно. Не г. Суворинъ-отецъ интересуетъ насъ,—это давно опредѣленная литературная величина,—и не самозванство г. Суворина-сына возмущаетъ насъ,—слишкомъ много чести было бы для него возмущаться тѣми или другими его поступками. Насъ удивляетъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже тревожитъ спокойствiе, съ какимъ наша печать смотрѣла на то, какъ чисто-частное дѣло одной газеты на виду у всѣхъ, ловкимъ движенiемъ опытныхъ рукъ, было превращено въ общее дѣло всей печати, и притомъ—подумать только!—въ *дѣло чести*. Тридцать лѣтъ назадъ такой фортель, конечно, не прошелъ бы безъ дружнаго протеста со стороны всѣхъ людей, дѣйствительно уважающихъ печатное слово, а нынѣ они ограничились только тѣмъ, что посмѣялись себѣ въ бороду. Что это—мудрая ли опытность, которая знаетъ, что на всякое чиханье не наздравствуешься и за всякою шальною газетною выходкой не поспѣешь съ протестомъ, или, какъ опасаемся мы, это вялая и тусклая апатiя, характеризующая наше время,—апатiя, для которой все—все равно, лишь бы ее не трогали? Но, вѣдь, именно на почвѣ этой фальшивой мудрости и за ширмами этой всепрощающей апатiи и создается влiянiе тѣхъ теченiй, тѣхъ нравовъ, привычекъ, прiемовъ, бороться противъ которыхъ есть долгъ всякаго дѣйствительно честнаго писателя. Въ нашемъ еще столь мало развитомъ обществѣ авторитетность нерѣдко прiобрѣтается не внутреннею, истинною силой, а смѣлымъ нахрапомъ, разсчитанною наглостью, амикошонскимъ третированiемъ всего, что мы привыкли чтить и любить. *Кто первый палку взялъ, тотъ и капралъ*,—вотъ наша система дѣйствiй; *ай, моська, знать она сильна, коль лаетъ на слона*,—вотъ наша обычная логика.

Послушайте, что говоритъ г. Суворинъ въ оправданiе своего самозванства: я взялъ палку первымъ, слѣдовательно, я и капралъ. Вотъ его подлинныя слова: «Въ нашей печати я встрѣтилъ мнѣнiе, что, перейдя отъ личнаго дѣла *Новаго Времени* къ общему дѣлу русской печати, я поступилъ безъ достаточной довѣренности отъ русской печати. Если въ этомъ дѣлѣ нужны извиненiя, то меня, конечно, достаточно извинятъ тѣ два мѣсяца, которые прошли со времени обвиненiя Делагэ, безъ того, чтобы русская печать сама дала кому-нибудь эту довѣренность. Кого винить? Въ каждой цивилизованной странѣ печать имѣетъ организацiю, обыкновенно общество или клубъ печати, и ему-то принадлежитъ починъ и представительство во всякомъ общемъ дѣлѣ печати. У насъ ничего подобнаго нѣтъ

и при этомъ по необходимости каждое общее дѣло русской печати должно ждать почина случайнаго». Не будемъ говорить о странной увѣренности г. Суворина, что если бы наша печать имѣла правильную организацію, то представителемъ ея общихъ интересовъ могъ бы быть выбранъ, въ случаѣ надобности, онъ, великій авторъ сочиненія о Палестинѣ. Но мы усиленно указываемъ только на то отождествленіе *Новаго Времени* со всею русскою печатью, которое осмѣлились сдѣлать гг. Суворины и которое прошло для нихъ совершенно безнаказанно. Какъ было дѣло? Во французской печати было высказано предположеніе или утвержденіе, что *Новое Время* прямо или косвенно принимало участіе въ панамскомъ грабежѣ. Въ такомъ предположеніи могло быть много обиднаго для газеты, если только могло быть, но русской печати во всей совокупности ея органовъ оно ни малѣйшимъ образомъ не касалось. Съ которыхъ это поръ мы, русскіе писатели, должны раздѣлять съ *Новымъ Временемъ* отвѣтственность за его дѣйствія? Развѣ мораль этой откровенной газеты—наша мораль, развѣ ея консервативно-либерально-прогрессивно-реакціонное направленіе не есть ея исключительное достояніе, поддерживаемое только двумя-тремя ничтожными листками? Наоборотъ, одною изъ первыхъ заботъ всякаго чистаго органа и всякаго честнаго писателя было до сихъ поръ ревнивое отгораживаніе себя отъ всякаго сосѣдства съ *Новымъ Временемъ*, открещиваніе отъ всякой съ нимъ солидарности,—нравственной въ особенности. Если бы газета дѣйствительно получила изъ панамскихъ капиталовъ пятьсотъ тысячъ франковъ, этотъ фактъ былъ бы не болѣе, какъ послѣднимъ штрихомъ, дорисовывающимъ ея физіономію, только и всего. Возмущаться этимъ фактомъ было бы слишкомъ странно, потому что слишкомъ поздно, и мы могли бы подивиться только ненасытной жадности газеты, кажется, достаточно обезпеченной въ своемъ привилегированномъ существованіи, чтобы не имѣть надобности продавать себя прямо за деньги, да еще иностранныя.

Именно такъ: газета сыта и даже пресыщена, и въ этомъ весь секретъ ея запоздалой заботы о литературной нравственности, ея негодованіе на клевету, ея громы и молніи на подкупность. Подобно дѣвицамъ изъ Риги и изъ Ревеля, которыя, сколотивши своими трудами кругленькій капиталецъ и выйдя замужъ за какого-нибудь захудалаго статскаго совѣтника, превращаются внезапно въ неумолимо-строгихъ и высоконравственныхъ дамъ, съ большимъ авторитетомъ гдѣ-нибудь въ Гавани или на Охтѣ,—подобно этимъ дѣвицамъ *Новое Время* намѣревается поправить свою репутацію, и отсюда ея теперешняя суетливость. Дама полусвѣта всѣми силами старается сдѣлаться дамой настоящаго свѣта и для этого нужны манеры, нуженъ извѣстный тонъ и, главное, нужно представительство, нужны подходящія знакомства и связи, а этого можно добиться или заискиваніемъ, или нахрапомъ, ничѣмъ не смущающеюся безцеремонностью. Послѣднее вѣрнѣе: мы, русскіе, люди деликатные и, къ тому же, безалаберные, такъ что втереться въ наше общество ловкому пронырѣ ничего почти не стоитъ. Давно сказано, что у насъ всѣ человѣка ругаютъ и этого же человѣка всѣ принимаютъ.

Но судьба иногда бываетъ справедлива и очень часто бываетъ иронична. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Въ самый разгаръ хлопотъ и заботъ *Новаго Времени* о спасеніи чести русской журналистики два главныхъ сотрудника этой газеты, гг. Буренинъ и Житель, точно составивши между собою комплотъ противъ своей редакціи, внезапно начали исповѣдываться и обнаружили сокровенные мотивы своей литературной дѣятельности. Это было тяжелое, непріятное, но въ извѣстномъ смыслѣ поучительное зрѣлище, которому одновременно происходившія хлопоты редакціи о нашемъ нравственномъ обѣленіи придали даже большую пикантность. Г. Буренинъ заявилъ, что онъ находитъ себя устарѣвшимъ для дальнѣйшей дѣятельности, и слѣдующими чертами обрисовалъ свое, дѣйствительно трудное, положеніе: «Мы живемъ въ такое время, когда все требуетъ необыкновеннаго серьезнаго отношенія къ себѣ, потому что всѣ о себѣ самаго серьезнаго мнѣнія. Теперь, когда даже явное шутовство претендуетъ на серьезность, трудно сохранять шутливое или ироническое настроеніе въ критикѣ. Я вотъ именно отъ того и предполагаю себя устарѣвшимъ и неудобнымъ для нашего времени критикомъ, что не ощущаю въ себѣ того важнаго, серьезнаго настроенія, которое требуется нынче во что бы то ни стало. Я, положимъ, встрѣчаю въ журналѣ забавную глупость и хотѣлъ бы пошутить надъ ней. А, между тѣмъ, на дѣлѣ-то оказывается, что по нынѣшнимъ понятіямъ это совсѣмъ не глупость, а философія или эстетика въ самомъ послѣднемъ вкусѣ. Какъ тутъ забавляться, помилуйте? Тутъ просто хоть плачь, а не то что забавляться: вотъ какое это прискорбное положеніе». Да, невесело, должно быть, г. Буренину и мы пожалѣли бы его, если бы естественное чувство состраданія не заглушалось въ насъ другими чувствами, болѣе приличными по отношенію къ г. Буренину. Если въ самомъ дѣлѣ наше время властно требуетъ серьезности, до того, что *даже явное шутовство претендуетъ на серьезность*, то каково положеніе того шута, для котораго возвратъ уже невозможенъ, который хотѣлъ бы, но не въ силахъ быть серьезнымъ, потому что привычка—вторая натура и еще потому, что никто его серьезности не повѣритъ? Да, это начало конца, это начало разсчета съ совѣстью, это приступъ къ подведенію итоговъ прошученной жизни, промотаннаго таланта, опозоренной дѣятельности, загрязненной человѣческой личности. Природа мститъ за свое извращеніе, гдѣ бы и въ чемъ бы это извращеніе ни выразилось. Въ знаменитой драмѣ Гюго *Le roi s'amuse* придворный шутъ Трибулэ выражаетъ тотъ же мотивъ, который затронутъ и г. Буренинымъ, въ слѣдующихъ энергическихъ стихахъ:

„O rage! être bouffon! ô rage! être difforme!
Toujours cette pensée! et qu'on veille ou qu'on dorme,
Quand du monde en rêvant vous avez fait le tour,
Retomber sur ceci: je suis bouffon de cour!
Ne vouloir, ne pouvoir, ne devoir et ne faire
Que rire! Quel excès d'opprobre et de misère!"

Г. Буренинъ еще не дошелъ до этой степени отчаянія и врядъ ли дойде ь

когда-нибудь, потому что слишкомъ легкомысленъ для такихъ чувствъ, но онъ, очевидно, уже недалекъ отъ того, чтобы воскликнуть, оглядываясь на свое прошлое, вмѣстѣ съ Трибулэ: «quel excès d'opprobre et de misère!»

Г. Житель,—другая нововременская звѣзда,—тоже почувствовалъ потребность въ публичномъ покаяніи и совершилъ его въ такихъ выраженіяхъ, которыя не оставляютъ ничего желать со стороны опредѣленности и откровенности. Разсказывая, какъ дорого въ нравственномъ смыслѣ обходится ему работа, являющаяся для него систематическимъ насиліемъ надъ своею совѣстью и надъ своимъ умомъ, г. Житель заключаетъ признаніемъ, которое производитъ истинно удручающее впечатлѣніе. «Къ этой нервной тревогѣ, самого по себѣ, процесса писанія,—говоритъ г. Житель,—прибавляется еще гнетущее сознаніе: нельзя быть такимъ. А такими, вѣдь, сдѣлались почему-нибудь люди безспорно даровитые, и сдѣлало ихъ такими *питейное,* увеселительное, жизнерадостное, сволочепоклонническое столпленіе праздныхъ». Каково это, читатель? Страшно! За человѣка страшно! Не будемъ подражать фарисею и благодарить Бога, что мы не похожи на этого мытаря, но, вѣдь, и сочувствовать ему нѣтъ силъ: онъ искрененъ теперь, въ эту рѣдкую минуту самосознанія и горькаго покаянія, но, вѣдь, и сомнѣнія нѣтъ, что онъ завтра же опять погрузится въ *сволочепоклонническое столпленіе праздныхъ* и опять начнетъ изрыгать хулу на Духа Святаго. Грѣшить годами, каяться минутами, чтобы опять начать грѣшить до новаго безполезнаго раскаянія—это или обманъ, или самообманъ, или и то, и другое вмѣстѣ. И зачѣмъ эти люди покидаютъ *питейное* и идутъ въ литературу? Зачѣмъ они переносятъ привычки и пріемы, приличествующіе питейному, въ чистую область безкорыстной мысли, общихъ цѣлей, неличныхъ идеаловъ? Затѣмъ, отвѣчаетъ г. Житель, что литература есть ремесло, какъ всякое другое: «въ печать сплошь и рядомъ идутъ люди безъ всякаго позыва къ ней, безъ всякаго значенія въ ней, просто ѣдятъ ее какъ легкій кусокъ хлѣба, потому что рядомъ со строгими требованіями къ авторамъ и ихъ работамъ уживается самая безшабашная покладливость въ оцѣнкѣ труда: ничего, молъ, и этотъ не хуже, сойдетъ. И если бы большинству нынѣшнихъ журналистовъ (себя отнюдь не исключаю) предложили тѣ же деньги за другую работу, менѣе показную и менѣе отвѣтственную, то, разумѣется, послѣдовало бы полное согласіе. Развѣ одни маньяки необузданнаго самомнѣнія остались бы работать для славы, воображая, что каждое слово ихъ глупости — перлъ оракульскаго прорицанія». Это всего только отрывокъ изъ бѣглаго газетнаго фельетона, написаннаго ради хлѣба (вѣдь, г. Житель не *искмючаетъ себя* изъ числа литературныхъ ремесленниковъ), но мы приглашаемъ читателя серьезно вдуматься въ него. Съ одной стороны, литература—*легкій кусокъ хлѣба*; съ другой стороны, она—дѣло показное и отвѣтственное, которое большинство журналистовъ согласилось бы промѣнять на всякую другую работу, одинаково оплачиваемую. Хорошая, значитъ, *легкость!* Тѣмъ не менѣе, тутъ нѣтъ противорѣчія, и съ *своей точки зрѣнія* г. Житель правъ: онъ разсказываетъ о себѣ, что пишетъ

съ большою легкостью, безъ помарокъ, и, въ то же время, мучится своею работой, и оба эти показанія мы считаемъ вѣрными и, кромѣ того, типичными для того разряда писателей, къ которому принадлежитъ г. Житель. Дѣло въ томъ, что литература, какъ ремесло, дѣло дѣйствительно нетрудное и ея техническая сторона можетъ быть усвоена всякимъ сколько-нибудь способнымъ человѣкомъ. Литература, какъ искусство, какъ призваніе, какъ миссія, дѣло не легкое, но обаятельное, мучительно-сладкое, и тѣ писатели, которыхъ г. Житель съ злобною завистливостью обзываетъ «маньяками», конечно, не промѣняютъ своего дѣла ни на какое другое, хотя бы въ двадцать разъ болѣе выгодное. Въ первомъ случаѣ человѣкъ спокоенъ и даже по-своему счастливъ, какъ всякій трудолюбивый ремесленникъ, который въ потѣ лица ѣстъ хлѣбъ свой. Во второмъ случаѣ о невозмутимомъ спокойствіи не можетъ быть и рѣчи, о самодовольствіи—тоже, но это недовольство происходитъ не отъ разлада съ самимъ собою, а отъ сознанія своего недостоинства передъ тѣмъ идеаломъ, которому призванъ служить писатель.

Но тѣ мнѣ, Русь, противны люди,
Тѣ изъ твоихъ отборныхъ чадъ,
Чтò, колотя въ пустыя груди,
Все о любви къ тебѣ кричатъ.
Противно въ нихъ соединенье
Гордыни съ низостью въ борьбѣ
И къ русскимъ гражданамъ презрѣнье
Съ подобострастіемъ къ тебѣ,
Противны затхлость ихъ понятій,
Шумиха фразы на лету
И видъ ихъ пламенныхъ объятій,
Всегда простертыхъ въ пустоту.

Это блестящая характеристика тѣхъ именно писателей, которые дѣлаютъ изъ цѣли средство, изъ миссіи ремесло, которые не идеалу служатъ, а жизни прислуживаютъ. Они сами не вѣрятъ тому, въ чемъ убѣждаютъ, сами не уважаютъ того, чтò защищаютъ, и чѣмъ громче ихъ «шумиха фразъ», тѣмъ глубже они чувствуютъ всю фальшь этихъ фразъ. Меня всегда удивлялъ тотъ странный тонъ безпредметнаго и безпричиннаго ожесточенія, который составляетъ отличительную черту всѣхъ писаній г. Жителя. Теперь, послѣ сдѣланныхъ авторомъ признаній, дѣло выяснилось вполнѣ: это ожесточеніе противъ самого себя, это какъ бы месть за то самопрезрѣніе, которое испытываетъ писатель, простирая пламенныя объятія въ завѣдомую пустоту. Даже роль шута завидна въ сравненіи съ такимъ жребіемъ: шутъ, все-таки, веселится, хихикаетъ, позвякиваетъ бубенчиками, а эти несчастные медленно истаяваютъ въ припадкахъ хроническаго озлобленія. *Нельзя быть такими*, говорятъ они себѣ и, въ то же время, чувствуютъ, что имъ уже *нельзя не быть такими.*

Если къ этимъ признаніямъ двухъ главныхъ сотрудниковъ *Новаго Времени* присоединить заявленіе самого издателя, что, по его убѣжденію, чи-

татели, конечно, легко повѣрили обвиненію его въ подкупности («я знаю Русь и Русь знаетъ меня!»), то психологія газеты раскроется передъ нами до самаго дна. Эти люди сами себя не уважаютъ, сами себѣ опротивѣли и они-то представительствуютъ за всю нашу печать, они-то являются защитниками ея чести! Это одинъ изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ въ исторіи нашей журналистики,—и подѣломъ намъ: это только справедливое наказаніе за наше бѣлоручничество, за нашу надменную брезгливость, съ какой мы уклоняемся отъ борьбы съ нечистоплотными противниками. Не журналистика для насъ, а мы для журналистики,—вотъ чего забывать не нужно.

II.

Со всѣхъ сторонъ мы слышимъ жалобы на отсутствіе въ современной литературѣ первостепенныхъ талантовъ. Жалобы справедливы, потому что фактъ вѣренъ, но онѣ безполезны, потому что что-жь подѣлаешь съ неурожаемъ? Надо терпѣть и ждать, въ увѣренности, что источники нашихъ умственныхъ силъ не изсякли, что наше случайное оскудѣніе не есть признакъ вырожденія. Гораздо рѣже, но и гораздо основательнѣе жалобы на пониженіе общаго *нравственнаго* уровня нашей литературы по сравненію съ недавнимъ прошлымъ. Это значитъ, что мы не только *немножечко деремъ,* но и *въ ротъ хмѣльное беремъ.* Если эти жалобы справедливы, то тутъ уже возникаетъ вопросъ о нашей отвѣтственности, котораго не было и не могло быть въ первомъ случаѣ. Каждый писатель пишетъ въ мѣру своего таланта и никто не обязанъ быть первоклассным писателемъ, никто не имѣетъ права упрекнуть меня за слабость моихъ способностей, хотя всякій, конечно, имѣетъ право указать на эту слабость. Пусть я или вы, какъ писатели, слабы, бездарны, ничтожны, пусть за это отведутъ намъ мѣсто въ самыхъ послѣднихъ рядахъ литературы, но если мы работаемъ по правдѣ, какъ слѣдуетъ, хорошо, честно, благородно, дѣлаемъ свое дѣло себѣ и другимъ на пользу, то мы не только патріоты своего отечества, но и настоящіе, хотя, конечно, очень маленькіе писатели. Наоборотъ, если вы даже при настоящемъ, большомъ талантѣ, ума и образованія не понимаете, дѣйствуете только по невѣжеству, съ обидой и съ насмѣшкой надъ человѣчествомъ и только себѣ на потѣху,—вы не только мерзавецъ своей жизни, но даже и не писатель: вы литературный карьеристъ, литературный чиновникъ, наконецъ, литературный гешефтмахеръ, но не писатель, которымъ можетъ быть только тотъ, для кого истина дороже его личности, кто общее благо ставитъ выше своихъ выгодъ, кто служитъ идеѣ, а не ѣстъ ее какъ «легкій кусокъ хлѣба». Нравственный критерій въ литературѣ, какъ и въ жизни, имѣетъ рѣшающее значеніе. Маленькій чиновникъ, добросовѣстно исполняющій свои невидныя, но полезныя обязанности, почтеннѣе, какъ человѣкъ, и полезнѣе, какъ дѣятель, нежели тотъ блестящій генералъ, благодаря честолюбію или самолюбію котораго было проиграно

генеральное сраженіе. Лучше маленькій деревянный домъ, нежели большая каменная болѣзнь, говорятъ практичные нѣмцы. Этическая точка зрѣнія, въ большинствѣ случаевъ, почти всегда совпадаетъ съ утилитарною.

Не много лѣтъ назадъ одинъ изъ талантливѣйшихъ и честнѣйшихъ писателей нашихъ писалъ: «Какимъ образомъ балагурство для балагурства, бѣшенство для бѣшенства могутъ удовлетворять читающія массы, это—секретъ той степени развитія, на которой можетъ находиться въ каждую данную минуту каждое данное общество. Ежели умственные и политическіе интересы не возбуждаютъ вниманія общества, то и журналистика неизбѣжно принимаетъ соотвѣтствующій низменный характеръ». Объ этой неизбѣжности можно спорить и, во всякомъ случаѣ, она не избавляетъ насъ отъ отвѣтственности. *Степень развитія общества*—это, конечно, важнѣйшій факторъ, но неужели, все-таки, въ паденіи или въ ослабленіи журналистики нѣтъ никакой вины журналистовъ? Пять, десять лѣтъ назадъ *степень развитія общества* была гораздо ниже, чѣмъ теперь, но былъ ли ниже уровень журналистики? На каждаго Булгарина приходился въ то время свой Бѣлинскій, а теперь мы имѣемъ массу Булгариныхъ, но Бѣлинскихъ что-то не видно и не слышно. Опять скажу: не въ талантѣ дѣло, который отъ Бога, а въ той общей нравственной атмосферѣ, которая окружаетъ насъ и которую мы своимъ личнымъ поведеніемъ можемъ или обеззараживать, или еще больше заражать. Тотъ же писатель, котораго мы цитировали выше, однажды замѣтилъ, что ему довольно затруднительно было бы представить себѣ Бѣлинскаго, понюхивающаго табачокъ съ Булгаринымъ. Этотъ образъ уясняетъ дѣло. Чѣмъ онъ неправдоподобнѣе, тѣмъ, значитъ, выше нравственный уровень журналистики, тѣмъ строже и чище ея нравы—и наоборотъ.

Если бы припомнить всѣ факты, случившіеся только за послѣднее пятилѣтіе и характеризующіе забвеніе даже самихъ элементарныхъ правилъ литературной нравственности, составилась бы довольно обширная коллекція, любой экземпляръ которой годится для сохраненія въ назиданіе потомству. Вотъ публицистъ и сотрудникъ очень почтеннаго журнала возводитъ на своего противника обвиненіе въ литературномъ подлогѣ, а по разслѣдованіи оказывается, что никакого подлога и въ поминѣ не было; вотъ тотъ же публицистъ, въ спорѣ съ другимъ противникомъ, приводитъ завѣдомо невѣрныя цитаты и скромно отмалчивается, когда его уличаютъ въ этомъ. Вотъ другой публицистъ и беллетристъ, благородно вступившись за славу своего умершаго друга, приписываетъ его критику слова, которыхъ тотъ не думалъ говорить, въ чемъ и изобличается постороннимъ человѣкомъ. Вотъ профессоръ, защищая теорію своего учителя, съ недоумѣніемъ разводитъ руками передъ тѣми истинно-шулерскими передержками, которыя дѣлаетъ его тоже ученый, по крайней мѣрѣ, патентованный оппонентъ. Вотъ критикъ, который дѣлаетъ тайныя позаимствованія изъ чужихъ работъ и объясняетъ это *сильнымъ впечатлѣніемъ*. Вотъ журналъ, блудливый какъ кошка и трусливый какъ заяцъ, который, надменно поднимая

вверхъ голову, вызывалъ охотниковъ на смертельный бой съ нимъ и тотчасъ же началъ грозить жалобой въ судъ, какъ только въ толпѣ зрителей нашелся желающій принять его вызовъ. И т. д. Я бралъ только тѣ примѣры, которые остались въ памяти, и только изъ тѣхъ сферъ, которыя претендуютъ на порядочность, но ихъ, конечно, было больше и затѣмъ остается нетронутою еще цѣлая литературная область, въ которой прямо было провозглашено, что писателю нѣтъ никакой надобности быть честнымъ человѣкомъ. Представьте себѣ сразу совокупность всѣхъ этихъ явленій, да присоедините къ этому апатическое равнодушіе или прямо уныніе, поразившее почти все, что въ нашей журналистикѣ осталось почестнѣе и поискреннѣе, и вы получите точное представленіе о воздухѣ, которымъ всѣ мы дышемъ. Мы приглядѣлись и притерпѣлись до того, что разучились даже негодовать.

Кого Богъ захочетъ наказать, у того онъ, прежде всего, отнимаетъ разумъ. Только такъ и можно объяснить, какимъ образомъ несомнѣнно неглупые, образованные, интеллигентные люди рѣшаются на постыдные поступки, которые завѣдомо не могутъ быть ни скрыты, ни чѣмъ-нибудь оправданы. Вѣдь, что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ; вѣдь, печатные документы могутъ быть провѣрены каждымъ желающимъ; вѣдь, добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. Ни одинъ писатель, въ особенности ни одинъ журналистъ, всегда пишущій на почтовыхъ, не можетъ считать себя застрахованнымъ отъ неловкостей, безтактностей, неудачныхъ выраженій, случайныхъ ошибокъ и т. п. Но, во-первыхъ, и такіе промахи должны влечь за собою отвѣтственность, а, во-вторыхъ, въ нихъ нѣтъ того, что придаетъ дурному поступку безнравственный характеръ,—нѣтъ умышленности. А развѣ можно неумышленно *сочинять* цитаты?

Перебирая мысленно имена всѣхъ нашихъ дѣйствующихъ работниковъ печати, безъ различія направленій, насчитываешь не болѣе двухъ, много трехъ десятковъ, совершенно свободныхъ отъ всякаго пятна и упрека. Господь, въ своемъ милосердіи, обѣщалъ пощадить Гоморру, если въ ней найдется хоть одинъ праведникъ,—будемъ надѣяться, что ради нашихъ немногихъ праведниковъ простится и литературѣ обуявшій ее теперь «духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія». Въ особенности силенъ духъ любоначалія,—иначе говоря, духъ мелкаго и пошлаго тщеславія, тѣмъ болѣе назойливаго и притязательнаго, чѣмъ мельче писатель и чѣмъ меньше его заслуга. Салтыковъ, Толстой, Успенскій на нашихъ глазахъ уклонялись ъ всякихъ юбилейныхъ чествованій, а Салтыковъ, кромѣ того, жестоко мѣялъ ихъ въ спеціальномъ сатирическомъ очеркѣ, но юбилейныя торества чрезвычайно привились въ нашей журналистикѣ и чередуются въ ей одно за другимъ. Какое, подумаешь, необыкновенное изобиліе знаменитостей! Редакторы прилагаютъ къ своимъ журналамъ свои портреты и бстоятельно повѣствуютъ, сколько необыкновеннаго ума, чрезвычайнаго скусства и сверхъестественнаго терпѣнія потрачено ими на то, чтобы вести утлую ладью своего изданія среди мелей и подводныхъ камней.

Газеты, справедливо предполагая, что читатели нисколько не святѣе писателей, уловляютъ подписчиковъ, предлагая имъ купить безсмертіе по самой сходной цѣнѣ: пусть Бобчинскіе нашего отечества пришлютъ въ редакцію свою фотографическую карточку съ добавленіемъ нѣсколькихъ рублей и за то они, во-первыхъ, будутъ зачислены въ составъ интеллигенціи и, во-вторыхъ, всѣмъ и всюду будетъ повѣщено, что такой-то Бобчинскій проживаетъ въ такомъ-то городѣ и съ честью занимаетъ такое-то мѣсто. *Личную скромность* редакція проситъ при этомъ оставить въ сторонѣ. Удивительныя времена, диковинные нравы! Клоуны (не въ метафорическомъ, а въ точномъ смыслѣ) печатаютъ свои автобіографіи, въ которыхъ разсказываютъ о мукахъ своего клоунскаго творчества (да, творчества!) и находятъ себѣ глубокомысленныхъ комментаторовъ. Геніальные русскіе шахматисты возбуждаютъ своими побѣдами патріотическій восторгъ. Геніальныя русскія лошади вызываютъ своими неудачами патріотическую скорбь. Нѣтъ номера газеты, въ которомъ не разсказывалось бы о поднесеніи кому-нибудь серебрянаго самовара или хоть серебрянаго подстаканника, причемъ всенепремѣнно въ слѣдующемъ № будетъ напечатано письмо самого виновника торжества, съ сакраментальною фразой: *не имѣя возможности, я* и проч. Обѣдаютъ, другъ друга съ чѣмъ-то поздравляютъ, другъ друга за что-то чествуютъ,—во всѣ концы Россіи летятъ привѣтственныя телеграммы, музыка играетъ, штандартъ скачетъ,— словомъ, жизнь течетъ въ эмпиреяхъ. А мы еще жалуемся на какой-то застой, говоримъ о нашемъ оскудѣніи талантливыми общественными дѣятелями!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то и знай!

Психологія тщеславія—одинъ изъ интереснѣйшихъ для анализа вопросовъ. Вундтъ замѣтилъ однажды, что исторія человѣчества невообразимо измѣнилась бы, если бы изъ нея былъ вычеркнутъ такой факторъ, какъ *страхъ смерти*. Отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ и можно утверждать, что исторія измѣнилась бы не меньше, если бы изъ нея вычеркнуть побужденія тщеславія. Кромѣ того, *страхъ смерти* есть величина приблизительно постоянная,—древніе боялись смерти не больше и не меньше насъ, — тогда какъ тщеславіе ростетъ и въ ширину, и въ глубину, все болѣе и болѣе вкореняясь въ человѣка и охватывая все большій и большій кругъ людей, по мѣрѣ развитія культуры и сопряженной съ нею публичности. Въ нашей литературѣ есть книга, появившаяся два-три года назадъ, въ которой мы найдемъ нѣсколько любопытныхъ иллюстрацій къ вопросу о сущности тщеславія. Книга имѣла совершенно другія цѣли (впрочемъ, трудно сказать съ точностью, какія именно цѣли), пыталась, повидимому, установить нѣкоторые положительные идеалы (опять-таки не легко формулируемые), блистала тою ученостью, которая выражается въ цитатахъ и эпиграфахъ на древнихъ и новыхъ языкахъ, приводимыхъ хоть

и не всегда кстати, за то въ подлинникахъ, и тою философіей, которая пользуется только однимъ методомъ, — методомъ аналогій, уподобленій, сравненій. Въ сущности, вся эта книга не болѣе, какъ очень длинное *стихотвореніе въ прозѣ*, кстати же она и написана поэтомъ, притомъ, довольно извѣстнымъ. Мы говоримъ о книгѣ г. Минскаго *При свѣтѣ совѣсти*. Свѣтъ совѣсти—свѣтъ очень яркій; посмотримъ, что нашелъ при этомъ свѣтѣ г. Минскій.

«Если бы человѣкъ спросилъ себя самого, чего онъ болѣе всего желаетъ и о чемъ мечтаетъ, то совѣсть заставила бы его отвѣтить такъ: я желаю стоять на возвышенномъ средоточіи земли, чтобы всѣ люди, склоненные, толпились кругомъ и славили меня, какъ единственный источникъ бытія и радости, чтобы матери указывали на меня своимъ дѣтямъ, чтобы юноши взирали на меня съ тайною грустью, а женщины—съ тайнымъ восторгомъ. Я желаю, чтобы моему имени повсюду воздымалось и курилось столько алтарей, сколько на землѣ холмовъ и горъ. Я желаю дышать огненною атмосферой, раскаленнымъ кислородомъ всеобщей любви, не благодарности за оказанное добро, а чистой любви за то, что я существую, вижу, слышу и люблю себя. Я желаю, если мнѣ нельзя жить вѣчно, чтобы въ часъ моей смерти всѣ люди добровольно рѣшились перестать жить, чтобы они сожгли красивыя зданія, изорвали яркія ткани, закопали въ землю драгоцѣнности и, собравшись вокругъ моей могилы, умерли съ горя».

Всего этого, по мнѣнію г. Минскаго, желаетъ «человѣкъ», т.-е. *вообще* человѣкъ, *всякій* человѣкъ, значитъ, и мы съ вами, читатель. Въ самомъ ли дѣлѣ таковы ваши задушевныя желанія? Что говоритъ вамъ объ этомъ ваша совѣсть? Думаю, то же самое, что и моя: отъ роду никогда ничего подобнаго я не желалъ. Такихъ людей, какъ мы съ вами — массы; есть даже такіе, которые, подобно тургеневскому Берсеневу, видятъ свое назначеніе въ томъ, чтобы стать нумеромъ вторымъ. Но г. Минскій, все-таки, вѣрно указалъ здѣсь одну черту, свойственную многимъ нравственнымъ недостаткамъ, а тщеславію въ особенности: тщеславные люди судятъ о другихъ по себѣ и рѣшительно не могутъ повѣрить, что есть люди, которымъ не только не пріятно, но просто противно «стоять на возвышенномъ средоточіи» и принимать поклоненія. Вспомнимъ Башкирцеву и ея слова: «строгіе умы, не пожимайте плечами, вѣдь, вы и сами, въ сущности, таковы». Ну, конечно, таковы и иными быть не могутъ! Представьте, однако, на «возвышенномъ средоточіи», чтобы не выходить изъ литературной сферы, Кольцова, Крылова, Бѣлинскаго, Салтыкова, Хвощинскую, Льва Толстого, Глѣба Успенскаго: они были бы рады, въ такомъ глупомъ положеніи, спрятаться въ мышиную норку отъ стыда и конфуза, но можно вообразить, какія павлиньи позы принимали бы на ихъ мѣстѣ Башкирцевы обоихъ половъ! Какъ поэтъ, надѣленный, къ тому же, чисто-восточною фантазіей, г. Минскій употребляетъ чрезмѣрно гиперболическія выраженія, но сущность дѣла обрисована вѣрно и нужно только уменьшить масштабъ: оставляя въ сторонѣ возвышенное средоточіе земли (а, кстати, что такое *возвышенное средото-*

чіе земли и гдѣ его искать?), можно говорить о пьедесталахъ, пьедестальчикахъ, вплоть до внутреннихъ каблуковъ въ сапогахъ, употребляемыхъ людьми маленькаго роста, чтобы казаться хоть на полвершка повыше.

Высшее счастіе человѣка, по убѣжденію и по внутреннему влеченію тщеславныхъ людей, состоитъ въ той или другой формѣ первенствованія надъ другими. Герой повѣсти Достоевскаго *Село Степанчиково*—ничтожный шутъ и блюдолизъ Ѳома Опискинъ—можетъ служить полнѣйшимъ олицетвореніемъ этого сорта людей. Достоевскій говоритъ о немъ: «онъ и въ шутахъ составилъ себѣ кучку благоговѣвшихъ передъ нимъ идіотовъ. Только чтобы гдѣ-нибудь, какъ-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться,—вотъ была главная потребность его! Его не хвалили, такъ онъ самъ себя началъ хвалить». Никто не споритъ, что такихъ людей сколько угодно и въ жизни, и въ литературѣ, но, все-таки, жалко, что совѣсть г. Минскаго весь родъ человѣческій изображаетъ въ видѣ одного огромнаго Ѳомы Опискина. «Самолюбіе,—читаемъ мы у г. Минскаго,—было, есть и будетъ не порокомъ, не болѣзнью души, но ея верховнымъ сокровеннѣйшимъ началомъ, неизмѣннымъ закономъ, управляющимъ всѣми ея движеніями. Передъ блаженствомъ превосходства ничто сладкія ощущенія вкуса, зрѣнія и слуха, равно какъ всѣ горести жизни — ничто передъ мукой униженія. Только первенствуя надъ ближнимъ, мы вполнѣ сознаемъ полноту бытія и упиваемся имъ. Въ этомъ отношеніи былъ правъ Аристотель, назвавъ человѣка существомъ общественнымъ. Человѣку, въ самомъ дѣлѣ, необходимо общество, какъ путнику необходимъ верблюдъ въ пустынѣ, чтобы осѣдлать и взобраться на его хребетъ. Одиночное заключеніе оттого такъ мучительно, что, оставленный наединѣ съ собою, человѣкъ теряетъ мѣрило своего бытія, почти не живетъ». Подъ этою характеристикой подписались бы съ восторгомъ всѣ Башкирцевы и всѣ Ѳомы Опискины міра. Еще бы не съ восторгомъ! Вѣдь, въ этой характеристикѣ—ихъ оправданіе, въ которомъ они нуждаются, потому что въ глубинѣ души всегда чувствуютъ что-то неладное, нездоровое въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ; болѣе того, въ этой характеристикѣ ихъ прославленіе, потому что они являются въ освѣщеніи людей, лучше и полнѣе другихъ выразившихъ верховный законъ природы. Я не намѣреваюсь спорить съ г. Минскимъ, я только наблюдаю его. Китаецъ непоколебимо убѣжденъ, что всѣ люди, кромѣ китайцевъ, варвары, и разубѣждать его было бы напрасно, но самое его убѣжденіе, какъ психологическій признакъ, какъ типическую черту, нельзя оставить безъ вниманія: вѣдь, китайцевъ сотни милліоновъ и въ дѣйствіяхъ этой страшной массы людей непремѣнно должно отражаться вліяніе убѣжденія въ неизмѣримомъ превосходствѣ китайской цивилизаціи.

Привилегія всякаго поэта, даже маленькаго, состоитъ въ томъ, что, выражая свое личное чувство, онъ выражаетъ, въ то же время, чувство людей, настроенныхъ съ нимъ по одному нравственному камертону. Въ этомъ смыслѣ субъективныя лирическія изліянія могутъ имѣть объективное, общее значеніе. Представьте же себѣ общество или хоть только толпу лю-

дей, изъ которыхъ каждый полагаетъ свое счастье въ первенствованіи, убѣжденъ, что его «душа, чтобы быть счастливою, должна, такъ сказать, пожирать другія души, уподоблять ихъ себѣ, подчинять своему самолюбію», какъ говоритъ г. Минскій. Представьте также, что у огромнаго большинства этихъ страшныхъ пожирателей чужихъ душъ имѣются только слабенькіе молочные зубы, что при страшной жаждѣ успѣха у нихъ нѣтъ ровно никакихъ силъ для борьбы за успѣхъ. Картина получается больше комическаго, чѣмъ трагическаго свойства: людоѣдства никакого не совершается, «пожиранія» не видно, но толчки, булавочные уколы, удары «подъ ножку», разбитые носы и синяки подъ глазами,—всего этого вдоволь и все это происходитъ при страшномъ гамѣ и пискѣ маленькихъ, но честолюбивыхъ конкуррентовъ. «Такова жизнь», — меланхолически говорятъ поэты и мыслители вродѣ г. Минскаго. Нѣтъ, не жизнь такова, а такова накипь жизни, ея грязная пѣна, которая бурлитъ на поверхности. Дѣла жизни, ея серьезные шаги дѣлаются не тѣми, кто ищетъ удовлетворенія своему тщеславію, даже не тѣми, кто работаетъ ради не тщетной, а подлинной славы, а тѣми, кто работаетъ какъ птица летаетъ и какъ рыба плаваетъ, т.-е. *живя* трудомъ, какъ своею стихіей, и не требуя за это никакихъ чрезвычайныхъ наградъ: награда въ самомъ процессѣ труда, который есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и процессъ жизни, награда, наконецъ,— и высшая, послѣдняя—въ созерцаніи результатовъ труда.

Въ одномъ изъ своихъ интимныхъ писемъ Хвощинская - Заіончковская писала: «Господь, при моемъ рожденіи, далъ мнѣ непогрѣшимость въ двухъ порокахъ. Это признавалъ когда-то мой духовникъ, нѣсколько лѣтъ назадъ скончавшійся, единственный *священникъ*, какого я знала и признаю. Одинъ порокъ—это зависть; другой порокъ, въ которомъ мнѣ отказано и который до сихъ поръ напрасно старались развить во мнѣ близкіе и далекіе— это литературное самолюбіе. Нѣтъ его во мнѣ—и хоть что угодно». Это слова лучшей, первой русской писательницы, крупнаго литературнаго таланта. А вотъ что пришлось выслушать мнѣ въ печати по поводу статьи *Ярмарка женскаго тщеславія* отъ одного изъ «пожирателей душъ» и поклонниковъ Башкирцевой: «Немного найдется молодыхъ и даровитыхъ натуръ, которыя, хотя бы въ юношескомъ бреду, не испытывали влеченія къ славѣ. Называйте всѣ эти безчисленныя претензіи смѣшными, но онѣ живутъ почти въ каждомъ кропателѣ стиховъ, въ каждомъ юномъ рисовальщикѣ или актерѣ-любителѣ. Это—страсть благородная и естественная, порождаемая влеченіемъ къ умственной и художественной прокреаціи, т.-е. къ духовному воспроизведенію самого себя въ искусствѣ или въ литературѣ. Это—процессъ мучительный и сладкій, какъ любовь, какъ воспроизведеніе физическое. Онъ сопровождается тѣми же муками и тѣмъ же счастьемъ—счастьемъ взаимности, но только болѣе широкой взаимности всѣхъ невѣдомыхъ людей, всего человѣчества. Немногіе, самые немногіе имѣютъ удачу, но жаждущихъ цѣлая неисчислимая тьма». Сравненіе очевидно невѣрно, а такъ какъ на немъ построена вся защита, то дѣло Баш-

кирцевыхъ окончательно проигрывается. Можетъ ли явиться стремленіе къ прокреаціи у того, кто лишенъ природою воспроизводительной способности? Можетъ ли вожделѣть кастратъ? И если, посредствомъ какихъ-нибудь наркотиковъ, мы возбудимъ въ немъ безсильную страсть, то неужели это будетъ «страсть благородная и естественная»? Физіологическій инстинктъ физической прокреаціи свойственъ каждому человѣку и каждому низшему животному,—«чтобы имѣть дѣтей, кому ума недоставало!»—но настоящее, *дѣйствительно* естественное стремленіе къ умственной и художественной прокреаціи вложено только въ немногихъ, въ тѣхъ, кому даны силы для этого. «Неисчислимая тьма» импотентовъ стремятся къ духовной прокреаціи не подъ вліяніемъ «благородной и естественной страсти», а подъ вліяніемъ развращеннаго воображенія, немощнаго, искусственно вызваннаго вожделѣнія, и въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго и очень много вреднаго и отвратительнаго. «Нѣтъ у меня литературнаго самолюбія и хоть что угодно»,—говорила Хвощинская. Это значитъ не то, что Хвощинская, дѣйствительно, не имѣла самолюбія, въ смыслѣ самоуваженія, а значитъ только то, что ея самолюбіе было спокойно, потому что внутренно удовлетворено. Раздражительно - самолюбивы только тѣ, у кого охота смертная и участь горькая,—кропатели стиховъ, а не поэты, рисовальщики, а не художники. Все это такъ очевидно и просто, что можетъ быть оспариваемо лишь тѣми, кому приходится плѣдировать pro domo sua.

Не могутъ похвалиться здоровьемъ то общество и та литература, въ которыхъ жалкое тщеславіе восхваляется какъ «благородная страсть». Мы жалуемся на отсутствіе идеаловъ въ нашей жизни, на ослабленіе солидарности между людьми, той связи между ними, которая нужна для всякаго общаго дѣла. Но о какихъ идеалахъ можетъ быть рѣчь тамъ, гдѣ человѣкъ поставляетъ идеаломъ самого себя? Какъ призывать къ служенію идеалу тѣхъ, кто требуетъ и ждетъ служенія себѣ? Возможно ли думать о солидарности, о заботѣ за одно съ тѣми, кому нуженъ только личный успѣхъ, кто съ злою радостью увидитъ ваше пораженіе, потому что однимъ конкуррентомъ для него стало меньше? Возмутительна даже борьба за существованіе между людьми, но эта борьба, если она точно фактъ, вызывается повелительнымъ инстинктомъ самосохраненія, освободиться отъ котораго человѣкъ не можетъ. Но борьба за пьедестальчики, за «возвышенное средоточіе», за дешевыя утѣхи самолюбія не только возмутительна, но и безсмысленна: въ книгѣ жизни рукою самой судьбы отмѣчаются имена избранныхъ и намъ не измѣнить ея рѣшеній ни за себя, ни за другихъ.

Кому судьба вѣнецъ готовитъ,
Того вопросъ: куда идти?—
Не устрашитъ, не остановитъ.
Но кто ни Богомъ не отмѣченъ,
Ни даже любящей рукой
Не охраненъ, не обезпеченъ,
Тотъ долго бродитъ какъ слѣпой:

Кипитъ, желаетъ, тратитъ силы,
И, позднимъ опытомъ богатъ,
Находитъ у дверей могилы
Невольныхъ заблужденій рядъ...

Любящею рукой, охраняющею людей отъ *невольныхъ заблужденій,* могла бы быть рука литературы: не въ этомъ ли ея настоящее, полузабытое теперь, призваніе? Но она предпочитаетъ идти по теченію...

III.

Мы не кончили еще съ нашею темой. Но, прежде чѣмъ возвратиться къ ней, необходимо небольшое отступленіе. Въ Москвѣ уже три года издается журналъ, мало извѣстный *большой* публикѣ, и не безъ причины: журналъ, дѣйствительно, немножко не отъ міра сего, стоитъ въ сторонѣ отъ текущихъ интересовъ жизни и литературы. Принимаясь за его чтеніе, вы точно съ шумной площади вдругъ переноситесь въ чей-то тихій кабинетъ, съ немножко спертымъ воздухомъ, немножко темноватый и холодноватый, но уютный и опрятный. Я говорю о журналѣ *Вопросы философіи и психологіи,* издающемся подъ редакціей профессора Грота, «при участіи московскаго психологическаго общества». Журналъ, подобно своему французскому коллегѣ *Revue Philosophique* Рибо, не проповѣдуетъ какого-нибудь опредѣленнаго ученія, а хладнокровно и не спѣша *ищетъ истины,* объективной истины, такой, въ признаніи которой должны сойтись всѣ безчисленныя философскія школы. А пока журналъ гостепріимно раскрываетъ двери для всѣхъ желающихъ, изображая собою какъ бы нѣкоторое складочное мѣсто для всевозможныхъ издѣлій свободнаго любомудрія. Журналъ не чуждается даже полемики, но полемики не съ нами, журнальною толпой, а съ самимъ же собою: его одинаково правовѣрные сотрудники ведутъ между собою тихій споръ по тому или другому философскому вопросу, точь-въ-точь какъ шахматные игроки, уединившіеся въ уголокъ среди клубной сутолоки, чтобы сыграть партійку. Сыгравши, они пожимаютъ другъ другу руки за оказанное удовольствіе и разъѣзжаются по домамъ. Бѣлые ли выиграли, черные ли,—все равно, но партія была интересная, да и игра-то обыкновенно кончается въ ничью.

И вотъ этотъ-то кроткій и разсудительный, какъ подобаетъ философу, журналъ пришелъ недавно въ сильнѣйшее негодованіе и заговорилъ такимъ языкомъ, что хоть бы и намъ въ пору, и, притомъ, не устами какого-нибудь случайнаго, буйнаго сотрудника, а отъ лица самой редакціи. Мы имѣемъ въ виду редакціонную замѣтку къ статьѣ г. Преображенскаго *Фридрихъ Ницше: Критика морали альтруизма,* напечатанной въ сентябрьской (15-й) книжкѣ журнала за прошлый годъ. Вотъ эта замѣтка цѣликомъ: «Редакція рѣшается напечатать для русскихъ читателей изложеніе возмутительной по своимъ окончательнымъ выводамъ нравственной доктрины Фр. Ницше, съ тою цѣлью, чтобы показать, какія странныя и болѣзненныя явленія по-

рождаетъ въ настоящее время извѣстное направленіе западно-европейской культуры. Талантливый писатель и мыслитель, не лишенный блеска и остроумія, Фр. Ницше, ослѣпленный ненавистью къ религіи, христіанству и къ самому Богу, цинически проповѣдуетъ полное снисхожденіе къ преступленію, къ самому страшному разврату и нравственому паденію во имя идеала усовершенствованія отдѣльныхъ представителей человѣческой породы, при чемъ масса человѣчества кощунственно признается пьедесталомъ для возвеличенія разнузданныхъ и никакими границами закона и нравственности не сдерживаемыхъ «геніевъ», вродѣ самого Ницше. И какой великій и поучительный урокъ представляетъ судьба этого несчастнаго гордеца, попавшаго въ домъ умалишенныхъ вслѣдствіе idée fixe, что онъ—творецъ міра! Истинный ужасъ наводитъ это великое и заслуженное наказаніе злополучнаго безбожника, вообразившаго себя богомъ. Въ философскомъ журналѣ нельзя было обойти молчаніемъ такого крупнаго и назидательнаго факта въ исторіи современныхъ философскихъ аберрацій. Въ слѣдующей книгѣ журнала мы напечатаемъ болѣе подробный разборъ философской стороны ученія Ницше нѣкоторыми сотрудниками журнала (гг. Лопатинымъ, Астафьевымъ и Гротомъ)». Это настоящій крикъ взволнованнаго чувства и встревоженной совѣсти, и редакція, очевидно, не безъ колебаній «рѣшилась напечатать для русскихъ читателей изложеніе доктрины Ницше», да и то при условіи въ слѣдующей же книжкѣ дать противоядіе этому яду. Какъ волненіе, такъ и нерѣшительность редакціи въ данномъ случаѣ были понятны: ученія Ницше дѣйствительно страшны, а самъ онъ—писатель не только «не лишенный блеска и остроумія», а съ избыткомъ надѣленный ими *). По существу, по самой сердцевинѣ своей, ученія Ницше не могутъ явиться новостью для русскихъ читателей, потому что въ нашей литературѣ они развивались довольно подробно и совершенно независимо отъ нѣмецкаго мыслителя: г. Преображенскій указываетъ на «такого же самосожигателя»—Герцена, а я напоминаю Достоевскаго, у котораго Иванъ Карамазовъ дошелъ до выводовъ, тождественныхъ съ выводами Ницше, и даже кончилъ такъ, какъ Ницше—сумасшествіемъ. Сущность этихъ выводовъ вполнѣ укладывается въ столь понравившуюся лакею Смердякову формулу: «все позволено». Нѣтъ ничего ни внѣ, ни внутри насъ, чему бы человѣкъ былъ обязанъ повиноваться. Воля человѣка заключаетъ въ себѣ не только стимулъ поступковъ, но и санкцію ихъ. «Я такъ хочу»—на это рѣшеніе личности апеллировать некуда и некому. *Нужно только осмѣлиться*, какъ говоритъ Иванъ Карамазовъ. «Личность есть начало и конецъ человѣчества. Какой можетъ быть смыслъ для *самого* индивидуума связывать себя цѣпя и нравственныхъ предразсудковъ, вмѣсто того, чтобы давать своей лично‹ и и заложеннымъ въ ней силамъ полное и законченное выраженіе, къ вы-

*) Всѣ дальнѣйшія замѣчанія о Ницше основываются на свѣдѣніяхъ, получ‹ нныхъ мною изъ вторыхъ, но, кажется, надежныхъ рукъ: изъ упомянутой статьи г. Преображенскаго, изложеніе котораго суховато, но очень обстоятельно и ясно. Д я цѣлей этого „письма“ полагаю достаточнымъ и такого знакомства.

кимъ бы послѣдствіямъ это ни повело?» Абсолютной морали нѣтъ. Обоснованіе морали чувствомъ сострраданія или утилитарнымъ разсчетомъ не выдерживаетъ критики. Не жизнь для морали, а мораль для жизни. Если мораль совпадаетъ съ моими желаніями, если ея требованія отвѣчаютъ моимъ вкусамъ и наклонностямъ,— пусть она существуетъ; пока она исполняетъ свое назначеніе — оправдывать и оберегать *свободу* моихъ дѣйствій, до тѣхъ поръ я, личность, могу ее терпѣть; при малѣйшемъ протестѣ съ ея стороны она полетитъ за бортъ вмѣстѣ съ другими предразсудками-цѣпями.

Очевидное неудобство для такого всесовершенно свободнаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ сердитъ, да не силенъ. Отказываясь отъ всякихъ обязанностей, отъ всякаго уваженія къ какимъ бы то ни было ограниченіямъ своей личности, мы тѣмъ самымъ отказываемся и отъ всякихъ правъ, отъ всякихъ гарантій своей личности. Если отъ моей воли и только отъ моей доброй воли зависитъ обидѣть или хоть живьемъ съѣсть моего сосѣда справа, то, вѣдь, и самъ я являюсь въ такомъ же положеніи относительно своего сосѣда слѣва: захочетъ—помилуетъ, захочетъ—проглотитъ. Такой строй жизни не представляетъ собою ничего неслыханнаго, неестественнаго, и мы можемъ наблюдать его и въ лѣсахъ, и въ водахъ, и въ воздухѣ. Пусть прекрасенъ этотъ строй, потому что не знаетъ никакой стѣснительной морали и каждому предоставляетъ полную свободу дѣйствій, но насъ одолѣваетъ опасеніе за судьбу самого Ницше: гдѣ же ему, истощенному нѣмецкому профессору, справиться съ какимъ-нибудь дюжимъ бюргеромъ, которому вдругъ придетъ желаніе заставить бѣднаго мыслителя возить воду на себѣ? И что тогда? Какъ втолковать этому крѣпколобому мужику или мѣщанину, что Ницше не хочетъ возить воду, что онъ хочетъ мыслить, что ему, наконецъ, некогда,—онъ спѣшитъ обучить насъ обходиться безъ морали, жить безъ «цѣпей нравственныхъ предразсудковъ»?

Ницше, конечно, предвидѣлъ возможность такихъ непріятностей и цѣлая сторона его доктрины посвящена ихъ устраненію. Въ изложеніи г. Преображенскаго эта сторона выражена такъ: *«человѣкъ не равенъ съ человѣкомъ и не равноцѣненъ;* между людьми и ихъ натурами существуетъ естественное *различіе въ рангѣ;* между достоинствомъ и цѣнностью отдѣльныхъ людей существуютъ безчисленныя ступени и *іерархическій порядокъ.* Всеобщее равенство есть конецъ справедливости: истинный голосъ ея требуетъ отдавать равному равное, неравному неравное и неравнаго никогда не дѣлать равнымъ. Поэтому, что справедливо для одного, то не можетъ быть справедливо для другого, и требованіе одной морали для всѣхъ будетъ нарушеніемъ справедливости именно по отношенію къ людямъ высшимъ по цѣнности. Высшее не должно унижать себя до орудія низшаго; *чувство разстоянія* должно на всѣ вѣка разграничивать и отдѣлять *задачи* людей. Высшіе люди имѣютъ въ тысячу разъ болѣе правъ на существованіе; въ нихъ однихъ *залогъ будущаго;* что *они* могутъ, что *они* должны дѣлать, того не могутъ и не должны дѣлать люди низшіе, а чтобы они *могли* совершить то, что они должны,—они не могутъ становиться слугами и орудія-

ми людей низшихъ. Безумною расточительностью было бы дѣлать здороваго орудіемъ больного или генія орудіемъ массы».

Коротко, ясно и логично! Впрочемъ, не очень логично: что такое *должны* дѣлать высшіе люди? Зачѣмъ тутъ ненавистное слово *должны?* Идея долга есть идея чисто-моральная а, вѣдь, ужь мы условились изгнать мораль изъ нашего обихода. Высшіе люди должны жить въ свое удовольствіе, а низшіе обязаны служить имъ—вотъ и весь идеалъ. Что хочу, то и дѣлаю—вотъ и вся мораль. Что твое, то мое, а что мое, до того тебѣ дѣла нѣтъ—вотъ и вся справедливость. «Вотъ, вотъ, — воскликнетъ нашъ грубіянъ-бюргеръ,—я именно и думаю, что низшія, слабѣйшія натуры должны служить высшимъ, сильнѣйшимъ: отправляйся же за водой, профессоръ!» Нѣтъ, спѣшитъ защититься Ницше, не степенью физической силы опредѣляется цѣнность человѣка, а оригинальностью его смысла и воли, его способностью къ «широкимъ интересамъ», къ «возвышеннымъ настроеніемъ», къ «высокимъ подвигамъ»... Какой неожиданный языкъ! Только что похороненный мертвецъ приподнимаетъ крышку своего гроба! Только что упраздненная мораль опять призывается на защиту нравственнаго права! Да, но это лишь въ томъ случаѣ, когда Ницше нужно оборонить себя и подобныхъ себѣ отъ грозящихъ непріятностей, отъ насилія; когда же рѣчь идетъ о нашихъ правахъ, о правахъ массы, тогда Ницше не церемонится. Онъ говоритъ: «узкая низменная мѣщанская мораль—смотрѣть, прежде всего, на ближайшія и самыя непосредственныя послѣдствія нашихъ дѣйствій для другихъ и съ ними сообразовать наши рѣшенія. Выше и свободнѣе—смотрѣть *мимо* этихъ ближайшихъ послѣдствій для другихъ и способствовать осуществленію болѣе отдаленныхъ цѣлей въ случаѣ нужды—даже путемъ страданія другихъ». Опасеніе причинить страданіе другимъ отнюдь не должно смущать насъ: «Не страданіемъ и удовольствіемъ опредѣляются для человѣка конечныя перспективы жизни. Человѣкъ—самое мужественное, самое привычное къ страданіямъ животное, отрицаетъ не страданіе *само по себѣ*,—онъ *хочетъ* его, онъ самъ ищетъ его, если только ему укажутъ *смыслъ* его и *цѣль*. Не страданіе само по себѣ возмутительно, а его безсмысленность. И не къ счастію направлены самыя глубокія стремленія человѣка,—если у него есть *цѣль* жизни, то онъ мирится съ какимъ угодно *образомъ* жизни». Положимъ; но какую же цѣль поставляетъ Ницше, ради достиженія которой стоило бы подвергать большинство общества или націи страданіямъ? До сихъ поръ страданія въ громадномъ числѣ случаевъ переносились покорно людьми въ ожиданіи награды въ будущемъ: «претерпѣвый до конца—спасется». Что можетъ обѣщать въ этомъ смыслѣ атеистъ Ницше? А вотъ что: «смыслъ и цѣнность общественной массы заключается не въ ней самой, — общество можетъ существовать *не* ради общества,—но лишь въ качествѣ фундамента и подмостковъ, на которыхъ могъ бы подняться болѣе изысканный родъ существъ къ своей высшей задачѣ и вообще къ высшему *существованію*, подобно тѣмъ жаднымъ до солнца и стремящимся къ нему вьющимся растеніямъ на островѣ Явѣ, которыя своими вѣтвями обнимаютъ

и обвиваютъ дубъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, высоко надъ нимъ, но опираясь на него, они въ свободномъ свѣтѣ не распустятъ своего вѣнца, гордыя своею красотой и счастьемъ. Назначеніе этихъ избранниковъ быть не функціей общества, но его *смысломъ* и высшимъ оправданіемъ; въ этомъ сознаніи они съ чистою совѣстью могутъ принять жертву безчисленнаго множества людей, которые *ради нихъ* должны быть обречены на неполное существованіе и низведены на степень забавъ и орудій».

Вотъ теперь доктрина и логически округлена, и закончена: ея исходная точка—неравенство, неравноцѣнность людей; ея средство—упраздненіе морали; ея идеалъ — олигархія умственной аристократіи. Ни по одному изъ этихъ основныхъ пунктовъ ученіе Ницше не является, повторяю, совершенною новинкой и заслуга (да, тутъ можно говорить о заслугѣ) Ницше состоитъ въ томъ, что онъ систематизировалъ и связалъ въ одно цѣлое частныя мысли и робкіе намеки, встрѣчавшіеся во всѣхъ литературахъ, между прочимъ, и въ нашей (замѣтимъ кстати, что, по словамъ г. Преображенскаго, Ницше зналъ и высоко ставилъ сочиненія Достоевскаго). Есть ли опасность отъ этого ученія? Оставляя въ сторонѣ вопросъ о логическихъ прорѣхахъ и прорухахъ этой системы, о ея возмутительности для нашего нравственнаго чувства, мы прямо спрашиваемъ о ея практическихъ послѣдствіяхъ для личности и для общества. О послѣдствіяхъ для личности свидѣтельствуетъ примѣръ самого автора этой системы, кончившаго горделивымъ сумасшествіемъ, а для общества эта система только лишній аргументъ къ давно уже завоевавшему популярность ученію, формула котораго гласитъ: «Kraft macht Recht». Почему г. Ницше будетъ «вьющимся растеніемъ», а мы съ вами «дубомъ», подпоркой для него? Нѣтъ, пусть онъ будетъ дубомъ, а мы тоже жаждемъ солнца и хотимъ пробраться наверхъ. Но у меня,—говоритъ Ницше,—«возвышенное настроеніе», «широкіе интересы», большой умъ, сильная воля... Ваши «широкіе интересы»,—отвѣчаемъ мы,—сводятся къ интересамъ вашего личнаго счастія: такіе интересы и намъ совершенно по плечу. Ваше «возвышенное настроеніе» есть не болѣе, какъ стремленіе быть паразитомъ, а что касается сильнаго ума и воли, то взамѣнъ этого мы обладаемъ крѣпкими мускулами, которыхъ нѣтъ у васъ. И такъ, посмотримъ, кто кого...

Въ послѣднемъ результатѣ, такимъ образомъ, мы приходимъ опять къ слишкомъ знакомой постановкѣ вопроса, къ тому самому отношенію вещей и силъ, которое озабочиваетъ всѣхъ теоретическихъ мыслителей и практическихъ дѣятелей нашего времени. Роковая задача не только не рѣшена Ницше, но даже ея постановка осталась прежнею. Развѣ формула: «гдѣ сила, тамъ и право» или «сила создаетъ право» выходитъ не изъ мысли о коренномъ неравенствѣ людей, обществъ, націй, племенъ? Далѣе, развѣ эта формула не упраздняетъ морали, — той морали, которая учитъ любви къ ближнему и не дѣлаетъ различія между свободнымъ и рабомъ, между эллиномъ и іудеемъ? Наконецъ, послѣднее торжество этой формулы развѣ состоитъ не въ осуществленіи побѣды нѣкоторыхъ надъ многими? Но Бис-

маркъ послѣдовательнѣе Ницше, потому что говоритъ прямо о физической силѣ, тогда какъ Ницше, отвергнувъ мораль, ищетъ для своего права моральныхъ основъ. Бисмаркъ хотѣлъ бы принудить насъ, Ницше хотѣлъ бы убѣдить. Первое трудно, второе невозможно.

Если есть какая-нибудь опасность отъ системы Ницше, то она заключается не въ противуестественной сущности ея, а въ тѣхъ діалектическихъ узорахъ, которыми она украшена, въ тѣхъ рогатыхъ софизмахъ, которыми она обставлена. Если у Ницше будутъ послѣдователи, то, благодаря больше всего его критикамъ, т.-е. тѣмъ изъ критиковъ, которые борятся съ нимъ на почвѣ метафизическихъ хитростей и тонкостей. Доказывать и опровергать можно все, что угодно; умъ, какъ служебная способность, предупредительно доставитъ вамъ какіе хотите аргументы; діалектическій способъ разсужденія съ одинаковою достовѣрностью можетъ приводить къ противуположнымъ заключеніямъ. Есть пространство и время, нѣтъ пространства и времени; свободна воля, несвободна воля; есть абсолютная мораль, нѣтъ ровно никакой морали. Редакція журнала *Вопросы философіи и психологіи,* обѣщавши своимъ читателямъ «болѣе подробный разборъ» ученія Ницше, въ январьской книжкѣ сдержала свое обѣщаніе: гг. Лопатинъ, Астафьевъ и Гротъ представили свои разборы, но эти разборы таковы, что болѣе популяризируютъ Ницше, нежели дискредитируютъ его. Пылкаго негодованія, проявленнаго редакціи въ началѣ, теперь нѣтъ уже почти и тѣни. Авторы разборовъ борются съ Ницше на почвѣ отвлеченной аргументаціи, а это почва скользкая. Такъ, г. Лопатинъ, соглашаясь съ замѣчаніемъ г. Преображенскаго, что «у рѣдкаго мыслителя можно найти такъ много противорѣчій, какъ у Ницше», черезъ четыре страницы говоритъ о *не малой заслугѣ* Ницше, которая состоитъ именно въ послѣдовательности: «послѣдовательность есть главная добродѣтель философа». Критикъ-метафизикъ, очевидно, успѣлъ уже очароваться діалектическою стройностью построеній автора и почти подчинился ему. Г. Гротъ въ самомъ приступѣ къ своему разбору придаетъ ученію Ницше чуть не всеобъемлющее значеніе, хотя и симптоматическаго только характера: «Для наблюдателя жизни наше время имѣетъ особенное значеніе. Мы присутствуемъ при великой душевной драмѣ, переживаемой не отдѣльными личностями или даже народами, а всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ. Дѣло идетъ, повидимому, о коренномъ измѣненіи міросозерцанія, о полной переработкѣ идеаловъ». Какіе ужасы, подумаешь! А мы осмѣливаемся утверждать, что ученія всевозможныхъ Ницше — только крошечная заноза, воткнувшаяся въ мизинецъ ноги человѣчества,— событіе, не заключающее въ себѣ особенно драматическихъ элементовъ. Наконецъ, г. Астафьевъ діалектическимъ узорамъ Ницше противупоставляетъ свои собственные узоры, между которыми наилучшій таковъ: какъ безъ логики нельзя разсуждать о логикѣ, точно также безъ морали нельзя разсуждать о морали. На это положеніе, конечно, можно представить милліонъ возраженій, какъ на всякое уподобленіе можно представить сколько угодно противуположныхъ уподобленій,—comparaison n'est pas raison,-

то-то и хорошо: интересная шахматная партія усложняется, затягивается на неопредѣленное время и сколько мирныхъ наслажденій сулитъ она безмятежному любомудру!

«Ну, и пущай!»—какъ любитъ повторять какой-то купецъ у Островскаго. *Пущай* господа философы и метафизики *ведутъ свою политику,* а мы съ читателемъ будемъ *гнать свою статью,* какъ выражается другой купецъ того же автора. Мы не хуже кого другого — люди культурные, но никакой особенной душевной драмы мы не переживаемъ, ни о какой коренной переработкѣ нравственныхъ идеаловъ не думаемъ, никакого экстраординарнаго безпокойства не испытываемъ: живъ Богъ нашъ и жива душа наша. Времени нѣтъ, пространства нѣтъ, свободной воли нѣтъ, морали нѣтъ, міръ только призракъ—*пущай!* А мы, все-таки, будемъ спрашивать: который часъ? Сколько верстъ? Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? А что касается морали, то сорокъ тысячъ Ницше не поколеблютъ этого Атланта, который поддерживаетъ все небо нашего духовнаго бытія. То *солнце,* о которомъ говоритъ Ницше и къ которому онъ позволяетъ приближаться только единицамъ по трупамъ милліоновъ нашихъ братьевъ, — солнце это въ насъ, сіяетъ въ нашей душѣ, освѣщаетъ наше нравственное сознаніе и имя ему— *совѣсть.*

Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

М. Протопоповъ.

МОНТАНЬ.

Книга Монтаня менѣе всего напоминаетъ то, что̀ принято называть философскою системой. Это скорѣе обширный сборникъ случайныхъ, разрозненныхъ замѣтокъ, громадный дневникъ, обнимающій цѣлую человѣческую жизнь, безпорядочная, пестрая смѣсь мыслей, записокъ, цитатъ, шутокъ, лирическихъ стихотвореній въ прозѣ, разсказовъ, хроникъ, воспоминаній. Онъ показываетъ намъ не только святое святыхъ своего сердца, на что способенъ каждый искренній писатель, но и свой кабинетъ, столовую, дѣтскую, спальню жены, мелкія прозаическія подробности повседневной жизни, на что безъ крайней необходимости и безъ чувства опасенія не рѣшается самый чистый, непорочный человѣкъ. Онъ безстрашнѣе, чѣмъ Ж.-Ж. Руссо въ своей *Исповѣди*, показываетъ намъ все свое существо, не прячетъ ни одного недостатка не только изъ крупныхъ, но изъ самыхъ мелкихъ, т.-е. самыхъ некрасивыхъ, которые умные люди скрываютъ такъ тщательно и ревниво. Предупреждая наше любопытство, онъ даетъ возможность прощупать до глубины мельчайшую складку своего характера, онъ очень мало заботится, дурнымъ или хорошимъ, красивымъ или безобразнымъ покажется намъ, только бы мы его почувствовали, увидѣли, поняли. Въ концѣ концовъ, Монтань, какъ истинный художникъ, неудовлетворенъ, сознаетъ, что осталась глубокая темная часть его существа невысказанной и необнаженной. Въ этомъ-то детальномъ психологическомъ *самоанализѣ*—вся его философія. Правда, у него есть элементы для стройной, если не метафизической, то, по крайней мѣрѣ, общественной и этической системы: это вполнѣ законченный и чудесно обработанный матеріалъ для великолѣпной постройки. Но Монтань питаетъ отвращеніе къ излишней симметріи, онъ слишкомъ любитъ естественное, случайное и безъискусственное. Онъ предпочитаетъ оставить роскошный матеріалъ своей философской мысли въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ онъ получилъ его изъ рукъ природы и жизни. *Опыты* Монтаня можно сравнивать съ дико-разросшимся, густымъ и живописнымъ лѣсомъ, гдѣ легко заблудиться. Линіи, краски, игра тѣни и свѣта, формы цвѣтовъ и растеній, пѣніе птицъ,—все здѣсь естественно, неправильно и безпорядочно. При видѣ громадныхъ деревьевъ, мѣшающихъ

другъ другу рости, обыкновенному философу-строителю, навѣрное, пришло бы въ голову практичное соображеніе: хорошо срубить эти деревья, распилить на доски, стропила, брёвна и построить по всѣмъ правиламъ архитектурнаго искусства симметричное зданіе метафизической системы, гдѣ все ясно и понятно, съ перегородками, этикетиками и рубриками, гдѣ нѣтъ возможности заблудиться. Но Монтань, какъ истинный поэтъ, предпочелъ дремучій лѣсъ—безъ дорогъ и просѣкъ. Къ тому же, онъ инстинктивно чувствовалъ, что за внѣшнею неправильностью и безпорядкомъ скрывается иная высшая стройность и единство. Онъ понималъ, что движеніе капли сока въ стебляхъ травы, развѣтвленіе корней, ростъ листа,—словомъ, всѣ безсознательные, естественные процессы *органическаго* развитія въ нѣкоторомъ отношеніи безконечно-совершеннѣе, чѣмъ работа тонкихъ, сложныхъ человѣческихъ инструментовъ. Невозможно привести въ систему взглядовъ Монтаня, не причинивъ имъ вреда, не испортивъ ихъ цементомъ и искусственными спайками, неизбѣжными при всякой постройкѣ. Можно только *назвать* главные составные элементы его философіи, опредѣлить главные породы безчисленныхъ цвѣтовъ и растеній, встрѣчающихся въ его роскошномъ лѣсу. Но слѣдуетъ заранѣе предупредить, что эстетическое, чарующее впечатлѣніе лѣса—непередаваемо.

I.

Сомнѣнія Монтаня. «Que sais je?»

Сомнѣніе для Монтаня не средство и не цѣль; оно не возводится въ верховный, всепроникающій принципъ, какъ у Пиррона, съ которымъ, впрочемъ, Монтань имѣетъ много общаго; скептицизмъ его не болѣе, какъ простая привычка ума, излюбленное настроеніе. Онъ сомнѣвается во всемъ, но съ чисто-теоретической точки зрѣнія, и, притомъ, не во имя какого-либо незыблемаго положительнаго принципа, но во имя отрицанія всякихъ принциповъ, всякой доктрины. Онъ много говоритъ о невозможности познанія, но, въ концѣ-концовъ, вы приходите къ тому убѣжденію, что скептицизмъ его опирается не на какое-либо опредѣленное логическое основаніе, а связанъ непосредственно, какъ и остальныя части философіи Монтаня, съ его темпераментомъ и личностью. Онъ родился, а не сдѣлался скептикомъ. По натурѣ это—человѣкъ спокойнаго, уравновѣшеннаго темперамента, по соціальному положенію—сеньоръ, баринъ, по вкусамъ—дилле-тантъ. Ему чрезвычайно удобно быть безпристрастнымъ, чуждымъ всякихъ увлеченій и крайностей, потому что судьба избавила его отъ необходимости участвовать въ реальной жизненной борьбѣ, гдѣ опасность, чувство самосохраненія, сила ненависти и любви вдохновляютъ человѣка вѣрой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаютъ его въ извѣстныхъ отношеніяхъ ограниченнымъ, нетерпимымъ и узкимъ. Вѣчный зритель съ громаднымъ запасомъ чисто-французской веселости и общечеловѣческаго здраваго смысла, онъ такъ хорошо изучилъ комическую сторону всѣхъ крайностей и увлеченій, что

самъ уже не способенъ попасться на удочку. Если у него нѣтъ твердыхъ убѣжденій, то у него нѣтъ и никакихъ предразсудковъ; если онъ чуждъ истинной вѣры, то чуждъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всякихъ суевѣрій. Послѣдняя цѣль его скептицизма въ томъ, чтобы объяснить читателю, почему лично онъ, Михаилъ Монтань, не способенъ примкнуть ни къ какой партіи, сектѣ или школѣ.

Впрочемъ, мимоходомъ и, по своему обыкновенію, безъ всякой системы, указываетъ онъ и на нѣкоторые объективные источники сомнѣнія. Первый— сознаніе огромности міра, безконечнаго разнообразія міровыхъ явленій и полнаго ничтожества человѣка. «Самомнѣніе—наша естественная, прирожденная болѣзнь. Человѣкъ—самое несчастное и хрупкое изъ всѣхъ созданій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое надменное: чувствуя себя помѣщеннымъ въ грязи и нечистотѣ, прикованнымъ къ худшей, безжизненной и гнилой части мірозданія, къ подвальному этажу вселенной, наиболѣе удаленному отъ неба, въ сосѣдствѣ съ животными и гадами, онъ въ гордынѣ своей превозноситъ себя выше звѣздъ, ногами попираетъ небо». Кто далъ ему на это право? Онъ видитъ ничтожный клочокъ міра и на основаніи этой безконечно малой части осмѣливается судить о цѣломъ.

И такъ, вотъ первый источникъ скептицизма—ничтожество круга явленій, доступныхъ нашему изслѣдованію, и ограниченность самой познавательной способности.

Второй источникъ—полнѣйшая и неизбѣжная зависимость мысли отъ эмоціи, изслѣдованія—отъ постоянно мѣняющагося, субъективнаго настроенія изслѣдователя. «Мы думаемъ,—говоритъ Монтань,—только то, что хотимъ думать, и только въ то время, пока хотимъ. Подобно кожѣ хамелеона, наше существо мѣняется подъ вліяніемъ окружающей обстановки... Человѣкъ—воплощенное колебаніе и непостоянство:

Ducimur, ut nervis alienis mobile lignum

(т.-е. мы движемся, какъ автоматы). Мы не сами идемъ, а даемъ себя увлекать,—подобно предметамъ, уносимымъ теченіемъ,—то медленно, то быстро, смотря по тому, спокойно или бурно течетъ вода... Мы вѣчно колеблемся между различными мнѣніями: мы не желаемъ ничего свободно, ничего абсолютно, ничего постоянно» *) (II, стр. 89). «Ноги мои такъ нетверды, опираются на такую зыбкую почву, что она грозитъ ежеминутно проваломъ, зрѣніе мое такъ ненадежно, что натощакъ я чувствую себя совсѣмъ иначе, чѣмъ послѣ ѣды; если я здоровъ и погода ясная, я любезенъ и привѣтливъ; если меня безпокоятъ мозоли, я дѣлаюсь угрюмымъ, злымъ и необщительнымъ» (II, стр. 481).

Кромѣ безчисленныхъ, неизбѣжныхъ и неуловимыхъ вліяній приро[illegible]ы, множество нравственныхъ вліяній, какъ, напримѣръ, самолюбіе, коры[illegible]ь, личная выгода, вражда, любовь, видоизмѣняютъ по своему произволу н[illegible]е сужденіе, увлекаютъ въ самыя противуположныя крайности, наруша[illegible]ъ

*) *Essais de Montaigne*. Edit. harles Louandre.

его правильность и безпристрастіе. «Вы, напримѣръ, излагаете какое-нибудь дѣло адвокату, онъ отвѣчаетъ вамъ неувѣренно и неопредѣленно; вы чувствуете, что онъ равнодушенъ къ дѣлу, что ему все равно поддерживать ту или другую сторону; но попробуйте-ка ему хорошенько заплатить, и онъ сразу принимаетъ живое участіе въ дѣлѣ, начинаетъ горячиться, дремавшая воля напрягается, употребляетъ въ дѣло весь свой разумъ, все свое знаніе, и вотъ ему уже кажется, что онъ видитъ несомнѣнную истину, онъ, до извѣстной степени, искренне вѣритъ, заставляя и васъ повѣрить въ правоту вашего дѣла» (II, стр. 483). И такъ, умъ человѣческій, непостоянный, зыбкій, измѣнчивый, ни на чемъ не можетъ остановиться, колеблется и блуждаетъ:

Velut minuta magno
Deprensa navis in mari vesaniente vento.

(Какъ ничтожная ладья, гонимая въ открытомъ морѣ яростнымъ вѣтромъ).

Человѣкъ не можетъ высказать ни о себѣ, ни о мірѣ ни одного положительнаго, точнаго и неизмѣннаго сужденія. Менѣе всего знаетъ онъ себя, свою душу, этотъ пестрый калейдоскопъ быстро смѣняющихся впечатлѣній, мыслей, настроеній. Люди не могли сговориться даже по поводу того, что̀ разумѣть благомъ: одинъ древній писатель Варронъ насчитываетъ нѣсколько сотенъ сектъ, расходящихся по вопросу о высшемъ благѣ. Философія представляетъ безчисленное множество направленій, школъ, толковъ, непримиримыхъ и разногласныхъ, причемъ они возводятъ въ степень абсолютной истины самыя нелѣпыя фантазіи,—въ нихъ находится все, что только можетъ создать человѣческое воображеніе. Nihil tam absurde dici potest, quod non dicatur ab, aliquo philosophorum (т.-е. нѣтъ такой нелѣпости, которая не принималась бы какимъ-нибудь изъ философовъ). Но если человѣкъ не знаетъ своего блага, потому что каждый понимаетъ его исключительно и субъективно, не знаетъ своего разума, потому что разумъ представляетъ непостоянную, безконечно-измѣнчивую величину, не знаетъ своей воли, потому что она является лишь слагаемымъ безчисленныхъ и произвольныхъ внѣшнихъ вліяній,—словомъ, если человѣкъ не знаетъ даже самого себя, то что же доступно его познанію въ остальномъ мірѣ? Не смѣялся ли надъ ними философъ Протагоръ, принимавшій человѣка за мѣру вещей,—человѣка, который и своей-то мѣры не знаетъ; не хотѣлъ ли мудрецъ тѣмъ самымъ показать, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть никакого руководящаго начала, никакой путеводной нити въ хаосѣ несвязныхъ впечатлѣній?». Легкій, изящный скептицизмъ позволяетъ Монтаню, постоянно колеблясь и ничему не отдаваясь, держаться въ безопасности между небомъ и землею, какъ на крыльяхъ, собирая медъ съ лучшихъ цвѣтовъ:

...Ты любишь съ высоты
Спускаться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Сомнѣніе Монтаня отличается одною въ высшей степени характерною чертой, которая дѣлаетъ скептицизмъ его оригинальнымъ, не похожимъ ни на какое другое философское настроеніе,—*сомнѣніе его*, прежде всего, *веселое, жизнерадостное*. Онъ только въ теоріи, играючи и мимоходомъ, разрушаетъ вѣковѣчные предразсудки и вѣрованія. Въ ту историческую эпоху, когда писалъ Монтань, у скептицизма едва-едва прорѣзывались зубы; это былъ Геркулесъ, не сознающій своей силы и съ радостною улыбкой задушающій змѣя дѣтскими руками. Въ то время никто не понималъ разрушительной силы сомнѣнія. Оно не успѣло пріобрѣсти ядовитаго жала. Несмотря на смѣлость своихъ теоретическихъ взглядовъ, Монтань, — искреннѣйшій человѣкъ въ мірѣ, — вполнѣ добросовѣстно и наивно считалъ себя вѣрнымъ сыномъ католической церкви и подданнымъ французскаго короля: всю жизнь онъ, ничего не подозрѣвая, игралъ огнемъ надъ пороховымъ погребомъ.

Мы отчасти уже видѣли логическое основаніе его научнаго скептицизма. Онъ отлично понималъ чисто-словесное значеніе метафизическихъ споровъ. «Наши вопросы,—говоритъ Монтань (IV, стр. 255),—состоятъ изъ пустыхъ словъ, и отвѣты на нихъ такіе же. Положимъ, вы утверждаете, что камень—тѣло; но тотъ, кто сталъ бы продолжать вопросы: «а тѣло что такое?»—«Субстанція».—«А что такое субстанція?»—довелъ бы васъ, наконецъ, до невозможности отвѣчать. Одно слово мѣняется на другое, притомъ, часто на еще болѣе непонятное: я лучше знаю, что̀ такое человѣкъ, чѣмъ что̀ такое животное, смертный или разумный. Желая уничтожить одно сомнѣніе, они производятъ еще цѣлыхъ три новыхъ: это напоминаетъ голову лернейской гидры». «Нѣтъ ничего постояннаго, твердаго,—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (II, стр. 545),—ни въ природѣ, ни въ насъ; и мы сами, и всѣ наши сужденія, и всѣ конечные предметы текутъ, катятся безостановочно; не можетъ быть никакого неизмѣннаго, устойчиваго отношенія между нашею мыслью и внѣшнимъ міромъ, такъ какъ и наблюдатель, и наблюдаемое находятся въ безпрерывномъ измѣненіи и колебаніи». *Que sais je?*—вопросъ, бывшій девизомъ Монтаня, въ двухъ словахъ отлично формулируетъ его скептическое настроеніе.

«Въ настоящее время,—говоритъ Монтань (IV, стр. 254),—мы гораздо больше заняты объясненіями объясненій, чѣмъ объясненіями самихъ вещей, и существуетъ больше книгъ, трактующихъ о книгахъ, чѣмъ о какомъ-либо другомъ предметѣ: мы только умѣемъ писать примѣчанія другъ на друга. Повсюду кишатъ комментаріи, самостоятельныхъ авторовъ мало. Понимать ученыхъ—вотъ главнѣйшая и высшая наука нашего времени, вотъ общая и послѣдняя цѣль нашихъ усилій». Первое изъ мнѣній служитъ стеблемъ для втораго, второе—для третьяго, такимъ образомъ, мы идемъ по ступенькамъ лѣстницы, воображая, что достигли высоты; между тѣмъ тотъ, кто стоитъ на вершинѣ, едва-едва на волосокъ выше стоящихъ первой ступеньки. Мы наполняемъ только память; разумъ и совѣсть остаются пустыми.

«Подобно тому, какъ птицы, держа зерна въ клювѣ, не проглатывая ихъ, бережно несутъ, чтобы переложить въ клювъ птенцовъ, такъ наши педанты, поклевавъ кое-какого знанія въ книжкахъ, помѣщаютъ пищу на самомъ краю губъ единственно съ тою цѣлью, чтобы выбросить ее изо рта въ неприкосновенномъ видѣ». Но и питомцы ихъ также не умѣютъ проглотить научной пищи и передаютъ ее слѣдующему поколѣнію; такимъ образомъ, она переходитъ, безполезная и употребляемая только для забавы или для удовлетворенія тщеславія. Наукой занимаются люди самые заурядные, руководимые грубымъ матеріальнымъ разсчетомъ. Она утратила свое высокое назначеніе раскрывать смыслъ жизни, указывать человѣчеству путь къ нравственному совершенству. «Заботы и издержки нашихъ отцовъ направлены исключительно къ тому, чтобы, такъ сказать, меблировать наши головы различными свѣдѣніями: объ умѣ и добродѣтели никто не заботится».

Если отбросить все слишкомъ парадоксальное, рѣзкое, что было въ критикѣ Монтаня современной ему науки, то въ его скептическомъ отношеніи будетъ, все-таки, чувствоваться много правды и здраваго смысла.

Монтань примѣняетъ свой скептицизмъ не только въ теоретической области человѣческой дѣятельности, но и въ *практической*.

Онъ сильно сомнѣвается въ законности *соціальныхъ неравенствъ*. «Охотничья собака цѣнится по быстротѣ, а не по ошейнику, соколъ—по крыльямъ, а не по сбруѣ и позвонкамъ: почему же не цѣнимъ мы человѣка по тому, что составляетъ часть его самого? У него роскошное убранство, великолѣпный дворецъ, большой кредитъ, большіе доходы, но все это вокругъ него, не въ немъ самомъ». Философъ безстрашно, хотя въ практическомъ отношеніи не особенно опасно, нападаетъ на королевскую власть. «На короля, ослѣпляющаго васъ величіемъ и блескомъ, посмотрите, когда упадетъ занавѣсъ: онъ самый обыкновенный человѣкъ, нерѣдко хуже послѣдняго изъ подданныхъ... Трусость, нерѣшительность, честолюбіе, злоба, зависть волнуютъ его такъ же, какъ и всякаго другаго:

Non enim gazae, neque consularis
Summovet lictor miseros tumultus
Mentis, et curas laqueata circum
Tecta volantes.

(Ни сокровища, ни консульскій ликторъ не прогонятъ черныхъ думъ и заботъ, витающихъ подъ золотыми потолками).

И тревога, и опасеніе держатъ царя за горло среди его громаднаго войска. «Заботы не боятся шума и блеска оружія...» Развѣ лихорадка, головная боль, подагра пощадятъ короля скорѣе, чѣмъ насъ, простыхъ смертныхъ? Развѣ въ то время, когда старость будетъ у него за плечами, стражи, поставленные у дверей, защитятъ его? Когда обниметъ его ужасъ смерти, развѣ придворные помогутъ ему? Когда онъ будетъ не въ духѣ или ревновать, развѣ наши поклоны возвратятъ ему душевное спокойствіе? Эти завѣсы надъ постелью, вышитыя золотомъ и жемчугомъ, не обладаютъ ни

малѣйшею способностью утолять страданія во время болѣзни». Поэтъ Гермодоръ сочинилъ стихи въ честь Антигоны, въ которыхъ называлъ его сыномъ солнца. На это царь ему возразилъ: «Тотъ, кто выливаетъ изъ моего горшка, засвидѣтельствуетъ, что ты ошибся». Льстецы старались увѣрить Александра въ его божественномъ происхожденіи, но однажды, будучи раненъ, онъ указалъ имъ на кровь, вытекавшую изъ раны, и произнесъ: «Смотрите, будете ли вы еще спорить? Развѣ это не настоящая человѣческая кровь? Развѣ она похожа на ту, что, по словамъ Гомера, струилась изъ ранъ боговъ?» (I, стр. 422).

Монтань сомнѣвается въ самой сущности *законовъ и государства*. Законы по необходимости представляютъ неподвижныя и постоянныя нормы, тогда какъ человѣческія дѣйствія безконечно-измѣнчивы и разнообразны; очевидно, что при наложеніи ни одна юридическая норма не можетъ вполнѣ совпасть и покрыть собой ни одного человѣческаго дѣйствія, въ которомъ всегда остается нѣкоторый элементъ, несоизмѣримый съ существующими законами. Этотъ-то элементъ и подаетъ поводъ къ произволу судей. «Самые рѣдкіе и общіе законы наиболѣе желательные. И, все-таки, мнѣ кажется, что лучше было бы ихъ вовсе не имѣть, чѣмъ имѣть въ такомъ количествѣ, въ какомъ они существуютъ у насъ. Естественные законы всегда справедливѣе тѣхъ, которые мы устанавливаемъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ изображеніе золотого вѣка у поэтовъ и счастливое состояніе вновь открытыхъ племенъ, у которыхъ нѣтъ никакого государственнаго устройства» (IV, стр. 249). Законы, по мнѣнію Монтаня, пользуются уваженіемъ не потому, что они справедливы, а только потому, что они законны; «въ этомъ и ни въ чемъ другомъ заключается мистическое основаніе ихъ авторитета. Они нерѣдко сочиняются дураками, чаще такими людьми, которые, ненавидя равенство, не понимаютъ справедливости, но всегда людьми, т.-е. суетными и невѣжественными созданіями. Не существуетъ болѣе тяжкой и глубокой несправедливости, чѣмъ та, которая заключается въ законахъ» (IV, стр. 260). «Подумайте о дѣйствіи законовъ, которые нами управляютъ,—восклицаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 256, IV),—вотъ, поистинѣ, свидѣтельство людской глупости: такъ много въ немъ противорѣчій и ошибокъ. То, что мы привыкли называть милосердіемъ и строгостью законовъ, составляетъ болѣзненное, разлагающее начало, несправедливыя отклоненія въ самомъ сердцѣ, въ самой сущности справедливости». Что можетъ быть чудовищнѣе того, что цѣлый народъ обязанъ слушаться законовъ, про которые ему никто никогда не говорилъ? Во всѣ[illegible] своихъ домашнихъ дѣлахъ,—свадьбахъ, передачѣ имущества, правѣ насл[illegible]ства, куплѣ и продажѣ онъ связанъ правилами, которыхъ не имѣетъ в[illegible]можности знать, потому что они не обнародованы на его родномъ язык[illegible]

Монтань смѣется надъ важностью такъ называемыхъ государственны[illegible] дѣлъ. Съ большою церемоніей и пышностью собираютъ умнѣйшихъ лю[illegible] королевства для торжественныхъ засѣданій, для разсужденія о велик[illegible] вопросахъ, между тѣмъ какъ рѣшеніе ихъ всецѣло принадлежитъ ка[illegible]

какой-нибудь хорошенькой бабенки или сплетнямъ дамскихъ будуаровъ. И возникшія такимъ образомъ постановленія нерѣдко тяготѣютъ надъ цѣлыми народами.

Сомнѣніе Монтаня касается и *религіи.* Впрочемъ, онъ добросовѣстно старается выгородить католическую религію изъ общаго скептическаго отрицанія, что, однако, не всегда ему удается. Такъ, наприм., у него есть цѣлая глава (II книга, III гл.), посвященная остроумной и увлекательной апологіи самоубійства, которое съ точки зрѣнія католической нравственности является величайшимъ грѣхомъ.

Разсуждая теоретически, онъ смотритъ на смерть, какъ на освобожденіе отъ всѣхъ мукъ, что также вовсе не согласно съ христіанскимъ міросозерцаніемъ, по которому грѣшники осуждаются послѣ смерти на муки ада. «Подобно тому, какъ наше рожденіе есть для насъ рожденіе всего міра, такъ смерть всего міра будетъ нашею смертью. Вотъ почему также безумно плакать о томъ, что насъ не будетъ черезъ сто лѣтъ, какъ и о томъ, что сто лѣтъ тому назадъ насъ не было» (I, стр. 104). Только при весьма туманномъ и неопредѣленномъ представленіи о будущей жизни можно строить такіе успокоительные силлогизмы, отъ которыхъ вѣетъ чисто-языческимъ, до-христіанскимъ матеріализмомъ.

Скептицизмъ Монтаня проникаетъ всюду, отъ него не могло уберечься ни одно изъ вѣрованій человѣчества: ни государственныя учрежденія, ни законы, ни нравственность, ни обычай, ни наука, ни религія. Теперь мы должны познакомиться съ другою, оборотною стороной его сомнѣнія, съ диллетантизмомъ Монтаня, съ его нерѣшительностью въ практическихъ вопросахъ, съ глубокимъ консерватизмомъ его политическихъ и религіозныхъ симпатій.

II.

Диллетантизмъ Монтаня.

Вотъ какъ онъ самъ себя опредѣляетъ: «Я очень празденъ и лѣнивъ по природѣ и по убѣжденію; для меня все равно, пролить ли за что-нибудь кровь, или посвятить чему-нибудь заботы. У меня душа свободная и никому не подчиненная, привыкшая слѣдовать лишь собственной волѣ; до сихъ поръ, не будучи никѣмъ управляемымъ, не зная надъ собой никакой власти, никакой внѣшней силы, я шелъ, куда вздумается, жилъ, какъ мнѣ нравится. *Это изнѣжило меня и, лишая возможности приносить пользу другимъ, заставило жить только для самого себя»* (III, стр. 64). Въ смету необходимыхъ затратъ по хозяйству онъ включаетъ и то, что будетъ, по его предположенію, украдено слугами. «Я не интересуюсь знать, сколько у меня денегъ въ каждую данную минуту, для того, чтобы меньше чувствовать понесенныя потери. Я прошу домашнихъ моихъ въ случаѣ, если они не могутъ относиться ко мнѣ честно и добросовѣстно, обманывать меня, по крайней мѣрѣ, и утѣшать благопристойною наружностью»

(III, стр. 66). Онъ чувствуетъ себя положительно неспособнымъ заниматься никакими житейскими дѣлами, никакою продолжительною работой, требующею систематичности и напряженнаго вниманія. Въ обыденныхъ подробностяхъ будничной жизни онъ неопытенъ и безпомощенъ, какъ ребенокъ, какъ Обломовъ. Онъ не умѣетъ считать на счетахъ, не знакомъ съ цѣнностью большинства монетъ, не знаетъ отличія одного зерна отъ другаго, названія самыхъ простыхъ земледѣльческихъ орудій, фруктовъ, говядины, овощей, цѣнности обыкновенныхъ товаровъ. Немного конфузясь, но не безъ нѣкотораго кокетства, онъ признается: «только недавно узналъ я, что значитъ замѣсить хлѣбы и дать перебродить вину» (III, стр. 82). «Если я долго проживу,—смѣется онъ надъ собой,—я, кажется, забуду собственное имя» (III, стр. 77). Какъ истинный баринъ, онъ не скрываетъ своего глубокаго отвращенія къ денежнымъ дѣламъ. «О, презрѣнное занятіе!—восклицаетъ онъ,—слѣдить за доходами, считать и пересчитывать деньги, взвѣшивать ихъ, любоваться ими! Такимъ именно путемъ скупость вкрадывается въ наше сердце» (IV, стр. 62). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ненавидитъ бѣдность, боится ея не меньше, чѣмъ болѣзни и страданія (IV, стр. 63). Ему хотѣлось бы быть окруженнымъ всевозможными удобствами и комфортомъ, но, притомъ, такъ, чтобы нисколько не заботиться объ обстановкѣ, не думать о ней, чтобы все дѣлалось само собой. У него въ ничтожныхъ мелочахъ вкусы и прихоти барина. Онъ требуетъ, чтобы его стаканъ былъ сдѣланъ изъ прозрачнаго стекла, а отнюдь не изъ металла, чтобы, притомъ, онъ имѣлъ извѣстную форму и былъ поднесенъ не все равно какимъ, а исключительно его собственнымъ лакеемъ (IV, стр. 281). Онъ доходитъ до такого сибаритства, что велитъ слугамъ будить себя нѣсколько разъ въ продолженіе ночи съ тою цѣлью, чтобы сонъ былъ пріятнѣе (IV, стр. 331).

Монтань провелъ большую часть жизни въ родовомъ имѣніи, въ наслѣдственномъ замкѣ. Не только самъ онъ, но и нѣсколько поколѣній его предковъ не нуждались ни въ малѣйшей работѣ, ни въ малѣйшемъ напряженіи воли для безбѣднаго и спокойнаго существованія. Условія помѣщичьей жизни избавили его отъ необходимости думать о кускѣ хлѣба, условія темперамента—отъ дѣятельнаго участія въ борьбѣ за славу и наслажденія. Представьте себѣ это мирное существованіе, невозмутимое, какъ поверхность прозрачнаго, горнаго озера. Тихо и сладко протекаетъ жизнь въ родовомъ замкѣ, гдѣ изъ оконъ обширнаго, спокойнаго кабинета виднѣются зеленые холмы Перигора, навѣвающіе лѣнь и задумчивость. Время пріятно дѣлится между прогулкой, бесѣдой съ друзьями и библіотекой. Природа, семейная жизнь и философія соединяются, чтобы превратить существованіе въ свѣтлый, легкій сонъ. Трудно представить себѣ стеченіе болѣе благопріятныхъ условій для образованія того типа изнѣженнаго барина-эпикурейца—безъ воли, безъ привычки къ труду, безъ способности чему то ни было страстно отдаться. Типъ этотъ могъ получить особенное развитіе въ Западной Европѣ въ эпоху феодализма, ко[?]

экономическая жизнь имѣла нѣчто общее съ нашею дореформенною эпохой крѣпостнаго права, породившей наиболѣе выдающагося литературнаго представителя этого типа—Обломова. Монтань былъ несомнѣнно однимъ изъ его западно-европейскихъ предковъ XVI столѣтія. У обоихъ та же любовь къ неподвижности, къ покою, къ отдыху безъ труда, та же ненависть къ систематической работѣ, то же врожденное физическое отвращеніе къ самому ничтожному напряженію воли. Оба они люди чрезвычайно доброй, мягкой, младенчески-чистой души. Оба привыкли къ домашнему комфорту: одинъ ни за что въ мірѣ не согласится покинуть свой уединенный философскій кабинетъ въ живописной башнѣ, другой—не переступитъ за порогъ своей уютной, вѣчно полутемной и неубранной комнаты на Выборгской сторонѣ.

Но, впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что аналогія эта приблизительна и что личность Монтаня, конечно, не исчерпывается одною обломовщиной: онъ обладалъ громаднымъ литературнымъ талантомъ и, несмотря на отвращеніе къ практической дѣятельности, замѣчательною внутреннею подвижностью. Изъ комбинаціи наслѣдственнаго темперамента, умѣреннаго и неподвижнаго, съ огромною внутреннею подвижностью мысли и таланта возникаетъ то свойство монтаневской философіи, которое я называю *диллетантизмомъ*.

Можно прослѣдить корни диллетантизма въ низшихъ способностяхъ его ума, наприм., въ манерѣ запоминать: «если желаютъ мнѣ возразить что-нибудь, надо чтобы возраженіе было представлено мнѣ по частицамъ (a parcelles), такъ какъ я не въ состояніи отвѣчать на связную рѣчь съ нѣсколькими отдѣльными тезисами; я не могъ бы, не записывая, удержать въ памяти то, что мнѣ нужно отвѣтить» (III, стр. 75). Память его, какъ и остальныя способности, не терпитъ ни малѣйшаго принужденія, тяготится всякимъ продолжительнымъ усиліемъ.

Вотъ какъ онъ занимается и читаетъ: «Я переписываю то одну книгу, то другую безъ всякаго опредѣленнаго порядка и намѣренія, просматриваю ихъ, какъ придется. Отъ книгъ иногда перехожу къ мечтаніямъ, потомъ диктую, что придетъ въ голову» (III, стр. 366). «Книги забавны,—замѣчаетъ онъ,—но если занятія ими отнимаютъ у насъ здоровье и веселость, драгоцѣннѣйшіе наши блага, то лучше бросить книги».

Съ такимъ же диллетантизмомъ относится онъ и къ людямъ: «Я ищу умныхъ, честныхъ людей... О чемъ мы бы ни бесѣдовали, намъ будетъ, въ сущности, все равно: мы не будемъ стремиться къ значительности и глубинѣ сюжетовъ: грація и пристойность украсятъ наши бесѣды; въ нихъ все будетъ проникнуто зрѣлымъ и спокойнымъ сужденіемъ, добротой, откровенностью, веселіемъ и дружбою». Изрѣдка къ ихъ разговорамъ могутъ примѣшиваться и философскіе споры, но они не должны производить слишкомъ глубокаго, удручающаго впечатлѣнія; главное ихъ назначеніе будетъ та же пріятное препровожденіе времени—«nous n'y cherchons qu'à passer le temps» (III, стр. 360).

Къ смерти, единственной, повидимому, вещи, которую никакъ нельзя исполнить по-диллетантски, онъ относится жизнерадостно и шутливо: почти превращаетъ ее, какъ и все, въ забаву, въ игру, въ удовольствіе. Здѣсь чувствуется протестъ противъ средневѣковаго аскетизма, отъ этихъ небрежныхъ, легкомысленныхъ разсужденій о смерти вѣетъ духомъ свѣтлаго Возрожденія. Есть нѣкоторое величіе въ безпечной и презрительной улыбкѣ, съ которою Донъ-Жуанъ протягиваетъ руку Каменному гостю.

Монтань хочетъ обставить смерть самымъ утонченнымъ комфортомъ: «Я желаю,—говоритъ онъ,—находиться въ спокойномъ помѣщеніи, безъ шума, опрятномъ, не душномъ, съ чистымъ воздухомъ, чтобы смягчить смерть этими подробностями внѣшней обстановки... Я желаю, чтобы кончина моя была окружена такимъ же удобствомъ и довольствомъ, какъ моя жизнь: смерть великая и важная часть нашего существованія,—надѣюсь, что она не будетъ противорѣчить остальной моей жизни. Есть различные роды смерти, изъ которыхъ одни болѣе пріятны, чѣмъ другіе, и каждый можетъ выбрать смерть по своему вкусу». (IV, стр. 114). Какъ истинный любитель, онъ тщательно осматриваетъ, взвѣшиваетъ и примѣряетъ множество смертей, какъ будто дѣло идетъ о выборѣ вкуснаго вина или художественной картины. Ему кажется пріятнѣе всего умереть по обычаю римлянъ императорской эпохи: «они какъ бы усыпляли смерть всевозможною нѣгою и роскошью; она протекала и скользила для нихъ среди молодыхъ дѣвушекъ и веселыхъ товарищей; ни одного мнимо-утѣшительнаго слова, ни одного намека на завѣщаніе, никакихъ лицемѣрныхъ выраженій сочувствія, никакихъ разговоровъ о загробной жизни: они встрѣчали смерть среди пировъ, игръ, шутокъ, простыхъ обычныхъ бесѣдъ музыки и любовныхъ стиховъ» (IV, стр. 115).

Монтань не только не чувствовалъ ни разу въ жизни ни малѣйшаго угрызенія совѣсти по поводу своего диллетантизма, но возводилъ его даже въ верховный принципъ всей своей дѣятельности: подобно тому, какъ въ теоретической области онъ избралъ себѣ девизомъ знаменитое «Que sais je?», такъ въ практической удовольствовался формулой: «Je ne cherche qu'à passer». Оба эти девиза связаны, конечно, внутреннею связью и составляютъ только двѣ стороны одного міросозерцанія.

III.

Общественная и политическая теорія.—Терпимость.

„*Умъ мой устроенъ такъ, что ему гораздо мучительнѣе толчки сотрясенія, производимыя нерѣшительностью и колебаніемъ, чѣмъ нео ходимость примириться и успокоиться на какомъ бы то ни было р шеніи,*—разъ какъ дѣло сдѣлано. Немногія страсти тревожили мой сон но изъ работъ самая ничтожная не даетъ мнѣ уснуть. Въ дорогѣ я и бѣгаю скользкихъ и обрывистыхъ склоновъ и *предпочитаю спустит въ пробитую колею, хотя бы вязкую и грязную, но такую, въ котор*

уже невозможно упасть ниже,—на ней я чувствую себя, по крайней мѣрѣ, въ полной безопасности. *Самый низкій путь—самый надежный и наиболѣе постоянный.* Слѣдуя по этому пути, я надѣюсь и опираюсь исключительно на самого себя» (III, стр. 66 и 67).

Можно сказать заранѣе, что подобное состояніе воли должно непремѣнно отразиться глубокимъ консерватизмомъ въ общественныхъ и политическихъ взглядахъ. Какъ мы видѣли, онъ сильно сомнѣвается въ справедливости существующаго общественнаго строя, но изъ этого сомнѣнія не только не дѣлаетъ революціоннаго вывода, а, напротивъ, требуетъ безусловной, даже *неразумной* покорности государственному порядку на томъ основаніи, что всякое измѣненіе можетъ повлечь за собою еще большее зло». «Однѣ только *мысли* (т.-е. свобода съ теоретическимъ скептицизмомъ относиться ко всему) не принадлежатъ государству, во всемъ же остальномъ, какъ въ дѣятельности, имуществѣ, трудѣ, жизни, слѣдуетъ повиноваться государству и общепринятымъ мнѣніямъ» (I, стр. 150).

«По моему мнѣнію, въ общественныхъ дѣлахъ нѣтъ ни одного такого дурнаго учрежденія, которое, если только оно имѣетъ за собою историческое прошлое, не было бы гораздо желательнѣе перемѣнъ и нововведеній» (III, стр. 88).

Монтань—консерваторъ не изъ страха передъ властью, не изъ-за личной выгоды, не изъ-за мелкаго разсчета, не изъ-за партійной, самолюбивой ненависти къ людямъ противуположнаго направленія: онъ—консерваторъ, потому что вполнѣ искренне и глубоко сомнѣвается въ возможности коренныхъ соціальныхъ реформъ для *тогдашней* монархической Франціи. Воспитаніе, темпераментъ, привычка къ покою и неподвижности, всѣ внѣшнія и внутреннія вліянія соединились, чтобы придать его душевному настроенію особенную складку, которая заставляетъ его, какъ мы видѣли, «спускаться въ пробитую колею».

Консерватизмъ, естественно вытекающій изъ характера и темперамента Монтаня, объясняется также историческими условіями эпохи. «Посмотрите,—говоритъ авторъ,—въ отдаленныхъ провинціяхъ, какъ, наприм., въ Бретани, на жизнь, на отношеніе къ подданнымъ и слугамъ, на занятія, свиту и церемоніалъ какого-нибудь сеньора, обитающаго въ уединеніи среди домашнихъ и челяди; посмотрите также на полетъ его воображенія,—нѣтъ ничего болѣе царственнаго: о своемъ королѣ онъ слышитъ разъ въ годъ, какъ о персидскомъ шахѣ, и признаетъ его только вслѣдствіе какого-нибудь древняго родства, память о которомъ сохраняется его секретаремъ. *Въ сущности, наши законы достаточно свободны,* и французскій дворянинъ чувствуетъ на себѣ тяжесть самодержавнаго правленія не болѣе двухъ разъ въ жизни. На дѣйствительное и фактическое рабство осуждены только тѣ, кто сами его выбираютъ и надѣются такимъ путемъ достигнуть почестей и богатствъ, но всякій, кто пожелаетъ вести домашнюю жизнь и будетъ управлять хозяйствомъ безъ ссоръ и процессовъ, такъ же независимъ, какъ дожъ венеціанскій. «Paucos servitus plures servitutem tenent» (I, стр. 428).

«Если бы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—законы, которымъ я подчиняюсь, самымъ ничтожнымъ образомъ стѣснили меня, я тотчасъ же отправился бы въ другую страну искать другихъ законовъ» (IV, стр. 260). Итакъ, существующій порядокъ вещей, несправедливость котораго онъ, впрочемъ, хорошо сознаетъ, не нарушаетъ нисколько его личной свободы. Всякая реформа и нововведеніе были связаны для него съ представленіемъ о междуусобныхъ войнахъ, грабежахъ, насиліяхъ, водвореніи полной анархіи и кулачнаго права. Королевская власть и государственная централизація, несмотря на то, что онъ понимаетъ всѣ ихъ недостатки, опасности и злоупотребленія, казались ему, все-таки, желательными по сравненію съ безправіемъ и гнетомъ средневѣковаго варварства, ужасы котораго онъ имѣлъ случай испытать на себѣ: «въ томъ общемъ хаосѣ, въ которомъ мы живемъ вотъ уже 30 лѣтъ, каждый французъ ежеминутно долженъ ожидать гибели» (IV, стр. 216). Разбойничьи шайки безпрепятственно бродили по дорогамъ. Междуусобныя войны длились цѣлые годы, не приводя ни къ малѣйшему улучшенію, ни къ какому результату, и разбойники пользовались знаменемъ политическихъ и религіозныхъ партій, чтобы прикрывать свои злодѣйства. Извѣстные типы того времени—Екатерина Медичи, Гизы, Карлъ IX и Генрихъ III. Деморализація не только при дворѣ, но и въ глуши провинціи достигла крайней степени. Кровавые ужасы Варѳоломеевской ночи болѣе или менѣе отразились по всѣмъ городамъ Франціи. Жизнь Монтаня совпадаетъ съ самымъ тяжелымъ временемъ для его родины: на протяженіи почти всей второй половины XVI столѣтія произошло восемь кровопролитныхъ религіозныхъ войнъ. Борьба Медичи и Гизовъ, Валуа и Бурбоновъ, прелатовъ и католиковъ, развратнаго духовенства и не менѣе деморализованнаго правительства грозила уничтожить послѣднія соціальныя и нравственныя основы и довести Францію до первобытнаго варварства. Въ подобныя эпохи искреннимъ и честнымъ людямъ остается только два исхода: или очертя голову, забывъ всѣ личныя интересы, кинуться въ политическую борьбу и пожертвовать жизнью подобно тому, какъ это сдѣлалъ доблестный предводитель гугенотовъ адмиралъ Каспаръ Колиньи, который пронесся блестящимъ метеоромъ и погибъ жалкою смертью отъ руки убійцы, не осуществивъ своихъ великодушныхъ плановъ. Или же, почувствовавъ отвращеніе къ междуусобной, годами тянущейся и ничѣмъ не кончающейся войнѣ, отчаявшись въ возможности (по крайней мѣрѣ, *для даннаго момента*) существенныхъ политическихъ реформъ, придти къ отрицанію всякой борьбы, всякихъ переворотовъ и нововведеній, потребовать отъ общества одного покоя, покоя во что бы то ни стало, хотя бы к[...]леннаго цѣною повиновенія плохимъ, но незыблемымъ, опредѣленнымъ [...]конамъ. Монтань по своему характеру и воспитанію не былъ способе[нъ] выбрать первый изъ этихъ двухъ исходовъ, не былъ въ состояніи пой[ти] на мученичество, сдѣлаться подвижникомъ и героемъ. И вотъ, по [не]обходимости, также какъ и по врожденной склонности, онъ избирае[тъ] второй исходъ—требованіе порядка, защиту старинныхъ государственны[хъ]

основъ, консерватизмъ. Человѣкъ этотъ испыталъ на себѣ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, отрицательную сторону революціонныхъ движеній. Въ продолженіе сорока лѣтъ, постоянно окруженный сценами грабежей и убійствъ, онъ ежеминутно долженъ былъ опасаться разоренія или смерти подъ ножомъ разбойниковъ. Два раза онъ попадался во время путешествія въ руки бандитовъ, спасаясь только какимъ-то чудомъ. Среди бѣлаго дня онъ подвергается нападенію своего сосѣда, такого же дворянина-помѣщика, какъ онъ самъ. Авторъ приводитъ это нападеніе, какъ повседневный, вполнѣ обыкновенный случай. Королевская власть не стѣсняла личной свободы тогдашняго дворянства, или, по крайней мѣрѣ, стѣсняла ее гораздо менѣе, чѣмъ безпорядки полувѣковой междуусобной войны, королевская власть не успѣла (опять-таки по отношенію къ высшему сословію) сдѣлаться синонимомъ деспотизма и угнетенія. Вотъ почему Монтань избралъ роялизмъ и тѣсно связанную съ нимъ приверженность римско-католической церкви, какъ знамя общественнаго порядка среди всеобщаго хаоса и мира среди безконечной междуусобицы. Но въ консерватизмѣ Монтаня нѣтъ ничего фанатическаго и нетерпимаго. Это не болѣе, какъ отрицательное отношеніе къ партійной борьбѣ, историческая невозможность создать великій и примиряющій соціальный идеалъ въ ту эпоху и слишкомъ нетерпѣливая, страстная жажда утомленнаго человѣка, жажда покоя, отдыха во что бы то ни стало.

«Тотъ, кто чувствуетъ собственное человѣческое достоинство,—говоритъ онъ, — пойметъ свои обязанности къ другимъ людямъ и обществу, пойметъ свое призваніе содѣйствовать общественной пользѣ, исполняя долгъ гражданина. *Тотъ, кто не живетъ для другихъ, не живетъ для самого себя:* qui sibi amicus est, scito hunc amicum omnibus esse. Каждому своя обязанность,—таково наше главное призваніе и для него мы живемъ въ этомъ мірѣ» (IV, стр. 151).

У этого скептицизма, который привелъ Монтаня въ политической области къ глубокому консерватизму, была другая сторона—*терпимость*. Въ этомъ одна изъ существенныхъ, безсмертныхъ заслугъ геніальнаго философа. Конечно, въ разгаръ фанатической вражды никакая законченная система и доктрина не могла быть такъ полезна и благодѣтельна, какъ проповѣдь терпимости и скептическое отрицаніе всякой односторонней, узкой системы и доктрины. Способность не вѣрить въ этотъ вѣкъ грубаго фанатизма была также дорога и благотворна, какъ способность вѣрить въ наше скептическое время. *Подвигъ Монтаня заключается именно въ томъ, что онъ остался въ сторонѣ отъ кровавой, фанатической рѣзни остался индифферентнымъ и холоднымъ къ теологическимъ спорамъ и пр[иоб]ирательствамъ,* къ узкой политической ненависти и ожесточенной партійной борьбѣ, сохранилъ полную независимость ума, показалъ своею жизнью образецъ благородства и справедливости безъ религіозныхъ увлеченій, провозгласилъ, насколько это было возможно въ то время, *принципъ терпимости и разумной критики.*

«Всѣ людскія бѣдствія,—говоритъ Монтань,—происходятъ изъ того, что насъ заставляютъ стыдиться обнаруживать наше невѣжество и что мы обязаны принимать на вѣру все, что не въ состояніи опровергруть: мы обо всемъ привыкли говорить догматами и заповѣдями... Но мнѣ внушаютъ ненависть къ вещамъ вѣроятнымъ, когда ихъ выдаютъ за несомнѣнныя: я люблю эти слова, которыя смягчаютъ рѣзкость нашихъ сужденій: «быть можетъ», «пожалуй», «нѣкоторый», «говорятъ», «я полагаю»... *Философія начинается съ удивленія, развивается черезъ изслѣдованіе и достигаетъ незнанія»* (IV, стр. 191). Это убѣжденіе въ собственномъ невѣжествѣ, о которомъ говоритъ здѣсь Монтань, есть ничто иное, какъ терпимость. Тотъ, кто убѣжденъ въ своемъ незнаніи, никого не осмѣлится преслѣдовать ни за какія убѣжденія. Въ этихъ немногихъ словахъ выражена въ сжатой формулѣ основная мысль Монтаня,—то, что у другихъ философовъ, болѣе, чѣмъ онъ, доктринеровъ, можно бы назвать системой: философія начинается съ удивленія, слѣдовательно, *рабства мысли,* переходитъ къ изслѣдованію, т.-е. къ отрицанію и скептицизму, достигаетъ признанія собственнаго невѣжества, т.-е. терпимости и, слѣдовательно, *свободы мысли.*

У великаго скептика хватило мужества и независимости сказать въ глаза своему жестокому вѣку: «надо слишкомъ высоко ставить свои предположенія, чтобы изъ-за нихъ живыхъ людей предавать сожженію» (IV, стр. 196). «Упорство и страстность мнѣнія,—говоритъ онъ съ горечью,—есть вѣрнѣйшій признакъ глупости: что можетъ быть болѣе увѣренно, убѣжденно, презрительно, задумчиво, важно, серьезно, чѣмъ оселъ?» (IV, стр. 39). Онъ одинъ изъ первыхъ употребилъ противъ суевѣрія самое опасное оружіе—насмѣшку. Но и къ людямъ, наиболѣе ненавистнымъ для него, къ нетерпимымъ доктринерамъ и фанатикамъ, онъ старается отнестить великодушно. «Глупость—нехорошее свойство; но относиться къ ней нетерпимо, приходить по поводу нея въ бѣшенство... это другой родъ болѣзни, не менѣе непріятный, чѣмъ глупость... Я вступаю, съ кѣмъ угодно, въ разсужденіе и споръ съ большою легкостью и свободой, тѣмъ болѣе, что доводы находятъ во мнѣ такую почву, въ которую имъ очень трудно проникнуть и пустить глубокіе корни: никакія предположенія не удивляютъ меня, никакая вѣра не оскорбляетъ, до какой бы степени она ни была противуположна моимъ взглядамъ: нѣтъ такой эксцентричной и сумасшедшей фантазіи, которая бы мнѣ не казалась вполнѣ естественнымъ продуктомъ человѣческаго ума. *Мы, люди, не признающіе за своимъ умомъ права постановлять окончательные приговоры, мягко и снисходительно смотримъ на различныя мнѣнія...* И такъ, противорѣчія моему сужденію я для себя не считаю чѣмъ-то враждебнымъ и оскорбительнымъ,—напротивъ, они возбуждаютъ меня и заставляютъ думать. Мы избѣгаемъ возраженій, а, между тѣмъ, слѣдовало бы, наоборотъ, искать ихъ и принимать съ радостью, особенно, когда они только предлагаются, а не насильно навязываются, какъ непогрѣшимые догматы. Когда кто-нибудь не соглашается съ нами, мы заботимся не о томъ, правъ ли онъ, а лишь о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ его возраженій, хотя бы

цѣною правды,—вмѣсто того, чтобы принять ихъ съ распростертыми объятіями, мы съ озлобленіемъ боремся противъ нихъ. Мнѣ очень нравилось бы, еслибъ друзья рѣзко осуждали меня: «ты глупъ, ты бредишь». Я люблю, чтобы честные люди выражали свои мнѣнія смѣло и откровенно, чтобы слова слѣдовали за мыслью: надо укрѣплять нашъ изнѣженный слухъ, закалять его въ ненависти къ приторной лести... Когда мнѣ противорѣчатъ, то возбуждають мое вниманіе, но не гнѣвъ: я самъ иду на встрѣчу тому, кто мнѣ противорѣчитъ, кто меня учитъ; интересъ истины долженъ быть общимъ интересомъ для той и другой стороны. Что можетъ онъ отвѣчать? Раздраженіе отняло у него способность здраво судить, волненіе побѣдило силу разсудка... Въ какихъ бы рукахъ я ни встрѣтилъ истину, я привѣтствую ее съ лаской и веселіемъ, сдаюсь радостно и протягиваю побѣжденное оружіе, только что я завижу ее изъ далека; и если это дѣлають не съ важнымъ доктринерскимъ видомъ, я нахожу удовольствіе въ томъ, чтобы со мною не соглашались, и часто я соглашаюсь съ противниками болѣе изъ чувства благодарности за возраженіе, чѣмъ изъ сознанія ихъ правоты, только чтобы показать, *какъ мнѣ пріятна полнѣйшая свобода спора и противорѣчія* (IV, стр. 12—15).

Эти простыя, чудныя слова до сихъ поръ не утратили своей высокой нравственной красоты и могутъ служить лучшимъ выраженіемъ такъ медленно и трудно проникающей въ человѣческое сознаніе идеи терпимости: въ этой поистинѣ геніальной страницѣ монтаневскихъ *Опытовъ* звучитъ та же нота, какъ и въ безсмертномъ трактатѣ *О свободѣ* современнаго мыслителя Дж.-Ст. Милля. Но Монтань на три вѣка предупредилъ англійскаго философа. Говоря о дикаряхъ-людоѣдахъ, онъ замѣчаетъ, что они, все-таки, человѣколюбивѣе его согражданъ и современниковъ, потому что, по крайней мѣрѣ, ѣдятъ убитыхъ: «не большее ли варварство поѣдать живыхъ людей, разрывать на части орудіями пытокъ члены, полныя чувствительности, сжигать несчастнаго на медленномъ огнѣ, давать его связаннаго на съѣденіе собакамъ и свиньямъ... что у всѣхъ насъ дѣлается на глазахъ не между старинными врагами, но между сосѣдями и согражданами, и, что хуже всего, *во имя благочестія и религіи*» (I, стр. 314). Въ такое-то время скромный перигорскій дворянинъ, поселившійся въ уединенномъ замкѣ, не способный къ страстному увлеченію, веселый и беззаботный диллетантъ, просвѣщенный помѣщикъ немного обломовскаго типа, осмѣлился провозгласить великій принципъ терпимости и свободы мысли, осмѣлился б[ы]ть предшественникомъ Вольтера, будучи современникомъ Варѳоломеевской н[о]чи.

За это одно, помимо всѣхъ остальныхъ его заслугъ, имя Монтаня, какъ и[м]я одного изъ лучшихъ старыхъ друзей, никогда не изгладится изъ пам[я]ти человѣчества.

IV.

Свобода и уединеніе.

Феодальный и церковный строй среднихъ вѣковъ, какъ будто нарочно, былъ созданъ для того, чтобы подавлять личность, убивать въ зародышѣ всѣ попытки ея развитія. «Люди,—говоритъ Монтань,—отдаютъ себя въ наемъ; ихъ способности служатъ не имъ самимъ, а тѣмъ, кому они себя порабощаютъ... Это всеобщее настроеніе мнѣ противно. Надо беречь свободу души... Никто не раздаетъ понапрасну денегъ, а, между тѣмъ, каждый отдаетъ другимъ и время, и жизнь: на нихъ мы болѣе щедры, чѣмъ на что-либо другое, тогда какъ въ этомъ единственномъ отношеніи слѣдуетъ быть скупыми» (IV, стр. 147). «Посмотрите на солдата: внѣ себя отъ ярости, осыпаемый вражьими пулями, карабкается онъ по разрушенной стѣнѣ въ осаждаемый городъ; посмотрите на другаго, который, окровавленный, истощенный и блѣдный отъ голода, твердо рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ открыть ворота врагу; вы думаете, что они работаютъ для себя? Нѣтъ, они служатъ человѣку, котораго, вѣроятно, никогда не видали, который никогда не узнаетъ объ ихъ подвигахъ; между тѣмъ какъ они страдаютъ за него, онъ погруженъ въ праздность и наслажденія» (I, стр. 360). Монтань приглашаетъ человѣка вернуться къ себѣ, освободиться отъ стаднаго инстинкта, оспариваетъ право государства жертвовать благосостояніемъ и жизнью гражданъ (I, стр. 360).

Онъ совѣтуетъ бѣжать отъ безцѣльной житейской суеты, отъ всеобщей погони за славой, деньгами и наслажденіями, отъ государственнаго деспотизма. Но надо стремиться и къ внутреннему освобожденію. Въ полномъ уединеніи человѣкъ можетъ оставаться рабомъ своихъ предразсудковъ и страстей: «они нерѣдко слѣдуютъ за нами въ монастыри и философскія школы: ни пустыни, ни пещеры, ни вериги, ни посты не спасаютъ насъ отъ нихъ... Надо возвратить себѣ власть надъ самимъ собою... Слѣдуетъ сохранить въ душѣ убѣжище неприкосновенное, свободное, въ которомъ мы всегда могли бы найти пріютъ и уединеніе. Въ этомъ убѣжищѣ надо бесѣдовать съ самимъ собою безмолвно и скрытно, такъ, чтобы никто не могъ насъ подслушать; тамъ слѣдуетъ разсуждать и смѣяться, не будучи ничѣмъ стѣсненнымъ, какъ будто у насъ нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни имущества, ни земель, ни слугъ,—чтобы, въ случаѣ, если мы лишимся ихъ, потеря эта не показалась намъ неожиданной. Мы обладаемъ душой, способной сосредоточиваться въ самой себѣ, служить обществомъ для самой себя; она найдетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, чѣмъ нападать и чѣмъ защищаться, что принимать и что давать... Въ этомъ уединеніи намъ нечего бояться ни скуки, ни праздности:

In solis sis tibi turba locis

(т.-е. въ уединеніи будь толпою для самого себя)» (I, стр. 356—360).

«Избавимся отъ этихъ страстныхъ увлеченій, которыя порабощаютъ насъ и удаляютъ отъ работы надъ собою. Надо порвать эти крѣпкія свя

Пожалуй, можно на время привязываться къ внѣшнимъ предметамъ, но всецѣло отдаваться слѣдуетъ только *высшему благу своей личности*... Величайшая вещь въ мірѣ—умѣть принадлежать только самому себѣ. Намъ слѣдуетъ удалиться отъ общества, если мы не чувствуемъ себя въ состояніи принести ему пользу: пусть не занимаетъ тотъ, кто не можетъ отдать. Если силы намъ измѣняютъ, соберемъ ихъ и сосредоточимъ на самихъ себѣ» (I, стр. 361).

Это вовсе не эгоизмъ, не безразличное отношеніе къ людямъ. Философъ любитъ людей и цѣнитъ ихъ общество, и если бѣжитъ въ уединеніе, то не изъ враждебнаго чувства, а изъ любви къ свободѣ, изъ сознанія, что при существующемъ общественномъ строѣ свобода среди людей невозможна. «По природѣ своей, — говоритъ онъ, — я очень общителенъ и откровененъ; я люблю высказываться, не способенъ ничего скрывать, я рожденъ для общества и дружбы. Уединеніе, которое я проповѣдываю, заключается въ томъ, чтобы возвращать къ истиннымъ интересамъ своей личности разсѣянныя мысли и симпатіи, чтобы ограничить и, по возможности, съузить не кругозоръ, а похоти и заботы, чтобы сбросить съ себя все чуждое и безполезное, *бояться, какъ смерти, рабства и принужденія,* избѣгать скорѣе хлопотъ, чѣмъ людей. Уединеніе, въ сущности, еще больше расширяетъ мой кругозоръ, дѣлаетъ меня еще болѣе общительнымъ. Когда я одинъ, я легче увлекаюсь общественными интересами и міровыми событіями» (III, стр. 358).

Несмотря на любовь къ уединенію, онъ не только не холодный эгоистъ, но, напротивъ, скорѣе обладаетъ избыткомъ нѣжной, чисто-женской чувствительности къ чужимъ страданіямъ. «Больше всѣхъ остальныхъ пороковъ,— говоритъ онъ,—я ненавижу жестокость и по врожденному чувству, и по убѣжденію». Страданія животныхъ дѣйствуютъ на него не менѣе сильно, чѣмъ страданія людей «Я очень чувствителенъ къ чужому горю и готовъ плакать, когда вижу слезы... не только въ дѣйствительности, но и на картинѣ, и на сценѣ. Я не могу смотрѣть равнодушно на смертную казнь, какъ бы она ни была справедлива» (II, стр. 245).

Солдату, котораго государство посылаетъ на смерть, схоластику, сгубившему свой вѣкъ, чтобы «найти истинную орѳографію латинскаго слова», монаху, угнетенному строгимъ уставомъ, онъ проповѣдуетъ великій принципъ: *«каждый обязанъ любить себя* не тою порочною и ложною любовью, которая заставляетъ насъ привязываться къ славѣ, схоластической м ^рости, богатствамъ и чрезмѣрно дорожить всѣмъ этимъ, какъ частью н ^шего собственнаго существа, также и безъ того суетнаго, себялюбиваг^ чувства, которое, подобно плющу, разрушаетъ и губитъ то, къ чему о^ ^ привязывается, но любовью истинною и благодатною, приносящею один^ ково и пользу, и счастье. Кто знаетъ обязанности этой любви къ самом^ себѣ и выполняетъ ихъ, тотъ, воистину, служитель музъ, тотъ достиг^ ^тъ вершины человѣческой мудрости и доступнаго намъ блаженства; в^ ^ѣстѣ съ тѣмъ, тотъ, кто чувствуетъ человѣческое достоинство, пойметъ

свои обязанности къ другимъ людямъ» (IV, стр. 151). Онъ смотритъ на міръ и на людей свободно, радостно и довѣрчиво, онъ одинъ изъ первыхъ въ новой исторіи пробудился отъ тяжелаго средневѣковаго кошмара. Съ какимъ восторгомъ привѣтствуетъ Монтань новую мысль, освобожденную отъ оковъ схоластики: «Напрасно представляютъ философію недоступною дѣтямъ, съ грознымъ, отталкивающимъ, нахмуреннымъ лицомъ: кто надѣлъ на нее эту маску, блѣдную и отвратительную? Нѣтъ ничего болѣе веселаго, радостнаго, свѣтлаго,—и я почти готовъ сказать — игриваго, чѣмъ истинная мудрость; она проповѣдуетъ наслажденія и праздники: если вы видите боязливыя, угрюмыя лица, будьте увѣрены, что она не живетъ среди тѣхъ людей» (I, стр. 221).

«Душа, животворящая философію, должна своимъ здоровьемъ придавать тѣлу бодрость и силы: ея внутренній миръ и счастье должны просвѣчивать въ самой наружности, въ которой благородная гордость сливается съ дѣятельною, веселою подвижностью, съ благоволеніемъ и довольствомъ. Самый главный признакъ мудрости — это постоянное хорошее расположеніе духа, состояніе такое же ясное и безмятежное, какъ тихое, звѣздное небо. Ея назначеніе—успокоивать бури души, заставлять болѣзни и голодъ беззаботно смѣяться, не ложными софизмами, а простыми и осязательными доводами; цѣль ея—добродѣтель, которая обитаетъ не на отвѣсной горѣ,—обрывистой и недоступной, какъ увѣряютъ схоластики,—нѣтъ, тѣ, кому удавалось приближаться къ ней, разсказываютъ, что она живетъ въ прелестной долинѣ, плодородной и цвѣтущей, съ которой она созерцаетъ у ногъ ея простертый міръ; можно достигнуть ея жилища тѣнистыми тропинками съ душистыми цвѣтами и нѣжною муравой, по склону мягкому и чуть замѣтному, какъ сводъ небесъ. Они никогда не посѣщали этой добродѣтели — высшей, прекраснѣйшей, торжествующей, любящей, сладостной и мощной, они никогда не видѣли этой непримиримой противницы страданій, скуки, боязни и насилій, для которой вождь — сама природа, для которой подруги—счастье и наслажденіе,—и вотъ почему они въ ограниченности своей создали этотъ образъ, угрюмый, злобный, сварливый и угрожающій, и помѣстили его на недоступной скалѣ, среди колючихъ терній—пугало, созданное, чтобы устрашать людей» (I, стр. 223).

Эта страница проникнута духомъ Возрожденія. Воскресъ великій Панъ, воскресло античное чувство природы и радости жизни! «Добродѣтель,—восклицаетъ Монтань,—кормилица всѣхъ человѣческихъ радостей: она дѣлаетъ ихъ справедливыми, а потому надежными и чистыми; умѣряя, сохраняетъ ихъ юную свѣжесть и силу, лишая насъ однихъ, она обос ... етъ наслажденіе всѣми другими, и съ материнскою нѣжностью позвол ... намъ до полнаго удовлетворенія, если не до усталости, наслаждаться ... достями, которыя допускаетъ природа. *Она любитъ жизнь, любитъ ... сотy, и славу, и здоровье*» (I, стр. 224).

Монтань—оптимистъ; какъ большинство его философскихъ воззрѣ... оптимизмъ не вылился въ законченную систему; онъ является лишь

обладающимъ настроеніемъ, свѣтлымъ солнечнымъ фономъ его міросозерцанія. Говоря о печали, онъ замѣчаетъ: «Я болѣе, чѣмъ кто-либо, чуждъ этой *страсти*; я не люблю и не уважаю ея, хотя обыкновенно принято оказывать печали всевозможныя почести: печалью украшаютъ мудрость, добродѣтель, совѣсть; глупое и гадкое украшеніе!» (I, стр. 9 и 10).

Онъ считаетъ, какъ истинный эллинъ, свѣтлымъ и прекраснымъ все человѣческое существо,—не только душу, но и тѣло: «Въ этомъ дарѣ (т.-е. въ нашемъ тѣлѣ), полученномъ отъ Бога, нѣтъ ни одной части, недостойной нашей заботливости; мы обязаны дать въ немъ отчетъ Создателю до послѣдняго волоска» (IV, стр. 335). «Я не могу выразить, до какой степени я обоготворяю красоту, эту могучую и благодатную силу. Сократъ называлъ ее «мимолетною тираніей», Платонъ — «привилегіей природы». Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другой привилегіи, болѣе популярной среди людей: ей принадлежитъ первое мѣсто въ общежитіи, она идетъ впереди всѣхъ другихъ качествъ, чаруетъ и увлекаетъ нашъ разумъ...» (IV, стр. 237). «Не только въ людяхъ, которые мнѣ прислуживаютъ, но и въ животныхъ, я цѣню ее очень немногимъ меньше доброты» (IV, стр. 238).

Еще большее сходство съ античнымъ міросозерцаніемъ его оптимизму придаетъ легкая, на половину свѣтлая, грусть, которая оттѣняетъ радость жизни и возникаетъ изъ сознанія, что всѣ наслажденія временны и мимолетны: изъ этого сознанія онъ дѣлаетъ слѣдующій веселый эпикурейскій выводъ: «всѣми силами—и зубами, и ногтями—слѣдуетъ удерживать наслажденія, которыя одно за другимъ вырываются изъ нашихъ рукъ годами:

Carpamus dulcia; nostrum est,
Quod vivis: cinis, et manes, et fabula fies.

(Ловите наслажденія,—вашимъ будетъ столько, сколько успѣете пожить: скоро ты превратишься въ пепелъ, тѣнь, звукъ пустой) (I, стр. 369).

«Другіе люди чувствуютъ сладость счастья и благосостоянія; я чувствую ее такъ же, какъ они, но не мимолетно и не мимоходомъ: я считаю нужнымъ выжимать изъ жизни сокъ до послѣдней капли, упиваться ею и, такъ сказать, пережевывать, пока только возможно, чтобы достойно прославить того, кто даетъ намъ счастье» (IV, стр. 331). Даже въ его отношеніи къ смерти, какъ мы отчасти видѣли, нѣтъ и слѣда христіанскаго мистицизма: она не внушаетъ ему ничего, кромѣ граціозной и немного легкомысленной меланхоліи, такой же свѣтлой, какъ задумчивость осенихъ, ясныхъ вечеровъ. И здѣсь чувствуется настоящій древній грекъ.

«Размышленіе о смерти,—говоритъ Монтанъ,—есть размышленіе о свободѣ; кто научился умирать, тотъ разучился быть рабомъ; нѣтъ въ жизни зла для того, кто понялъ, что лишеніе жизни не есть зло.. Мысль о смерти и спокойное отношеніе къ ней избавляютъ насъ отъ всякаго подчиненія. Что касается меня, я по природѣ своей не меланхоличенъ, но задумчивъ; чаще, чѣмъ о какомъ-либо другомъ предметѣ, я размышлялъ о смерти, даже въ самое радостное, цвѣтущее время жизни. Среди молодыхъ

женщинъ и веселья, я сижу, бывало, сосредоточенный и молчаливый; товарищи думаютъ, что я влюбленъ или мечтаю, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, мнѣ приходитъ въ голову мысль о смерти одного изъ моихъ знакомыхъ, который нѣсколько дней тому назадъ внезапно заболѣлъ горячкой на подобномъ же праздникѣ, веселый, мечтающій о любви, какъ и я въ эту минуту, и кто-то твердитъ мнѣ на ухо:

Jam fuerit, nec post unquam revocare licebit.
(Мигъ улетитъ, и никто не вернетъ его снова).

«Но отъ этихъ мыслей лицо мое нисколько не дѣлается печальнѣе» (I, стр. 97). «Мы рождены для дѣятельности:

Quum moriar, medium solvar et inter opus.
(Я хочу умереть за работой).

«Мы должны до послѣдней минуты дѣйствовать и исполнять все, чего требуетъ отъ насъ жизнь: я хочу, чтобы смерть застала меня на огородѣ въ то время, какъ я сажаю капусту, и, притомъ, такъ, чтобы я очень мало заботился о кончинѣ и еще меньше о дѣлѣ, которое мнѣ приходится покинуть» (I, стр. 100).

До самой старости, несмотря на болѣзни, страданія и приближеніе смерти, Монтань сохранилъ этотъ свѣтлый взглядъ на жизнь. Правда, онъ любитъ изрѣдка посѣтовать на человѣческое ничтожество и слегка взгрустнуть о непрочности людскаго счастья, но грусть эта—только мимолетныя тучи, за которыми свѣтится ровное, спокойное небо. Вотъ что онъ говоритъ въ заключеніи своихъ *Опытовъ:*

„Ты настолько Богъ, насколько
Признаешь себя человѣкомъ.
(D'autant es tu Dieu, comme
Tu te recognois homme).

«Въ этомъ высшее и почти божественное совершенство—*умѣть законно пользоваться своимъ существомъ.* Мнѣ кажется, что самая лучшая жизнь—та, которая соотвѣтствуетъ правильному и обыкновенному человѣческому образцу, не выдаваясь никакими крайностями и чудесами. Что же касается насъ, стариковъ, мы заслуживаемъ, чтобы съ нами обращались съ нѣкоторою мягкостью. Поручимъ нашу старость этому богу, покровителю здоровья и мудрости, веселому и общительному: «Аполлонъ, умоляю тебя, дай мнѣ въ полной силѣ и здравомъ умѣ насладиться тѣмъ, что есть у меня, и встрѣтить не горькую старость и не лишенную сладостныхъ пѣсенъ» (IV, стр. 338).

V.

Первобытное состояніе.—Народъ.

Жажда простоты, естественности, возвращенія къ природѣ увеличивается по мѣрѣ того, какъ жизнь цивилизованнаго человѣка становится в

болѣе сложною, напряженною, искусственною и оторванною отъ жизни народныхъ массъ. Это своеобразное настроеніе открыто вовсе не нами, хотя въ насъ оно проявляется глубже и мучительнѣе, чѣмъ въ нашихъ предкахъ. Принято считать Руссо родоначальникомъ идеализаціи первобытнаго состоянія, но, въ сущности, онъ только подновилъ и переработалъ то ученіе, которое мы почти цѣликомъ находимъ у Монтаня.

Скептикъ XVI вѣка исходитъ изъ того положенія, что крайнее развитіе культурной жизни приводитъ всякую страну къ внутреннему разложенію и нравственному упадку: «Примѣры доказываютъ намъ, что въ Спартѣ, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, подобныхъ ей, занятія науками не только не укрѣпляютъ и не увеличиваютъ храбрости гражданъ, но, напротивъ, изнѣживаютъ и лишаютъ ихъ мужества... Я нахожу, что Римъ былъ болѣе могуществененъ, когда онъ еще не былъ ученъ» (I, стр. 193). Это происходитъ отъ того, что наука и цивилизація заботятся только о красивой внѣшности, не давая людямъ ни настоящаго счастья, ни настоящаго знанія жизни: «говоря откровенно, люди науки лишены даже простого здраваго смысла. Крестьянинъ и сапожникъ простодушно и наивно бесѣдуютъ о томъ, что̀ они дѣйствительно знаютъ, тогда какъ ученые, желая показать глубину своихъ познаній, на самомъ дѣлѣ весьма легковѣсныхъ и поверхностныхъ, постоянно путаются и на каждомъ шагу попадаютъ въ непроходимыя дебри» (I, стр. 184).

«Съ настоящими учеными происходитъ то же, что съ колосьями на нивѣ: пока пусты, они гордо и смѣло подымаютъ голову къ небу; когда же наполнитъ ихъ спѣлое, тяжелое зерно, они начинаютъ смиренно склоняться къ землѣ. Такъ и люди, все испытавъ, все проникнувъ и не найдя въ этомъ огромномъ количествѣ знаній и мудрости ничего твердаго, незыблемаго и вѣчнаго, ничего, кромѣ суеты, отрѣшаются отъ гордости и признаютъ свою человѣческую слабость» (II, стр. 366).

Въ этомъ отношеніи звѣри пользуются громаднымъ преимуществомъ передъ человѣкомъ. Врожденный и непреодолимый инстинктъ не позволяетъ имъ удаляться отъ счастливаго естественнаго состоянія. Монтань идеализируетъ безсознательный животный инстинктъ и ставитъ его выше «суетнаго» человѣческаго разума, дерзко нарушающаго совершенные и мудрые законы природы: «Вести правильную жизнь вслѣдствіе неизбѣжныхъ и естественныхъ условій своего существа—развѣ это не почетнѣе, не выше и не болѣе приближаетъ насъ къ божеству, чѣмъ правильно дѣйствовать, подчиняясь лишь собственной дерзкой и произвольной прихоти? Развѣ не лучше всецѣло предоставить природѣ управленіе и власть надъ нами?»

Онъ идеализируетъ и описываетъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ, не уступающихъ восторженнымъ страницамъ Руссо, *первобытное состояніе американскихъ дикарей*, съ которыми Европа только что начала въ то время знакомиться. Открытіе Новаго Свѣта и невольная параллель, которая возникала между нравами молодыхъ некультурныхъ племенъ и цивилизаціей древнихъ европейскихъ народовъ, давала сильный толчокъ стремле-

нію къ простотѣ, къ естественности, къ патріархальной жизни въ природѣ. Впрочемъ, сомнѣніе въ цивилизаціи отчасти проявлялось уже въ античномъ мірѣ, какъ, напримѣръ, въ ученіи циниковъ, въ пастушескихъ романахъ и буколической поэзіи римскихъ и греческихъ писателей временъ упадка. Монтань воспользовался бытомъ недавно открытыхъ краснокожихъ дикарей, чтобы возобновить въ литературѣ это оригинальное движеніе. «Я нахожу, — говоритъ онъ, — что въ этихъ дикихъ племенахъ нѣтъ ничего варварскаго: варварствомъ каждый изъ насъ называетъ то, что не соотвѣтствуетъ обычаю его страны. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ нѣтъ другого мѣрила истины и разума, кромѣ общепринятыхъ мнѣній и привычекъ той мѣстности, въ которой мы родились: мы находимъ, что только тамъ — и больше нигдѣ — совершенное правительство, лучшая религія и лучшіе нравы. А, между тѣмъ, племена эти настолько же дики, какъ плоды, которые производитъ природа своими собственными средствами, безъ помощи людей. Дикими плодами намъ слѣдовало бы скорѣе называть тѣ, которые выродились и утратили свой первобытный видъ и вкусъ, вслѣдствіе нашего искусственнаго ухода. Тогда какъ въ первыхъ, т.-е. въ настоящихъ дикихъ плодахъ, еще живы и сильны истинныя, болѣе полезныя и естественныя достоинства, которыя мы извратили, потворствуя нашему испорченному вкусу. А, между тѣмъ, фрукты этихъ далекихъ дикихъ странъ отличаются такимъ ароматомъ и нѣжностью, которые не встрѣчаются въ нашихъ европейскихъ плодахъ. *Нѣтъ, искусство человѣческое никогда не получитъ пальмы первенства въ состязаніи съ нашею великою и могучею матерью—природой.* Мы до такой степени загромоздили красоту и роскошь ея произведеній нашими жалкими выдумками, что, наконецъ, совсѣмъ потеряли ее изъ вида. А, между тѣмъ, только что природѣ удается гдѣ-нибудь блеснуть въ полной чистотѣ, она тотчасъ же пристыжаетъ всѣ ничтожныя и суетныя усилія человѣка... Наше искусство безсильно воспроизвести гнѣздо самой маленькой пташки, его устройство, красоту и цѣлесообразность, или паутину какого-нибудь ничтожнаго паука» (I, стр. 308). Это мѣсто необыкновенно глубоко и мѣтко формулируетъ теорію возвращенія къ первобытному состоянію.

Вотъ какъ рисуетъ Монтань блаженное состояніе американскихъ дикарей: «Естественные законы, не извращенные людьми, повелѣваютъ ими въ полной чистотѣ. Мнѣ кажется, что счастіе этихъ народовъ значительно превосходитъ не только всѣ самыя плѣнительныя картины золотого вѣка, созданныя поэзіей, и пылкія мечты ея о человѣческомъ счастьи, но д[illegible]е высшія требованія и цѣль самой мудрости: никто до сихъ поръ не м[illegible]ъ представить себѣ такую чистую, полную простоту и наивность, кото[illegible]ю мы уже не въ мечтахъ, а въ дѣйствительности встрѣчаемъ среди эт[illegible]ъ народовъ. У нихъ нѣтъ наукъ и искусствъ, нѣтъ чиновниковъ и влас[illegible], нѣтъ слугъ, богатствъ и бѣдности, нѣтъ договоровъ, наслѣдствъ, ра[illegible]ловъ, нѣтъ никакихъ занятій, кромѣ праздныхъ... Самыя слова, кото[illegible]я обозначаютъ ложь, измѣну, притворство, скупость, зависть, клевету

щеніе, имъ незнакомы. Насколько идеальная республика Платона далека отъ ихъ совершенства! Viri a diis recentes—это люди, только что вышедшіе изъ рукъ боговъ» (I, стр. 309). Замѣчательно, что Монтаня нисколько не разочаровываетъ, напримѣръ, такая извѣстная ему черта изъ быта дикарей: «Убивъ плѣнника, они его жарятъ и ѣдятъ сообща, посылая куски мяса отсутствующимъ друзьямъ. Они дѣлаютъ это не для того, чтобы насытиться, а чтобы изобразить крайнюю степень ненависти» (I, стр. 133). Его это не возмущаетъ, потому что въ инквизиціонныхъ ужасахъ и жестокостяхъ современныхъ ему религіозныхъ войнъ онъ видитъ, сплошь да рядомъ, примѣры гораздо большихъ злодѣяній, совершонныхъ во имя Бога; по мнѣнію его, съѣсть убитаго человѣка не такъ преступно, какъ подвергнуть звѣрскимъ пыткамъ живого. Природа одаряетъ дикарей всѣмъ необходимымъ; мы, цивилизованные люди, отвергли эту естественную и благодѣтельную помощь природы: «подобно тому, какъ естественный дневной свѣтъ мы замѣняемъ искусственнымъ, такъ собственныя наши способности мы замѣняемъ заимствованными» (I, стр. 337). «Примѣры животныхъ уже достаточно показываютъ намъ, что большинство людскихъ болѣзней происходитъ отъ тревожнаго состоянія нашего духа. Долговѣчность дикарей Бразиліи, про которыхъ говорятъ, что они умираютъ только отъ старости, объясняютъ умѣренностью и мягкостью ихъ климата; но я готовъ скорѣе приписать ее умѣренности и мягкости ихъ души, чуждой всякой страсти, мысли или занятію слишкомъ напряженному, или непріятному, такъ какъ они проводятъ жизнь въ чудной простотѣ и невѣжествѣ, *безъ науки, безъ законовъ, безъ правительства, безъ религіи*» (II, стр. 350). Подчеркнутыя мною слова характеризуютъ обычный пріемъ Монтаня въ описаніи счастья дикарей: *это простое отрицаніе самыхъ главныхъ основъ культурной жизни.*

Особенно ясно можно прослѣдить эту критику современнаго Монтаню общественнаго строя, скрытую подъ идеализаціей естественнаго состоянія, въ слѣдующемъ разсказѣ о трехъ представителяхъ одного дикаго американскаго племени, находившихся въ Руанѣ, во время пребыванія французскаго короля Карла IX въ этомъ городѣ: «Король долго съ ними разговаривалъ. Имъ показали наши обычаи, нашу роскошь, внѣшность прекраснаго и богатаго города. Послѣ всего этого кто-то спросилъ у нихъ, какого они мнѣнія о видѣнномъ и что показалось имъ болѣе всего удивительнымъ. Они отвѣтили, что больше всего ихъ изумили три вещи, изъ которыхъ одну я, къ сожалѣнію, позабылъ. Вотъ остальныя двѣ: во-первыхъ, они признались, что для нихъ чрезвычайно странно и непонятно, какъ могутъ столько высокихъ, бородатыхъ, сильныхъ и вооруженныхъ людей *подчиняться королю-ребенку,* и почему они не выберутъ какого-нибудь болѣе достойнаго повелителя. Во-вторыхъ, они замѣтили среди насъ людей богатыхъ и пресыщенныхъ всевозможною роскошью, тогда какъ остальная часть народа состояла изъ бѣдняковъ, истощенныхъ голодомъ и нищетою; и они находили въ высшей степени страннымъ, что *бѣдная часть*

народа добровольно терпитъ подобную несправедливость, не кидается на богатыхъ, не убиваетъ, не поджигаетъ домовъ» (I, стр. 322). Монтань оставляетъ это замѣчательное мѣсто своей книги безъ комментаріевъ, но отношеніе автора къ смѣлому отвѣту дикарей вполнѣ ясно; несмотря на весь практическій консерватизмъ, онъ не можетъ не сочувствовать наивному удивленію тѣхъ, которыхъ самъ называетъ «viri a diis recentes». Идеализація дикарей уже тѣмъ сослужила не малую службу европейскому обществу, что подъ ея знаменемъ свободно и удобно проникала въ жизнь критика существующихъ порядковъ и самый энергичный протестъ противъ нихъ. Кромѣ того, эта идеализація *разработала и подготовила почву для внимательнаго и симпатичнаго отношенія къ жизни народныхъ массъ.* Въ Монтанѣ симпатія къ простому человѣку прямо вытекаетъ изъ идеализаціи первобытнаго состоянія и все время идетъ съ нею рука объ руку. Философъ то и дѣло переходитъ отъ немного фантастическихъ картинъ счастья «каннибаловъ» (такъ называетъ онъ американскихъ краснокожихъ) къ наблюденіямъ изъ народной жизни: «Я видѣлъ въ мое время,—говоритъ онъ,—сотни ремесленниковъ, земледѣльцевъ болѣе мудрыхъ и счастливыхъ, чѣмъ ректоры университетовъ, и болѣе достойныхъ подражанія» (II, стр. 342). «Я нахожу, что поступки и рѣчи мужиковъ болѣе согласны съ предписаніями истинной философіи, чѣмъ слова и дѣйствія нашихъ признанныхъ философовъ: plus sapit vulgus, quia tantum, quantum opus est, sapit (народъ болѣе мудръ, потому что онъ мудръ въ такой степени, какъ это дѣйствительно нужно)» (III, стр. 96). «Среди простыхъ людей,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—нерѣдко можно встрѣтить проявленіе изумительной доброты.

„Extrema per illos
Justitia excendens terris vestigia fecit.

(Среди нихъ, удалившись отъ насъ, справедливость нашла свой послѣдній пріютъ)» (III, стр. 230).

Припомнимъ основное положеніе Монтаня, чтобы понять, какимъ образомъ онъ могъ дойти до крайнихъ выводовъ, до восхваленія блаженнаго невѣжества и полнаго отрицанія науки. «Я не сомнѣваюсь,—говоритъ философъ,—въ могуществѣ и богатствѣ природы, я не сомнѣваюсь въ ея благодѣтельномъ значеніи для насъ; я вижу, что щука и ласточка вполнѣ довольны ею. Я сомнѣваюсь въ изобрѣтеніяхъ нашего ума, въ наукѣ и искусствѣ, во имя которыхъ, переступая всякую умѣренность, мы покинули природу, нарушили ея законы» (III, стр. 264). Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ: всякое знаніе вредно. Заключеніе это утратитъ свою парадоксальность, если мы его нѣсколько съузимъ: то знаніе, образцы котораго имѣлъ передъ глазами Монтань, т.-е. мертвая средневѣковая схоластика, дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ хуже полнаго невѣжества. Онъ приводитъ примѣры св. Павла, императоровъ римскихъ Валентиніана и Лицинія, Магомета, отрицавшихъ пользу науки, и вполнѣ соглашается съ ними. «Тотъ кто будетъ насъ судить по нашимъ поступкамъ и увлеченіямъ, найде

большее количество хорошихъ людей среди невѣждъ, чѣмъ среди ученыхъ» (II, стр. 342). Философъ Пирронъ, настигнутый бурей на морѣ, указывалъ своимъ ученикамъ, обезумѣвшимъ отъ страха, на спокойствіе поросенка, бывшаго вмѣстѣ съ ними на кораблѣ и смотрѣвшаго на волны безъ малѣйшаго испуга. «Философія, въ концѣ-концовъ, отсылаетъ насъ къ примѣру какого-нибудь атлета или погонщика муловъ, которые обыкновенно гораздо меньше страдаютъ отъ страха смерти, отъ физической боли и другихъ несчастій, чѣмъ люди, стремящіеся достигнуть того же самаго посредствомъ науки, но не одаренные необходимыми врожденными качествами» (II, стр. 348). Онъ угадалъ, что у настоящаго ученаго и великаго художника гораздо больше общаго съ простымъ человѣкомъ, близкимъ къ природѣ, чѣмъ съ узкимъ, самодовольнымъ доктринеромъ. «Мужики—честные люди,—говоритъ онъ,—философы, натуры глубокія и могучія, обогащенныя обширными и полезными познаніями,—также честные люди. Но тѣ, которые находятся въ серединѣ между ними, презрѣвшіе невѣжество и не достигшіе высшей мудрости—опасны, глупы и смѣшны. Народная поэзія (Монтань создалъ первый не только слово это, но и само понятіе) въ своей естественности обладаетъ наивностью и граціей, которыя позволяютъ ей занять мѣсто рядомъ съ высшими произведеніями самой совершенной поэзіи; стоитъ только обратиться къ любой гасконской пѣснѣ и поэтическимъ произведеніямъ тѣхъ дикихъ племенъ, которыя незнакомы съ наукой, ни даже съ искусствомъ письма: посредственная поэзія, находящаяся въ серединѣ между народною и тою, которая достигаетъ геніальнаго совершенства, не имѣетъ истиннаго достоинства и цѣны» (II, стр. 61).

Эта глубокая мысль о сходствѣ генія и простаго народа повторяется и въ другомъ мѣстѣ: *«бурямъ доступна средняя область: оба крайніе полюса—философы и мужики—соперничаютъ въ спокойствіи и счастьи»*. (IV, стр. 174). Монтаня плѣняетъ сила и мощь народнаго духа, которая особенно ясно сказывается въ стоическомъ отношеніи простаго человѣка къ смерти. Сколько героизма и терпѣнія обнаружилъ народъ во время религіозныхъ войнъ и междуусобицъ той эпохи! «Какой примѣръ небывалаго мужества видѣли мы въ простомъ народѣ! Почти всѣ отказывались отъ сохраненія жизни; главное богатство страны—виноградъ—висѣлъ, не убранный, на лозахъ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ каждый готовился къ смерти, которую ожидали сегодня вечеромъ или завтра утромъ, причемъ лица и разговоры всѣхъ были до такой степени спокойны, какъ будто они давно уже примирились съ этою необходимостью и только ждали исполненія неизбѣжнаго и общаго приговора. Взгляните на нихъ: несмотря на то, что умираютъ дѣти, юноши, старики, они не удивляются, не плачутъ. Я видѣлъ такихъ, которые боялись пережить товарищей и остаться въ страшномъ одиночествѣ, и я замѣчалъ среди нихъ одну только заботу о погребеніи» (VI, стр. 221). Монтань благоговѣетъ передъ этою вѣрой и силой жизни, которыя заставляютъ народъ такъ просто и спокойно относиться къ смерти. Въ каждомъ изъ насъ таится та же сила, но мы исказили и осла-

били ее разсудочнымъ доктринерствомъ и мнимою образованностью: «Погрузитесь въ себя,—говоритъ онъ,—и вы найдете въ вашемъ сердцѣ истинные и незабвенные доводы противъ смерти, тѣ самые, которые заставляютъ умирать мужика и цѣлые народы такъ же спокойно, какъ умираютъ величайшіе философы» (IV, стр. 205). «Къ чему вооружаемся мы усиліями тщетнаго знанія? Посмотримъ внизъ, на землю: вотъ бѣдные люди, которые разсѣяны по ней, съ головою, склоненною надъ работой, которые не знаютъ ни Аристотеля, ни Катона, ни образцовъ, ни поученій, а, между тѣмъ, каждый день природа показываетъ намъ среди нихъ болѣе высокіе и удивительные примѣры стойкости и терпѣнія, чѣмъ тѣ, о которыхъ намъ повѣствуетъ исторія. Какъ много вижу я среди нихъ людей, умѣющихъ спокойно переносить бѣдность, ожидать смерти тихо, безъ тревоги и огорченія! Вотъ этотъ рабочій, который копаетъ землю въ моемъ саду, быть можетъ, еще сегодня утромъ похоронилъ своего отца или сына. У народа самыя имена болѣзней какъ бы смягчаютъ ихъ и дѣлаютъ болѣе легкими: чахотку они называютъ кашлемъ, дезинтерію—разстройствомъ желудка, плеврезію—простудой и, соотвѣтственно съ этими успокоительными названіями, спокойно переносятъ недугъ; онъ долженъ быть ужь очень тяжелъ, чтобы заставить ихъ прервать работу; въ постель они ложатся только для того, чтобы умереть» (IV, стр. 208).

«Мы покинули природу и желаемъ чему-то ее научить, — ее, которая вела насъ такимъ счастливымъ, вѣрнымъ путемъ. А, между тѣмъ, мудрость принуждена то и дѣло заимствовать образцы мужества, невинности и спокойствія въ грубой средѣ простыхъ земледѣльцевъ, которые, благодаря невѣжеству, еще сохранили нѣкоторый отпечатокъ и слѣдъ благодѣтельнаго вліянія природы. Не странно ли, что люди науки, полные глубокихъ познаній, должны подражать этой глупой простотѣ и, притомъ, въ самыхъ важныхъ дѣйствіяхъ,—въ жизни и въ смерти, въ сохраненіи имущества и въ любви, въ воспитаніи дѣтей и въ правосудіи?» (IV, стр. 223).

«Самое мудрое—въ полной простотѣ отдаться природѣ. О, какое сладостное, благодатное и мягкое изголовье для избранныхъ—незнаніе и простота сердца!»

Д. Мережковскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законодательныя работы и гласность.—Народное образованіе въ одной изъ губерній.—Добровольцы школьнаго дѣла.—Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія объ оцѣнкѣ успѣховъ учащихся.—Чижовскій капиталъ.—О реформѣ государственнаго банка.—Вѣроятное вліяніе сибирской желѣзной дороги.—Взглядъ правительства на переселенія.—Государственная роспись на 1893 годъ.—А. Н. Энгельгардтъ и Ю. Э. Янсонъ †.

Мы уже не разъ говорили о томъ (см. особенно *Внутреннее обозрѣніе* декабря 1892 г.), что правительство старается пробудить общественныя силы и привлечь ихъ къ содѣйствію администраціи въ разныхъ отрасляхъ управленія. Неурожай и холера вызвали разнообразныя формы совмѣстной дѣятельности. Содѣйствіе общественныхъ силъ правительству въ его заботахъ о народной жизни будетъ тѣмъ болѣе плодотворно, чѣмъ больше будетъ условій, способныхъ воспитывать въ нашемъ обществѣ разумное и сознательное отношеніе ко всей совокупности государственныхъ задачъ. А ничто не способно оказывать такое сильное воспитательное вліяніе, какъ печать, если она спокойно и безпристрастно изслѣдуетъ вопросы внутренней и внѣшней политики. Поскольку органы печати сосредоточиваются въ рукахъ людей честныхъ, мыслящихъ и просвѣщенныхъ, которые видятъ въ своемъ дѣлѣ, прежде всего, не промыселъ, не источникъ барышей, а важное общественное призваніе, постольку печать обладаетъ великою нравственною силой. Независимо отъ законовъ о печати, отъ времени до времени издаются административныя распоряженія, которыя запрещаютъ обсуждать тотъ или другой вопросъ нашей общественной жизни. Конечно, каждый вопросъ частнаго и общественнаго значенія можетъ быть обсуждаемъ такимъ образомъ, что читатель получаетъ невѣрное и нежелательное впечатлѣніе. Конечно, печатное слово допускаетъ не въ меньшей степени злоупотребленіе, чѣмъ устное. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы глубоко убѣждены, что серьезное, обдуманное обсужденіе каждаго вопроса, прямота, искренность въ оцѣнкѣ каждаго общественнаго явленія могутъ быть полезны органамъ управленія въ ихъ заботахъ о народной жизни. Иначе и быть не можетъ. Правительство печется о народномъ благѣ, правительство стремится направить народную жизнь по тому руслу, которое представляется ему наиболѣе соотвѣтствующимъ условіямъ даннаго времени и мѣста, всему скла-

ду культуры. Въ этомъ огромномъ трудѣ, гдѣ критическая мысль разрушаетъ старыя формы, а политическое творчество создаетъ на ихъ развалинахъ новый общественный укладъ, не всѣ пружины могутъ дѣйствовать съ такою правильностью, обдуманностью и энергіей, какія были бы желательны. Если даже каждая изъ частей огромнаго государственнаго организма наилучшимъ образомъ исполняетъ свою обязанность, и тогда имѣетъ большую цѣну наличность общественныхъ элементовъ, которые, прямо не участвуя въ этомъ организмѣ, являются свѣдущими пособниками, которые то критически, то творчески помогаютъ органамъ управленія въ ихъ работѣ и непрерывно поставляютъ въ распоряженіе правительства большее количество умственнаго труда.

Приглашая общественныя силы къ участію въ великой культурной работѣ, наше правительство тѣмъ самымъ признало важность содѣйствія, которое можетъ оказать печать. Это признаніе ярко выразилось въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, который помѣщаетъ съ января нынѣшняго года «краткія свѣдѣнія о тѣхъ изъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ государственномъ совѣтѣ, которыя, съ одной стороны, по сущности своей допускаютъ предварительное ихъ оглашеніе безъ всякихъ неудобствъ, а съ другой—имѣютъ сколько-нибудь выдающееся или общее значеніе». Сюда же, по словамъ сообщенія, «надо отнести и тѣ изъ дѣлъ, съ которыми возможно раннее ознакомленіе печати въ ихъ правильномъ видѣ найдено будетъ желательнымъ». Мы придаемъ этому очень большое значеніе. Кто слѣдитъ за повременною печатью, тотъ знаетъ, что въ газетахъ издавна печатаются сообщенія и слухи о проектахъ, поступающихъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта Одни сообщенія истекаютъ изъ надежныхъ источниковъ и оказываются истинными, другія ложны. Но по отношенію къ тѣмъ и другимъ печать не можетъ занять подобающее ей положеніе. Обстоятельная оцѣнка слуха, который черезъ немного дней оказывается чистѣйшимъ вымысломъ, подрываетъ у читателей довѣріе и къ такимъ сообщеніямъ, которыя истинны; боязнь стать въ неловкое положеніе заставляетъ даже при обсужденіи такого извѣстія, которое окажется истиннымъ, говорить обинякомъ, намеками, скользить по поверхности вопроса и едва затрогивать его существо. Заявленіе *Правительственнаго Вѣстника*, уже выразившееся въ опубликованіи дѣлъ, которыя поступятъ въ ближайшемъ будущемъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, создаетъ печати гораздо болѣе благопріятное положеніе. Мы не сомнѣваемся, что въ недалекомъ будущемъ будетъ признаваться желательнымъ «возможно раннее ознакомленіе печати» не съ нѣкоторыми, а со всѣми дѣлами, подлежащими разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ. Это правительственное сообщеніе должно быть разсматриваемо какъ призывъ къ обществу служить законодательной дѣятельности печатнымъ словомъ. Мы увѣрены, что лучшіе органы русской печати отвѣтятъ на этотъ призывъ серьезною, внимательною оцѣнкой каждаго законопроекта и тѣмъ будутъ исполнять свои обязанности передъ родиной.

Всѣмъ извѣстно, что законодательство получаетъ свое окончательное выраженіе въ дѣятельности администраціи. Благодѣтельный и мудрый законъ остается мертвою буквой, если администрація вовсе не исполняетъ его или исполняетъ неумѣло. Законъ, не соотвѣтствующій потребностямъ народа или извѣстной общественной группы, можетъ быть иногда смягченъ въ своемъ примѣненіи честными и просвѣщенными чиновниками. Оцѣнка закона, какъ таковаго, всегда является чѣмъ-то незаконченнымъ, пока не принята въ разсчетъ и дѣятельность администраціи, проводящей этотъ законъ. Если правительство считаетъ полезнымъ обсужденіе печатью нѣкоторыхъ законопроектовъ, то, конечно,—и это логически-необходимый выводъ,—оно сдѣлаетъ и дальнѣйшій шагъ—предоставитъ печати свободное обсужденіе дѣятельности администраціи, сниметъ запретъ съ такихъ вопросовъ, которые изъемлются изъ литературнаго оборота. А этотъ шагъ принесетъ обильные плоды. Припомнимъ для примѣра, что въ концѣ 70-хъ годовъ вопросъ о переселеніяхъ былъ отнесенъ къ числу тѣхъ, которые не могли быть свободно обсуждаемы въ повременной печати. Предполагали, что свободное и подробное обсужденіе переселенческой политики будетъ поднимать крестьянъ съ насиженныхъ мѣстъ и двигать на далекія окраины. Печать почти молчала, изрѣдка касаясь этого важнаго вопроса нашей народной жизни, а жизнь дѣлала свое дѣло: гдѣ становилось очень тяжело жить, оттуда люди выселялись, пренебрегая всѣми трудностями и даже страданіями, съ которыми были связаны далекія странствія. Только изрѣдка и отрывочно останавливаясь на переселеніяхъ въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, печать не задерживала, однако, процесса, который вытекалъ изъ всѣхъ условій народной жизни. Но молчаніе было причиною того, что не были заблаговременно приняты мѣры, которыя регулировали бы это движеніе. Четыре-пять лѣтъ назадъ объ этомъ вопросѣ стали говорить свободно. И хотя до сихъ поръ сдѣлано безконечно мало сравнительно съ важностью этого явленія, однако, печатное слово не осталось безъ замѣтныхъ результатовъ: законъ 13 іюля 1889 года о переселенцахъ, мѣры призрѣнія переселенцевъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, направленіе въ эту сторону частной благотворительности, усердная и безкорыстная дѣятельность мѣстныхъ обществъ и петербургскаго общества для вспомоществованія переселенцамъ. Признаніе правительствомъ полезности участія въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ (а его вызвало, прежде всего, неослабное обсужденіе вопроса въ печати) выразилось, между прочимъ, въ благодарности, которую въ началѣ 1891 года г. министръ внутреннихъ дѣлъ выразилъ тюменскому комитету о переселенцахъ. Будемъ надѣяться, что правительство, относясь благосклонно ко всякому проявленію общественной дѣятельности, сочтетъ полезнымъ и искреннее, серьезно продуманное печатное слово какъ о намѣченныхъ законодательныхъ работахъ, такъ и о дѣятельности администраціи.

Все сказанное заставляетъ насъ припомнить нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности администраціи. Въ концѣ декабря, въ Екатеринославѣ происходило совѣщаніе земскихъ начальниковъ, которое и старалось выработать мѣры къ упорядоченію народнаго хозяйства всей губерніи. Особенное вниманіе было посвящено устройству продовольственной части въ селеніяхъ. Было указано на общественныя запашки, какъ на лучшее средство для правильнаго организованія продовольственнаго дѣла. При этомъ было поставлено на видъ, что, въ случаѣ нежеланія крестьянъ добровольно вводить общественныя запашки, слѣдуетъ прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, обязывать крестьянскія общества засѣвать для этой цѣли нѣсколько десятинъ. Въ Керенскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи, была произведена обязательная вспашка крестьянскихъ полей. Дѣло началось съ того, что лѣтомъ прошлаго года на ржаныхъ и яровыхъ посѣвахъ этого уѣзда появился кузнечикъ. «Получивъ первыя свѣдѣнія о появленіи кузнечика въ Керенскомъ уѣздѣ, — разсказываетъ корреспондентъ *Гражданина*, — нашъ начальникъ губерніи, генеральнаго штаба генералъ-майоръ Алексѣй Алексѣевичъ Горяиновъ, заботясь о благосостояніи населенія ввѣренной ему губерніи, немедленно прибылъ въ Керенскъ для преподанія на мѣстѣ надлежащихъ указаній для борьбы съ насѣкомыми. Здѣсь подъ его предсѣдательствомъ, при участіи мѣстныхъ: предводителя дворянства, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Христофоровича Логвинова, уѣзднаго исправника Николая Васильевича Алферова и гг. земскихъ начальниковъ, обсуждались мѣры для борьбы съ кузнечикомъ и былъ выработанъ проектъ этихъ мѣръ. Главною мѣрой г. губернаторъ рекомендовалъ вспашку полей раннею весной будущаго года и, главнымъ образомъ, осенью нынѣшняго года». По отъѣздѣ губернатора члены совѣщанія принялись дѣйствовать. И вотъ, «какъ ни трудно переломить привычки русскаго мужика въ отношеніи его хозяйства—заставить лишній разъ вспахать свои надѣлы, но мѣра эта была выполнена, благодаря энергіи и стараніямъ мѣстнаго исправника Н. В. Алферова, при содѣйствіи гг. земскихъ начальниковъ, который заставилъ крестьянъ вспахать съ осени всѣ свои поля, дѣйствуя на благоразумныхъ крестьянъ совѣтами, а на неисполнителей, не понимающихъ собственной своей выгоды, силою закона, подвергая ихъ должному наказанію».

Когда въ печати было сообщено извѣстіе о совѣщаніи земскихъ начальниковъ Екатеринославской губерніи, то нѣкоторыя газеты указали на незаконность совѣщаній этого рода. Присоединяясь къ мнѣнію этихъ газетъ, мы скажемъ, что желательны совѣщанія частнаго характера между земскими начальниками, ибо непринужденный обмѣнъ мнѣній можетъ быть полезенъ для всѣхъ участниковъ, можетъ дѣлать опытъ каждаго общимъ достояніемъ и облегчать служебную дѣятельность чиновниковъ. Пусть собираются земскіе начальники, пусть они бесѣдуютъ о самыхъ сложныхъ вопросахъ, даже о томъ, наприм., какъ поднять благосостояніе цѣлой губерніи,—такія бесѣды могутъ быть только полезны, если собесѣдни-

искренне преданы интересамъ народа. Но, при всѣхъ заботахъ о народномъ благосостояніи, нужно помнить, что каждое мѣропріятіе лишь тогда пускаетъ глубокіе корни въ народную жизнь, когда не насильственно прививается народу, а воспринимается имъ постепенно. Отсюда не слѣдуетъ дѣлать выводъ, что крупная прогрессивная мѣра непригодна для народа, такъ какъ она превышаетъ уровень его духовнаго развитія. Нѣтъ, народная жизнь можетъ воспринять и переработать и самое прогрессивное начало, если оно не навязывается насильно, съ одного удара, а прививается безъ торопливости, съ добротою, терпѣніемъ, съ искреннимъ и неослабѣвающимъ расположеніемъ въ народной массѣ. Но всякая мѣра, если она по существу своему и не особенно мудреная, встрѣчается неохотно, съ затаеннымъ или даже явнымъ недоброжелательствомъ, разъ она навязывается народу, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, еще не нашедшее отголоска въ сердцѣ простого русскаго человѣка. Общественныя запашки принадлежатъ къ самымъ характернымъ явленіямъ этого рода. Не нужно имѣть семи пядей во лбу, чтобы признать общественныя запашки полезною формой труда, способною влить новую и животворную струю въ жизнь нашей земельной общины. Соединеніе мелкихъ надѣльныхъ клочковъ въ одну обширную пашню, общій, а потому и болѣе производительный трудъ, нежели единичная работа каждаго отдѣльнаго хозяина, — таковы преимущества общественныхъ запашекъ. Нѣсколько сотъ случаевъ, собранныхъ въ книгѣ г. В. В. *Крестьянская община*, убѣждаютъ, что крестьяне придаютъ общимъ запашкамъ большое значеніе, если вводятъ ихъ или по собственному побужденію, или по совѣту сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которые имѣютъ въ своей округѣ большой нравственный авторитетъ и пользуются имъ для блага окрестнаго населенія. Многочисленныя наблюденія показываютъ, что если общественныя запашки приняты крестьянами сознательно, то входятъ, какъ необходимое явленіе, въ строй сельской жизни и служатъ правильнымъ источникомъ доходовъ для пополненія хлѣбныхъ амбаровъ или для содержанія начальныхъ училищъ, или же, наконецъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работѣ членовъ общины. Иначе относятся крестьяне къ общественнымъ запашкамъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онѣ были сдѣланы обязательными по распоряженію мѣстной администраціи: тамъ эти запашки или прекратились, разъ администрація перестала напоминать о нихъ дополнительными распоряженіями, или же продолжаютъ существовать, но крестьяне работаютъ небрежно, несвоевременно, и участокъ, отведенный для мірской запашки, имѣетъ самый жалкій видъ. Многочисленные примѣры этого рода убѣждаютъ, что земскіе начальники и другіе органы администраціи имѣютъ очень широкій просторъ для благотворнаго воздѣйствія на населеніе деревни. Пусть только всѣ эти лица дѣйствуютъ добрымъ, дружескимъ, искреннимъ словомъ, пусть они пользуются силою убѣжденія и, наконецъ, пусть они на своихъ земляхъ подаютъ примѣръ разумной борьбы съ тѣми невзгодами, которыя въ такомъ множествѣ нарушаютъ правильное теченіе жизни въ нашей деревнѣ. Скажемъ, по поводу извѣстія, сообщеннаго о

Керенскомъ уѣздѣ, что если бы мѣстная администрація не принуждала крестьянъ къ осеннему взмету полей, какъ мѣрѣ борьбы съ кузнечикомъ, и если бы эта мѣра примѣнялась во всѣхъ крупныхъ и среднихъ имѣніяхъ уѣзда, то крестьяне оцѣнили бы ее и стали бы пользоваться ею безъ всякаго внѣшняго давленія. Заимствуемъ изъ напечатаннаго въ *Гражданинѣ* письма минскаго губернатора кн. Трубецкого свѣдѣнія о дѣятельности бывшаго рѣчицкаго уѣзднаго предводителя дворянства г. Мацнева по устройству церковно-приходскихъ школъ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ. Минскій губернаторъ не отрицаетъ благихъ намѣреній г. Мацнева. «Но,—читаемъ мы въ письмѣ,—всякое, даже самое благое, намѣреніе можетъ быть приводимо въ исполненіе только правомѣрнымъ путемъ. Это обязательно какъ для всякаго частнаго человѣка, такъ, тѣмъ паче, для лица, занимавшаго столь почетную и вліятельную, а тѣмъ самымъ и отвѣтственную должность, какъ г. Мацневъ. Къ сожалѣнію, этого именно онъ никогда и не хотѣлъ понять. Предполагая, что благая цѣль распространенія церковно-приходскихъ школъ оправдываетъ всякія средства, онъ шелъ къ этой цѣли путями, которыми ему законъ не только не предоставлялъ идти, но, напротивъ, прямо возбранялъ. Всѣ суммы, полученныя г. Мацневымъ на постройку названныхъ школъ отъ крестьянъ Рѣчицкаго уѣзда, явились результатомъ совершенно противузаконныхъ распоряженій г. Мацнева, позволившаго еще себѣ при этомъ свои единоличныя приказанія издавать отъ имени цѣлаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Чтобы судить о томъ, насколько произвольны были эти распоряженія, достаточно указать, напримѣръ, на два предписанія, изъ которыхъ въ одномъ предлагалось внести, вопреки прямо выраженному несогласію схода, въ смѣту волости по 20 коп. съ надѣла земли для образованія церковно-приходскаго капитала, а въ другомъ г. Мацневъ предварялъ, что, въ случаѣ неисполненія подобнаго же распоряженія, волостной писарь будетъ уволенъ отъ должности. Дѣло дошло до того, что въ одной волости писарь и старшина, не успѣвъ склонить крестьянъ къ требовавшимся отъ нихъ пожертвованіямъ и опасаясь предводительскаго гнѣва, сложились и отъ себя внесли 40 р. Такова дѣятельность г. Мацнева по сбору большей половины тѣхъ суммъ, на которыя строились церковно-приходскія школы въ Рѣчицкомъ уѣздѣ. Переходя затѣмъ къ порядку расходованія этихъ суммъ, могу сказать только, что здѣсь уже царилъ полный безпорядокъ; деньги расходовались г. Мацневымъ по единоличному его усмотрѣнію и отчетность въ этихъ расходахъ велась непростительно небрежно. Я,—говоритъ губернаторъ,—далекъ, конечно, отъ мысли сомнѣваться въ безкорыстіи г. Мацнева и главнѣйшія причины описанныхъ безпорядковъ вижу, во-первыхъ, въ полномъ непониманіи предѣловъ предоставленныхъ ему правъ и, во-вторыхъ, въ незнакомствѣ съ порядкомъ отчетности, необходимой при веденіи дѣла, сопряженнаго съ столь крупными, сравнительно, затратами, какъ постройка школъ». Во всѣхъ этихъ случаяхъ, независимо отъ неправомѣрности дѣйствій, лица администраціи забывали и о ихъ нецѣлесообразности. Они забывали, что прививается и упрочивается

лишь то, что было сознательно воспринято общественною средой. Все же навязанное народной жизни образуетъ только форму, прикрывающую крайне бѣдное содержаніе.

Вполнѣ правъ г. минскій губернаторъ, говоря о необходимости строго исполнять законъ и дѣйствовать правомѣрно даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ усиленномъ развитіи грамотности и начальнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Въ душѣ каждаго русскаго человѣка болѣзненно отзываются цифры, которыя привелъ, напримѣръ, г. Странолюбскій въ своемъ докладѣ, представленномъ с.-петербургскому комитету грамотности: изъ новобранцевъ 72—73% совершенно безграмотны; изъ мальчиковъ школьнаго возраста учится только 12—13%, изъ дѣвочекъ—3—4%; есть уѣзды, гдѣ 1 школа приходится на 500 селеній, и т. д.

Общая картина, нарисованная г. Странолюбскимъ, производитъ еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, когда присматриваешься къ положенію народнаго образованія въ отдѣльныхъ губерніяхъ, когда изучаешь детали, когда отъ цифръ обращаешься къ тексту, къ изображенію, вышедшему не изъ-подъ пера туриста, а сдѣланному должностнымъ лицомъ, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Передъ нами *Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи*, которая занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ по разумной и энергичной дѣятельности земства. Народное образованіе стоитъ въ этой губерніи гораздо выше, чѣмъ въ неземскихъ и даже чѣмъ во многихъ земскихъ. Но сколько еще нужно сдѣлать для того, чтобы стала грамотною половина или даже четверть населенія губерніи! Особенно печально то, что число народныхъ училищъ обнаруживаетъ замѣтную наклонность къ уменьшенію. Въ 1884 году губернія имѣла 526 училищъ, въ 1888 г.—507, а въ 1891 г.—только—498. Школьныя помѣщенія, въ большинствѣ случаевъ, крайне неудовлетворительны. Мѣстный инспекторъ особенно неблагопріятно отзывается о помѣщеніи начальныхъ училищъ Глазовскаго уѣзда. «Стѣны и потолки,—пишетъ этотъ инспекторъ въ своемъ отчетѣ за 1891 годъ,—во многихъ школахъ не штукатурятся, а также не оклеиваются и бумагой, почему онѣ грязны, сильно запылились или закоптѣли отъ дыма. Во многихъ школахъ въ ночь очень холодно; рамы вставляются небрежно, плохо законопачиваются, а, между тѣмъ, въ большинствѣ школъ ученикамъ приходится сидѣть вблизи къ окнамъ, или спиною, или бокомъ. Встрѣчаются въ нѣкоторыхъ школахъ форточки или отверстія въ стѣнахъ, но отверстія обыкновенно очень малы, такъ что не могутъ приносить большой пользы для улучшенія воздуха. Въ силу этого къ концу занятій въ такихъ помѣщеніяхъ воздухъ, смѣшанный съ пылью, поднимающеюся съ слишкомъ грязнаго пола, дѣлается очень душнымъ. Сильнымъ недостаткомъ многихъ школьныхъ помѣщеній здѣшняго уѣзда является нечистота, въ которой они содержатся. Полы въ большинствѣ школъ моются рѣдко, а въ другихъ школахъ если и моются каждую недѣлю, то слишкомъ небрежно... Выбранные сельскими

обществами сторожа, какъ отбывающіе натуральную повинность, относятся небрежно къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей. Церковно же приходскія попечительства, въ видахъ экономіи, нанимаютъ этихъ сторожей за низкую плату, почему и не предъявляютъ имъ большихъ требованій для наблюденія большей чистоты». (*Отчетъ за 1891 гражданскій годъ*, стр. 8 и 9). Изъ общаго числа училищныхъ помѣщеній почти половина наемныя (226 изъ 498); изъ нихъ большая часть не соотвѣтствуетъ даже начальнымъ требованіямъ гигіены. Вторымъ недостаткомъ служитъ такое существенное неудобство школьныхъ помѣщеній, какъ неимѣніе при многихъ квартиръ для учителей и учительницъ. По соображеніямъ педагогическимъ желательно, чтобы учащій персоналъ жилъ при школѣ и всегда имѣлъ на глазахъ своихъ питомцевъ. Но отсутствіе квартиры при училищѣ возлагаетъ на учащихъ очень тяжелое бремя, такъ какъ въ деревняхъ нельзя найти сколько-нибудь удовлетворительную квартиру даже за довольно большія деньги, и скудное жалованье заставляетъ учителей довольствоваться самымъ жалкимъ наемнымъ помѣщеніемъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и мизерное вознагражденіе за трудъ. Изъ 257 учителей 61 получаютъ меньше 200 рублей въ годъ, изъ 842 учительницъ 485 получаютъ меньше 200, а 130—меньше 150 рублей. При такомъ положеніи учебнаго дѣла могутъ быть затрачиваемы только самыя незначительныя средства на составленіе училищныхъ библіотекъ. Скромные размѣры библіотекъ видны изъ данныхъ, которыя собраны по четыремъ уѣздамъ губерніи. Соединяя книги фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ, мы получаемъ для Орловскаго уѣзда 10,647 названій, Елабужскаго—8,414, Слободского—6,735 и Нолинскаго—5,245. Неудивительно, если, при такомъ состояніи учебнаго дѣла, земство могло сдѣлать только очень немного для обученія ремесламъ: небольшія ремесленныя отдѣленія со столярнымъ, токарнымъ, сапожнымъ и башмачнымъ ремеслами устроены только при 12 начальныхъ школахъ. Каково же общее число учащихся? Оно составляетъ неполныхъ 44,000 на 3-хъ милліонное населеніе губерніи, т.-е. 1 на 67 жителей. А такъ какъ при посѣщеніи начальной школы всѣми дѣтьми школьнаго возраста 1 ученикъ приходится на 7—8 жителей, то оказывается, что учится въ школахъ только ⅛ всѣхъ дѣтей. Число же учащихся дѣвочекъ составляетъ совсѣмъ ничтожную величину: 8,711 на слишкомъ полутора-милліонное женское населеніе, т.-е. 1 на 175 женщинъ, иначе говоря, только 1/22 дѣвочекъ школьнаго возраста посѣщаетъ школы.

Такъ поставлено народное образованіе въ губерніи, которая опередила многія мѣстности Россіи. Въ виду столь крупныхъ пробѣловъ, обнаруживаемыхъ этою важнѣйшею стороной народной жизни, особенно радуетъ всякій безкорыстный трудъ и пожертвованія на дѣло умственнаго просвѣщенія народа. Въ небольшой брошюрѣ, посвященной описанію народной школы въ селеніи «Фарфоровый заводъ» подъ Петербургомъ, мы находимъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ. Эту школу открылъ одинъ бывшій сельскій учитель, и она существуетъ безъ всякихъ средствъ. При основаніи школы

вовсе не было денегъ, а только готовое помѣщеніе въ домикѣ учителя. Иниціаторъ дѣла задался цѣлью обучать въ школѣ самыхъ бѣдныхъ дѣтей, сиротъ, безпріютныхъ, обездоленныхъ; большая часть дѣтей, до поступленія въ школу, занимались прошеніемъ милостыни. Увлеченіе учредителя школы нашло откликъ во многихъ сердцахъ, и изъ 9 лицъ преподавательскаго персонала 8 заявили о готовности обучать безплатно. Вслѣдствіе такого количества безмозмезднаго труда, стало возможно не только обучать дѣтей грамотѣ и Закону Божію, но и ввести преподаваніе ремеслъ: столярнаго, переплетнаго, сапожнаго, женскихъ рукодѣлій, а также пѣнія. Все это—люди небогатые, скромнаго общественнаго положенія; всѣ они предложили урывать отъ своего трудового дня нѣсколько часовъ и посвящать ихъ школѣ. Но нужны были хотя самыя маленькія матеріальныя средства. И они поступали крохами, преимущественно отъ небогатыхъ людей. Одинъ снабжалъ школу хлѣбомъ, другой торговецъ отпускалъ 3 раза въ недѣлю мясо, третій—дрова и уголья для самовара, четвертый—книги, пятый—письменныя принадлежности. Но все это—сравнительно крупныя пожертвованія. Были на ряду съ ними и самыя мелкія, напоминающія лепту евангельской вдовы: хозяйка маленькой желѣзной лавки пожертвовала 4 ножа и дюжину карандашей, вдова сапожника — пару башмаковъ, неизвѣстный ремесленникъ—пару чулокъ и проч. Эта школа открыта только въ сентябрѣ 1891 г., и потому было бы преждевременно говорить о результатахъ. Но уже одинъ тотъ фактъ, что крохи, собираемыя на это доброе дѣло, позволяютъ обучить грамотѣ и ремеслу нѣсколько десятковъ самыхъ бѣдныхъ дѣтей, которыя, безъ этой поддержки, неминуемо просили бы милостыню, служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ разумнаго и великодушнаго направленія частной благотворительности. Приводя эти факты, мы невольно вспоминаемъ о самоотверженной дѣятельности нашихъ крестьянъ-грамотѣевъ, которые часто являются единственными свѣточами въ своей ближайшей округѣ. *Русская Жизнь* разсказываетъ про такого учителя, дошедшаго изъ Казанской губерніи въ Кіевскую. Въ одной изъ деревень Кіевскаго уѣзда не было школы, ни средствъ, чтобы открыть училище. И вотъ, въ морозный декабрьскій день на сельскомъ сходѣ явился странникъ съ котомкой за плечами. Услыхавъ жалобы, что нѣтъ школы, онъ началъ ободрять крестьянъ и предложилъ обучать дѣтей грамотѣ. Сельское общество недоумѣвало, гдѣ найти помѣщеніе для школы. Но старикъ безъ труда рѣшилъ задачу: онъ принялъ на себя эту обязанность только за столъ и квартиру, и предложилъ учить дѣтей у каждаго домохозяина поочередно, недѣлю въ одномъ дворѣ, недѣлю въ другомъ, недѣлю въ третьемъ. «Каждую субботу можно видѣть,—говоритъ газета,—какъ учитель съ учениками перекочевываетъ изъ одной избы въ другую, перенося съ собой котомку и посохъ». Помянемъ «вѣчною памятью» скончавшагося 3 января въ Овидіополѣ народнаго учителя Василія Александровича Смирнова. По словамъ *Одесскаго Вѣстника*, это былъ идеальный народный учитель, который посвящалъ школѣ не только служебное время—день, но

по вечерамъ велъ со взрослыми необязательные повторительные курсы и чтенія. Дѣти и взрослые любили и уважали его; въ трудныя минуты всѣ шли къ нему за совѣтомъ и даже помощью. Солдаты, его бывшіе ученики, разсѣянные по всей Россіи, поддерживали письменныя сношенія со своимъ любимымъ наставникомъ. Вспоминая покойнаго, такъ благотворно вліявшаго на народную массу, нужно особенно пожалѣть, что онъ дожилъ всего до 35 лѣтъ.

Перейдемъ отъ народной школы къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ и отмѣтимъ недавно опубликованный циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія къ начальникамъ этихъ заведеній. Циркуляръ обращаетъ вниманіе на изобиліе дурныхъ отмѣтокъ, которыя такъ охотно ставятъ многіе преподаватели своимъ ученикамъ. Дѣлается ссылка на учителя французскаго языка, который изъ 27-ми учениковъ наставилъ 14-ти по нулю. Въ другомъ случаѣ, по-греческому языку—изъ 25-ти учениковъ 21 получили по единицѣ. Такія отмѣтки,— говорится въ циркулярѣ,— заставляютъ думать, что классъ состоитъ изъ отъявленныхъ лѣнтяевъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Сплошь и рядомъ, по мнѣнію циркуляра, отмѣтки учителей не соотвѣтствуютъ правиламъ, которыя установлены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Небрежная оцѣнка занятій и старанія учениковъ очень дурно вліяютъ на весь строй школьной жизни. Обязанности преподавателей,—говорится въ циркулярѣ,—не должны ограничиваться только объясненіемъ задаваемыхъ уроковъ, спрашиваніемъ учениковъ и постановкою отмѣтокъ. Учитель долженъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы научить учениковъ. И если ученики огульно не знаютъ заданнаго урока, то единицы вовсе не служатъ средствомъ исправленія. Учитель, вмѣсто того, чтобы ставить дурныя отмѣтки, долженъ разучить урокъ въ классѣ.

Трудно выразить съ большею ясностью и убѣдительностью полную непригодность и даже вредное вліяніе неправильно примѣняемой системы учительскихъ отмѣтокъ. Нельзя, конечно, не согласиться и относительно обязанностей преподавателей, какъ онѣ указаны въ циркулярѣ г. министра народнаго просвѣщенія. Мы хотимъ сказать, однако, нѣсколько словъ о причинахъ неблагоразумнаго пользованія преподавателей системой журнальныхъ отмѣтокъ. Вся жизнь преподавателя слагается, большею частью, такимъ образомъ, что лишаетъ возможности правильно оцѣнивать знанія учениковъ. Побуждаемый возростающею дороговизной и скуднымъ жалованьемъ къ погонѣ за уроками, учитель средняго учебнаго заведенія посвящаетъ своимъ ученикамъ лишь то время, которое проводитъ съ ними въ классѣ или въ теченіе котораго просматриваетъ ихъ обязательныя письменныя работы. Цѣлый день, съ ранняго утра и до поздняго вечера, наполненъ уроками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или частныхъ домахъ, и вовсе не остается времени, чтобы слѣдить за литературой предмета, усовершенствовать методу преподаванія, работать надъ собою и тѣмъ дѣлать каждое слово болѣе яснымъ и вразумительнымъ для учениковъ. Въ результатѣ п

лучается чисто-формальное отношеніе къ дѣлу. Оно рѣзко бросается въ глаза, если учитель безпощадно украшаетъ журналъ единицами и двойками. Но, не такъ рѣзко обнаруживаясь, оно существуетъ въ равной мѣрѣ и тамъ, гдѣ учитель ставитъ много хорошихъ балловъ или же различныя отмѣтки, руководствуясь первымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на него тотъ или другой ученикъ. Случается и такъ, что цѣлый классъ обнаруживаетъ, въ среднемъ, малые успѣхи при хорошемъ учителѣ, который посвящаетъ своему дѣлу довольно времени: это должно быть приписано чрезмѣрному утомленію учащихся, обремененію ихъ учебнымъ матеріаломъ. Кореннымъ средствомъ противъ этого недостатка нашей средней школы служитъ сокращеніе классныхъ занятій (см. «Внутреннее Обозрѣніе» *Русской Мысли* 1892 г., кн. XI). Уменьшеніе числа учебныхъ часовъ позволило бы учащимся участвовать со свѣжими силами во всѣхъ классныхъ работахъ, легче воспринимать учебный матеріалъ, съ тѣмъ вмѣстѣ оно позволило бы, безъ увеличенія расходовъ на среднія школы, повысить вознагражденіе учителей и уменьшить для нихъ необходимость погони за уроками. При большемъ досугѣ учащій персоналъ могъ бы удѣлять своимъ служебнымъ обязанностямъ не только минимальное количество времени, соотвѣтствующее числу классныхъ часовъ, но и извѣстное время на улучшеніе пріемовъ преподаванія.

Кому дорогъ каждый успѣхъ Россіи въ дѣлѣ народнаго образованія, тотъ не можетъ слышать безъ негодованія о такъ называемыхъ *чижовскихъ капиталахъ*. Всѣ знаютъ сущность этого дѣла. Костромской дворянинъ Чижовъ завѣщалъ болѣе 5 милліоновъ рублей на основаніе въ Костромской губерніи 5 техническихъ училищъ: средняго въ Костромѣ и низшихъ—въ Костромѣ, Чухломѣ, Макарьевѣ и Кологривѣ. Пожертвованіе такъ огромно, цѣль завѣщателя такъ благородна, такъ связана съ интересами всего населенія губерніи, что душеприкащики, гг. Мамонтовъ и Полѣновъ, должны были бы особенно гордиться довѣріемъ къ нимъ въ этомъ дѣлѣ и не медлить въ исполненіи воли завѣщателя. Со смерти Чижова прошло 14 лѣтъ, и все, сдѣланное до сихъ поръ, не служитъ доказательствомъ, чтобы было исполнено благое намѣреніе покойнаго. Училищъ еще не было, а былъ приглашенъ директоръ г. Соковнинъ съ жалованьемъ въ 6,000 рублей; онъ получалъ даже особыя субсидіи для поѣздокъ за границу въ видахъ улучшенія здоровья. Въ Кологривѣ создали особый типъ техническаго училища—соединили заводскую промышленность съ сельско-хозяйственною формой. Но крестьяне, для которыхъ, главнымъ образомъ, и предназначено училище такого смѣшаннаго типа, не могутъ пользоваться имъ, такъ какъ для всѣхъ воспитанниковъ установленъ платный интернатъ по 100 руб. въ годъ. Казалось бы, что огромный капиталъ давалъ возможность назначить стипендіи бѣднѣйшимъ и способнымъ ученикамъ, а, между тѣмъ, директоръ обратился къ земству съ просьбою учредить стипендіи, чѣмъ вызвалъ справедливое негодованіе и упреки, что «милліонеръ обращается

за помощью къ нищему». Такая небрежность душеприкащиковъ, такое неумѣнье воспользоваться огромными средствами, отданными въ ихъ распоряженіе, вызываютъ, конечно, большое недоумѣніе. Костромское губернское дворянское собраніе обратилось на высочайшее имя съ ходатайствомъ о томъ, чтобы чижовскій капиталъ, вмѣстѣ съ причитающимся дивидендомъ, былъ взнесенъ въ государственное кредитное учрежденіе и чтобы душеприкащики дали отчетъ Государю Императору: по духовному завѣщанію, никакая другая отчетность не обязательна для нихъ. Но если юридически отчетность для нихъ не обязательна, то неужели чувство чести не побуждаетъ ихъ предать гласности собственную дѣятельность?

Перейдемъ въ область народнаго и государственнаго хозяйства и остановимся, прежде всего, на предположенной реформѣ государственнаго банка. Относительно недостатковъ этого учрежденія можно почерпнуть много полезныхъ указаній изъ книги Н. С. Петлина *Назначеніе, устройство и очерки дѣятельности государственнаго банка*, 1892. Авторъ не ставитъ себѣ обширныхъ и трудныхъ теоретическихъ задачъ; онъ пишетъ не вполнѣ литературнымъ языкомъ. Однако, все обнаруживаетъ въ немъ знаніе дѣла: его замѣчанія прочно обоснованы, его предложенія практичны. Останавливаясь на учетной операціи государственнаго банка, авторъ доказываетъ, что въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (1881—90) она развилась сравнительно мало, увеличилась только на 23%. Причиной этого послужило не только отвлеченіе средствъ государственнаго банка на нужды государственнаго казначейства, но и отвлеченіе многихъ милліоновъ на спекулятивные обороты, биржевую игру, выдачу неограниченныхъ ссудъ подъ процентныя бумаги частнымъ банкамъ и банкирскимъ конторамъ. Развитію учетной операціи препятствуютъ также формальности, которыми она обставлена. Дабы получить кредитъ въ государственномъ банкѣ, нужно имѣть письменную рекомендацію лицъ, извѣстныхъ въ торговомъ мірѣ. Не трудно понять, почему мелкимъ торговцамъ очень трудно добыть такую рекомендацію. Учетный комитетъ состоитъ, кромѣ управляющаго и двухъ директоровъ банка, изъ 4 членовъ отъ купечества, выбираемыхъ мѣстнымъ купеческимъ обществомъ. Такое малочленное собраніе не можетъ обнять всѣ отрасли народнаго хозяйства, не можетъ быть знакомо съ кредитоспособностью всѣхъ лицъ, обращающихся за кредитомъ. Сюда присоединяется и та невыгода, что въ такомъ малолюдномъ собраніи имѣютъ слишкомъ большое значеніе пріязнь, недоброжелательство, боязнь конкурренці[и] личная выгода. Выборъ въ члены учетныхъ комитетовъ часто совершает[ся] необдуманно: членами комитета бывали люди съ разстроенными дѣлами, занимавшіеся биржевою игрой на срокъ и не исполняющіе своихъ обязательствъ. Все это дѣлаетъ кредитъ въ банкѣ привилегіей богатыхъ торговыхъ люде[й]; въ теченіе 30 лѣтъ средняя цѣна учетнаго векселя колебалась между 1,0[..] и 1,735 рублями въ банкѣ и между 1,150 и 2,290 рублями въ его конторахъ и отдѣленіяхъ. Лишеніе мелкаго промышленнаго и торговаго лю[да]

доступа къ кредиту не обезпечиваетъ государственнаго банка отъ потерь по векселямъ. Напротивъ, можно наблюдать, что размѣры банковскихъ потерь тѣмъ болѣе значительны, чѣмъ выше средняя цѣна учетныхъ векселей. По даннымъ за 1889 годъ, въ екатеринбургскомъ отдѣленіи банка средняя цѣна учтеннаго векселя составляла 2,980 рублей и было протестовано векселей на 15,715 рублей, при общей цифрѣ учета въ 1.700,000 руб.; въ то же время, въ Петербургѣ, гдѣ средняя валюта векселя составляла 1,554 руб., при общей суммѣ учета на 47.300,000 руб., было протестовано векселей на 94,697 рублей, а въ Лодзи, при средней валютѣ векселя въ 290 рублей и общей цѣнѣ учтенныхъ векселей въ 5.600,000 руб. (въ 3½ раза больше, чѣмъ въ Екатеринбургѣ), былъ протестованъ только 1 вексель на 300 рублей. Въ ссудной операціи государственнаго банка мы находимъ также много ненормальнаго. Ссуды подъ процентныя бумаги выражаются очень большими цифрами (въ 1880—89 гг. 1,058 милліоновъ), а всѣ такія ссуды не имѣютъ коммерческаго характера. Лица, занимающіяся торговлею, не обращаются къ ссудамъ подъ процентныя бумаги, такъ какъ они имѣютъ возможность получить кредитъ подъ векселя, по учету которыхъ взимается низшій процентъ, чѣмъ по ссудамъ, притомъ же, коммерческій человѣкъ скорѣе продастъ процентныя бумаги, нежели будетъ платить по ссудамъ проценты болѣе высокіе, нежели приносятъ бумаги. И такъ, спеціальные текущіе счета имѣютъ преимущественно спекулятивный характеръ. Ссуды подъ товары занимаютъ очень скромное мѣсто въ ряду операцій государственнаго банка. За 30 лѣтъ, съ 1860—89 годъ, въ ссуду подъ товары было выдано только 200½ милліоновъ рублей. Столь ничтожные размѣры этой полезной операціи сами собой говорятъ, что здѣсь нѣтъ мѣста для поддержанія сельскаго хозяйства, для краткосрочнаго кредита производителямъ зерна. Авторъ съ удареніемъ говоритъ о томъ, что люди всякаго званія и состоянія платятъ государственному банку низшій процентъ на ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, которыя они накопили ростовщичествомъ, а подъ зерно нѣтъ ссудъ, тогда какъ произведенія земли составляютъ главное богатство нашего отечества. Одною изъ крупныхъ операцій государственнаго банка служитъ храненіе вкладовъ. За 10 лѣтъ (1880—89) было внесено вкладовъ на 5,420 милліоновъ. Однако, за послѣдніе годы замѣчается нѣкоторое уменьшеніе. Казалось бы, все дѣлается такъ, чтобы увеличить число кліентовъ: роскошное помѣщеніе, освѣщаемое электричествомъ, 280 чиновниковъ, пріуроченныхъ только къ этому отдѣлу, указаніе на объявленіяхъ, которыя выдаются публикѣ, часовъ и минутъ, когда выдается квитанція, и проч. Повидимому, все обдумано и предупреждено. А, между тѣмъ, «объявленія, которыя должна подавать публика, до такой степени неудобны, до такой степени испещрены совершенно ненужными отмѣтками, графами, правилами, что публика положительно затруднена этимъ. Простая, не особенно грамотная публика, которую болѣе чѣмъ кого-либо слѣдуетъ привлечь къ храненію ея сбереженій, боясь этихъ формъ, уходить изъ банка и хранить вклады у себя дома» (стр. 76). Приводя изъ

книги г. Петлина рядъ указаній на недостатки государственнаго банка, мы нашли въ ней очень существенный пробѣлъ—игнорированіе того обстоятельства, что государственный банкъ открываетъ конторы и отдѣленія въ городахъ съ развитою торговлей и промышленностью, т.-е. идетъ по пути, который соотвѣтствуетъ духу коммерческихъ предпріятій, но не государственныхъ учрежденій. Акціонерное общество открываетъ банкъ въ томъ городѣ, гдѣ большіе торговые обороты обѣщаютъ ему большіе барыши отъ кредитныхъ операцій и гдѣ состоятельность его должниковъ позволяетъ ему развить банковское дѣло безъ значительнаго риска. Частные капиталисты строютъ желѣзную дорогу тамъ, гдѣ большое передвиженіе пассажировъ и грузовъ обѣщаетъ уже въ первые годы значительные барыши. Государство должно держаться иного образа дѣйствій. Если оно открываетъ почтовую контору среди тундръ Печорскаго края или въ безлюдномъ Туруханскѣ, гдѣ почтовые сборы не покрываютъ скуднаго содержанія даже одного чиновника, то и кредитныя учрежденія оно должно открывать, прежде всего, не въ бойкихъ городахъ, гдѣ объ этомъ съ выгодою для себя позаботится и частная предпріимчивость, а въ мѣстечкахъ, селеніяхъ, которыя имѣютъ къ своимъ услугамъ только ростовщичій кредитъ и гдѣ 24% годовыхъ считаются умѣреннымъ процентомъ.

Многочисленные недостатки въ строѣ и дѣятельности государственнаго банка уже давно обращаютъ на себя всеобщее вниманіе. Коммиссія, работающая надъ реформой этого учрежденія, поставила такіе вопросы: 1) Какія мѣры надлежитъ принять для облегченія и развитія промышленнаго кредита? 2) Какія облегченія желательны въ кредитѣ по учету векселей? 3) Въ какомъ размѣрѣ надлежитъ уплачивать проценты по вкладамъ, въ зависимости отъ сроковъ, на которые вклады принимаются? 4) Слѣдуетъ ли предоставить государственному банку право выпускать банковые билеты на предъявителя (банкноты), и если слѣдуетъ, то на какихъ основаніяхъ? 5) Можно ли предоставить банку право выпускать долгосрочныя обязательства въ связи съ долгосрочными его ссудами? 6) Слѣдуетъ ли усилить обязанности государственнаго банка по завѣдыванію суммами государственнаго казначейства, и если слѣдуетъ, то въ какой степени? 7) Желательно ли увеличеніе числа провинціальныхъ учрежденій банка, и если желательно, то какіе типы сихъ учрежденій должны быть установлены? 8) Желательны ли и какія именно измѣненія въ существующей организаціи управленія государственнымъ банкомъ? Подробное изслѣдованіе поставленныхъ вопросовъ повело бы насъ далеко за предѣлы нашего обозрѣнія. Ограничи[...]ся, поэтому, нѣкоторыми указаніями относительно программы работъ к[...]миссіи.

Учетная операція можетъ быть поставлена на правильныя основа[...] уже однѣми перемѣнами въ составѣ учетныхъ комитетовъ. Вмѣсто то[...], чтобы давать въ нихъ мѣсто только немногимъ представителямъ купе[...]ства, и по преимуществу крупнаго, въ учетные комитеты должны входи[...] представители разныхъ отраслей промышленности, особенно мелкой и, п[...]

томъ, въ довольно большомъ числѣ. Крупныя торговыя фирмы пользуются въ данномъ городѣ,—а самыя крупныя даже во всей странѣ,—столь большею извѣстностью, что учетный комитетъ, при любомъ личномъ составѣ, можетъ оцѣнить качество ихъ векселей. Владѣльцы столярныхъ заведеній, вполнѣ кредитоспособные, не пользуются такою извѣстностью и дабы учетный комитетъ не отказывалъ въ учетѣ ихъ векселей, онъ долженъ имѣть въ своей средѣ представителей городского ремесла. При такомъ составѣ учетныхъ комитетовъ сама собою понизится цѣнность учитываемыхъ векселей, кредитъ изъ государственнаго банка станетъ доступнымъ и мелкимъ производителямъ. П. 7 програмы посвященъ самому больному мѣсту во всей хроникѣ нашего народнаго кредита. Мы и отвѣтимъ на него настоятельнымъ пожеланіемъ, чтобы государственный банкъ увеличилъ число своихъ провинціальныхъ отдѣленій и чтобы онъ руководствовался при этомъ началами, рѣзко отличными отъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ имѣли рѣшающее значеніе при открытіи его конторъ и отдѣленій. Въ теченіе 32-хъ лѣтней дѣятельности государственнаго банка, открытію каждаго провинціальнаго отдѣленія предшествовало рѣшеніе такого вопроса: «будетъ ли отдѣленіе банка, открытое въ городѣ NN, работать съ барышомъ?» Нужно, чтобы государственный банкъ ставилъ вопросы совершенно иного рода, которые только и приличествуютъ этому учрежденію; нужно, чтобы онъ спрашивалъ о городахъ и поселеніяхъ, въ которыхъ мелкій промышленный людъ особенно изнемогаетъ подъ бременемъ ростовщичьяго кредита, чтобы онъ именно тамъ открывалъ свои отдѣленія, чтобы барышъ былъ для него второстепеннымъ дѣломъ, а на первомъ планѣ стояло бы доставленіе кредита тѣмъ группамъ населенія, которыя особенно нуждаются въ немъ. Мы не видимъ особенной надобности въ томъ, чтобы государственный банкъ выпускалъ долгосрочныя обязательства. Его ближайшее назначеніе — открывать краткосрочный кредитъ. Запросъ на него такъ великъ, граница насыщенія имъ даже тѣхъ сферъ, которыя соприкасаются съ государственнымъ банкомъ, лежитъ такъ далеко, что средства государственнаго банка могутъ быть поглощены, главнымъ образомъ, краткосрочными ссудами; долгосрочныя займутъ на ряду съ ними очень скромное мѣсто. Конечно, если бы часть банковскаго капитала была предназначена на самостоятельное развитіе меліораціоннаго кредита, то будетъ вполнѣ умѣстенъ выпускъ долгосрочныхъ обязательствъ. Однимъ изъ основныхъ является вопросъ о томъ, можно ли разрѣшить банку выпускать банковыя ноты? Принципіально слѣдовало бы отвѣтить на это утвердительно. Такъ какъ банковыя ноты поступаютъ въ оборотъ вслѣдствіе запроса, предъявляемаго промышленностью и торговлею, то ихъ количество, находящееся въ обращеніи, можетъ быть согласовано съ потребностями народнаго хозяйства. Именно это условіе и проводитъ рѣзкую раздѣльную черту между ними и кредитными билетами: послѣдніе выпускаются для того, чтобы покрывать дефициты въ государственномъ хозяйствѣ. Однако, принципіально утвердительный отвѣтъ былъ бы неудовлетворителенъ, такъ какъ въ основѣ его

лежало бы полное невниманіе къ важнымъ фактамъ нашего денежнаго обращенія, именно къ изобилію бумажныхъ денегъ. Что бы ни говорили и ни писали наши доморощенные экономисты о недостаткѣ у насъ кредитныхъ билетовъ, о необходимости выпустить еще цѣлый милліардъ, остается налицо неоспоримый фактъ, что за серебряный рубль даютъ 112 кредитныхъ копѣекъ. По временамъ, особенно при крупныхъ разсчетахъ въ концѣ Нижегородской ярмарки, при осеннихъ закупкахъ хлѣба, обнаруживается мѣстами недостатокъ бумажныхъ денегъ, но банковскія кассы въ сотни милліоновъ доказываютъ, что эти явленія имѣютъ временный характеръ. Вялость нашей торговли и слабое промышленное развитіе Россіи являются слѣдствіями не предполагаемаго недостатка въ орудіяхъ обращенія, а неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ и малоразвитой покупательной силы въ массахъ населенія. Словомъ, запасъ кредитныхъ билетовъ съ избыткомъ покрываетъ потребность нашихъ торговыхъ оборотовъ. Банковыя ноты явились бы совершенно излишними; исполняя функціи, однородныя съ дѣятельностью кредитныхъ билетовъ, онѣ могли бы имѣть неблагопріятное вліяніе на цѣны товаровъ и бумажнаго рубля. Не усматривая рѣшительно никакой надобности въ выпускѣ банковыхъ нотъ въ ближайшемъ будущемъ, мы считаемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ современемъ, когда торговые обороты нашего отечества будутъ предъявлять запросъ на большее количество денегъ, отвѣчать на эту возросшую потребность выпускомъ не кредитныхъ билетовъ, какъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, а банковыхъ нотъ, обмѣниваемыхъ банкомъ на деньги по предъявленію. Не нужно много говорить о томъ, что мысль передать государственный банкъ въ руки акціонернаго общества представляется намъ крайне неудачною. Одно изъ двухъ: или правительство хочетъ придать центральному кредитному учрежденію характеръ, по преимуществу, коммерческій, или же хочетъ пользоваться имъ, какъ государственнымъ средствомъ для воздѣйствія на денежное обращеніе и кредитъ. Какой бы цѣли ни старались достигнуть реформой государственнаго банка, передача его акціонерному обществу является средствомъ совершенно не подходящимъ; государственный банкъ, организованный, какъ коммерческое учрежденіе, находясь въ вѣдѣніи акціонернаго общества, будетъ доставлять ему крупные барыши и очень умѣренный доходъ государству. Если же реформа стремится къ тому, чтобы поставить банкъ на высоту, которая подобаетъ государственному кредитному учрежденію, доставляющему выгоды кредита бѣднѣйшимъ классамъ народа, то передача банка акціонерному обществу будетъ идти въ разрѣзъ съ этою цѣлью: правительственное управленіе в... же можетъ лучше соотвѣтствовать такой идеѣ, нежели управленіе акціонеровъ.

Въ хроникѣ нашего народнаго хозяйства является важнымъ фактомъ высочайшее повелѣніе о скорѣйшемъ сооруженіи сибирской желѣзной дороги. Въ *Вѣстникѣ Финансовъ* напечатанъ рядъ статей о значеніи сиби-

ской дороги. Собранныя данныя знакомятъ насъ съ выгодами, которыя этотъ путь доставитъ нашему отечеству. Принимая протяженіе сибирской желѣзной дороги отъ Челябинска до Владивостока круглымъ числомъ въ 7,100 верстъ и полагая, что эта дорога приблизитъ къ Европейской Россіи только прорѣзываемую ею полосу не свыше стоверстнаго разстоянія отъ линіи въ обѣ стороны, то и въ такомъ случаѣ, благодаря желѣзной дорогѣ, въ новыя условія существованія становится огромная территорія въ 1.420,000 квадратныхъ верстъ,—территорія, превосходящая Германію и Австро-Венгрію, вмѣстѣ взятыя, съ добавленіемъ Голландіи, Бельгіи и Даніи. Если сравнивать эту территорію съ какою-нибудь частью Европейской Россіи, то окажется, что она по пространству превосходитъ всѣ вмѣстѣ взятыя губерніи, заключенныя между Окой, Волгой, Азовскимъ и Чернымъ морями и австрійскою границей, съ добавленіемъ Привислянскаго края, т.-е. 35 губерній. Вся эта территорія лежитъ въ среднихъ географическихъ широтахъ (преимущественно между 50 и 57° сѣв. широты), по климатическимъ условіямъ не слишкомъ рѣзко отличается отъ центральныхъ и восточныхъ губерній Европейской Россіи и въ большей своей части представляетъ данныя, вполнѣ благопріятствующія развитію земледѣльческихъ и другихъ промысловъ. Особенно поучительны соображенія, которыя высказываетъ органъ нашего министерства финансовъ относительно переселенческой политики. Газета находитъ, что, при условіяхъ экономическаго быта Россіи, крестьянское малоземелье должно быть отнесено къ самымъ отрицательнымъ явленіямъ русской народной жизни: оно не выгодно для народнаго хозяйства, потому что малоземельный крестьянинъ становится экономически слабымъ, его трудъ менѣе производительнымъ; «оно не выгодно для государства, потому что экономически слабые элементы населенія служатъ скорѣе въ тягость государству, требуя отъ него усиленныхъ попеченій и не давая взамѣнъ ничего; оно, наконецъ, не можетъ быть признано и нормальнымъ, въ виду массы пустующихъ земель, которыя остаются мертвымъ капиталомъ именно по отсутствію рабочихъ рукъ... Въ числѣ такихъ новыхъ мѣстъ, намѣченныхъ переселенческимъ движеніемъ, Сибирь и въ особенности упомянутая выше плодородная область Зап. Сибири, заслуживаетъ наибольшаго вниманія, такъ какъ, водворяясь въ этихъ благодарныхъ для земледѣльца мѣстахъ, переселенецъ не испытываетъ рѣзкой разницы въ естественныхъ условіяхъ жизни и труда противъ губерній Европейской Россіи, откуда идетъ переселенческое движеніе...» Указывая на облегченія, которыя доставитъ переселенцамъ сибирская желѣзная дорога, *Вѣстникъ Финансовъ* отмѣчаетъ, что она можетъ сдѣлаться «собирательницей всего переселенческаго движенія, направляя его, сообразно съ общегосударственными выгодами, въ тѣ мѣстности сибирскихъ областей, которыя наиболѣе удобны для переселенцевъ и наиболѣе въ нихъ нуждаются». Становясь на государственную точку зрѣнія, *Вѣстникъ Финансовъ* не боится того, что переселенія окончательно обезлюдятъ Россію: онъ предсказываетъ, что переселенческое движеніе въ Сибирь будетъ усиливаться и перейдетъ изъ восточ-

ныхъ и центральныхъ губерній въ западныя, «гдѣ тѣснота и малоземелье породили такое уродливое и неестественное явленіе, какъ эмиграція въ Бразилію и другія южно-американскія страны». Обстоятельная характеристика переселенческаго движенія органомъ нашего министерства финансовъ служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ услугъ, которыя наша печать оказываетъ администраціи. Приведенная статья *Вѣстника Финансовъ* составляетъ резюме изъ изслѣдованій переселенческаго вопроса, которыя были сдѣланы за послѣднія 10 лѣтъ и въ повременной печати, и въ отдѣльныхъ изданіяхъ гг. Григорьевымъ, Исаевымъ, Ремезовымъ и другими. Усвоивъ вѣрный взглядъ на задачи переселенческой политики, *Вѣстникъ Финансовъ* бросаетъ особенно неблагопріятную тѣнь на проектъ заселенія Сибири, высказанный недавно одною изъ распространенныхъ газетъ. Согласно съ этимъ проектомъ, въ Сибири слѣдовало бы создать тотъ типъ землевладѣнія, который подходитъ къ американскимъ фермерскимъ участкамъ. Участки размѣрами отъ 30 до 50 десятинъ на семью, не дробимые и не отчуждаемые, доставятъ своимъ владѣльцамъ довольство, незнакомое крестьянину Европейской Россіи. Этотъ проектъ, разсчитанный на созданіе частнаго землевладѣнія среднихъ размѣровъ, грѣшитъ особенно въ томъ отношеніи, что упускаетъ изъ вида привилегіи, которыми будутъ пользоваться— и совершенно незаслуженно — эти поселенцы. Предполагается занять такими фермами участки земли вдоль желѣзной дороги. Уже послѣднее обстоятельство сдѣлаетъ положеніе этихъ фермеровъ несравненно болѣе выгоднымъ, нежели поселенцевъ даже только за 50 верстъ отъ желѣзной дороги (мы не беремъ совсѣмъ глухія мѣстности). Такая льгота будетъ связана и со второй—очень крупнымъ земельнымъ надѣломъ, превосходящимъ также значительный душевой надѣлъ, отводимый переселенцамъ изъ казенныхъ земель, въ размѣрѣ 15 десятинъ на ревизскую душу. Мы рѣшительно не видимъ, чѣмъ можно бы было оправдать столь крупныя льготы какой-либо группѣ переселенцевъ. Вмѣсто того, чтобы создавать такую аристократію среди земледѣльцевъ, гораздо полезнѣе и цѣлесообразнѣе приложить старанія къ тому, чтобы обмежеваніемъ земель, образованіемъ переселенческихъ участковъ и открытіемъ кредита выработать условія, которыя облегчали бы водвореніе многочисленныхъ массъ на безлюдныхъ пространствахъ Сибири.

Государственная роспись на текущій годъ представляетъ съ внѣшней стороны ту особенность, что доходъ и расходъ опредѣлены цифрами болѣе милліарда рублей. Отнынѣ сотни милліоновъ, какъ основныя величины [illegible]сударственныхъ росписей, отходятъ въ область преданій; онѣ будутъ [illegible]жить только дополненіемъ къ милліардамъ, какъ основной единицѣ роспи[illegible]

Доходъ на текущій годъ исчисленъ въ суммѣ почти на 75 милліон[illegible] большей дохода 1892 года. Главное увеличеніе дохода ожидается по с[illegible]дующимъ статьямъ: 1) по сбору съ торговли и промысловъ въ суммѣ [illegible]лѣе 4 милліоновъ, отъ увеличенія размѣра взимаемыхъ съ торговых[illegible]

промышленныхъ предпріятій процентнаго и раскладочнаго дополнительныхъ сборовъ и отъ привлеченія къ этому сбору принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ фабрикъ и заводовъ, уплачивающихъ акцизные сборы; 2) по питейному доходу ожидается увеличеніе почти на 15 милл., главнымъ образомъ, вслѣдствіе возвышенія акциза со спирта; 3) по сахарному доходу—почти на 7½ милл.; 4) по нефтяному—почти на 6 милл.; 5) по спичечному—на 2¾ милл.; 6) по таможенному—на 24 милл. Менѣе крупныя увеличенія ожидаются по многимъ другимъ статьямъ. Присматриваясь къ цифрамъ росписи, мы видимъ, что доходъ увеличится, главнымъ образомъ, вслѣдствіе повышенія косвенныхъ налоговъ. Можно отмѣтить въ этомъ процессѣ такую любопытную особенность: акцизъ съ табаку, который никоимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ предметамъ необходимаго потребленія, повышенъ въ небольшой пропорціи, что и даетъ въ сравненіи съ прошлымъ годомъ лишнихъ 2.302,000 р. (8%), налоги же съ болѣе важныхъ предметовъ потребленія—керосина, сахара и даже спичекъ—повышены въ такой пропорціи, что увеличеніе составляетъ, сравнительно съ окладами прошлаго года, 35%, 50% и 40%.

Роспись расходовъ даетъ намъ излишекъ въ 36 милліоновъ. По смѣтѣ государственнаго кредита дѣйствительное увеличеніе расходовъ достигаетъ 4 милл., по военному и морскому министерствамъ—болѣе 6 милл. Крупный приростъ расходовъ находимъ мы также по министерству финансовъ—около 8¼ милл. Второе мѣсто занимаетъ министерство путей, по которому расходы слишкомъ на 7 милл. Среди чрезвычайныхъ расходовъ отмѣтимъ слишкомъ 62 милліона, назначенные на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ, въ томъ числѣ 38½ милліоновъ на постройку сибирской желѣзной дороги. Около 30 милліоновъ будетъ затрачено на перевооруженіе. Выражая надежду, что доходы, исчисленные съ большою осторожностью, будутъ поступать безнедоимочно, роспись указываетъ въ народно-хозяйственной жизни Россіи факты, которые, будто бы, свидѣтельствуютъ, что постепенно сглаживаются послѣдствія неурожая 1891 года. Сравнительно благопріятно протекшая Нижегородская ярмарка, увеличеніе въ прошломъ году разработки каменнаго угля сравнительно съ 1891 г., умѣренный недочетъ въ сборахъ за перевозку пассажировъ и грузовъ по желѣнымъ дорогамъ—вотъ данныя, которыя, по мнѣнію г. министра финансовъ, доказываютъ, что наше отечество оправляется отъ ударовъ, нанесенныхъ неурожаемъ. Благопріятнымъ признакомъ служитъ также ростъ вкладовъ въ нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ—государственномъ банкѣ, акціонерныхъ банкахъ и сберегательныхъ кассахъ: въ послѣднихъ къ 1 октября 1892 года состояло 233 милліона вкладовъ, вмѣсто 181½ милліоновъ къ 1 октября 1891 года. Первые признаки имѣютъ частное и мѣстное значеніе. Относительно же вторыхъ—накопленія вкладовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ—мы держимся противуположнаго мнѣнія: изобиліе вкладовъ можетъ считаться благопріятнымъ признакомъ только въ періоды оживленія промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ; тогда крупные вклады доказываютъ налич-

ность значительныхъ избытковъ въ народномъ хозяйствѣ. Когда же промышленность и торговля находятся въ застоѣ,—а таково было положеніе дѣлъ именно за послѣдніе два года,—возростаніе вкладовъ доказываетъ невозможность дать капиталамъ болѣе производительное назначеніе, употребить ихъ на расширеніе отечественнаго производства. Роспись проводитъ также ту мысль, что, въ силу естественнаго роста государственныхъ потребностей, финансовое управленіе поставлено въ необходимость изыскивать средства для ихъ удовлетворенія. Въ этомъ отношеніи «сдержанность имѣетъ свои предѣлы, за которыми отклоненіе предъявляемыхъ требованій о разрѣшеніи расходовъ можетъ угрожать серьезными затрудненіями нормальному развитію гражданской и экономической жизни страны». Поэтому министръ финансовъ считаетъ разумными и цѣлесообразными такіе расходы, которые содѣйствуютъ экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны. Съ тѣмъ вмѣстѣ намѣчаются нѣкоторыя мѣропріятія, частью уже поставленныя на практическую почву: ограниченіе спекулятивныхъ явленій, не вытекающихъ изъ дѣйствительныхъ условій и потребностей торговли, промышленности и денежнаго обращенія, устраненіе стѣснительныхъ порядковъ въ промышленности и торговлѣ, развитіе кредита для воспособленія предпріимчивости и проч. Конечно, осуществленіе всѣхъ этихъ мѣропріятій составитъ крупную заслугу министерства финансовъ предъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ Россіи. Однако, не нужно забывать, что правило, которое часто кладутъ въ основаніе финансовой политики,—что доходы должны опредѣляться размѣрами необходимыхъ расходовъ,—не можетъ быть названо цѣлесообразнымъ при всякомъ состояніи государственнаго хозяйства. Какъ ни важны расходы, совершаемые органами управленія, граждане нуждаются въ средствахъ для покрытія своихъ единоличныхъ необходимыхъ потребностей. Гдѣ значительную массу государственныхъ доходовъ образуютъ прямые налоги, несомые достаточными классами населенія, тамъ и расширеніе государственныхъ расходовъ не беретъ изъ народнаго оборота средства, крайне необходимыя для домашнихъ потребностей. Гдѣ же, какъ у насъ, косвенные налоги, и, притомъ, на важнѣйшіе предметы потребленія, имѣютъ преобладающее значеніе, въ государственныхъ расходахъ должна быть *возможная бережливость,* ибо возвышеніе доходовъ урѣзываетъ и безъ того скудныя средства, которыми располагаютъ массы населенія Россіи.

Въ февралѣ скончались два замѣчательные общественные дѣятели, А. Н. Энгельгардтъ и Ю. Э. Янсонъ. *Русская Мысль* скажетъ о нихъ въ ближайшихъ книжкахъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

14 февраля н. с. Гладстонъ внесъ въ парламентъ давно ожидаемый билль объ ирландскомъ гомрулѣ. Въ длинной рѣчи престарѣлый вождь англійскихъ либераловъ горячо защищалъ права ирландскаго народа на самоуправленіе и призывалъ парламентъ совершить великій актъ политической справедливости. Гладстонъ говорилъ, что не желалъ бы оставлять странѣ раздоры. «Почти при послѣднемъ моемъ дыханіи,—такъ кончилъ великій государственный человѣкъ,—я заклинаю парламентъ порвать съ прошлымъ и утвердить любовь и единеніе».

Восторженно привѣтствовалась рѣчь Гладстона на скамьяхъ либеральнаго и гомрулерскаго большинства. Нельзя не подивиться той энергіи, той непоколебимой преданности политической свободѣ и неразлучной съ нею справедливости, которыя обнаруживаетъ восьмидесятичетырехъ-лѣтній старецъ. Его лебединая пѣснь—билль о гомрулѣ—достойно завершаетъ долгое и честное служеніе лучшимъ интересамъ англійскаго народа и лучшимъ идеаламъ общеевропейскаго просвѣщенія. По справедливому замѣчанію *Русскихъ Вѣдомостей*, «можно держаться различныхъ взглядовъ на
достоинство ирландской политики нынѣшняго премьера, но зрѣлище Странъ?
лѣтняго государственнаго человѣка, проводящаго съ удивитель участія въ об-
востью, искусствомъ и энергіей одну изъ серьезнѣйшихъ представителей,—
и труднѣйшихъ по своему практическому осуществленію очень быстро при
столѣтія,—зрѣлище этой безпримѣрной бодрости духа
въ высокой степени поучительно и интересно». лько въ Англіи, и тѣ
Гладстоновскій законопроектъ предлагаетъ учреждціи, Италіи и другихъ
ламента изъ двухъ палатъ, обѣихъ выборныхъ, но въ прошломъ вѣкѣ.
це зомъ для верхней. Въ общеимперскій парламентъ и нынѣшній англійскій
сы ать по этому биллю 80 депутатовъ. речностью въ этомъ
Конечно, гладстоновская реформа многихъ не удовлетдинъ или два мо-
раздражитъ. Во время открывшихся въ парламентѣ преній рѣшится сказать
дающихся вождей консервативной партіи, Рандольфъ Черчиль. Разумѣется,
чт потомство обвинитъ иниціаторовъ билля въ измѣнѣ Англіи, если билль
эт дѣйствительно станетъ закономъ. Сопротивленіе со стороны уніонис-

товъ будетъ, конечно, упорное. Если Гладстону, все-таки, удастся провести свой законопроектъ въ палатѣ общинъ, его ждетъ новая и, пожалуй, еще болѣе ожесточенная вражда въ палатѣ лордовъ. Быть можетъ, придется прибѣгнуть къ распущенію палаты и къ новымъ выборамъ. Если результаты ихъ окажутся благопріятными гомрулю, то сопротивленіе ему со стороны верхней палаты будетъ сломлено: лорды не рѣшатся, по всей вѣроятности, поставить на карту самое существованіе архаическаго учрежденія, составляющаго ихъ послѣднюю твердыню *).

Живой интересъ въ настоящіе дни возбуждаютъ въ Англіи и во всей Европѣ не эти вопросы ближайшаго будущаго, а самый билль Гладстона и вызванныя имъ парламентскія пренія. Знаменательно, что англійское правительство, стоящее во главѣ побѣдившихъ на парламентскихъ выборахъ различныхъ группъ либеральной партіи, вноситъ законопроектъ объ ирландскомъ самоуправленіи. Старая государственная идея, не допускавшая иныхъ формъ соединенія народовъ, кромѣ подчиненности одному господствующему всѣхъ остальныхъ, находится теперь въ величайшей опасности. Для узко-національныхъ интересовъ и тщеславія англичанъ та идея равноправности всѣхъ племенъ, занимающихъ общую государственную область, которая лежитъ въ основѣ гладстоновскаго билля, дѣйствительно кажется измѣною обветшалой идеѣ государственнаго единства и могущества. Однако, эта обветшалая идея не уступитъ безъ упорной и продолжительной борьбы новому политическому строю. Теперь эта борьба начата, такъ сказать, оффиціально, и глубокій внутренній кризисъ, переживаемый Англіею, будетъ имѣть значительныя всемірно-историческія послѣдствія.

Тяжелое время переживаетъ и Франція. Одно бурное парламентское засѣданіе смѣняется другимъ, обвиненія въ продажности сыпятся градомъ, *Панама* продолжаетъ волновать общественное мнѣніе. Политическія партіи нѣсколько спутываются, происки разныхъ претендентовъ на роль наслѣдственныхъ или пожизненныхъ спасителей отечества принимаютъ болѣе или
рота сред... опасный характеръ. Не обходится дѣло безъ комическихъ эпизодовъ.
какъ у насъ, ...чтель монархическихъ вожделѣній графа Парижскаго, графъ
требленія, имѣю... печаталъ письмо къ Герве,—все по поводу Панамы,—въ
дахъ должна быт... ся такая забавная фраза: спрашиваютъ, какъ относится
урѣзываетъ и безъ... во Франціи событіямъ графъ Парижскій; онъ,—пишетъ
населенія Россіи. ...тъ о Франціи и страдаетъ... Бонапартисты, по извѣ-
...стараются заключить тамъ заемъ для выборной аги-
Въ февралѣ ско... уть республику. Въ условіяхъ займа обѣщано, ...о
Энгельгардтъ и Ю... предпріятія банкиры получатъ удвоенный капиталъ. ...ь
жайшихъ книжк... герцогскіе титулы. Мнимо-возмущенные безнравстве...
...республиканцевъ сторонники имперіализма довольно ...
...живаютъ свои подлинныя доблести...

*) Предлагаемая Гладстономъ верхняя палата въ Ирландіи избирается на вос... лѣтъ.

Покуда кабинетъ Рибо-Буржуа удачно справляется съ трудностями парламентскаго и вообще политическаго положенія. Но бѣда въ томъ, что правильная государственная жизнь пріостановилась, что республикѣ опять приходится защищать свое существованіе и отодвигать на задній планъ необходимыя общественно-экономическія реформы. Этимъ, конечно, пользуются враги нынѣшняго строя: нападая на него со всѣхъ сторонъ, лишая его свободы дѣйствій, они, въ то же время, расточаютъ горькіе упреки правительству и республиканскому большинству за пренебреженіе интересами рабочихъ классовъ. А народныя массы даже во Франціи еще могутъ быть сбиты съ толку увѣреніями и пышными обѣщаніями лживыхъ друзей. Во всякомъ случаѣ, мы продолжаемъ думать, что не только не уменьшаются, но увеличиваются шансы на то, что честное и твердое республиканское правительство благополучно переживетъ тягостный, такъ затянувшійся кризисъ. Предстоящіе общіе выборы въ палату депутатовъ покажутъ дѣйствительное настроеніе страны, въ которомъ можно и ошибиться вслѣдствіе шума, преднамѣренно поднимаемаго монархистами, клерикалами и цезаріанами разныхъ оттѣнковъ.

Участіе въ Панамѣ нѣсколькихъ депутатовъ (республиканцевъ и монархистовъ), прикосновенность къ распредѣленію панамскихъ денегъ между газетами (республиканскими и монархическими) нѣкоторыхъ министровъ дали поводъ къ воплямъ объ общемъ будто бы паденіи общественной нравственности на западѣ Европы и о томъ, что представительныя учрежденія будто бы отживаютъ тамъ свой вѣкъ. Одна изъ консервативныхъ итальянскихъ газетъ, отмѣтивши французскую *Панаму* и итальянское *Панамино*, утверждаетъ, что зло заключается въ распространеніи демократическихъ идей, въ томъ, что гарантіи свободы и справедливости видятъ не въ развитіи ума и морали, а въ предоставленіи политическихъ правъ необразованнымъ и неопытнымъ массамъ. Но кто же и когда противодѣйствовалъ развитію ума и морали изъ либеральнаго лагеря? Кто создавалъ школы и независимость устнаго и печатнаго слова, какъ не либералы всѣхъ странъ? Что касается воспитанія народныхъ массъ путемъ ихъ участія въ общественныхъ учрежденіяхъ,—и непосредственно, и черезъ представителей,—то его послѣдствія и благодѣтельны, и наступаютъ очень быстро при сколько-нибудь нормальномъ порядкѣ вещей.

Парламентскій режимъ прочно установился только въ Англіи, и тѣ грѣхи, за которые громятъ теперь парламенты Франціи, Италіи и другихъ странъ, въ Великобританіи были сильно развиты въ прошломъ вѣкѣ. Вальполь долго управлялъ при помощи подкуповъ. Нынѣшній англійскій парламентъ отличается,—и давно уже,—полною безупречностью въ этомъ отношеніи. Конечно, изъ нѣсколькихъ сотъ депутатовъ одинъ или два могутъ оказаться доступными подкупу; но этого никто не рѣшится сказать про самое великое учрежденіе, засѣдающее въ Вестминстерѣ. Разумѣется, въ высшей степени важно устранить вліяніе биржевыхъ и всяческихъ предпринимательскихъ сферъ на управленіе государствомъ; но именно борьба

съ такими вліяніями и составляетъ одну изъ задачъ демократической и парламентарной республики во Франціи и во всѣхъ неокрѣпшихъ еще европейскихъ парламентахъ.

National Zeitung, разсуждая о нападеніяхъ на представительныя учрежденія въ Западной Европѣ, предостерегаетъ отъ анархическихъ и деспотическихъ стремленій, на которыя могутъ поддаться народныя массы *). Газета указываетъ на великія услуги, уже оказанныя парламентами дѣлу просвѣщенія, справедливости и развитія народнаго благосостоянія. Подобныя же услуги парламенты продолжаютъ оказывать. Въ частности, объединившій Германію рейхстагъ, несмотря на преобладаніе въ немъ коалиціоннаго консервативнаго большинства, далъ нѣмецкому народу много хорошихъ законовъ и является тормазомъ для крайняго милитаризма, котораго упрямо держится императорское правительство. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то сопротивленіе, которое встрѣчаетъ теперь въ парламентѣ правительственный законопроектъ объ увеличеніи мирнаго состава германской арміи. «Ни новыхъ налоговъ, ни новыхъ солдатъ» — таковъ девизъ свободномыслящихъ. Что имѣетъ въ виду правительство?—спрашиваетъ *Freisinnige Zeitung*.—Болѣе ста тысячъ солдатъ на усиленіе мирнаго состава войска и болѣе семидесяти милліоновъ марокъ новыхъ военныхъ расходовъ. Армія уже теперь имѣетъ 486,000 человѣкъ, безъ офицеровъ. Со времени окончанія войны съ Франціей Германія издержала на войско и флотъ 11,597 милліоновъ марокъ. Несмотря на полученные съ французовъ пять милліардовъ, Гогенцоллернская имперія уже вновь задолжала два милліарда. И при этомъ новые налоги, которыми правительство хочетъ покрыть новые военные расходы, съ особою тяжестью должны лечь на низшіе классы, потому что проектируются налоги косвенные, на предметы общаго потребленія **).

Графу Таафе не удалось достигнуть такого соглашенія между нѣмецкими централистами-либералами, поляками и клубомъ Гоэнварта, которое обезпечило бы прочное правительственное большинство въ рейхсратѣ. Въ министерскую программу входило отреченіе отъ національно-политическихъ вопросовъ. Такое отреченіе могло бы быть выгодно лишь австро-нѣмецкому меньшинству, и отъ желательныхъ графу Таафе обязательствъ уклонились и польскій, и гоэнвартовскій клубы парламента. Чехи, попрежнему, стойко и энергично борятся за свою національно-политическую самостоятельность. Подымаются и южные славяне. Стремленія хорватовъ къ созданію общи-наго государства, равноправнаго съ Транслейтаніею и Цислейтаніею, - стремленія, чрезвычайно далекія отъ осуществленія,—встрѣчаютъ, тѣмъ не менѣе, ожесточенное противодѣйствіе со стороны мадьяръ. Въ минувшемъ январѣ хорватскій банъ, Куэнъ-Гедервари, произнесъ въ загребскомъ се -

*) *National Zeitung*, № 13.

**) *Freisinnige Zeitung*, 8 Januar.

мѣ рѣчь, въ которой выступилъ противъ партіи Старчевича и въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ программу соединенной «народной партіи», образовавшейся изъ союза приверженцевъ Штроссмайера съ старчевичанами. Онъ доказывалъ, что она направлена къ «тріализму», вмѣсто существующаго дуализма, а потому и не найдетъ въ немъ, Гедервари, никакой поддержки, такъ какъ онъ не признаетъ никакого другого государственнаго права, кромѣ венгерскаго. Далѣе, банъ заявилъ, что программа, направленная къ возсоединенію Хорватіи, Славоніи, Далматіи и Штиріи, построена на «тщетныхъ мечтахъ, осуществленіе которыхъ рѣшительно немыслимо». Въ заключеніе Гедервари объявилъ сейму, что на должность загребскаго архіепископа можетъ быть назначенъ сановникъ и не хорватскаго происхожденія *).

Естественно, что такія рѣчи не въ состояніи дѣйствовать успокоительно на хорватское общественное мнѣніе. Острая борьба національностей на долгое еще время будетъ задерживать политическое и экономическое развитіе Габсбургской монархіи, упорно отстаивающей господствующее значеніе нѣмецкой и венгерской національностей въ многоплеменномъ государствѣ, гдѣ большинство принадлежитъ славянамъ **). Въ самой Венгріи продолжается усиленная агитація католическаго духовенства противъ введенія гражданскаго брака, и агитація эта создаетъ немаловажныя затрудненія нынѣшнему правительству. Въ то же время, австрійская международная политика, сдѣлавшая государство политическимъ спутникомъ Германіи, съ одной стороны, и поставившая его въ непріязненное по отношенію къ Россіи положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, съ другой стороны, ведетъ къ истощенію экономическихъ силъ Австро-Венгріи. Боснію и Герцеговину нужно считать, конечно, навсегда потерянными для Турціи. Но австро-венгерское правительство разсчитываетъ, повидимому, и еще на добрую долю наслѣдства послѣ *больного человѣка*, который доставитъ, однако, не мало хлопотъ своимъ опекунамъ и вѣроятнымъ наслѣдникамъ.

Въ международномъ отношеніи недавно произошли два событія, которыя могутъ вызывать безпокойство друзей мира, задѣвая противуположные интересы могущественныхъ государствъ. Молодой египетскій хедивъ задумалъ смѣнить преданное Англіи министерство и поставить во главѣ его человѣка, независимаго отъ иностраннаго вліянія. Англійскій посланникъ энергически выступилъ противъ этой мѣры. Хедивъ принужденъ былъ

*) *Правит. Вѣстникъ*, 5 января.

**) Какъ на одно изъ доказательствъ экономической отсталости Австро-Венгріи, но указать на то, что въ ней только 27,417 километровъ желѣзныхъ дорогъ ...странство—622,269 кв. км.), тогда какъ въ Англіи желѣзныхъ дорогъ 32,112 ...странство—314,628 кв. км.). Отмѣтимъ кстати, что въ Германіи желѣзныхъ до...ъ 42,483 км., во Франціи—36,891, въ Россіи—31,140, въ Италіи—13,163, въ ...аніи—9,774, а въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—270,958 км. ...*rnal de St.-Pétersbourg*, 11 janvier).

назначить своимъ первымъ министромъ другое лицо. Въ населенiи обнаружилось раздраженiе противъ англичанъ, которые поспѣшили увеличить находящiяся въ Египтѣ войска. Францiя сдѣлала по этому поводу представленiя сенъ-джемскому кабинету, указывая на то, что трактаты не предоставляютъ великобританскому правительству право такого вмѣшательства во внутреннiя дѣла Египта. Покуда все останется, конечно, попрежнему, такъ какъ воевать изъ-за Египта Французская республика не станетъ, а кабинетъ Гладстона, т.-е. лордъ Розберри, не откажется отъ фактическаго занятiя этой страны, обезпечивающаго Англiи господствующее положенiе на Суэзскомъ каналѣ и многiя другiя военныя и торговыя выгоды.

Другая «черная точка»—это революцiя на Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) островахъ. Правительство было низложено. На берегъ высадился отрядъ американской морской пѣхоты и занялъ Гонолулу. Депутацiя отъ гавайцевъ отправилась въ Вашингтонъ ходатайствовать о присоединенiи острововъ къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Гаррисонъ, срокъ президенства котораго скоро истекаетъ, высказался за присоединенiе. Въ то время, когда пишутся эти строки, телеграфъ извѣстилъ, что коммиссiя американскаго сената уже представила докладъ, соглашаясь съ президентомъ *). Образъ дѣйствiя Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ вызоветъ въ Англiи, по всей вѣроятности, сильное неудовольствiе. Газеты сообщали, что англiйскому посланнику въ Вашингтонѣ было предписано предъявить протесты противъ высадки американскихъ войскъ въ Гонолулу и противъ предположеннаго присоединенiя острововъ къ великой заатлантической республикѣ.

Гавайскiе острова (жителей менѣе ста тысячъ, пространство—16,946 кв. км.) еще въ 1876 году заключили трактатъ съ Соединенными Штатами о взаимномъ безпошлинномъ отпускѣ и привозѣ товаровъ. Возстанiе вспыхнуло потому, что королева Лилiуколанъ вздумала было отмѣнить конституцiю. Во главѣ временнаго правительства сталъ бывшiй предсѣдатель верховнаго суда, Долэ.

В. Г.

---

*) *Русскiя Вѣдомости*, 7 февраля.

Текущая жизнь.

(Наблюденія, размышленія и замѣтки).

Нѣчто объ опроверженіяхъ: опроверженіе симбирское.—Дѣло Л. О. Юшкова съ крестьянами и его опроверженіе.—*Волжскій Вѣстникъ* и профессорское опроверженіе.—Нижегородское гоненіе гласности и его послѣдствія.— Avis—*Московскимъ Вѣдомостямъ*.—Нѣчто о политикѣ внутренней и внѣшней и русскіе отголоски французской Панамы.

«Симбирскъ, 29 декабря. Помѣщенная въ № 6045 *Новаго Времени* телеграмма изъ Симбирска, отъ 24 декабря, не согласна съ истиной: *отчета* объ операціяхъ по продовольствію и обсѣмененію *губернская управа не представляла*, почему губернское собраніе не могло ни одобрять, ни осуждать управы и, слѣдовательно, возвращать отчетъ для пересоставленія. Прося помѣстить настоящую мою телеграмму, шлю доказательство и правдивости содержанія оной—подлинный докладъ управы и копіи журналовъ губернскаго земскаго собранія. *Предсѣдатель губернской земской управы Анненковъ*".

Какъ видитъ читатель, это — опроверженіе извѣстія, которое мы въ прошломъ очеркѣ заимствовали изъ *Новаго Времени*. Оно подало намъ поводъ для нѣкоторыхъ справокъ, которыя остаются въ полной силѣ, и мы могли бы совсѣмъ не приводить этого опроверженія г. Анненкова. Но намъ оно кажется очень характернымъ и вызываетъ на нѣкоторыя размышленія.

Я говорилъ въ прошлой статьѣ, что изъ Симбирска, вообще, пишутъ очень мало. А то, что пишутъ, какъ видите, тотчасъ опровергается, къ сожалѣнію, впрочемъ, не всегда до конца и, притомъ, съ какою-то излишнею краткостью. Мы видѣли, какъ опровергалось сообщеніе казанской газеты о вагонѣ дурного хлѣба, направленнаго въ голодающій уѣздъ, и о пріемщикѣ, уволенномъ за протоколъ, составленный по этому поводу. Симбирская управа заявила, что вагонъ не приходилъ, хлѣбъ въ уѣздъ не направлялся, протоколъ не составлялся, пріемщикъ не увольнялся, управа телеграммы не получала. Оказалось, однако, что это «опроверженіе» управы вѣрно только въ одномъ пунктѣ, а корреспондентъ въ одномъ лишь пунктѣ ошибся: те-

леграмма о дурномъ качествѣ хлѣба послана не въ управу, а одному ея члену, закупавшему хлѣбъ. Разумѣется, это совсѣмъ не важно и сущности дѣла не мѣняетъ: хлѣбъ, все-таки, плохой и, все-таки, принятъ и отправленъ голодающимъ, а пріемщикъ, исполнившій свой долгъ, вынужденъ былъ удалиться... И, однако, достаточно было неточности въ этомъ одномъ пунктѣ, чтобы управа выступила съ категорическимъ опроверженіемъ. Это, конечно, могло случиться и по недоразумѣнію: управа во всемъ составѣ могла не знать, какъ распоряжается одинъ изъ ея членовъ. Но насъ интересуетъ то равнодушіе, съ которымъ управа оставила дальнѣйшій печатный разговоръ по этому предмету: «не было». Оказывается—было. «Ну, такъ наплевать!» А, между тѣмъ, этотъ эпизодъ бросаетъ свѣтъ на причины, почему у симбирскаго земства оказывались принятыми «значительныя партіи сорнаго хлѣба», по собственному сознанію управы, которое мы цитировали въ прошлой статьѣ изъ протоколовъ земскаго собранія, напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Симбирскаго Земства*. Наконецъ, это чисто-формальное отношеніе «хозяйственной управы» къ своимъ опроверженіямъ заставляетъ насъ и въ данномъ случаѣ останавливаться передъ новымъ ея опроверженіемъ съ невольнымъ недоумѣніемъ и вопросомъ: что же въ самомъ-то дѣлѣ было и чего не было изъ того, что̀ сообщалось въ телеграммѣ *Новаго Времени*?

По словамъ г. Анненкова, совершенно ничего изъ сообщаемаго *Новымъ Временемъ* не было. Корресподентъ просто навралъ, и даже довольно безсовѣстно: онъ утверждаетъ, что отчетъ отвергнутъ, приводитъ даже цифры, подавшія къ этому поводъ, тогда какъ въ дѣйствительности отчетъ даже не представлялся. Положимъ, къ числу достоинствъ *Новаго Времени* не принадлежитъ умѣнье подбирать корреспондентовъ. Къ тому же, вниманіе почтенной газеты до такой степени поглощено вопросами и инцидентами высшей европейской политики, что для русской провинціи остаются только гг. Шараповы съ ихъ извѣстными уже читателю пріемами. Отъ этого легко можетъ случиться, что одинъ Шараповъ мимоѣздомъ расхвалитъ «хозяйственную управу» такъ горячо, что, какъ говорится, небу станетъ жарко,—расхвалитъ и уѣдетъ. А въ это время другой Шараповъ, и опять мимоѣздомъ, ошарашитъ ту же управу телеграммой, отъ которой уже небо покажется ей съ овчинку. И опять умчится дальше. А *Новое Время* напечатаетъ и похвалу, и обличеніе, и потомъ опроверженіе съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Опровергаютъ? Отлично! Не было, такъ и не было, ну ихъ! Позвольте, однако: вѣдь, если не было самаго факта и даже поводовъ къ факту, сообщенному корреспондентомъ большой столичной газеты, тогда на пустомъ мѣстѣ, образовавшемся послѣ опроверженія, водворяется другой фактъ злостнаго вымысла, съ одной стороны, редакціонной неразборчивости въ выборѣ своихъ корреспондентовъ—съ другой. Нельзя же такъ въ самомъ дѣлѣ: не было и кончено! Слѣдовало бы объяснить, по крайней мѣрѣ, какъ произошла такая странная ошибка и дѣйствительно ли не было такъ-таки совсѣмъ ничего, или... или хоть что-нибудь, все-таки, было, а, можетъ быть, было и не что-нибудь, а довольно много, какъ въ случаѣ съ вагономъ хлѣба

Да, мало, мало пишутъ изъ Симбирска, а то, что пишутъ, темно и туманно, неполно и проблематично. Подождемъ, не принесетъ ли время большей ясности, а пока, разъ уже рѣчь зашла объ опроверженіяхъ, остановимся еще на нѣсколькихъ примѣрахъ изъ этой области, гораздо болѣе характерныхъ и интересныхъ.

Для этого, прежде всего, придется заглянуть въ Казань. Опроверженію подлежитъ нижеслѣдующее:

Дѣло Л. О. Юшкова съ крестьянами.

«Въ гражданскомъ департаментѣ судебной палаты,—читали мы въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*,—разсматривалось характерное въ бытовомъ отношеніи дѣло, вступившее въ апелляціонномъ порядкѣ изъ сарапульскаго окружнаго суда. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, есть село Гоньба, крестьянское населеніе котораго состояло нѣкогда въ крѣпостной зависимости у мамадышскаго помѣщика Л. О. Юшкова. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, по предварительнымъ надѣльнымъ актамъ, во владѣніе крестьянъ этого селенія должно было перейти отъ Юшкова 1,100 десятинъ (по 4 десятины на ревизскую душу) земли. Юшковъ указалъ имъ предназначенную для нихъ землю и «благословилъ» на пользованіе. Крестьяне въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пахали, засѣвали ее, собирали съ нея хлѣбъ и платили за нее земскія и казенныя повинности, а также выкупные платежи, хотя она не была еще отмежевана и отграничена имъ. Наконецъ, они стали замѣчать, что этой земли какъ будто становится меньше (?) того количества, которое показано въ документахъ. Въ виду этого, они начали просить Юшкова «обмѣрить» ихъ и ужь составить за одно, при этомъ, и «данную» на отведенную землю. Юшковъ согласился. Приглашенъ былъ частный землемѣръ, нѣкто Солнцевъ, и началось обмѣриваніе, во время котораго обнаружилось, что *часть крестьянскихъ надѣловъ, дѣйствительно, находится въ составѣ земель, эксплуатируемыхъ Юшковымъ,* причемъ количество недостающей земли было опредѣлено Солнцевымъ въ размѣрѣ 44 десятинъ. Юшковъ призналъ недостачу и обѣщалъ крестьянамъ «прирѣзать» недостающее. *Въ „данной" была сдѣлана, при этомъ, помѣтка, что эти 44 десятины „прирѣзаны"*. Крестьяне не возражали противъ этого, такъ какъ не смѣли думать, что Юшковъ не выполнилъ своего обѣщанія. Но, по удаленіи землемѣра, все пошло постарому и недостающія, согласно указанія Солнцева, десятины не были прирѣзаны. Тогда крестьяне, прождавъ еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіе [к]оторыхъ постоянно напоминали Юшкову объ его обязанностяхъ «прирѣ[з]ать» недостающее, рѣшились, наконецъ, обратиться къ начальству съ [п]росьбой объ отграниченіи и отмежеваніи слѣдуемой имъ надѣльной земли [ч]резъ казеннаго землемѣра. По этому поводу въ 1873 г. вятскимъ губернскимъ начальствомъ былъ присланъ въ с. Гоньбу казенный землемѣръ Новоселовъ. Этотъ послѣдній, приступивъ къ межеванію, обнаружилъ, что у [к]рестьянъ недостаетъ уже не 44 десятины, какъ было установлено землемѣромъ Солнцевымъ, а 72 дес. 1,014 кв. саж. *Въ виду этого, онъ пре-*

кратилъ дальнѣйшія свои дѣйствія по отграниченію крестьянской земли отъ владѣній Юшкова и уѣхалъ, такъ какъ не считалъ себя въ правѣ межевыми дѣйствіями своими какъ бы разрѣшать споръ между помѣщикомъ и крестьянами. Крестьяне же, по поводу недостачи земли, начали подавать прошенія и жалобы въ разныя административныя учрежденія, вѣдающія крестьянскія дѣла. Но всюду они встрѣчали отказъ въ удовлетвореніи своего ходатайства. Наконецъ, въ 1887 г. вятское губернское правленіе увѣдомило ихъ, что споръ ихъ съ Юшковымъ о недостающихъ 72 десятинахъ *не можетъ быть разрѣшенъ административнымъ порядкомъ,* такъ какъ административныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ *затрудняются въ способахъ выполненія* заявленныхъ обществомъ требованій. Между тѣмъ, недостатокъ земли для крестьянъ села Гоньбы становился съ каждымъ годомъ ощутительнѣе, вслѣдствіе возростанія наличнаго числа населенія. *Уплата земскихъ, казенныхъ и выкупныхъ повинностей за недостающую землю съ каждымъ годомъ становилась также все болѣе и болѣе обременительною* Въ виду этого, въ прошломъ году они обратились по поводу своей претензіи къ Юшкову въ сарапульскій окружный судъ. Они ходатайствовали въ исковомъ своемъ прошеніи обязать Юшкова возвратить имъ самовольно захваченную имъ изъ ихъ надѣловъ землю и взыскать съ него *14,382 руб. въ ихъ пользу въ возмѣщеніе понесенныхъ ими убытковъ отъ непользованія этою землей, а также за переплаченные ими по этой землѣ казенныя, земскія и выкупныя невинности.* Сарапульскій окружный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что хотя «общество крестьянъ села Гоньбы, вслѣдствіе состоявшагося при содѣйствіи правительства выкупа ихъ надѣла, вступивъ въ разрядъ крестьянъ собственниковъ, и пріобрѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, право на защиту своихъ имущественныхъ интересовъ предъ судомъ, но не осуществило этого права по отношенію иска къ Юшкову о надѣленіи недостающею землей въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, такъ какъ начало земской давности возникло съ 1873 г., когда при отграниченіи землемѣромъ Новоселовымъ крестьянскаго надѣла и обнаружился недостатокъ земли». Что же касается ходатайствъ, которыя возбуждались крестьянами по этому поводу послѣ 1873 г. въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, то судъ призналъ ихъ «не прерывающими земской давности, такъ какъ они производились въ ненадлежащемъ мѣстѣ».

«На это рѣшеніе со стороны крестьянъ послѣдовала апелляціонная жалоба. Какъ въ жалобѣ этой, такъ и въ засѣданіи палаты они черезъ сво его повѣреннаго доказывали, что срокъ земской давности ими не проп щенъ для возбужденія судебнаго дѣла противъ Юшкова, такъ какъ до от каза администраціи отъ исполненія своей обязанности по отводу имъ на дѣльной земли они по закону никуда не имѣли права обращаться съ ис ками. Отказъ же этотъ, объявленный имъ лишь въ 1887 г., только посл этого времени и далъ имъ возможность обратиться къ суду, дѣйствія ко тораго не могутъ быть стѣсняемы затрудненіями администраціи. Юшко

получившій еще въ 1869 г. изъ казны выкупную сумму, переведенную на крестьянъ и взыскиваемую съ нихъ, владѣя частью надѣльной земли и не платя за нее никакихъ налоговъ и повинностей, по справедливости долженъ возвратить крестьянамъ все ими за него уплаченное и убытки отъ невладѣнія землей. Въ виду этихъ соображеній, крестьяне просили судебную палату рѣшеніе сарапульскаго окружнаго суда отмѣнить и исковыя требованія ихъ признать подлежащими удовлетворенію. *Юшковъ же доказывалъ, что крестьяне не имѣли права обращаться по поводу своей претензіи къ нему въ судъ, такъ какъ споры, возникающіе изъ-за отвода надѣловъ, подлежатъ разрѣшенію въ административномъ порядкѣ.* На этомъ основаніи онъ ходатайствовалъ объ отказѣ крестьянамъ въ искѣ.

«Судебная палата, по выслушаніи этихъ объясненій сторонъ, вынесла резолюцію, въ силу которой искъ общества крестьянъ села Гоньбы признанъ неподсуднымъ судебнымъ учрежденіямъ и *поэтому оставленъ безъ удовлетворенія*».

Красивая, не правда ли, исторія? Сколько, однако, такихъ исторій совершалось, совершается, будетъ еще совершаться на Руси, и какъ порой печально онѣ кончаются! И сколько такихъ процессовъ печаталось, печатается, будетъ еще печататься въ провинціальныхъ газетахъ, и какъ незамѣтно онѣ проходятъ! Надо думать, что г. Юшковъ, «по своему мѣсту,—какъ говорилось въ старину,—персона сильная». Это явствуетъ, по крайней мѣрѣ, изъ того страннаго обстоятельства, что всѣ «ошибки» мѣстной администраціи происходятъ, по необъяснимой случайности, именно въ его пользу. Не хватаетъ у крестьянъ земли 44 десятины (сколько намъ извѣстно, село Гоньба лежитъ по большому тракту и 44 десятины для села Гоньбы значатъ не мало). Пріѣзжаетъ г. Солнцевъ исправлять ошибку, но, вмѣсто этого, вновь самъ ошибается еще хуже: послѣ исправленія надѣлъ крестьянъ уменьшается еще на 29 десятинъ. И такъ, ошибкой крестьянамъ не прирѣзано, что слѣдовало прирѣзать, а еще урѣзано, чего урѣзывать не слѣдовало; далѣе, ошибкой же платежи за урѣзанную землю взыскиваются, все-таки, съ крестьянъ. Ошибаются землемѣры, ошибается администрація, и ошибка длится десятки лѣтъ. Надо думать, что такія странныя случайности имѣютъ въ Вятской губерніи какую-нибудь бытовую подкладку, и если читатель не забылъ прошлаго нашего очерка, мы позволимъ себѣ спросить: оказываютъ ли и здѣсь какое-либо вліяніе «натуральные запасы» и «зловредные земскіе принципы», или же здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чистымъ и неприкрашеннымъ вліяніемъ «сильной персоны»?

Наконецъ, ко всѣмъ ошибкамъ присоединяется еще и ошибка редакціи *Волжскаго Вѣстника,* которая съ какою-то заискивающею предупредительностью помѣщаетъ вскорѣ послѣ появленія судебнаго отчета слѣдующее странное «опроверженіе»:

«По поводу напечатаннаго въ № 299 *Волжск. Вѣстн.* процесса Л. О. Юшкова съ крестьянами, намъ заявляютъ (?), что при напечатаніи его допущена масса ошибочныхъ фактовъ, много произвольнаго, такъ что дѣ-

ло получило неблагопріятную окраску, совершенно несоотвѣтствующую дѣйствительности».

Начало, какъ видите, довольно опредѣленное и, по категоричности, отнюдь не уступаетъ симбирскимъ опроверженіямъ. Послѣ такого начала вы ждете, что и здѣсь не окажется самаго факта, что г. Юшковъ, по меньшей мѣрѣ, не пользовался завѣдомо крестьянскою землей, а крестьяне не платили десятки лѣтъ за то, чѣмъ пользовался г. Юшковъ. Ошибаетесь! Вотъ какую казуистику разводитъ далѣе почтенная редакція:

«Такъ, землемѣръ капитанъ Солнцевъ явился *вовсе не вслѣдствіе просьбы крестьянъ* обмѣрить ихъ, а опредѣлялъ размѣры крестьянскаго владѣнія при составленіи уставной грамоты, *причемъ оказалось, что нужно прирѣзить 44 дес., каковыя, какъ сказано въ уставной грамотѣ*, прирѣзываются, причемъ для уничтоженія черезполосности произведенъ обмѣнъ угодій».

Какъ видите, тутъ все еще нѣтъ никакого опроверженія и фактъ «нехватки» 44 десятинъ признается. Теперь еще далѣе: «Согласія Юшкова на выдачу данной никто не спрашивалъ, да и спрашивать не могъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что въ совершеніи данной прежній собственникъ никакого участія не принимаетъ, а на крестьянскій надѣлъ данныя выдаются непосредственнымъ распоряженіемъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

«При такихъ условіяхъ Юшковъ не могъ обѣщать и признавать въ данной что бы то ни было, а крестьяне на что бы то ни было соглашаться (отлично, но что же изъ этого?). Никакихъ обязанностей прирѣзать на Юшковѣ никогда не лежало, *слѣдовательно, и напоминать имъ было нечего, а дѣйствительно законъ возлагалъ на крестьянскія учрежденія обязанность окончательнаго отграниченія крестьянскаго надѣла*. Въ силу этого, *въ 1873 г. былъ присланъ землемѣръ Новоселовъ для окончательнаго отграниченія. При межеваніи Новоселовъ заявилъ, что въ надѣлѣ не хватаетъ 72 дес. 1,614 саж.*».

Вотъ видите, и фактъ вторичной, уже большей «нехватки» установленъ. Наконецъ, мѣстныя крестьянскія учрежденія должны были бы поступить въ этомъ случаѣ по извѣстному, указанному въ законѣ порядку, *но они этого не сдѣлали* и дѣло, въ нихъ производящееся, до сихъ поръ остается неоконченнымъ, причемъ, однако же, вятское губернское правленіе никогда не увѣдомляло крестьянъ, что споръ ихъ съ Юшковымъ не могъ быть разрѣшенъ административнымъ порядкомъ.

«То обстоятельство, что дѣло не окончено въ административныхъ учр[еж]деніяхъ и, даже болѣе того, что собственно изъятія земли изъ владѣ[нія] Юшкова крестьяне не домогаются передъ судомъ, *такъ какъ несомнѣ[нно] получатъ все имъ слѣдующее черезъ крестьянскія учрежденія,* что с[об]ственно единственнымъ предметомъ иска служитъ сумма въ 14,382 р[уб.] убытковъ, *якобы*—охъ, ужъ эти якобы!—*ими понесенныхъ,* было призн[ано] повѣреннымъ общества въ засѣданіи палаты на вопросъ г. предсѣдате[ля],

и г. репортеръ, не будучи обуреваемъ желаніемъ придать отчету неумѣстную пикантность, не могъ бы этого не слышать, такъ какъ въ это время онъ былъ въ залѣ, *куда явился гораздо позже начала дѣла.*

«Такъ что одинъ землемѣръ *намѣрилъ 1,100 д., а другой 1,028,* что изъ этой разницы въ измѣреніяхъ возникъ споръ, *настолько съ обѣихъ сторонъ добросовѣстный*, что самъ истецъ въ апелляціонной жалобѣ заявилъ, что нельзя утверждать положительно, насколько правильны дѣйствія Новоселова, что споръ этотъ, провѣрка котораго возложена на обязанность крестьянскихъ учрежденій, ими еще не провѣренъ, а судъ, имѣя въ виду, что и послѣдствія того или другого результата повѣрки указаны закономъ, призналъ дѣло себѣ неподсуднымъ».

«Давая мѣсто вышеизложенному,—прибавляетъ услужливая редакція,—мы должны выразить искреннее сожалѣніе, что введены были въ заблужденіе ошибкою нашего репортера, не довѣрять которому мы не имѣли основанія».

Прежде всего, кто это пишетъ? Г. Юшковъ? Нѣтъ, его подписи мы не видимъ. Сама редакція? Да, но и въ послѣдней припискѣ, и во всей замѣткѣ чувствуется двойственность тона, показывающая, что надъ редакціей, хлопочущей якобы отъ себя, для возстановленія истины, витаетъ невидимое присутствіе сильной персоны. Это самая прискорбная изъ ошибокъ, потому что къ ней причастна редакція уважаемаго провинціальнаго органа. Правда это еще первая ошибка, совершенная, вопреки намѣреній, не въ пользу сильной персоны г. Юшкова. Да, услуга на сей разъ оказалась поистинѣ медвѣжь-ей, и ужь лучше было не подчеркивать некрасиваго дѣла еще болѣе некрасивыми претензіями на «добросовѣстность»!

Что мы узнали изъ опроверженія такого, что̀ бы измѣняло сущность дѣла и придавало ему бо̀льшую привлекательность? Пользовался ли г. Юшковъ въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ крестьянскою землей? Увы, пользовался несомнѣнно. А кто платилъ за эту землю? Крестьяне. И замѣтьте, что въ числѣ этихъ платежей были и выкупные, поступавшіе... кому? Тому же г. Юшкову! Вотъ, вѣдь, въ краткихъ чертахъ, внутренняя сущность «добросовѣстнаго *съ обѣихъ сторонъ* спора». Чѣмъ же она опровергается? Увы, ничѣмъ, такъ какъ опроверженіе и само признаетъ, что всѣ провѣрки оказывались въ пользу крестьянъ и что онѣ «несомнѣнно получатъ слѣдуемое»... только не черезъ судъ, а черезъ крестьянскія учрежденія. Очень пріятная увѣренность! Только неизвѣстно ли ужь, кстати, когда это наступитъ? Еще черезъ двадцать лѣтъ, черезъ тридцать, можетъ, въ половинѣ б дущаго вѣка? Вѣдь, ужь болѣе четверти столѣтія длится эта странная «добросовѣстность обѣихъ сторонъ», изъ коихъ одна пользуется землей, н за нее не платитъ, а другая землей не пользуется, но платежи за нее в осить... Конечно, г. Юшкову ничего. Его добросовѣстность есть добросовѣстность пріятная, спокойная... Ну, а кто помнитъ разсказанную *Граждани номъ* года три тому назадъ исторію о томъ, какъ въ Вятской губерніи

взыскивают недоимки, тот должен будет признать, что добросовѣстность крестьян обходится им гораздо дороже. Так вот что нынѣ называется добросовѣстностью в казанской прессѣ? Что, в самом дѣлѣ, сказало новаго «опроверженіе» и за что редакція выдала головой бѣднаго репортера? Мы узнаем, во-первых, что г. Солнцев имѣл чин *капитана*. Очень пріятно. Что он *явился не вслѣдствіе просьбы крестьян*... Да почему бы ни явился, развѣ не все равно? *Что согласія г. Юшкова на выдачу данной никто не спрашивал, так как данныя выдаются без согласія бывших владѣльцев*... Да развѣ не очевидно, что репортер спутал *данную* с выкупным договором, что при совершеніи послѣдняго и происходило соглашеніе, что вообще это ошибка чисто-формальная и что само опроверженіе дѣлает тут же нѣсколько формальных ошибок, которых мы не станем указывать лишь потому, что дѣло не в них? *Никаких обязанностей на г. Юшковѣ прирѣзать землю не лежало*... Ну, это развѣ в том смыслѣ, что г. Юшков—не землемѣр. «Мѣстныя крестьянскія учрежденія должны были бы поступить по извѣстному, указанному в законѣ порядку, *но они этого не сдѣлали*...» Вот это-то и говорил репортер, а г. Юшков не отрицает, что он этим пользовался, а крестьяне платили и частью платили в его же пользу! Так что же вы нам сказали новаго? Одно: а именно, что и при этих условіях можно оставаться «добросовѣстным в такой степени»... В том-то и вопрос,— в какой степени. Есть, правда, у Щедрина один афоризм, гласящій, что «истина есть результат судоговоренія». Но, вѣдь, Щедрин, господа, был юморист и нельзя всѣ его афоризмы принимать в прямом смыслѣ. А тут, по нѣкоему распространительному толкованію, выходит уже, что и «добросовѣстность» есть ничто иное, как результат судоговоренія... Ах, господа, господа! Вѣдь, добросовѣстность-то, все-таки, в том, чтобы не пользоваться чужим и платить за то, чѣм пользуешься. И отчего бы там администрація ни пренебрегла своими обязанностями, развѣ г. Юшков не мог давным-давно отдать землю владѣльцам? Какія «учрежденія» могли ему в том помѣшать в теченіе свыше 25 лѣт?!...

А сколько самой скорбной морали в этом небольшом эпизодѣ! Не г. Юшков первый, не г. Юшков послѣдній. Мы кричим теперь, что мужик—сутяга, что у него слишком много средств для этого, мы говорим о сокращеніи мужицких дешевых ходатаев, мы их и сокращаем. Правда, в этом явленіи есть много печальнаго и ненормальнаго. Но вот присмотритесь к данному дѣлу. Это все протокольно и сухо, бумажно и скучно. Защитники г. Юшкова так и желали бы, повидимому, остави[ть] дѣло в предѣлах бумаги и судоговоренія... Пусть их! Оставим г. Юш[ко]ва сверкать и любоваться своею бумажною добросовѣстностью и пост[а]раемся представить себѣ в натурѣ такую деревню или такое село... В[о]образим его в теченіе десятков лѣт ищущим своего несомнѣнна[го] неоспоримаго, всѣми признаваемаго права... Ищущим и не находящим[.] Суд посылает к администраціи. Крестьянскія учрежденія «должны б[ы]

лать, но не дѣлаютъ». И задумывается село или деревня о томъ, что же такое правда и гдѣ она на землѣ? «Результатъ судоговоренія?»... Нѣтъ, это рѣшительно выше мужицкаго пониманія. Къ тому же и судоговоренія, какъ мы видѣли, произойти не можетъ, ибо это — дѣло администраціи. И трещатъ отъ думы мужицкія головы, и бродитъ темная мысль, и въ курныхъ вятскихъ избахъ, при свѣтѣ лучины, фантазируетъ деревня насчетъ «правды» и «управы», и шлетъ ходоковъ Богъ знаетъ куда, нерѣдко совсѣмъ куда не слѣдуетъ. Черезъ десятки лѣтъ, наконецъ, попадаетъ мужицкая правда» въ судъ, но судъ ничего сдѣлать не можетъ, а можетъ опять «администрація», которая именно и не дѣлаетъ. Попадаетъ мужицкая правда въ газету, но г. Рейнгардтъ мгновенно ослѣпляетъ ее чрезвычайною «добросовѣстностью обѣихъ сторонъ». А г. Юшковъ «добросовѣстно пользуется» землей, а вятская полиція «добросовѣстно» гонитъ съ мужика недоимку по способу, описанному *Гражданиномъ*.

А пока, вновь обращаясь къ прессѣ и къ тому, какъ ее порой «опровергаютъ», мы должны сказать, что за злополучнаго репортера, столь невинно-пострадавшаго, г. Рейнгардта, редактора-издателя *Волжскаго Вѣстника*, настигла-таки карающая Немезида. Надо думать, по крайней мѣрѣ, что именно таковъ сокровенный смыслъ разразившагося надъ *Волжскимъ Вѣстникомъ* профессорскаго «опроверженія» или... иначе, нужно будетъ признать, что во всей этой исторіи нѣтъ никакого смысла.

Да, не везетъ казанской прессѣ. А еще недавно пресса въ Казани сравнительно провѣтала и огромный край средняго Поволжья и Прикамья имѣлъ въ своемъ университетскомъ городѣ цѣлыхъ три органа. Изъ нихъ *Волжскій Вѣстникъ*, основанный профессоромъ и талантливымъ публицистомъ Н. П. Загоскинымъ, занималъ во всей провинціальной прессѣ, быть можетъ, не особенно блестящее, но весьма почтенное и даже почетное положеніе газеты, стремящейся представить истинные интересы огромнаго края и проникнутой лучшими литературными традиціями. Года два назадъ *Волжскій Вѣстникъ* перешелъ въ руку нынѣшней редакціи. Еще ранѣе другая газета, *Казанскій Листокъ*, раскололась, выдѣливъ изъ себя третью — *Казанскія Вѣсти*. Тремъ газетамъ въ провинціальномъ городѣ, хотя бы и въ университетскомъ, уже нѣсколько тѣсно и потому двѣ изъ нихъ — *Казанскій Листокъ* съ *Казанскими Вѣстями* съ первой же минуты существованія послѣдней—вступили въ жестокое единоборство. Если это была полемика, то нужно сказать, что полемика эта была весьма своеобразная и далеко не во всѣхъ частяхъ литературная. Борьба двухъ редакцій напоминала извѣстный эпизодъ изъ безсмертныхъ *Записокъ Пиквикскаго клуба*—смертельный бой «итансвильской синицы» съ «итансвильскимъ журавлемъ». Достаточно сказать, что когда г. Ильяшенко, редакторъ *Казанскихъ Вѣстей*, бывалъ въ Петербургѣ, то г. Гисси, редактору *Листка*, случалось получать анонимныя телеграммы въ такомъ родѣ: «Погоди, го-

лубчикъ, удружу!» или: «Будешь меня помнить, дружокъ!» *). И кто-то дѣйствительно удружалъ г. Гисси такъ усердно, что... теперь *Казанскаго Листка* уже нѣтъ на свѣтѣ «за неутвержденіемъ редактора». Но и *Листокъ* не остался въ долгу. Умирая и истекая кровью, злополучная редакція изобрѣла такой способъ полемики, какого еще не видала литература: г. Гисси скупилъ векселя г. Ильяшенко и въ критическую минуту «подписной засухи» предъявилъ ихъ разомъ ко взысканію, отъ чего *Казанскія Вѣсти* пошли съ молотка... Теперь существуетъ какой-то остатокъ *Казанскихъ Вѣстей*, ведущій, впрочемъ, проблематическое существованіе, и на аренѣ остался почти одинъ *Волжскій Вѣстникъ* подъ новою редакціей... Положеніе несомнѣнно удобное, но и несомнѣнно обязывающее: на нынѣшней редакціи лежитъ отвѣтственность за судьбу послѣдняго органа Прикамскаго края,—органа, ничѣмъ еще не запятнаннаго и имѣющаго за собой почтенное прошлое...

Теперь и надъ этимъ органомъ разразилась «исторія»: «Въ объявленіяхъ о подпискѣ на *Волжскій Вѣстникъ*,—читаемъ въ газ. *Волгарь*,—доселѣ щеголявшихъ десятками именъ съ магическою въ глазахъ нѣкоторыхъ читателей прибавкой *проф.* (читай: профессоръ), съ недавняго времени изъята изъ списка сотрудниковъ добрая половина этихъ именъ. 24 декабря, въ другой здѣшней газетѣ, *Казанскихъ Вѣстяхъ* (повидимому, доживающей послѣдніе дни своего блѣднаго существованія), появилось грозное заявленіе 12 профессоровъ Казанскаго университета, состоявшихъ сотрудниками *Волжскаго Вѣстника*». Заявленіе это гласитъ: «Еще 18 декабря мы выразили г. Рейнгардту (редактору-издателю *Волжск. Вѣстн.*) наше *неодобреніе тому направленію*, которое газета его усвоила за послѣднее, довольно продолжительное, время. Высказанная г. Рейнгардтомъ готовность измѣнить направленіе газеты (?) согласно сдѣланнымъ указаніямъ замедлила печатное оглашеніе нашего выхода изъ числа сотрудниковъ. Г. редакторъ, однако, предпочелъ, повидимому, оставаться вѣрнымъ усвоенному его газетою направленію и намъ остается только съ истиннымъ удовольствіемъ (почему же, однако, «съ удовольствіемъ»?) констатировать нашу полную непричастность къ его изданію».

Сказать правду, объясненіе это отзывается, въ литературномъ смыслѣ, нѣкоторою наивностью. Направленіемъ обыкновенно называютъ общее и послѣдовательно проводимое отношеніе редакціи къ коренным вопросамъ общественно-политической жизни, выставляемымъ современностью на очередь. Для газеты нашего времени направленіе опредѣляется ея отношеніемъ къ народному образованію (нынѣ и это стало вопросомъ и поводомъ къ раздѣленію на партіи), къ сословному или безсословному началу въ мѣстномъ управленіи, къ выборному началу или бюрократіи и т. д. А такія вещи мѣнять не легко и, разумѣется, трудно было бы даже повѣрить редакціи, которая по первому требованію почти фиктивныхъ сотрудниковъ

*) Фактъ, оглашенный печатно.

рѣшилась бы повернуть фронтъ въ существенныхъ вопросахъ русской жизни, которой она служитъ. Къ счастью, дѣло совсѣмъ не въ этомъ, и другое письмо тѣхъ же профессоровъ ставитъ вопросъ гораздо опредѣленнѣе и ўже. Оказывается, что «за послѣдній, истекающій годъ газета *Волжскій Вѣстникъ* приняла направленіе, недостойное органа печати, имѣющее въ виду потакать самымъ низкимъ инстинктамъ общества. Отсутствіе серьезнаго служенія интересамъ мѣстной общественной жизни, раскапываніе семейныхъ тайнъ, распространеніе городскихъ сплетней, критика отдѣльныхъ лицъ не съ точки зрѣнія ихъ общественной дѣятельности, а со стороны совершенно частной жизни,—все это,— пишутъ гг. профессора,— заставляетъ насъ, членовъ университетской корпораціи, объявить, что наши имена, *которыя выставляются редакторомъ, главнымъ образомъ, для рекламы*, должны быть исключены изъ числа фамилій сотрудниковъ этой газеты. Профессоры: *Г. Шершеневичъ, В. Ивановскій, Е. Нефедьевъ, А. Васильевъ, И. Смирновъ, Ив. Гвоздевъ, К. Леонтьевъ, Г. Дормидонтовъ, Ѳ. Мищенко, А. Штукенбергъ, Н. Сорокинъ, А. Александровъ*».

Это вотъ, несмотря опять на упоминаніе о «направленіи», уже гораздо опредѣленнѣе и понятнѣе, а изъ другихъ газетъ мы узнаемъ подробно, въ чемъ именно дѣло.

«Въ *Волжск. Вѣстн.*, — сообщаетъ газета *Волгарь,*— вотъ уже два года существуетъ особый родъ фельетона — *Дневникъ обывателя.* Этотъ *Дневникъ* появлялся регулярно разъ въ недѣлю съ спеціальною цѣлью въ легкой, такъ сказать, фельетонной формѣ касаться злобъ дня казанской жизни. Составлялся онъ остроумно, подчасъ зло и раскрывалъ зачастую неказистыя дѣлишки мѣстныхъ тузовъ. Тузы, конечно, были этимъ недовольны и точили зубы и на редактора *Волжск. Вѣстн.*, и на дерзкаго фельетониста... Правда, *иногда въ Дневникѣ перемывалось только грязное бѣлье*, но въ общемъ онъ всегда держался общественной жизни и многихъ пригвоздилъ къ позорному столбу за дѣянія, стоющія этого. Публикѣ эти фельетоны очень нравились и все шло прекрасно».

Здѣсь мы немного остановимся. Слѣдя за провинціальною печатью не мало уже времени, мы имѣли случай познакомиться и съ *Дневникомъ,* о которомъ идетъ рѣчь, и должны сказать (признавая, впрочемъ, все сказанное выше), что эту форму газетныхъ обличеній едва ли слѣдуетъ считать удачною и желать ея дальнѣйшаго развитія. Признаемся, порой, перечитывая эти фельетоны, мы становились втупикъ: что значитъ то или другое мѣсто, тотъ или другой якобы вымышленный эпизодъ? Общаго интереса не было; чувствовался за то какой-то скрытый мѣстный букетъ, острота котораго не столько въ томъ, что̀ сказано, сколько въ тѣхъ комментаріяхъ, которыми городская сплетня дополняетъ намеки. Оружіе скользкое и обоюдуострое. Совершенно вѣримъ, что въ данномъ случаѣ оно находилось въ чистыхъ рукахъ, однако, несомнѣнно также, что пристало но гораздо лучше къ рукамъ грязнымъ, которыя въ мелкой столичной прессѣ не мало имъ злоупотребляли, а, можетъ быть, злоупотребляютъ и

донынѣ. Право прессы — обнаруживать зло во всѣхъ его проявленіяхъ— оспаривать невозможно. Однако, несомнѣнно также и право частнаго человѣка на неприкосновенность въ извѣстной области, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, на то, чтобъ обвиненія противъ него ставились прямо и въ такой формѣ, которая поддается возраженію. Между тѣмъ, въ *Дневникѣ* порою совершенно нельзя было отличить, что изъ приписываемаго тому или другому прозрачно-замаскированному лицу составляетъ его дѣянія и что придумано для краснаго словца и вящаго посрамленія. А возражать нельзя: хотя васъ всѣ узнаютъ, но вы не названы, и авторъ всегда можетъ отозваться, что онъ рисуетъ не васъ, а «типы». Что публикѣ нравится все пикантное, это—истина старая, и успѣхъ такого фельетона въ провинціальномъ городѣ далеко еще не доказательство въ его пользу, а то обстоятельство, что даже корреспондентъ *Волгаря*, котораго мы цитируемъ, вообще дружественно относящійся къ *Волжскому Вѣстнику* въ этомъ эпизодѣ, что даже онъ упоминаетъ о частомъ «перемываніи одного грязнаго бѣлья», свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, принципіальную несостоятельность этой формы. Я увѣренъ, что если бы подобный литературный «жанръ» внѣдрился, съ легкой руки *Волжскаго Вѣстн.*, въ провинціальной прессѣ, то и г. Поповъ, его акклиматизировавшій въ Казани, и г. Чириковъ, продолжавшій дѣло г. Попова, десять разъ пожалѣли бы о томъ, что пересадили этотъ фруктъ съ парниковъ столичной мелкой прессы на тучную и непочатую провинціальную ниву. Намъ кажется, что наша пресса уже переросла старинные пріемы перваго наивнаго періода обличеній, съ его анонимами и псевдонимами обличаемыхъ, съ намеками на то, чего не вѣдаетъ никто. «Всякому овощу свое время», и теперь передъ обличительною прессой, всегда необходимою и законною, стоятъ болѣе серьезныя задачи, требующія иного тона.

Такимъ образомъ, прочитавъ въ одномъ изъ №№ *Волжскаго Вѣстника* о прекращеніи г. Чириковымъ *Дневника обывателя*, «по причинамъ, редакціи извѣстнымъ», я порадовался за газету, не потому, конечно, чтобы желалъ прекращенія самыхъ обличеній, но потому, что съ этихъ поръ, по моему мнѣнію, они должны стать сдержаннѣе, точнѣе, прямѣе, а значитъ и сильнѣе. И если бы только это можно было сказать объ обстоятельствахъ и причинахъ «профессорскаго опроверженія», то я считалъ бы его до извѣстной степени удавшимся. Но, узнавъ все до конца, я совершенно измѣнилъ свое мнѣніе. Читайте и судите: въ одномъ изъ послѣднихъ «Дневниковъ»,—продолжаетъ тотъ же корреспондентъ *Волгаря*,—были описаны дѣянія и похожденія близкаго къ университету человѣка. Приводимъ тѣ мѣста «Дневника», которыя вызвали профессорское негодованіе Разсказавъ возмутительный случай оскорбленія интеллигентной дѣвушки имѣвшій мѣсто на одной изъ подгородныхъ мельницъ, авторъ «Дневника» говоритъ:

«Ну, какой-нибудь владѣлецъ мельницы—Богъ ему прости!—не вѣдаетъ, что творитъ... А какъ простить нѣчто подобное, только въ еще бо-

дѣе нахальной и пакостной формѣ, человѣку, по всѣмъ даннымъ долженствующему быть «интеллигентнымъ», человѣку, идущему подъ очень почтеннымъ знаменемъ въ рядахъ общественныхъ дѣятелей, человѣку, даже желающему «всемірной извѣстности», но пока только *прекрасно всѣмъ извѣстному* и «знаменитому» въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ?

«Почтенный господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ возможность предоставлять «мѣста» интеллигентнымъ труженицамъ... И какъ же онъ пользуется своимъ «вѣсомъ» и значеніемъ»? Бывали факты, когда этотъ почтенный господинъ ставилъ «пакостные ультиматумы» женщинамъ, нуждающимся въ покровительствѣ этого «просвѣщеннаго дѣятеля»!

«Взятки «натурою»!

«Если гадки взяточники вообще, то подобные специфическіе взяточники мерзѣе во сто кратъ... Брр... чувство гадливости проникаетъ до мозга костей... Не могу писать дальше. Потомство, впрочемъ, догадается, что я пишу про—ча».

Далѣе въ концѣ фельетона авторъ замѣчаетъ: «Ужасное положеніе обывателя заносить въ свой дневникъ неприглядные факты общественной жизни. Кажется, какъ будто бы въ воздухѣ носятся плюхи... Говорятъ объ одной плюхѣ, говорятъ о двухъ плюхахъ, говорятъ, наконецъ, о трехъ плюхахъ и о томъ, какъ одного Донъ-Жуана спустили съ лѣстницы, послѣ чего онъ слегъ въ постель. Говорятъ, пришлось дѣлать операцію. Вотъ выдающіяся событія нашей общественной жизни!»

«Этотъ дневникъ очень не понравился профессорамъ, изъ которыхъ очень многіе состояли сотрудниками *Волжскаго Вѣстника*. Они нашли, что разглашеніе такихъ фактовъ нарушаетъ «правила литературной этики» и что этимъ газета вторгается въ частную интимную жизнь людей, а потому потребовали отъ редакціи *В. В.* прекращенія «Дневника», грозя въ противномъ случаѣ выйти изъ состава сотрудниковъ.

«Редакторъ *В. В.*, по полученіи этого письма, заявилъ профессорамъ, что онъ, по соглашенію съ г. Чириковымъ, прекращаетъ веденіе «Дневника», о чемъ Чириковъ и заявилъ письмомъ, напечатаннымъ въ *В. В.* Профессора удовлетворились этимъ и взяли обратно свое письмо. Но... тутъ вышелъ опять инцидентъ. Редакторъ *В. В.* въ отместку (?) вычеркнулъ профессорскія имена изъ списка сотрудниковъ и прекратилъ имъ высылку газеты. Профессора опять обидѣлись, результатомъ чего и было два новыхъ письма, уже напечатанныя въ другой мѣстной газетѣ—*Казанскія Вѣсти*, въ № 217».

«Вся эта исторія возбудила въ обществѣ большіе толки. Обвиняютъ обѣ стороны: профессоровъ за то, что они вступились за человѣка, который вовсе не стоитъ этого, за духъ узкой корпоративной нетерпимости и за потаканье такимъ образомъ даже некрасивымъ поступкамъ «своихъ», редактора—за слишкомъ безцеремонное отношеніе къ своимъ сотрудникамъ».

Намъ кажется, что общество совершенно право, и хотя мой взглядъ на самый «Дневникъ» высказанъ ясно, однако, признаюсь, будь я на мѣстѣ

гг. профессоровъ, я выбралъ бы другой поводъ для протеста: я представилъ бы свой ультиматумъ гораздо ранѣе, когда могъ бы еще говорить о «Дневникѣ» вообще, или же гораздо позже, опять-таки не связывая дѣла съ «оскорбленіемъ корпораціи». Въ данномъ же случаѣ я поступилъ бы совсѣмъ, совсѣмъ-таки иначе!

Оскорбленіе корпораціи! Нехорошее это понятіе для человѣка, причастнаго къ литературѣ. Недавно князь Мещерскій написалъ въ своемъ «Дневникѣ» отъ 27 января: «Gloria justitiae! Меня опять сажаютъ на 6 недѣль по приговору судебной палаты за оскорбленіе корпораціи военныхъ врачей», а на слѣдующій день въ длинной статьѣ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Оказывается, что «однажды въ *Гражданинѣ* появилась маленькая замѣтка одного уѣзднаго предводителя дворянства (безъ подписи), написанная съ цѣлью обратить вниманіе кого слѣдуетъ на мѣстный фактъ паденія цѣнъ на рекрутскія квитанціи, вслѣдствіе учащающихся случаевъ взятокъ, принимавшихся военными врачами; при этомъ, однако, авторъ, приводя одинъ фактъ взятки, тутъ же упомянулъ о другомъ военномъ врачѣ, который *взятки не бралъ,* а поступилъ честно, что ясно, какъ дважды два четыре, свидѣтельствовало, что у него умысла позорить *сословіе* (?) военныхъ врачей, если таковое существуетъ, вовсе не было».

Это, конечно, не совсѣмъ такъ: смыслъ оскорбленія заключался, очевидно, не въ томъ, что указанъ былъ *одинъ* дурной врачъ рядомъ съ хорошимъ, а въ сообщеніи свѣдѣнія о вліяніи взяточничества врачей на общее паденіе цѣнъ рекрутскихъ квитанцій. Если уже въ какомъ-либо мѣстѣ происходитъ даже паденіе цѣны на тотъ или другой предметъ, то очевидно, что извѣстное явленіе приняло тамъ широкій, общій характеръ, не уравновѣшиваемый присутствіемъ *одного* хорошаго врача. Такъ что, если бы корпорація столь широкая, какъ корпорація военныхъ врачей, могла оскорбляться, то нельзя, пожалуй, не признать самаго факта оскорбленія, особенно въ связи съ извѣстнымъ читающей Россіи развязнымъ тономъ данной газеты... Не входя въ обсужденіе мотивовъ суда и обстоятельствъ дѣла, я, однако, съ нѣкоторымъ прискорбіемъ встрѣтилъ извѣстіе о томъ, что князя «опять сажаютъ» именно по такому поводу и не могу отказать въ сочувствіи скорбному воплю сажаемаго (если, впрочемъ, откинуть предварительно массу сквернаго вздора, которымъ онъ облилъ при этомъ газеты *Врачъ* и *Новое Время.* Боже мой, даже въ кутузку-то не умѣетъ русскій человѣкъ сѣсть какъ слѣдуетъ. Непремѣнно при этомъ расплачется и начнетъ кляузничать на другихъ. Меня сажаютъ, а такого-то всѣ простили... И непремѣнно еще съ огорченія привретъ, какъ это и оказалось въ данномъ случаѣ) *). Но, все-таки, я огорченъ и долженъ признать, что въ нѣкоторыхъ соображеніяхъ князя много правды. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,

*) Князь Мещерскій обвинилъ *Новое Время* въ томъ, что оно, печатая неблагопріятные отзывы г. Верещагина объ офицерахъ русской арміи въ прошедшую войну — оклеветало всю корпорацію офицеровъ! Оказалось, что газета г. Суворина, наоборотъ, полемизировала съ Верещагинымъ. *Пр. Н.*

Гоголь обобщилъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ въ смыслѣ далеко не лестномъ для городничихъ, а Щедринъ, напримѣръ, позволялъ себѣ называть становыхъ «куроцапами»... Если бы корпорація городничихъ вздумала оскорбляться судебнымъ порядкомъ, то, пожалуй, вѣдь не сдобровать бы и Гоголю, не говоря о Щедринѣ...

Возвращаясь опять къ казанской исторіи, я долженъ сказать, что здѣсь-то почтенная корпорація выступила совсѣмъ-таки не кстати. Начать съ того, что (откидывая опять какія-то вздорныя плюхи) рѣчь идетъ совсѣмъ не о частной жизни,—какія же въ частной жизни *взятки*, хотя бы и натурою? Далѣе, здѣсь нѣтъ упоминанія о корпораціи и не можетъ быть рѣчи объ анонимахъ. Наоборотъ, здѣсь совершенно прямо и точно указано лицо, въ которое мѣтитъ фельетонистъ, хотя фамилія и не названа. Въ самомъ дѣлѣ: это, во-первыхъ, членъ профессуры, не особенно вѣдь многочисленной въ Казани; это, во-вторыхъ, человѣкъ, имѣющій вліяніе на назначеніе «интеллигентныхъ труженицъ»; это, въ-третьихъ, то лицо изъ этого уже сильно съуженнаго контингента, которое какимъ-то, навѣрное всѣмъ извѣстнымъ въ Казани, актомъ заявило притязаніе на всемірную извѣстность... Помилуйте, да вѣдь это надо быть страусомъ, прячущимъ голову въ песокъ, чтобы воображать, что и при этихъ указаніяхъ его не видятъ или думаютъ, что самъ онъ не догадывается, о комъ идетъ рѣчь. Нѣтъ, господа! Если ужъ есть что-либо обидное въ этомъ эпизодѣ, то, конечно, обидно самое присутствіе въ данной средѣ столь мало-обидчиваго и такъ упорно не откликающагося господина... Если противъ чего-либо слѣдовало протестовать и на чемъ-либо настаивать, то это—протестовать противъ излишней толстокожести своего сочлена, настаивать на томъ, чтобы онъ принялъ брошенный ему вызовъ и потребовалъ у газеты болѣе точнаго наименованія и ясныхъ доказательствъ. Наконецъ, если кого слѣдовало благодарить, то это г. Чирикова, отмѣтившаго это гнусное явленіе въ почтенной средѣ такими опредѣленными чертами, если, конечно, все имъ сказанное справедливо...

Мы нарочно не упоминали до сихъ поръ о другомъ письмѣ, адресованномъ редактору *Волжскаго Вѣстника* проф. Загоскинымъ, основателемъ, бывшимъ редакторомъ, однимъ изъ старѣйшихъ и лучшихъ сотрудниковъ газеты. То обстоятельство, что проф. Загоскинъ не подписалъ общаго заявленія своихъ товарищей, доказываетъ, что онъ не примыкаетъ къ нему по существу. Онъ мотивируетъ свой выходъ «отношеніемъ г. Рейнгардта къ сотрудникамъ, *превосходящимъ всякіе предѣлы мѣры и литературной тики*».

Вопросъ, который ставитъ въ этомъ коротенькомъ заявленіи профессоръ агоскинъ, не всегда можетъ считаться вопросомъ чисто-личныхъ и частыхъ отношеній. Нужно признаться, что уже въ дѣлѣ, которымъ мы нали нынѣшніе наши очерки,—это «отношеніе редакціи» къ своему сотрудику-репортеру предстало въ довольно непривлекательномъ видѣ. Дѣло не ь томъ, чтобы во что бы то ни стало защищать своего человѣка и надать на г. Юшкова. Но дѣло въ томъ, что пресса есть, между

прочимъ, орудіе борьбы со всякимъ зломъ мѣстной жизни, и тамъ, гдѣ по существу сказана маленькимъ человѣкомъ правда о человѣкѣ сильномъ, ее нужно отстоять до конца... Это есть право сотрудника, въ этомъ и обязанность, и достоинство, и честь редакціи. Г. Рейнгардтъ не устоялъ, г. Рейнгардтъ поторопился выдать головой своего репортера съ его несомнѣнною правдой—въ жертву казуистическому опроверженію «сильной персоны». Это крупный и знаменательный промахъ, это такой шагъ по очень скользкому пути уступокъ окружающей средѣ, который всякаго опытнаго литературнаго работника заставляетъ чутко насторожиться и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ приглядѣться къ взаимнымъ отношеніямъ данной редакціи и ея сотрудниковъ. А г. Загоскинъ именно такой опытный работникъ, давно подвизающійся на неблагодарной нивѣ мѣстной прессы...

Надо отдать справедливость г. Рейнгардту: его отвѣтъ сдержанъ и тактиченъ. Онъ выражаетъ не «удовольствіе», а искреннее сожалѣніе о выходѣ сотрудниковъ, признаетъ, что въ его дѣятельности могли быть промахи и ошибки, но горячо протестуетъ противъ утвержденія, будто онъ измѣнилъ прежнему направленію газеты и будто промахи въ ней закрываютъ серьезное отношеніе къ требованіямъ мѣстной жизни... Намъ кажется, что это правда. А это даетъ надежду, что единственная (почти) газета Прикамья не откажется отъ своей роли и что не случилось еще ничего такого, что бы должно было безповоротно помѣшать ея основателю, такъ долго и съ честью работавшему на ея страницахъ, вновь возобновить свое сотрудничество...

«Времена усложняются»,—писалъ еще покойный Салтыковъ. Да, времена усложняются, но мы не хотимъ съ этимъ считаться и полагаемъ постарому, что намъ достаточно Фамусовыхъ, съ одной стороны, и Молчалиныхъ—съ другой, чтобы отлично справиться со всѣми усложненіями. И разумѣется, не справляемся, и цѣпь, связывавшая нѣкогда такъ трогательно почтеннаго Фамусова съ ордой родныхъ человѣчковъ, надѣявшихся на него, какъ на каменную гору,—рвется то и дѣло, щелкая и того, и другихъ по лбу. То и дѣло на свѣтъ Божій всплываютъ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества болѣе или менѣе шумные эпизоды, порой только комическіе, но порой и глубоко трагическіе, героями которыхъ являются тѣ же «знакомыя все лица»...

Но всего замѣчательнѣе, что при этомъ всегда найдется въ «литературной семьѣ» газета, которая возьметъ именно Фамусовыхъ съ Молчалиными подъ свою защиту противъ требованій «усложняющихся временъ». Печальное доказательство нашей весьма еще незначительной культурности.

Не стану останавливаться на подробностяхъ довольно шумнаго протеста противъ томскаго общества естествоиспытателей. Скажу кратко, что въ обществѣ этомъ предсѣдательствовалъ г. Флоринскій. Трудно сказать, на какомъ собственно основаніи, но только г. Флоринскій, а съ нимъ и его приверженцы, а главное—подчиненные, вообразили, что г. Флоринскому

предстоитъ открыть своею особой нѣкую династію несмѣняемыхъ предсѣдателей ученаго общества, хотя,—такова ужь сложность нынѣшнихъ временъ,—рядомъ съ этою увѣренностью существовалъ также и фактъ періодической баллотировки и избирательные ящики отнюдь не были преданы сожженію. Но... повидимому, это никого не наводило на размышленія,—мало ли что! А все-таки!... И вотъ оказывается, что на послѣднихъ выборахъ въ концѣ прошлаго года игрою шаровъ г. Флоринскій оказался низвергнутымъ. Повидимому, оставалось только поздравить новаго избранника и пожелать ему успѣха. На то и выборы, чтобы выбирать, это, кажется, такъ ясно! Но г. Флоринскій обидѣлся, за нимъ обидѣлся цѣлый сонмъ подчиненныхъ Молчалиныхъ, въ обществѣ расколъ, изъ общества уходятъ демонстративно его члены и у г. Флоринскаго не хватаетъ такта намекнуть гг. Молчалинымъ о неумѣстности ихъ рвенія. А газета *Новое Время* обрушивается... на тѣхъ, кто остался и кто смѣлъ полагать, что выборы существуютъ именно затѣмъ, чтобы выбирать...

Это только комично. Но вотъ, поближе къ намъ, другая исторія, отмѣченная печатью глубокаго трагизма: «Въ уѣздномъ городѣ Арзамасѣ,—пишетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*,—съ 21 по 26 января, въ сессіи окружнаго суда, разбиралось интересное дѣло, которое вотъ уже около трехъ лѣтъ волнуетъ общественное мнѣніе и одно время рѣзко дѣлило верхніе слои губернскаго общества на различныя и даже почти враждебныя партіи. Читателямъ газетъ еще памятна злополучная исторія нижегородскаго александровскаго дворянскаго банка, нынѣ отданнаго во временное завѣдываніе правительства (что многіе считаютъ равносильнымъ ликвидаціи), вслѣдствіе многочисленныхъ растратъ, совершонныхъ ближайшими къ банку лицами и прикосновенность къ которымъ, не ограничиваясь директорами, охватываетъ: бывшаго губернскаго предводителя дворянства, съ одной стороны, и мелкихъ служащихъ, въ родѣ бухгалтера—съ другой. Система хозяйства, практиковавшаяся въ учрежденіи, нынѣ уже освѣщена съ достаточною полнотой: цифровое благополучіе, долго поддерживавшееся на счетъ вкладовъ, уплата за неисправныхъ плательщиковъ посредствомъ выдачи имъ изъ дополнительныхъ ссудъ,—все это достигло такой степени, что и теперь еще можно видѣть одно зданіе, купленное нынѣшнимъ владѣльцемъ *) съ публичнаго торга (за неплатежъ банку процентовъ) и тотчасъ же принятое въ залогъ *въ томъ же банкѣ* за сумму, почти вдвое высшую продажной цѣны. Несмотря на всѣ эти мѣры и даже, конечно, благодаря имъ, графа недоимокъ давала въ послѣніе годы цифры, возроставшія съ угрожающимъ постоянствомъ, и стала, наконецъ, возбуждать тревожное вниманіе: одинъ изъ бывшихъ директоровъ, положившій начало этой гибельной системѣ показнаго благополучія при полной внутренней несостоятельности, внесъ даже проектъ, сущность котораго сводилась къ общему повышенію оцѣнки дворянскихъ земель на одну треть, съ тѣмъ, чтобы изъ

---

*) Ф. Н. Шиповымъ.

выдаваемой на этомъ основаніи суммы покрыть запущенные платежи, а остальное выдать землевладѣльцамъ на руки. Авторъ этого печатнаго проекта приложилъ къ нему даже крайне соблазнительную таблицу, въ которой заключались разсчеты: сколько и какой неисправный плательщикъ можетъ получить «добавочныхъ платежей» за погашеніемъ всѣхъ недоимокъ по этому остроумному способу. Мы зашли бы очень далеко, если бы стали описывать въ подробностяхъ все это банковское дѣло, которому суждено еще служить предметомъ отдѣльнаго судебнаго разбирательства. Здѣсь же я коснулся этого обстоятельства лишь потому, что оно даетъ почву, на которой разыгралась настоящая судебная драма. Какъ въ растеніи съ худыми соками заводятся паразиты, такъ и въ дѣлѣ, поставленномъ ложно и опиравшемся много лѣтъ на дурные инстинкты хозяевъ, завелся съ неизбѣжностью закона свой паразитизмъ, въ видѣ уже прямыхъ и очень крупныхъ злоупотребленій, слухи о которыхъ стали проникать въ общество и печать. Въ 1889 г. открылись крупныя злоупотребленія нижегородскаго уѣзднаго предводителя дворянства М. П. Андреева, растратившаго около 50 тыс. рублей во всѣхъ ввѣренныхъ ему учрежденіяхъ. Въ томъ числѣ были роковыя для г. Андреева нѣсколько тысячъ земскихъ денегъ (онъ былъ предсѣдателемъ уѣздной управы), которыя, благодаря гласности земскихъ засѣданій, и обнаружены прежде другихъ. Когда эта растрата была заявлена гласно и дѣло клонилось къ оффиціальному ея констатированію,—были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы затушить начинающуюся исторію и, по связи, сначала не совсѣмъ понятной, за г. Андреева сталъ покрывать растраты александровскій банкъ. Денегъ затрачено, такимъ образемъ, много, въ томъ числѣ оказалось необходимымъ пополнить недостающія въ опекѣ сиротскія суммы, около трехъ десятковъ тысячъ. Эта странная роль, съ какою-то лихорадочною торопливостью навязанная банку бывшимъ предводителемъ дворянства И. С. Зыбинымъ, стала извѣстна публикѣ и не могла не встревожить вкладчиковъ. Общее вниманіе обратилось къ дѣламъ дворянскаго банка. Когда же И. С. Зыбинъ закрылъ въ дворянскую залу доступъ корреспондентамъ, о чемъ появились телеграммы, тревога достигла значительной степени и всѣмъ стало ясно, что въ дѣятельности банка должно быть не мало сторонъ, боящихся освѣщенія. Тогда появились впервыя значительныя требованія вкладовъ.

Въ это-то время, въ ночь съ 11 на 12 ноября 1889 года, въ имѣніи одного изъ директоровъ, Д. И. Панютина, въ деревнѣ Мерлиновкѣ, расположенной въ пресловутомъ Лукояновскомъ уѣздѣ, вспыхнулъ пожаръ, поглотившій давно бездѣйствовавшій, вслѣдствіе убыточности, винокуренный заводъ, застрахованный незадолго передъ этимъ значительно выше стоимости. Дѣло имѣло видъ почти несомнѣннаго поджога. Имѣніе оказалось заложеннымъ, съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ, въ томъ же александровскомъ банкѣ, гдѣ владѣлецъ былъ директоромъ, тоже въ суммѣ, превышающей значительно максимумъ, установленный для залоговъ этого рода. Существовало предположеніе, что, въ виду тревожнаго вниманія, обращеннаго на

дѣла банка, Д. И. Панютину необходимо было покрыть во что бы то ни стало эту незаконную разницу, и онъ рѣшился для этой цѣли на самое рискованное средство, лишь бы предстать на новыхъ выборахъ безъ этой слишкомъ ужь очевидной для всѣхъ помѣхи. Неудача же даннаго состава на предстоящихъ выборахъ должна была раскрыть многое, еще никому не извѣстное и никѣмъ не подозрѣваемое. Личность арендатора имѣнія Балакова—изъ тѣхъ, которыя принято называть темными,—«запрещенный» ходатай по дѣламъ, сомнительный дѣлецъ и несомнѣнный шулеръ,—наводила тоже на значительныя подозрѣнія: такимъ господамъ не ввѣряютъ веденіе расшатаннаго сельскаго хозяйства, но за то нѣтъ такого предпріятія, за которое не взялись бы такія руки. Прокуратура энергично принялась за это дѣло, подозрѣнія усилились, Балаковъ и его «сподручный», привезенный имъ въ имѣніе, Тимоѳеевъ, арестованы. Обаяніе же директора Панютина было таково, что онъ долго еще находился на волѣ и роль его въ «своемъ обществѣ» была роль угнетенной и страдающей жертвы, привлекшей къ себѣ всѣ симпатіи. Къ сожалѣнію, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, хроникеру этого періода въ жизни нашего края приходится отмѣчать факты хотя и побочные, но болѣе прискорбные, чѣмъ самое дѣло, подавшее къ нимъ поводъ. Болото всколыхнулось и тотчасъ же изъ глубины его выглянулъ специфическій продуктъ нашей жизни — ложный доносъ. Теперь, когда все пришло къ своему логическому концу и полной ясности, когда событія завершились,—стало извѣстно также, сколько гнусностей было написано и послано по этому поводу приверженцами могущественной еще партіи банковскихъ воротилъ, надѣявшихся на тайну и ядовитое дѣйствіе извѣтовъ. Такъ, одинъ изъ лукояновскихъ же землевладѣльцевъ, не ограничиваясь прокуратурой и слѣдственною властью, побужденія коихъ заподозривались вообще самымъ беззастѣнчивымъ образомъ,—*подалъ ложный доносъ даже на свидѣтелей по дѣлу,—доносъ, нынѣ выглянувшій на свѣтъ Божій;* эти цвѣточки, выросшіе на гноищѣ банковскаго хищенія, тоже въ свою очередь станутъ еще надолго предметомъ вниманія, и дай Богъ, чтобы общество наше вынесло изъ печальнаго урока всю заключенную въ немъ грустную мораль... Къ чести покойнаго нынѣ главнаго виновника всего дѣла, Д. И. Панютина, нужно сказать, что онъ лично не принималъ прямого участія въ этой гнусной стряпнѣ своихъ усердныхъ пріятелей... Между тѣмъ, дѣла шли своимъ порядкомъ, тайные доносы не могли закрыть явныхъ преступленій, слѣдствіе обнаружило, попутно, массу подлоговъ и злоупотребленій въ дѣлахъ банка и Д. И. Панютинъ взятъ подъ стражу.

«Дальнѣйшее извѣстно. На мѣстѣ губернской феерія, въ самыхъ блестящихъ банковско-аристократическихъ сферахъ водворилась трагедія. Когда *подлогъ* сталъ несомнѣннымъ фактомъ, *поджогъ* сдѣлался по меньшей мѣрѣ вѣроятностью, и общественное мнѣніе въ значительной части отвернулось отъ Д. И. Панютина. Тяжелое бремя, сразу навалившееся на баловня судьбы, смягчало, правда, обратившееся противъ него негодованіе. Жена его,

не вынеся позора, отравилась вскорѣ послѣ его ареста; затѣмъ, просидѣвъ около $1\frac{1}{2}$ года въ тюрьмѣ, самъ онъ умеръ отъ тифа. Умеръ также и другой директоръ, тоже отданный подъ судъ, по дѣлу уже чисто банковскому, П. А. Демидовъ. Въ Арзамасѣ же, за смертію главнаго подсудимаго, судили Балакова и Тимоѳеева.

«Вчера, 26 января, здѣсь получены телеграммы изъ Арзамаса и общество, съ лихорадочнымъ интересомъ слѣдившее за ходомъ процесса, узнало, что оба подсудимые, несмотря на защиту гг. Шубинскаго и Плевако, признаны виновными.

«Въ обществѣ ходили слухи, что на судѣ будетъ поставленъ также вопросъ о виновности Д. И. Панютина. Слухъ этотъ проникъ даже въ печать, и необходимость «суда надъ мертвымъ» мотивировалась, во-первыхъ, желаніемъ ближайшихъ родственниковъ очистить память покойнаго отъ лишняго пятна и, во-вторыхъ, гражданскими отношеніями, на почвѣ страхованія. Предположенія не оправдались: судъ не нашелъ возможнымъ посадить на скамью тѣнь умершаго рядомъ съ двумя живыми подсудимыми (какъ говорятъ, потому, что смерть послѣдовала ранѣе преданія суду). Какъ бы то ни было, тѣнь эта витала надъ всѣмъ процессомъ, освѣщая «побужденія» поджигателей и заполняя въ этомъ отношеніи пустоту, неизбѣжно долженствовавшую явиться въ цѣпи доказательствъ. Вопросы поставлены такимъ образомъ, что подсудимые обвинительнымъ вердиктомъ признавались виновными въ поджогѣ, совершонномъ «по соглашенію съ другимъ лицомъ, *съ цѣлью представить страхователю вознагражденіе за пожарные убытки*». Такимъ образомъ судъ разрѣшилъ этотъ сложный и запутанный процессъ, и первое дѣйствіе грустной банковской эпопеи закончено. Личность самихъ подсудимыхъ играла тутъ второстепенную роль, и хотя Балаковъ пытался постоянно связать свою участь и взять на себя нѣкое представительство,— но всѣ, конечно, понимали, что не эта ничтожная фигура заурядиаго червоннаго валета сосредоточиваетъ общее напряженное вниманіе...

«Оба подсудимые приговорены къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири.

«Такъ опустился занавѣсъ надъ первымъ дѣйствіемъ этой печальной губернской драмы, такъ кончился этотъ характерный процесъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ живыми, осуждена и тѣнь умершаго, быть можетъ,—прибавляетъ корреспондентъ,—самаго несчастнаго, но едва ли самаго виновнаго изъ несомнѣнно виновныхъ»...

Не правда ли, какая полная картина фамусово-молчалинскихъ распорядковъ? Банковскіе Фамусовы поощряли своихъ Молчалиныхъ, Молчалины кланялись и благодарили, ревизіи и выборы обращались въ формальность. Но такъ какъ «времена усложняются», то вдругъ эту гармонію нарушаетъ фигура корреспондента. Фигура въ нашей жизни, особенно провинціальной, совсѣмъ еще новая, не пріобрѣвшая настоящаго, бытоваго, общаго тона, и потому, конечно, сразу рѣжущая глаза, зловѣщая и ненавистная. Разумѣется, корреспондента удаляютъ. Мы помнимъ, въ первый разъ мы читали объ этомъ изгнаніи еще года 4 назадъ, т.-е. увы, еще тогда, когда пр

стальный взглядъ прессы и гласность могли бы многое спасти... Конечно, тогдашнему составу пришлось бы удалиться, но онъ могъ бы сдѣлать это довольно спокойно и даже... съ видомъ оскорбленнаго величія. Тогда еще можно бы было говорить и о придиркахъ, и объ инсинуаціяхъ, и о «радикализмѣ» провинціальной прессы, и о многомъ другомъ, не не было бы рѣчи о тюрьмѣ, о прокурорѣ, о мошенничествахъ, о прямыхъ подлогахъ и поджогахъ. Быть можетъ, директоръ Панютинъ теперь бы не умеръ, губернскій предводитель дворянства И. С. Зыбинъ не попалъ бы подъ судъ, а оба жили бы въ болѣе скромной роли или на покоѣ, въ своихъ усадьбахъ, ѣздили бы другъ къ другу въ гости, играли бы мирно въ винтъ, ворчали бы на испорченность мужика и на свободу, данную нигилистамъ-корреспондентамъ, а можетъ быть даже дѣлились бы съ княземъ Мещерскимъ результатами своего опыта и своихъ думъ... Идиллія!...

Увы, корреспонденты были изгнаны, а времена все усложнялись и усложнялись до такой степени... Да вотъ вы видѣли, до какой степени они усложнились и какая изъ всего этого, вмѣсто идилліи, вышла печальная, даже страшная и потрясающая трагедія.

Намъ, вѣроятно, придется еще говорить объ этомъ дѣлѣ современемъ, и тогда читатель увидитъ, что и здѣсь не обошлось безъ защитниковъ банковской добродѣтели въ печати. А пока маленькая мораль:

Когда хищеніе стало уже совершившимся фактомъ, роль печати—совершенно второстепенная, роль болѣе или менѣе скорбящаго лѣтописца, такъ какъ здѣсь уже прокуроръ и судебный слѣдователь вступаютъ въ отправленіе своихъ грустныхъ обязанностей, всецѣло завладѣвая матеріаломъ. Истинная же задача мѣстной публицистики—стоять на стражѣ законнаго порядка повсюду. Это, такъ сказать, задача предупредительная, нравственно-санитарная. Печать преслѣдуетъ «возможности», исправляетъ условія, способствующія зарожденію, благопріятствующія развитію микробовъ хищенія. А эти условія—халатность, домашность, кумовство, смѣшеніе своего кармана съ общественнымъ, наконецъ, отсутствіе отчетности и контроля. У насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто смѣшиваютъ контроль съ подозрѣніемъ, а ревизію—съ оскорбленіемъ. «Помилуйте, многоуважаемый нашъ Иванъ Иванычъ! Какая ревизія? Мы такъ увѣрены, такъ глубоко васъ уважаемъ...» Почтенный Иванъ Ивановичъ тронутъ, благодаренъ и приглашаетъ ревизоровъ къ завтраку. И ревизія по традиціи обращается въ формальность, и дѣйствительно десять добродѣтельныхъ Иванъ Иванычей ведутъ дѣла чисто. Но вотъ у одиннадцатаго Иванъ Иваныча (онъ не то, чтобы порóченъ, а немного «запутался») дѣло кажется уже что-то сомнительно. А какъ тутъ станешь ревизовать, когда ему хорошо извѣстны традиціи?... «Помилуйте,—оскорбляется онъ при первомъ намекѣ,—неужели вы меня подозрѣваете? Значитъ, я уже въ вашихъ глазахъ мошенникъ? Благодарю, очень, очень благодаренъ! А еще считалъ васъ друзьями...» И онъ правъ: такъ какъ ревизія составляетъ нѣкоторое исключеніе, спеціально къ нему примѣненное, то въ ней нельзя не видѣть и подозрѣнія, и

оскорбленія... И вотъ, пока ревизоры собираются съ мужествомъ, пока они побѣждаютъ въ себѣ инерцію халатной традиціи и церемонности, Иванъ Ивановичъ (запутавшійся окончательно) съ отчаяніемъ очищаетъ кассу до конца и говоритъ послѣ этого: теперь—ревизуйте... И вотъ гг. ревизоры сначала стоятъ надъ пустымъ ящикомъ, а потомъ садятся на скамью подсудимыхъ, гдѣ ихъ, впрочемъ, навѣрное, оправдаютъ: всѣ мы слишкомъ чувствуемъ за собой то же благодушіе, чтобы осудить за это своего ближняго...

Вотъ почему истинная роль прессы—преслѣдовать не столько самое хищеніе, сколько эту безконтрольность и халатность по отношенію даже къ самымъ добродѣтельнымъ людямъ.

Это не мѣшаетъ принять въ соображеніе, наприм., *Московскимъ Вѣдомостямъ* по отношенію къ ихъ полемикѣ по вопросу о чижовскомъ капиталѣ, завѣщанномъ на дѣло техническаго образованія въ Костромской губерніи. Оказывается, что дѣло, на которое завѣщаны огромныя деньги, двигается слишкомъ медленно и, главное, въ потемкахъ. Земское и дворянское собранія губерніи рѣшили ходатайствовать объ истребованіи отчета, который бы освѣтилъ положеніе этого важнаго для населенія вопроса, г. Колюпановъ сообщилъ объ этомъ въ *Русскія Вѣдомости,* а *Московскія Вѣдомости* обрушились и на газету, и на корреспондента... Оказывается, что гг. попечители не растратили капиталовъ? Превосходно! Но кто же говорилъ, что они растратили? Но они вели безгласно дѣло, подлежащее общественному контролю, а это само по себѣ—проступокъ, подлежащій газетному обличенію. Если воображеніе читателя бѣжитъ дальше того, что напечаталъ г. Колюпановъ, то виноваты сами гг. душеприкащики, потому что всюду, гдѣ темнота, зарождаются подозрѣнія... Но *Московскія Вѣдомости* не хотятъ этого понимать и кричатъ о какомъ-то «радикализмѣ» г. Колюпанова, который, по ихъ догадкамъ, долженъ непремѣнно нравиться *Русскимъ Вѣдомостямъ*... Слѣдовало бы бросить это «чтеніе въ сердцахъ» и за то внимательнѣе разбирать по печатному...

Слѣдовало бы остановиться еще кое на чемъ изъ міра провинціальной прессы, но приходится отложить. Да и ничего, признаться, особенно пріятнаго читателю узнать не предстояло. Окидывая прощальнымъ взглядомъ накопившіеся по этому предмету матеріалы, вижу, что въ Астрахани «редакторъ» г. Зеленскій учинилъ въ клубѣ огромный дебошъ. Вспоминаю: это тотъ самый г. Зеленскій, который самъ нѣкогда наложилъ «пріостановку» на свою газету, чтобъ избавиться отъ нѣкоторыхъ обязательствъ передъ сотрудниками... Далѣе, другой редакторъ (газ. *Наръ-Даръ*) избилъ изв[illegible]щика... третій... ну, Богъ съ ними! Нужно бы и можно бы сказать мно[illegible]о по этому поводу, и, между прочимъ, поставить вопросъ: почему это, п[illegible]и не особенно-таки блестящемъ положеніи провинціальной прессы, гг. изд[illegible]тели и редакторы чувствуютъ себя такими «героями»? Откуда этотъ н[illegible]обычайный ражъ, этотъ избытокъ самоувѣренности, точно въ самомъ дѣ[illegible]ѣ генералы?... Почему это провинціальный сотрудникъ въ большинствѣ, [illegible]ь

среднемъ—человѣкъ слишкомъ ужь маленькій, скромный, но за то симпатичный и почтенный, сохраняющій съ благоговѣніемъ, доходящимъ порой до трогательной наивности, высокое представленіе о своей со всѣхъ сторонъ урѣзанной миссіи, а редакторъ-издатель слишкомъ ужь часто несетъ голову высоко и порой суетъ руками, куда не слѣдуетъ?... Есть на то свои основанія и когда-нибудь мы еще вернемся къ этому вопросу, а пока скажемъ только, что одни и тѣ же причины принижаютъ провинціальнаго сотрудника и «подбираютъ», для роли издателей и владыкъ провинціальнаго слова, героевъ вродѣ г. Зеленскаго или воинственнаго редактора *Наръ-Дара*...

До сихъ поръ, какъ видитъ читатель, мы оставались въ предѣлахъ вопросовъ чисто-литературныхъ (воинственные редакторы, конечно, не въ счетъ). Теперь съ нѣкоторою робостью подхожу я къ вопросамъ, хотя тоже близкимъ литературѣ, но уже входящимъ въ область «высшей газетной политики»...

Я спрашиваю себя: слѣдуетъ ли мнѣ говорить объ отголоскахъ французской Панамы въ Россіи? Боюсь, что читатель рѣшилъ уже этотъ вопросъ отрицательно: какое дѣло «провинціальному» наблюдателю до такихъ «столичныхъ» обстоятельствъ? Вѣдь, въ провинцію-то, навѣрное, панамскіе фонды никоимъ образомъ не залетали.

Позволяю себѣ возразить: почему, однако, провинціальному наблюдателю не обозрѣть порой и столицъ, если столичные обозрѣватели то и дѣло обозрѣваютъ провинцію? Возьмите хоть князя Мещерскаго: онъ ли не столичный житель, а чего только не намудрилъ относительно жизни провинціальной! Вы скажете, что къ нему въ редакцію то и дѣло являются на поклонъ разные «практически умные» провинціальные люди и сообщаютъ ему самые «свѣжіе» взгляды, привезенные прямехонько изъ Чухломы или Царевококшайска, положимъ. Но развѣ къ намъ, въ провинцію, не залетаютъ порой, и даже часто, самые свѣжіе столичные жители, прямо съ Невскаго проспекта?... Однимъ словомъ, правъ я или не правъ въ этомъ случаѣ, но предупреждаю, что, несмотря на свой провинціальный псевдонимъ, я намѣренъ и нынѣ, и впредь касаться невозбранно всѣхъ вопросовъ текущей жизни, не зарекаясь даже и такихъ, которые витаютъ въ сферахъ самой высокой газетной политики.

Признаюсь, однако, что на первый разъ испытываю большую робость. «Высшая политика»... Боже мой, какая это трудная, деликатная, можно даже сказать—«заграничная» вещь! «Русскій народъ—не народъ политикъ»,—сказалъ, если не ошибаюсь, г. Хомяковъ, а принцъ іомудскій у Щедрина подтвердилъ это на свой ладъ, говоря о Москвѣ: «Hourra toujours, politique—jamais». Первая фраза произносилась славянофилами съ умиленіемъ, отъ изреченія іомудскаго высочества разитъ острымъ сарказмомъ,—однако, оба афоризма констатируютъ фактъ, не подлежащій спору.

Однако, въ послѣднее время извѣстная часть печати какъ будто опро-

вергаетъ эти афоризмы и дѣлаетъ свою политику съ большимъ апломбомъ и шумомъ, ставя это себѣ въ великую заслугу. Признаюсь, мнѣ кажется, что, исполняя слишкомъ усердно первую половину іомудскаго афоризма и пользуясь правомъ кричать «hourra» въ дозволенныхъ случаяхъ, печать смѣшиваетъ это съ политикой. Или... или ужь это я «провинціальный» ничего тутъ не понимаю?

И дѣйствительно, должно быть, не понимаю. Уже «внутренняя» политика иныхъ большихъ газетъ представляетъ для насъ, «провинціальныхъ наблюдателей», лабиринтъ почти непостижимый. Читаемъ мы, напримѣръ, газету *Гражданинъ* и видимъ цѣлый рядъ статей, написанныхъ горячо, на основаніи самыхъ «свѣжихъ» мнѣній «практически-мудрыхъ» лицъ и даже земскихъ начальниковъ, и доказывающихъ весьма настойчиво необходимость для нашей земледѣльческой страны—министерства земледѣлія. Вспоминаю: государственные умы, открытые г. Шараповымъ въ изобиліи въ дворянскихъ усадьбахъ различныхъ уѣздовъ, дѣлились съ нимъ тою же завѣтною думой, а г. Шараповъ восторженно оповѣщалъ объ этомъ *urbi et orbi*. Ну, думаемъ мы, въ провинціи: не миновать, будетъ у насъ министерство земледѣлія. И князь Мещерскій, и г. Шараповъ, и уѣздные государственные мужи, и практически-мудрые земскіе начальники... Непремѣнно будетъ. Представьте же себѣ послѣ этого общее наше, провинціальныхъ наблюдателей, смущеніе и конфузъ, когда въ томъ же *Гражданинѣ* тотъ же князь Мещерскій вдругъ сообщаетъ намъ, что онъ «задумался о томъ: да нужно ли намъ, въ самомъ дѣлѣ, министерство земледѣлія?» Вотъ те, бабушка, и Юрьевъ день, удивляемся мы, непосвященные. Неужели же у князя Мещерскаго не было времени задуматься ранѣе написанія цѣлаго ряда статей, гдѣ онъ доказывалъ именно настоятельную надобность сего учрежденія? И неужели почтенный князь всегда пишетъ ранѣе, а думаетъ уже послѣ? Не лучше ли было бы поступать какъ разъ обратно, или ужь выставлять подъ статьями небольшія примѣчанія: «Писано не подумавши. Можетъ, еще отмѣню». Такъ бы и знали. Читаемъ, однако, далѣе и, конечно, узнаемъ, что явился какой-нибудь новый «практически-умный человѣкъ изъ провинціи» и тоже не желаетъ министерства. Ну, это, положимъ, напрасно: если слушать каждаго практически-умнаго человѣка, пріѣхавшаго изъ провинціи, да тотчасъ же печатать... помилуйте, да, вѣдь, это газета обратится въ сборникъ всяческой ахинеи. Вѣдь, это вамъ, князь, въ диковинку, а мы-то, провинціалы, отлично знаемъ этихъ господъ. Пустые люди, повѣрьте, и ни одна порядочная провинціальная газета не станетъ ихъ разглагольствій печатать иначе, какъ въ отдѣлѣ курьезов[illegible] Но что всего печальнѣе, это то, что, вѣдь, ихъ стоитъ только привадит[illegible] отбою не будетъ! И все съ проектами. Правда, это и удобно, однако, неудобно: нужно министерство, и туча «практически-умныхъ» валитъ [illegible] редакцію, рекомендуется и гвоздитъ съ важнымъ видомъ: «Министерст[illegible] намъ нужно. Помилуйте, мы люди земли, практически мудрые, свободн[illegible] отъ наукъ,—видимъ ясно». Но... стоило князю задуматься—и къ усл[illegible]

тамъ новая тьма практически-умныхъ: не нужно министерства. Помилуйте, да, вѣдь, это голова пойдетъ кругомъ, и, право, мнѣ искренно жаль князя Мещерскаго. Положимъ, есть средство. Нѣкій тоже весьма умный и, притомъ, древній старецъ говорилъ одному человѣку, отличавшемуся гораздо болѣе стремительностью въ высказываніи мнѣній, нежели основательностью оныхъ:

— Другъ! Когда вознамѣришься высказать или написать, а тѣмъ паче предать тисненію какое-либо сужденіе по предмету не маловажному, то прежде размысли хорошенько: нѣтъ ли у тебя еще другого мнѣнія по тому же предмету и, притомъ, прямо противнаго, которое ты уже объявилъ вчера или можешь объявить съ такою же рѣшительностью завтра. При самомалѣйшемъ хотя бы подозрѣніи, что таковое мнѣніе существуетъ, прикуси языкъ твой, спрячь письменную трость и не оскверняй напрасно папируса... Такъ воздерживайся въ теченіе трехъ смѣнъ дня и ночи. По истеченіи же этого срока обдумай вопросъ сначала и тогда, быть можетъ, ты неожиданно убѣдишься, что у тебя нѣтъ вовсе никакого воззрѣнія на этотъ предметъ, поелику ты еще не постигъ мудрости...

«Это-то и будетъ сама истина!...»

Рецептъ, по-моему, очень хорошій, во всякомъ случаѣ, приводитъ къ результатамъ болѣе плодотворнымъ, чѣмъ слишкомъ усердная бесѣда съ мудрецами, пріѣхавшими изъ провинціи (охъ, знаемъ мы ихъ! Право, знаемъ!). И я уже хотѣлъ въ свою очередь явиться въ редакцію къ почтенному князю (я, вѣдь, тоже изъ провинціи!), чтобы предложить ему это наставленіе (зашить въ ладонку и читать по субботамъ), какъ вдругъ прочиталъ еще одну статью и сталъ догадываться. Пишетъ какой-то господинъ «Страдающій»... не за правду ли, какъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ? Нѣтъ, страдаетъ онъ потому, что на свѣтѣ, кромѣ земскихъ начальниковъ, есть уѣздные члены и—не къ ночи будь сказано—прокуроры... А за ними еще—храни Господи!—законъ. Ужъ и досталось же этимъ господамъ, Боже мой! Ну, а министерство земледѣлія при чемъ? А при томъ, что его не нужно. Но почему? А потому, что... ну, вдругъ эти самые ненавистные господа попадутъ въ это министерство или же имъ подобные другіе? Не вѣрите? А, вѣдь, это именно такъ и напечатано въ статьяхъ «Страдающаго», появившихся, начиная съ 13 № почтенной газеты за нынѣшній годъ, и озаглавленныхъ такъ: *Спасетъ ли насъ министерство земледѣлія?* Правду сказать, я и самъ думалъ, что не спасетъ, думалъ даже въ то время, когда князь Мещерскій увѣрялъ въ противномъ. «Государство,—пишетъ «Страдающій» авторъ въ томъ же № *Гражданина*,—сильно обѣднѣло, и одна половина его съ безплоднымъ усиліемъ тщетно царапаетъ свои захудалыя нивы въ конецъ замореннными лошаденками, а другая, потерявъ всю надежду на лучшее будущее, неудержимо рвется куда-нибудь на переселеніе, безъ сожалѣнія бросая свои давно насиженныя хозяйства. Вотъ что мы видимъ передъ собою и теперь,—спрашивается, можетъ ли всѣ эти раны уврачевать одно лишь министерство, министерство земледѣлія?»

Гдѣ ужъ! Я и самъ, повторяю, думалъ, что министерствомъ никакъ не помочь, въ особенности же *однимъ* министерствомъ. Но теперь, положительно, не знаю, что и думать,—до такой степени огорченъ дальнѣйшею аргументацiей «Страдающаго» господина и самого князя Мещерскаго. Помилуйте, на что это похоже? «Если назначать формалистовъ!» Ну, а если не назначать? Вѣдь, этакъ можно, наконецъ, усомниться во всемъ. Нужны ли исправники и становые? Не нужны, ибо могутъ попасть въ становые формалисты, какъ это случилось въ одномъ уѣздѣ, по сосѣдству съ нѣкоторымъ практически-умнымъ человѣкомъ. Нужны ли губернаторы? Увы, другой практически-умный видѣлъ на губернаторскомъ мѣстѣ такого формалиста, что упаси Богъ! Да, вѣдь, этакъ понемногу можно договориться до отрицанія самого института земскихъ начальниковъ, потому что, вѣдь, все-таки... издано и для нихъ что-то такое... формальное. Нѣтъ, это просто бѣда, и меня нисколько не утѣшаетъ даже успокоительная замѣтка самого князя Мещерскаго въ № отъ 3 января:

«Нѣкоторые читатели,—пишетъ его сіятельство,—выражаютъ какъ будто свое удивленіе по поводу того, что̀ я недавно писалъ въ своемъ *Дневникѣ* касательно министерства земледѣлія, и находятъ въ немъ противорѣчіе съ тѣмъ, что *будто бы* (нѣтъ, не будто бы,—охъ, не будто бы, князь!) говорилось у меня въ газетѣ прежде о необходимости министерства земледѣлія.

«Я не отрицаю (вотъ видите! И какъ эти «будто бы» сами подъ перо лѣзутъ!), что есть противорѣчіе между тѣмъ, что неоднократно (вѣрно сказано) у меня говорилось въ газетѣ, съ тѣмъ, что я высказываю относительно этого вопроса, но дѣло въ томъ, что читатели не должны удивляться этому противорѣчію, а еще менѣе смущаться имъ (какъ же, помилуйте, не смущаться?)

«Не бѣда, коли издатель газеты по важному вопросу находится въ противорѣчіи съ тѣмъ или другимъ своимъ сотрудникомъ; *не бѣда даже, если сегодня онъ оказывается въ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ самъ говорилъ по вопросу вчера;* но бѣда въ томъ, если онъ очутится въ противорѣчіи съ жизнью, и съ ея выдающимися потребностями, или ея поучительными фактами...»

Вотъ тутъ и не смущайтесь: вѣдь, если разъ сказалъ *да*, а другой *нѣтъ* по одному и тому же, да еще «важному» вопросу, то значитъ непремѣнно «сталъ въ противорѣчіе съ жизнью». Ужь какъ тамъ ни вертись, а не можетъ даже наша русская жизнь улечься сразу въ два противуположныя рѣшенія... И, притомъ, такая удивительная и, даже можно сказать, скользкая аргументація. Мнѣ, признаюсь, приходила въ голову мысль: ужь не хочетъ ли г. «Страдающій» сказать, что государство Россійское окончательно уже не способно доставить никого, кромѣ однихъ формалистовъ?... Ой-ой-ой, подумалъ я при этомъ, какіе же они съ почтеннымъ княземъ... либералы!

Ну, да нѣтъ, не такіе люди! Теперь я понимаю, что ошибался и былъ

несправедливъ. Одинъ мой пріятель, изъ тѣхъ, что всегда бываютъ подъ рукой у каждаго обозрѣвателя, какъ «практически-умные» въ редакціи *Гражданина*, объяснилъ мнѣ все одною коротенькою замѣткой въ томъ же *Гражданинѣ*: «Ужь сколько разъ твердили міру, — писалъ въ № 25 той же газеты нѣкто «Скептикъ»,—что пора бы озаботиться кому-нибудь приведеніемъ въ должный видъ и порядокъ «орѳографіи... вывѣсокъ...» Далѣе слѣдовало «политическое» соображеніе о томъ, что, вѣдь, Петербургъ—столица Русскаго царства и, наконецъ, практическій проектъ: «возложить наблюденіе за этимъ на податныхъ инспекторовъ» (право, все именно такъ и напечатано).

Все это, конечно, справедливо въ высокой степени и въ той же высокой степени утѣшительно, ибо черезъ нѣсколько дней мы узнали изъ газетъ, что петербургскимъ градоначальникомъ обращено на сей вопросъ должное вниманіе, и орѳографія вывѣсокъ въ столицѣ Россійскаго государства исправляется мѣрами полиціи.

— Лестно? — спросилъ меня послѣ этого мой пріятель, изъ тѣхъ, что всегда бываютъ подъ руками у обывателей.

— Конечно,— отвѣтилъ я,—*воздѣйствіе литературы на жизнь*. Это всегда пріятно.

— Такъ; а увѣренъ ли ты, что тутъ воздѣйствіе литературы на жизнь, а не обратно?

— Это какъ?

— Да такъ. Возможно, что г. градоначальникъ заимствовалъ идею у *Гражданина*, но, вѣдь, возможно и обратное: могъ, вѣдь, и г. Скептикъ узнать кое-что о намѣреніяхъ полиціи по отношенію къ орѳографіи и... ты понимаешь?

— Да, конечно... Однако, не думаю. Воздѣйствіе литературы на жизнь...

— Ну, положимъ, и я не думаю. Однако, сознайся, что самое предположеніе многое объясняетъ. Въ томъ числѣ и противорѣчія князя Мещерскаго съ самимъ собою...

— Это какъ же?

— А очень просто: политика! Высшая политика и воздѣйствіе на жизнь...

— Но, вѣдь, для воздѣйствія на жизнь нужна именно устойчивость взглядовъ и твердость въ разъ высказанномъ мнѣніи...

— Ну, это не то... Можно добиться тѣхъ же результатовъ другими путями. Узналъ, что *тамъ* задумали министерство, и кричи, какъ пѣтухъ на зарѣ: нужно, нужно! И всѣ «практически-умные» тоже станутъ кричать, что нужно. Будетъ министерство и вся Россія скажетъ: однако! Вѣдь, это идея князя Мещерскаго проведена въ жизнь (и, конечно, Россія ошибется: г. Зубовъ съ г. Шараповымъ бесѣдовалъ объ этомъ еще ранѣе въ городѣ Василѣ, Нижегородской губерніи). Ну, а когда *тамъ* вѣтеръ подулъ въ другую сторону... князь Мещерскій задумался и объявилъ: не нужно. И всѣ «практически-умные» тоже: не нужно! И опять Россія думаетъ: а, вѣдь, это оттого нѣтъ министерства, что князь Мещерскій раздумалъ. Это, вѣдь, онъ

дѣлаетъ у насъ внутреннюю политику... Вотъ видишь. А вамъ, писателямъ, опять лестно. Печать—великая сила!

Пожалуй... Можетъ, это и не такъ, но, вѣроятно, такъ. Дѣйствительно, нерѣдко именно такова наша частная политика и наше воздѣйствіе на жизнь. Но, вѣдь, это очень грустно: во-первыхъ, послѣ этого намъ, скромнымъ провинціальнымъ труженикамъ, нѣтъ уже ни малѣйшей надежды разобраться когда-нибудь въ мнѣніяхъ нашихъ старшихъ собратій: можетъ быть, мнѣніе, а, можетъ быть, и... воздѣйствіе на жизнь.

Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ... за что же бы намъ въ такомъ случаѣ стали давать деньги изъ панамскихъ фондовъ?

Вотъ! Это настоящее, это тотъ предметъ, передъ которымъ я такъ робѣю, что прежде, чѣмъ подойти къ нему, написалъ, какъ видите, длинное и не совсѣмъ идущее къ дѣлу отступленіе. Положимъ, я хотѣлъ уяснить, до какой степени затруднительна и даже проблематична высшая политика, даже и внутренняя. Что же говорить о политикѣ внѣшней? Тутъ ужъ поистинѣ совершенно и окончательно все для насъ, простаковъ, непонятно. И если бы я не былъ въ дѣлѣ лично заинтересованъ, повѣрьте, никогда бы этого предмета не коснулся.

Написалъ и испугался. А вдругъ г. Делагэ или Моресъ, или, наконецъ, кто-либо изъ своихъ спеціалистовъ по панамской части подхватятъ это признаніе и скажутъ, что я хочу... прихвастнуть, будто я-то и есть тотъ *magnus ignotus*, въ чей карманъ попали сотни тысячъ франковъ, о которыхъ пока знаетъ одинъ господинъ де-Ціонъ?... Не бойтесь, читатель, я не прикоснулся, и меня пока еще никто въ томъ не обвиняетъ. Иначе, развѣ я сталъ бы проводить безвѣстную жизнь въ глухой провинціи, въ презрѣнномъ прозябаніи? Ахъ, нѣтъ! Ежели бы я прикоснулся или бы меня въ этомъ заподозрилъ г. Делагэ... я бы теперь былъ, пожалуй, счастливѣйшій изъ смертныхъ. Во-первыхъ, я не прозябалъ бы въ Пошехоньѣ или Чебоксарахъ, а обращалъ бы на себя всеобщее вниманіе въ столицѣ міра. Мои портреты появились бы въ *Иллюстраціяхъ*, я грозилъ бы пальцемъ не только какому-нибудь Клемансо, но цѣлой слѣдственной коммиссіи: смѣйте только огорчить меня—и франко-русскаго союза какъ не бывало. Тройственный союзъ—вотъ кто взводитъ на меня это счастливое (то бишь это позорное) обвиненіе... Вся Россія за мною... и т. д. «Мосье, — отвѣтили бы мнѣ,—вы прикоснулись... то бишь, вы не касались. Вся Франція (toute la France) свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе (son estime)... Я въ свою очередь постановилъ бы тоже болѣе или менѣе милостивую резолюцію. Messieurs,—сказалъ бы я,—въ моемъ лицѣ вся Россія (toute la Russie, la sainte Russie en ma personne) или хоть скромнѣе: господа, въ моемъ лицѣ вся россійская пресса одобряетъ и васъ, и ваше якобы правительство (уступка князю Мещерскому), хотя... чортъ меня побери (que diable m'emporte) если всѣ вы не прикоснулись каждый на свою долю (chacun à sa part). Затѣмъ пожалъ бы имъ всѣмъ руки и помчался на телеграфъ, чтобы успокоить дорогое отечество, которое съ трепетомъ ждетъ отъ меня извѣстій

Столь блестящъ былъ бы мой жребій, если бы я прикоснулся или хоть былъ бы заподозрѣнъ Делагэ или Кассаньякомъ. Но такъ какъ ничего подобнаго со мной не случилось, то, ради Бога, не объясняйте черною завистью того, что мною будетъ написано ниже.

Прежде всего, я хочу и даже мнѣ необходимо установить тотъ фактъ, что я, провинціальный наблюдатель, рѣшительно ничего во внѣшней политикѣ не понимаю. Есть, должно быть, и тутъ своего рода «воздѣйствіе на жизнь». Надо думать, что есть, по крайней мѣрѣ, превращенія происходятъ у меня на глазахъ самыя волшебныя. Возьмемъ хоть Болгарію. Во-первыхъ, мы ее спасали. Это мнѣ извѣстно (ходили наши солдатики, разсказываютъ безъ всякой политики); во-вторыхъ, оказалась она такой, съ позволенія сказать, свиньей (грубо, но пока еще можно), что и спасать-то ее, пожалуй, не стоило. Напустила къ себѣ нѣмцевъ и семинаристовъ, а тѣ окончательно замутили и забунтовали. Ужь и людишки! Съ какимъ негодованіемъ читалъ я, напримѣръ, захватывающія духъ корреспонденціи *Русскаго Странника* въ *Новомъ Времени* (или, можетъ, еще въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, точно теперь не упомню, но номера, на случай пари, разыскать могу). Можно сказать, чортъ знаетъ что, а не люди. Каравеловъ, напримѣръ, бывшій министръ... Немытый, нечесаный, лохматый. Ногти въ траурѣ, рубаха грязная. Пригласили *они* г-на Странника для частной бесѣды, такъ, вѣдь, онъ револьверомъ предварительно вооружился (а то, вѣдь, тамъ по-болгарски: сейчасъ въ палки, вмѣсто приличнаго разговора). И писать-то этотъ Каравеловъ едва умѣетъ: фамилію свою подписываетъ и то съ ошибками. Однимъ словомъ: Петка!

Хорошо. На этомъ я и утверждаюсь. И вдругъ — неожиданность. Судятъ этого самаго Каравелова военнымъ судомъ, читаю въ томъ же *Новомъ Времени* отчетъ, и что же вижу? Сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ Каравеловъ. Умытъ, причесанъ, ногти чистые, рубашка бѣлая. Это, конечно, еще ничего: умыться, причесаться и ногти остричь недолго, а вотъ что странно: уменъ, образованъ и, вдобавокъ, «нравственная высота» этого человѣка, по словамъ *Новаго Времени*, импонируетъ даже предсѣдателю военнаго суда,—господину, замѣтьте, какъ разъ того типа, какимъ прежде изображался Каравеловъ. Вотъ и разбирайтесь опять въ этой «внѣшней политикѣ». Разумѣется, ни за что не разберетесь! А то еще въ № 53 (1892 г.) *Московскихъ Вѣдомостей* нѣкто г. Генчичъ разоблачаетъ нѣкоего Зегера, который корреспондировалъ (изъ-за границы, конечно), въ *Гражданинѣ* подъ псевдонимомъ «Русскій», а въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* подъ псевдонимомъ «Сербъ». Это, конечно, позволительно. Но удивительно вотъ что: «Сербъ» ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ «Русскаго», Русскій ругалъ Серба, и оба (т.-е. все тотъ же Зегеръ) въ одной газетѣ чернилъ однихъ славянскихъ дѣятелей, въ другой другихъ, защищая, наоборотъ, очерненныхъ... И обѣ газеты, видныя консервативныя газеты, научающія меня патріотизму и установляющія мои отношенія къ братьямъ-славянамъ, печатали эти жгучія статьи безвѣстнаго проходимца и

ругались взаимно, пока не пришелъ г. Генчичъ и не открылъ обѣимъ газетамъ глаза... Смотрите, да, вѣдь, это все онъ, Зегеръ, устанавливаетъ вашу славянскую политику!

И это—политика... Нѣтъ, какъ хотите, это чортъ знаетъ что, а не политика!

Прочитайте рѣчи Гладстона объ ирландскомъ самоуправленіи. Мы столько кричали объ утѣсненіи Ирландіи коварнымъ Альбіономъ, мы проливали надъ ней слезы сочувствія (поли-ти-ка)! Теперь англичанинъ и несомнѣнный патріотъ, отдающій послѣднія силы великимъ вопросамъ своей родины,—говоритъ въ лицо своему народу горькую правду: вы нарушили условія, на которыхъ Ирландія заключила съ вами унію. «Обѣщаній, данныхъ при уніи, вы не выполнили. Вознагражденіе, которымъ было куплено возсоединеніе или которое помогло исторгнуть его отъ Ирландіи, никогда не было выплачено *и нарушенное обязательство записано,—и, къ несчастію, записано неизгладимо,—въ исторіи вашего отечества»*... И народъ, которому кидаютъ въ глаза такія обвиненія, апплодируетъ или слушаетъ въ глубокомъ вниманіи, потому что чувствуетъ подъ этимъ горькую правду, потому что человѣкъ, англичанинъ, стоящій нынѣ у власти, никогда не льстилъ его инстинктамъ и всегда говорилъ правду. Вотъ когда слово является дѣйствительно орудіемъ политики въ истинномъ и великомъ значеніи слова!

Ну, это я такъ... Конечно, масштабъ не подходящій, но, вѣдь, и въ маленькомъ масштабѣ нужно не что-нибудь другое, а мужество и неуклонное служеніе истинѣ. Насъ не призовутъ къ власти, насъ не сдѣлаютъ Гладстонами и практическая политика съ ея отвѣтственностью,—хорошо тамъ это или дурно, — не въ нашихъ рукахъ. Ну, и слава Богу. Тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ слову: говори, по возможности, правду,—тутъ и вся политика, а чаша отвѣтственности тебя миновала...

Наконецъ, самая прямая политика развѣ не требуетъ знанія настоящей истины? Развѣ не правильнѣе сказать своему народу: смотрите, вотъ противникъ умный, энергичный и честный? Онъ преданъ своей идеѣ, а интересы своего народа понимаетъ такъ-то, и вотъ въ чемъ они не совпадаютъ съ нашими, и вотъ, поэтому, причина раздора и вотъ гдѣ опасность... А мы... У насъ и до сихъ поръ въ ходу старая пѣсня о воеводѣ Пальмерстонѣ, которую мы горланили до тѣхъ поръ, пока насъ не побили въ крымскую кампанію, а теперь кое-гдѣ, кое въ какихъ органахъ заводимъ снова... Очевидно, *Новое Время*, напримѣръ, съ г. Русскимъ Странникомъ воображали, что выполняютъ дѣло нивѣсть какой патріотической пробы, внушая мнѣ, провинціальному наблюдателю, и моимъ добрымъ компатріотамъ пріятную увѣренность, что насъ огорчаютъ въ Болгаріи одни полуграмотные и даже нечесаные семинаристы... Къ чему это? Кому это нужно, и не стыдно ли, когда затѣмъ приходится по требованію новой политики самимъ же разоблачать эти дѣтски-наивныя измышленія и собственноручно причесывать вчерашнихъ дикарей?... Удивительный патріотизмъ глубокомысленная политика!

А результаты? Да все идетъ своимъ чередомъ, порой и даже нерѣдко ошеломляя доморощенныхъ политиковъ въ сферѣ дѣйствительныхъ политическихъ фактовъ. Единственный же результатъ участія прессы въ политикѣ активной тотъ, что, быть можетъ, нигдѣ такъ мало не знаютъ славянъ, какъ у насъ, и ни о комъ мы такъ мало не знаемъ, какъ о славянахъ. Безпристрастнаго взгляда, толковаго изложенія, — чего хотятъ они, чего добиваются, къ чему стремятся, чѣмъ недовольны въ нашей политикѣ,—не ждите. Одни ругательства, и какая-то казарменная пачкотня, безсмысленная и каррикатурная. А попробуйте выразить сомнѣніе или сказать слово не въ тонъ... Измѣна!

Все это я, однако, говорю лишь къ тому, чтобы какъ можно прочнѣе установить, что я-то, провинціальный наблюдатель, во всей этой политикѣ ровно ничего не понимаю и, значитъ, имѣю право разсчитывать, чтобы мои собратія въ столичной прессѣ, знающіе (Богъ съ ними!) и дѣлающіе оную, оставляли меня въ покоѣ. Но они именно не оставляютъ, и я то и дѣло оказываюсь заинтересованнымъ лицомъ, то и дѣло стою на краю бездны позора и трепещу вотъ уже мѣсяца два ежечасно: а что, если... внезапно я въ эту бездну обрушусь?

Спрашивается: за что и съ какой стати?

Дѣло это, такъ близко меня затронувшее (лично), завязывается на почвѣ франко-русскаго союза. Не я его, признаться, заключалъ, да и заключенъ ли онъ, и будетъ ли еще заключенъ, не знаю. Осуждать, подобно князю Мещерскому, не смѣю, но, признаться, отношусь довольно безразлично и полагаю, если понадобится союзъ, навѣрное, его и заключатъ,—у меня не спросятъ. А не понадобится, Богъ съ нимъ, это не измѣнитъ моего мнѣнія о французской націи (милые, но легкомысленные). Такъ зачѣмъ же я стану горячиться? Потомъ стали получаться и фрукты этого, такъ сказать, газетнаго аліанса двухъ націй. Какой-то добрый человѣкъ прислалъ мнѣ что-то такое,—газетку не газетку, листокъ не листокъ, съ заглавіемъ франко-русскаго значенія, — теперь уже не помню, такъ какъ газетку уничтожилъ вслѣдствіе неприличной виньетки, очень заинтересовавшей дѣтей. На заглавномъ листѣ изображены извощичьи сани, на козлахъ—юный амурчикъ (холодно, бѣднягѣ), изъ саней выскочилъ бравый молодецъ изъ Тѣстовскаго трактира (одѣтъ точь-въ-точь), а къ нему въ объятія устремляется гулящая, очевидно, дѣвица, совсѣмъ раздѣтая, самаго «французскаго вида». Собрались куда-то ѣхать, надо думать, не совсѣмъ въ приличное мѣсто. Признаюсь, прочитавъ на кромкѣ бѣлой рубахи тѣстовскаго молодца слово «Russie», я немного обидѣлся: сатира, что ли? Что это, въ самомъ дѣлѣ, за представительство такое? Но затѣмъ, увидѣвъ на какомъ-то обрывкѣ, слегка прикрывающемъ наготу дѣвицы, другую надпись: «France»—и простилъ! Что съ нихъ возьмешь? Такой ужь веселый народъ,—вѣдь, и себя не пожалѣли.

Далѣе картиночки: дамы въ лѣтнихъ малороссійскихъ костюмахъ катаются на салазкахъ со снѣговыхъ горъ, а кавалеры неизвѣстной націи имъ

въ томъ содѣйствуютъ. Это—русская масляница въ деревнѣ. Пріятно,— все-таки, родная въ нѣкоторомъ родѣ картина. Въ текстѣ наткнулся на исторію заблуждавшагося нигилиста: малый былъ, въ сущности, добрый, что доказывается дальнѣйшею біографіей: женился на полковницкой дочери и пошелъ воевать съ турками, все продолжая заблуждаться. И только когда его хватило турецкою пулей по лбу, прозрѣлъ.

«Онъ понялъ, наконецъ (хотя и довольно поздно),— трогательно кончаетъ авторъ, — что его народъ — еще народъ младенецъ, полудикарь, а республиканскія учрежденія годятся только для развитыхъ народовъ»... Опять показалось нѣсколько обидно, но... вспомнилъ дѣвицу и опять простилъ. Вѣдь, это такъ, отъ избытка веселья, а, въ сущности, вѣдь, предобрый народъ! Къ тому же, князь Мещерскій, съ одной, и *Московскія Вѣдомости*, съ другой стороны, не дремлютъ и немедленно возстановляютъ равновѣсіе. Князь Мещерскій, вообще чрезвычайно недовольный всѣмъ, что происходитъ на его глазахъ, выражаетъ опасеніе, что для простодушнаго и неиспорченнаго русскаго человѣка просто-таки опасно тлетворное общеніе съ этими... республиканцами!...

Нѣсколько огорчило меня, уже лично, письмо изъ самаго Парижа отъ племянника: поѣхалъ туда съ восторгомъ для продолженія образованія въ сердцѣ «дружественной націи» и пишетъ съ огорченіемъ, что тамъ съ него потребовали... свидѣтельства о благонадежности. Иначе не принимаютъ! А онъ взялъ всѣ документы, но какъ разъ этого-то и не взялъ. Думалъ, не надо. И дѣйствительно, прежде, до «альянса» и появленія газетнаго единенія, этого не требовалось. А теперь требуется и, притомъ еще, это — признакъ особеннаго вниманія именно къ студентамъ русской націи: отъ другихъ не требуютъ... Нарочитое доказательство сердечнаго къ намъ расположенія.

Какъ видите, оба парижскіе подарка, которые удалось получить мнѣ, скромному провинціалу, съ этихъ именинъ сердца, особенно меня порадовать не могли. И если я, все-таки, не обидѣлся окончательно и не кричу противъ альянса вмѣстѣ съ княземъ Мещерскимъ, то лишь потому, что задаюсь вопросомъ: ну, а мы-то, съ своей стороны, какіе же подарки послали дружественной націи и чѣмъ или кѣмъ ее порадовали?

Вспоминаю: мы отдали имъ на время козака Ашинова (послѣ, все-таки, потребовали обратно), который производилъ фуроръ въ гостиной мадамъ Аданъ. Потомъ что же еще? Г. Берновъ открылъ въ сердцѣ Парижа танцъ-классъ; онъ же читалъ *имъ* лекціи о Россіи, одѣтый въ шелковую косоворотку, опушенную мерлушкой (это для couleur local'я)... Потом г. де-Ціонъ!...

Нѣтъ, Богъ съ ними! Что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, обижаться?... Перейдемъ лучше къ дѣлу, возникшему на этой обильно увлаженной дружескими возліяніями почвѣ, которое, какъ сказано выше, затронуло меня уже лично и поставило въ двусмысленное и даже рискованное положеніе.

Вотъ оно... Впрочемъ, бросивъ взглядъ на огромный ворохъ газетныхъ вырѣзокъ по сему предмету, я прихожу въ смущеніе. Боже мой, сколько они успѣли написать! Цѣлая литература о маленькой русской Панамѣ. Каково же это приходится обозрѣвателямъ настоящей Панамы, французской? Нѣтъ, очевидно, мнѣ не придется изложить исторію моихъ огорченій въ этой книжкѣ, а потому... продолженіе слѣдуетъ. Кстати же, къ тому времени, быть можетъ, г. Щербань или г. де-Ціонъ откроютъ, наконецъ, и счастливаго ignotus'а, виновника всего вопроса... Г. де-Ціонъ... Охъ, кажется мнѣ, что онъ что-то знаетъ!

Провинціальный наблюдатель.

ОТЧЕТЪ

совѣта московскаго отдѣла русскаго общества охраненія народнаго здравія о сформированіи и дѣятельности санитарнаго отряда, командированнаго въ г. Челябинскъ, Оренбургской губ.

Въ концѣ 1891 г., когда выяснились печальныя послѣдствія постигшаго многія мѣстности нашего отечества неурожая, московскій отдѣлъ, по иниціативѣ предсѣдателя В. С. Богословскаго, въ засѣданіи 10 октября 1891 г. постановилъ и съ своей стороны, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, придти на помощь пострадавшимъ, и съ этою цѣлью, согласно рѣшенію общества, 26 марта 1892 г., предсѣдателемъ профес. В. С. Богословскимъ и товарищемъ предсѣдателя Н. Н. Оболенскимъ былъ организованъ, при дѣятельномъ участіи г. директора московской консерваторіи В. И. Сафонова, концертъ, давшій чистаго сбора 500 р. 25 к., о чемъ своевременно былъ опубликованъ отчетъ. По предложенію члена совѣта профес. В. В. Марковникова, поддержанному и предсѣдателемъ отдѣла, общество постановило употребить означенный сборъ на сформированіе санитарнаго отряда для посылки въ одну изъ мѣстностей, пораженныхъ неурожаемъ, гдѣ уже появились, какъ спутники неудовлетворительнаго питанія, болѣзни. Эта мысль встрѣтила сочувствіе и поддержку не только среди членовъ общества, но и со стороны лицъ, не принадлежащихъ еще къ его составу, а именно: П. И. Харитоненко пожертвовалъ для сказанной цѣли 500 руб. и П. Г. Шелапутинъ—300 р. Въ исполненіе постановленія общества, предсѣдатель снесся съ губернаторами: курскимъ, саратовскимъ, тамбовскимъ и оренбургскимъ, съ цѣлью выяснить, куда цѣлесообразнѣе всего направить отрядъ, такъ какъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ этихъ губерніяхъ появились уже заболѣванія тифомъ.

При этомъ выяснилось, что ощущается недостатокъ во врачебномъ персоналѣ въ Усманскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., Аткарскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., и Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губ. Въ виду полученныхъ отвѣтовъ предсѣдатель счелъ необходимымъ спросить указаній г. директора медицинскаго департамента, «гдѣ потребность въ медицинской помощи болѣе настоятельна», на что полученъ былъ 22 апрѣля 1892 г. по телег

фу отвѣтъ, что «въ настоящую минуту отрядъ будетъ всего полезнѣе въ Челябинскѣ.—Рагозинъ»; на основанiи чего отрядъ и постановлено послать въ г. Челябинскъ, Оренбургской губернiи. Для организацiи отряда была избрана въ засѣданiи отдѣла 16 апрѣля 1892 г. коммиссiя, въ составъ коей вошли предсѣдатель и дѣйствительные члены К. Ѳ. Флеровъ и С. І. Чирвинскiй, которая и выработала инструкцiю отряду, составила примѣрную смѣту и избрала врача Рафаила Львовича Бугаевскаго, дѣйствительнаго члена общества, въ качествѣ завѣдующаго отрядомъ, въ который вошли, кромѣ Р. Л. Бугаевскаго, три сестры милосердiя Александровской общины «Утоли моя печали», Н. А. Борякова, Н. А. Болдырева и А. В. Виноградова и фельдшеръ Н. Ф. Башкировъ.

Согласно приблизительной смѣтѣ, составленной коммиссiей на содержанiе отряда въ теченiе 2 мѣсяцевъ, съ 1 мая по 1 iюля (жалованье медицинскому персоналу—950 р., наемъ помѣщенiя, пищевое довольствiе отряда и больныхъ и проч.—580 р., инструменты и лекарства—219 р., посуда, фильтры, мыло и проч.—121 руб. 55 к., проѣздъ отряда до Златоуста и обратно—247 р. 51 к.), требовалось не менѣе 2,118 р. 81 к., между тѣмъ какъ въ распоряженiи общества имѣлось только 1,300 р. 25 к. Такимъ образомъ дѣло посылки отряда могло бы затянуться на неопредѣленное время, пока были бы собраны необходимыя средства, если бы московскiй отдѣлъ общества охраненiя народнаго здравiя не встрѣтилъ заботливаго вниманiя со стороны своего Августѣйшаго почетнаго предсѣдателя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергiя Александровича. Его Высочество весьма сочувственно отнесся къ намѣренiю отдѣла и исходатайствовалъ предъ состоящимъ подъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны московскимъ комитетомъ на нужды отряда сначала 1,000 руб., а затѣмъ 500 руб., на проѣздъ отряда и на не предусмотрѣнные расходы, и безплатную выдачу изъ склада комитета необходимаго для отряда бѣлья и больничныхъ принадлежностей. Такимъ образомъ содѣйствiе, оказанное Его Высочествомъ, почетнымъ предсѣдателемъ отдѣла, и московскимъ комитетомъ Ея Императорскаго Высочества въ дѣлѣ сформированiя отряда устранило для совѣта всѣ затрудненiя. Совѣтъ считаетъ долгомъ, сверхъ того, указать, что большое содѣйствiе при организацiи отряда общество встрѣтило и со стороны членовъ комитета—кавалерственной дамы Екатерины Петровны Ермоловой и дѣлопроизводителя графа Германа Германовича Стенбокъ, которымъ общество постановило выразить свою живѣйшую благодарность.

Сформированный такимъ образомъ отрядъ 2 мая 1892 г., послѣ молебствiя, отправился къ мѣсту своего назначенiя, г. Челябинскъ Оренбургской губ. Извѣщенный своевременно о предстоящемъ отправленiи отряда, оренбургскiй губернаторъ Ершовъ отвѣтилъ слѣдующею телеграммой на имя предсѣдателя профес. В. С. Богословскаго, отъ 24 апрѣля:

«Прошу передать обществу охраненiя народнаго здравiя выраженiе глубокой признательности за командированiе отряда въ Челябинскъ. О выѣздѣ

отряда изъ Москвы благоволите телеграфировать мнѣ и въ Златоустъ становому приставу Пырьеву для оказанія содѣйствія къ дальнѣйшему слѣдованію отряда въ Челябинскъ. Деньги на расходъ отряда не найдете ли возможнымъ передать въ непосредственное распоряженіе врача, командированнаго во главѣ отряда, или командированному мной въ Челябинскъ помощнику медицинскаго инспектора Панютину. *Губернаторъ Ершовъ.*»

По прибытіи 8 мая 1892 г. въ г. Челябинскъ, отрядъ, согласно предложенію г. помощника оренбургскаго губернскаго врачебнаго инспектора, доктора медицины Н. В. Панютина, былъ командированъ челябинскимъ комитетомъ общественнаго здравія 14 мая въ село Чумлякъ для поданія помощи больнымъ брюшнымъ и сыпнымъ тифомъ въ волостяхъ: Бѣлоярской, Сухаборской, Чумлякской, Каменной и Птичанской и для принятія мѣръ противъ болѣе широкаго развитія эпидеміи. По возвращеніи изъ командировки 23 мая, отрядъ до своего отъѣзда, 7 іюля, все время работалъ въ баракѣ, гдѣ помѣщались больные сыпнымъ тифомъ. Насколько успѣшно отрядъ справился съ своею, далеко не легкою задачей, лучше всего видно изъ прилагаемаго при семъ письма на имя предсѣдателя В. С. Богословскаго, полученнаго отъ Н. В. Панютина, главнаго организатора борьбы съ сыпнымъ тифомъ въ г. Челябинскѣ:

Многоуважаемый профессоръ!

Извѣщая васъ объ отъѣздѣ санитарнаго отряда сегодняшняго числа изъ г. Челябинска, считаю своею обязанностью сказать вамъ, многоуважаемый профессоръ, что настоящее письмо не относится къ категоріи писемъ, пишущихся ради одной только формы, а есть результатъ искренняго желанія выразить, пользуясь случаемъ, ту неподдѣльную благодарность Рафаилу Львовичу Бугаевскому и, въ лицѣ его, всему персоналу санитарнаго отряда московскаго отдѣла общества охраненія народнаго здравія, которую можетъ оцѣнить вполнѣ лишь человѣкъ, стоявшій вблизи и знавшій всѣ условія, при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ приходилось дѣйствовать отряду, оказавшему существенную помощь тщательнымъ уходомъ за больными и облегченіемъ труда другихъ врачей, заваленныхъ работою, вслѣдствіе постояннаго недостатка врачебнаго персонала, боровшагося съ эпидеміей сыпного тифа въ г. Челябинскѣ.

На попеченіе отряда были отданы исключительно больные сыпнымъ тифомъ, нуждавшіеся особенно въ бдительномъ медицинскомъ и человѣколюбивомъ присмотрѣ за ними. Возложенная на отрядъ задача, начиная съ самого представителя послѣдняго, Рафаила Львовича Бугаевскаго, была выполнена дружно всѣмъ персоналомъ отряда крайне добросовѣстнымъ, трудолюбивымъ и гуманнымъ образомъ. Такая благотворная дѣятельность отряда по прекращенію эпидеміи сыпного тифа въ г. Челябинскѣ даетъ мнѣ право заключить свое письмо тѣмъ, что выбранный московскимъ отдѣломъ общества охраненія народнаго здравія представитель санитарнаго отряда Рафаилъ Львовичъ Бугаевскій, вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе общества.

Примите, многоуважаемый профессоръ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорный слуга *Н. Панютинъ.*

1892 г. іюля 8 дня.
Г. Челябинскъ.

Подробное изложеніе дѣятельности отряда находится въ отчетѣ, представленномъ Р. Л. Бугаевскимъ. Отчетъ этотъ доложенъ былъ обществу въ засѣданіи 7 декабря 1892 г., которое постановило занести въ протоколъ искреннюю признательность Р. Л. Бугаевскому и всему персоналу отряда, столь успѣшно выполнившему данное ему порученіе и, такимъ образомъ, давшему возможность московскому отдѣлу общества охраненія народнаго здравія оправдать довѣріе какъ Августѣйшаго почетнаго предсѣдателя Великаго Князя и московскаго комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, такъ и другихъ жертвователей. Кромѣ того, въ томъ же засѣданіи отдѣлъ постановилъ удовлетворить ходатайство Р. Л. Бугаевскаго о выдачѣ бывшимъ въ отрядѣ сестрамъ милосердія по 25 руб.

При семъ совѣтъ приводитъ слѣдующій отчетъ денежнымъ суммамъ, употребленнымъ на сформированіе отряда:

Приходъ.

Получено отъ концерта, даннаго 26 марта	500 р. 25 к.
Пожертвовано г. П. Г. Шелапутинымъ	300 » — »
» г. П. И. Харитоненко	500 » — »
Получено отъ московскаго комитета Е. И. В. Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны	1,000 » — »
Тоже полученныхъ изъ комитета казначеемъ А. И. Самойло	500 » — »
Итого	2,800 р. 25 к.

Расходъ.

Выдано Р. Л. Бугаевскому при отъѣздѣ отряда	1,899 р. 06 к.
Уплачено по счетамъ Феррейна	276 » 84 »
Выдано казначеемъ А. И. Самойло Р. Л. Бугаевскому дополнительныхъ на обратное слѣдованіе отряда	97 » 71 »
Выдано 3 сестрамъ милосердія	75 » — »
Итого	2,348 р. 61 к.
Въ остаткѣ	451 » 64 »

Оставшіеся 451 р. 64 к., какъ не израсходованные, обществомъ постановлено возвратить въ комитетъ; оставшіеся медикаменты, инструменты, бѣлье и проч. передано, согласно инструкціи, по описи, съ разрѣшенія г. оренбургскаго губернатора, уѣздному челябинскому исправнику на хране-

ніе, какъ готовый запасъ на случай появленія холеры, для снабженія ими городской больницы, а, главнымъ образомъ, сельскихъ лечебницъ, наиболѣе нуждающихся въ больничномъ инвентарѣ.

Предсѣдатель московскаго отдѣла общества охраненія народнаго здравія проф. *В. Богословскій.*
Товарищъ предсѣдателя *Н. Оболонскій.*.
Члены совѣта: Проф. *В. Марковниковъ.*
А. Войтовъ.
Секретарь отдѣла *А. Н. Устиновъ.*

ПОПРАВКА. Въ январьской книгѣ *Русской Мысли*, въ статьѣ *Макарьевское опечительство*, вкрались слѣдующія опечатки: на стр. 235 сказано, что куплено хлѣба съ безплатнымъ провозомъ 4,435 пуд., надо читать 9,435 пуд.; на стр. 246— С. Н. Корзинкина пожертвовала не 5 руб., а 25 руб.; на стр. 247 одинъ изъ жертвователей названъ К. Н. Бухановымъ, надо читать—К. Н. Бухоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль. 1893 года.

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика.— Критика и публицистика.— Философія.—Исторія и исторія литературы.— Путешествія и этнографія.— Политическая экономія.— Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.— Сельское хозяйство.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги и календари. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *январь.*—«Русское Богатство», *декабрь 1892 г.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *январь.*—«Міръ Божій», *январь.*—«Русскій Вѣстникъ», *январь.* — «Историческій Вѣстникъ», *октябрь—декабрь 1892 г.*—«Русскій Архивъ», *ноябрь—декабрь 1892 г.*— «Дѣтскій Отдыхъ», *январь—декабрь 1892 г.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 января по 15 февраля 1893 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Очерки и разсказы“. (Кн. вторая). *В. Г. Короленка.*—„Собаки“. *Я. П. Полонскаго.*— „Горькій опытъ“. *В. Фирсова.*—„Совѣсть“. *Дм. Карышева.* — „Бэнъ-Хуръ“. *Льюиса Уоллеса.*—„Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе“. *Аббата Прево.*—„Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта“. *Изд. Ф. Павленкова.*

Очерки и разсказы. (Книга вторая). Владиміра Короленка. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Москва, 1893 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Новая книга В. Г. Короленка еще разъ доказываетъ, что каждому отдѣльному разсказу и цѣлому сборнику разсказовъ главный интересъ придаетъ не хитро выдуманная фабула, а умѣнье автора передавать самыя простыя событія въ такой художественной формѣ, которая сама по себѣ привлекаетъ читателя и не даетъ ему оторваться отъ книги. Такъ, въ первыхъ двухъ очеркахъ, напечатанныхъ во второй книгѣ г. Короленка, озаглавленныхъ *Рѣка играетъ* и *На затменіи*, нѣтъ совсѣмъ того, что принято называть „фабулой“, и передать ихъ содержаніе очень мудрено. Въ первомъ изъ нихъ авторъ разсказываетъ о томъ, какъ ему пришлось переночевать у костра на берегу р. Ветлуги, когда „рѣка играла“ отъ набѣжавшаго паводка. Второй очеркъ посвященъ описанію затменія 7 августа 1887 г. въ городкѣ Юрьевцѣ-Поволжскомъ, Костромской губерніи. Ни на какомъ одномъ лицѣ, ни на рядѣ послѣдовательныхъ приключеній авторъ не останавливаетъ вниманія читателя и не вдается ни въ какія картинныя описанія красотъ природы. А читатель, тѣмъ не менѣе, видитъ цѣльныя художественныя картины, вмѣстѣ съ авторомъ проводитъ ночь надъ играющею рѣкой, вмѣстѣ съ нимъ присутствуетъ при солнечномъ затменіи въ захолустномъ городкѣ, объятомъ ужасомъ передъ непонятнымъ обывателямъ явленіемъ природы и передъ дерзостью „остроумовъ“ (астроно-

мовъ), осмѣлившихся узнать напередъ, что̀ „Богу угодно будетъ сдѣлать“. Тотъ и другой разсказы тѣмъ завлекательны, что выхвачены прямо изъ жизни и жизнь изображаютъ такою, какова она есть въ дѣйствительности. Прелесть ихъ обусловливается тѣмъ, что нѣтъ въ нихъ ничего лишняго и нѣтъ ничего недосказаннаго. Все на своемъ мѣстѣ и мѣсто занимаетъ, какъ разъ, въ мѣру своего значенія. Два слѣдующіе разсказа переносятъ насъ въ дальнія сибирскія страны, на почтовый трактъ на берегу р. Лены. Одинъ разсказъ озаглавленъ названіемъ станціи *Атъ-Даванъ* , другой носитъ заглавіе *Черкесъ*. Въ обоихъ передаются чрезвычайно характерныя особенности сибирскихъ нравовъ и встрѣчающихся тамъ диковинныхъ на нашъ взглядъ личностей. Въ разсказѣ *За иконой* авторъ передаетъ рядъ сценъ, видѣнныхъ имъ въ то время, какъ онъ шелъ съ толпами богомольцевъ слѣдомъ за чудотворною иконой, которую переносили изъ одной мѣстности въ другую. Очень оригиналенъ разсказъ *Ночью*. Дѣйствующія лица въ немъ маленькія дѣтишки. Просыпаясь иногда ночью, они сходятся у таза съ горящею свѣчкой посреди дѣтской и болтаютъ о чемъ взбредетъ на ихъ ребячій умъ. Описанная авторомъ ночь—не обыкновенная: отъ другихъ ночей она отличается тѣмъ, что дома ожидаютъ появленія на свѣтъ новаго жителя, братца или сестрицу. Дѣтокъ занимаетъ мудреный и таинственный вопросъ, какъ являются на свѣтъ младенцы... Ночныя думы, страхи и разсужденія ребятокъ переданы съ большимъ мастерствомъ. Читателю кажется, что именно такъ и должны чувствовать и бесѣдовать малые ребятки. Разсказъ *Тѣни* напоминаетъ старинные діалоги мудрецовъ, искавшихъ истину и проникавшихъ въ міровую тайну силою философской мысли. Наконецъ, „малорусская сказка“: *Судный день*—въ прелестныхъ чертахъ рисуетъ характеръ и деревенскій бытъ Малороссіи, съ ея повѣрьями, наивнымъ, но часто очень глубокимъ юморомъ. Смыслъ сказки тотъ, что плохо приходится деревенскому люду отъ шинкаря жида, и еще хуже, когда шинокъ попадаетъ въ руки своего же мельника—кулака-міроѣда. Въ заключеніе своей сказки авторъ говоритъ: „Можетъ, есть у васъ гдѣ-нибудь знакомый мельникъ, или хоть не мельникъ, да такой человѣкъ, у котораго два шинка... Да еще, можетъ, жидовъ ругаетъ, а самъ обираетъ людей, какъ липку,—такъ прочитайте вы тому своему знакомому вотъ этотъ разсказъ“... Иные, выслушавши, „начнутъ лаяться, какъ собаки. Такъ я такимъ скажу вотъ что: лайтесь себѣ, сколько охота, а только я вамъ посовѣтую по правдѣ: берегитесь, какъ бы не случилось чего съ вами, какъ съ мельникомъ“... А мельника этого совсѣмъ было живымъ уташилъ „чертяка“.

Собаки, Юмористическая поэма Я. П. Полонскаго. Спб., 1892 г. У богатаго барина жили-были на псарнѣ собаки разныхъ породъ. Баринъ состарился, пересталъ ѣздить на охоту. За собаками ослабѣлъ присмотръ, и кормы для нихъ стали плохи. Собаки отъ бездѣлья, а, можетъ быть, отчасти, и съ голоду, начали думат и разсуждать, и додумались до желанія совсѣмъ выбраться изъ-под. власти людей. Ихъ одиночныя попытки эмансипироваться оказывалис неудачными. Собаки прокопали лазейку въ заборѣ псарни и бѣгали на свободу, но получали отъ того однѣ лишь непріятности и даже за голодали еще больше, такъ какъ безъ доѣзжачаго и псарей не умѣл добыть себѣ корма. Тогда пылкія собачьи головы порѣшили, что в одиночку собакамъ не справиться и что всего лучше будетъ войти в союзъ съ другими звѣрями, съ медвѣдями, волками, лисицами и за

цами. Дойдя, такимъ образомъ, до идеи „звѣрячества", собаки возмнили не только свободу получить, но и водворить между звѣрями равенство и братство, подѣливши полюбовно земныя блага, захваченныя людьми въ свою исключительную собственность. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одна увлекающаяся „амка" („амками" зовется женское населеніе псарни):

„И тогда собакамъ радость и веселье,
Всѣмъ звѣрямъ—раздолье, людямъ—разоренье.
Лѣсъ возьмутъ медвѣди, волки отъ овчарни
Поживутся, зайцы отъ капусты,—псарня,
То-есть мы, собаки, заберемъ подвалы,
Погреба, съѣстныя лавки, кладовыя
И заставимъ стряпать поваровъ. Нахалы
Люди стóятъ развѣ, чтобъ имъ предоставить
Всѣ земныя сласти? Надо поубавить
Спѣси и, конечно, звѣрчество поставить
На такую ногу, тьму такихъ условій
Сочинить, чтобъ ровно никакихъ сословій
Не было на свѣтѣ".

Съ предложеніями союза, на такихъ основаніяхъ, собаки-делегаты и амки-делегатки отправились къ медвѣдямъ, лисицамъ и зайцамъ. Насчетъ волковъ еще ничего не извѣстно, но на псарнѣ уже идетъ ликованіе:

…„И съ волками
Снюхаться возможно.—Да, вѣдь, это—банда
Хоть куда!… И, значитъ, наша пропаганда
Оказалась мѣрой самой современной,
Революціонной… даже несомнѣнной
По своимъ великимъ результатамъ"…

Въ результатѣ вышелъ сущій кавардакъ, не для всѣхъ, впрочемъ, одинаково смѣхотворный, ибо люди,

„на передовую,
Полную отваги и стремленій амку
Вмигъ накинувъ петлю, петлю затяжную,
Удавили"…

А солдатъ, карауливщій псарню, разыскалъ собачью лазейку и наглухо заколотилъ ее кольями, такъ что и выбраться изъ запертой загородки не стало собакамъ возможности… Въ концѣ поэмы является „Духъ" и баснѣ этой даетъ объясненіе:

„Жаждая любви и мира, ты затѣялъ
Звѣрчество; но тщетно сѣмена ты сѣялъ.
Никакіе звѣри не пожнутъ ихъ. Вѣчность
Въ очередь за звѣремъ ставитъ человѣчность.
Людямъ лишь дается Богомъ и природой
То, что вы зовете братствомъ и свободой,
Люди только чужды гнѣва и боязни,
Только имъ не нужны ни суды, ни казни"…

Что касается звѣрей, то они

…„если не передралися
И не истребили до конца другъ друга,
То кому спасибо? Только сила власти—
Страхъ передъ закономъ укрощаетъ страсти
Звѣрскія; и въ этомъ мудрости заслуга".

„Духъ“ и, съ нимъ вмѣстѣ, поэтъ заключаютъ, что только людямъ предопредѣлено „пробиваться къ свѣту“ и

„лишь они достигнутъ
Цѣли, формамъ жизни дать то совершенство,
Что создастъ народамъ высшее блаженство
Знать, любить и вѣрить, и искать дорогу
Въ безднѣ безконечныхъ переходовъ къ Богу“.

Таково содержаніе поэмы, „юмористической“ лишь потому, что она обильно осыпана и повита цвѣтами блестящаго остроумія. Смыслъ поэмы настолько ясенъ, что надъ этимъ не было бы надобности останавливаться, если бы звѣрскіе инстинкты не брали слишкомъ часто верха надъ стремленіями людей „пробиваться къ свѣту“, искать знанія и такихъ формъ жизни, при которыхъ не были бы нужны „ни суды, ни казни“. Насъ не успокоиваетъ утвержденіе маститаго поэта, будто „сила власти укрощаетъ страсти звѣрскія“. Мы предпочитаемъ вѣрить, что сила знанія, разума и любви побѣдитъ „страсти звѣрскія“ и страсти человѣческія, невѣдомыя звѣрямъ, но доводящія людей до озвѣренія, каковы честолюбіе, властолюбіе, жажда богатства и наслажденій... Мы убѣждены, что эти-то страсти и препятствуютъ „создать народамъ высшее блаженство“.

Горькій опытъ. Романъ В. Фирсова. Спб., 1893 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Авторъ разсказываетъ очень немудрую исторію двухъ молодыхъ людей, подружившихся на школьной скамьѣ въ кадетскомъ корпусѣ, вмѣстѣ кончившихъ курсъ и одновременно произведенныхъ въ офицеры въ разные полки, квартирующіе въ одномъ городѣ. Обоихъ юношей звали Николаями. Товарищи, для различія, прозвали одного Колемъ, другаго Колькой. Эти клички остаются за ними до конца романа. Колька — чувствителенъ, пылокъ, экспансивенъ, всѣмъ и всѣми доволенъ, и имъ всѣ довольны, всѣ любятъ его. Коль — холоденъ, сдержанъ, сосредоточенъ, аккуратенъ. Въ немъ цѣнятъ хорошаго товарища, и только, никто съ нимъ близко не сходится, кромѣ стараго товарища и друга, Кольки. Они живутъ на одной квартирѣ, но совсѣмъ по-разному: Коль занятъ службой и книгами, Колька влюбляется. Колькѣ „везетъ“, по его собственному выраженію: въ полку его приняли отлично, въ городѣ оказались у него родные дядя и тетка, люди богатые, вліятельные и бездѣтные, влюбился онъ въ красавицу дѣвушку изъ обѣднѣвшей дворянской семьи. Дѣвица съ нимъ кокетничаетъ, сначала отъ скуки, ради развлеченія, потомъ, узнавши, что онъ единственный наслѣдникъ богатыхъ родныхъ, съ цѣлью выйти за него замужъ. Родственники добываютъ молодому человѣку хорошо оплачиваемое мѣсто по акцизу, и Колька женится на красавицѣ Катенькѣ, не разобравши толкомъ, что за особа эта милая дѣвица. Молодой супругъ въ восторгѣ отъ маленькой уютной квартирки, отъ недорогой, но изящной обстановки. Далеко не удовлетворена этимъ его прекрасная „жонка“, мечтавшая о выѣздахъ, балахъ, пріемахъ, о блескѣ и весельи. Обычная въ такихъ случаяхъ рознь между молодыми супругами сказывается очень скоро. Колька чувствуетъ что-то неладное, но не понимаетъ того, что дѣлается съ женой, ни отчего съ ней это дѣлается. Онъ любитъ ее безъ ума и не сомнѣвается въ ея любви. А, между тѣмъ, Катенька заинтересовывается серьезнымъ и немного рѣзкимъ товарищемъ мужа, сосредоточеннымъ Колемъ, играетъ съ нимъ въ дружбу. Очень возможно, что изъ такой игры ничего бы не вышло, если бы Коль не получилъ нежданно очень большого наслѣдства. Скром

ная, мѣщанская жизнь опротивила молодой женщинѣ, ее манятъ роскошь, шумъ, просторъ, веселье, и она бросаетъ мужа и уѣзжаетъ съ Колемъ. Покинутый мужъ „вдругъ все понялъ. Онъ хотѣлъ встать, но голова его кружилась, а ноги такъ сильно дрожали, что онъ принужденъ былъ опять сѣсть. Тогда онъ снова закрылъ глаза и тихо засмѣялся“. Такъ заканчиваетъ авторъ свое повѣствованіе. Повторяемъ, это просто и не ново,—не ново и незначительно. Но лица, выведенныя авторомъ, очерчены хорошо, въ особенности второстепенныя лица чиновнаго дяди бѣднаго Кольки и суетливой супруги этого дяди. Въ немногихъ, талантливо набросанныхъ штрихахъ передъ читателемъ являются совершенно живыя лица. Всего менѣе удалась автору героиня его романа,—ея образъ представляется нѣсколько шаблоннымъ, маріонеточнымъ. Какъ про нее, такъ и про обоихъ Николаевъ авторъ разсказываетъ, что они то-то сказали, то-то дѣлали, и лишь едва намѣчаетъ, что въ нихъ дѣлается, въ ихъ сердцѣ и умѣ. Мы думаемъ, что происходитъ это отъ большой торопливости, съ которою авторъ передаетъ событія. Получается такое впечатлѣніе, будто передъ нами не законченный романъ, а набросокъ, сюжетъ для романа, обработать который надлежащимъ образомъ не хватило у автора времени или терпѣнія. Тѣмъ не менѣе, набросокъ сдѣланъ вѣрно, твердою рукой и талантливо. Очень жаль, что все это довольно поверхностно и не отдѣлано.

Совѣсть. Этюдъ Дм. Карышева. Спб., 1892 г. Довольно безсвязный разсказъ г. Карышева является новымъ доказательствомъ того, насколько смутнымъ и неопредѣленнымъ оказывается въ нашемъ обиходѣ понятіе о томъ, что такое „совѣсть“. Герой разсказа Вальяновъ, крупный петербургскій чиновникъ, сѣдѣющій 42-хъ лѣтній карьеристъ, ухаживаетъ за молоденькою дѣвушкой, только что вышедшею изъ института, Катей Алонцевой, разсчитывая жениться на ней, взять большое приданое и обезпечить за собою „на всякій случай“ значительную часть ея состоянія. Чуть не наканунѣ дня, въ который онъ рѣшилъ сдѣлать предложеніе, Вальянову пришлось быть старшиною присяжныхъ и участвовать въ судѣ надъ публичною женщиной, укравшею у кого-то деньги изъ бумажника. Женщину эту, по имени Алина, осудили, приговорили къ заключенію въ тюрьмѣ. Во время суда Вальяновъ узналъ Алину. Пятнадцать лѣтъ назадъ они полюбили другъ друга, нѣкоторое время жили, какъ мужъ съ женой, потомъ разошлись, Вальяновъ сталъ дѣлать свою карьеру, несчастная дѣвушка дошла до того, что попала въ тюрьму. Вальяновъ теряется, сознаетъ себя виновникомъ всѣхъ ея бѣдъ, рѣшается загладить свою вину и для этого посылаетъ Алинѣ денегъ и дѣлаетъ ей предложеніе выдти за него замужъ. Алина отказывается отъ денегъ и отъ брака, заболѣваетъ и умираетъ въ тюрьмѣ. Въ Вальяновѣ „совѣсть“ заговорила, потомъ наступаетъ просвѣтленіе и умиротвореніе: онъ отклоняетъ повышеніе по службѣ, собирается что-то такое дѣлать очень хорошее и женится на Катѣ Алонцевой... Нервничаніе и болѣзненные аффекты, весьма возможные въ дѣйствительности, авторъ принялъ за проявленія „совѣсти“. Спорить объ этомъ не будемъ, можетъ быть, это такъ и есть, только совѣсть у этого героя—маленькая и коротенькая. Ея хватило лишь для возбужденія быстро стихшаго волненія. Вальяновъ не поѣхалъ даже къ Алинѣ, а командировалъ прокурора съ предложеніемъ денегъ и брака и рѣшился ѣхать уже послѣ ея отказа, и засталъ ея мертвою. Совѣсть не подсказала ему, что ни деньгами

нельзя откупиться, ни столь несвоевременною женитьбой нельзя ничего исправить. Падшая женщина поняла это лучше важнаго чиновника, и прокуроръ понялъ лучше, такъ какъ, вмѣсто денегъ и разныхъ глупостей, предложилъ ей свое сочувствіе и помощь „по-братски“. Если бы въ самомъ дѣлѣ была у Вальянова „совѣсть“, то и онъ пришелъ бы къ несчастной въ тюрьму не женихомъ съ толстымъ бумажникомъ, а какъ братъ,—не денегъ понесъ бы загубленной женщинѣ, а чистое раскаяніе и чистыя слезы. Если бы въ немъ была хотя малая доля того, что называютъ совѣстью, онъ тѣ же слезы и раскаяніе принесъ бы на ея гробъ, на ея могилу. А онъ, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти своей жертвы, отправился въ театръ, по зову Кати Алонцевой, слушалъ съ нею оперу *Фаустъ*, которая тоже нервы его растревожила, но совѣсти, все-таки, не пробудила, и потомъ сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе молоденькой дѣвочки, ни мало не смущаясь тѣмъ, что ей 18—19 лѣтъ, а ему 42 года. Хороша совѣсть, когда съ нея все слетаетъ, какъ съ гуся вода!

Бэнъ-Хуръ. (Во время оно). Повѣсть изъ римской и восточной жизни въ эпоху возникновенія христіанства. Сочиненіе Льюиса Уоллеса. Полный переводъ съ англійскаго. Изданіе В. Н. Маракуева. Москва, 1893 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. Появленіе въ свѣтъ этой повѣсти надѣлало не мало шума, главнымъ образомъ, потому, что авторомъ выведены въ числѣ дѣйствующихъ лицъ романа: Назорей, т.-е. Іисусъ Христосъ, Пресвятая Дѣва Марія, Іосифъ, Ей обрученный, Креститель Іоаннъ и нѣкоторые изъ первыхъ провозвѣстниковъ рожденія Христа и изъ Его ближайшихъ послѣдователей. Въ романѣ изображены подробно такія великія событія христіанской исторіи, какъ рожденіе Христа-Спасителя, шествіе Его въ Іерусалимъ, предательство Іуды, крестная смерть Христа. Все это впервые появляется разсказаннымъ въ повѣсти въ связи съ романтическими событіями и приключеніями героя романа іудея Бэнъ-Хура, его семьи и семьи одного изъ трехъ волхвовъ, приходившихъ поклониться, по указанію звѣзды, только что рожденному „Царю Іудейскому“. Столь необычное содержаніе историческаго романа вызвало, естественно, большой интересъ въ публикѣ, и романъ былъ переведенъ на многіе европейскіе языки. Но не въ этой особенности романа заключается его главное достоинство. Событія евангельской исторіи составляютъ въ немъ лишь вводные эпизоды и, притомъ, наименѣе любопытные уже потому, что всѣмъ они извѣстны съ дѣтства въ томъ именно видѣ и съ тѣми подробностями, какія передаются авторомъ, безъ всякихъ отступленій отъ изложенія ихъ въ Евангеліяхъ. Существенно важнѣе въ произведеніи Льюиса Уоллеса изображеніе быта того времени, широко и мастерски написанныя картины „восточной жизни“ въ Іерусалимѣ, въ Виѳлеемѣ, въ Антіохіи. Въ этихъ картинахъ чувствуется и большая эрудиція автора, и его близкое непосредственное знакомство съ описанными мѣстами, и выдающееся умѣнье возсоздать давно минувшее силою ума и выдающагося таланта. Въ этомъ отношеніи мы отмѣтимъ въ романѣ одинъ, впрочемъ, недочетъ, весьма серьезный, по нашему мнѣнію. Это недостаточно ярко показанныя ожиданія пришествія Мессіи и той великой нравственной смуты, такъ сказать, міровой тоски, которая томила не одну Іудею передъ явленіемъ въ свѣтъ Божественнаго Учителя. На это есть лишь намеки, довольно слабые, въ исканіяхъ „истины“ тремя мудрецами,—волхвами или магами, по Писанію,—сошедшимися по внушенію Духа въ пустынѣ изъ трехъ странъ свѣта: изъ

Египта, изъ Индіи и изъ Греціи. Тоска и исканія въ самой Іудеѣ, въ Іерусалимѣ, не выражены авторомъ настолько опредѣленно и сильно, насколько это было въ дѣйствительности, было несомнѣнно, такъ какъ безъ этого не устремились бы многотысячныя толпы на проповѣди Іоанна и Іисуса Христа. А толпы эти состояли далеко не изъ одного только простого народа и даже не изъ однихъ іудеевъ. Много понятнѣе и рельефнѣе изображена Ренаномъ нравственная тревога, охватившая въ то время великое множество людей. Тревога эта, дошедшая до страшной напряженности къ тридцатымъ годамъ христіанской эры, обусловливалась не однимъ протестомъ евреевъ противъ римскаго владычества, а болѣе широкими и высшими запросами человѣческаго духа, не находившаго уже себѣ удовлетворенія ни въ античной философіи, ни въ наукѣ, ни въ блѣднѣющихъ въ то время основахъ всего міросозерцанія. Нельзя также не упомянуть о нѣкоторыхъ длиннотахъ въ повѣсти Льюиса Уоллеса, мѣстами утомляющихъ читателя. Что же касается перевода, изданнаго г. Маракуевымъ, то мы можемъ только выразить сожалѣніе о томъ, что нашей публикѣ приходится знакомиться съ выдающимися произведеніями иностранной литературы по столь плохимъ ихъ воспроизведеніямъ на русскій языкъ. Мѣстами въ этомъ переводѣ просто ничего нельзя понять. Очень многія собственныя имена напечатаны не по-русски, а по-англійски, нѣкоторыя искажены или совсѣмъ перевраны, напримѣръ: *Джепскія* ворота, вмѣсто Яффскія ворота, Аммонъ-*Ре,* вмѣсто Аммонъ-Ра, *Кай и Юлій,* вмѣсто Кай Юлій, *Serapcion* (въ Александріи) и т. под. Бэнъ-Хуръ обращается къ римскому центуріону и говоритъ: „О, *сиръ,* эта женщина— моя мать!...“ (стр. 143). Это совсѣмъ „по-лубочному“.

Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Романъ аббата Прево. Переводъ Д. В. Аверкіева. (Новая Библіотека Суворина). Спб., 1892 г. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 60 коп. Въ предисловіи *Отъ переводчика* мы читаемъ: „Исторія Манонъ Леско, написанная въ 1735 г., нынѣ признается однимъ изъ образцовыхъ произведеній французской словесности, произведеніемъ классическимъ“... „У насъ этотъ романъ совершенно неизвѣстенъ большинству публики; лѣтъ сорокъ назадъ появился переводъ, подъ заглавіемъ *Машенька Леско.* Но онъ прошелъ почти незамѣченнымъ. Притомъ, мы полагали, что произведеніе, столь замѣчательное, требуетъ перевода болѣе тщательнаго и осмотрительнаго“... „Въ произведеніяхъ, подобныхъ *Манонъ Леско,* не малое значеніе имѣетъ языкъ, которымъ они написаны“... Все это вѣрно. Недоговорено только, что романъ этотъ долгое время считался непристойнымъ, „скабрезнымъ“, и только въ сравнительно недавнее время изъ-за его фабулы выдѣлили поучительную идею произведенія аббата Прево. Идея же: страстная слѣпая любовь къ женщинѣ, „каторжная“ любовь, по выраженію г. Аверкіева, заимствованному имъ у нашего народа, юношей до добра не доводитъ,—далеко не новая идея и трактована была весьма многократно. Къ тому же, и идея-то оказывается лишь тогда вѣрною, когда дѣло идетъ о любви юноши къ негодной женщинѣ. Въ этомъ отношеніи *Исторію Манонъ Леско* слѣдуетъ признать устарѣвшею исторіей, что не умаляетъ ея значенія „образцоваго произведенія французской словесности“, ни значенія ея, какъ мастерски написанной картины французскаго общества полтора столѣтія назадъ. Языкъ, какимъ написанъ романъ, тоже образцовый для своего времени, придаетъ картинѣ совершенно своеобразный колоритъ подлинности, непередаваемый въ копіяхъ или, что

то же, въ переводахъ. Для современнаго читателя въ этомъ и заключается вся прелесть романа, т.-е. въ неподражаемой гармоніи между формой, содержаніемъ и идеей. Читать этотъ романъ въ подлинникѣ— истинное наслажденіе,—такъ и уходишь весь мыслью и чувствомъ въ далекое прошлое, встающее въ сознаніи читателя съ чудною и увлекательною ясностью. Мы не знаемъ, возможно ли въ какомъ бы то ни было переводѣ и по прошествіи полутораста лѣтъ произвести такое же впечатлѣніе на читателя, думающаго и чувствующаго по-нынѣшнему, привыкшаго къ современному литературному языку своего отечества. Но знаемъ мы навѣрное, что въ переводѣ Д. В. Аверкіева трогательная *Исторія Манонъ Леско* никого не плѣнитъ и не растрогаетъ такъ же точно, какъ не растрогала и *Машенька Леско*. Для доказательства мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ перевода: „Было бы слишкомъ ждать такихъ благородныхъ чувствъ отъ такого, какъ онъ, человѣка, который, притомъ, и незнакомъ мнѣ. Онъ вывѣдалъ отъ нея, что ты мой сынъ, и чтобы избавить себя отъ твоей докуки, написалъ мнѣ"... (стр. 39)—„Я упалъ на полъ безъ чувствъ и сознанія. Мнѣ возвратили ихъ благодаря быстрой помощи" (стр. 40).— „Наконецъ, въ концѣ улицы я увидѣлъ..." (стр. 121).— „Ты принадлежишь къ тому полу, который для меня не переносенъ..." (стр. 153).— „Марсель прекратилъ мои страданія, принеся записку на мое имя, которую подали. Она была отъ г. де-Т." (стр. 166)... Въ двадцатыхъ годахъ такой переводъ, можетъ быть, удовлетворялъ бы русскихъ читателей, теперь же для огромнаго большинства онъ просто „непереносенъ", выражаясь языкомъ почтеннаго переводчика.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скота, въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. — Пресвитеріане. — Карлъ Смѣлый. — Певериль Пикъ. — Пертская красавица. Спб., 1893 г. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна каждой книжки 40 коп., въ папкѣ 50 коп. Вальтеръ-Скотъ родился въ 1771 году; въ 1791 году, по окончаніи курса въ Эдинбургскомъ университета, онъ вступилъ въ сословіе адвокатовъ, но юридическую карьеру оставилъ скоро и увлекся антикварнымъ дѣломъ и изученіемъ старины своего отечества, Шотландіи. Первые его литературные опыты въ стихахъ дали автору нѣкоторую извѣстность, но всемірную славу пріобрѣлъ онъ своими историческими романами къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Попытки Вальтеръ-Скота писать драмы оказались неудачными. Романы же его, и въ особенности историческіе, до сихъ поръ остаются образцовыми произведеніями. Всѣ они давно переведены на русскій языкъ, но для большой массы теперешнихъ читателей не вполнѣ доступны, отчасти по цѣнѣ, отчасти же потому, что оказываются для многихъ нѣсколько тяжелыми. Цѣна, назначенная г. Павленковымъ, по 40 коп. за романъ, послужитъ къ распространенію ихъ въ Россіи, что, разумѣется, желательно. Къ сожалѣнію, сокращенія ихъ сдѣланы неудовлетворительно. Иллюстраціи весьма удовлетворительны. Онѣ напомнил намъ французское дешевое изданіе романовъ Вальтеръ-Скота, — быт. можетъ, и заимствованы оттуда, чего мы утверждать не можемъ, н(имѣя подъ руками иллюстрированнаго парижскаго изданія. Вальтеръ Скотъ умеръ въ 1832 году.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы". *Д. С. Мережковскаго.*—„Матеріалы для біографіи Гоголя". *В. И. Шенрока.*—„Шесть статей о Пушкинѣ". *А. Н. Незеленова.* — „Уильямъ Шекспиръ". *С. И. Сычевскаго.*— „Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи". *Л. Е. Владимірова.*

О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы. Д. С. Мережковскаго. Спб., 1893 г. Г. Мережковскій полагаетъ, что „въ Россіи существуютъ истинно великія поэтическія явленія", но литература отсутствуетъ. „Между Некрасовымъ и Майковымъ, также какъ между западникомъ Тургеневымъ и народнымъ (?) мистикомъ Достоевскимъ, между Тургеневымъ и Толстымъ не было той живой терпимой и всепримиряющей среды, того культурнаго воздуха, гдѣ противуположные оригинальные темпераменты, соприкасаясь, усиливаютъ другъ друга и возбуждаютъ къ дѣятельности". По просту говоря, русское общество мало культурно. Но что это за *всепримиряющая* среда, о которой говоритъ нашъ критикъ? Такой, къ счастью, ни при какой культурѣ не было и быть не можетъ, поскольку дѣло идетъ о *западникахъ, мистикахъ* и другихъ направленіяхъ мысли. Это не примиреніе, а индифферентизмъ.

Авторъ осуждаетъ и литературные кружки, находя въ нихъ только скуку, бранитъ и *пять-шесть* редакторовъ современныхъ русскихъ журналовъ, среди которыхъ, по мнѣнію г. Мережковскаго, „нѣтъ ни одного литератора или ученаго по призванію, съ прирожденнымъ, а не симулированнымъ (?) художественнымъ или научнымъ пониманіемъ. Все это люди образованные, безкорыстные, достойные глубокаго уваженія, но въ своихъ литературныхъ вкусахъ—неизлечимые моралисты и боязливые педагоги невзрослой толпы". Рецензенту *Русской Мысли* въ свою очередь приходится либо признать мысли г. Мережковскаго вполнѣ правильными, либо подпасть подъ его суровое осужденіе. Перваго по совѣсти мы сдѣлать не можемъ.

Передъ какою-то бездной мы стоимъ,—увѣряетъ г. Мережковскій, — и восклицаетъ: *caveant consules*! Но кто же консулы, кто удержитъ и спасетъ? Надежды возлагаются на *новое теченіе*, на поэтовъ-мистиковъ, символистовъ. Эти послѣдніе „теперь въ Россіи единственная живая литературная сила. У нихъ—достаточно въ сердцѣ огня и мужества, чтобы среди дряхлаго міра всецѣло принадлежать будущему". Но кто же эти таинственные и столь прекрасные незнакомцы? Недоумѣваемъ.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. М., 1893 г. Цѣна 2 р. Второй томъ *Матеріаловъ*, которые трудолюбиво собираетъ и разрабатываетъ г. Шенрокъ, заключаетъ въ себѣ много очень интереснаго, уясняющаго душевную жизнь великаго творца *Мертвыхъ душъ*.

Г. Шенрокъ говоритъ на этотъ разъ о Гоголѣ въ періодъ *Арабесокъ* и *Миргорода*, о Гоголѣ, какъ историкѣ и педагогѣ, и объ его драматическихъ произведеніяхъ. Авторъ попутно опровергаетъ многія утвержденія и замѣчанія г. Витберга, сдѣланныя въ *Истор. Вѣстникѣ* и въ брошюрѣ *Н. В. Гоголь и его новый біографъ*.

Въ главѣ, посвященной педагогическимъ взглядамъ Гоголя и характеристикѣ тѣхъ образовъ учителей и воспитателей, которые находятся въ его произведеніяхъ, г. Шенрокъ отмѣчаетъ много поучительнаго и важнаго для уразумѣнія сложныхъ душевныхъ особенностей самого Гоголя. Біографъ говоритъ, что „теоретическія воззрѣнія ху-

дожниковъ слова большею частью остаются далеко позади ихъ творческаго откровенія". По отношенію къ Гоголю это вполнѣ справедливо и смѣшно далѣе сопоставлять смиренномудрые пустяки его *Переписки* съ глубокимъ содержаніемъ *Мертвыхъ душъ* или *Ревизора*.

Весьма кстати г. Шенрокъ сопоставляетъ педагогическія идеи Гоголя со взглядами на воспитаніе, которые высказывалъ Пушкинъ. Въ общемъ второй томъ *Матеріаловъ для біографіи Гоголя* составляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе нашей литературы о великомъ писателѣ.

Шесть статей о Пушкинѣ. А. Н. Незеленова. Спб., 1892 г. Ц. 60 к. Статьи г. Незеленова были первоначально напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Авторъ уже много лѣтъ внимательно изучаетъ великаго поэта. Со взглядами г. Незеленова далеко не всегда можно согласиться, но многіе прочтутъ его книжку съ интересомъ и не безъ пользы. Г. Незеленовъ то же любитъ *смиреніе*, какъ и г. Мережковскій, и видитъ въ этомъ свойствѣ идеальную черту нашего народа.

Въ статьяхъ почтеннаго автора часты повторенія, неизбѣжныя потому, что онъ на однѣ и тѣ же темы произносилъ нѣсколько рѣчей и писалъ нѣсколько этюдовъ. Послѣдняя изъ напечатанныхъ въ сборникѣ статей (*Жизнь А. С. Пушкина*) назначена для народа.

Уильямъ Шекспиръ. Лекціи С. И. Сычевскаго. Съ портретомъ С. И. Сычевскаго, предисловіемъ С. П. Сычевской и біографіей С. И. Сычевскаго—П. Герцо-Виноградскаго. Одесса, 1892 г. Маленькая книжечка, лежащая передъ нами, снабжена, какъ видитъ читатель, портретомъ автора и его біографіей. Это рядъ публичныхъ лекцій, читанныхъ г. Сычевскимъ въ городѣ Херсонѣ и частью напечатанныхъ затѣмъ въ провинціальной прессѣ. Мы не думаемъ, чтобы впечатлѣніе, произведенное ими на публику, уясняло необходимость приложенія къ книжкѣ портрета автора или его жизнеописанія. По крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ, ни самыя лекціи (очень добросовѣстно, впрочемъ, составленныя), ни біографическая замѣтка г. Герцо-Виноградскаго не оправдываютъ такой роскоши. Задача г. Сычевскаго—„дать понять Шекспира и дать имъ насладиться" (стр. 7). Его практическая цѣль: „возбудить въ читающей публикѣ интересъ къ Шекспиру". По мѣрѣ силъ онъ достигаетъ и того, и другаго. Даже болѣе: „дѣлая синтезъ твореній Шекспира" (стр. 8), г. Сычевскій попутно затрогиваетъ цѣлый рядъ жизненныхъ и общественныхъ вопросовъ, и хотя захватываетъ ихъ не особенно глубоко, но освѣщаетъ правдиво и всегда симпатично. Уже основная мысль его книги, что Шекспиръ былъ, прежде всего, поэтъ-гражданинъ, поэтъ не только міровой мысли, но и мысли общественной, трактовавшій въ своихъ твореніяхъ насущный интересъ своего народа и своего времени,—уже эта мысль дѣлаетъ книжку г. Сычевскаго весьма полезною для читающей молодежи. Къ сожалѣнію, г. Сычевскому очень трудно было бороться въ своей работѣ съ вліяніемъ Виктора Гюго, которому онъ сильно поклоняется: ссылаясь не разъ на послѣдняго, онъ считаетъ нужнымъ, однако, указать на самостоятельность своей работы (стр. 142); мы нимало не сомнѣваемся въ добросовѣстности г. Сычевскаго, но думаемъ, что Гюго произвелъ на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе, забыть о немъ г. Сычевскій не былъ уже въ состояніи и это, на нашъ взглядъ, главный недостатокъ его книжки... Изрѣдка спускаясь на землю, онъ просто и хорошо излагаетъ свои простыя и хорошія мысли, но большею частью зримъ мы его парящимъ въ „безднѣ и безконечности", изучающимъ „динамику человѣческаго общества", доказывающимъ „сверхчеловѣчность генія

и его стихійность". Эти задачи не по плечу г. Сычевскому: онъ дѣлается мало понятенъ, водянистъ и безсодержателенъ. Кромѣ того, для широкихъ обобщеній нужны громадныя и точныя знанія, а ихъ, какъ извѣстно, въ отношеніи къ Шекспиру, почерпнуть не откуда: мы знаемъ такъ мало о немъ и его эпохѣ, свѣдѣнія эти столь разнорѣчивы и противорѣчивы, что какіе бы то ни было выводы относительно личности самого великаго писателя едва ли пока возможны. Между тѣмъ, г. Сычевскій вполнѣ увѣренно и свободно пользуется скуднымъ матеріаломъ, представляемымъ ему источниками; ни въ характерѣ Шекспира, ни въ его твореніяхъ для него нѣтъ вопросовъ и нѣтъ темныхъ сторонъ,—онъ даже не упоминаетъ о противуположныхъ взглядахъ, и мы его личныя мнѣнія должны принимать за факты. Если бы, думается намъ, г. Сычевскій болѣе разносторонне занялся комментаторами Шекспира, изучилъ ихъ болѣе внимательно и относился къ нимъ менѣе презрительно, книжка его выиграла бы въ простотѣ, ясности и достовѣрности, и образъ Гюго,—всегда величественный, но не всегда понятный,—рѣже заслонялъ бы фигуру автора.

Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи. Л. Е. Владимірова. 1892 г. Ц. 3 руб. Настоящая книга, вмѣщающая въ себѣ 497 страницъ, полна разнообразнаго содержанія: кромѣ защитительныхъ рѣчей, читатель найдетъ въ ней шесть публичныхъ лекцій, четыре юбилейныхъ рѣчи и, наконецъ, въ приложеніи, докладъ юридическому факультету Харьковскаго университета о возведеніи извѣстнаго нашего судебнаго оратора А. Ѳ. Кони въ степень доктора уголовнаго права. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на первомъ отдѣлѣ книги, какъ на обширнѣйшемъ.

Въ этомъ отдѣлѣ автору пришлось касаться очень многихъ вопросовъ уголовнаго права и судопроизводства, устанавливать понятія и не входящія въ область этой отрасли человѣческаго знанія, высказывать защитительные доводы по разнороднымъ дѣламъ—и по должностнымъ преступленіямъ, и по дѣламъ о поджогѣ, о нѣсколькихъ видахъ убійства и т. д. Чтобъ оцѣнить значеніе этихъ рѣчей, надо принять во вниманіе слѣдующее: авторъ не только обыкновенный судебный ораторъ, выступающій въ роли защитника, но одновременно и профессоръ; самъ онъ рѣчи судебныя считаетъ дѣломъ великимъ, съ которымъ надо обращаться весьма и весьма осторожно. „Сторона,—говоритъ проф. Владиміровъ (стр. 120),—должна взвѣшивать каждое слово; ея доводы должны быть подъ постояннымъ контролемъ совѣсти. Въ особенности въ настоящее время: умъ и слово сдѣлались необузданными силами и ихъ нужно держать подъ бдительнымъ надзоромъ совѣсти... сторона должна спрашиваться мысли, что она бросила на пути присяжныхъ нѣчто такое, что ихъ путаетъ и отклоняетъ отъ пути истины... должна выбирать лишь *годное, нужное, полезное, обдуманное,* соразмѣряя силу слова съ истинною сущностью вещей". Всегда ли остается авторъ на той высотѣ, какую опредѣляетъ для судебнаго оратора? Нѣтъ, и вотъ доказательства: 1) „Могутъ ли приказанія быть обращены въ преступленія?"—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ такъ (стр. 189): „приказаніе можетъ быть тогда преступленіемъ или матеріаломъ (?) для преступленія, когда это приказаніе имѣетъ безусловную силу", что „существуетъ только въ одной сферѣ, въ сферѣ военной". Но, во-первыхъ, приказаній, имѣющихъ безусловную силу, отъ какого бы „безусловно начальствующаго лица" оно ни исходило,—нѣтъ: если начальникъ велитъ солдату выстрѣлить безъ всякаго основанія въ мирнаго

гражданина, солдатъ не смѣетъ, не долженъ исполнять такого распоряженія. А во-вторыхъ, и не военный начальникъ можетъ быть часто увѣренъ (зная положеніе и свойство подчиненнаго), что его велѣніе будетъ исполнено, и разъ оно по существу возмутительно, легко можетъ составить преступленіе. Очевидно, отвѣтъ данъ невѣрный, необдуманный. 2) Невѣрно и опредѣленіе умышленнаго преступленія (стр. 190): результатъ не обязательно долженъ равняться волѣ; такъ, наприм., я могу хотѣть смерти человѣка и къ этому результату направить всю свою дѣятельность, а намѣченная жертва можетъ отдѣлаться лишь легкою раной. 3) Нѣкто Андреевъ обвиняется въ томъ, что отъ его неосторожныхъ дѣйствій и распоряженій послѣдовала смерть желѣзно-дорожнаго рабочаго; защитникъ стремится доказать невиновность кліента и наличность простого несчастія и, отыскивая разгадку, „почему намъ хочется видѣть причину этого несчастія въ какомъ-нибудь человѣкѣ", говоритъ (стр. 194): „это происходитъ отъ того, что мы хотимъ чувствовать, а не мыслить (судъ и палата, однако, обвинили Андреева); не желаемъ признать, что нѣтъ ни одного великаго сооруженія, нѣтъ ни одного общественнаго факта, который бы не влекъ за собою извѣстныхъ жертвъ... Вездѣ необходимы жертвы! Къ счастью человѣка и цѣлаго общества ведетъ путь несчастія!" Неужели и это правда? неужели и отмѣна, наприм., тѣлеснаго наказанія—безспорно важный общественный фактъ—повлекло за собою жертвы, и неужели желающій, положимъ, облагодѣтельствовать городъ многоэтажною богадѣльней долженъ примириться съ тѣмъ, что при ея постройкѣ кто-нибудь непремѣнно погибнетъ, а уголовное право — признать особую презумпцію несчастія? Такія разсужденія автора — не защитительные доводы. 4) Нѣсколько странно звучитъ въ устахъ ученаго оратора и заявленіе, что если ему приходится имѣть дѣло не съ судомъ присяжныхъ, то это „развязываетъ руки" и „даетъ право и возможность излагать, не стѣсняясь, теоретичны ли будутъ мои объясненія или нѣтъ" (стр. 189); тѣмъ болѣе странно, что, по мнѣнію самого же автора, хорошая судебная рѣчь „отличается отъ ученой работы только внѣшнею формой" (стр. 478). 5) Рядъ невѣрностей высказанъ проф. Владиміровымъ и въ рѣчи по дѣлу баронессы В. Т.: подозрѣнія, предположенія на языкѣ юристовъ никогда не назывались уликами; „позволили основывать приговоры на уликахъ" вовсе не потому, что введенъ судъ присяжныхъ и „предполагается, что 12 человѣкъ обезпечиваютъ правильное рѣшеніе дѣла", ибо иначе коронные судьи и до сихъ поръ руководились бы теоріей формальныхъ доказательствъ; никогда, наконецъ, не считалось отличительнымъ свойствомъ уликъ, чтобъ умъ человѣческій безусловно вѣрилъ въ созданную имъ цѣпь обстоятельствъ и не могъ отказаться отъ разъ принятой идеи, „призрака"; кстати укажемъ здѣсь же и на неудачное дѣленіе авторомъ уликъ на современныя, послѣдующія и не имѣющія названія, что мы видимъ въ другой рѣчи (стр. 213). 6) Не можемъ мы одобрить и нѣкотораго расшаркиванія предъ судомъ, ь которому прибѣгаетъ порою ораторъ. Зачѣмъ такія фразы, какъ „ва е доблестное служеніе правосудію въ теченіе продолжительнаго засѣ - нія..." или: „я знаю, что въ настоящемъ судѣ присяжныхъ, составле - номъ изъ выборныхъ съ повышеннымъ образовательнымъ цензомъ, нѣ ь прежняго предубѣжденія противъ полиціи, а потому я безбоязненно прис - паю къ защитѣ"? (стр. 49, 236). По меньшей мѣрѣ, это къ разъясне о истины не служитъ. 7) Зачѣмъ, далѣе, упоминать въ рѣчи о таки ь обстоятельствахъ, которыя не были предметомъ судебнаго слѣдст я

(стр. 115), когда это осуждается теоріей и не дозволяется закономъ? 8) Минуя нѣкоторые своеобразные взгляды автора, наприм., на цѣли наказанія (стр. 119, 120, 147), на экспертовъ (стр. 80—85, 122—125, 172 и 264) и т. п., мы остановимся на его отношеніи къ обвинительной власти. Вообще оно ровное, полное достоинства; но по одному дѣлу проф. Владиміровъ увлекся, что и надо отмѣтить, дабы молодые юристы не взяли въ образецъ именно этой рѣчи (стр. 179). Вотъ какъ имъ характеризуется обвинительный актъ: „онъ меня поразилъ фактическимъ содержаніемъ, потому что, представляя дѣйствительно картину, которая была какъ будто вырвана изъ хижины дяди Тома, гдѣ представляется плантаторъ съ бичомъ въ рукахъ, грозящій, преслѣдующій рабочихъ и заставляющій ихъ жертвовать жизнью ради пользы своего барина...“ Злополучный обвинительный актъ приведенъ въ книгѣ и, читая его, выносишь совсѣмъ иное впечатлѣніе; это и прибавляетъ удивленія, какъ могъ ученый ораторъ такъ увлечься, тѣмъ болѣе, что обвиненіе поддерживалъ тотъ самый Кони, который, по словамъ автора, умѣетъ и желаетъ отличить „преступленіе отъ несчастія“. На этомъ мы и покончимъ съ недостатками рѣчей. На ряду съ ними рѣчи имѣютъ и крупныя достоинства: хорошія по формѣ, онѣ всегда основаны на детальномъ знаніи дѣла.

Изъ публичныхъ лекцій мы упомянемъ объ одной—о реформѣ уголовной защиты, которая интересна тѣмъ, что дозволяетъ „защитнику вести защиту подсудимаго при полномъ убѣжденіи въ его виновности, хотя бы при этомъ защита прямо основывалась на отрицаніи этой виновности“ (?!), и предлагаетъ ввести *допросъ* защитнику чрезъ предсѣдателя для болѣе точнаго уразумѣнія основаній защиты. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ такой реформы, скажемъ лишь, что по сознанію автора даже весь успѣхъ предлагаемой реформы, стремящейся защиту сдѣлать серьезной, безъ софизмовъ и не пустозвонной, обусловливается дѣловитостью и знаніями предсѣдателя, который (прибавимъ отъ себя) въ резюме и теперь можетъ оберечь присяжныхъ отъ вліянія софизмовъ и красивыхъ фразъ.

Въ заключеніе скажемъ о лучшихъ безспорно страницахъ книги: разумѣемъ докладъ объ А. Ѳ. Кони. Этотъ очеркъ, въ высшей степени вѣрный по оцѣнкѣ трудовъ почтеннаго криминалиста, написанъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла, красиво и сильно; онъ изобличаетъ въ авторѣ человѣка съ большими дарованіями и невольно задаешься вопросомъ, что ему мѣшаетъ быть такимъ же въ другихъ его трудахъ?

ФИЛОСОФІЯ.

„Вопросы философіи и психологіи“.—„О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“. *А. Введенскаго.*

Вопросы философіи и психологіи, *январь.* Въ январской книжкѣ московскаго философскаго журнала три статьи посвящены критикѣ воззрѣній Ницше, ученіе котораго было такъ обстоятельно и талантливо передано г. Преображенскимъ въ послѣдней книжкѣ *Вопросовъ философіи и психологіи* за прошлый годъ. Самъ редакторъ журнала, проф. Гротъ, разбираетъ, противупоставляя и сравнивая ихъ, Ницше и гр. Л. Н. Толстаго.

Проф. Гротъ полагаетъ, что въ настоящее время „дѣло идетъ, повидимому, о коренномъ измѣненіи міросозерцанія, о полной переработкѣ

идеаловъ". Теперь еще господствуетъ компромиссъ между христіанскими и языческими идеалами, думаетъ г. Гротъ. „Мы всѣ,—по его мнѣнію,—ищемъ, всѣ жаждемъ новыхъ идеаловъ, мы всѣ болѣе или менѣе больны скептицизмомъ, всѣ полны отвращенія къ существующему нравственному порядку, всѣ чувствуемъ, что на свѣтѣ совершается что-то неладное, странное, болѣзненное, не могущее быть долго терпимымъ". Н. Я. Гротъ говоритъ далѣе, что каждый изъ насъ старается *отыскать или создать себѣ новый, добрый и прочный идеалъ существованія.* Намъ это мнѣніе представляется не совсѣмъ правильнымъ. Нравственный идеалъ человѣка, любящаго ближняго, какъ самого себя,—идеалъ, возвѣщенный Евангеліемъ, не требуетъ ни поисковъ, ни созданія. Препятствія, которыя заключались и заключаются въ условіяхъ времени и мѣста для его осуществленія, ясно сознаются все большимъ и большимъ числомъ образованныхъ людей, и препятствія эти состоятъ въ дурныхъ общественныхъ порядкахъ, которыми обусловливается и плохое воспитаніе въ семьѣ и школѣ.

Г. Гротъ считаетъ нелѣпымъ тотъ *легкомысленный* компромиссъ между язычествомъ и христіанствомъ, который господствовалъ въ послѣднія три столѣтія. Авторъ статьи *Нравственные идеалы нашего времени* полагаетъ, однако, что *настоящій нравственный идеалъ* долженъ быть отысканъ, все-таки, въ примиреніи внѣшняго и внутренняго, матеріальнаго и духовнаго, языческаго и христіанскаго. Проф. Гротъ смотритъ на наше время совсѣмъ не пессимистически. Прежняя ложь жизни и лицемѣрная поддѣлка нравственности,—говоритъ онъ,—становятся все труднѣе и труднѣе. „Мы ужасаемся передъ громаднымъ разбоемъ, который совершался въ послѣдніе годы во Франціи. Но не должны ли мы, напротивъ, восторгаться передъ тѣмъ, что столь ловко подстроенный грабежъ такъ удачно раскрылся и что милліонеры, герои его, попали на скамью подсудимыхъ?"

Разбираютъ и возражаютъ Ницше и Л. М. Лопатинъ, и П. Е. Астафьевъ,—оба метафизики, оба обладающіе *единою абсолютною истиной* и потому говорящіе противуположныя вещи. Для г. Лопатина аргументація Ницше очень слаба, въ большей части случаевъ ея вовсе нѣтъ. Типическимъ примѣромъ этому служитъ, по мнѣнію Л. М. Лопатина, выведеніе сострадания изъ чувства силы. Много очень цѣнныхъ и важныхъ замѣчаній,—пишетъ г. Астафьевъ,—представляетъ у Ницше критика Шопенгауэрова ученія о чувствѣ состраданія; Ницше очень остроумно *доказываетъ*, что это чувство не открыто Шопенгауэромъ, и т. д. У Ницше,—говоритъ г. Астафьевъ,—мы находимъ блестящія и *неотразимо-убѣдительныя страницы.* Правда, авторъ статьи въ *Вопросахъ философіи и психологіи* надѣляетъ Ницше всѣми этими лестными эпитетами только за его критику утилитарной морали и альтруизма; но читателю трудно повѣрить г. Астафьеву, будто всѣ такія свойства нѣмецкаго философа совершенно исчезаютъ, когда его критика направляется противъ тѣхъ воззрѣній, за которыя стоитъ самъ г. Астафьевъ.

Онъ считаетъ ложнымъ утвержденіе, что *основаніе* нравственнаго *закона* нужно искать въ *цѣляхъ* жизни. А г. Гротъ, какъ извѣстно читателямъ *Русской Мысли,* признаетъ эвдемонизмъ существеннымъ признакомъ всѣхъ безъ исключенія нравственныхъ ученій *).

---

*) Не лишено интереса и слѣдующее обстоятельство: г. Астафьевъ весьма пори-цаетъ Ницше за то, что для него жизнь особи—сама себѣ цѣль и оправданіе, что цѣнность жизни возвышаютъ полнота, энергія, широкій разцвѣтъ ничѣмъ несвязанно

Статья г. Боборыкина *Красота, жизнь и творчество* еще не кончена въ январьской книжкѣ *Вопросовъ философіи и психологіи.* Мы вернемся поэтому къ ней впослѣдствіи, а покуда отмѣтимъ только одно недоразумѣніе. Г. Боборыкинъ полагаетъ, что въ нашей литературѣ ново утвержденіе, что необходимо „*изучать* область психической жизни человѣка, связанную съ искусствомъ и творчествомъ, самостоятельно, научно-эстетическимъ путемъ, а не подчиненно, не въ интересахъ только морали и публицистики". Кто же, однако, предлагаетъ *изучать* искусство въ интересахъ только публицистики и морали? Изучать можно и должно единственно въ интересахъ истины, научнымъ путемъ, *оцѣнивать* же художественныя произведенія необходимо и съ эстетической, и съ нравственной, и съ общественной точекъ зрѣнія.

Интересна статья г. Конисси, японца, о *Великой наукѣ Конфуція* (переводъ съ китайскаго).

В. С. Соловьевъ еще не кончилъ своего метафизическаго раскрытія *Смысла любви.* Идеальный смыслъ любви *) не осуществляется въ дѣйствительности до настоящаго времени; но нѣтъ основанія отрицать возможность такого осуществленія, замѣчаетъ г. Соловьевъ: „вѣдь въ томъ же положеніи находилось нѣкогда и многое другое, напримѣръ, всѣ науки и искусства, гражданское общество, управленіе силами природы. Да и самое разумное сознаніе, прежде чѣмъ стать фактомъ въ человѣкѣ, было только смутнымъ и безуспѣшнымъ стремленіемъ въ мірѣ животныхъ".

Въ спеціальномъ отдѣлѣ журнала, по обыкновенію, напечатано нѣсколько очень обстоятельныхъ статей по важнымъ психологическимъ вопросамъ (Н. Ланге: *Законъ перцепціи;* П. Соколовъ: *Къ вопросу о задачахъ и методахъ психологіи*).

Г. Чижъ помѣстилъ отчетъ о брюссельскомъ конгрессѣ криминальной антропологіи, о которомъ мы печатаемъ статью Д. А. Дриля. Г. Чижъ весьма преувеличиваетъ заслуги Ломброзо и итальянской школы, къ французамъ же (къ Тарду, Лякассань и другимъ) относится такъ пренебрежительно, что вызываетъ невольную улыбку.

Критико-библіографическій отдѣлъ *Вопросовъ философіи и психологіи* полонъ интереса (помѣщены статьи и замѣтки кн. С. Трубецкого, гг. Мокіевскаго, Ивановскаго, Паперна, Колубовскаго, Челпанова и др.). Любопытна и полемика гг. Лопатина и Иванцова о томъ, что такое индукція.

О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. А. Введенскаго, Спб., 1892 г. Изслѣдованіе г. Введенскаго посвящено „новому психо-физіологическому закону". Авторъ старается доказать, съ большимъ остроуміемъ, отсутствіе объективныхъ признаковъ одушевленія. По его мнѣ-

---

индивидуальной жизни. Ницше—врагъ политической и общественной равноправности. Между тѣмъ, единомышленникъ г. Астафьева, покойный Леонтьевъ, высказывалъ точно такія же мысли. Въ лучшемъ своемъ *философскомъ* произведеніи, въ письмѣ къ г. С. Васильеву (*Русское Обозрѣніе,* январь 1893 г.), Леонтьевъ пишетъ, что „жизнь прекраснѣе (красивѣе, полнѣе, содержательнѣе, солиднѣе и т. д.), когда есть рѣзкое раздѣленіе сословій и положеній". Ницше является врагомъ христіанской любви; вооружается противъ этой любви и Леонтьевъ, надѣясь, съ благословенія *оптинскихъ старцевъ,* такъ прихлопнуть всю эту *анаѳемскую демократію,* что только мокро останется. Если у Ницше *нравственный идеалъ декадента,* какъ выражается г. Астафьевъ, то у единомышленника послѣдняго, Леонтьева, онъ еще хуже.

*) „Любовь,—говоритъ г. Соловьевъ,—важна не какъ одно изъ низшихъ чувствъ а какъ перенесеніе всего нашего жизненнаго интереса изъ себя въ другое, какъ перестановка самого центра нашей личной жизни".

нію, существованіе чужого одушевленія возможно допустить только путемъ достовѣрнаго трансцендентно-метафизическаго познанія, органомъ котораго является, будто бы, нравственное чувство. Проф. Гротъ въ своихъ положеніяхъ, выставленныхъ въ психологическомъ обществѣ противъ положеній проф. Введенскаго, справедливо утверждаетъ, что нравственное чувство само требуетъ обоснованія и доказательства. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ подтверждается предположеніе о вѣроятности, по крайней мѣрѣ, двухъ мнѣній, если два метафизика начнутъ обсуждать принципіальные вопросы изъ области безусловнаго, трансцендентнаго, апріорнаго.

Неутѣшительныя перспективы для будущаго метафизики раскрываетъ г. Введенскій въ своемъ изслѣдованіи, которое обнаруживаетъ большую силу мышленія автора и тонкость анализа, потраченныя, по нашему мнѣнію, на безплодное дѣло. Всѣ попытки и методы для рѣшенія метафизическихъ вопросовъ,—говоритъ г. Введенскій,—исторически обнаружили свою несостоятельность. Кантовскій критицизмъ,—говоритъ г. Введенскій (онъ самъ кантіанецъ),—выяснилъ, что всѣ метафизическія системы ничего и дать не могутъ. Съ этимъ нельзя не согласиться; но почтенный авторъ утверждаетъ, что кантовскій методъ, тоже покуда ничего не давшій, рано или поздно, дастъ что-либо прочное, „хотя,—прибавляетъ г. Введенскій,—построенная при его помощи метафизика и будетъ *теоретически недоказуема*, но за то *неоспорима* и чужда догматизма“. Странная это была бы метафизика, замѣтимъ мы, но надо надѣяться, что успѣхи психо-физіологіи предохранятъ въ будущемъ отъ такой растраты крупныхъ умственныхъ силъ, какую мы видимъ въ изслѣдованіи *О предѣлахъ и признакахъ одушевленія*.

ИСТОРІЯ И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол.“. *М. Довнаръ-Запольскаго.*—„Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія“. *М. Грушевскаго.*—„Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г.“. *А. В. Экземплярскаго.* —„О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время“. *Р. В. Зотова.*—„Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка“.—*Н. А. Осокина.*—„Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы“. *Проф. П. А. Висковатова.*—„Къ литературной исторіи Вольтера“. *Проф. Барсова.*—„Этюды о Данте“.

Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія. М. Довнаръ - Запольскаго. Кіевъ, 1891 г.—Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. М. Грушевскаго. Кіевъ, 1891 г.—Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г. А. В. Экземплярскаго. Т. II, Спб., 1891 г.—О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Р. В. Зотова. Спб., 1892 г. Рядъ изслѣдованій, заглавія которыхъ здѣсь выписаны, представляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе для исторіи древне Руси. Первыя двѣ работы, *гг. Довнаръ-Запольскаго* и *Грушевскаго*, вы шли изъ школы кіевскаго проф. Антоновича и составляютъ продолже ніе и завершеніе прежнихъ историческихъ трудовъ той же группы кіев скихъ ученыхъ, каковы изслѣдованія *г. Молчановскаго*—о Подольско землѣ, *г. Андріяшева*—о Волынской землѣ, *гг. Багалѣя* и *Голубовскаго*—о Сѣверской землѣ и послѣдняго учепаго—о населеніи южно-русских степей. Авторъ *Очерка исторіи Кривичской и Дреговичской земель* оста навливаетъ пока изслѣдованіе на XII вѣкѣ и предупреждаетъ читател

что предлагаемая имъ работа составляетъ только часть труда, имъ задуманнаго, и даже въ избранныхъ имъ предѣлахъ „требуетъ болѣе тщательной и полной разработки“. Дѣйствительно, авторъ обошелъ пока вопросъ о показаніяхъ археологическихъ данныхъ, въ настоящее время значительно пополненныхъ экскурсіями проф. Завитневича; онъ опустилъ также связанный съ изученіемъ этихъ данныхъ вопросъ о кривичской и дреговичской колонизаціи въ сосѣднія земли. Не вводя, такимъ образомъ, въ изслѣдованіе новаго матеріала, г. Довнаръ-Запольскій представилъ, однако, весьма полную сводную работу по лѣтописямъ и существующей литературѣ, старой и новой. Большое вниманіе обращено авторомъ на комментарій историко-географическихъ данныхъ; особенно заслуживаетъ упоминанія тщательный разборъ топографическихъ показаній уставной грамоты Ростислава Мстиславича 1157 г. *Географическій очеркъ*, составляющій первую часть работы, занимается опредѣленіемъ территорій Туровскаго, Смоленскаго и Полоцкаго княжествъ; во второй части, въ *Историческомъ очеркѣ*, авторъ слѣдитъ за постепеннымъ выдѣленіемъ этихъ княжествъ и за ихъ исторіею до конца XII в. Изслѣдованіе г. Грушевскаго есть такая же сводная работа; но уже по самой темѣ эта работа представляетъ болѣе широкій интересъ: изучая исторію Кіевской земли, г. Грушевскій поневолѣ выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ мѣстной исторіи и имѣетъ дѣло съ вопросами общерусской исторіи. Какъ центръ южно-русской исторіи, Кіевъ всегда привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей, и естественно, что автору пришлось имѣть дѣло съ довольно общирною литературой. Къ литературѣ этой г. Грушевскій отнесся чрезвычайно внимательно; постоянное сопоставленіе различныхъ мнѣній по спорнымъ вопросамъ составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ его книги и дѣлаетъ ее весьма полезною.

Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Н. А. Осокина. Изданіе 2-е. Казань, 1892 г. Актовая рѣчь, произнесенная проф. Осокинымъ въ Казани въ 1885 году, вышла вторымъ изданіемъ. Успѣхъ ея въ публикѣ нельзя не признать заслуженнымъ. Въ противуположность *Исторіи среднихъ вѣковъ*, изданной съ величайшею небрежностью и переполненной ошибками, небольшая брошюра, заглавіе которой мы выписали, представляетъ живо и толково изложенный очеркъ главныхъ событій въ политической исторіи Европы въ первыя 50 лѣтъ нашего вѣка. Особенной учености или оригинальности авторъ не проявилъ и, какъ рѣчь въ ученомъ собраніи, брошюра представлятся, можетъ быть, пѣсколько странною. Но въ настоящемъ своемъ видѣ, какъ популярно написанный обзоръ, произведеніе г. Осокина имѣетъ значеніе. Его можно рекомендовать многочисленнымъ читателямъ, которые желали бы осмотрѣться въ сложной политической исторіи XIX вѣка. Несмотря на краткость, изложеніе имѣетъ именно характеръ очерка, а не конспекта. Остается пожелать, чтобы читатели г. Осокина не остановились на его книжкѣ, а перешли к болѣе обстоятельному ознакомленію съ XIX вѣкомъ.

Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы. Проф. П А. Висковатова. Дерптъ, 1892 г. У насъ такъ мало пособій для о накомленія съ исторіей новой нашей литературы, что небольшая (l стр.) книжка проф. Висковатова пополняетъ весьма существенный п обѣлъ. Библіографическія примѣчанія дадутъ возможность желающему б иже ознакомиться съ писателемъ и его критиками найти сразу под х ящій матеріалъ. Издатель имѣлъ въ виду, прежде всего, интересы д онтскихъ студентовъ, но *Сжатый обзоръ* пригодится многочисленному

классу читателей. Нѣкоторыя выраженія автора могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ (напримѣръ: „Всѣ замѣчательные типы въ нашихъ романахъ по наши дни (до Тургенева и Гончарова) имѣютъ Евгенія Онѣгина своимъ родоначальникомъ“. А Базаровъ? Маркъ Волоховъ? и т. п.). Проф. Висковатовъ указываетъ, что Россія, за короткое сравнительно время, выработала беллетристику, „высокую не только съ точки зрѣнія содержанія и руководящихъ идей, но и высокую со стороны изящнаго, прекрасную въ эстетическомъ отношеніи“. Въ этомъ соединеніи этическихъ и эстетическихъ требованій П. А. Висковатовъ видитъ отличительную черту нашей литературы.

Къ литературной исторіи Вольтера. Вольтеръ и римскія дѣянія. Проф. Барсова, Спб., 1892 г. Грустное впечатлѣніе производитъ этотъ запоздавшій пасквиль на великаго французскаго писателя. Изучая *Римскія Дѣянія* по изданію Эстерлея, г. Барсовъ „такъ сказать, случайно“ натолкнулся на „любопытный фактъ изъ исторіи западно-европейской литературы, доселѣ не обращавшій, насколько намъ (г. Барсову) извѣстно, на себя вниманія“. Мы знаемъ *причину этой случайности*: г. Барсовъ прямо позаимствовалъ указаніе на *общественный* фактъ изъ примѣчаній того же Эстерлея (Oesterley), но почему-то хотѣлъ сохранить за собой пріоритетъ. Столь поразившій г. Барсова фактъ сводится къ слѣдующему: одна изъ главъ вольтеровскаго *Задига*, котораго нашъ авторъ упорно называетъ Цадигомъ, оказалась сходной съ однимъ разсказомъ *Дѣяній*. „На языкѣ критики (къ чему тутъ критика?) это называется плагіатомъ“,—величественно восклицаетъ нашъ запоздавшій поборникъ правъ литературной собственности; это—„вещь изумительная“, „въ беллетристической литературѣ великихъ писателей этотъ истинный и настоящій плагіатъ составляетъ, по-нашему (г. Барсова) мнѣнію, единственное явленіе на всемъ пространствѣ исторіи литературы“. Все это пока только малограмотно, безтактно и невѣжественно; дальше пойдутъ болѣе некрасивыя вещи: „*вся 20-я* глава... романа *Zadig*... есть ничто иное, какъ *буквальное повтореніе* 80-й главы *Дѣяній* безъ малѣйшаго намека на источникъ“; „самая фабула *большей части* романа записана цѣликомъ“; „въ *романѣ* „Цадигъ“ *вполнѣ* отсутствуетъ личное художественное творчество самого Вольтера, такъ что онъ даетъ въ *своемъ романѣ* не больше, какъ точное, *почти буквальное* повтореніе того, что содержится въ *Римскихъ Дѣяніяхъ*“. Такъ, на протяженіи небольшой брошюры, *одна глава* къ вящшему посрамленію Вольтера незамѣтно расширилась въ цѣлый романъ. Зачѣмъ г. Барсову понадобилось обнаруживать свое полное невѣжество въ исторіи всеобщей литературы и всю недоброкачественность своихъ писательскихъ пріемовъ? Если онъ ужъ считаетъ нужной борьбу съ Вольтеромъ, то ей, все-таки, слѣдовало придать болѣе пристойный характеръ.

Этюды о Дантѣ. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла“. Ч. II. Харьковъ, 1892 г. О первомъ выпускѣ труда г. Шепелевича намъ уже приходилось говорить на страницахъ *Русской Мысли*. Второй выпускъ посвященъ западнымъ редакціямъ и изводамъ *Павлова Видѣнія*. Въ первой главѣ г. Шепелевичъ даетъ обзоръ латинскихъ редакцій, указываетъ ихъ характерныя черты и удачно намѣчаетъ ихъ взаимныя отношенія; по пути онъ дѣлаетъ нѣсколько поправокъ и дополненій къ первому выпуску (кстати, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, въ скоромъ времени выйдетъ третій выпускъ—дополнительный по отношенію къ предъидущимъ: такъ самый процессъ работы привелъ г. Шепелевича къ очень значительнымъ пристройкамъ и перестройкамъ). Въ сл-

дующихъ двухъ главахъ авторъ переходитъ къ французскимъ, итальянскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ обработкамъ *Видѣнія,* обстоятельно анализируетъ ихъ содержаніе и устанавливаетъ зависимость большинства изъ нихъ отъ псевдо-бедовой гомиліи—одной изъ латинскихъ редакцій *Видѣнія,* приписываемой Бедѣ. Основная тенденція западныхъ обработокъ—необходимость достойнаго празднованія воскреснаго дня; это и заставило г. Шепелевича въ 4-й главѣ перейти къ вопросу о „воскресномъ покоѣ *Павлова Видѣнія*“, освобожденіи грѣшниковъ отъ мукъ въ воскресеніе. По богатству данныхъ и методическимъ пріемамъ это одна изъ лучшихъ главъ настоящаго труда: г. Шепелевичъ даетъ обстоятельную исторію вопроса о возможности временнаго освобожденія отъ загробныхъ мукъ, очень интересовавшаго средневѣковыхъ теологовъ, и характеризуетъ отношеніе къ нему Данта. Въ послѣдней главѣ г. Шепелевичъ подводитъ итоги своему труду и задается вопросомъ объ отношеніи лѣствицъ адскихъ наказаній въ *Павловомъ Видѣніи* и *Божественной Комедіи.* По его мнѣнію, эти отношенія сводятся почти къ нулю: „между нашимъ апокрифомъ и *Божественною Комедіей* такое же отношеніе, какъ между дѣтскимъ лепетомъ и изысканною рѣчью оратора“, „только въ немногихъ случаяхъ мы можемъ указать на общіе образы и концепціи, но и это сходство весьма смутно и отдаленно“ (стр. 96). Въ другомъ мѣстѣ авторъ высказывается еще рѣшительнѣе, забывая о своемъ введеніи къ первому выпуску и заглавіи своего труда: вникнувъ въ детали, авторъ перемѣнилъ фронтъ, и конецъ изслѣдованія въ значительной степеніи разошелся съ началомъ. Въ приложеніяхъ впервые напечатаны два французскихъ и одинъ латинскій текстъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

„Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь“. *Н. Аброва.*—„Czesky Lid“.

Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. Впечатлѣнія и замѣтки. Николая Аброва. Москва, 1893 г. Цѣна 1 рубль. Г. Абровъ совершилъ свое путешествіе прошедшею весной 1892 года. Насъ могутъ спросить, почемъ мы это знаемъ, когда въ его замѣткахъ годъ обозначенъ не точно, съ замѣною послѣдней цифры точкой? Мы знаемъ по очень простому указанію: такъ какъ авторъ говоритъ, что Свѣтлое Воскресеніе приходилось 5 апрѣля,—что и было въ прошломъ году,—и провелъ онъ его на пароходѣ въ пути отъ Марселя прямо въ Пирей безъ захода въ другіе порты, и, если видѣлъ землю, то лишь изрѣдка съ палубы корабля, хотя порою и довольно близко. Трое съ половиной сутокъ въ открытомъ морѣ, при великолѣпной погодѣ,—отличнѣйшая прелюдія для того, чтобы насладиться потомъ во всей полнотѣ прелестью Аѳинъ и ихъ окрестностей. Тѣломъ отдохнешь и, въ особенности, духомъ отъ городской пестроты и сутолочи, и отъ дурманящей человѣка трепки въ вагонахъ. Въ Аѳины и въ Константинополь надо непремѣнно ѣхать моремъ, а отнюдь не по желѣзнымъ дорогамъ, если хочешь видѣть эти города во всей ихъ красѣ. Отъ Пирея до столицы Греціи всего часъ ѣзды въ удобной коляскѣ, по хорошему шоссе, окаймленному тѣнистыми деревьями. Г. Абровымъ очень живо и, судя по нашему личному опыту, очень вѣрно переданы впечатлѣнія, которыя испытываетъ туристъ въ этомъ новень-

комъ бѣленькомъ городкѣ, полномъ дивныхъ остатковъ античной жизни, несмотря на всѣ разрушенія и разграбленія, начиная съ персовъ и кончая лордомъ Эльджиномъ. Кто былъ въ Аѳинахъ, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ главы этой книжки, посвященныя Акрополю и его храмамъ, музеямъ, Элевзису, Фалеру и опять Акрополю, отъ котораго глазъ нельзя оторвать, храму Тезея и храму Эрехтея... „Дивныя минуты пережилъ я здѣсь и моя жизнь обогатилась безцѣнными неотъемлемыми сокровищами. Благоговѣйно преклонился я предъ божественнымъ безсмертнымъ геніемъ человѣчества и, полный удивленія и восторга, простился съ священнымъ Акрополемъ". Такъ заключаетъ авторъ свои воспоминанія объ Аѳинахъ, и всѣ, тамъ бывшіе, знаютъ, что это не фразы, что изъ сказаннаго г. Абровымъ слова нельзя выкинуть. Небывавшимъ въ тѣхъ мѣстахъ, послѣ прочтенія описаній автора, навѣрное, захочется все это увидать своими глазами, пережить своею душой. Въ Константинополѣ г. Абровъ пробылъ около сутокъ, лишь столько времени, сколько простоялъ на рейдѣ русскій пароходъ, шедшій изъ Пирея. Но путешественникъ нашъ попалъ туда въ очень интересное время, въ день Байрама, великаго мусульманскаго праздника, которымъ заканчивается постъ Рамазанъ. Большое достоинство книги заключается въ простотѣ и искренности разсказовъ, безъ громкихъ фразъ, безъ претенціозныхъ описаній всякихъ красотъ, безъ напускного паѳоса и никому ненужнаго остроумничанья. Такія путешествія читать такъ же пріятно, какъ слушать умнаго разсказщика, повѣствующаго о своихъ странствованіяхъ безъ вычуръ и гримасъ.

Czesky Lid (Чешскій народъ). Rocznik I, 2—6. Послѣдніе нумера новаго чешскаго фольклёристскаго журнала, о которомъ уже была рѣчь на страницахъ *Русской Мысли*, составлены довольно разнообразно и интересно. Попрежнему, сырые этнографическіе и археологическіе матеріалы составляютъ главную основу изданія, но подборъ ихъ теперь разсчитанъ не на однихъ только спеціалистовъ: попадаются статьи, написанныя живо и интересно, дающія довольно рельефныя картинки тѣхъ или иныхъ сторонъ чешской деревенской жизни, столь мало намъ извѣстной; напечатано нѣсколько изслѣдованій, интересныхъ по содержанію и пріемамъ; библіографія отличается меньшею случайностью и большею систематичностью.

Г. Тилле напечаталъ интересный разборъ извѣстныхъ легендъ о *Пшемыслѣ* и *Штѣпанѣ*, которые, по преданію, сдѣлались изъ простыхъ крестьянъ чешскимъ княземъ и венгерскимъ королемъ. Исторія этихъ легендъ прослѣжена г. Тилле очень обстоятельно; съ методической точки зрѣнія, кажется намъ, было бы болѣе плодотворнымъ и научнымъ не уединять эти легенды, а изучать ихъ въ связи съ другими легендами того же типа: расширеніе горизонта намѣтило бы и нѣсколько иную постановку вопроса, и дало бы болѣе устойчивые результаты. Небольшая замѣтка г. Винтера: *Свидѣтельство мертвеца*—посвящена средневѣковому обычаю подводить къ тѣлу убитыхъ заподозрѣнныхъ в убійствѣ: если выступала изъ ранъ кровь, это служило непререкаемымъ свидѣтельствомъ преступленія. Замѣтка составлена на основаніи свѣжихъ матеріаловъ (главнымъ образомъ, архивныхъ) и читается съ интересомъ. Гг. Черному и Патку принадлежатъ очень цѣнные, полные и систематически составленные обзоры лужицкой и чешской (за 1890 г.) фольклёристики.

Статьи г-жи Тыршовой (о чешскихъ народныхъ вышивкахъ на пражской выставкѣ), г. Бартоша (моравскіе хозяйственные обычаи и повѣ

рія), г. Коули (о словенскихъ народныхъ костюмахъ), г. Коштьяля (водникъ въ повѣріяхъ чешскаго народа), которыя были начаты въ первомъ выпускѣ, попрежнему, даютъ много новыхъ, цѣнныхъ для этнографа фактовъ; первая статья иллюстрирована прекрасными рисунками, которыми вообще щеголяетъ *Чешскій народъ*. Остальныя статьи по большей части посвящены мелкимъ этнографическимъ и археологическимъ вопросамъ, наприм., народной кухнѣ и пр., и общаго интереса не представляютъ. Съ внѣшней стороны изданіе, попрежнему, безукоризненно.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Исторія политической экономіи". *А. И. Чупрова*.—„Курсъ національной и соціальной экономіи со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма". *Дюринга*.

Исторія политической экономіи. А. И. Чупрова. 1892 г. Авторъ не ограничивается изложеніемъ экономическихъ ученій, а даетъ характеристику и хозяйственнаго быта въ разные періоды. Дѣлая очеркъ прежнихъ вѣковъ, г. Чупровъ знакомитъ насъ съ аграрнымъ строемъ средневѣковой Англіи, съ ея ремесломъ и городскими промыслами и останавливается на цеховомъ строѣ. Главнымъ выразителемъ средневѣковыхъ экономическихъ идей служитъ Θома Аквинскій. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени характеризуется паденіемъ крѣпостного права, процессами обезземеленія сельскихъ классовъ, разложеніемъ ремесла, цехового строя, возникновеніемъ торговаго капитала, домашней системы крупнаго производства и мануфактуры. Сдѣлавъ очеркъ тѣхъ новыхъ формъ, которыя выработались въ сферѣ обмѣна, авторъ излагаетъ ученіе меркантилистовъ въ лицѣ Стаффорда и Мёна. Крайности меркантилистовъ должны были вызвать реакцію, которую и вынесли на своихъ плечахъ Петти, Нортъ, Юмъ и Локкъ въ Англіи и физіократы во Франціи. Дальнѣйшія главы отведены Смиту, Мальтусу, Рикардо и школѣ этихъ экономистовъ въ разныхъ странахъ Европы. Въ концѣ книги профессоръ излагаетъ воззрѣнія фритредеровъ, протекціонистовъ, ученія соціалистовъ и исторической школы.

Книга профессора Чупрова интересна и поучительна. Мы жалѣемъ о томъ, что въ ней вовсе не отведено мѣста русскимъ экономистамъ. Конечно, экономическая наука еще очень молода въ Россіи. Можно согласиться, что представляетъ нѣкоторыя неудобства ссылка на современныхъ писателей. Но слѣдовало бы отмѣтить хотя тѣхъ, которые отошли въ вѣчность,—прежде всего, Шторха, затѣмъ Бутовскаго, Горлова, Бабста, Вольскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Одинаковую участь съ русскими экономистами дѣлятъ и американскіе. О Кэри сказано нѣсколько словъ. Было бы справедливо назвать нѣсколько выдающихся американскихъ протекціонистовъ (Соонера, Уэста) и, особенно, Генри Джорджа. Второстепенное дѣло—вопросъ о томъ, отнести ли его къ соціалистамъ или поставить особнякомъ; какъ бы то ни было, мы не можемъ одобрить неупоминаніе о такой крупной величинѣ, когда упомянуты и второстепенные писатели, вродѣ Гельда, Шёнберга. Въ самомъ дѣлѣ, разъ въ книгѣ нашли себѣ мѣсто первые соціалисты съ ихъ общими неясными планами переустройства экономической жизни или дана характеристика соціалистамъ каѳедры, то какъ было не выдвинуть

Джорджа съ планомъ національзаціи земли? Мы находимъ автора не совсѣмъ правымъ относительно Маркса: ему отведена только одна страница; гораздо большее мѣсто удѣлено Ѳомѣ Аквинскому, Листу и даже Бастіа. Было бы тѣмъ болѣе полезно остановиться на *Капиталѣ* Маркса, что оба тома, особенно второй, нелегко читаются лицами, имѣющими слабую подготовку. Слѣдовало отмѣтить также то направленіе въ экономической наукѣ, которое прямо примыкаетъ къ экономистамъ-классикамъ—Менгеръ, Книсъ въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ, Бёмъ-Баверкъ. Конечно, указанная нами неполнота не мѣшаетъ книгѣ профессора Чупрова быть хорошимъ руководствомъ къ изученію исторіи политической экономіи.

Курсъ національной и соціальной экономіи со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма. Дюринга. Переводъ съ 3 изданія. 1893 г. Первое изданіе этой книги вышло въ началѣ 70-хъ годовъ. Двадцать лѣтъ, протекшія съ того времени, не принесли автору ни малѣйшей пользы. Поверхностное изложеніе теорій, господствующихъ въ наукѣ, пользованіе плодами чужихъ трудовъ и присвоеніе ихъ себѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда автору удается сдѣлать какую-нибудь незначительную перемѣну въ ихъ формулированіи, критика чужихъ мнѣній, столь же развязная, сколько легкомысленная, масса ненужныхъ повтореній, самодовольство и самохвальство, нерѣдко совершенно непристойная брань по адресу писателей не только извѣстныхъ въ наукѣ, но и дѣйствительно потрудившихся надъ ея развитіемъ—таковы отличительныя особенности книги Дюринга.

Чайною ложкой меда въ этомъ морѣ дегтя служитъ вѣрная оцѣнка Дюрингомъ господствующаго нынѣ хозяйственнаго строя. Признавая наемный трудъ ступенью въ развитіи рабства и крѣпостного состоянія, Дюрингъ высказываетъ мысль, что царство наемнаго труда не обладаетъ устойчивостью, а потому не можетъ быть продолжительно, такъ какъ наемный трудъ ставитъ трудящагося человѣка въ положеніе сомнительное и противурѣчивое. „Господство надъ рабомъ или фактически заключало въ себѣ полное снабженіе его признанными средствами, или не допускало возникновенія въ немъ мысли — требовать такого снабженія. Совершенно обратное видимъ мы въ системѣ наемнаго труда... Въ необезпеченности, на ряду со многими другими неблагопріятными сторонами положенія рабочаго, заключается главная причина стремленія, направленнаго противъ самой системы наемнаго труда... Будетъ ли положеніе наемнаго рабочаго улучшено въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, измѣнится ли въ благопріятномъ смыслѣ уровень заработныхъ платъ, вмѣстѣ съ зависящимъ отъ него образомъ жизни, будутъ ли приняты мѣры для огражденія фабричнаго труда отъ... чрезмѣрнаго униженія,—все это не измѣнитъ сущности дѣла и значитъ очень мало сравнительно съ кореннымъ недостаткомъ системы, заключающимся въ самостоятельности страданія и несамостоятельности дѣятельности. Учрежденіе, пораженное такимъ конституціональнымъ порокомъ, можетъ быть формою только переходною и должно ощущать въ себѣ безпокойство, влекущее къ созданію болѣе прочныхъ учрежденій“ (стр. 192—93). Разъ авторъ приводитъ тамъ и сямъ тирады, подобныя этой, онъ долженъ былъ бы съ благодарностью вспомнить экономистовъ, которые научили его вѣрной оцѣнкѣ всей системы наемнаго труда. Таковы всѣ соціалисты и, особенно, Родбертусъ и Марксъ. А, между тѣмъ, именно въ эту сторону направлены упреки Дюринга, сплошь и рядомъ крайне

неприличные. Въ этомъ отношеніи характерна послѣдняя глава книги (стр. 488—556), подводящая итогъ ошибкамъ и промахамъ экономистовъ всѣхъ временъ и направленій и великимъ заслугамъ самого Дюринга. Нечего и говорить, что одною изъ темныхъ сторонъ соціализма или „соціалистики“ (по выраженію Дюринга) служитъ то, что евреи занимаютъ въ этомъ ученіи выдающееся мѣсто. Соціализмъ имѣетъ „еврейско-рикордіанскій характеръ; въ его распоряженіи есть нѣкоторое количество гнѣва, хотя и не всегда благороднаго, противъ общественныхъ золъ, для уравновѣшенія, иногда даже и въ области меркантильной агитаціи, ея манипуляцій съ матеріальными приманками самаго низкаго рода“ (стр. 500). Неоднократно, въ предѣлахъ одной этой главы, дѣлаются нападки на Маркса, какъ „отца экономической лжеучености“. Серьезное преобразованіе науки, о которомъ люди вродѣ Маркса не имѣли ни малѣйшаго предчувствія, хотя и желали слыть въ своей сферѣ революціонерами, можетъ быть довершено въ нѣкоторыхъ существенныхъ направленіяхъ. Въ противуположность этому нельзя не указать на опустошеніе науки, видимое всякому, обладающему здравымъ смысломъ и считающемуся съ фактами, на лжеученую расплывчатость и отрывочность (?!), проявляющіяся, главнымъ образомъ, въ мнимонаучныхъ писаніяхъ Маркса и компаніи“ (стр. 540). Такого же рода милостями осыпанъ и Рикардо: его сочиненія „мѣстами свидѣтельствуютъ объ остроуміи, но тѣмъ ярче выступаетъ мелочной, погрязшій въ дѣловые интересы минуты (?!) образъ мыслей биржевика-рутинера и еврейскій способъ воззрѣнія на науку“ (стр. 500). Онъ нападаетъ и на Родбертуса. Онъ упрекаетъ его сочиненія въ „напыщенности и неясности“, называетъ ихъ „высокопарно-радикальными“ и вмѣняетъ ему въ вину присвоеніе его, Дюринга, мыслей. Рау, Рошеръ, Германнъ—почти идіоты; вся нѣмецкая профессура—низшій видъ лакейства. Все зло германскихъ университетовъ въ томъ, что они „гебраизированы“. Еврейство все болѣе ведетъ германскіе университеты къ разложенію. „Сообщники евреевъ способствуютъ этому болѣе, чѣмъ сами евреи, пока не укрѣпились послѣдніе въ университетахъ. Именно евреи всегда только торгуютъ произведеніями другихъ людей; ихъ гешефтъ зависитъ отъ возможности получать на рынкѣ товаръ; если бы друзья ихъ ничего не производили, то имъ нечѣмъ было бы и торговать съ университетскихъ каѳедръ. Оставалось бы только воровать добро внѣ университетскихъ сферъ... Но авторъ относится довольно благосклонно къ Листу, Кэри, Бастіа и Мэкляуду.

Раздѣлавшись съ главными созидателями политической экономіи, Дюрингъ долженъ былъ воздвигнуть алтарь своей собственной особѣ. Въ глазахъ читателя рябитъ отъ этого беззастѣнчиваго самовозвеличенія. „Моя строго научная мысль“. „Кто приметъ мои *Курсъ* и *Исторію* за путеводную нить, тотъ будетъ въ состояніи наиболѣе цѣлесообразно разобраться... въ наукѣ“. „Кто пожелаетъ не оставить безъ вниманія и высшей, методологической части науки, тотъ найдетъ ее... въ книгѣ“ Дюринга. Авторъ считаетъ причиною недостаточной популярности своихъ сочиненій зависть „закорузлыхъ профессоровъ-экономистовъ“, которые словно сговорились замалчивать его, и т. д. Но какъ ни старается авторъ превознести себя, читатель напрасно ищетъ въ книгѣ что-нибудь новое и оригинальное, если не въ главныхъ частяхъ, то хотя бы въ подробностяхъ. Самъ Дюрингъ считаетъ своею крупнѣйшею заслугой созданіе такъ называемой *соціалитарной* теоріи, въ силу которой экономическія явленія, дабы можно было уяснить ихъ, должны быть изу-

чаемы въ связи съ нравами и юридическими порядками, господствующими въ данной странѣ. Какъ самоучка, сдѣлавъ въ глуши непроходимыхъ лѣсовъ грубые часы, считаетъ себя могучимъ двигателемъ техническихъ успѣховъ, не зная или забывая, что людямъ давно извѣстны даже хронометры, опаздывающіе только на 2—3 секунды въ годъ, такъ и Дюрингъ придаетъ большое значеніе своимъ расплывчатымъ фразамъ о связи народнаго хозяйства съ правомъ. Кто знакомъ съ трудами Рошера, Шмоллера, Вагнера, Шееля, Нассе, особенно Книса, тотъ только усмѣшкой отвѣчаетъ на притязанія экономиста-самоучки. А кто хотя мало читалъ нѣкоторыя произведенія Родбертуса (особенно его *Соціальныя письма* и *Изслѣдованія національной экономіи классической древности*), тотъ знаетъ, съ какимъ мастерствомъ этотъ глубокомысленный историкъ-экономистъ установляетъ связь между явленіями государственнаго и народнаго хозяйства, съ одной стороны, и юридическимъ порядкомъ—съ другой.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Основы и предѣлы самоуправленія“. *М. Свѣшникова.*—„Опека надъ несовершеннолѣтними“. *А. Невзорова.*—„О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ“. *Э. Симсона.*

Основы и предѣлы самоуправленія. Опытъ критическаго разбора основныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. М. Свѣшникова, приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета. Спб., 1892 г. Съ большимъ вниманіемъ остановились мы на изученіи указаннаго сочиненія. Научная и практическая *важность* темы, громадный и благодарный матеріалъ, бывшій у автора подъ руками, масса труда, положеннаго, повидимому, авторомъ на обработку этого матеріала,—все заставляло предполагать въ книгѣ и серьезное изслѣдованіе, и обиліе важныхъ выводовъ. Къ искреннему сожалѣнію, наши предположенія мало оправдались. Нѣтъ сомнѣнія, авторъ много трудился надъ собираніемъ и обработкою матеріала, но работа его очень неудовлетворительна. Начнемъ съ языка изслѣдованія: намъ давно не приходилось читать сочиненія столь многословнаго, столь расплывающагося въ массѣ безсодержательныхъ фразъ, какъ разбираемая книга; вмѣстѣ съ тѣмъ, неясность выводовъ, ихъ неточность, а мѣстами и неопредѣленность, таковы, что понять ихъ иногда представляется довольно затруднительнымъ. Повидимому, авторъ не имѣлъ времени изъ 30 слишкомъ листовъ своей книги выбрать *существенное*, уничтоживъ на половину то безсодержательное многословіе, коимъ наполнено его изслѣдованіе, и придавъ своимъ выводамъ больше точности и ясности. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ именно у насъ вопросы самоуправленія нуждаются въ самомъ бережномъ отношеніи къ себѣ: все, что о нихъ говорится, должно быть вполнѣ опредѣленно и точно Чтобы подтвердить все сказанное, ссылаемся на любую страницу книги г. Свѣшникова.

Если отъ внѣшности книги перейдемъ къ ея внутреннему содержанію, то, прежде всего, бросится въ глаза масса затронутыхъ вопросовъ по которымъ какъ бы скользитъ вниманіе автора, не останавливаясь глубоко ни на одномъ изъ нихъ, — масса рубрикъ, раздѣловъ и подраздѣловъ такова, что одно оглавленіе ихъ занимаетъ 22 страницы мелкой печати. Эта масса вопросовъ, слегка задѣтыхъ лишь авторомъ

въ связи съ указаннымъ выше многословіемъ изложенія, приводитъ къ тому, что читатель, обращаясь къ громкимъ заглавіямъ отдѣльныхъ рубрикъ, въ сущности, не находитъ тамъ соотвѣтствующаго содержанія (см., напримѣръ, главу: „Старый порядокъ, революція и самоуправленіе“ и пр.). Остановимся на одной изъ главъ, относящихся къ русскому самоуправленію; она носитъ заглавіе „Общее опредѣленіе понятія самоуправленія въ русскомъ *законодательствѣ* и *литературѣ*“. Начнемъ съ послѣдней: литература указывается въ какомъ-то безпорядкѣ; достаточно сказать, что рядомъ съ трудами В. Ю. Скалона, Н. П. Семенова стоитъ имя г. Нотовича, рядомъ съ барономъ Корфомъ—г. Евреинова и т. д. Общій выводъ автора о всей литературѣ таковъ, что съ нимъ нельзя никакъ согласиться: именно авторъ утверждаетъ, что *ни одинъ* изъ основныхъ вопросовъ самоуправленія—ни вопросъ компетенціи, ни вопросъ организаціи, ни вопросъ контроля не являются въ достаточной мѣрѣ общепризнанными *въ наукѣ* и *въ печати*. Въ виду подобной *неясности* въ обществѣ основныхъ вопросовъ самоуправленія, неясно въ общественномъ сознаніи общеполитическое и соціальное значеніе, которое имѣетъ самоуправленіе у насъ въ Россіи“. Этотъ выводъ слишкомъ огуленъ, чтобы признать его справедливость; притомъ, „*неясность* данныхъ вопросовъ для общества, съ чѣмъ можно еще отчасти согласиться, вовсе не доказываетъ еще ихъ недостаточной признанности въ наукѣ и печати“ (стр. 161 сл., ч. I). Что касается опредѣленія понятія самоуправленія по русскому законодательству, то здѣсь собрано много любопытныхъ матеріаловъ. Интересенъ и общій выводъ автора, что „разъ мы признаемъ, что земскія и городскія учрежденія суть учрежденія *общественныя*, то мы должны, очевидно, предоставить имъ *какъ можно большую свободу въ своихъ общественныхъ дѣлахъ и ограничить контроль государства исключительно лишь надзоромъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительственная власть замѣтитъ, что общественныя учрежденія посягаютъ на ея политическія права или нарушаютъ законъ;* во всѣхъ остальныхъ случаяхъ эти учрежденія должны быть совершенно свободны“ (ib., стр. 132). Вообще надо замѣтить, что авторъ большой сторонникъ общественной свободы во всѣхъ ея законныхъ проявленіяхъ, что и придаетъ его выводамъ интересъ и симпатичную окраску; еще болѣе поэтому надо пожалѣть, что эти выводы, такъ сказать, *ослаблены* въ своемъ воздѣйствіи на читателя тѣми особенностями *изложенія* автора, о которыхъ мы говорили выше.

Опека надъ несовершеннолѣтними. Историческій очеркъ института и положеніе его въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ. Александра Невзорова. Ревель, 1892 г. Небольшая по объему, но очень обстоятельная и толково написанная книжка г. Невзорова касается очень важнаго вопроса—объ организаціи опеки надъ несовершеннолѣтними. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что „разнообразіе опекунскихъ установленій, отсутствіе точно организованнаго контроля надъ дѣятельностью опекуна, чрезмѣрная регламентація, изобиліе нравственныхъ сентенцій и хозяйственныхъ совѣтовъ и отсутствіе опредѣленій юридическаго характера—вотъ существенные недостатки дѣйствующаго русскаго законодательства объ опекахъ, заставляющіе желать скорой замѣны его правильно понявшимъ природу института и неразрывающимъ связи съ исторіей прошлаго *уставомъ* объ опекахъ“ (стр. 243). Авторъ, въ заключеніе своего историко-юридическаго и догматическаго обзора законодательства объ опекахъ какъ у насъ, такъ и на западѣ Европы,

останавливается на тѣхъ проектахъ новаго устава объ опекахъ, какіе являлись въ послѣднее время у насъ, и дѣлаетъ по поводу ихъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, не лишенныхъ практическаго значенія. Такъ, наприм., по поводу извѣстнаго проекта сенатора Любощинскаго авторъ замѣчаетъ, что названный проектъ излишне стѣсняетъ разными формальностями дѣятельность опекуна безъ пользы для дѣла, и отмѣчаетъ, какъ достоинство проекта, что онъ сдѣлалъ опекунскія установленія мѣстными, близкими къ дѣятельности опекуна, отвергъ чрезмѣрное разнообразіе мѣстъ, надзирающихъ за опеками, и призналъ цѣлесообразнымъ учрежденіе опекунскихъ установленій въ одной инстанціи.

По самой сущности своей темы, книжка г. Невзорова распадается на двѣ части: историческій очеркъ и обзоръ дѣйствующаго законодательства. Что касается перваго, то онъ слабѣе, чѣмъ второй, нерѣдко дѣлается слишкомъ бѣгло и источники права изучаются авторомъ изъ вторыхъ рукъ. Но въ книгѣ, посвященной такому практическому вопросу, какъ вопросъ объ опекахъ, историческіе очерки имѣютъ лишь второстепенное значеніе, какъ матеріалы для сужденія о постановкѣ вопроса въ прошломъ; важнѣе, конечно, обзоръ и критика дѣйствующаго законодательства, а то и другое, на нашъ взглядъ, сдѣлано въ сочиненіи г. Невзорова вполнѣ удовлетворительно.

О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Международно-правовое изслѣдованіе Э. Симсона. Спб., 1892 г. Указанное сочиненіе касается очень важнаго и назрѣвшаго вопроса современнаго международнаго права; къ сожалѣнію, авторъ совершенно не владѣетъ русскимъ литературнымъ языкомъ и не умѣетъ, сколько-нибудь сносно, разобраться въ обширной литературѣ предмета. Очень непріятно читать въ ученомъ сочиненіи такія, наприм., безграмотныя фразы: „едва ли нужно будетъ замѣтить"; „безразлично, *справливаетъ* ли глава государства самъ юрисдикцію"; „*соціонально-экономическій*"; „сверхчеловѣческая точка зрѣнія" (стр. 1, 8, 90, 245) и тому подобное; при этомъ подобная безграмотность вліяетъ, конечно, не только на внѣшній стиль сочиненія, но и на ясность изложенія; цѣлыя страницы книги изложены такъ, что ихъ совершенно нельзя понять (стр. 5, 9, 70, 91, 95, 106, 128 и многія другія). Обращаясь къ содержанію книги, приходится отмѣтить также только отрицательныя ея стороны; положительною остается лишь *механическое* сведеніе вмѣстѣ обширнаго матеріала. Такъ, большая часть книги занята изложеніемъ трактатовъ о выдачѣ собственныхъ подданныхъ; но авторъ не даетъ себѣ никакого труда какъ-либо систематизировать или классифицировать этотъ матеріалъ и онъ остается у него безъ всякой обработки. Богатая литература предмета,—за исключеніемъ *русской*, о которой авторъ имѣетъ самыя поверхностныя свѣдѣнія,—представлена въ сочиненіи г. Симсона тоже довольно полно, но опять-таки вполнѣ неудовлетворительно съ научной точки зрѣнія: выхвачены случайно одни мѣста, не замѣчены другія; критика ихъ ведется очень поверхностно и, притомъ, съ необычайнымъ самомнѣніемъ. Если мы, однако, останавливаемся на этой книгѣ, то лишь потому, что вопросъ, е[illegible] затронутый, очень важенъ и матеріалъ, въ ней собранный, достаточ[illegible] обиленъ; книга г. Симсона—какъ бы сборникъ свѣдѣній по вопросу,—сборникъ, который подлежитъ еще научной переработкѣ. Общій же вы[illegible]водъ автора по вопросу о выдачѣ таковъ: „если туземецъ совершил[illegible] преступленіе на территоріи чужого государства, то послѣднее, на осно[illegible]ваніи территоріальнаго права, наказываетъ его; если преступленіе бы[illegible]ло направлено противъ государства-отечества,—это государство не вы[illegible]

даетъ собственнаго подданнаго, но накажетъ его; если преступленіе было направлено противъ интересовъ требующаго выдачи государства, то выдача должна послѣдовать со стороны государства-отечества; если, наконецъ, преступленіе было направлено противъ третьяго государства, то преступникъ долженъ быть *выдаваемъ* (?) этому государству" (стр. 332 и слѣд.).

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Дарвинизмъ". *И. А. Чемена.*

Дарвинизмъ. Научное изслѣдованіе теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка. И. А. Чемена. Одесса, 1892 г. Ц. 3 р. 50 к. Признаться сказать, мы совершенно не стали бы говорить о книгѣ г. Чемена, если бы онъ не выступилъ подъ флагомъ серьезнаго мыслителя и строго-научнаго изслѣдователя одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ современнаго естествознанія. Ради этого онъ обставилъ свою работу чрезвычайно декоративно: масса цитатъ, множество ссылокъ на литературные источники, длинные перечни громкихъ именъ и т. п.,— все это производитъ нѣсколько ошеломляющее впечатлѣніе на читателей и заставляетъ ихъ заподозрить въ г. Чеменѣ обширную начитанность и громадную эрудицію. Послушайте, напримѣръ, какъ онъ говоритъ объ одной вышедшей еще въ 1808 году книгѣ: *La philosophie du Ruvarebolni*, въ которой, по его словамъ, *проповѣдываются* идеи Дарвина, т.-е. объ естественномъ подборѣ, о борьбѣ за существованіе и пр. Вотъ подлинныя слова г. Чемена: „*Мы не имѣли подъ рукою* этой рѣдкости и потому не можемъ судить о ней критически; скажемъ только, что едва ли она представляетъ собою что-либо сбыточное, *правдивое въ природѣ*" (?) (стр. 28). Изъ словъ этихъ, конечно, очевидно, что все остальное, на что только ссылается г. Чеменъ, было у него *подъ рукою* и что обо всемъ этомъ онъ судитъ не по наслышкѣ, а на основаніи строго-критической личной оцѣнки. Въ довершеніе всего, въ концѣ книги г. Чеменъ приложилъ алфавитный списокъ ученыхъ, упоминаемыхъ въ текстѣ и сноскахъ, причемъ списокъ этотъ заключаетъ 1,055 именъ. Короче сказать, судя по внѣшности, научный матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ г. Чеменъ, такъ обширенъ, что вполнѣ овладѣть имъ подъ силу только выдающемуся уму.

Г. Чеменъ, однако, нисколько не затруднился и поступилъ весьма просто. Прежде всего, онъ приготовилъ нѣчто вродѣ окрошки изъ литературныхъ матеріаловъ, затѣмъ уснастилъ все это собственными измышленіями, распредѣлилъ по рубрикамъ и, въ концѣ-концовъ, получилось *научное изслѣдованіе теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка*. Какъ и слѣдовало ожидать, изслѣдованіе это начинается оглушительнымъ набатомъ на тему о зловредности дарвинизма, который угрожаетъ поработить духъ плоти и привести къ огрубѣнію нравовъ, къ поголовной борьбѣ за существованіе, къ вырожденію племенъ и, наконецъ, къ одичанію или скотскому состоянію, въ какомъ находятся дикари (стр. VIII). Затѣмъ, на основаніи теологическихъ, анатомическихъ, физіологическихъ, патологическихъ, математическихъ (?), геологическихъ, палеонтологическихъ, психологическихъ, лингвистическихъ и логическихъ данныхъ, г. Чеменъ доказываетъ несостоятельность ученія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны и, въ заключеніе, повергаетъ въ прахъ всѣ устои дарвинизма, хотя къ самому Дарвину и относится съ нѣкоторою

почтительностью. Таковъ внѣшній эффектъ *научнаго изслѣдованія теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка.*

Что же касается научнаго достоинства тѣхъ данныхъ, при помощи которыхъ подобный эффектъ былъ достигнутъ, то мы лучше всего оцѣнимъ ихъ по нижеслѣдующимъ примѣрамъ. Такъ, г. Чеменъ утверждаетъ, что ланцетникъ (Amphioxus lanceolatus), живущій „въ Балтійскихъ (?) моряхъ", есть существо *проблематическое* (стр. 50, 478). Амфибіи всегда называются у него *амфибріями.* „Роды инфузорій,—по словамъ г. Чемена,—бываютъ: бактеріи, вибріоны, бациллы и т. д. Проще говоря, есть инфузоріи тифа, холеры, сапа" и т. п. (стр. 116 и 117). Г. Чеменъ считаетъ общеизвѣстнымъ тотъ фактъ, что „сначала появились не самые низшіе амфибріи, но самыя низшія млекопитающія, чего не отрицаетъ и Бурмейстеръ" (стр. 209). Далѣе, онъ разсказываетъ, что, при размноженіи инфузорій, „меньшая, зарождавшаяся инфузорія появляется на свѣтъ, *прогрызши* желудокъ своей матери" (стр. 212). „*Силлурійская эпоха Богемскихъ слоевъ,*—согласно г. Чемену,—совершенно *раскопана* и, однакожъ, самыя полныя и тщательныя изслѣдованія не привели къ открытію промежуточныхъ формъ" (стр. 238). „Вся палеонтологія,—восклицаетъ нашъ авторъ,—во всеоружіи, со всѣми своими изслѣдованіями возстаетъ противъ теоріи Дарвина" (стр. 265). Археоптериксъ рисуется ему существомъ „чудовищно-громаднымъ" (стр. 458) и т. д. Мы не будемъ приводить другихъ примѣровъ глубокой эрудиціи г. Чемена въ области тѣхъ спеціальныхъ знаній, опираясь на которыя онъ разрушаетъ теорію Дарвина. Приведенные примѣры говорятъ сами за себя и, въ то же время, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о крайней научной безпомощности г. Чемена въ его борьбѣ съ дарвинизмомъ. Безсильный въ отношеніи фактической стороны своихъ доказательствъ, онъ является не менѣе безсильнымъ и въ своей аргументаціи. Такъ, „эмбріологія,—по словамъ г. Чемена,—должна заниматься не изначальнымъ появленіемъ человѣка на землѣ, а первичнымъ (зародышевымъ) появленіемъ человѣческаго организма изъ другаго человѣческаго организма; *значитъ,* не дѣло эмбріологіи рѣшать первое появленіе человѣческаго организма на землѣ" (стр. 208). Нѣсколькими страницами далѣе онъ говоритъ о томъ, что Гёте открылъ межчелюстныя косточки въ зародышѣ человѣка, и при этомъ тотчасъ же спѣшитъ набросить тѣнь сомнѣнія на это открытіе, замѣчая, что Гёте былъ „не естествоиспытатель, а поэтъ и литераторъ-беллетристъ" (стр. 215). Особенно же хороши „физіоло-математическія и палеонтоло-математическія вычисленія", доказывающія, что человѣкъ не можетъ происходить отъ обезьяны (стр. 222—239).

Считая излишнимъ приводить дальнѣйшіе примѣры глубокомыслія г. Чемена, замѣтимъ только, что весь его обширный арсеналъ якобы научныхъ доказательствъ несостоятельности теоретическихъ воззрѣній Дарвина и его послѣдователей есть не больше, какъ бутафорскій хламъ, разсчитанный на ослѣпленіе мысли легковѣрныхъ читателей. Къ счастью, наша публика далеко не такъ падка на подобныя приманки, какъ это думаютъ наши доморощенные мыслители, подобные г. Чемену, наивно забывая, что истина не на сторонѣ тѣхъ, кто не пошелъ дальше азовъ человѣческаго знанія, а на сторонѣ тѣхъ, кто честно пользуется всѣми его сокровищами.

МЕДИЦИНА.

„Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи".—„Популярная гигіена". *М. И. Покровской.*—„Какъ предохранять себя и своихъ дѣтей отъ нервныхъ болѣзней". *Зеемюллера.*

Вѣстникъ клинической и судебной психатріи и невропатологіи. Изданіе подъ редакціей проф. И П. Мержеевскаго. Вып. 1 и 2. 1892 г. *Вѣстникъ* за 1892 годъ даетъ два большихъ тома, посвященныхъ различнымъ вопросамъ психіатріи и нейрологіи. Въ каждомъ выпускѣ 4 отдѣла: оригинальныя статьи, хроника заведеній для душевно-больныхъ, критика и библіографія и новости и смѣсь. Первый по количеству статей значительно преобладаетъ надъ остальными. Общественный интересъ представляетъ статья проф. Чижа: *О внутренней организаціи заведеній для душевно-больныхъ.* Недавнее прошлое этого вопроса богато ошибками: въ статьѣ автора, опытность, знанія, наблюдательность и практическая дѣятельность котораго достаточно извѣстны, много указаній, познакомиться съ которыми не мѣшаетъ не только психіатрамъ, но и людямъ, интересующимся организаціей заведеній для душевно-больныхъ. Нельзя, однако, оставить безъ возраженія слѣдующее положеніе автора: управленіе психіатрическимъ заведеніемъ должно быть сконцентрировано въ однѣхъ рукахъ; какъ ни симпатично на первый взглядъ мнѣніе сторонниковъ коллегіальнаго управленія, оно „невозможно потому, что при такомъ порядкѣ нѣтъ отвѣтственнаго лица за заведеніе"... „Главное,—продолжаетъ авторъ,—при такомъ порядкѣ управленія, хозяиномъ, и, притомъ, не отвѣтственнымъ, будетъ непремѣнно кто-нибудь одинъ", другіе „по лѣности, не желая спорить и ссориться, устранятся отъ дѣлъ"; этотъ одинъ и „будетъ de facto управлять заведеніемъ, и комитетъ будетъ лишь соглашаться съ уже подготовленными рѣшеніями и тѣмъ покрывать своимъ авторитетомъ коллегіи даже и не безвредныя мѣропріятія"; далѣе: „она (коллегія) не можетъ быть всегда налицо", отчего несвоевременное рѣшеніе и непослѣдовательность „вслѣдствіе замѣны однихъ членовъ другими". Какъ будто коллегія не отвѣтственна даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ одно лицо! При лѣности, халатности, прекраснодушіи съ нежеланіемъ „спорить и ссориться", провалится всякое дѣло, и одному, твердому и стойкому, стоящему во главѣ управленія съ такими помощниками въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ администрація психіатрическаго заведенія, управиться едва ли возможно. „Всюду,—говоритъ авторъ,—а потому и въ психіатрическихъ заведеніяхъ, есть дурные люди; главный врачъ будетъ безсиленъ парализовать вредное вліяніе при коллегіальномъ управленіи". Почему это? Вся коллегія, за исключеніемъ главнаго врача, составлена изъ „дурныхъ людей"? Тогда—да. Едва ли возможенъ и вѣроятенъ такой дурной подборъ, и въ такомъ случаѣ все равно, повторяемъ, одинъ ничего не сдѣлаетъ. Ну, а если этотъ *одинъ*, облеченный всѣми полномочіями, будетъ „дурной", и не больше ли вѣроятности въ послѣднемъ предположеніи, чѣмъ въ первомъ? Едва ли нужно распространяться далѣе по этому поводу.

О статьѣ г. Розенбаха *Современный мистицизмъ* было говорено уже на страницахъ *Русской Мысли.* Авторъ, какъ можно заключить изъ его словъ, врагъ всякихъ философско-метафизическихъ стремленій. Въ томъ же выпускѣ, въ обзорѣ работъ по психіатріи, принадлежащемъ проф. Чижу, мы находимъ слѣдующее мѣсто: „Это (матеріализмъ) узкое,

несостоятельное и неудовлетворяющее главнымъ потребностямъ нашей души міровозрѣніе, конечно, настолько овладѣло умами, что еще не скоро всѣмъ будетъ очевидна его несостоятельность"; и далѣе: „лучшіе умы ищутъ новыхъ путей, живо сознавая неудовлетворительность современнаго міровоззрѣнія". Два діаметрально противуположныя мнѣнія.

Свою статью *Къ вопросу о леченіи по способу Brown-Sequard'а* авторъ, на основаніи очень небольшого числа наблюденій (15), заключаетъ смѣлымъ положеніемъ: громадное число болѣзней: упадокъ питанія, сахарное мочеизнуреніе, жировое перерожденіе органовъ, диспепсія и атонія кишекъ, разстройства дѣятельности сердца, болѣзни центральной нервной системы и проч. и проч.,—во всѣхъ этихъ случаяхъ, на основаніи 15 наблюденій автора, существуютъ показанія къ примѣненію Brown-Sequard'овскаго метода!

Въ статьѣ г. Даннилло: *О колебаніи внутричерепнаго давленія у человѣка при корковой падучей,* спеціальный разборъ которой неумѣстенъ, встрѣчаются мѣстами безграмотности и недоговорки: „принимая во вниманіе затрудненный оттокъ при суммированіи раздраженій, могутъ развиться..." Что слѣдуетъ принимать во вниманіе, остается неизвѣстнымъ.

Не безъ интереса читается статья г. Рыбалкина *О гипнотизмѣ.* Для юриста имѣли бы интересъ *Судебно-психіатрическія наблюденія* г. Грейденберга, будь анализъ проведенъ болѣе тщательно; многое не досказано, многое скомкано.

Статья г. Гадзяцкаго: *О содержаніи сахара въ мочѣ у душевно-больныхъ* не является новостью; подтверждать изслѣдованія наблюдателей, пользующихся большимъ авторитетомъ, едва ли представлялось необходимымъ.

Важный вопросъ затрогивается статьей г. Константиновскаго: *Индуцированное помѣшательство.* Два отчета г. Грейденберга по отдѣленію душевно-больныхъ симферопольскихъ богоугодныхъ заведеній и *Историческій очеркъ клиники душевныхъ болѣзней Императорской военно-медицинской академіи и краткое описаніе новаго зданія клиники* проф. Мержеевскаго прочтутся съ интересомъ, особенно послѣдніе. Жаль только, что многоуважаемый профессоръ при описаніи новаго зданія клиники не привелъ цифру „значительныхъ денежныхъ затратъ" на постройку цѣлаго городка на пространствѣ $4^1/_2$ десятинъ, для 70 мужчинъ и 30 женщинъ; для нервно-больныхъ остались при этомъ тѣ же шесть кроватей, какъ было и прежде. Статьи: Любимова *О состояніи ассоціаціонныхъ волоконъ при прогрессивномъ параличѣ*, Алелекова *Старость*, Киселева *О гидростатикѣ*—ранѣе напечатаны отдѣльно, какъ диссертаціи.

Рефераты интересны, подобраны толково и со знаніемъ дѣла.

Популярная гигіена. М. И. Покровской. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. Книга г-жи Покровской представляетъ собою компилятивный трудъ, въ основу котораго вошло, главнымъ образомъ, *Руководство къ гигіенѣ* Доброславина. Не прибавляя ничего къ тому, что появлялось уже ранѣе въ печати по этому поводу, и преслѣдуя двѣ цѣли: гигіену индивидуальную и гигіену общественную, трудъ автора мало удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ популярнымъ сочиненіямъ. Къ тому же, надо отмѣтить частыя и ненужныя повторенія одного и того же, нерѣдко тѣми же словами: такъ, наприм., на стр. 56 читаемъ: „Рѣка, протекающая чрезъ большой городъ, по выходѣ изъ него содержитъ значительно больше органическихъ веществъ, нежели до входа". Чрезъ 6 страницъ далѣе: „если рѣка протекаетъ чрезъ большой городъ,

то въ ней значительно увеличивается количество органическихъ и неорганическихъ веществъ". На стр. 57: „Въ теплой водѣ количество микроорганизмовъ бываетъ значительно болѣе, нежели въ холодной, такъ какъ тепло благопрiятствуетъ ихъ размноженiю"; на стр. 63: „Въ теплое время года количество микроорганизмовъ въ рѣчной водѣ увеличивается, а въ холодное уменьшается. Чѣмъ выше температура воды, тѣмъ больше организмовъ". На стр. 59: „Если ключевая вода протекаетъ чрезъ песчаную почву или чрезъ какую-нибудь трудно-растворимую горную породу, то она отличается замѣчательною чистотой"; 8 строкъ ниже: „Если онъ (ключъ) протекаетъ чрезъ песчаную почву или чрезъ какую-нибудь трудно-растворимую горную породу, то ключевая вода бываетъ очень чиста". Такихъ повторенiй довольно много. Не мало также неточностей и недоговорокъ; такъ, наприм., по автору, содержанiе значительнаго количества извести и магнезiи въ водѣ обусловливаетъ большiя неудобства при удовлетворенiи различныхъ домашнихъ потребностей, т.-е. много мыла тратится непроизводительно при стиркѣ бѣлья, овощи не развариваются, чай не настаивается; нигдѣ ни прежде, ни въ дальнѣйшемъ изложенiи авторъ не обмолвился ни однимъ словомъ ни о значенiи излишка этихъ солей въ разстройствахъ кишечнаго канала и связи, указываемой нѣкоторыми врачами, съ образованiемъ почечныхъ камней. Фильтръ Chamberland'а описывается такимъ образомъ: „Фарфоровая трубка вставляется въ мѣдную... Вода проникаетъ въ промежутокъ между мѣдною и фарфоровою трубкой"; тогда какъ на самомъ дѣлѣ вода фильтруется чрезъ поры фарфоровой трубки. Свѣтильный газъ добывается, по автору, между прочимъ, изъ древеснаго угля (стр. 138); что это не случайный просмотръ, доказывается дальнѣйшимъ повторенiемъ. Электрическiй свѣтъ появляется вслѣдствiе накаливанiя угля электрическою искрой (стр. 139). На стр. 39 читаемъ: „Если мы войдемъ въ комнату, въ воздухѣ которой находится извѣстный процентъ свѣтильнаго газа, то произойдетъ взрывъ"; только отъ того, что войдемъ въ комнату? На стр. 252: „постоянное употребленiе маиса вызываетъ особеннаго рода болѣзнь — пелагру", а черезъ нѣсколько словъ: „эта болѣзнь вызывается употребленiемъ испорченнаго маиса". Остается неизвѣстнымъ, что же именно служитъ причиной болѣзни, постоянное ли употребленiе маиса, или испорченный маисъ? Такихъ недоговорокъ и неточностей, зависящихъ, быть можетъ, отъ спѣшности работы и недостаточно точнаго просмотра, въ книгѣ не мало, что еще болѣе понижаетъ ея достоинство и что особенно вредно и нежелательно въ популярномъ сочиненiи.

Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ нервныхъ болѣзней. Зеелигмюллера. Пер. Ильиной подъ редакцiей Волковой. Спб., 1892 г. Ц. 50 к. Авторъ, указывая на распространенность въ нашемъ вѣкѣ различныхъ нервныхъ страданiй, видитъ причины этого въ торопливой погонѣ за счастьемъ, въ обострившейся борьбѣ за существованiе, въ „самовозвеличиванiи", въ неравныхъ бракахъ, въ преобладанiи умственнаго труда надъ физическимъ, въ недостаточномъ отдыхѣ, въ пустотѣ нашихъ развлеченiй, въ изобильномъ употребленiи возбуждающихъ и наркотическихъ средствъ. Подростающее поколѣнiе, принявъ отъ насъ въ наслѣдiе уже расшатанные нервы, находится въ еще худшихъ условiяхъ: изнѣживающее, односторонне развивающее духъ воспитанiе и образованiе, недостатокъ дисциплины довершаютъ начатое. Авторъ, въ виду этого, предлагаетъ: скромность стремленiй, семейный очагъ, достаточный отдыхъ, прогулка въ лѣсахъ и поляхъ, воздер-

жаніе отъ всякихъ возбуждающихъ средствъ; относительно дѣтей побольше заботъ о правильномъ питаніи ихъ, строгое, не изнѣживающее ни души, ни тѣла воспитаніе; развитіе сдержанности, скромности, правдивости, умѣренности и послушанія; укрѣпленіе ихъ воли. „Вообще воспитаніе нервныхъ дѣтей—вещь довольно трудная,—заключаетъ авторъ.—Необходимо старательно изучить ихъ характеръ, иначе легко сдѣлать тяжелые промахи. Чтобы найти истинный путь, необходимо, какъ вообще при воспитаніи дѣтей, такъ и здѣсь, молить Бога о дарованіи мудрости и разума". Такая книжечка въ 59 страничекъ стоитъ 50 коп.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Казанской и другихъ средневолжскихъ губерніяхъ". *А. П. Энгельгардта.*—„Виноградники Кишинева". *В. Г. Лупанова.*—„Сѣть желѣзно-дорожныхъ элеваторовъ, какъ дополненіе портовыхъ". *Ѳ. Кнорринга.* — „О способахъ сбереженія почвенной влаги при обработкѣ озимаго поля". *Кн. В. А. Кудашева.*—„О возможныхъ мѣрахъ борьбы съ засухами". *П. Баракова.* — „Ботаническая акклиматизаціонная выставка 1892 г.". *В. Мышаева.*

Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Казанской и другихъ средневолжскихъ губерніяхъ. А. П. Энгельгардта. Казань, 1892 г. Несмотря на свое заглавіе, книжка г. Энгельгардта посвящена исключительно крестьянскому хозяйству Казанской губерніи. Авторъ весьма удачно сгруппировалъ статистическія данныя, обрисовывающія современное тяжелое положеніе казанскаго крестьянина. Въ ряду причинъ, вызвавшихъ такое положеніе, г. Энгельгардъ справедливо называетъ вынужденный переходъ крестьянскаго хозяйства отъ натуральной формы къ денежной. Для поддержки крестьянскаго хозяйства требуются, по мнѣнію автора, разнообразныя мѣропріятія: на первомъ планѣ поставлена аграрная реформа, за нею—улучшеніе сельско-хозяйственной техники, потомъ регулированіе платежей, устройство кредита, развитіе артелей, упорядоченіе сбыта, улучшеніе путей сообщенія, развитіе промысловъ, новая организація народнаго продовольствія, страхованіе посѣвовъ отъ неурожая и, наконецъ, учрежденіе министерства земледѣлія, промышленности и торговли.

Къ очерку приложены 19 поуѣздныхъ статистическихъ таблицъ, основанныхъ на оффиціальныхъ и земскихъ свѣдѣніяхъ и на солидной работѣ Л. І. Грасса. Авторъ, повидимому, пользовался и не вышедшимъ еще въ свѣтъ матеріаломъ (по Чистопольскому уѣзду). Къ числу немногочисленныхъ мелкихъ погрѣшностей принадлежитъ неправильная двойная ссылка (стр. 55) на 1877 годъ (вмѣсто 1881), какъ годъ первой регистраціи культурныхъ площадей со стороны центральнаго комитета.

Въ общемъ книжка г. Энгельгардта оставляетъ очень выгодное впечатлѣніе и заставляетъ желать скорѣйшаго появленія столь же осно вательныхъ очерковъ по другимъ губерніямъ.

Виноградники Кишинева. Очеркъ условій производства. В. Г. Лупанова. Кишиневъ, 1892 г. Работа г. Лупанова является первым примѣромъ подробнаго сплошного мѣстнаго изслѣдованія русскихъ виноградниковъ. Относится она къ очень небольшой площади (менѣе 1,000 десятинъ), но исполнена по весьма детальной программѣ. Текст написанъ живымъ языкомъ и мѣстами изобилуетъ, пожалуй, излишним стилистическими украшеніями. Къ тексту приложены многочисленн

таблицы свѣдѣній объ отдѣльныхъ садахъ, подробный планъ обслѣдованныхъ виноградниковъ и діаграммы, относящіяся къ мобилизаціи садовъ; на первой діаграммѣ, между прочимъ, видно, какъ рѣзко отразилась турецкая война въ ослабленіи покупки виноградниковъ.

Самое изслѣдованіе было произведено еще весною 1889 года по порученію выставочнаго комитета. Книжка издана очень изящно на средства города Кишинева.

Сѣть желѣзно-дорожныхъ элеваторовъ, какъ дополненіе портовыхъ. Ѳ. Кнорринга. Спб., 1892 г. Брошюра инженера Кнорринга въ сжатомъ изложеніи знакомитъ съ сущностью элеваторной системы: указаны значеніе и основныя черты устройства американскихъ элеваторовъ, меньше мѣста отведено западно-европейскимъ, о существующихъ русскихъ элеваторахъ не сказано почти ничего. Внутренніе желѣзнодорожные элеваторы разсматриваются какъ регуляторы желѣзно-дорожнаго движенія; въ этомъ смыслѣ элеваторы дѣйствительно могли бы помочь организаціи продовольствія въ неурожайные годы. Авторъ справедливо высказывается противъ устройства спеціальныхъ станціонныхъ элеваторовъ; достаточно приспособить существующія крытыя помѣщенія для храненія зерна въ-ссыпную. Предоставленіе коммиссіонной операціи исключительно элеваторамъ и желѣзнымъ дорогамъ является, по вѣрному замѣчанію автора, вовсе не нужнымъ. Для лицъ, не имѣющихъ никакого понятія объ элеваторахъ, брошюра г. Кнорринга окажется полезнымъ чтеніемъ.

О способахъ сбереженія почвенной влаги при обработкѣ озимаго поля. Князя В. А. Кудашева. Харьковъ, 1892 г. У русской литературы есть одно неоцѣненное качество: въ ней очень часто открывается Америка, открывается путемъ самостоятельнымъ, независимымъ отъ Колумба и его предшественниковъ. Къ числу подобныхъ случаевъ открытія Америки слѣдуетъ отнести книжку князя Кудашева, гдѣ помѣщенъ докладъ, прочитанный авторомъ (вѣроятно, съ сокращеніями) въ полтавскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ. Докладъ этотъ обратилъ на себя вниманіе хозяевъ и, между прочимъ, премируется московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства. Нельзя сомнѣваться въ полной искренности и дѣйствительной самостоятельности выводовъ автора, который основывается на собственной 15-ти лѣтней хозяйственной практикѣ, но, въ то же время, можно пожалѣть о томъ, что авторъ не пробылъ хотя бы двухъ лѣтъ въ какой-нибудь агрономической школѣ. Тогда онъ не сталъ бы печатать курсивомъ о сбереженіи влаги, какъ краеугольномъ принципѣ обработки чернозема (стр. 102), не считалъ бы собственными открытіями вредъ ливней и излишняго боронованія, разницу высокихъ урожаевъ и высокихъ доходовъ, важность своевременной обработки и др. (стр. 109). По собственному заявленію, авторъ получилъ юридическое образованіе, служилъ въ петербургской канцеляріи и, переселившись въ имѣніе (въ 1875 г.), перечиталъ цѣлую гору французскихъ и нѣмецкихъ книгъ по сельскому хозяйству (стр. 14). Это чтеніе, конечно, не могло замѣнить самостоятельныхъ занятій подъ надлежащимъ руководствомъ въ научной школѣ; да, кромѣ того, можно подозрѣвать, что гора составлялась безъ надлежащаго выбора и критики. Розенбергъ и Жирарденъ показались автору представителями иностранной агрономической науки, и имъ, а черезъ нихъ и наукѣ, поставленъ въ вину неудачный результатъ перваго хозяйственнаго года. Въ концѣ 1878 года кн. Кудашевъ рѣшилъ устроить у себя опытное поле въ 130 десятинъ; это, вѣроятно, наибольшій размѣръ „опытнаго поля“

на земномъ шарѣ; черезъ 12 лѣтъ это опытное поле убѣдило автора въ томъ, что вспашку пара слѣдуетъ производить по возможности рано (стр. 87). Въ многопольное хозяйство съ корнеплодами и травосѣяніемъ авторъ пока не вѣритъ (стр. 11); можетъ быть, черезъ 15 лѣтъ онъ убѣдится въ возможности и выгодности такого хозяйства въ степной полосѣ при помощи новаго опытнаго поля.

Несмотря на нѣкоторые стилистическіе промахи (такія выраженія, какъ „зачаточныя начала организмовъ“, „физико-физіологическія свойства почвы“ и т. п.), книжка кн. Кудашева написана живымъ языкомъ, читается съ большимъ интересомъ и, какъ произведеніе хозяина-практика, встрѣтитъ навѣрное, сочувствіе въ такихъ сферахъ, которыя не признаютъ другой школы, кромѣ долговременнаго личнаго хозяйственнаго опыта.

О возможныхъ мѣрахъ борьбы съ засухами. П. Баракова. Одесса, 1892 г. Цѣна 50 коп. Брошюра г. Баракова (преподающаго агрономію въ Новороссійскомъ университетѣ) начинается метеорологическими сопоставленіями 1891 года съ его предшественниками, разсматриваетъ затѣмъ облѣсеніе, орошеніе и особенно останавливается на тѣхъ пріемахъ культуры, которые могутъ оказаться полезными въ борьбѣ съ засухами: настойчиво рекомендуются для степной полосы возможно ранняя и глубокая обработка пара, введеніе навознаго удобренія, разнообразіе культуръ и улучшеніе сѣмянъ. Изложеніе иллюстрируется многими примѣрами изъ практики южнорусскаго хозяйства.

Батаническая акклиматизаціонная выставка 1892 г. въ Москвѣ. Критическій обзоръ В. Мѣшаева. Москва, 1892 года. Цѣна 35 к. Въ свое время нѣкоторые органы московской періодической печати напустили не мало тумана для того, чтобы замаскировать предъ публикой тѣ весьма крупные недостатки, которыми была такъ богата московская ботаническая акклиматизаціонная выставка, устроенная Императорскимъ русскимъ обществомъ акклиматизаціи животныхъ и растеній. Къ сожалѣнію, недостатки эти не получили тогда должной и вполнѣ справедливой оцѣнки, и только теперь, благодаря брошюрѣ г. Мѣшаева, публика пріобрѣтаетъ возможность составить правильное понятіе о томъ, что такое представляла собою эта выставка и насколько жалки достигнутые ею результаты. Въ этомъ отношеніи г. Мѣшаевъ оказываетъ большую услугу русской наукѣ и русскому обществу, защищая ихъ интересы противъ тѣхъ, кто берется не за свое дѣло и представляетъ научную дѣятельность и культурные успѣхи Россіи въ превратномъ и недостаточномъ видѣ. Не нужно думать, что г. Мѣшаевъ ограничивается только голословными обвиненіями,—нѣтъ, онъ разбираетъ выставку во всѣхъ ея подробностяхъ и мелочахъ, оцѣниваемыхъ имъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Вообще, можно сказать, что брошюра г. Мѣшаева съ интересомъ можетъ быть прочитана не только тѣми, кого занимаютъ спеціальные вопросы акклиматизаціи, но также и тѣми, кто слѣдитъ за дѣятельностью нашихъ ученыхъ обществъ, поскольку она проявляется въ публичныхъ предпріятіяхъ, подобныхъ московской батанической акклиматизаціонной выставкѣ прошлаго года

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Русская азбука для сельскихъ школъ". *В. О. Крижа.*—„Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, въ біографіяхъ и характеристикахъ". *С. Бураковскаго.*—„Краткій учебникъ по русскому языку". *Н. Гіацинтова.* — „Басни Эзопа". *Н. И. Познякова.*—„Товарищъ". *Его же.*—„Стасина Библіотечка". *М. Ледерле.*—„Донъ-Кихотъ". *Сервантеса.* — „Изъ исторіи родной земли". *Д. И. Тихомирова.*

Русская азбука для сельскихъ школъ. Руководство къ „Русской азбукѣ для сельскихъ школъ". В. О. Крижа. Москва, 1892 г. Цѣна 10 к.+10 к. *Русская азбука для сельскихъ школъ* г. Крижа основана на нѣкоторыхъ новыхъ пріемахъ, и многіе изъ этихъ пріемовъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Въ составителѣ видѣнъ опытный педагогъ, не только много лѣтъ занимающійся въ сельской школѣ, но и упорно размышляющій надъ различными подробностями своихъ занятій. Вотъ почему порядокъ и послѣдовательность въ изученіи алфавита, да и расположенія всякаго матеріала отнюдь не случайны въ *Русской азбукѣ* и вездѣ опираются на тѣ или иныя соображенія. Эти соображенія обстоятельно излагаются въ руководствѣ къ *Русской азбукѣ*, и здѣсь читатель находитъ много довольно интереснаго: особенно цѣнны въ этомъ отношеніи главы II, III и V, гдѣ авторъ удачно рѣшаетъ вопросъ, „съ чего начинать обученіе чтенію", убѣдительно толкуетъ „о механическихъ трудностяхъ чтенія" и даетъ полезныя указанія „о письменныхъ работахъ". Между прочимъ, не можетъ не согласиться съ г. Крижемъ, что „въ истинномъ смыслѣ объяснительное чтеніе работа не перваго, а послѣдующаго періода обученія" (*Руков.*, стр. 8), и что „когда на мѣсто простого, безхитростнаго чтенія водворяется въ школѣ такое „объяснительное" чтеніе со всѣми тонкостями пресловутой „катехизаціи", то противъ этого необходимо уже бороться" (*Рук.*, стр. 6). Точно также намъ кажутся вполнѣ основательными тѣ страницы *Руководства* (10—15), на которыхъ авторъ доказываетъ, что недостаточно расположить въ извѣстномъ порядкѣ однѣ буквы: „необходимо сдѣлать такъ, чтобы весь матеріалъ, назначаемый для первыхъ упражненій въ чтеніи, былъ расположенъ въ строгой системѣ" (*Рук.*, стр. 11). Наконецъ, письменныя работы, предлагаемыя въ „*Русской азбукѣ*, по всей справедливости могутъ быть названы именно такими, какихъ весьма разумно желаетъ составитель; онѣ являются „не механическими, а по возможности производительными" (*Рук.*, стр. 28). Такимъ образомъ, азбука составлена толково, и если въ чемъ и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, упрекнуть г. Крижа, то это въ томъ, что его книжка нѣсколько, такъ сказать, суха и можетъ показаться учащимся скучною. Г. Крижъ предвидитъ подобное замѣчаніе, но, касаясь его, входитъ самъ съ собою въ нѣкоторое противорѣчіе. „Мы не погнались за картинками,—говоритъ онъ въ заключеніе своего руковод-ства,—и потому еще, что намъ не по сердцу самая мысль — приманивать къ книгѣ какими-то „побрякушками, а не дѣломъ прежде всего" *Рук.*, стр. 40). Между тѣмъ, тотъ же г. Крижъ, всего нѣсколькими строками выше, распространяясь о томъ, что онъ не вводитъ картинокъ въ свою книжку потому, что онѣ стóятъ денегъ, которыя можно сэкономить для другой цѣли, предлагаетъ картины на школьныхъ стѣнахъ и замѣчаетъ: „это было бы въ высшей степени полезно" (*Рук.*, стр. 40). Не странно ли: картинки въ азбукѣ нашему составителю кажутся „побрякушками", а картины на школьныхъ стѣнахъ — чѣмъ-то

весьма полезнымъ?! Какъ бы то ни было, однако, но если самъ же г. Крижъ, правда, по другому поводу, находитъ, что „ученіе никогда не должно казаться чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ жизни“ (*Рук.*, стр. 14), съ чѣмъ, разумѣется, мы спѣшимъ согласиться, то и картинки въ азбукѣ, какъ средство сближенія съ жизнью, очень умѣстны. Чтобы дѣти всегда заинтересовывались дѣломъ ради него самого, въ этомъ позволительно сомнѣваться; что же касается цѣны азбуки, то пусть она будетъ нѣсколько подороже, но пусть принесетъ побольше пользы.

Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, въ біографіяхъ и характеристикахъ. Пособіе для учащихся. С. Бураковскаго. Новгородъ, 1892 г. Цѣна 80 коп. Намъ уже не первый разъ приходится говорить о пособіяхъ для учащихся при изученіи русской литературы, составленныхъ г. Бураковскимъ, и если они являлись въ той или другой степени полезными и цѣлесообразными, то и новое пособіе того же автора, подъ названіемъ *Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, въ біографіяхъ и характеристикахъ*, отличается многими достоинствами. При разбираемомъ пособіи нѣтъ никакого предисловія, вводящаго читателя въ смыслъ книги, но этого и не требуется: нѣсколько длинное заглавіе вполнѣ замѣняетъ такое предисловіе. Дѣло, стало быть, сводится къ вопросамъ, насколько удаченъ разборъ произведеній и возникаетъ ли образъ писателя и картина его дѣятельности изъ прилагаемыхъ біографій и характеристикъ. Намъ кажется, что авторъ вполнѣ выполнилъ свою задачу. Положимъ, что изъ произведеній писателей разобраны только главныя, а біографіи изложены не вездѣ одинаково обстоятельно, но разборы даютъ часто очень хорошее представленіе о произведеніяхъ, что же до біографій, то всѣ онѣ разсказаны весьма живо. Есть мѣста въ разбираемомъ пособіи, которыя особенно удались автору. Таковы, напримѣръ, біографія и характеристика Ломоносова, разборъ его *Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ*, разборы *Писемъ русскаго путешественника* Карамзина, *Сельскаго кладбища* Жуковскаго, его же *Теона и Эсхина*, литературная характеристика Крылова. Достаточно сказать, что многое изъ только что перечисленнаго усвоивается учащимися (по другимъ руководствамъ) съ большимъ трудомъ, чтобы назвать книжку г. Бураковскаго довольно цѣнною.

Краткій учебникъ по русскому языку. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ Николай Гіацинтовъ. Изданіе первое. Рязань, 1891 г. Цѣна 50 коп. Синтаксисъ г. Гіацинтова долженъ считаться учебникомъ по меньшей мѣрѣ оригинальнымъ, и нѣкоторою оригинальностью отличается, прежде всего, предисловіе: оно очень кратко, но, надо сознаться, весьма неясно. „При составленіи „синтаксиса“, говорится въ этомъ предисловіи, имѣлась въ виду та цѣль, чтобы показать, какимъ образомъ слова, имѣющія этимологическое построеніе, соединяются въ цѣлую связную рѣчь для выраженія нашихъ мыслей“. Больше ъ предисловіи нѣтъ ни одного слова, и мы такъ и не знаемъ, съ ка ю цѣлью написанъ учебникъ, потому что цѣль, указанная въ преди о- віи, подразумѣвается сама собой и для краткаго, и для простран о учебника. Но отъ предисловія перейдемъ къ учебнику. Что онъ з- грамотенъ, могутъ показать правила его, вродѣ слѣдующихъ: „Г. в- ными членами предложенія называются подлежащее и сказуемое, в о- ростепенные (?): опредѣленіе и т. д.“ (стр. 2), или: „*Отрицат* ь- *нымъ* предложеніемъ называется такое предложеніе, въ которомъ ъ-

зуемымъ отрицается что-либо о (?) подлежащемъ" (стр. 29). Кромѣ безграмотности, въ синтаксисѣ г. Гіацинтова мы находимъ и своеобразное изложеніе правилъ; составитель сообщаетъ, что „*сказуемое*, состоящее *изъ имени существительнаго*, согласуется съ подлежащимъ въ падежѣ, но въ родѣ и числѣ можетъ *разниться*; связка же *есть* (суть), которая въ этомъ случаѣ подразумѣвается, во всемъ согласуется съ подлежащимъ" (?) (стр. 16). Потомъ въ разбираемомъ учебникѣ встрѣчаются новыя, хоть и очень странныя, правила: г. Гіацинтовъ взялъ, напримѣръ, откуда-то, что „*два или вообще нѣсколько глаголовъ*, относясь къ подлежащему, должны быть употреблены въ одномъ и томъ же времени, наклоненій и видѣ" (стр. 17). Въ такомъ родѣ синтаксисъ идетъ до 85 страницы, которая представляетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ уже непонятное; здѣсь почему-то напечатаны слова: „Часть третья. Орѳографія", потомъ дается краткое опредѣленіе орѳографіи, а внизу въ выноскѣ читаемъ: „Правила употребленія буквъ, словъ (?) и знаковъ препинанія въ русской рѣчи изложены въ первыхъ двухъ частяхъ учебника". Что значитъ эта третья часть грамматики, состоящая изъ одной страницы, извѣстно одному г. Гіацинтову. Разбираемый синтаксисъ заключается прибавленіемъ въ видѣ краткихъ свѣдѣніи по теоріи словесности, которыя своими качествами не отличаются отъ синтаксическихъ. Вообще указать и пересчитать всѣ курьезы книжки г. Гіацинтова довольно трудно, да и нѣтъ никакой нужды, потому что и указаннаго достаточно; намъ остается только сказать, что если авторъ ожидаетъ слѣдующихъ изданій своего учебника, когда пишетъ на обложкѣ „первое изданіе", то его ожиданія едва ли не напрасны.

Басни Эзопа, пересказъ въ стихахъ Н. И. Познякова. Съ 47 рис. Т. Никитина и другихъ. Спб. Изданіе Девріена. Г. Позняковъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, замѣчаетъ, что въ басняхъ Эзопа отсутствуетъ поэзія, что форма ихъ устарѣла, а тонъ разсказовъ сухъ. И, несмотря на эти серьезные недостатки, басни Эзопа онъ считаетъ очень цѣнными на томъ основаніи, что въ нихъ въ обильномъ количествѣ разсѣяны „трезвыя" мысли и много „житейской, практической мудрости". Посмотримъ же, въ чемъ заключается и эта „трезвенность", и эта мудрость. Не останавливая читателя на формѣ этихъ стихотвореній, писанныхъ до крайности неумѣло, мы только приведемъ нѣсколько моральныхъ сентенцій: какъ богачъ, поселившійся возлѣ дома, гдѣ живетъ кожевникъ, сначала не могъ выносить вони отъ кожъ, но потомъ—смотришь—„проходитъ день за днемъ",

А все сосѣдъ не выѣзжаетъ,
Богачъ же къ вони (!) привыкаетъ,—

подобно этому и со всѣми людьми случается такъ, что

Коль встрѣтится когда намъ въ жизни *закавычка* (?),
То съ ней, въ концѣ-концовъ, насъ примиритъ привычка...

Можетъ быть, это и очень умная мысль, но какъ-то непонятно... Въ томъ же родѣ и слѣдующее нескладное изреченіе:

Не только у скотовъ, бываетъ и у насъ,
Что сильнаго безсильный обижаетъ;
Но *онъ* (кто онъ?) при этомъ *всякій разъ* (?!)
Въ себѣ глупца изобличаетъ.

Нельзя не удивиться и слѣдующей мысли, внушаемой дѣтямъ отъ лица Правды: „прежде, — говоритъ Правда, — лжецы межъ людьми были рѣдки",

Нынѣ же стали лжецами *всѣ* люди... *всѣ*, *всѣ* безъ изъятья...
Нынѣ, увы! въ городахъ и селеніяхъ царствуетъ Кривда...

Можетъ быть, это и очень „трезво“ сказано, тѣмъ не менѣе, и не справедливо, и не поучительно для дѣтей.

А вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ „житейская, практическая мудрость“, за которую г. Позняковъ такъ высоко цѣнитъ Эзопа: люди терпѣть не могутъ другъ друга и никогда не думаютъ принимать участіе въ чужомъ горѣ,

Было-бъ лишь пригрѣто собственное тѣло...

Если у Эзопа, по словамъ г. Познякова, тонъ разсказовъ сухъ, то у г. Познякова онъ, въ то же время, слишкомъ грубъ. Для дѣтской книги нежелателенъ такой жаргонъ, въ которомъ частенько попадаютъ слова: „эхъ ты, рыло!“; „рожа“; „башка“; „дуракъ“ и т. п. ухарскія выраженія. Слѣдовало бы автору озаботиться побольше о формѣ своихъ стихотвореній, которыя скорѣе подходятъ къ конфектнымъ стихамъ, чѣмъ къ художественной литературѣ. Приведемъ нѣсколько фразъ: *Пребольшущій шалунишка пастушонокъ былъ мальчишка* (стр. 16)... *Надеждою такой же обуяна, на зовъ его спѣшитъ и обезьяна* (стр. 43).

Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. Н. И. Познякова. Съ рисунками Т. И. Никитина. Спб. Изданіе Дервіена. Въ этой повѣсти авторъ изображаетъ по преимуществу пороки школьной жизни. Тутъ есть и примѣры наглости въ обращеніи школьниковъ другъ съ другомъ и, въ особенности, съ своими воспитателями. Тутъ мы видимъ, какъ товарищи мучатъ и пытаютъ новичковъ всяческими оскорбленіями, издѣвательствами и побоями; какъ деликатныя и скромныя дѣти грубо эксплуатируются нахалами и пройдохами, которые ихъ обманываютъ, обираютъ, подводятъ подъ непріятности и подъ отвѣтственность передъ начальствомъ. Цѣлыя страницы этой повѣсти испещрены пошлыми остротами, наприм.: „Фискалъ, фискалъ! Кишки по Невскому таскалъ, никто не покупалъ, самъ всѣ поѣдалъ; нѣмецъ, перецъ, колбаса купилъ лошадь безъ хвоста; отличныя папиросы—дюбекъ, отъ котораго самъ чортъ убѣгъ“ и т. п. А вотъ поучительный образецъ мальчишескаго обращенія съ нѣмцемъ-воспитателемъ. Утромъ онъ будилъ учениковъ: „Коспода! вставайте!“ Ему говорили: „Ѳей Ѳеичъ! невѣрно, вы не такъ“. —„А какъ-ше нато?“— освѣдомлялся онъ. — „Надо говорить — вставляйте“.—„Ну, вставляйте, вставляйте“. —„Не такъ, Ѳей Ѳеичъ: надо—вставьте“.—„Ну, вставьте“ (стр. 137).

Одинъ ученикъ на стр. 179—180, размышляя о гимназической жизни, обстоятельно характеризуетъ нравы, изображенію которыхъ посвящена вся эта повѣсть. „Все времяпровожденіе и всѣ склонности товарищей заключаются въ томъ, чтобы другъ друга бранить, дразнить, бить, всячески изводить... принижать человѣческую личность, и человѣческое достоинство смѣшивать съ грязью; обирать и объѣдать несвѣдущихъ... городить разныя пакости и хвастаться умѣньемъ быстро подбирать риѳмы къ сальнымъ словамъ...“ Нечего и распространяться о томъ, что повѣсть изображающая подобные нравы, не должна считаться пригодной дл дѣтскаго чтенія.

Стасина Библіотечка. Сост. М. Ледерле. № 1. Въ первый выпускъ этой *Библіотечки* вошли маленькіе разсказы (нѣкоторые безъ подписи другіе г. И. Ѳеоктистова), басни Крылова, отрывокъ изъ Тургенева *Овсяный Кисель* въ переводѣ Жуковскаго, стихотворенія Майкова и Никитина, пословицы. Въ книгѣ болѣе сорока рисунковъ барона Клодта, красивый рисунокъ, въ краскахъ, помѣщенъ на папкѣ. Стоитъ

Стасина Библіотечка рубль (безъ пересылки). Статьи подобраны хорошо и общій смыслъ ихъ симпатиченъ. Исключеніе составляетъ лишь одинъ изъ разсказовъ г. Ѳеоктистова: *Истинный другъ*; изъ этого разсказика вытекаетъ, что истиннымъ другомъ должно считать лишь того, кто соглашается скрыть убійцу, хотя и невольнаго. Жаль, что этотъ разсказикъ попалъ въ *Стасину Библіотечку*.

Донъ-Кихотъ. Сервантеса. Сокращенный переводъ для юношества. Спб. Изд. Ф. Павленкова. Цѣна 50 к. Очень толково сдѣланный пересказъ (если не ошибаемся, съ французскаго) приключеній ламанчскаго героя въ достаточной степени знакомитъ съ сервантесовскимъ Донъ-Кихотомъ. Книжка хорошо издана, украшена рисунками и стóитъ дешево. Смыслъ великаго произведенія, нанесшаго смертельный ударъ глупымъ рыцарскимъ романамъ и не менѣе глупымъ рыцарскимъ обычаямъ и подвигамъ, будетъ ясенъ для юныхъ читателей въ изданномъ г. Павленковымъ сокращенномъ переводѣ.

Изъ исторіи родной земли. Очерки и разказы для школъ и народа. Д. И. Тихомирова. М., 1893 г. Составитель этого сборника (двѣ части) справедливо говоритъ, что „исторія родной земли, въ ряду другихъ предметовъ первоначальнаго образованія, можетъ имѣть высокое педагогическое значеніе". Чтобы содержаніе историческихъ событій глубже запечатлѣлось въ памяти читателя, г. Тихомировъ помѣстилъ много стихотвореній, гдѣ рѣчь идетъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Сборникъ составленъ умѣло и тщательно и будетъ очень полезнымъ пособіемъ въ начальной школѣ. Онъ удовлетворяетъ, въ то же время, и другой цѣли—быть книжкой для народнаго чтенія. Въ текстѣ помѣщено довольно много портретовъ, видовъ историческихъ мѣстностей, памятниковъ, картъ. Стóятъ обѣ части сборника дешево (90 к.) и изданы вполнѣ удовлетворительно.

КАЛЕНДАРИ И СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Энциклопедическій словарь". *Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.*—„Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ". *В. К. Анрепа и Н. А. Воронихина.* — „Царь-Колоколъ". *Изд. О. И. Лашкевича.*

Энциклопедическій словарь, подъ редакціей К. К. Арсеньева и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Изданіе Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Полутомы 13, 14 и 15. Спб., 1892 г. Благодаря трудамъ вышеназванныхъ редакторовъ и ученыхъ, взявшихъ на себя редактированіе отдѣловъ, *Энциклопедическій словарь*, оставаясь сходнымъ съ нѣмецкимъ изданіемъ Брокгауза, сдѣлался окончательно русскимъ словаремъ по своему содержанію. Въ массѣ самостоятельно обработанныхъ статей, относящихся не только къ Россіи, но и ко многимъ отраслямъ знанія, заимствованный матеріалъ, переведенный съ нѣмецкаго изданія, едва замѣтенъ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что при новомъ изданіи Conversations-Lexikon'а г. Брокгаузу придется не мало попользоваться заимствованіями изъ русскаго словаря. На букву В оригинальнаго матеріала такъ много, что нѣтъ возможности перечислить даже наиболѣе выдающіяся статьи, и мы вынуждены ограничиться указаніями на превосходную статью *Волга* съ очень хорошею картой, на которой, кромѣ теченія самой Волги, изображенъ весь бассейнъ великой русской рѣки со всѣми ея притоками и планъ города Нижняго-Новгорода. Затѣмъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: *Волокна*

растеній, *волость* и двѣ статьи о *Вольтерѣ*, и на букву Г—статьи: *Газета*, *газъ* и слѣдующія, относящіяся къ газу, рядъ статей о *Гальванизмѣ*, *Гегель*, *Географическое распространеніе животныхъ*, *Географія растеній* (обѣ съ картами), *Гербы* съ таблицами рисунковъ и мн. др. Пятнадцатый полутомъ кончается словомъ *Германій*. Замѣченныя нами неточности и пропуски весьма несущественны; такъ, напримѣръ, не точно опредѣлено значеніе слова *вольтъ* въ картежной игрѣ, въ объясненіи слова *вѣкоута* не сказано, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи оно измѣняется въ „вѣкоуша" и въ „вѣковуша"; пропущенъ напитокъ *воронецъ* или *воронокъ*. Въ очень обстоятельной статьѣ *Воровской языкъ* не указаны труды Люсьена Риго: *Dictionnaire du jargon parisien* (*l'argot ancien et l'argot moderne*) и *Dictionnaire d'argot moderne* (1881)... Именамъ замѣчательныхъ русскихъ людей отведено подобающее мѣсто. Въ общемъ выпуски *Словаря* подъ новою редакціей отличаются отъ прежнихъ еще и стройностью, и соразмѣрностью статей, изъ которыхъ ни одна не переходитъ объема, необходимаго въ справочной книгѣ, съ сохраненіемъ, притомъ, желательной полноты. Намъ остается пожелать теперешней редакціи *Энциклопедическаго словаря* скорѣе довести до конца это изданіе въ томъ видѣ, какой оно приняло въ послѣднихъ выпускахъ.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ, подъ редакціей В. К. Анрепа и Н. А. Воронихина. Спб., 1893 г. Изд. Риккера. По примѣру прошлаго года, календарь этотъ изданъ тремя отдѣльными частями (книжками), изъ которыхъ въ первой—карманной—помѣщены необходимыя въ ежедневной жизни врача справочныя медицинскія свѣдѣнія, хорошо сгруппированныя и достаточно полно обработанныя. Во второй части—настольной—кромѣ спеціальныхъ справочныхъ свѣдѣній, вродѣ морскихъ купаній, климатическихъ станцій, помѣщено нѣсколько статей по гигіенѣ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе наиболѣе подробныя: *Къ гигіенѣ жилищъ*, составленная по Петтенкоферу, и *Діэта при разныхъ болѣзняхъ* Schlesinger'а; изъ нихъ каждый врачъ можетъ почерпнуть для себя весьма цѣнныя практическія указанія. Тутъ же помѣщенная статья проф. Данилевскаго о микроорганизмахъ маларіи, знакомящая съ современнымъ положеніемъ этого вопроса въ наукѣ, содержитъ въ себѣ толковое описаніе морфологическихъ и біологическихъ свойствъ этихъ микроорганизмовъ. Наконецъ, третья книжка посвящена личному врачебному составу по министерствамъ и учрежденіямъ и большая ея часть отведена подъ списокъ россійскихъ врачей съ указаніемъ ихъ мѣстожительства. Въ заключеніе укажемъ на неудобство для календаря пользоваться свѣдѣніями о лечебницахъ изъ врачебныхъ управленій, гдѣ значатся всѣ когда-либо разрѣшенныя частныя лечебныя заведенія, многія изъ которыхъ давнымъ-давно, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не функціонируютъ, что мы замѣтили въ спискѣ частныхъ лечебницъ Москвы.

Царь-Колоколъ, иллюстрированный календарь-альманахъ на 1893 годъ. Изданіе О. И. Лашкевича и К°., бывшее Э. Э. Гиппіус Москва. Цѣна 50 коп. Съ переходомъ этого изданія съ нынѣшня года въ другія руки въ немъ произошли двѣ перемѣны: текстъ кале даря сталъ лучше и разнообразнѣе, иллюстраціи же слабѣе прежни и хуже воспроизведены. Въ рисункахъ А. Гофмана, иллюстрирующи мѣсяцы, нѣтъ той непринужденности, какою отличались компози прежняго иллюстратора. Къ числу самыхъ плохихъ принадлежитъ сунокъ на сентябрь мѣсяцъ, а также на августъ. Выборъ остальн

иллюстрацій тоже нельзя назвать удачнымъ. Всѣ они воспроизведены фото-цинкографіей довольно грубо и слишкомъ черно, что придаетъ имъ грязноватый видъ лубочныхъ картинокъ. Оригинальною представляется страница 44, съ факсимиле подписей русскихъ государей, начиная съ патріарха Филарета Никитича и кончая императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Отсутствуетъ только почему-то подпись перваго царя изъ дома Романовыхъ, Михаила Θедоровича. Въ справочномъ отдѣлѣ мы замѣтили полезное улучшеніе—введеніе въ него росписанія желѣзныхъ дорогъ, чего прежде не было, причемъ расположены таблицы въ алфавитномъ порядкѣ, облегчающемъ справки. Всѣ статьи посвящены или только что пережитому Россіей въ прошедшемъ году, или текущимъ вопросамъ, интересующимъ русскихъ вмѣстѣ со всѣмъ міромъ, какъ, напримѣръ, выставка въ Чикаго. Къ календарю приложены отчетливо сдѣланный планъ Москвы и карта желѣзныхъ дорогъ Россіи. Недостаетъ въ календарѣ свѣдѣній о пароходныхъ сообщеніяхъ, необходимыхъ почти настолько же, какъ указатель желѣзныхъ дорогъ. Если издатель послушаетъ нашего добраго совѣта и включитъ таковыя въ слѣдующій выпускъ, то весьма полезно будетъ отмѣтить и рейсы иностранныхъ пассажирскихъ пароходовъ по Балтійскому и Черному морямъ, чего до сихъ поръ мы не видали въ нашихъ календаряхъ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *январь*.—„Русское Богатство“, *декабрь 1892 г.* — „Сѣверный Вѣстникъ“, *январь*.—„Міръ Божій“, *январь*.— „Русскій Вѣстникъ“, *январь*.—„Историческій Вѣстникъ“, *октябрь — декабрь 1892 г.*—„Русскій Архивъ“, *ноябрь — декабрь 1892 г.*—„Дѣтскій Отдыхъ“, *январь—декабрь 1892 г.*

Вѣстникъ Европы, *январь*. Новый 1893 годъ наступилъ при условіяхъ не столь тяжелыхъ, какъ минувшій, но, все-таки, обѣщаетъ мало отраднаго. Нужда продолжаетъ быть весьма острою на обширномъ пространствѣ Россіи, что констатировано и оффиціально. Наиболѣе пострадавшими отъ неурожая 1892 г. признаны, между прочимъ, такія губерніи, которыя были постигнуты тѣмъ же бѣдствіемъ въ 1891 году. Въ „общественной хроникѣ“ журнала приведено изъ разныхъ мѣстностей нѣсколько образчиковъ интензивности нужды, какую переживаетъ крестьянское населеніе. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ о положеніи дѣлъ въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, гр. В. Бобринскій: „Въ прошломъ году нашъ уѣздъ пережилъ тяжелый экономическій кризисъ. Дружныя усилія правительства, земства и частной благотворительности, истратившихъ на это дѣло болѣе милліона рублей, спасли 173-тысячное населеніе уѣзда отъ грозившаго ему голода, хотя и этихъ жертвъ оказалось недостаточно, чтобы предотвратить полное истощеніе денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ земледѣльца. Крестьянское хозяйство оказалось въ конецъ расшатаннымъ: богачъ сталъ бѣднякомъ, бѣднякъ—нищимъ. Въ 1892 г. рожь вторично не воротила сѣмянъ; овесъ мѣстами даже не косили. Не родилась и лебеда, а травы совсѣмъ нѣтъ. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ ужасами голода и разоренія, предъ которыми блѣднѣютъ бѣдствія прошлаго года. Правительственная ссуда въ минувшемъ году выдавалась съ декабря; въ нынѣшнемъ году выдачу пришлось начать съ сентября. Этой ссуды (30 ф. на ѣдока въ мѣсяцъ, исключая дѣтей моложе 3-хъ лѣтъ и людей рабочаго возраста), очевидно, недостаточно, хотя и она потребуетъ громадныхъ жертвъ

со стороны правительства. Кромѣ того, остается нѣсколько тысячъ сельскаго и городского пролетаріата, не имѣющихъ права на ссуду. Къ нимъ-то на помощь и должна придти частная благотворительность. Помимо нужды въ насущномъ хлѣбѣ, появилась вопіющая нужда въ топливѣ для всего населенія. Соломы нѣтъ, топить нечѣмъ: жгутъ крыши, жгутъ телѣги и прочій хозяйственный инвентарь. Въ довершеніе всего—тифъ и повальныя дѣтскія болѣзни вырываютъ массу жертвъ. Объѣзжая уѣздъ, сплошь да рядомъ становишься очевидцемъ самыхъ безотрадныхъ картинъ. Холодная, сырая изба, смрадъ, на стѣнкахъ ослизлая плѣсень, черезъ потолокъ каплетъ талый снѣгъ (крыши уже нѣтъ); полъ—болото: на примости, на печи лежатъ въ повалку 5—6 человѣкъ въ тифозномъ бреду, безъ ухода, безъ пищи, а о молокѣ и рѣчи быть не можетъ. А впереди—длинная, голодная и холодная зима".

Народное бѣдствіе минувшаго года породило необыкновенный подъемъ духа во всѣхъ слояхъ нашего общества. Масса лицъ явились на помощь страждущему народу. Сильная нужда взываетъ и теперь къ общественной и частной помощи. Земство дѣлаетъ, что можетъ, чтобы помочь правительству ослабить острую нужду. Но рядомъ съ этою заботой оно думаетъ и о будущемъ. Повсюду на земскихъ собраніяхъ внимательно обсуждалось продовольственное дѣло, необходимость преобразованія его, а также различныхъ мѣропріятій, способныхъ поднять разстроенное крестьянское хозяйство. Въ этомъ смыслѣ въ правительственныя учрежденія поступила масса земскихъ ходатайствъ. И вотъ, несмотря на громадную пользу, которую оказало и продолжаетъ оказывать земство какъ правительству, такъ и населенію, извѣстная часть печати и общества чувствуютъ себя непокойными въ виду нѣкоторой самостоятельности земскихъ учрежденій. Имъ хотѣлось бы подчинить вполнѣ земство администраціи, лишить его всякой иниціативы. По поводу этихъ вождѣленій авторъ „Внутренняго обозрѣнія" январьской книжки *Вѣстника Европы* справедливо спрашиваетъ: если земство должно быть, прежде всего, подчиненнымъ, если оно должно служить только мѣстнымъ органомъ центральнаго учрежденія, то къ чему, въ такомъ случаѣ, земство? Отчего бы не замѣнить земскихъ дѣятелей чиновниками, ничѣмъ не отличающимися отъ представителей другихъ отраслей администраціи?...

Все дѣйствительно цѣнное и прочное,—замѣчаетъ авторъ,—сдѣланное земствомъ за первую четверть вѣка его существованія, обязано своимъ происхожденіемъ именно иниціативѣ земства, его сравнительной свободѣ. Только благодаря ей, земство могло проложить новые пути въ сферѣ народнаго образованія и попеченія о народномъ здоровьѣ. Затѣмъ, когда появились тревожные экономическіе признаки, они не ускользнули отъ вниманія земства; ему опять-таки принадлежитъ или иниціатива, или весьма энергическое участіе въ разныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія. Первые шаги земствъ на этомъ поприщѣ относятся еще къ семидесятымъ годамъ; въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девятидесятыхъ годовъ экономическіе вопросы ставятся и разрѣшаются земствомъ все чаще и чаще. Земство не ждетъ понужденія со стороны, чтобы приняться за назрѣвшую работу; многое имъ созданное или предпринятое переносится уже потомъ въ правительственныя сферы. Достаточно указать здѣсь на такіе выдающіеся и всѣмъ извѣстные факты, какъ экономическія мѣропріятія московскаго, тверскаго, смоленскаго, вятскаго, пермскаго, херсонскаго и новгородскаго земствъ.

Дѣйствительно, можно сказать, что не было такой назрѣвшей потребности въ сельскомъ быту, которая не обратила бы на себя вниманія земства, не было такой экономической невзгоды, которая не была бы имъ предусмотрѣна много лѣтъ назадъ, на которое оно не указало бы въ свое время. И если, несмотря на такое внимательное отношеніе къ мѣстнымъ нуждамъ, земство далеко не сдѣлало всего, что желало сдѣлать, то причина этого лежитъ не въ недостаткѣ энергіи и добраго желанія, а въ ограниченности его компетенціи и въ скудости матеріальныхъ средствъ.

Та же общественная фракція, которая желала бы уничтожить всякую самостоятельность земства, мечтаетъ также объ ограниченіи гражданскихъ правъ крестьянъ и о подчиненіи ихъ власти дворянъ, именно *дворянъ,* а не только должностныхъ лицъ изъ среды дворянства. Въ виду существованія въ обществѣ такихъ „крѣпостническихъ стремленій",—говорится въ *Общественной хроникѣ* журнала,—особенное и весьма нежелательное значеніе пріобрѣтаетъ всякая попытка ограничить личныя права крестьянъ, создать для нихъ подначальное положеніе даже въ тѣхъ сферахъ дѣятельности, гдѣ для всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ существуетъ полная свобода.

Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ одинъ изъ прожектеровъ, распложающихся въ послѣднее время съ еще большею быстротой, чѣмъ въ ту эпоху, которая изображена Салтыковымъ въ *Дневникѣ провинціала.* Признавая, что лицо, достигшее совершеннолѣтія, можетъ, „будучи граждански-правоспособнымъ и самостоятельнымъ, располагать собою и избирать родъ жизни и занятій", сотрудникъ *Гражданина* (№ 340) спѣшитъ установить исключеніе изъ этого правила по отношенію къ крестьянамъ: онъ предлагаетъ возобновлять паспорта крестьянъ, проживающихъ въ городахъ, только подъ условіемъ высылки ими въ деревню „достаточнаго", соразмѣрно съ лежащими на ихъ дворѣ платежами, количества денегъ. „Воззрѣніе общихъ гражданскихъ правъ" объявляется „ложнымъ", какъ только заходитъ рѣчь не объ обыкновенномъ гражданинѣ, а о крестьянинѣ.

И это только одинъ примѣръ изъ числа многихъ и очень многихъ. Отъ такихъ взглядовъ,— говоритъ авторъ хроники, — не далеко и до другихъ, болѣе рѣшительныхъ, прямо подкапывающихся подъ свободу всѣхъ вообще крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ихъ категорій. Почему бы, напримѣръ, не запретить крестьянамъ отлучку изъ мѣста жительства, пока всѣ окрестные помѣщики не обезпечены нужнымъ числомъ рабочихъ? Почему бы не поставить недоимщиковъ подъ спеціальную опеку сосѣдняго землевладѣльца? Такія или аналогичныя мысли несомнѣнно бродятъ въ умахъ, особенно чуткихъ къ моднымъ вѣяніямъ. О переходѣ ихъ изъ области мечтаній въ область дѣйствительности не можетъ, конечно, быть и рѣчи, но вредно уже самое ихъ появленіе и распространеніе, неизбѣжно ведущее къ тому, что на крестьянъ все больше и больше привыкаютъ смотрѣть какъ на существа низшаго порядка. Весьма характеристичною иллюстраціей этого извращенія понятій можетъ послужить слѣдующее сообщеніе *Сельскаго Вѣстника:* „Въ Вятской губерніи недостатокъ рабочихъ лошадей (послѣдствіе неурожайнаго года) вынудилъ безлошадныхъ крестьянъ изыскивать способы, какъ обработать землю. Пробовали было копать землю лопатами и мотыгами, а заборанивать граблями, но этотъ способъ оказался слишкомъ медленнымъ и неудобнымъ. Послѣ этого вздумали попробовать пахать человѣческою силой. Съ этою цѣлью одинъ трудо-

любивый домохозяинъ, имѣющій довольно порядочную семью, но безлошадный, испробовалъ пахать на себѣ. Онъ не постыдился поставить ребятъ своихъ въ косулю, выѣхалъ (?) въ поле, и началась пашня. Глядя на него, стали такимъ же образомъ пахать и другіе. И вотъ, съ легкой руки этого крестьянина, въ одной волости стали такъ работать очень многіе. Этимъ пахарямъ стали подражать крестьяне другихъ волостей. Работа пошла дружно, сговаривались три-четыре семьи и общими силами пахали и бороновали. Работали всѣ, мужчины и женщины, пожилые и молодые. Работа шла такъ быстро, что, не видѣвши, трудно было бы повѣрить. Для поощренія такихъ тружениковъ, земскій начальникъ обѣщалъ во время полевыхъ работъ каждому рабочему муку изъ благотворительныхъ запасовъ, сверхъ ссуды отъ земства". Приведя этотъ фактъ, *Сельскій Вѣстникъ* выражаетъ желаніе знать, повторяется ли онъ въ другихъ мѣстахъ; много ли крестьянъ, „пашущихъ на себѣ"; каковъ урожай на вспаханной такимъ образомъ землѣ; примѣняется ли тотъ же самый способъ обработки къ озимымъ полямъ? Разузнать,—замѣчаютъ по этому поводу *Русскія Вѣдомости*,—„гдѣ именно крестьяне доведены нуждою до необходимости запречься въ соху, было бы дѣйствительно весьма полезно; но цѣлью такого разслѣдованія должно быть, разумѣется, не удовлетвореніе только любознательности редакціи *Сельскаго Вѣстнаго*. И дѣйствительно, нельзя не удивляться точкѣ зрѣнія, съ которой *Сельскій Вѣстникъ* смотритъ на одинъ изъ самыхъ печальныхъ фактовъ современной жизни. „Пахать на себѣ", т.-е. нести страшно-утомительную работу, теряя массу времени и, все-таки, едва ли достигая результатовъ, доступныхъ даже для простой лошаденки,—это явленіе до крайности ненормальное, при видѣ котораго естественно только подумать объ одномъ: какъ бы скорѣе положить ему конецъ, возвративъ крестьянину необходимаго „слугу и товарища"—рабочую лошадь. Серьезно ставить новый способъ вспашки въ примѣръ другимъ, спокойно наводить справки о степени его распространенія — значитъ видѣть въ крестьянинѣ исключительную рабочую силу, а не человѣка, сотвореннаго также по образу и подобію Божію.

Изъ отдѣльныхъ статей январьской книжки *Вѣстника Европы*, касающихся важнѣйшихъ интересовъ дня, работа г. К. Вернера: *Неурожаи и наше сельское хозяйство* заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Рѣчь здѣсь идетъ о важномъ вопросѣ: возростаетъ ли нашъ вывозъ хлѣба изъ излишковъ производства или на счетъ потребленія народной массы? Авторъ рядами цифръ доказываетъ послѣднее положеніе. За ближайшія 20 лѣтъ заграничный отпускъ хлѣба возросъ на 120%, а производство зерна только на 18%.

Такъ какъ въ семидесятыхъ годахъ у насъ далеко не было хлѣбныхъ избытковъ, а населеніе съ тѣхъ поръ значительно увеличилось, то ростъ хлѣбнаго экспорта,—говоритъ авторъ,—не только не представляетъ ничего утѣшительнаго, но, напротивъ, долженъ возбудить весьма серьезныя опасенія. Еще въ семидесятыхъ годахъ профессоръ Янсонъ убѣдительно доказывалъ, что вывозъ хлѣба не соотвѣтствуетъ производительности страны и несомнѣнно идетъ на счетъ того хлѣба, который долженъ былъ бы оставаться на продовольствіе. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ оффиціальномъ изданіи (*Историко-статист. обзоръ промышл. Россіи*) было высчитано, что въ среднемъ за десятилѣтіе 1870 — 1879 года населенію не хватаетъ до нормы приблизительно ¹ части четверти на душу или 14,3% чистаго сбора.

И вотъ, статья г. Вернера является дальнѣйшимъ и весьма вѣскимъ подтвержденiемъ не разъ высказывавшейся въ нашей печати мысли, что быстрый ростъ хлѣбнаго экспорта идетъ въ ущербъ внутреннему потребленiю и что, отпуская хлѣбъ при такихъ условiяхъ, мы поддерживаемъ въ народѣ хроническое недоѣданiе.

Русское Богатство, *декабрь 1892 г.* Въ послѣдней книжкѣ этого журнала за истекшiй годъ г. Лисенко касается одного изъ весьма существенныхъ недуговъ сельскаго быта, заключающагося въ вынужденной продажѣ крестьянами своего хлѣба. На это зло указывалось не разъ въ печати и прежде, но наступившая теперь продовольственная неурядица, вызвавъ вновь къ жизни важные вопросы народнаго благоустройства, побудила обратить усиленное вниманiе на это дѣло, а также на опыты по этому предмету нашихъ земствъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ назрѣвшихъ вопросовъ народнаго хозяйства, по общему признанiю, является вопросъ объ отсутствiи дешеваго мелкаго сельскаго кредита. Отсутствiе этого кредита, въ связи съ почти неустранимыми неудобствами существующаго порядка взысканiя податей и земскихъ сборовъ, создаетъ для земледѣльца зачастую безвыходное положенiе, ведущее къ постепенному разоренiю. Всѣмъ извѣстно, что интересы фиска требуютъ взысканiя податей въ то время, когда у мужика есть съ чего взять, т.-е. осенью, сейчасъ послѣ уборки хлѣба. И, въ то же самое время, переполненiе рынковъ хлѣбомъ сильно понижаетъ цѣну на него, и вотъ мужикъ кряхтитъ и продаетъ хлѣбъ на базарѣ по тѣмъ цѣнамъ, которыя устанавливаетъ избытокъ предложенiя, — и въ результатѣ ни для казны, ни для него самого нѣтъ никакого толка отъ этой сумятицы. Первымъ земствомъ, явившимся на помощь крестьянамъ въ этомъ дѣлѣ, было крестецкое земство (Новгородской губернiи). Оно стало выдавать ссуду подъ хлѣбъ и оказало тѣмъ большую услугу сельскому населенiю. Удачный опытъ крестецкаго земства обратилъ на себя вниманiе мѣстной администрацiи. Осенью 1891 года губернаторъ циркулярно рекомендовалъ этотъ опытъ всѣмъ прочимъ земствамъ Новгородской губернiи, причемъ, какъ на источникъ для выдачи такого рода ссудъ, указывалось на губернскiй продовольственный капиталъ.

Какъ же отозвались земства на это предложенiе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ,—говоритъ авторъ статьи,—даетъ указанiе на тотъ основной подводный камень, о который должно разбиться громадное большинство попытокъ уѣздныхъ земствъ въ этомъ направленiи, если къ устраненiю этого подводнаго камня ничего не сдѣлаетъ правительство.

Значительная часть уѣздныхъ земствъ Новгородской губернiи, видя благотворность для населенiя ссудной операцiи крестецкаго земства, обратилась въ губернское земство съ ходатайствомъ о выдачѣ имъ ссудъ для такой же дѣятельности изъ губернскаго продовольственнаго капитала, такъ какъ собственныхъ средствъ у нихъ на это не имѣется. На эти ходатайства губернская управа вынуждена была отвѣтить отказомъ, несмотря „на все ея сочувствiе къ такого рода ссуднымъ операцiямъ“.

Наличность губернскаго продовольственнаго капитала,—говорится въ докладѣ управы собранiю,—безусловно не позволяетъ удовлетворить ходатайства земствъ, несмотря на то, что, къ сожалѣнiю, только у одного крестецкаго земства имѣется свободный капиталъ, дающiй возможность осуществить „эту прекрасную мѣру“. У всѣхъ же прочихъ земствъ не хватаетъ денежныхъ средствъ даже для удовлетворенiя текущихъ потребностей. „Въ виду вышеизложеннаго, губернская управа признаетъ

весьма важнымъ обратить вниманіе правительства на необходимость изыскать источники для предоставленія въ руки земства извѣстныхъ средствъ для выдачи сельскому населенію осенью ссудъ подъ залогъ земледѣльческихъ продуктовъ. Ссуды эти могутъ выдаваться подъ его гарантію, и потому правительство, ничѣмъ не рискуя въ данномъ случаѣ, легко можетъ получить нужныя средства путемъ выпуска 4% облигацій.

Отсюда очевидно,—заключаетъ авторъ статьи,—что операція ссудъ подъ хлѣбъ, столь удобная и посильная для мѣстныхъ учрежденій во всѣхъ своихъ деталяхъ, для того, чтобы получить широкое примѣненіе и осуществленіе, должна получить первоначальный толчекъ отъ государственнаго казначейства, которое должно доставить необходимыя для оборотовъ средства. Безъ этого толчка, несмотря на всю симпатичность и несложность операціи, она не получитъ сильнаго движенія, такъ какъ рѣдкія изъ нашихъ земствъ располагаютъ даже минимальными запасными капиталами.

Между тѣмъ, если бы правительство открыло нужный для указанной операціи кредитъ земскимъ учрежденіямъ, то оно само было бы лучше обезпечено аккуратною уплатой податей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, земство и населеніе почувствовали бы себя значительно легче. „Безъ кредита же земство изображаетъ собою великана со связанными руками".

Въ той же книжкѣ журнала началось печатаніе очерковъ В. И. Семевскаго *Изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ*. Задачей автора является не только пополнить пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, заключающійся въ отсутствіи изслѣдованій о судьбахъ фабричнаго, заводскаго и вообще промышленнаго труда, но также вызвать нѣкоторыя практическія послѣдствія. Авторъ указываетъ, между прочимъ, весьма поучительный примѣръ того, къ чему приводитъ и въ этой области незнаніе исторіи. По закону о частной золотопромышленности 1838 г. число часовъ, которое могло быть назначено по контракту для пріисковыхъ рабочихъ, не должно было превышать 15 (съ 5 часовъ утра до 8 вечера), но съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ было выдѣлено рабочимъ время на „обѣденный отдыхъ" и, притомъ, не было обязательной работы въ „воскресные и торжественные дни". Въ настоящее время работа по воскресеньямъ и въ праздничные дни обязательна на всѣхъ сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, и это допускается современнымъ законодательствомъ; что же касается количества ежедневнаго труда, то по одному новѣйшему проекту оно не должно „превышать для каждаго рабочаго шестнадцати часовъ, включая въ это число время на чай, обѣдъ и ужинъ" (т.-е. на одинъ часъ болѣе maximum'а, установленнаго въ 1838 г., количество же времени, даваемаго на принятіе пищи и отдыхъ послѣ обѣда, какъ и тогда, не опредѣлено)... „Неужели,—спрашиваетъ В. И. Семевскій,—не ужасна возможность попытки установить такой maximum рабочихъ часовъ въ новѣйшемъ проектѣ? Намъ кажется, что его составитель постыдился бы включать въ него такое правило, если бы зналъ, что даже люди суроваго николаевскаго времени были въ этомъ отношеніи гуманнѣе".

Сѣверный Вѣстникъ, *январь*. Ни въ одномъ художественномъ произведеніи идея вѣротерпимости не выражена такъ ярко, такъ глубоко, какъ въ драмѣ Лессинга *Натанъ мудрый*. Эта драма, по словамъ историка литературы Гетнера ,представляетъ собою евангеліе любви и терпимости, что было самымъ глубочайшимъ и существеннымъ проявленіемъ всего столѣтія. Это чудное произведеніе—монументальный итогъ всего вѣка

просвѣщенія. О силѣ вліянія этой высоко-гуманной драмы на нѣмецкое общество можно судить уже по тому, что со времени ея появленія начинается замѣтное ослабленіе непріязни, существовавшей между католиками и протестантами; мѣсто непріязни занимаютъ терпимость и взаимное уваженіе.

Послѣ Лессинга многіе писатели облекали идею вѣротерпимости въ беллетристическую форму, но ни одно изъ произведеній этого рода не стало въ уровень съ *Натаномъ мудрымъ*. На эту же тему написана гр. Л. Толстымъ небольшая восточная сказка: *Суратская кофейня*, напечатанная въ январской книжкѣ *Сѣвернаго Вѣстника*. Сказка эта представляетъ собою передѣлку маленькаго разсказика Бернардена де-Сенъ-Пьера.

Въ суратской кофейнѣ сошлись представители разныхъ вѣроисповѣданій — католикъ, протестантъ, еврей, браминистъ, магометанинъ, буддистъ, огнепоклонникъ и др., — и заспорили о сущности Бога и о томъ, какъ нужно почитать его. Каждый утверждалъ, что только въ его странѣ знаютъ истиннаго Бога и знаютъ, какъ надо почитать его.

Всѣ спорили, кричали. Одинъ только бывшій тутъ китаецъ, ученикъ Конфуція, сидѣлъ смирно въ углу кофейной и не вступалъ въ споръ. Онъ пилъ чай, слушалъ, что говорили, но самъ молчалъ.

Турокъ, замѣтивъ его среди спора, обратился къ нему и сказалъ:

— Поддержи хоть ты меня, добрый китаецъ. Ты молчишь, но ты могъ бы сказать кое-что въ мою пользу.

— Да, да, скажи, что ты думаешь,—обратились къ нему и другіе.

Китаецъ, ученикъ Конфуція, закрылъ глаза, подумалъ и потомъ, открывъ ихъ, выпросталъ руки изъ широкихъ рукавовъ своей одежды, сложилъ ихъ на груди и заговорилъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ.

— Господа, — сказалъ онъ, — мнѣ кажется, что самолюбіе людей болѣе всего другого мѣшаетъ ихъ согласію въ дѣлѣ вѣры. Если вы потрудитесь меня выслушать, я объясню вамъ это примѣромъ.

Тутъ китаецъ разсказалъ притчу о слѣпомъ, который отрицалъ солнце, потому что не видѣлъ его, тогда какъ другіе, зрячіе, толковали о солнцѣ вкривь и вкось на основаніи предразсудковъ, внушенныхъ умственною слѣпотой.

— Да, заблужденія и несогласія людей въ вѣрѣ отъ самолюбія,— продолжалъ китаецъ, ученикъ Конфуція. — Что съ солнцемъ, то же и съ Богомъ. Каждому человѣку хочется, чтобы у него былъ свой особенный Богъ или, по крайней мѣрѣ, Богъ его родной земли. Каждый народъ хочетъ заключить въ своемъ храмѣ Того, Кого не можетъ объять весь міръ.

„И можетъ ли какой храмъ сравниться съ тѣмъ, который самъ Богъ построилъ для того, чтобы соединить въ немъ всѣхъ людей въ одно исповѣданіе и одну вѣру? Всѣ человѣческіе храмы сдѣланы по образцу этого храма—міра Божія. Во всѣхъ храмахъ есть своды, свѣтильники, образа, надписи, книги законовъ, жертвы, алтари и жрецы. Въ какомъ же храмѣ есть такая купель, какъ океанъ, такой сводъ, какъ сводъ небесный, такіе свѣтильники, каковы: солнце, луна и звѣзды, такіе образа, каковы живые, любящіе, помогающіе другъ другу люди? Гдѣ надписи о благости Бога столь же понятны, какъ тѣ благодѣянія, которыя повсюду разсѣяны Богомъ для счастія людей? Гдѣ такая книга закона, столь ясная каждому, какъ та, которая написана въ его сердцѣ? Гдѣ жертвы, подобныя тѣмъ жертвамъ, которыя любящіе люди приносятъ своимъ ближнимъ? И гдѣ алтарь, подобный сердцу добраго

человѣка, на которомъ самъ Богъ принимаетъ жертву? Чѣмъ выше будетъ человѣкъ поднимать Бога, тѣмъ лучше онъ будетъ знать Его. А чѣмъ лучше будетъ знать онъ Бога, тѣмъ больше онъ будетъ приближаться къ Нему, подражать его благости, милосердію и любви къ людямъ.

„И потому пусть тотъ, который—весь свѣтъ солнца, наполняющій міръ, пусть тотъ не ожидаетъ и не презираетъ того суевѣрнаго человѣка, который въ своемъ идолѣ видитъ только одинъ лучъ того же свѣта, пусть не презираетъ и того невѣрующаго, который ослѣпъ и вовсе не видитъ свѣта".

Такъ сказалъ китаецъ, ученикъ Конфуція, и всѣ бывшіе въ кофейной замолчали и не спорили больше о томъ, чья вѣра лучше.

Въ той же книжкѣ журнала обращаетъ на себя вниманіе статья: *Лѣтнія впечатлѣнія* (изъ поѣздки въ Самарскую губернію). Здѣсь рисуется захватывающая душу тяжелая картина русской деревни. Авторъ завѣдывалъ столовой въ одной изъ селъ Б—скаго уѣзда; цынга и тифъ свирѣпствовали здѣсь, какъ неизбѣжный результатъ голода. Но рядомъ съ этими болѣзнями деревня была поражена еще одною страшною болѣзнью, имѣвшею характеръ уже не временнаго, а постояннаго недуга. Не было избы, въ которой авторъ не нашелъ бы больныхъ сифилисомъ. Болѣзнь эта достигла ужасающихъ размѣровъ; начиная отъ стариковъ и кончая младенцами, всѣ возрасты захвачены имъ. „Мы видѣли, — говоритъ авторъ, — дѣтей и взрослыхъ съ шишками по тѣлу, съ бѣлымъ налетомъ на губахъ, съ золотухой въ ушахъ, съ осипшимъ горломъ, со всевозможными язвами и ранами. И это въ каждой семьѣ. Удивительно подобное развитіе болѣзни въ селѣ, которое стоитъ въ сторонѣ отъ большой дороги, верстъ за 500 отъ губернскаго города, въ 70 верстахъ отъ уѣзднаго; въ окрестностяхъ нѣтъ ни одной фабрики, ни одного завода; населеніе не уходитъ на заработки дальше смежной Уральской области, гдѣ нанимаются къ козакамъ пахать, сѣять и косить. Вѣроятнѣе всего, что ее занесли сюда солдаты, возвращающіеся домой со службы; но главный источникъ заразы заключается, вѣроятно, въ особенностяхъ здѣшняго оспопрививанія. Оспопрививатель — простой мужикъ, который всѣмъ прививаетъ оспу одними и тѣми же инструментами, никогда не моетъ ихъ и не чиститъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ оспой онъ прививаетъ и сифилисъ. Кромѣ того, крестьяне не соблюдаютъ никакихъ предосторожностей: ѣдятъ изъ общей посуды, однѣми и тѣми же ложками, пьютъ изъ однихъ и тѣхъ же стакановъ. Вотъ почему населеніе положительно гніетъ и даже на свѣтъ является съ признаками сифилиса и золотухи"... Кто не знаетъ, что въ такомъ, поистинѣ, страшномъ положеніи находятся тысячи русскихъ селеній? Зло требуетъ рѣшительныхъ мѣръ, систематической борьбы для обезпеченія здоровья будущихъ поколѣній.

Міръ Божій, *январь*. Основатель Кембриджскаго университета въ своей дарственной записи въ 1341 г. говорилъ: „Мнѣ хочется, чтоб... какъ можно болѣе людей занимались наукой, чтобы наука, эта дор... гая жемчужина, не оставалась подъ спудомъ, а распространялась и... стѣнъ университета во всѣ стороны; чтобъ она также могла свѣти... и тѣмъ, кто ощупью бредетъ по темной дорогѣ невѣжества. Избра... ники, занимающіеся наукой, должны смотрѣть на знаніе какъ на д... вѣренное имъ сокровище, составляющее собственность всего народа... И вотъ потребовалось болѣе пятисотъ лѣтъ, чтобы эта благородн... мысль стала понемногу осуществляться. Въ послѣднія двадцать лѣ...

англійскіе университеты и общество энергично работаютъ, чтобы сдѣлать науку доступною народу. *Русская Мысль* неоднократно указывала уже на это движеніе. Ему же посвящена въ январьской книжкѣ *Міра Божьяю* статья: *Помощь англійскихъ университетовъ народному образованію*. Въ 1867 году профессоръ Стюартъ обратился въ Кембриджскій университетъ съ просьбой принять подъ свое покровительство возникающіе новые курсы, соединить разрозненныя силы, выработать общій планъ, который могъ бы удовлетворить потребностямъ всѣхъ слушателей, взять на себя обязанность отвѣчать на всѣ обращенные къ нему запросы и посылать лекторовъ во всѣ кружки, которые въ то время еще только формировались.

Едва узнала публика о предложеніи профессора Стюарта, какъ уже со всѣхъ концовъ Англіи посыпались петиціи о поддержкѣ его. Университетъ поручилъ разсмотрѣніе вопроса особому комитету, который устроилъ для опыта двухлѣтній курсъ и назначилъ экзаменаторовъ для оцѣнки ученическихъ работъ. Опытъ оказался удачнымъ. Комитетъ обратился въ постоянное учрежденіе, и университетъ уполномочилъ его устраивать курсы всюду, откуда бы ни явился на нихъ запросъ.

Планъ профессора Стюарта былъ утвержденъ; вслѣдъ затѣмъ разъ навсегда былъ рѣшенъ вопросъ финансовый: средства, необходимыя для устройства лекцій, доставлялись мѣстными комитетами, составлявшимися изъ лицъ, сочувствующихъ движенію; университетъ давалъ лекторовъ, мѣстный же комитетъ обезпечивалъ имъ путевыя издержки, гонораръ за чтеніе лекцій, расходы по найму помѣщеніи и т. д.

Систематическіе курсы открылись съ осени 1873 года. Нотингамъ, Дерби и Лейчестеръ соединились для организаціи на общія средства курсовъ по тремъ предметамъ: англійской литературѣ, физикѣ и политической экономіи. Эти курсы, состоящіе каждый изъ 12 лекцій, велись тремя ассистентами изъ Кембриджской коллегіи Тринити. Въ январѣ слѣдующаго года въ восточной части графства Іоркъ устроились курсы по политической экономіи, исторіи Англіи и физической географіи. Немного позднѣе открылись курсы въ Лидсѣ, Галифаксѣ, Килѣ, Ливерпулѣ, Шеффильдѣ,—словомъ, движеніе охватило всю Англію. Со всѣхъ сторонъ требовались лекторы; учащіеся стекались отовсюду; во всѣхъ классахъ общества обнаружилось серьезное стремленіе къ высшему образованію. Оксфордъ въ свою очередь тоже выступилъ на сцену и съ 1877 г. сталъ соперничать съ Кембриджемъ, а за Оксфордомъ выступилъ и Лондонскій университетъ.

Въ 1877 году комитетъ, состоявшій изъ представителей Лондонскаго, Кембриджскаго и Оксфордскаго университетовъ, собравшись въ Лондонѣ, постановилъ устроить свою резиденцію въ столицѣ. Лондонскій комитетъ создалъ очень живые и дѣятельные центры въ предмѣстьяхъ и рабочихъ кварталахъ столицы; онъ комитетъ устраиваетъ бесѣды и лекціи въ самомъ Лондонѣ, въ его предмѣстьяхъ и окрестностяхъ; Кембриджъ и Оксфордъ раздѣлили между собою англійскія провинціи: Оксфордъ взялъ востокъ, Кембриджъ—западъ.

Вотъ цифры, дающія ясное понятіе о распространеніи и популярности этого движенія. Въ 1873 году (годъ начала) Кембриджъ послалъ лекторовъ въ 10 центровъ; на лекціяхъ присутствовало 3,200 слушателей. Въ 1889 и 1890 годахъ тотъ же Кембриджъ устроилъ въ 85 центрахъ 125 серій лекцій, на которыхъ присутствовало 11,595 учащихся; изъ нихъ 2,358 подавали работы каждую недѣлю и 1,732 человѣка сдали экзаменъ по окончаніи курса. Оксфордъ въ 1889 и 1890

годахъ послалъ лекторовъ въ 109 центровъ, устроилъ 148 серій лекцій съ 17,904 учащимися и выдалъ 927 свидѣтельствъ объ окончаніи курса. Лондонъ въ 1890 году устроилъ 130 серій лекцій съ 12,923 учащимися, 1,972 среднимъ числомъ поданныхъ еженедѣльныхъ работъ, выдалъ 1,350 аттестатовъ послѣ экзаменовъ. Если присоединить сюда еще 1,040 учащихся на курсахъ, устроенныхъ представителями университета Викторіи въ Манчестерѣ, то окажется, что въ учрежденіяхъ „распространенія университетскаго образованія" занималось 42,312 человѣкъ. Съ 1885 по 1890 г. число учащихся удвоилось.

Изучаемые предметы были очень разнообразны. Въ 1890 году миссіонеры Оксфорда устроили 90 курсовъ по исторіи, 64 по естественнымъ наукамъ (химіи, физикѣ, физіологіи животныхъ и растеній, геологіи и т. д.), 33—по литературѣ и по искусствамъ и 5 по политической экономіи. Вотъ нѣкоторыя изъ темъ, служащихъ предметами чтеній: вѣкъ Перикла (въ Шеффильдѣ, настоящемъ центрѣ мануфактурной промышленности), исторія Флоренціи (въ Ольдгамѣ, передъ аудиторіей шестисотъ ткачей и прядильщиковъ), греческая трагедія (въ Ньюкестлѣ, центрѣ каменноугольныхъ копей), англійскіе художники, происхожденіе современной Европы, исторія Ирландіи, Чоусеръ и Спенсеръ, французская революція, проза въ XIX вѣкѣ, Шекспиръ, *Божественная комедія* Данта. Всѣ эти лекціи сопровождались „классами", гдѣ профессоръ бесѣдовалъ со своими слушателями, которые забрасывали его вопросами и требовали объясненія непонятаго на лекціи.

Серьезность и горячность, съ которыми люди изъ рабочаго класса слушаютъ и воспринимаютъ читаемое имъ, точность ихъ выраженій — просто поразительны. Одинъ оксфордскій лекторъ говоритъ, что во многихъ мѣстностяхъ на его лекціи собирается до 600 человѣкъ исключительно рабочихъ. Ему подаютъ по 40, по 50 работъ каждый разъ. „Правда,—прибавляетъ онъ,—орѳографія хромаетъ, но за то сочиненія полны оригинальныхъ взглядовъ". Послѣ лекцій, во время „классовъ", слушатели задаютъ ему тысячи любопытнѣйшихъ вопросовъ. Жажда къ знанію у нихъ неукротима. Ему случалось тушить газъ, чтобы прервать бесѣду, грозившую затянуться далеко за полночь. Разстоянія не пугаютъ желающихъ учиться; слушатели приходятъ за 8, за 10 миль, чтобы только попасть на лекціи, и тѣмъ же путемъ идутъ обратно ночью. Такимъ образомъ, англійскіе университеты сдѣлались миссіонерами распространенія знанія. Они вывели науку на широкую дорогу; своимъ примѣромъ живого преподаванія массѣ населенія они какъ бы осудили старые университеты за ихъ узость и инертность и, благодаря имъ и умственному движенію въ массѣ народа, сами университеты оживились, поняли шире свое назначеніе. Десятки тысячъ человѣкъ изъ всѣхъ классовъ общества, и особенно рабочаго люда, получили, благодаря „университетскимъ миссіонерамъ знанія", высшее образованіе, тогда какъ еще очень недавно они не смѣли даже и мечтать о подобномъ счастьѣ.

Русскій Вѣстникъ, *январь*. Въ статьѣ *Современная французская молодежь*, напечатанной въ февральской книжкѣ нашего журнала за 1890 г. было отмѣчено возрожденіе идеалистическихъ тенденцій во французско литературѣ и жизни. По словамъ извѣстнаго писателя Вогюэ, въ современномъ французскомъ интеллигентномъ юношествѣ его поражаютъ двѣ бросающіяся въ глаза, вещи: во-первыхъ, серьезное и искреннее стремленіе къ высшему нравственному идеалу, во-вторыхъ, рѣзко выраженная тенденція направлять свою дѣятельность въ сферу соціальныхъ

вопросовъ, съ цѣлью способствовать матеріальной и духовной эволюціи демократіи.

Объ этомъ же общественномъ движеніи говорится въ статьѣ извѣстнаго писателя Эдуарда Рода: *Идеалистическая реакція въ современной французской литературѣ,* помѣщенной въ январьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника.* Во Франціи началась реакція противъ безпринципности и развращенности нравовъ второй имперіи. Безпринципность, поклоненіе деньгамъ и успѣху, алчная погоня за чувственными наслажденіями,—всѣ эти характерныя черты второй имперіи не только нашли себѣ выраженіе въ литературѣ, но, къ сожалѣнію, и отразились на литературѣ. Литература стала столь же безпринципною, какъ и верхи общественной пирамиды. Это безпринципное литературное движеніе получило совершенно неправильное названіе „натурализма". Истинный натурализмъ воспроизводитъ жизнь во всей ея полнотѣ, а слѣдовательно и съ ея идеалами. Таковы великіе натуралисты: Шекспиръ, Гёте, Диккенсъ, Теккерей, Бальзакъ и знаменитая плеяда нашихъ русскихъ беллетристовъ. Между тѣмъ, въ произведеніяхъ современной французской „натуральной" школы, какъ справедливо указываетъ Родъ, равновѣсіе общества оказывается совершенно нарушеннымъ ихъ тенденціознымъ стремленіемъ не видѣть ничего, кромѣ людскихъ пороковъ и людской глупости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ главнѣйшихъ догматовъ французской „натуральной школы: *объективность,* обратился у ея представителей въ полнѣйшее *равнодушіе* къ добру и злу. Публика, захваченная сначала новизною, смѣлостью и талантомъ, должна была, въ концѣ-концовъ, отвернуться отъ авторовъ, испытавшихъ непонятное удовольствіе рыться въ мерзостяхъ жизни. Непродолжительную живучесть французской „натуральной" школы можно было безошибочно предсказать уже при самомъ ея появленіи; гибель ея ускорило происшедшее въ послѣднее время измѣненіе въ нравахъ и идеяхъ французскаго общества.

Главными представителями новаго „идеалистическаго" литературнаго и общественнаго движенія во Франціи являются Вогюэ, Лависсъ и Дежарденъ. За ними идутъ много другихъ, менѣе извѣстныхъ. Недавно ничтожный отрядъ начинаетъ, по словамъ Рода, разростаться въ цѣлую армію. Заброшенные вопросы нравственности становятся на первое мѣсто. Писатели отказываются отъ принципа „искусство для искусства", они не проявляютъ болѣе „нечеловѣческой объективности", проповѣдывавшейся недавними французскими „натуралистами". Начинаетъ платить дань этому движенію и главный представитель предшествовавшей школы—Золя. Французская критика съ интересомъ отмѣчаетъ и изслѣдуетъ этотъ переворотъ, начавшійся съ романа *Germinal* и еще болѣе выразившійся въ *Debacle.* Какимъ бы словомъ ни окрестить это движеніе,—говоритъ Родъ,—но несомнѣнно одно, что вслѣдъ за литературой, интересовавшеюся исключительно фактами, явилась литература, интересующаяся и чувствами, и идеями, что, вмѣсто того, чтобы безучастно относиться къ прогрессу человѣчества, писатели стремятся теперь содѣйствовать ему; что вслѣдъ за скептицизмомъ предшествовавшаго поколѣнія является жажда добра и работы въ интересахъ народа. Такое литературное движеніе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ жизненными теченіями. Въ школахъ, въ войскѣ, въ обществѣ говорятъ о національномъ возрожденіи. Національное возрожденіе уже не слово, но фактъ. Страшный урокъ второй имперіи и послѣдовавшихъ за ней событій семидесятыхъ годовъ начинаетъ приносить плоды. Пробужденіе

соціологическаго духа даетъ о себѣ знать съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Обнаруживается большой подъемъ нравственныхъ чувствъ, мощное, многообѣщающее общественное движеніе.

Историческій Вѣстникъ, *октябрь—декабрь 1892 г.* Беллетристика *Историческаго Вѣстника,* занимающая въ немъ, какъ извѣстно, не послѣднее мѣсто, рѣдко можетъ привлекать вниманіе читателя, обладающаго болѣе или менѣе изящнымъ вкусомъ; *Историческій Вѣстникъ* давно бросилъ мысль вести за собою читающую публику и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ наклонности рабски слѣдовать ея прихотливымъ и порою невысокаго внутренняго качества велѣніямъ; онъ не разсчитываетъ на щепетильнаго читателя. *Историческій Вѣстникъ* старается, однако, замаскировать свое служеніе неприхотливой части публики, но это далеко не всегда удается; во всякомъ случаѣ, уже самое сознаніе о необходимости этой замаскировки въ наше время говоритъ о внимательности редакціи журнала къ публикѣ въ ея цѣломъ и заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Журналъ признается даже, что теперь „читающая публика пришла новая, съ *страшно пониженными* требованіями, а литература, въ ея полномъ составѣ, не можетъ избѣжать подобныхъ вліяній времени“ (XI, стр. 400). Эта фраза, если хотите, извиненіе, потому что высказана она съ цѣлью подчеркнуть, что въ современной русской литературѣ есть писатели, съ именами которыхъ связывается представленіе „о неподкупности и независимости отъ всепоглощающаго толкучаго рынка современной печати“ (XI, 398). Такимъ писателемъ, по справедливому мнѣнію *Историческаго Вѣстника,* является В. Г. Короленко. Мораль, которая отсюда можетъ быть извлечена для редакціи *Историческаго Вѣстника,* ясна и въ нашей формулировкѣ не нуждается. Какъ разъ въ трехъ послѣднихъ книжкахъ *Историческаго Вѣстника* за прошлый годъ мы прочли беллетристическое произведеніе г. Басанина *Клубъ козицкаго дворянства,* которое, несмотря на живость и литературность изложенія, приходится отнести къ разряду произведеній, зависимыхъ отъ всепоглощающаго толкучаго рынка современной печати. Авторъ этого разсказа возъимѣлъ намѣреніе дать картинку изъ міра учащейся молодежи конца семидесятыхъ годовъ. Студенты и курсистки, собранные въ его разсказѣ, проводятъ время въ пьянствѣ и произнесеніи „прогрессивныхъ“ словъ; всѣ они атеисты и нигилисты, а въ общемъ люди ничего не стоющіе и вредные; среди нихъ авторъ выдѣляетъ еврея Швигерзона и поляка Вальцевича. Оба, конечно, нарисованы мрачными красками, прогрессивныя идеи исповѣдуютъ для вида и на ихъ счетъ экспуатируютъ молодежь. Швигерзонъ „безпрестанно улыбался, и въ этой улыбкѣ было что-то наглое и вмѣстѣ трусливое и заискивающее“ (X, стр. 20); Вальцевичъ — мерзавецъ чистой воды,— характеристика, къ которой можно прибавить, что у него „очень красивое лицо, на которомъ такъ часто появлялось выраженіе заискивающей вѣрности и почтительнаго вниманія, и наглая, равнодушно презрительная усмѣшка его алыхъ губъ, и та кошачья гибкость и осторожная мягкость, которою были исполнены всѣ его манеры, каждое его движеніе, и неискренній то слащаво-любезный, то дѣланно-учтивый, то непріязно-фамильярный тонъ его рѣчи“ (XI, стр. 284). Суть разсказа въ томъ, что пріѣхавшая изъ провинціи учиться въ Москву Ольга Ховренко открыто живетъ съ Вальцевичемъ, который бросаетъ ее въ день родовъ, ребенокъ вскорѣ умираетъ, а за нимъ и мать. Всю исторію наблюдаетъ и принимаетъ въ ней близкое участіе Шурочка, сестра Ольги, дѣвушка, не

тронутая прогрессомъ. Вопреки всѣмъ остальнымъ, она вѣритъ въ Бога, любитъ старушку мать и по смерти сестры рѣшается вступить въ законный бракъ съ студентомъ Благовѣщенскимъ, который хотя и вращался въ описанномъ обществѣ, но по существу былъ далекъ отъ него. Благовѣщенскiй своего рода провозвѣстникъ нынѣшнихъ „бѣлоподкладочныхъ“, трудящейся самостоятельной женщины онъ не понимаетъ; его идеалы въ этомъ отношенiи не идутъ дальше кисейной барышни. Но, чтобы судить о его идеалахъ вообще, позвольте привести его энергическое profession de foi: „Я знаю нашъ народъ,—горделиво поучаетъ Благовѣщенскiй, — я сынъ бѣднаго сельскаго попа и выросъ въ деревнѣ среди этого народа... я потолкался во всѣхъ кружкахъ, знавалъ всѣхъ замѣчательныхъ „ультра-либераловъ“ и „постепеновцевъ“ и пришелъ къ одному убѣжденiю: никто изъ нихъ и не думаетъ о народѣ, а всѣ хотятъ навязать народу то, чего онъ совсѣмъ не хочетъ, что ему просто не нужно... у нашего народа есть его *русскiй* Богъ и русскiй царь, которыхъ онъ не промѣняетъ ни на какiя ассоцiацiи; а нашимъ „ультра-либераламъ“ до этого дѣла нѣтъ; пока они только умѣли плевать на все русское и хвалить по наслышкѣ все чужое“ (XII, стр. 599). И такъ, молодежь семидесятыхъ годовъ—скверная молодежь, темное пятно, на которомъ еле-еле мерцаютъ господа Благовѣщенскiе. Къ положительному, съ точки зрѣнiя автора, типу Благовѣщенскаго можно прибавить еще кухарку Өедосью, милую тѣмъ, что она напоминала былую *крѣпостную* прислугу (срв. XI, стр. 302). Разсказъ г. Басанина—довольно злостный памфлетъ; каррикатуры, имъ нарисованныя, бьютъ не тѣхъ, кого хочетъ бить авторъ, который въ попыхахъ успѣлъ и своему пололожительному тону придать нѣкоторыя изъ чертъ, свойственныхъ отрицателямъ: Благовѣщенскiй пьетъ, какъ и все прочiе. Быть можетъ, впрочемъ, онъ пьетъ изъ уваженiя къ русскому народу. Изобразить молодежь семидесятыхъ годовъ, безспорно, во многихъ отношенiяхъ заблуждавшуюся, но и въ самыхъ заблужденiяхъ своихъ симпатичную—вещь благодарная для писателя. Неужели вся цѣль подобнаго изображенiя сводится къ огульному облаиванiю и обливанiю помоями, какъ у г. Басанина, котораго съ головою выдаютъ первыя же строки его разсказа: „это было въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда надъ прежними дѣятелями прогресса уже былъ справленъ обычный поминальный кругъ, когда имена ихъ сначала просто стали упоминагься рѣже, а потомъ хоть и упоминались, но какъ нѣчто весьма далекое и не довольно знакомое“ (X, стр. 5; срв. XI, стр. 287); подобный вздоръ попадается въ разсказѣ и еще разъ. Литературные дѣятели шестидесятыхъ годовъ не умерли въ томъ смыслѣ, въ какомъ это хочется завѣрить гг. Басанинымъ; отъ нихъ ведетъ свою родословную современная передовая Русь, залогъ нашего будущаго развитiя; послѣдняя продолжаетъ ихъ дѣло, видоизмѣнившись какъ все способное къ развитiю и совершенству и, пожалуй, нѣсколько иначе поставивъ достиженiе цѣли, и тогда въ трудныя минуты невольно хочется закрыть глаза, бросить все и замереть въ тупомъ, безсмысленномъ отчаянiи, тогда послѣднюю и поддерживаютъ свѣтлыя очертанiя забытыхъ будто бы литературныхъ дѣятелей съ ихъ непреклонною вѣрою въ могущество и правоту исповѣдуемыхъ идей. Отъ беллетристическаго произведенiя г. Басанина съ удобствомъ можно перейти къ критическому произведенiю г. Введенскаго *Владимiръ Галактiоновичъ Короленко* (№ 11). Не признать дарованiя г. Короленки, всего благородства его литературной дѣятельности г. Введенскiй, конечно, не могъ и отдаетъ имъ полную справед-

ливость въ самомъ началѣ своего этюда, такъ что мы могли бы ожидать, что критика будетъ болѣе или менѣе серьезною. Ожиданіе, однако, оказалось тщетнымъ: восхитившись разсказомъ *Очерки сибирскаго туриста*, который, по мнѣнію критика, доказываетъ, что г. Короленко владѣетъ способностью типическаго изображенія жизненныхъ явленій (стр. 405), г. Введенскій вдругъ начинаетъ распространяться на тему, что г. Короленко, собственно говоря, не вышелъ изъ ряда писателей, подающихъ надежды, что, служа извѣстному направленію, отдаетъ только полную дань времени, что только сибирскую дѣйствительность онъ и знаетъ хорошо, что его произведенія, написанныя не о сибирскихъ людяхъ и фактахъ, „дышатъ только теоретическими мыслями, тенденціями“. И такъ, вотъ въ чемъ вся суть: г. Короленко—писатель тенденціозный; его тенденціозность не во вкусахъ г. Введенскаго, а потому на него и можно взвалить обвиненіе въ незнаніи *не* сибирской дѣйствительности. По этому вопросу едва ли стоитъ спорить: кто имѣлъ случай прочесть разсказы *Прохоръ и студенты* и *Павловскіе очерки*, тотъ сейчасъ же разгадаетъ всю несообразность словъ критика *Историческаго Вѣстника*, который не могъ не знать и дневника *По Нижегородскому краю*, свидѣтельствующаго о пристальныхъ и тонкихъ наблюденіяхъ г. Короленкомъ народной жизни. „Въ наше время,—пишетъ г. Введенскій (стр. 406),—отъ литературныхъ произведеній требуется, главнымъ образомъ, не художественность, а содержаніе, а подъ содержаніемъ разумѣется, прежде всего, направленіе“. Требовать отъ художественнаго произведенія „содержанія“, прежде всего, законно, во-вторыхъ, необходимо, а, въ-третьихъ, содержанія и не думаетъ никто отождествлять съ „направленіемъ“ въ томъ смыслѣ, какъ это мерещится г. Введенскому. Мы ждали отъ критика анализа основныхъ мотивовъ беллетристики г. Короленка, выясненія его литературной физіономіи, оцѣнки направленія,— да, направленія!—потому что мы, теперешніе люди, не можемъ видѣть въ искусствѣ безформеннаго, равнодушнаго воспроизведенія дѣйствительности, а вмѣсто всего этого намъ предлагаютъ голословные упреки въ тенденціозности и незнаніи современной дѣйствительности. А можно ли всегда изображать эту дѣйствительность безъ недомолвокъ, оговорокъ и урѣзокъ, г. Введенскій этого, повидимому, знать не хочетъ. Статья г. Введенскаго—еще лишнее доказательство того, какъ поразительно мало школы въ современной художественной критикѣ, какъ порою мало въ ней простой справедливости. Статья П. К. Мартьянова *Новыя свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ*, основанная на нѣкоторыхъ устныхъ сообщеніяхъ автору П. И. Бартенева, Д. А. Столыпина, князя Д. Д. Оболенскаго и друг., а частью на нѣкоторыхъ данныхъ документовъ московскаго архива главнаго штаба, болѣе всего интересна замѣчаніями касательно текста поэмы *Демонъ*, напечатаннаго П. А. Висковатымъ; авторъ безусловно высказывается за текстъ поэмы *Демонъ*, печатавшійся въ прежнихъ изданіяхъ, признавая висковатовскую редакцію „грубою самодѣльщиной“ неизвѣстнаго намъ лица, а защиту ея г. Висковатымъ—„изумительною развязностью и беззастѣнчивостью“. Оставляя въ сторонѣ *Воспоминанія стараго литератора* А. В. Старчевскаго, *Воспоминанія польскаго повстанца 1863 года* Ягмина, а затѣмъ статьи В. И. Снѣжневскаго — *Кузьма, пророкъ мордвы-терюханъ* (№ 11), С. А. Адріанова— *Женскій вопросъ въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ* и А. И. Кирпичникова — *В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки*, остановимся на минуту на *Воспоминаніяхъ о графѣ М. Н. Му-*

равьевъ князя Н. К. Имеретинскаго,—воспоминаніяхъ съ неожиданнымъ началомъ и не менѣе неожиданнымъ концомъ. Мемуаристъ принадлежитъ къ числу поклонниковъ Муравьева и Каткова, двухъ лицъ, имена которыхъ не безъ основанія тѣсно связываются другъ съ другомъ: Муравьевъ спасалъ Каткова въ минуту цензурной невзгоды, Катковъ вдохновлялъ Муравьева въ минуты расправы въ замутившейся области. Мемуаристъ начинаетъ съ опроверженія мнѣнія, будто Муравьевъ подавилъ вооруженное польское возстаніе, въ дѣйствительности подавленное еще предшественникомъ его, виленскимъ генералъ-губернаторомъ В. И. Назимовымъ (XII, стр. 607, 619). Назимовъ,— пишетъ кн. Имеретинскій,—могъ по справедливости сказать: „я подавилъ вооруженный мятежъ, истребилъ всѣ сколько - нибудь значительныя шайки, а Муравьеву достались лишь остатки совершенно ничтожные". Муравьевъ умѣлъ отлично распознавать людей, умѣлъ „найти способныхъ и надежныхъ людей, умѣлъ привлечь ихъ къ себѣ, но сейчасъ же вкладывалъ, втискивалъ человѣка въ ту форму, въ тѣ условія, въ какія ему было нужно; людей способныхъ, но и самостоятельныхъ,—словомъ, такихъ, какъ онъ самъ, Муравьевъ не долюбливалъ; это былъ властитель по природѣ, по призванію и по привычкѣ; умнѣе, тверже, энергичнѣе себя онъ никого не выносилъ; ему нужны были исполнители разумные и дѣятельные, онъ требовалъ повиновенія, но сознательнаго и безпрекословнаго" (стр. 617). Самому мемуаристу, назначенному въ концѣ 1863 г. помощникомъ военнаго начальника Виленскаго уѣзда, Муравьевъ рекомендовалъ не вѣрить ничему, что будутъ говорить о снисхожденіи, гуманности, недоказанности вины... (стр. 628). Инструкціи Муравьева, по словамъ мемуариста, были „рѣзки", а отъ установленныхъ имъ порядковъ приходилось „жутко" самимъ исполнителямъ. Кн. Имеретинскій въ заключеніе титулуетъ Муравьева „богатыремъ", „подвижникомъ", великимъ русскимъ человѣкомъ", который побѣдоносно боролся противъ полонизма, полонофильства и западничества. Что Муравьевъ *побѣдоносно* боролся противъ западничества, это можетъ утверждать только разгоряченное не въ мѣру воображеніе мемуариста, который разсердился на замѣтку В. И. Межова о Муравьевѣ, помѣщенную во второмъ томѣ *Русской исторической библіографіи* (Спб., 1882 г., стр. 292), и потому сказалъ, очевидно, лишнее.

Русскій Архивъ, *ноябрь—декабрь 1892 г.* Переводъ интересныхъ *Записокъ датскаго посланника при Петрѣ Великомъ* Юста Юля, наконецъ, законченъ въ № 11 *Русск. Арх.*; помѣщенный здѣсь за іюнь-октябрь 1711 г. отрывокъ, прежде всего, любопытенъ встрѣчаемыми въ немъ свѣдѣніями о несчастномъ Прутскомъ походѣ царя Петра. Юль бесѣдовалъ съ Петромъ по поводу этого похода и царь „подробно разсказалъ ему объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ заключенію мира" (стр. 249). Эти обстоятельства, по словамъ Юля, изложены въ отрывкѣ изъ дневника генерала Алларта, личнаго участника въ дѣлѣ. Отрывокъ этотъ довольно оффиціаленъ, скуденъ подробностями, хотя отчаянное положеніе русской арміи изъ него видно достаточно ясно. Петръ едва ли сталъ бы сообщать подробности неудачнаго похода иностранному посланнику en toutes lettres. Повидимому, болѣе важныя подробности Юль получилъ не отъ Петра, который отказалъ ему въ ознакомленіи со статьями мирнаго договора. Со словъ очевидцевъ Юль передаетъ, что „царь, будучи окруженъ турецкою арміей, пришелъ въ такое отчаяніе, что, какъ полоумный, бѣгалъ взадъ и впередъ по лагерю, билъ себя въ грудь и не могъ выговорить ни слова" (стр. 252).

Недостатокъ боевыхъ припасовъ, провіанта, неудобная мѣстность, втрое превышавшая численностью армія враговъ, отчаяніе вождя,—все обезпечивало гибель арміи, бившей шведовъ; однако она спаслась, благодаря жадности великаго визиря, какъ установилась традиція и какъ ее поддерживаетъ Юль. Но всего невѣроятнѣе въ исторіи Прутскаго похода ослѣпленіе преобразователя, которое совершенно основательно Юль и отмѣчаетъ, прибавляя, что „Богъ, по желанію, можетъ и у мудрѣйшаго человѣка отнять разумъ". Преобразователь двинулся въ пустынную Валахію, не имѣя свѣдѣній ни о силахъ непріятеля, ни о его приближеніи, и даже ослабилъ себя, отославъ кавалерійскій корпусъ генерала Ренне. Исторія Прутскаго похода навсегда останется поучительнѣйшимъ образчикомъ русскаго „авось".

Выдержки изъ бумагъ Д. П. Голохвастова объ *Украино-Славянскомъ обществѣ*, о которомъ мы имѣли случай говорить въ декабрьскомъ „Библіографическомъ отдѣлѣ", дали поводъ А. А. Титову въ замѣткѣ *Письма А. А. Кулеша къ О. М. Бодянскому* выдержками изъ интимной переписки г. Кулеша подтвердить мысль доклада гр. А. Ѳ. Орлова, что г. Кулешъ ни о какихъ революціяхъ не помышлялъ, а скромно мечталъ объ украинской литературѣ, любезной его сердцу, мечталъ „украинскій языкъ поднять на степень литературнаго" (стр. 293): въ письмахъ къ О. М. Бодянскому онъ говоритъ то объ изданіи *Лѣтописи Самовидца*, то о стихотвореніяхъ Т. Шевченка, то о своей посылкѣ за границу для усовершенствованія въ славянскихъ языкахъ, то о лѣтописяхъ Максима Плиски и Грабянки и т. п.,—словомъ, о вопросахъ либо ученыхъ, либо литературныхъ. Неожиданная гроза 1847 г. такъ поразила г. Кулеша, что въ письмахъ къ Бодянскому онъ уже не рѣшается повѣствовать о ней, говоря глухо: „я уже въ Тулѣ на службѣ", „не пишу вамъ о нѣкоторыхъ постороннихъ обстоятельствахъ", „насъ не поняли, не оцѣнили, грубо ошиблись въ духѣ нашихъ дѣйствій". Когда въ свою очередь, благодаря грубой мести Уварова графу С. Г. Строганову, гроза разразилась и надъ головою Бодянскаго, письма г. Кулеша зазвучали еще болѣе замѣтною грустью: то была тяжелая, благородная грусть, вызванная назойливымъ попираніемъ человѣческаго достоинства, пренебрежительнымъ отношеніемъ къ благороднѣйшимъ изъ человѣческихъ дѣяній—занятіямъ наукой. Любопытно, что попытка выпустить Флетчера въ свѣтъ не удалась и въ 1860 г. Г. Титовъ напечаталъ (№ 12) еще новый отрывокъ *Изъ дневника* О. М. Бодянскаго (ранѣе отрывки изъ дневника Бодянскаго за 1852—1855 гг. были напечатаны въ *Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности* на 1891 г.) за 1858 годъ: въ коротенькомъ отрывкѣ цѣлая страница посвящена невозможнымъ придиркамъ цензуры 50-хъ годовъ.

Въ разбираемыхъ двухъ книжкахъ *Русск. Арх.* намъ остается отмѣтить только отрывокъ *Изъ записокъ князя Николая Васильевича Долгорукова* да переписку А. Ѳ. Лабзина съ З. Я. Корнѣевымъ и частію съ княземъ А. Н. Голицынымъ въ замѣткѣ *А. Ѳ. Лабзинъ и его ссылка* (№ 12). Г. Бартеневъ напечаталъ только выдержки изъ записокъ князя Николая Долгорукова, оберъ-гофмаршала въ царствованіе Николая Павловича, и позднѣе оберъ-шенка († 1872 г.), пропустивъ не только описаніе заграничной жизни Долгоруковыхъ въ 1800—6 гг., но даже и описаніе хода отечественной войны: послѣднее совсѣмъ не извинительно. Мемуаристъ въ разгарѣ войны, правда, *мирно* проводилъ время въ Петербургѣ, не могъ наблюдать ее непосредственно, но онъ былъ своимъ человѣкомъ въ петербургскомъ большомъ обществѣ, былъ

слѣдовательно, у самаго очага новостей и разнаго рода негласныхъ извѣстій; онъ, не стѣсняясь, обрисовываетъ сумятицу, которая наступила въ Петербургѣ со вступленіемъ Наполена въ предѣлы Россіи: петербуржцы думали, главнымъ образомъ, о томъ, куда бы подальше уѣхать. „Мы,—преоткровенно пишетъ князь Н. Долгоруковъ (стр. 268),—находились въ великомъ смущеніи, не зная, куда безопасно уѣхать; къ тому же, погода испортилась". Наиболѣе интереснымъ въ напечатанномъ отрывкѣ является опытъ характеристики нѣкоторыхъ лицъ, прибывшихъ на вѣнскій конгрессъ (стр. 270 и слѣд.). Князь Долгоруковъ во многихъ случаяхъ довольно искренно, хотя и не безъ наивности, записывалъ свои воспоминанія; порою не безъ ѣдкости, напр. въ отношеніи къ полякамъ г. Вильны или нѣмецкихъ князей, собравшихся на вѣнскій конгрессъ: „нѣмецкіе князья цѣлыми сотнями... перечислить ихъ трудно, а еще труднѣе изложить всѣ ихъ притязанія... за то и положеніе ихъ во время конгресса было незавидное: никто не хотѣлъ ихъ выслушивать, ни отвѣчать на записки, которыя подавались ихъ уполномоченными". Князь Долгоруковъ, между прочимъ, не считаетъ тактичной ни извѣстной бесѣды императора Александра I съ княземъ Меттернихомъ, ни дальнѣйшаго его поведенія въ публикѣ по отношенію къ князю. „Негодованіе, выражаемое противъ Меттерниха,—пишетъ мемуаристъ,—только возвышало сего послѣдняго въ глазахъ его государя и въ общественномъ мнѣніи". Очень не дурно замѣчаніе мемуариста еще относительно вліянія графа Каподистріи на императора Александра. Можно пожелать, чтобы г. Бартеневъ дѣлалъ пропуски въ печатаемыхъ имъ запискахъ съ бóльшею осторожностью, тѣмъ болѣе, что особеннымъ богатствомъ матеріала *Русск. Арх.* послѣдняго времени похвастаться не можетъ. Письма А. Ѳ. Лабзина—прелюбопытный матеріалъ для исторіи русскаго масонства, а частію и для характеристики своеобразныхъ отношеній у насъ администраціи къ людямъ, имѣющимъ претензіи мыслить самостоятельно. Если, опуская совершенно не интересныя мелкія замѣтки, напомнимъ, что въ двухъ разбираемыхъ книжкахъ *Русск. Арх.* помѣщено окончаніе весьма тщательнаго библіографическаго труда И. М. Острогазова *Книжныя рѣдкости* и продолженіе *Записокъ Ф. Ф. Вигеля*, то содержаніе ихъ будетъ исчерпано вполнѣ.

Дѣтскій Отдыхъ, ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей, *январь—декабрь 1892 г.* Самое капитальное произведеніе истекшаго года, повѣсть г-жи Лаухиной *Друзья* (январь—сентябрь), принадлежитъ къ числу неудовлетворительныхъ произведеній дѣтской литературы; ее и сравнивать невозможно съ капитальною повѣстью предшествующаго года (*Ѳедька рудокопъ*), написанною такимъ даровитымъ писателемъ, какъ Вас. И. Немировичъ-Данченко. Повѣсть г-жи Лаухиной, помимо отсутствія въ ней художественности и даже правильности языка, обличаетъ въ авторѣ, прежде всего, незнакомство съ дѣтскою психологіей. У него простой, безграмотный мальчикъ, Васька, терзается и томится подъ напоромъ одолѣвшихъ его глубокихъ сомнѣній и философскихъ размышленій. Мальчикъ размышлялъ объ измѣненіи старыхъ формъ жизни на иныя, новыя, „гдѣ было бы свѣтло, тепло и радостно". Въ чемъ заключаются эти „формы" жизни, авторъ умалчиваетъ, чѣмъ и ставитъ втупикъ своихъ юныхъ читателей. Мальчикъ страдалъ душевно, задавая себѣ вопросы: „Гдѣ лежитъ самый корень всего, что творится на бѣломъ свѣтѣ? Отчего отъ дурного подчасъ бываетъ хорошее, а хорошее доброе хоть порой и падаетъ и рушится,

а все остается хорошимъ и добрымъ, и служитъ людямъ на пользу и утѣшеніе?“ (№ 2 стр. 217).

Въ содержаніи повѣсти слишкомъ много элемента, свойственнаго мелодрамѣ, слишкомъ много сантиментализма и вообще неестественности. Васька, этотъ мрачный герой разсказа, представляетъ собой жертву семейнаго гнета, мишень для постоянной грубой брани безсмысленныхъ придирокъ со стороны пьянаго дяди и т. п. Онъ бѣжитъ отъ своей семьи, безъ цѣли, безъ плана, по дорогѣ чуть не замерзаетъ и еле-еле добирается до монастыря, а тамъ на него нежданно-негаданно обрушивается новое горе: хоронятъ его единственнаго сверстника—друга. Какъ и подобаетъ въ мелодрамахъ, мальчикъ падаетъ безъ чувствъ у могилы друга и становится добычей „жестокой“, по выраженію автора, болѣзни...

Незнакомый, очевидно, съ бытомъ, нравами и самымъ строемъ рѣчи людей изъ рабочаго класса, авторъ путается въ трехъ „штиляхъ“. Возвышенный „штиль“ онъ заимствуетъ изъ былинъ и пѣсенъ. Примѣръ: „Хочу я знать, сколько звѣздъ въ небѣ, сколько песчинокъ въ землѣ... сколь высоко небо синее... какъ глубоко океанъ-море... а еще пуще того, хочу я знать, на что человѣку его разумъ данъ и зачѣмъ душѣ спокою нѣтъ,—все чего-то ей хочется, все куда-то манится... Зачѣмъ дано ему хотѣнье великое, до всего дойти и додуматься? На пользу-ль то ему, аль на погибель дадено, и отъ Бога-ль то, аль отъ лукаваго?...“ и т. д. (№ 7, стр. 141). А низкій „штиль“ состоитъ изъ вульгарныхъ прибаутокъ, какія обыкновенно говорятъ раешники. Въ общемъ повѣсти этой подобаетъ мѣсто скорѣе въ лубочной литературѣ, чѣмъ въ такомъ почтенномъ журналѣ, какъ *Дѣтскій Отдыхъ*. Наиболѣе удачными являются слѣдующія переводныя вещи: *Дочь рыбака* (съ англійск., простой, безхитростный и симпатичный разсказъ изъ быта рабочаго класса) и *Праздникъ златоцвѣта* (день въ Японіи) Пьера Лоти—хорошій художественный разсказъ, знакомящій насъ съ жизнью японцевъ. Очень хорошее впечатлѣніе производитъ живо, интересно и вполнѣ понятно для дѣтей написанный разсказъ г. Евг. Филиппова *На стеклянномъ заводѣ*. Въ беллетристической формѣ автору удалось сообщить читателямъ свѣдѣнія о стеклянномъ производствѣ. Съ интересомъ читается и историческая повѣсть Н. Островской *Маркъ Ивановичъ Шустровъ*. Большая и серьезная статья Н. П. Аксакова о Гоголѣ могла бы много выиграть, если бы авторъ, вмѣсто болѣе или менѣе научнаго изслѣдованія причинъ и условій, вліявшихъ на развитіе творчества Гоголя, взялся бы просто, не „мудрствуя лукаво“, пересказать біографію Гоголя, на что авторъ всегда былъ большимъ мастеромъ. Въ этомъ отношеніи статья г-жи Сизовой о Фонвизинѣ болѣе приспособлена къ дѣтскому возрасту. Изъ статей г. Вольногорскаго, относящихся къ естествознанію, вполнѣ удачною можно признать *Чужеяды*, остальныя недостаточно популярны и тономъ изложенія приближаются къ учебнику. Біографія Колумба, составленная тѣмъ же авторомъ, читается съ интересомъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что журналъ и въ истекщемъ году продолжалъ служить тѣмъ же симпатичнымъ и гуманнымъ принципамъ какъ и раньше. Остается ему, главнымъ образомъ, озаботиться объ улучшеніи беллетристическаго отдѣла.

ПОПРАВКА. Рецензентъ книги г. Филиппова *Константинополь его окрестности и Принцевы острова* проситъ насъ напечатать, что въ рецензіи оказалась ошибка: г. Филипповъ въ своей книгѣ упоминаетъ о существованіи въ Константинополѣ иностранной почты.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 января по 15 февраля 1893 г.

Сенкевичъ, Генрикъ. Безъ догмата. Романъ. Пер. В. М. Лаврова. 2-е изд. ред. журнала *Русская Мысль*. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 584 in 8.

Внѣшняя торговля по европейской границѣ. 1892, октябрь. Спб., 1893 г. in 4.

Мережковскій, Д. С. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 192 in 8.

Корсаковъ, С. С. Курсъ психіатріи. Москва, 1893 г. Ц. 3 р. 604 in 8.

Неручевъ, М. Защита виноградниковъ отъ филоксеры. Необходимость иной организаціи вѣдающихъ это учрежденій. Одесса, 1893 г. 19 in 8.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Томъ II-й. Пер. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 372 in 8.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Томъ 15-й. Часть II-я. Пер. В. Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1893 г. Ц. 5 р. 729+XXVII in 8.

Скабичевскій, А. В. Очерки новѣйшей русской литературы 1848—1892 гг. Изд. 2-е, Ф. Павленкова, исправленное и дополненное. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 482 in 8.

Джаншіевъ, Гр. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Москва, 1892 г. Ц. 1 руб. 262 in 8.

Лейнъ. А. Стихотворенія. Пермь, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. 151 in 8.

Гусевъ, А. Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальн. народныхъ училищъ. Изд. А. Д. Ступина. Москва, 1892 г. Ц. 25 к. in 8.

Багалѣй, Д. И. Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ. Кіевъ, 1892 г. 59 in 8.

Энгельгардтъ, М. А. Чарльзъ Ляйелль, его жизнь и научная дѣятельность. Спб., 1892 г. Ц. 25 к. 80 in 16.

Л. Анней Сенакъ. Сатира на смерть императора Клавдія. Пер. В. Алексѣевъ. Изд. журнала *Пантеонъ Литературы*. Спб., 1891 г. 35 in 8.

Отчетъ по пермскому губернскому и уѣзднымъ комитетамъ по сбору и распредѣленію пожертвованій въ пользу учащихъ и учащихся уѣздовъ Пермской губ., пострадавшихъ въ 1891 году отъ неурожая. Пермь, 1892 г. 67 in 8.

Серебровскій, С. М. Кредитъ для крестьянскаго хлѣба. Курскъ, 1893 г. 24 in 8.

Славинъ, К. Правописаніе. Екатеринбургъ, 1892 г. Ц. 25 к. 80 in. 8.

Славинъ, К. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Вып. I-й. Екатеринбургъ, 1892 г. Ц. 25 к. 64 in 8.

Записка о сельскихъ зернохранилищахъ. Курскъ, 1891 г. 46 in 8.

Гофмейеръ, М. Очеркъ основъ гинекологическихъ операцій. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 60 к. 473 in 8.

Лыкошинъ, Н. С. Переселеніе и переселенцы. Самаркандъ, 1892 г. 73 in 16.

Абровъ, Николай. Отъ Марселя до Одессы чрезъ Аѳины и Константинополь. Впечатлѣнія и замѣтки. Москва, 1893 г. 124 in 8.

Отчетъ харьковской общественной библіотеки за шестой годъ и протоколъ общаго собранія членовъ ея 13 декабря 1892 года. Харьковъ, 1892 г. 42 in 8.

Шиллеръ, Фр. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Пер. съ нѣмецкаго. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к 210 in 32.

Бьёрнсонъ - Бьёрнстьерне. По-

вѣсти и разсказы. Пер. съ норвежскаго М. В. Лучицкой. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 коп. 441 in 32.

Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 205 in 8.

Сидоровъ, Василій. Драматическія сочиненія. Томъ 3-й. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. 250 in 8.

Папельясъ, Хосэ Родригэсъ. Краткое практическое руководство для самообученія испанскому языку съ указаніемъ произношенія и приложеніемъ діалоговъ. Изд. Эмиля Берндта. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р. 176 in 16.

Коппе, Франсуа. Якобиты. Драма. Пер. А. Слѣпцова. Спб., 1889 г. XYI+121 in 8.

Б. Ю. О философскомъ ученіи гр. Л. Н. Толстаго по XIII тому его сочиненій. Критическіе этюды. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. Ц. 60 к. 160 in 16.

Зеландъ, Е. Мозаика. Очерки, повѣсти и разсказы. Вильна, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. 290 in 8.

Скворцовъ, Ир. П. Въ чемъ сила жизни и всей природы? Харьковъ, 1892 г. 37 in 16.

Диккенсъ, Чарльзъ. Сочиненія. Томъ IY-й. Пер. Шишмаревой и Никоновой. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 1090 in 4.

Борзенко, Александръ. Литературная собственность въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Москва, 1892 г. Ц. 30 к. 26 in 8.

Абрамова, Я. В. Песталоцци, его жизнь и педагогическая дѣятельность. Спб., 1892 г. Ц. 25 к. 86 in 16.

Сборникъ систематическихъ чтеній по сельскому хозяйству въ 1892 году. Подъ редакціей профессора И. А. Стебута. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 324+92 in 8.

Енгельгардтъ, А. П. Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Казанской и другихъ средне-волжскихъ губерніяхъ. Казань, 1892 г. 126 in 8.

Бахтинъ, Н. Н. Основы русскаго правописанія. Часть теоретическая. Варшава, 1892 г. Ц. 2 руб. 160 in 8.

Зотовъ, Р. Стратегическіе уроки морской исторіи. Спб., 1892 г. 190 in 8.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Перев. Н. О. Ржондковскаго. Вып. I. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 324+51 in 8.

Борзенко, А. Элизѐ Реклю объ общемъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Москва, 1892 г. 31 in 8.

Іоэльсонъ, М. Современные пріемы упроченія дерева. Тифлисъ, 1893 г. Изд. Императорскаго кавказскаго общ. сельскаго хозяйства. 17 in 8.

Харузинъ, Алексѣй. Къ вопросу о корпоративномъ строѣ студентовъ въ Дерптѣ. По поводу анонимной брошюры „Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ". Ревель, 1893 г. Ц. 40 коп. 115 in 8.

Слоущъ, Н. Д. Мнемотехника или искусство укрѣплять память. 3-е дополненное изданіе. Одесса, 1893 г. Ц. 35 к. 36 in 8.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Харьковъ, 1892 г. Ц. 1 р. 188 in 8.

Незеленовъ, А. И. Шесть статей о Пушкинѣ. Спб., 1892 г. Ц. 60 коп. 118 in 8.

Борзенко, А. Право автора на переводъ. Москва, 1892 г. Ц. 40 коп. 34 in 8.

Moulé, Л. Исторія ветеринарной медицины. Перев. Н. Корнильева. Періодъ первый (съ X в. до Р. Х.— 476 послѣ Р. Х.). Казань, 1893 г. Ц. 1 руб. 218 in 8.

Веретенниковъ, И. В. Общественное и частное землевладѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ, Воронежской губерніи. Воронежъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. II+202 in 8.

Можаровскій, А. Лиса Патрикѣевна. Одна изъ сказокъ русскаго животнаго эпоса. Изд. 3-е исправленное, А. Д. Ступина. Москва, 1892 г. 268+14 in 8.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Пер. З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 294 in 8.

Краткое сельско-хозяйственное описаніе 6-ти уѣздовъ Ватской губерніи. По даннымъ земской статистики. Изд. ватск. губернскаго земства 1892 года. Вятка, 1892 г. in 8.

Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1891 годъ, съ приложеніемъ.

Dareste, Rodolphe. Code Général des biens pour la principauté de Montenegro de 1888. Paris. LXIII+285 in 8.

Сукачевъ, В. П. Иркутскъ, его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Иркутскъ, 1893 г. Ц. 2 р. 268 in 8.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. Томъ второй. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 403 in 8.

Движение на населението въ Българското княжество прѣзъ 1889 година. Издава статистическото бюро. София, 1892 г. in 4.

Михайловъ, Н. Ф. Отчетъ училищнаго врача за 1891—92 учебный годъ. Москва, 1892 г. in 4.

Михайловъ, Н. Ф. Отчетъ о дѣятельности училищныхъ врачей въ 1891 году. Москва, 1892 г. in 4.

Особая экспедиція лѣсного департамента по испытанію и учету различныхъ си

собовъ и пріемовъ лѣснаго и воднаго хозяйства въ степяхъ Россіи. Спб., 1893 г. 70 in 8.

Целевич, Юліян, Др. Записки товариществa імени Шевченка. Частина I-я. Львові, 1892 г. Ц. 1 р. 208 in 8.

Отчетъ можайскаго благотворительнаго общества за первыя 25 лѣтъ его существованія. Москва, 1893 г. 72 in 8.

Жукъ, В. Н. Дитя. Дневникъ матери. Альбомъ для записи наблюденій надъ физическимъ развитіемъ ребенка въ первые три года жизни. Спб., 1892 г. 162 in 8.

Шкловскій, А. Л. Очеркъ современнаго политическаго состоянія Турціи. Елисаветградъ, 1893 г. Ц. 15 к. 36 in 8.

Czesky Lid.

Комовъ, А. А. Атласъ къ систематическому задачнику по техническому проэкціонному черченію. Выпускъ I. Воронежъ, 1893 г. in. 4.

Комовъ, А. А. Систематическій задачникъ по техническому проэкціонному черченію. Вып. I. Тѣла вращенія. Воронежъ. 1893 г. Ц. 80 к. 39 in 8.

Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Т. VII. Сарапульскій уѣздъ. Т. VIII. Глазовскій уѣздъ. Вятка, 1892 г. in 8.

Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губ. Вып. III и IV. Изд. вятскаго губернскаго земства. Вятка, 1891—1892 г. in 8.

Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Т. VII. Сарапульскій уѣздъ. Часть II-я. Подворная опись. Изд. Вятскаго губернскаго земства. Вятка, 1892 г. in 8.

Эсхилъ. Прометей въ оковахъ. Драма, пер. Л. Н. Дурдуфи. Одесса, 1893 г. 53 in 8.

Свѣтловъ, П. Пророческіе или вѣщіе сны. Апологетическое изслѣдованіе въ области библейской психологіи. Кіевъ, 1893 г. 212 in 8.

Собѣстіанскій, И. М. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко - критическое изслѣдованіе. Харьковъ, 1892 г. 335+XII in 8.

Радецкій, С., и Соколовъ, В. Римскіе писатели въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода. Часть I. Прозаики. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. XXX+545 in 8.

Сербскій, Вл. По поводу проекта организаціи земскаго попеченія о душевно-больныхъ Московской губерніи. Отвѣтъ на возраженія П. И. Якобія. Москва, 1893 г. Ц. 30 к. 26 in 8.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть I. Томъ III. Письма 1851—1860 годовъ. Москва, 1892 г. Ц. 2 р. XXIV+153 in 8.

Звѣревъ, Ст. Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. Воронежъ, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. in 8.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. X. Изд. К. К. Банза. Москва, 1893 г. Ц. 40 к in 8.

Масловичъ, Н. Житейскіе напѣвы. Куплеты, напѣвы, сцены, переводы. Изд. 2-е, значительно дополненное. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к. VI+275 in 16.

Леопарди, Джакомо. Стихотворенія (полное собраніе), съ предисловіемъ и примѣчаніями. Пер. В. Ф. Помянъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. IX+161 in 8.

Гарбель, А. Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 60-й. Москва, 1893 г. Ц. 40 к. in 8.

Фонъ-Аминторъ, Г. За правду и честь женщины. Соната противъ „Крейцеровой сонаты" Л. Н. Толстаго. Пер. М. Калмыкова. Спб., 1893 г. Ц. 50 к. 106 in 8.

Ѳедоровъ, Д. В. Изъ прошлаго и настоящаго. Повѣсти, очерки и святочные разсказы. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к. 329 in 8.

Пашковъ, I. И. Сила природы. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. 28 in 8.

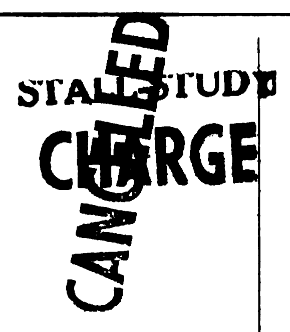
Германъ, И. Е. Исторія межевого законодательства отъ уложенія до генеральнаго межеванія (1649 — 1765). Москва, 1893 г. Ц. 3 руб. 380 in 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Редакція журнала „Русская Мысль“ доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что нѣкоторая задержка въ разсылкѣ январьской книжки происходитъ отъ того, что приложенія къ ней печатаются вновь, такъ какъ число новыхъ подписчиковъ превысило отпечатанное количество экземпляровъ.


CHARGE
CANCELLED